Весь

КЛАРК

КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

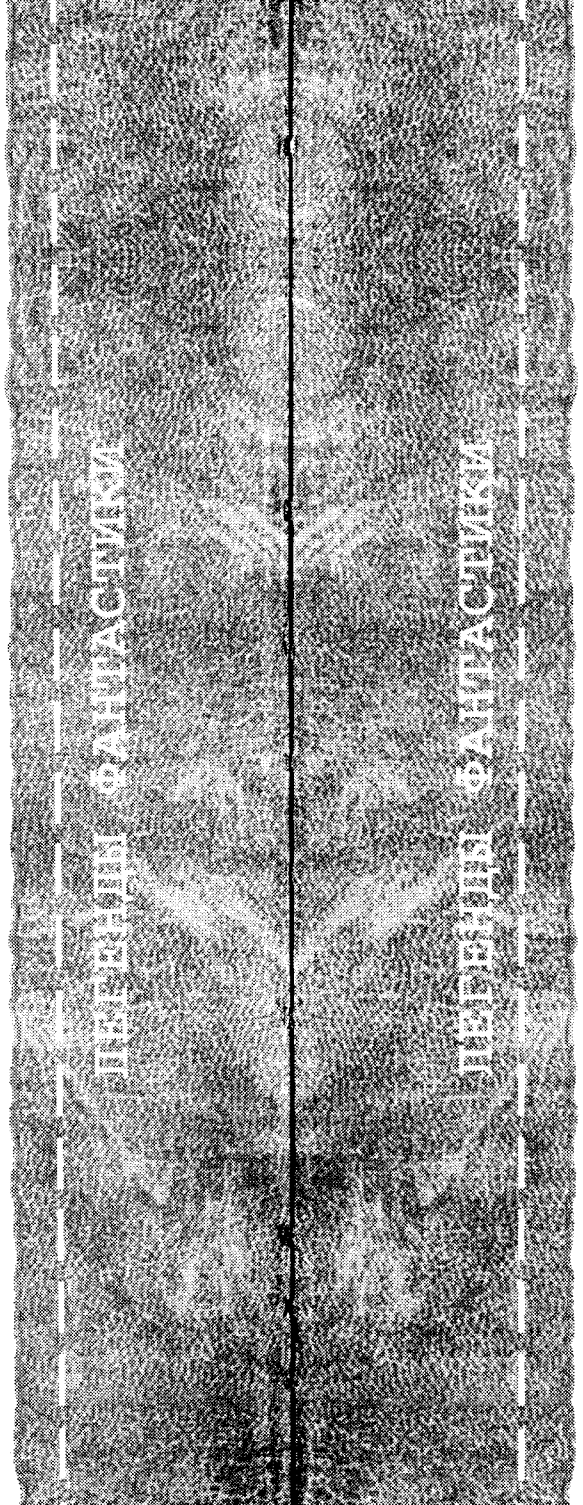
Весь

КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ
СВИДАНИЕ С РАМОЙ
ФОНТАНЫ РАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ
ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ИМЕН БОГА
КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ

Артур

КЛАРК

КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

Arthur C. Clarke
The Collected Stories
Vol. 2

Copyright © Arthur C. Clarke, 2001
This edition published by arrangement
with David Higham Associates Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Кларк А.
К 47 Колыбель на орбите / Артур Кларк. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 768 с. — (Весь Кларк).

ISBN 978-5-699-46119-6

Артур Кларк, писатель и сценарист, исследователь и изобретатель, футуролог и провидец, который сам себя предпочитал называть «экстраполятором»... Чем бы ни занимался на своем веку этот талантливый англичанин, плоды его одухотворенного труда неизменно становились достоянием всего человечества. Вот так и проза Кларка, принесшая ему славу одного из лучших фантастов, украсила собой мировую литературу.

В этот том вошли рассказы, написанные с 1953 по 1999 год. Часть из них на русском языке публикуется впервые.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Александров Б., Баканов В., Голант В., Гольдич В., Гурова И., Данилов Ю., Дмитриев Г., Жданов Л., Корчагин Г., Новиков А., Оганесова И., Плешков К., Почиталин И., Щекотова Л., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-46119-6

— Интересная теория,— заметил Арнольд,— не пойму только, как ты намерен ее доказать.

Они миновали самый крутой участок подъема, и Уэбб чересчур запыхался, чтобы ответить сразу.

— Я и не пытаюсь,— сказал он, восстановив наконец дыхание.— Я просто рассматриваю ее следствия.

— Например?

— Что ж, давай рассуждать логично и посмотрим, к чему это нас приведет. Помни: наше единственное допущение состоит в том, что Вселенная бесконечна.

— Верно. Я лично и не представляю, как может быть иначе.

— Прекрасно. Это означает, что должно существовать бесконечное множество звезд и планет. Таким образом, по законам вероятности любое возможное событие должно произойти не просто однажды, но бесконечное число раз. Верно?

— Думаю, да.

— В таком случае должно существовать бесконечное множество планет, точно таких же, как Земля, на каждой из которых есть Арнольд и Уэбб, поднимающиеся на этот холм точно так же, как мы сейчас, и произносящие те же самые слова.

— В это довольно-таки трудно поверить.

— Знаю, что подобная мысль всерьез ошеломляет — но такова суть бесконечности. Меня же, однако, интересует идея о существовании иных Земель, которые не в точности такие же, как наша. Земель, где Гитлер выиграл войну и сва-

---

© Перевод К. Плешкова.

стика развевается над Букингемским дворцом; Земель, где Колумб никогда не открывал Америку; Земель, где Римская империя просуществовала до нашего времени. В общем, Земель, где даны ответы на все «что, если бы» историков.

— Если уж возвращаться к самому началу, то можно, наверное, говорить и о той Земле, где обезьяночеловек, который должен был стать нашим общим праотцем, свернул шею, прежде чем завел детей.

— Именно. Но давай говорить о мирах, которые мы знаем,— мирах, где есть мы, поднимающиеся на этот холм этим весенним утром. Представь себе все наши отражения на миллионах иных планет. Некоторые из них точно такие же, но должны существовать и любые вариации, не нарушающие законов природы.

Наверняка мы носим там любую одежду, какую можно только себе представить,— или вообще никакой. Здесь светит Солнце, но на бесчисленных миллиардах иных Земель может быть иначе. На многих из них не весна, а зима или лето. Но давай представим себе более существенные отклонения.

Мы намерены подняться на этот холм и спуститься с другой его стороны. Однако подумай, что может с нами случиться в последующие пять минут. Сколь бы немыслимым это ни казалось, оно может произойти — если только подобная вероятность существует в принципе.

— Понимаю,— медленно проговорил Арнольд, воспринимая услышанное с явной неохотой; на его лице отразилось легкое беспокойство.— В таком случае, полагаю, где-то ты упадешь замертво от разрыва сердца, едва сделав следующий шаг.

— Только не в этом мире,— рассмеялся Уэбб.— Я уже это опроверг. Возможно, это тебе не повезет.

— Или, допустим,— сказал Арнольд,— меня окончательно достанет этот разговор, я вытащу пистолет и пристрелю тебя.

— Вполне возможно,— согласился Уэбб,— если не считать моей абсолютной уверенности в том, что на этой Земле у тебя его нет. Не забывай, однако, что в миллионах альтернативных миров я успею выстрелить раньше.

Тропа извивалась по лесистому склону, и по обе стороны ее густо росли деревья. Воздух приятно освежал. Стояла такая тишина, словно природа сосредоточила все силы на том, чтобы восстановиться после причиненных зимой разрушений.

— Интересно,— продолжал Уэбб,— насколько невероятным должно быть событие, прежде чем оно станет невозможным? Мы упоминали некоторые из них, но они не полностью фантастичны. Здесь мы находимся в английской сельской местности и идем по прекрасно известной тропе. Однако в какой-то вселенной наши — как бы их назвать — близнецы, повернув за угол, могут встретить что угодно, абсолютно все, доступное воображению. Ибо, как я сказал вначале, если космос бесконечен, в нем должны осуществляться любые возможности.

— В таком случае,— рассмеялся Арнольд, хотя смех его прозвучал не столь беспечно, как ему бы хотелось,— мы вполне можем наткнуться на тигра или еще что-нибудь такое же малоприятное.

— Конечно,— живо подхватил Уэбб.— Если это возможно, оно должно с кем-то случиться, где-то во Вселенной. Так почему бы и не с нами?

Арнольд фыркнул.

— Это уже становится несерьезным,— возразил он.— Давай лучше поговорим о чем-нибудь более осмысленном. Если мы не встретим тигра за этим углом, я считаю твою теорию опровергнутой и меняю тему.

— Не говори глупости,— усмехнулся Уэбб.— Это ничего не опровергнет. Ты никак не сможешь...

То были его последние слова. На бесконечном множестве Земель бесконечное множество Уэббов и Арнольдов встретило тигров — настроенных дружелюбно, враждебно или без-

различно. Но эта Земля не была одной из них — здесь вероятное дышало в самую спину возможному.

Конечно, не было ничего непостижимого в том, что за ночь подмоченный дождем склон холма провалился внутрь, открыв громадную расщелину. Что же касается твари, с немалым трудом выкарабкавшейся оттуда... В действительности она выглядела не более невероятной, чем гигантский спрут, боа-констриктор или хищный ящер из джунглей юрского периода. Ее существование находилось на грани законов зоологии — и тем не менее не нарушало их.

Уэбб оказался прав. В бесконечном космосе где-то могло произойти что угодно — включая то, что, к великому несчастью, случилось с ними. Ибо тварь была голодна — очень голодна,— и для любой из шести ее распахнутых пастей что тигр, что человек были пусть и маленьким, но лакомым кусочком.

Концепция существования любой возможной вселенной, конечно, не нова, но недавно она была изощренным образом пересмотрена физиками-теоретиками (я усвоил это в той мере, в какой могу понять, о чем они вообще говорят). Ее также связывают с так называемым антропным принципом, который в настоящее время основательно тревожит космологов. (Смотри «Антропный космологический принцип» Типлера и Барроу. Даже если вам придется пролистать множество страниц заумных рассуждений, некоторые мысли, затерянные между ними, захватывают и заставляют задуматься.)

Антрописты указывают на определенное своеобразие нашей Вселенной. Многие фундаментальные физические константы — которым, как представляется, Бог мог бы присвоить любые значения, какие Ему бы понравились,— в действительности очень точно настроены на создание единственной в своем роде Вселенной, делающей возможным наше существование. Несколько процентов отклонения в любую сторону, и нас бы не было.

Одно из объяснений этой загадки состоит в том, что на самом деле все остальные возможные вселенные существуют в реальности (где-то далеко, но существуют), однако, разумеется, большинство из них лишены жизни. Лишь в бесконечно малой части космоса имеют место параметры, при которых может существовать материя, могут формироваться звезды — и в конечном счете может возникать жизнь. Мы здесь потому, что нас не может быть больше нигде.

Но все эти иные миры где-то существуют, так что мой рассказ может оказаться неприятно близок к правде. К счастью, мы вряд ли когда-либо сумеем в этом убедиться.

Надеюсь...

Когда вспыхнул свет в зале, казалось, еще громыхали раскаты взрыва последней атомной бомбы. Долгое время никто не шевелился, потом помощник продюсера невинно поинтересовался:

— Ну, Р. Б., что вы об этом думаете?

Пока Р. Б. извлекал свою тушу из кресла, его помощники напряженно выжидали, в какую сторону подует ветер. Все заметили, что сигара босса погасла. А ведь такого не произошло даже на предварительном просмотре «Унесенных ветром»!

— Мальчики,— восторженно произнес босс,— это полный отпад! Во сколько, говоришь, обошелся нам фильм, Майк?

— В шесть с половиной миллионов, Р. Б.

— Почти задаром. Вот что я вам скажу: я съем всю пленку до последнего метра, если сборы с него не переплюнут «Кво Вадис».— Он повернулся со всей возможной для такого толстяка скоростью к человечку, все еще сидящему в заднем ряду кинозала: — Вылезай, Джо! Земля спасена! Ты видел все космические фильмы. Как наш смотрится по сравнению с ними?

Джо с откровенным нежеланием поднялся.

— Тут и сравнивать нечего,— сказал он.— Он держит в напряжении не хуже «Твари», зато не имеет того дурацкого прокола, когда зритель в конце узнает, что монстр был человеком. Единственный фильм, который хоть немного приближается к нашему по уровню,— это «Война миров». Некоторые из эффектов в нем почти столь же хороши, но у

© Перевод А. Новикова.

Джорджа Пэла, разумеется, не было объемного изображения. А это решающее различие! Когда рухнул мост через Золотые Ворота, мне показалось, что опора сейчас свалится на меня!

— А мне больше всего понравился тот момент,— вставил Тони Ауэрбах из отдела рекламы,— когда Эмпайр-стейтбилдинг раскололся пополам. Как думаете, его владельцы не предъявят нам иск?

— Конечно нет. Никому и в голову не придет, что какое-то здание устоит перед — как там они назывались в сценарии? — городоломом. И в конце концов, мы ведь стерли в порошок весь Нью-Йорк. Ух... помните ту сцену, когда в Голландском туннеле обвалился потолок! В следующий раз поеду на пароме.

— Да, это получилось очень хорошо — почти слишком хорошо. Анимация превосходная. Как ты это сделал, Майк?

— Профессиональный секрет,— ответил гордый продюсер.— Но приоткрою вам кусочек тайны. Очень многие кадры — настоящие.

— Что?

— О, поймите меня правильно! Это не значит, что мы снимали натуру на Сириусе-Б. Но в Калифорнийском технологическом для нас изготовили микрокамеру, и мы ею снимали пауков. Лучшие кадры пошли в монтаж, и теперь вы не сразу отличите, где кончается микросъемка и начинаются полномасштабные павильонные кадры. Поняли теперь, почему я настоял на том, чтобы инопланетяне были пауками, а не осьминогами, как сперва было в сценарии?

— Для рекламы это очень удачно,— сказал Тони.— Но одно обстоятельство меня, однако, тревожит. Так, сцена, где монстры похищают Глорию... не кажется ли вам, что цензоры?.. Ведь мы сняли все так, что создается впечатление...

— Не волнуйся! Именно это зрители и должны подумать. А уже в следующем эпизоде им становится ясно, что на самом деле они ее похитили для вскрытия, так что все в порядке.

— Это будет фурор! — прорычал Р. Б., и глаза его заблестели, точно он уже видел льющуюся в сейф лавину долларов.— Слушайте, мы вложим еще миллион в рекламу! Я уже вижу плакаты — а ты записывай, Тони, записывай. «ВЗГЛЯНИТЕ НА НЕБО! СИРИАНЦЫ ЛЕТЯТ!» И еще мы сделаем тысячи заводных моделей — представляете, как они будут бегать по улицам на волосатых ногах! Люди любят, когда их пугают, и мы их напугаем. Когда мы закончим рекламную кампанию, никто не сможет смотреть на небо без содрогания! Я на вас полагаюсь, мальчики,— эта картина должна войти в историю!

Он оказался прав. Два месяца спустя «Космические монстры» впервые потрясли публику. Через неделю после одновременной премьеры в Лондоне и Нью-Йорке в Западном полушарии не осталось ни единого человека, хотя бы раз не натыкавшегося на плакат, вопящий: «БЕРЕГИСЬ, ЗЕМЛЯ!», или не рассматривавшего с содроганием фотографии волосатых чудищ, бродящих на тонких многосуставчатых ногах по безлюдной Пятой авеню. В небесах над всеми странами летали, смущая пилотов, замаскированные под космические корабли воздушные шары, а по улицам, сводя с ума старушек, носились механические модели инопланетных захватчиков.

Рекламная кампания прошла блестяще, и фильм, несомненно, еще несколько месяцев не сходил бы с экранов, если бы не произошло совпадение столь же катастрофическое, сколь и непредсказуемое. Когда количество зрителей, падающих в обморок на каждом сеансе, еще оставалось темой для новостей, небеса над Землей внезапно заполнили длинные и тонкие тени, стремительно пронзающие облака...

Принц Зервашни был добродушен, но склонен к вспыльчивости — хорошо известному недостатку его расы. Не было никаких причин полагать, что его нынешняя миссия, то есть установление мирного контакта с планетой Земля, превратится в какую-либо проблему. Правильная тактика сближения была тщательно отработана за те многие тысячелетия,

что Третья галактическая империя медленно расширяла свои границы, поглощая звезду за звездой и планету за планетой. Проблемы возникали редко: действительно разумные расы всегда могут договориться о сотрудничестве, когда у новичков проходит первоначальный шок и они осознают, что не одиноки во Вселенной.

Действительно, человечество всего два-три поколения как вышло из примитивной и воинственной стадии развития, однако это не тревожило главного советника принца, профессора астрополитики Сигиснина II.

— Это типичнейшая культура класса Е,— сказал профессор.— Технически развитая, но морально отсталая. Тем не менее они уже осознали концепцию космических перелетов и вскоре перестанут воспринимать наше появление как событие чрезвычайное. Пока мы не завоюем их доверие, будет достаточно стандартных мер предосторожности.

— Очень хорошо. Передайте посланникам, пусть отправляются немедленно.

К сожалению, «стандартные меры предосторожности» не предусматривали развернутую Тони Ауэрбахом рекламную кампанию, которая как раз подняла инопланетную ксенофобию на неслыханную высоту. Послы приземлились в Центральном парке Нью-Йорка в тот самый день, когда выдающийся астроном — необыкновенно упрямый и потому не поддающийся внешнему влиянию — заявил в широко распространенном интервью, что любые пришельцы из космоса наверняка будут враждебны.

Несчастные послы, направлявшиеся к зданию ООН, добрались лишь до 60-й улицы и наткнулись на толпу. Физический контакт оказался весьма односторонним, и ученые из Музея естественной истории были очень огорчены, когда им почти ничего не осталось для изучения.

Принц Зервашни попытался еще раз, уже в другом полушарии планеты, но новости опередили его послов. На этот раз они были вооружены и достойно постояли за себя, пока их просто-напросто не растоптали, одолев количеством. Но и после этого принц воздерживался от возмездия, и лишь ко-

гда корабли его флота попытались уничтожить ракетами с атомными боеголовками, он отдал приказ предпринять ответные и жесткие действия.

Все завершилось через двадцать минут — гуманно и безболезненно. Затем принц повернулся к советнику и многозначительно произнес:

— Вот и все. А теперь... можете ли вы сказать, в чем заключалась наша ошибка?

Охваченный отчаянием, Сигиснин переплел десятки своих гибких пальцев. Его заставило страдать не только зрелище свежестерилизованной Земли, хотя для ученого уничтожение такого великолепного образца всегда является трагедией. Не менее трагичным стал и крах его научных теорий, а вместе с ними — и его репутации.

— Я не в силах это понять! — пожаловался он.— Разумеется, расы с таким уровнем культуры зачастую подозрительны и нервно реагируют при первом контакте. Но ведь к ним никогда прежде не прилетали существа из космоса, поэтому у них не было повода для враждебности.

— Враждебности?! Да они демоны! Думаю, все они были безумны.— Принц повернулся к капитану, трехногому существу, весьма напоминающему клубок шерсти, балансирующий на трех вязальных спицах.— Корабли флота собраны?

— Да, сир.

— Тогда возвращаемся к Базе на оптимальной скорости. Вид этой планеты меня угнетает.

А на мертвой и безмолвной Земле с тысяч рекламных щитов все еще вопили свои предупреждения плакаты. Изображенные на них злобные инсектоиды не имели никакого сходства с принцем Зервашни, которого, если не считать четырех глаз, можно было легко принять за панду с пурпурным мехом — и который, более того, прилетел с Ригеля, а не с Сириуса.

Но теперь, разумеется, указывать на эти различия было слишком поздно.

Как мне уже доводилось прежде замечать, долгое время никому не удавалось прижать к стенке Гарри Парвиса, признанного краснобая «Белого оленя». В его научных знаниях сомнений не возникало — но где он их набрался? И чем можно оправдать ту фамильярность, с какой он упоминал многих членов Королевского научного общества? Следует признать, что очень многие не верили ни единому его слову. А это уже чересчур, как я недавно и несколько возбужденно заметил Биллу Темплу.

— Ты всегда ни в грош не ставишь слова Гарри,— сказал я ему,— но даже ты не сможешь не признать, что он всех развлекает. А не каждый из нас на такое способен.

— Уж если ты перешел на личности,— взорвался Билл, все еще не в силах смириться с тем, что несколько его совершенно серьезных рассказов некий американский издатель отверг на том основании, что они его не рассмешили,— то давай выйдем, и ты повторишь свои слова.— Он взглянул в окно, заметил, что на улице до сих пор валит снег, и торопливо добавил: — Но не сегодня, а как-нибудь летом, если мы оба окажемся здесь в подходящую среду. Выпьешь еще стаканчик своего неразбавленного ананасного сока?

— Спасибо. Когда-нибудь я попрошу добавить в него джин, лишь бы тебя ошарашить. Наверное, я единственный в «Белом олене», кто может заказать его или отказаться — и отказывается.

На этом наш разговор прервался, потому что вошел объект спора. При обычных обстоятельствах это лишь добавило бы нашему с Биллом противостоянию напряженности,

© Перевод А. Новикова.

но, поскольку Гарри привел с собой незнакомца, мы решили стать пай-мальчиками.

— Привет всем,— сказал Гарри.— Познакомьтесь с моим другом Солли Бламбергом. Лучший мастер по спецэффектам в Голливуде.

— Давай уточним, Гарри,— печально произнес мистер Бламберг голосом, который мог бы принадлежать подвергнутому укоризне спаниелю.— Не в Голливуде. Из Голливуда.

— Тем лучше для тебя,— отмахнулся Гарри.— Сол приехал сюда, чтобы осчастливить своими талантами британскую кинопромышленность.

— А в Англии *есть* кинопромышленность? — встревоженно уточнил Солли.— У нас на студии все о ней говорили как-то с сомнением.

— Разумеется, есть. И даже процветает. Правительство все время повышает налоги на развлечения, что приводит отрасль к банкротству, а затем не дает ей умереть, подпитывая крупными грантами. Просто в этой стране так ведутся дела. Эй, Дрю, где наша книга почетных гостей? И налей нам по двойной. Солли пережил тяжелые испытания, и ему надо подкрепиться.

По-моему, если не считать взгляда как у провинившейся собаки, мистер Бламберг не производил впечатления человека, пострадавшего от чрезвычайных лишений. На нем был аккуратный костюм от «Харта, Шефнера и Маркса», а пристегнутые пуговицами уголки воротничка рубашки заканчивались где-то на середине груди. Это было очень кстати, потому что воротничок скрывал, но, к сожалению, недостаточно, его галстук. Мне стало интересно, в чем же его проблема. О, лишь бы не антиамериканская деятельность, мысленно взмолился я: это снова развяжет язык нашему ручному коммунисту, который в тот момент миролюбиво изучал в уголке ситуацию на шахматной доске.

Мы отозвались на слова Гарри сочувственным хмыканьем, а Джон довольно откровенно намекнул:

— Может, если вы нам все расскажете, вам полегчает? И вообще, нельзя упускать шанс послушать здесь кого-нибудь другого.

— Не скромничай, Джон,— тут же отозвался Гарри.— *Я* пока еще не устал тебя слушать. Да только сомневаюсь, что Солли захочется снова обо всем рассказывать. Верно, старина?

— Угу,— буркнул мистер Бламберг.— Рассказывай *ты*.

(— Я знал, что этим все и кончится,— шепнул мне Джон.)

— А с чего начать? — уточнил Гарри.— С того, как Лилиан Росс пришла брать у тебя интервью?

— С чего угодно, только *не* с этого места,— содрогнулся Солли.— По-настоящему все началось, когда мы снимали первый сериал про «Капитана Зума».

— «Капитан Зум»? — многозначительно переспросил кто-то.— Эти два слова считаются здесь очень грубыми. Только не говорите, что именно *вы* несете ответственность за эту потрясающую чушь!

— Ну-ну, друзья! — примирительно сказал Гарри, выливая масло на бурные волны.— Не надо вести себя слишком сурово. Не можем же мы судить по нашим высоким стандартам буквально всех. И надо же людям чем-то зарабатывать на жизнь? Кроме того, миллионам детей и подростков *нравится* капитан Зум. Уверен, вы не хотите разбить их маленькие сердца — да еще незадолго до Рождества.

— Если им *действительно* нравится капитан Зум, я лучше сверну им нежные шейки!

— Какая выдающаяся сентиментальность! Вынужден извиниться за слова некоторых моих соотечественников, Солли. Напомни, как там назывался первый сериал?

— «Капитан Зум и угроза с Марса».

— Ах да, верно. Кстати, никак не пойму, почему нам вечно грозят именно с Марса? Наверное, все началось со старины Уэллса. Как знать, не нарвемся ли мы в один прекрасный день на крупную межпланетную акцию протеста — если

только не сумеем доказать, что марсиане были столь же грубы по отношению к *нам*.

Я очень рад заявить, что никогда не видел «Угрозу с Марса» («А я видел,— простонал кто-то сзади.— И до сих пор пытаюсь забыть»), но речь сейчас не о сериале как таковом. Его создали три сценариста в баре на бульваре Уилшир. До сих пор никто не может точно сказать, как было дело: сериал получился таким из-за того, что сценаристы были пьяны, или им приходилось непрерывно пить, чтобы не свихнуться из-за «Угрозы». Если это вас смущает, не обращайте внимания. А заботой Солли стали затребованные режиссером спецэффекты.

Во-первых, ему предстояло построить Марс. Солли полчасика полистал «Покорение пространства» и выдал набросок, который плотники быстро превратили в переспелый апельсин, парящий в пустоте и окруженный бесчисленными звездами. Это оказалось легко, зато с марсианскими городами пришлось повозиться. Попробуйте-ка придумать *совершенно чужую* архитектуру, да еще такую, чтобы результат не смотрелся полной нелепицей. Сомневаюсь, что подобное вообще возможно — если здравые мысли и придут в голову, то их уже наверняка где-то на Земле использовали. То, что появилось наконец в студии, было смутно византийским с некоторыми штрихами в духе Фрэнка Ллойда Райта*. Тот факт, что ни одна из дверей никуда не вела, никого не волновал, пока имелось достаточно места для схваток на мечах и всевозможной акробатики, предусмотренных сценарием.

Да-да, схваток на мечах. Вот вам цивилизация, владеющая атомной энергией, лучами смерти, космическими кораблями, телевидением и тому подобными современными удобствами, но когда дело доходит до схватки между капитаном Зумом и злобным императором Клаггом, часы проворно отсчитывают обратно несколько столетий. Вокруг стоит

* Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — американский архитектор, пионер «органической архитектуры», в которой используются природные формы, цвета и текстура. *(Здесь и далее прим. перев.)*

толпа солдат со зловещими на вид лучеметами, но в ход их не пускает. И не только в этой сцене, а почти во всем сериале. Ну иногда пучок искр прожжет капитану Зуму штаны, и все. Я так полагаю, что, раз эти лучи не могут летать быстрее света, он запросто и всегда может их опередить.

Тем не менее эти орнаментированные лучеметы многих довели до головной боли. Забавно наблюдать, как охотно Голливуд гробит массу усилий на мелкие детали фильма, который сам по себе есть полная чушь. У режиссера был пунктик насчет лучеметов. Солли создал для него первую модель, напоминающую помесь базуки с мушкетоном, и был ею весьма доволен, равно как и режиссер — на один день. На следующий день великий человек ворвался в студию, размахивая отвратительным изделием из красного пластика, снабженным кнопками, линзами и рычажками.

— Глянь-ка на это, Солли! — пропыхтел он.— Мой младшенький принес из супермаркета — там проводится кампания по рекламе чипсов. Приносишь десять крышечек от коробок и меняешь на одну игрушку. Черт, да они лучше наших! И они *работают*!

Он нажал на рычажок, из ствола вырвалась струйка воды и улетела через всю студию куда-то за звездолет капитана Зума, где мгновенно погасила сигарету, которой не полагалось там дымиться. Из люка вылез разгневанный рабочий, увидел, кто его окатил, и проворно юркнул обратно, бормоча что-то насчет профсоюза.

Солли обследовал лучемет с некоторым раздражением, но одновременно и взглядом эксперта. Да, оружие действительно выглядело куда более впечатляюще по сравнению со всем тем, что создавал *он*. Солли удалился в свой кабинет, пообещав режиссеру придумать нечто подобное.

Во вторую модель он встроил все подряд, включая телеэкран. Теперь, если капитан Зум замечал нападающего на него хикодерма, ему надо было лишь включить аппарат, подождать, пока прогреются лампы, проверить селектор каналов, произвести точную настройку, навести фокус, покрутить ручки вертикальной и горизонтальной развертки — и на-

жать на спуск. К счастью, капитан обладал невероятно быстрой реакцией.

Режиссер был впечатлен, и вторая модель пошла в производство. Ее слегка измененный вариант тиражировали для вооружения дьявольских когорт императора Клагга. Нехорошо, разумеется, если обе стороны вооружены одинаковым оружием. Я ведь уже упоминал, что «Пандемик продакшнз» славилась проработкой деталей.

Все шло хорошо до первых сражений и даже после них. Когда актеры играли — если их действия можно так назвать,— они лишь наводили оружие и нажимали на спусковой крючок, словно оружие действительно стреляет. Вспышки и искры потом подрисовывали на негативе два человечка, сидящих в темной комнате, охраняемой не хуже хранилища золотого запаса США. Они проделали хорошую работу, но через некоторое время у режиссера снова проснулась чрезмерно развитая совесть художника.

— Солли,— сказал он, поигрывая красным пластиковым чудовищем,— Солли, мне нужно оружие, которое что-то *делает*.

Солли успел вовремя присесть, и струя воды промчалась над его головой и окрестила фотографию Луэллы Парсонс.

— Но не собираетесь же вы переснимать все заново! — взвыл Солли.

— Не-е-е-ет,— протянул режиссер с откровенным сожалением.— Придется работать с тем, что уже снято. Но все равно это *смотрится* как-то фальшиво.— Он пролистал лежащий на столе сценарий и просиял: — Вот! На следующей неделе начнем снимать серию пятьдесят четыре — «Рабы людей-улиток». Так вот, у людей-улиток должно иметься оружие, и вот чего я от вас хочу...

С третьей моделью Солли пришлось изрядно повозиться. (Я еще не пропустил очередную модель? Хорошо.) Мало того что она должна была иметь совершенно иную конструкцию и внешность, так ей еще полагалось и *что-то делать*. Она стала вызовом его изобретательности; однако, если процитировать профессора Тойнби, то был вызов, породивший соответствующий отклик.

В третью модель было заложено хитроумное инженерное решение. К счастью, Солли был знаком с изобретательным техником, и прежде помогавшим ему в подобных случаях, так что реальной движущей силой оказался именно он. («И еще какой!» — угрюмо вставил мистер Бламберг.) В оружии был использован принцип воздушной струи, создаваемой маленьким, но очень мощным электрическим вентилятором, в струю же вдувался очень мелкий порошок. Хорошо настроенное оружие выстреливало весьма впечатляющий луч и производило не менее впечатляющий шум. Актеры настолько боялись выстрелов, что их игра обрела значительный реализм.

Режиссер был восхищен... целых три дня. Потом его одолело ужасное сомнение.

— Солли,— сказал он.— Эти чертовы лучеметы *слишком* хороши. Люди-улитки просто разделают капитана Зума под орех. Мы обязаны снабдить его оружием получше.

Вот тогда-то Солли и понял, во что влип. Он завяз в гонке вооружений.

Так вот, какая там по счету следующая модель — четвертая, верно? Как же она работала... а, вспомнил. То была старая добрая кислородно-ацетиленовая горелка, в пламя которой впрыскивались различные химикаты, что создавало великолепные оттенки цвета. Забыл упомянуть, что начиная с пятидесятой серии — «Обреченные на Деймосе» — студия перешла с черно-белой продукции на «Мутноколор», поэтому возникли большие возможности по работе с цветом. Вдувая в пламя горелки соли меди, стронция или бария, можно было получить любой желаемый цвет.

Если вы подумали, что к тому времени режиссер был удовлетворен, то вы не знаете Голливуда. Пусть некоторые циники и сейчас ухмыляются, когда на экране появляется девиз «Ars Gratia Artis»*, но подобное отношение, как я вынужден

* Искусство ради искусства *(лат.)*.

признать, не соответствует фактам. Разве такие ископаемые, как Микеланджело, Рембрандт или Тициан, тратили столько времени, усилий и денег в погоне за совершенством, сколько тратит «Пандемик продакшнз»? Сомневаюсь.

Не стану притворяться, будто помню все модели, созданные Солли и его изобретательным другом-инженером. Было оружие, выстреливающее поток цветных колечек дыма. Был генератор высокой частоты, выдававший огромные, но вполне безобидные искры. Был даже *изогнутый* луч, созданный на основе подсвеченной изнутри струи воды,— он особенно впечатляюще смотрелся в темноте. И наконец появилась модель двенадцать.

— Модель тринадцать,— поправил Бламберг.

— Ну конечно — какой же я болван! Разве мог у нее быть *иной* номер! Модель тринадцать нельзя было назвать оружием портативным — хотя некоторые другие модели назвать портативными мог лишь человек с богатым воображением. По сценарию, это дьявольское устройство предполагалось установить на Фобосе для уничтожения Земли. Хоть Солли и объяснял мне заложенные в модель научные принципы, я так и не смог в них разобраться... Но кто я, однако, такой, чтобы тягаться интеллектом с капитаном Зумом? Могу лишь сказать, что этому лучу полагалось сделать и как. Он должен был начать цепную реакцию связывания азота и кислорода в атмосфере нашей несчастной планеты — со всеми вытекающими и жуткими для земной жизни последствиями.

До сих пор не знаю, радоваться или огорчаться тому, что создавать легендарную модель тринадцать Солли полностью поручил своему талантливому ассистенту. Я долго расспрашивал Солли, но он помнит лишь, что в высоту штуковина была около двух метров и выглядела как гибрид двухсотдюймового телескопа с зенитной пушкой. Не очень-то много, верно?

Еще он говорил, что чудовище было напичкано радиолампами и имело внутри мощный электромагнит. А создавать оно должно было безопасную, но впечатляющую электрическую дугу, которой с помощью магнита придавали всевозможные интересные формы. *Так,* во всяком случае, утверждал изобретатель, а сомневаться в его словах у меня нет никаких оснований.

Так уж вышло — как потом выяснилось, к счастью,— что Солли не был в студии, когда испытывали модель тринадцать. К его великому сожалению, в тот день ему пришлось уехать в Мексику. Ну скажи, Солли, разве тебе не повезло?! После полудня он ждал звонка от своего друга со студии, но, когда друг позвонил, Солли услышал от него вовсе не то, что ожидал.

Испытание модели тринадцать прошло, мягко говоря, весьма успешно. Что в точности произошло, не понял никто, но каким-то чудом никто не погиб, а соседние павильоны пожарникам удалось спасти. Невероятно, но факт: модель тринадцать должна была испускать фальшивые «лучи смерти», а оказалось, что она выдает настоящие. *Нечто* вырвалось из проектора и прошило стену студии, словно ее там не было. И в самом деле, мгновение спустя часть стены действительно исчезла, потому что на ее месте появилась внушительная дыра с тлеющими краями. А затем обрушилась крыша...

Так что, если Солли не сможет убедить ФБР, что произошла ошибка, ему лучше оставаться по другую сторону границы. Люди из Пентагона и Комиссии по атомной энергии до сих пор ковыряются среди обломков...

А как бы вы поступили на месте Солли? Он невиновен, но как ему это доказать? Возможно, он и рискнул бы вернуться и постоять за себя, но вовремя вспомнил, что как-то принял на работу человека, проводившего во время выборов 1948 года кампанию по поддержке Генри Уоллеса, а за *такое* у него могут потребовать объяснения. К тому же Солли порядком надоел капитан Зум. И вот он здесь. Никто не знает британскую киностудию, где для него отыщется местечко? Но только, пожалуйста, для съемок исторических фильмов. Теперь он не прикоснется ни к какому оружию современнее арбалета.

Где-то на свободе бродил убийца. В девятистах километрах от побережья Гренландии вертолетный патруль заметил покачивавшийся на волнах огромный труп, вокруг которого расплывалось кровавое пятно. За несколько секунд была приведена в действие сложная система тревоги; специалисты рисовали круги и передвигали фишки по карте Северной Атлантики... А Дон Берли, все еще протирая глаза спросонья, безмолвно опускался на глубину в двадцать морских саженей.

Узор из зеленых индикаторов символизировал безопасность. Пока этот узор не менялся, пока ни одна из изумрудных звездочек не становилась рубиновой, с Доном и его крошечной подводной лодкой все было в порядке. Воздух, топливо, энергия — от этой триады зависела его жизнь. Если прекратится подача хотя бы чего-то одного, он опустится в стальном гробу в океанский ил, как случилось с Джонни Тиндаллом в позапрошлом сезоне. Но не было никаких причин для отказа систем; Дон убеждал себя, что случайности, которые можно предвидеть, никогда не происходят.

Наклонившись к маленькой панели управления, он заговорил в микрофон. «Суб-5» находилась достаточно близко к плавучей базе, чтобы поддерживать связь по радио, но вскоре предстояло перейти на ультразвуковой передатчик.

— Курс двести пятьдесят пять, скорость пятьдесят узлов, глубина двадцать, полное покрытие зоны действия сонара... Приблизительное время до цели — семьдесят минут... Буду докладывать каждые десять минут. Конец связи.

С «Германа Мелвилла» сразу же поступило подтверждение, уже ослабленное расстоянием.

© Перевод К. Плешкова.

— Сообщение принято. Доброй охоты. Как там твои морские овчарки?

Дон задумчиво пожевал губу. Возможно, придется действовать одному. Он понятия не имел, где именно в радиусе девяноста километров находятся Сьюзен и Бендж. Подай он знак, они бы последовали за ним, но вскоре отстали бы от лодки. Кроме того, возможно, он направлялся к стае убийц, и меньше всего ему хотелось подвергать опасности своих прекрасно обученных дельфинов. Так подсказывали ему здравый смысл и ответственность. Но кроме того, он очень любил Сьюзен и Бенджа.

— Слишком далеко до цели, и я не знаю, что меня там ждет,— ответил он.— Если прибуду на место и они окажутся в зоне досягаемости, тогда, наверное, и свистну их.

Подтверждение с плавучей базы было едва слышно, и Дон выключил радио. Пора было оглядеться.

Приглушив свет, чтобы более отчетливо видеть показания радара, он надел поляроидные очки и уставился на экран. Именно в такие моменты Дон ощущал себя божеством, способным держать в руках круг Атлантики диаметром в тридцать пять километров и заглядывать в до сих пор неизведанные толщи на три тысячи морских саженей вглубь. Медленно вращающийся луч неслышимого звука обшаривал окружающий мир в поисках друзей и врагов, скрытых вечной тьмой. Писк, слишком высокий даже для слуха летучих мышей, которые изобрели сонар на миллион лет раньше человека, пульсировал в водной ночи, и его слабое эхо возвращалось в виде сине-зеленых вспышек на экране.

За свою долгую практику Дон научился читать их смысл без каких-либо усилий. В трехстах метрах под ним и до самого подводного горизонта простиралось живое покрывало, окутывавшее полмира. Подводные луга поднимались и опускались по мере движения солнца по небу, всегда оставаясь на границе тьмы. Но дальние глубины его не интересовали. Стада, которые он охранял, и враги, которые их атаковали, обитали в верхних слоях океана.

Дон щелкнул переключателем селектора глубины, и луч сонара сосредоточился на горизонтальной плоскости. Мерцающая картина океанской пучины исчезла, но теперь он мог более отчетливо видеть, что находится вокруг в стратосфере океана. Светящееся облако в трех километрах впереди было косяком рыбы; он не был уверен, знает ли о нем база, и сделал запись в журнале. На краю косяка виднелись отдельные крупные вспышки — хищники, преследующие добычу, часть бесконечного круговорота жизни и смерти. Но этот эпизод никак не касался Дона; он искал более крупную дичь.

«Суб-5» двигалась на запад — стальная игла, более быстрая и смертоносная, чем любое другое существо, странствовавшее по морям. Крошечная кабина, освещенная лишь мерцанием огней на приборной панели, слегка подрагивала из-за вращения турбин, отбрасывавших назад воду. Дон посмотрел на карту, размышляя, каким образом враг прорвался на этот раз. В защите Мирового океана до сих пор оставалось множество лазеек, и укрепить ее было жизненно важной задачей. Слабые электрические поля, создававшиеся между расположенными за много километров друг от друга генераторами, не всегда могли удержать на почтительном расстоянии голодных чудовищ.

Они тоже учились. Порой они успевали проникнуть через открытое ограждение вместе с китами и устроить бойню до того, как кто-либо это обнаружит.

Жалобно пискнул приемник дальнего действия, и Дон нажал кнопку «Расшифровка». Передавать речь с помощью ультразвукового луча было непрактично, благодаря чему на море вновь появилась морзянка. Дон так и не научился воспринимать ее на слух, но выползшая из щели бумажная лента избавила его от такой необходимости.

ВЕРТОЛЕТНЫЙ ПАТРУЛЬ ДОКЛАДЫВАЕТ СТАДЕ 50–100 КИТОВ НАПРАВЛЯЕТСЯ КУРСОМ 95 ГРАДУСОВ КООРДИНАТЫ X186475 Y438034 ДВИЖЕТСЯ БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ МЕЛВИЛЛ КОНЕЦ

Дон начал наносить координаты на карту, но тут же увидел, что это ни к чему. На самом краю экрана появилась флотилия едва заметных огоньков. Он слегка подправил курс и двинулся навстречу приближающемуся стаду.

Вертолетчики были правы — киты двигались быстро. Дон ощутил легкое волнение, поскольку это могло означать, что киты спасаются бегством, увлекая убийц в его сторону. Учитывая скорость их перемещения, они могли встретиться через пять минут. Он выключил двигатели, почувствовав, как сопротивление воды быстро останавливает его суденышко.

Дон Берли, словно рыцарь в доспехах, заключенный в маленькую подлодку, находился на пятнадцать метров ниже волн Атлантики и проверял оружие. В такие моменты, перед риском схватки, ему часто приходил в голову один и тот же образ. Он ощущал родство со всеми пастухами, охранявшими стада с начала времен. Он был Давидом среди древних холмов Палестины, бдительно следившим, чтобы горные львы не поживились овцами его отца. Но намного ближе по времени и духу были для него люди, пасшие огромные стада коров на американских равнинах всего несколько поколений назад. Они бы поняли, в чем суть его работы, хоть его орудия и показались бы им чем-то из мира магии. Суть осталась та же, лишь масштабы другие. И ничего, в сущности, не менял тот факт, что животные, которых пас Дон, весили почти сто тонн и путешествовали по бескрайним морским саваннам.

Теперь до стада было меньше трех километров, и Дон ограничил движение луча сонара сектором впереди. Изображение на экране изменилось, превратившись в похожий на веер клин, по которому ходил туда-сюда ультразвуковой луч; теперь Дон мог сосчитать каждого кита в стаде и даже примерно оценить его размеры. Наметанный глаз начал высматривать отставших.

Дон так и не смог объяснить себе, чем вдруг привлекли его внимание четыре эха у южного края стада. Да, они держались слегка в стороне от остальных, но были и другие, ко-

торые отстали не меньше. Когда человек достаточно часто смотрит на экран сонара, у него появляется некое шестое чувство, которое позволяет извлечь из движущихся по экрану пятнышек несколько больше информации, чем кажется на первый взгляд. Почти бессознательно Дон потянулся к приборам, чтобы запустить турбины. «Суб-5» едва стронулась с места, когда в корпус отдались три тяжелых удара, словно кто-то стучал в дверь, желая войти.

— Будь я проклят,— пробормотал Дон.— Ты-то здесь откуда?

Ему даже не требовалось включать телевизионный экран — сигнал Бенджа он бы не спутал ни с чем. Дельфины, видимо, были где-то неподалеку и заметили его еще до того, как он подал охотничий призыв. В тысячный раз он восхитился их умом и преданностью. Забавно, что природа дважды сыграла одну и ту же шутку — на суше с собаками, в океане с дельфинами. Почему эти изящные морские животные испытывали столь теплые чувства к людям, которым мало чем были обязаны? Казалось, род человеческий все же чего-то стоит, раз способен вдохновить на такую бескорыстную преданность.

В течение многих веков было известно, что дельфин, по крайней мере, не глупее собаки и способен выполнять достаточно сложные команды. Эксперимент все еще продолжался, но в случае удачи древнее партнерство между пастухом и овчаркой могло обрести новое воплощение.

Дон включил динамики на корпусе субмарины и заговорил со своими сопровождающими. Большинство издаваемых им звуков непосвященному показались бы бессмысленными; они являлись результатом долгих исследований зоопсихологов из Всемирной продовольственной администрации. На всякий случай он отдал распоряжения дважды, а затем сверился с экраном сонара, убедившись, что Бендж и Сьюзен следуют за ним, как он и велел.

Четыре эха, привлекших его внимание, были теперь отчетливее и ближе, а основная часть китового стада ушла мимо

него на восток. Столкновения он не боялся — огромные животные, даже в панике, ощущали его присутствие с той же легкостью, как и он их, и с помощью подобных же средств. Дон подумал, не включить ли ультразвуковой маяк. Он бы послужил им дополнительным ориентиром. Но его мог услышать и до сих пор неведомый враг.

Сосредоточившись, он склонился над экраном, словно пытаясь усилием воли извлечь из него каждую частицу информации, какую только мог дать сонар. Два больших пятна двигались на некотором расстоянии друг от друга, одно из них сопровождали два спутника поменьше. Дон подумал, что, возможно, уже слишком поздно. Он легко мог представить себе смертельную подводную схватку, происходящую в полутора километрах отсюда. Эти два менее ярких пятнышка могли быть врагами — акулами или касатками,— которые терзали кита, в то время как его испуганный товарищ, не имеющий никакого оружия, кроме мощного хвоста, держался неподалеку.

Теперь Дон уже находился достаточно близко, чтобы видеть все воочию. Телекамера в носу «Суб-5» всматривалась во мглу, но сперва не показывала ничего, кроме туманного облака планктона. Затем в середине экрана начали формироваться большой темный силуэт и два поменьше под ним. Дон видел то, что уже сообщил ему сонар,— более отчетливо, но лишь настолько, насколько позволяло здешнее освещение.

Он почти сразу же понял свою ошибку. Два спутника были детенышами, а не акулами. Впервые в жизни он встретил кита с двумя отпрысками; хотя бывали случаи, когда самка рождала и больше, прокормить она могла лишь двоих, из которых обычно выживал только один, более сильный. Дон с трудом подавил разочарование — ошибившись, он потерял немало времени, и теперь нужно было начинать поиск сначала.

Затем раздался отчаянный стук по корпусу, означавший опасность. Напугать Бенджа было нелегко, и Дон, издав ободряющий возглас, развернул «Суб-5» на сто восемьде-

сят градусов, чтобы обшарить камерой все вокруг. Когда она обратилась в сторону четвертого пятна на экране сонара — которое, как он решил по размерам, было еще одним взрослым китом,— Дон понял, что все-таки нашел то, что искал.

— Господи! — тихо проговорил он.— Не знал, что они бывают такими большими.

Ему доводилось видеть акул и покрупнее, но все они были безобидными вегетарианцами. В этой же он с первого взгляда узнал гренландскую акулу, убийцу северных морей. Обычно они вырастали до десяти метров в длину, но этот экземпляр был больше, чем «Суб-5»,— двенадцать метров от морды до хвоста. Когда он ее заметил, акула уже направлялась к жертве. Как и подобает трусливому созданию, она нацелилась на одного из детенышей.

Дон крикнул, призывая Бенджа и Сьюзен, и увидел, как они вырываются вперед, появившись в поле зрения камеры. Мимоходом подумав о том, почему, собственно, дельфины так ненавидят акул, он убрал руки с приборов, настроив автопилот на цель. Маневрируя столь же проворно, как и любое другое морское существо ее размера, «Суб-5» устремилась к акуле, позволив Дону сосредоточиться на оружии.

Убийца настолько была поглощена охотой, что Бендж застал ее врасплох, протаранив ей голову сразу за левым глазом. Удар для Бенджа, похоже, оказался весьма болезненным: с твердым, как железо, рылом, движимым четвертью тонны мускулов со скоростью девяносто километров в час, не стоило шутить даже самому крупному обитателю морей. Акула описала невероятно крутую дугу, и Дон едва удержался в кресле, когда субмарина резко сменила курс. Если так продолжится дальше, нелегко будет воспользоваться «скатом». Но, по крайней мере, убийца была сейчас чересчур занята другим, чтобы интересоваться детенышем.

Бендж и Сьюзен донимали гигантскую рыбу, словно гончие, хватающие за пятки разъяренного медведя. Они были достаточно проворны, чтобы не угодить в чудовищную пасть, и Дон не мог не восхититься тем, насколько согласованно

они действуют. Когда одному требовалось всплыть, чтобы глотнуть воздуха, второй на минуту отступал до возобновления атаки.

Судя по всему, акула не осознавала, что к ней приближается куда более опасный противник и что дельфины — это лишь отвлекающий маневр. Дона это вполне устраивало; действовать дальше могло оказаться непросто, если только не удастся удерживать постоянный курс хотя бы секунд пятнадцать. В крайнем случае он мог воспользоваться маленькими реактивными торпедами. Если бы он был один и противостоял целой стае акул, он бы наверняка так и сделал. Но это был грубый прием, к тому же существовал способ и получше. Он предпочитал технику рапиры технике ручной гранаты.

Теперь их разделяло всего пятнадцать метров, и расстояние быстро сокращалось. Лучшего шанса могло уже не представиться. Он нажал на пусковую кнопку.

Из-под брюха субмарины вперед устремилось нечто, напоминавшее электрического ската. Дон убавил скорость судна — подходить ближе не было никакой нужды. Маленькое стреловидное подводное крыло шириной всего в метр двигалось намного быстрее, чем субмарина, и могло преодолеть расстояние до цели за считаные секунды. «Скат» тянул за собой тонкий провод, словно некий подводный паук, выпускающий паутину. По этому проводу передавались энергия, приводившая «скат» в движение, и сигналы, направлявшие его к цели. Дон предоставил субмарину самой себе, полностью сосредоточившись на подводном снаряде. «Скат» реагировал на команды столь проворно, будто Дон правил вышколенным рысаком.

Акула заметила опасность меньше чем за секунду до удара; ее сбило с толку сходство снаряда с настоящим скатом, на что и рассчитывали его создатели. Прежде чем маленький мозг хищника успел осознать, что ни один скат себя не ведет так, снаряд сделал свое дело. Стальной дротик, выброшенный с помощью взрывного патрона, вонзился в гру-

бую шкуру акулы, и огромная рыба отчаянно забилась. Дон быстро отплыл назад, поскольку удар ее хвоста мог отшвырнуть его как горошину и даже повредить субмарину. Ему больше ничего не оставалось делать, кроме как подозвать в микрофон своих верных помощников.

Обреченная убийца изгибалась всем телом, пытаясь ухватить зубами отравленный дротик. Дон уже подтянул «скат» обратно в специальный отсек, довольный, что сумел вернуть снаряд невредимым. Без всякого сожаления он наблюдал, как большой рыбой постепенно овладевает паралич.

Та явно слабела, бесцельно плавая взад-вперед, и один раз Дон еле избежал столкновения. Потеряв контроль за плавучестью, умирающая акула всплыла на поверхность. Дон не стал следовать за ней — ждали дела поважнее.

Он нашел самку с двумя детенышами в полутора километрах от места схватки и тщательно их осмотрел. Они нисколько не пострадали, так что не было никакой необходимости вызывать ветеринаров в особой двухместной субмарине, способных справиться с любой китовой напастью — и унять боли в желудке, и провести кесарево сечение. Дон записал номер матери — такие номера ставились сразу за ластами. Детеныши, судя по размерам, родились в этом сезоне и номеров еще не получили.

Некоторое время Дон наблюдал за ними. Их больше ничто не тревожило, и сонар показывал, что все стадо прекратило паническое бегство. Откуда они узнали, что произошло, подумалось Дону; об общении между китами уже многое было известно, но кое-что до сих пор оставалось тайной.

— Надеюсь, старушка, ты оценишь, что я для тебя сделал,— пробормотал он. Затем, еще раз полюбовавшись пятьюдесятью тоннами материнской любви, он сбросил воду из цистерн и всплыл на поверхность.

Океан был спокойным, так что Дон открыл люк и высунул голову из маленькой башенки. Вода плескалась всего в нескольких сантиметрах ниже, и время от времени волна пыталась его захлестнуть. Впрочем, особой опасности это

не представляло, поскольку он сидел в люке так плотно, что служил вполне действенной затычкой.

В пятнадцати метрах от него на поверхности покачивалась длинная стального цвета туша, похожая на перевернутую лодку. Дон задумчиво посмотрел на мертвую акулу, что-то подсчитывая в уме. Тварь подобных размеров вполне могла представлять немалую ценность; если повезет, есть шанс получить двойное вознаграждение. Через пару минут он собирался отрапортовать по радио, а пока наслаждался свежим воздухом Атлантики и синевой неба над головой.

Из глубины выстрелила серая молния и ухнула обратно в воду, осыпав Дона дождем брызг. Бендж всего лишь хотел привлечь к себе внимание; секунду спустя дельфин подплыл к башенке, так что Дон смог дотянуться и погладить его по голове. На Дона смотрели большие умные глаза; было ли это лишь игрой воображения или в их глубине и в самом деле блестели почти человеческие искорки веселья?

Сьюзен, как обычно, осторожно кружила поодаль, пока в ней не взыграла ревность, и она оттолкнула Бенджа в сторону. Дон беспристрастно одарил лаской обоих, извиняясь, что ему нечего им дать. Он решил, что исправит оплошность, как только вернется на «Герман Мелвилл».

— Я снова поплаваю вместе с вами,— пообещал он,— если будете себя хорошо вести.— Он задумчиво потер большую царапину — след от излишней игривости Бенджа — и подумал, не слишком он уже стар для подобных забав.

— Пора домой,— твердо сказал Дон, соскользнул в кабину и захлопнул люк. Внезапно он понял, что очень голоден и надо бы наконец позавтракать. Мало кто в мире больше его заслуживал право на завтрак. Он спас для человечества больше тонн мяса, жира и молока, чем можно себе представить.

Дон Берли был счастливым воином, возвращавшимся домой с битвы в войне, которую человечеству приходилось вести день ото дня. Дон принадлежал к числу тех, благодаря кому призрак голода держался на безопасном отдалении,

призрак голода, угрожавшего людям в прежние времена, но отступившего с тех пор, как на огромных планктонных фермах начали собирать урожаи в миллионы тонн протеина и стада китов подчинились новым хозяевам. После стольких лет человек вернулся в море; пока океаны не замерзнут, он никогда больше не будет голодать...

Прокладывая курс, Дон посмотрел на экран сонара. Он улыбнулся, увидев два пятна рядом с центральной точкой, обозначавшей его суденышко.

— Все верно, ребята. Мы, млекопитающие, должны держаться вместе.

Затем он включил автопилот и откинулся на спинку кресла.

Вскоре Бендж и Сьюзен услышали необычный звук, становившийся то громче, то тише на фоне гудения турбин. Он проникал сквозь толстые стены «Суб-5», и лишь чувствительные уши дельфинов способны его уловить. Но сколь бы умными созданиями они ни были, вряд ли они могли понять, почему Дон Берли совершенно немузыкальным голосом объявлял, что отправляется в последний объезд*...

* «Последний объезд» («The Last Round-Up») — популярная ковбойская песня.

— Но это ужасно! — воскликнул Верховный Ученый.— Неужели ничего нельзя сделать?

— Чрезвычайно трудно, Ваше Всеведение. Их планета на расстоянии пятисот световых лет от нас, и поддерживать контакт очень сложно. Однако мост мы все же установим. К сожалению, это не единственная проблема. Мы до сих пор не в состоянии связаться с этими существами. Их телепатические способности выражены крайне слабо.

Наступила тишина. Верховный Ученый проанализировал положение и, как обычно, пришел к единственно правильному выводу.

— Всякая разумная раса должна иметь хотя бы несколько телепатически одаренных индивидуумов. Мы обязаны передать сообщение.

— Понял, Ваше Всеведение, будет сделано.

И через необъятную бездну космоса помчались мощные импульсы, исходящие от интеллекта планеты Тхаар. Они искали человеческое существо, чей мозг способен был их воспринять. И по соизволению Его величества случая нашли Вильяма Кросса.

Нельзя сказать, что им повезло. Хотя выбирать, увы, не приходилось. Стечение обстоятельств, открывшее им мозг Вильяма, было совершенно случайным и вряд ли могло повториться в ближайший миллион лет.

У чуда было три причины. Трудно указать на главную из них.

Прежде всего местоположение. Иногда капля воды на пути солнечного света фокусирует его в испепеляющий луч.

© Перевод В. Баканова.

Так и Земля, только в несравненно больших масштабах, сыграла роль гигантской линзы, в фокусе которой оказался Билл. Правда, в фокус попали еще тысячи людей. Но они не были инженерами-ракетчиками и не размышляли неотрывно о космосе, который стал неотделим от их существования.

И кроме того, они не были, как Билл, в стельку пьяны, находясь на грани беспамятства в стремлении уйти в мир фантазий, лишенный разочарований и печали.

Конечно, он мог понять точку зрения военных. «Доктор Кросс, вам платят за создание ракет,— с неприятным нажимом произнес генерал Поттер,— а не... э... космических кораблей. Чем вы занимаетесь в свободное время — ваше личное дело, но попрошу не загружать вычислительный центр программами для вашего хобби!»

Крупных неприятностей, разумеется, быть не могло — доктор Кросс им слишком нужен. Но сам он не был уверен, что так уж хочет остаться. Он вообще не был ни в чем уверен, кроме того, что Бренда сбежала с Джонни Гарднером, положив конец двусмысленной ситуации.

Сжав подбородок руками и слегка раскачиваясь, Билл сидел в кресле и, не отрывая глаз, смотрел на блестящий стакан с розоватой жидкостью. В голове — ни одной мысли, все барьеры сняты...

В этот самый момент концентрированный интеллект Тхаара издал беззвучный вопль победы, и стена перед Биллом растаяла в клубящемся тумане. Ему казалось, он глядит в глубь туннеля, ведущего в бесконечность. Между прочим, так оно и было.

Билл созерцал феномен не без интереса. Определенная новизна, разумеется, есть, но куда ему до предыдущих галлюцинаций! А когда в голове зазвучал голос, Билл долго не обращал на него внимания. Даже будучи мертвецки пьяным, он сохранял старомодное предубеждение против беседы с самим собой.

— Билл,— начал голос.— Слушай внимательно. Наше сообщение чрезвычайно важно.

Билл подверг это сомнению на основании общих принципов: разве в этом мире существует что-нибудь действительно важное?

— Мы разговариваем с тобой с далекой планеты,— продолжал дружеский, но настойчивый голос.— Ты единственное существо, с которым мы смогли установить связь, поэтому ты обязан нас понять.

Билл почувствовал легкое беспокойство, но как бы со стороны: трудно было сосредоточиться. Интересно, подумал он, это серьезно, когда слышишь голоса? Не обращай внимания, доктор Кросс, пускай болтают, пока не надоест.

— Так и быть,— позволил Билл.— Валяйте.

На Тхааре, отстоящем на пятьсот световых лет, были в недоумении. Что-то явно не так, но они не могли определить, что именно. Впрочем, оставалось лишь продолжать контакт, надеясь на лучшее.

— Наши ученые вычислили, что ваше светило должно взорваться. Взрыв произойдет через три дня — ровно через семьдесят четыре часа,— и помешать этому невозможно. Однако не следует волноваться — мы готовы спасти вас!

— Продолжайте,— попросил Билл. Галлюцинация начинала ему нравиться.

— Мы создадим мост — туннель сквозь пространство, подобный тому, в который ты смотришь. Теоретическое обоснование его слишком сложно для тебя.

— Минутку! — запротестовал Билл.— Я математик, и отнюдь не плохой, даже когда трезв. И читал об этом в фантастических журналах. Вы имеете в виду некое подобие короткого замыкания в надпространстве? Старая штука, еще доэйнштейновская!

Немалое удивление вызвало это на Тхааре:

— Мы не предполагали, что вы достигли таких вершин в своих знаниях. Но сейчас не время обсуждать теорию. Это нуль-транспортация через надпространство — в данном случае через тридцать седьмое измерение.

— Мы попадем на вашу планету?

— О нет, вы бы не смогли на ней жить. Но во Вселенной существует множество планет, подобных Земле, и мы нашли подходящую для вас. Вам стоит лишь шагнуть в туннель, взяв самое необходимое, и... стройте новую цивилизацию. Мы установим тысячи туннелей по всей планете, и вы будете спасены. Ты должен объяснить это правительству.

— Прямо-таки меня сразу и послушают,— сыронизировал Билл.— Отчего бы вам самим не поговорить с президентом?

— Нам удалось установить контакт только с тобой; остальные оказались закрыты для нас. Не можем определить причину.

— Я мог бы вам объяснить,— произнес Билл, глядя на пустую бутылку перед собой. Она явно стоила своих денег. Какая все-таки удивительная вещь — человеческий мозг! Что касается диалога, то в нем нет ничего оригинального — только на прошлой неделе он читал рассказ о конце света, а вся эта чушь о туннелях и мостах... что ж, неудивительно, после пяти лет работы с этими дурацкими ракетами...

— А если Солнце взорвется,— спросил Билл, пытаясь застать галлюцинацию врасплох,— что произойдет?

— Ваша планета немедленно испарится. Как, впрочем, и остальные планеты вашей системы вплоть до Юпитера.

Билл вынужден был признать, что задумано с размахом. Он наслаждался игрой своего ума, и чем больше думал об этой возможности, тем больше она ему нравилась.

— Моя дорогая галлюцинация,— начал он с грустью.— Поверь я тебе, знаешь, что бы я сказал? *Лучше этого ничего и не придумать.* Не надо волноваться из-за атомной бомбы и дороговизны... О, это было бы прекрасно! Об этом только и мечтать! Спасибо за приятную информацию, а теперь возвращайтесь домой и не забудьте прихватить с собой ваш мост.

Трудно описать, какую реакцию вызвало на Тхааре такое заявление. Мозг Верховного Ученого, плавающий в питательном растворе, даже слегка пожелтел по краям — чего не

случалось со времен хантильского вторжения. Пятнадцать психологов получили нервное потрясение. Главный компьютер в Институте космофизики стал делить все на нуль и быстро перегорел.

А на Земле тем временем Вильям Кросс развивал свою любимую тему.

— Взгляните на меня! — стучал он кулаком в грудь.— Всю жизнь работаю над космическими кораблями, а меня заставляют строить военные ракеты, чтобы укокошить друг друга. Солнце сделает это лучше нас!

Он замолчал, обдумывая еще одну сторону этой «приятной» возможности.

— Вот будет сюрприз для Бренды! — злорадно захихикал доктор.— Целуется со своим Джонни, и вдруг — ТРАХ!

Билл распечатал вторую бутылку виски и с открывшейся ему новой перспективой опять посмотрел в туннель. Теперь в нем зажглись звезды, и он был воистину великолепен. Билл гордился собой и своим воображением — не каждый способен на такие галлюцинации.

— Билл! — в последнем отчаянном усилии взмолился разум Тхаара.— Но ведь не все же люди такие, как ты?

Билл обдумал этот философский вопрос весьма тщательно, правда, насколько позволило теплое розовое сияние, которое почему-то вдруг стали излучать окружавшие его предметы.

— Нет, они не такие.— Доктор Кросс снисходительно усмехнулся.— Они гораздо хуже!

Разум Тхаара издал отчаянный вопль и вышел из контакта.

Первые два дня Билл мучился от похмелья и ничего не помнил. На третий день какие-то смутные воспоминания закопошились у него в голове, и он забеспокоился, но тут вернулась Бренда, и ему стало не до воспоминаний.

Ну а четвертого дня, разумеется, не было.

По единодушному признанию, среди постоянных посетителей «Белого оленя» никто не мог сравниться с Гарри Парвисом в искусстве рассказывать удивительные истории (хотя, на наш взгляд, некоторые из них страдали известными преувеличениями). Не следует, впрочем, думать, что никто не пытался оспаривать это первенство. Бывали случаи, когда кое-кому удавалось даже превзойти Гарри. Быть свидетелем поражения чемпиона всегда, в общем-то, приятно, и, должен признаться, я не без удовольствия вспоминаю, как профессор Хинкелберг одержал победу над Гарри на его же собственной спортивной площадке.

Круглый год в «Белом олене» полно американцев. Подобно завсегдатаям кабачка, это чаще всего ученые или писатели, и в книге посетителей, которую Дрю держит за стойкой, можно найти немало прославленных имен. Нередко такие посетители являются по собственному почину и решаются робко назвать свое имя только при случае. (Как-то раз один весьма застенчивый лауреат Нобелевской премии битый час просидел неопознанным в углу, прежде чем набрался храбрости и сообщил, кто он такой.) Иные же прибывают с рекомендательными письмами. Многих приводят с собой постоянные посетители, а потом бросают их на произвол судьбы.

Профессор Хинкелберг подкатил однажды на огромном «кадиллаке», задняя часть которого весьма смахивала на рыбий хвост. Машину он взял напрокат на Гросвенор-сквер, где их стоит превеликое множество. Одному богу известно, как ему удалось провести такую громадину по переулкам,

© Перевод В. Голанта.

ведущим к «Белому оленю», но, удивительное дело, оба крыла остались целехонькими. Профессор был высокий худой человек с лицом, напоминающим одновременно Генри Форда и Уилбура Райта; такие обветренные, сожженные солнцем лица вызывают в нашей памяти американских пионеров, этих суровых неразговорчивых людей. Впрочем, последняя примета не соответствовала действительности: профессор Хинкелберг говорил как долгоиграющая пластинка, запущенная на 78 оборотов. Не прошло и десяти секунд, как мы уже знали, что он зоолог из колледжа в Северной Виргинии, сейчас в отпуске, занимается изучением планктона по заданию Управления военно-морских исследований, что он без ума от Лондона и даже любит английское пиво, о нас прочел в письме, напечатанном в журнале «Сайенс», но не верил, что мы и впрямь существуем, что Эдлай Стивенсон — парень подходящий, но, если демократы хотят вернуться к власти, им придется импортировать Уинстона*, что ему хотелось бы знать, кой черт испортил все наши телефоны-автоматы и как вернуть гору медяков, которую они проглотили, что кругом пустые кружки и нельзя ли их наполнить, ребята?

Ударная тактика профессора в общем возымела свое действие, но, когда он на миг замолк, чтобы перевести дыхание, я подумал: «Гарри следует быть начеку, не то этот тип переговорит его в два счета». Я взглянул на Парвиса, сидевшего неподалеку от меня,— губы его презрительно морщились. Тогда я уселся поудобнее, чтобы посмотреть, как развернутся события.

Народу в тот вечер собралось довольно много, а потому прошло порядочно времени, прежде чем профессор Хинкелберг был представлен всем. Гарри, который обычно первым спешил познакомиться со знаменитостью, на сей раз упорно держался в сторонке. Но Артуру Винсенту — он исполняет у нас обязанности неофициального секретаря клуба и следит за тем, чтобы каждый расписался в книге для посетителей,— все же удалось загнать его в угол.

* Имеется в виду Уинстон Черчилль.

— Вам, разумеется, найдется о чем поговорить с Гарри,— в приливе невинного энтузиазма сказал Артур профессору.— Вы ведь оба ученые, не так ли? С Гарри случаются самые необычайные вещи. Гарри, расскажите профессору, как вы нашли в своем почтовом ящике кусок урана-двести тридцать пять...

— Я не думаю,— ответил Гарри с некоторой поспешностью,— чтобы профессору, гм... Хинкелбергу хотелось забивать себе голову такими пустячными историями. Уверен, что он и сам может рассказать о многом.

Впоследствии я долго ломал голову над этим ответом. Он не соответствовал характеру Гарри. Обычно, как только представлялась возможность, Парвис делал рывок вперед. Быть может, на этот раз он решил изучить соперника и подождать, когда профессор допустит первую ошибку, чтобы тут же его прикончить. Если так, то он недооценил противника. У него не осталось ни единого шанса. Потому что профессор Хинкелберг стартовал подобно ракете, с ходу набрав максимальную скорость.

— Странно, что вы об этом знаете,— сказал он.— Совсем недавно я действительно столкнулся с удивительным случаем. О таком не напишешь в научной работе, но, кажется, я могу облегчить душу и рассказать вам одну любопытную историю. Кажется, могу, что бывает нечасто из-за этой проклятой секретности. Но к счастью, до сих пор никому не пришло в голову засекретить опыты доктора Гриннела и о них можно говорить.

Насколько мне удалось понять, Гриннел — один из тех ученых, кто пытается объяснить механизмы нервной системы биотоками, то есть явлениями электрическими. Подобно Грею Уолтеру, Шэннону и другим, он начал с того, что создал модели, способные воспроизводить простейшие действия живых организмов. Самым большим его достижением оказалась механическая кошка: она могла ловить мышей и падать на все четыре лапы, когда ее сбрасывали с высоты. Очень скоро, однако, Гриннел стал экспериментировать в

другой области, поскольку открыл явление, названное им нейроиндукцией. Если несколько упростить этот термин, то окажется, что речь идет ни более ни менее как о методе управления поведением животных.

Уже давно известно, что все процессы, происходящие в мозгу, сопровождаются возникновением слабых электрических токов — их научились регистрировать, но подлинная природа этих сложных волновых колебаний все еще не раскрыта. Гриннел и не пытался исследовать ее, слишком уж сложен такой анализ. То, чего он достиг, гораздо проще, хотя и это далось ему нелегко. Он подсоединял регистрирующее устройство к мозгу различных животных, что дало ему возможность составить небольшую «библиотеку» (если так можно выразиться) электрических импульсов, связанных с поведением подопытных животных. Одна форма соответствовала повороту вправо, другая — движению по кругу, третья — состоянию полного покоя и так далее. Интересно, не правда ли? Но Гриннел на этом не успокоился. «Проигрывая» зарегистрированные импульсы, он сумел заставить подопытных животных повторять определенные действия — хотели они того или нет.

Теоретическую возможность этого признает едва ли не каждый невролог. Но из-за чрезвычайной сложности нервной системы в практический успех могли бы поверить очень немногие. К тому же свои первые опыты Гриннел ставил на примитивных животных, которые обладают сравнительно простыми рефлексами.

— Я присутствовал только при одном его эксперименте,— сказал Хинкелберг.— По стеклянной пластине полз крупный полевой слизень, соединенный несколькими тонкими проволочками с контрольной панелью, которой манипулировал Гриннел. На ней было всего две шкалы, но, регулируя, он мог заставить слизня двигаться в любом направлении. Человеку непосвященному опыт показался бы заурядным, но я-то понимал, какие огромные последствия может иметь подобное открытие. Помнится, я сказал Грин-

нелу: «Надеюсь, это адское устройство никогда не будет применено к людям». Я читал книгу Оруэлла «1984» и хорошо представлял себе, что можно было бы сделать с такой вот игрушкой.

Потом дела меня захлестнули, и я не вспоминал обо всем этом примерно год. А за год Гриннел, как видно, значительно усовершенствовал свой прибор и стал работать с более сложными организмами, хотя по чисто техническим соображениям ограничился беспозвоночными. Он разработал серию «приказов», которые умел теперь передавать подопытным животным. Вам может показаться невероятным, что такие разные существа, как черви, улитки, насекомые, ракообразные, подчиняются одним и тем же электрическим командам, однако это все же так.

Не будь доктора Джексона, Гриннел, вероятно, провел бы остаток жизни в своей лаборатории, постепенно поднимаясь по эволюционной лестнице животного царства. Удивительный человек этот Джексон. Вам, конечно, знакомы некоторые его фильмы. Правда, многие считали его не столько ученым, сколько охотником за славой, а в академических кругах к нему относились с недоверием из-за разносторонности его интересов. Он возглавлял экспедиции в пустыню Гоби и в верховья Амазонки, добрался даже до Антарктиды. Из каждой поездки он привозил рукопись очередного бестселлера и несколько километров отснятой кинопленки «Кодахром». Я утверждаю, несмотря на все возражения, что он действительно внес ценный вклад в науку, хотя вклад этот был в известной мере случайным.

Не знаю, как проведал Джексон о работе Гриннела и как уговорил его сотрудничать. Впрочем, он умел убеждать людей. Вероятно, соблазнил Гриннела перспективой крупных ассигнований — надо сказать, члены правлений прислушивались к его мнению. Так или иначе, но с этого времени Гриннел и его работа были окутаны тайной. Ходили слухи, будто он конструирует новый прибор с учетом всех новейших усовершенствований. Когда его об этом спрашивали, он

начинал нервничать, смущался и отделывался общей фразой: «Мы собираемся охотиться на крупную дичь».

На подготовку ушел еще год. Я представляю, что Джексон, который вечно торопился, под конец выходил из себя от нетерпения. Но вот все было готово, и Гриннел исчез со всеми своими ящиками. Куда? Известно было только общее направление — в Африку.

И за всем этим стоял Джексон. Я думаю, он очень старался избежать преждевременной огласки. Естественно — если принять во внимание фантастический характер экспедиции. Мы жадно ловили малейшие намеки и, как нам казалось, поняли, что Джексон хочет с помощью прибора Гриннела провести совершенно уникальную съемку диких животных в естественной среде. Только потом мы узнали, что он ловко обвел нас вокруг пальца. Впрочем, что касается меня, то я всегда относился с недоверием к этим слухам — разве что Гриннелу удалось как-то совместить свой прибор с радиопередатчиком. Мне представлялось маловероятным, что он сумеет прикрепить свои проволочки и электроды к слону, несущемуся в атаку на врага...

Они, разумеется, и сами это понимали. Теперь-то вывод, к которому они пришли, очевиден для всех. Морская вода — хороший проводник. И вовсе они не собирались в Африку, просто вышли на простор Атлантики. В то же время они не лгали нам, это действительно была охота на крупную дичь. Именно так. На самую большую дичь, какая только существует...

Мы никогда не узнали бы о том, что произошло, если б их радист не любил поболтать с приятелем-коротковолновиком, жившим в Штатах. Только его свидетельство позволяет нам восстановить ход событий. Судно Джексона — небольшая яхта, купленная по дешевке и приспособленная для нужд экспедиции,— дрейфовало вблизи экватора, к западу от побережья Африки. Яхта находилась над самым глубоким местом Атлантики. Гриннел «ловил рыбу»; электроды были опущены в пучину, а Джексон, вооружившись кинокамерой, с нетерпением ждал улова.

Они ждали целую неделю. За это время у всех успело испортиться настроение. И вот наконец во второй половине одного совершенно безветренного дня стрелки на приборе Гриннела дрогнули. Что-то попало в сферу действия его электродов.

Принялись постепенно выбирать канат. До этого почти вся команда считала ученых «чокнутыми», но сейчас, когда что-то медленно поднималось из мрачной глубины и наконец достигло поверхности, всех охватило волнение. Кто осудит радиста за то, что он нарушил приказ Джексона, почувствовав острую потребность потолковать с приятелем, сидевшим в полной безопасности на суше?

Не стану расписывать, что предстало их взору. Это сделано до меня рукою мастера. Вскоре после того как мы обо всем узнали, я перелистал «Моби Дика» и нашел нужное место. Я и сейчас могу процитировать его на память. Эти строки я теперь, вероятно, вовек не забуду. Звучат они так:

«...огромная мясистая масса длиною в несколько фарлонгов*, вся какого-то переливчатого желтовато-белого цвета... От центра ее во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и извивающихся, как целый клубок анаконд, и готовых, казалось, схватить без разбору все, что бы ни очутилось поблизости».

Да, Гриннел и Джексон охотились за самым большим и таинственным из живых существ — гигантским кальмаром. Самым большим? Почти наверняка: *Bathyteuthis* достигает тридцати метров в длину, не уступая в этом кашалоту. Впрочем, он не так тяжел, как кашалот, который охотно закусывает кальмаром в обеденный час.

И вот теперь ученым представилась возможность изучать чудовище в таких идеальных условиях, в каких никому еще не доводилось. Похоже, что Гриннел безмятежно занимался дрессировкой твари, а Джексон тем временем в упоении накручивал кинопленку, метр за метром. Им не грозила опасность, хотя кальмар был вдвое больше яхты. Гриннел видел в нем просто еще одного моллюска, которым мог управлять, словно марионеткой, с помощью кнопок и стрелок. Вот он закончит опыт, вернет кальмара назад, в глубину, а тот, уплыв, некоторое время будет чувствовать себя словно пьяница с похмелья.

* Фарлонг — 201 метр.

Чего бы я только не отдал, чтобы заполучить этот фильм! Не говоря уже о научной ценности, в Голливуде на нем можно было бы сколотить целое состояние. Джексон знал, что делает, не так ли? Он правильно оценил возможности прибора Гриннела и использовал его наилучшим образом. То, что произошло потом, случилось не по его вине.

Профессор Хинкелберг вздохнул и отхлебнул добрый глоток пива, словно набираясь сил, чтобы закончить рассказ.

— Нет, уж если кто и виноват, так Гриннел. Вернее, был виноват. Бедняга Гриннел! Видимо, опыт настолько взволновал его, что он пренебрег мерами предосторожности, о которых наверняка помнил бы в лаборатории. Иначе как объяснить, что у него под рукой не оказалось запасного предохранителя, чтобы заменить перегоревший?!

Нельзя особенно винить и *Bathyteuthis*. Думаю, и вы обиделись бы, если бы кому-нибудь вздумалось так помыкать вами. А если бы приказы вдруг перестали поступать и вы снова сделались хозяином самому себе, то уж, конечно, постарались бы оставаться им и впредь. Но что мне хотелось бы знать: продолжал ли Джексон крутить свой фильм до самого конца?

Нет таких тем, которые не обсуждались бы в то или иное время в баре «Белого оленя»,— независимо от того, присутствовали ли там дамы. В конце концов, они приходят сюда на свой страх и риск. Три из них, насколько мне помнится, через некоторое время даже обрели здесь супругов, так что, возможно, рискуют вовсе не они...

Я упоминаю это, чтобы у вас не создалось впечатление, будто все разговоры у нас высокоэрудированные и научные, а вся наша деятельность исключительно мозговая. Хотя шахматы и популярны, дартс и «передай полпенни» также процветают. Некоторые из посетителей приносят с собой литературное приложение к «Таймс», «Субботнее обозрение», «Нью стейтсмен» и «Атлантический ежемесячник», но они же вполне способны незаметно прихватить перед уходом свежий номер «Ошеломляющих псевдонаучных историй».

В полутемных уголках бара совершается также немало сделок. Экземпляры старинных книг или журналов переходят из рук в руки в обмен на астрономические суммы, и почти каждую среду минимум три известных дилера курят за стойкой бара огромные сигары, обмениваясь байками с Дрю. Время от времени взрыв хохота обозначает завершение какого-нибудь анекдота и провоцирует поток нетерпеливых вопросов со стороны других посетителей, не желающих упустить что-либо интересное. Но, увы, деликатность запрещает мне пересказывать здесь любые из этих интереснейших историй. В отличие от большинства вещей на этом острове они не предназначены для экспорта...

К счастью, подобное ограничение не распространяется на рассказы Гарри Парвиса, бакалавра наук (как минимум),

© Перевод А. Новикова.

доктора философии (вероятно) и члена Королевского научного общества (лично я в этом сомневаюсь, хотя подобные слухи и ходили). Ни один из них не заставит залиться краской щеки даже получившей самое деликатное воспитание старой девы, если таковые еще сохранились в наши дни.

Приношу извинения. Это слишком огульное утверждение. Есть у него одна история, которая в некоторых кругах может быть признана несколько дерзкой. И все же не побоюсь пересказать ее здесь, ибо знаю, что вы, дорогой читатель, обладаете достаточной широтой взглядов и не воспримете ее как оскорбление нравов.

Все началось так. Известный обозреватель с Флит-стрит был зажат в углу неким настойчивым издателем, собиравшимся выпустить книгу, на которую возлагал большие надежды. Книга описывала жизнь и нравы декадентского Юга и представляла собой яркий образец прозы в стиле «и тут дом снова содрогнулся, когда термиты прикончили восточное крыло». Ирландия ее уже запретила, но этой чести нынче избегают лишь немногие книги, и выдающейся особенностью такой запрет не назовешь. Однако, если ведущая британская газета достаточно сурово призовет к изъятию из продажи этой книги, она мгновенно станет бестселлером...

Такова была логика издателя, и он шел на любые уловки, лишь бы добиться согласия. Я слышал, как он произнес (очевидно, чтобы успокоить любые угрызения совести у своего приятеля-обозревателя):

— Конечно нет! Если они это поймут, то дальше их развращать уже некуда!

И тут Гарри Парвис, обладающий поразительным умением прислушиваться к десятку разговоров одновременно, чтобы вставить свою фразу в подходящий момент, произнес присущим ему удивительно отчетливым и не терпящим возражений голосом:

— Цензура порождает некоторые весьма трудные проблемы, не так ли? Я всегда доказывал, что имеется обратная зависимость между цивилизованностью страны и ограничениями, налагаемыми цензурой на прессу.

Некий голос с акцентом уроженца Новой Англии вставил из дальнего угла:

— При такой логике получается, что Париж более цивилизованный город по сравнению с Бостоном.

— Совершенно верно,— подтвердил Парвис и, что с ним редко случалось, стал дожидаться ответа.

— Ладно,— мягко произнес некто из Новой Англии.— Я не спорю. Я просто хотел проверить.

— Развивая этот тезис дальше,— продолжил Парвис,— я хочу рассказать об одном изобретении, пока еще не обеспокоившем цензуру... но ждать, несомненно, осталось недолго. Оно было сделано во Франции и пока не пересекло ее границ. Но когда про него узнают все, оно окажет на нашу цивилизацию большее воздействие, чем изобретение атомной бомбы.

Подобно атомной бомбе, оно стало результатом столь же академических исследований. Никогда, джентльмены, не недооценивайте науку. Я вообще сомневаюсь в существовании хотя бы одной области исследований настолько теоретической, настолько удаленной от так называемой (насмешливо) прозы жизни, что в ней никогда не сможет родиться открытие, способное потрясти мир.

Вы наверняка оцените то, что история, которую я сейчас рассказываю, так сказать, вторична. Мне рассказал ее в прошлом году коллега из Сорбонны, где я был на научной конференции. Поэтому имена в ней вымышленные: коллега их упоминал в своем рассказе, но я позабыл.

Профессор... э-э... Жульен — физиолог-экспериментатор в одном из небольших, но довольно известных французских университетов. Возможно, некоторые из вас помнят довольно сомнительный рассказ Хинкелберга — помните, как на той неделе он рассказывал о коллеге, научившемся управлять поведением животных, раздражая их нервную систему электрическим током? Так вот, если в этой истории есть хоть крупица правды — а если честно, то я в этом сомневаюсь,— то весь проект наверняка основывается на идеях, почерпнутых из статей Жульена в «Comptes Rendus».

Однако профессор Жульен никогда не публиковал результаты своих наиболее выдающихся исследований. Когда ученый натыкается на нечто действительно выдающееся, он не торопится протрубить об этом на весь мир. Он терпеливо собирает неопровержимые доказательства — если только не подозревает, что кто-то другой наступает ему на пятки. В таком случае он публикует двусмысленную статью, позволяющую позднее закрепить приоритет, не раскрывая сути открытия в момент публикации. Вспомните знаменитую криптограмму, опубликованную Гюйгенсом после открытия колец Сатурна.

Вы уже наверняка гадаете — что же такое открыл Жульен, поэтому не стану держать вас в неведении. То было попросту естественное продолжение того, чем человек занимался на протяжении последнего столетия. Сперва фотоаппарат подарил нам возможность сохранять изображения. Потом Эдисон изобрел фонограф, и люди овладели звуком. Ныне, имея звуковое кино, мы имеем нечто вроде механической памяти, о которой наши прадеды могли лишь мечтать. Но на этом, само собой, прогресс остановиться не мог. Со временем наука обязана была научиться улавливать и сохранять сами мысли и ощущения, а потом вводить их обратно в мозг, чтобы любой при желании смог заново пережить уже пережитое, причем до мельчайших подробностей.

— Старо! — фыркнул кто-то.— Такое уже описано в «Прекрасном новом мире».

— Все хорошие идеи уже были кем-то придуманы до их осуществления,— сурово заметил Парвис.— Главное же заключается в том, что если Хаксли или другие лишь говорили о чем-то, то Жульен это сделал.

И сделано это было, разумеется, электронно. Всем вам известно, что энцефалограф способен записывать очень слабые электрические импульсы живого мозга — так называемые мозговые волны. Прибор Жульена был усовершенствованной разновидностью этого хорошо известного инструмента. Записывая мозговые импульсы, он умел их и воспроизводить. Звучит просто, не правда ли? Фонограф тоже штуко-

вина нехитрая, но, чтобы его изобрести, потребовался гений Эдисона.

И тут на сцене появляется злодей. Ну, возможно, я употребил слишком сильное слово, ибо ассистент профессора Жульена, Жорж... Жорж Дюпен на самом деле весьма симпатичная личность. Просто, будучи французом с более практичным, по сравнению с профессором, складом ума, он сразу увидел, что на этой лабораторной игрушке можно заработать миллиарды франков.

Для начала предстояло сделать прибор компактным. Французы обладают несомненным умением создавать элегантные вещи, так что через несколько недель работы — и при полной поддержке профессора — Жорж сумел втиснуть «воспроизводящую» часть аппарата в корпус не крупнее телевизора, причем деталей внутри тоже было ненамного больше.

Теперь Жорж был готов к первому эксперименту. Он требовал существенных финансовых затрат, но, как справедливо заметил кто-то, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. И эта аналогия, должен заметить, оказалась весьма подходящей.

Потому что Жорж отправился к знаменитому во Франции гурману и сделал ему интересное предложение. Отвергнуть его великий человек просто не смог бы, ведь оно было уникальным признанием его выдающихся талантов. Жорж терпеливо объяснил, что изобрел прибор для регистрации (он ничего не сказал о записи) ощущений. Поэтому не может ли он, во имя науки и во славу французской кухни, получить привилегию проанализировать эмоции и тончайшие нюансы вкусовых оттенков, возникающие в мозгу мсье барона, когда тот пускает в ход свой непревзойденный талант? Мсье может назвать ресторан, шеф-повара и меню — все будет устроено к его вящему удовлетворению. Разумеется, если мсье очень занят, то другой знаменитый эпикуреец, граф де...

Барон, оказавшийся в некоторых отношениях личностью весьма грубой, произнес слово, отсутствующее в большинстве французских словарей.

— Этот кретин! — взорвался он.— Да его удовлетворит даже английская кухня! Нет, это должен сделать я!

И он немедленно сел составлять меню, а Жорж торопливо прикидывал стоимость блюд и гадал, выдержит ли его банковский счет такое напряжение...

Интересно было бы узнать, что думали обо всей этой затее шеф-повар и официанты. Барон, сидя за своим любимым столиком, отдавал должное своим любимым блюдам, не обращая ни малейшего внимания на множество проводов, тянущихся от его головы к стоящей в углу и зловещей на вид машине. Других посетителей в ресторане не было, потому что в преждевременной огласке Жорж нуждался меньше всего, и это обстоятельство добавило существенную сумму к уже и без того ошеломляющей стоимости эксперимента. Ему оставалось лишь надеяться, что результат их оправдает.

И он оправдал. Разумеется, доказать это можно было единственным способом — воспроизведя сделанную «запись». Тут нам придется поверить Жоржу, поскольку, как, увы, всем нам слишком хорошо известно, словами подобные ощущения пересказать невозможно. Барон оказался истинным гурманом, а не тем, кто лишь заявляет, будто владеет умением, каковым не обладает. Помните слова Тюрбера: «Всего лишь наивное домашнее бургундское, но, думаю, вы восхититесь его самонадеянностью». Барону хватило бы одного глотка, чтобы распознать, домашнее ли оно,— но если бы вино оказалось достаточно самонадеянным, он воздал бы ему должное.

Полагаю, Жорж окупил каждый вложенный в эту запись франк, хотя и не намеревался делать ее лишь для домашнего употребления. Она открыла для него новые миры и сделала более ясными идеи, зарождающиеся в его изобретательном мозгу. Последние сомнения отпали: все неописуемые ощущения, испытанные бароном на том лукулловом пиру, были уловлены и записаны, и теперь любой, даже совсем неопытный в подобных делах человек, мог насладиться ими в полной мере. Причина тому проста. Видите ли, запись улав-

ливала исключительно эмоции; мыслительный процесс не затрагивался вовсе. Барону потребовалась целая жизнь упорных тренировок, пока он научился переживать подобные ощущения, но, едва они оказались записаны, любой, даже тот, кто в реальной жизни вовсе не обладал чувством вкуса, мог черпать из этого источника наслаждений.

Представьте сами, какие сияющие просторы открылись перед Жоржем! Ведь есть и другие блюда, другие гурманы. Можно собрать коллекцию впечатлений от дегустации всех вин Европы — да за нее знатоки выложат любые деньги! И когда будет откупорена последняя бутылка редкого вина, заключенное в ней наслаждение сохранится и, подобно имени Мельбы*, переживет века. Ибо, в сущности, важно не вино само по себе, а порождаемые им ощущения...

Так мечтал Жорж. Но это, и он прекрасно сознавал это, всего лишь начало. Французы придерживаются логики, которую я нередко подвергаю сомнению, но в случае с Жоржем никаких сомнений не возникало. Несколько дней он посвятил размышлениям, а затем отправился навестить свою petit dame.

— Ивонна, ma ch̨éri,— сказал он,— у меня к тебе несколько необычная просьба...

Гарри Парвис знал, когда надо сделать паузу, и, повернувшись к бару, сказал:

— Еще один скотч, Дрю.

Никто не произнес и слова, пока перед ним не поставили новый стакан.

— Так вот,— продолжил наконец Парвис,— эксперимент, при всей его необычности даже для Франции, завершился успешно. Проводился он, как того требовали благоразумие и обычай, поздно ночью. Вы уже наверняка поняли, что Жорж был личностью настойчивой, хотя я сомневаюсь, что мадемуазель пришлось долго уговаривать.

* Мельба Нелли (Хелен Портер Митчелл, 1861–1931) — австралийская оперная певица, чье имя вошло в названия некоторых блюд.

Успокоив ее любопытство искренним, но торопливым поцелуем, Жорж выпроводил Ивонну из лаборатории, бросился к аппарату и, затаив дыхание, включил его на воспроизведение. Все получилось превосходно — правда, теперь он уже почти не сомневался в успехе. Более того — но не забывайте, пожалуйста, что я лишь пересказываю вам чужие слова,— записанные ощущения оказались неотличимы от реальности. В тот момент Жоржа охватило нечто вроде религиозного экстаза. Он обладал, вне всяких сомнений, величайшим изобретением в истории. Он не только разбогатеет, но и сделает свое имя бессмертным, ибо добился того, о чем все только мечтали, а заодно избавил старость от одного из ее ужасов...

И еще он понял, что при желании может теперь расстаться с Ивонной. Но тут возникали осложнения, потребовавшие новых размышлений. И размышлений долгих.

Вы, разумеется, уже заметили, что я лишь кратко пересказываю вам суть событий. На протяжении всего этого времени Жорж оставался лояльным ассистентом так ничего и не заподозрившего профессора. До сих пор он действительно почти не переступил рамки действий, которые совершил бы при подобных обстоятельствах любой исследователь. Да, он проявил несколько большую активность, чем того требовали его служебные обязанности, но при необходимости ее было достаточно легко объяснить.

Следующий шаг требовал определенных, весьма деликатных переговоров и дополнительной траты драгоценных франков. Теперь Жорж обладал, вне всякого сомнения, весьма убедительными доказательствами того, что у него имеется очень ценный коммерческий товар. Деловые люди в Париже на него просто накинутся. И все же определенная деликатность, и тут мы должны отдать Жоржу должное, удержала его от использования второй... э-э... записи в качестве доказательства возможностей аппарата. Как-либо замаскировать личности причастных к этому людей было невозможно, а Жорж был человеком благопристойным. «К тому же,—

рассудительно размышлял он,— когда компания звукозаписи решает выпустить диск, ее не удовлетворяет качество исполнения музыканта-любителя. Это задача для профессионалов». Придя к такому выводу, он, предварительно зайдя в свой банк, снова отправился в Париж.

Он и близко не стал приближаться к Пляс Пигаль, потому что там болталось множество американцев, а цены были, соответственно, умопомрачительные. Вместо этого, наведя кое-какие справки и воспользовавшись помощью нескольких понятливых таксистов, он через некоторое время оказался в до тошноты респектабельном пригороде, где вскоре уже сидел в некоей приятной гостиной, ничуть не более экзотичной, чем можно было предположить.

И там, слегка смущаясь, Жорж объяснил цель своего визита некоей мадам весьма благопристойного вида, чей возраст было угадать не легче, чем ее профессию. Ей было не привыкать к нестандартным запросам клиентов, но такое она услышала впервые, несмотря на свой внушительный опыт. Но клиент всегда прав (до тех пор, пока способен расплатиться), и вскоре договоренность была достигнута. Одна из юных леди и ее приятель, обладающий несколько ошеломляющей мужественностью, отправились вместе с Жоржем в провинцию. Сперва им, естественно, было трудно избавиться от определенной подозрительности, но, как к тому времени обнаружил Жорж, никакой эксперт не в силах устоять перед лестью, и вскоре у них установились превосходные отношения. Эркюль и Сюзетт пообещали Жоржу, что удовлетворение ему гарантируется.

Не сомневаюсь, что кое-кто из вас был бы рад услышать новые подробности, но вряд ли вы дождетесь их от меня. Могу лишь сказать, что Жорж — вернее, его аппарат — был очень занят, и к утру почти все пленки для записи были использованы. Хотя, похоже, Эркюль — Геркулес — не зря получил свое имя...

Когда сей пикантный эпизод был завершен, у Жоржа осталось очень мало денег, зато он стал обладателем двух

воистину бесценных записей. Он опять поехал в Париж, где практически без проблем заключил соглашение с некими бизнесменами, которые были настолько поражены, что подписали с ним контракт на весьма щедрых условиях и лишь потом опомнились. Но я рад сообщить вам эту подробность, потому что ученые столь часто бывают обделены, сталкиваясь с миром финансов. Я также рад добавить, что Жорж не позабыл упомянуть в контракте и профессора Жульена. Вы можете цинично заметить, что то было, в конце концов, изобретение профессора и что Жоржу рано или поздно пришлось бы улаживать с ним отношения. Но мне хочется думать, что одним упоминанием в контракте дело не ограничилось.

Подробности плана использования аппарата мне, разумеется, неизвестны. Полагаю, что Жорж был чрезвычайно красноречив — хотя не требуется много красноречия, чтобы убедить любого, кто пережил ощущения, сохраненные в одной или обеих записях. Рынок тут будет огромным, неограниченным. Один только экспорт сможет поставить экономику Франции на ноги и в считаные дни ликвидировать ее долларовый дефицит — как только будут устранены некоторые препятствия. Все придется прокачивать по несколько нелегальным каналам, ибо представьте, какой шум поднимут лицемерные англосаксы, когда узнают, что за товар импортируется в их страны. «Союз матерей», «Дочери американской революции», «Лига домохозяек» и *все* религиозные организации поднимутся как один. Юристы уже очень тщательно изучают проблему, и, насколько мне известно, законы, до сих пор запрещающие продажу «Тропика рака» в англоязычных странах, будут в этом случае неприменимы — по той простой причине, что вводить такие запреты никому не приходило в голову. Однако новые законы начнут требовать столь громко, что парламенту и конгрессу придется что-то делать, поэтому до поры до времени не стоит привлекать к этому изобретению излишнее внимание.

Фактически, как заметил один из директоров, если эти записи запретят, тем лучше. Они смогут заработать больше,

производя меньше, потому что цены резко подскочат и даже сверхбдительные таможни не сумеют перекрыть все лазейки на границах.

Вряд ли вы удивитесь, узнав, что теперь Жорж несколько утратил интерес к гастрономическому разделу проекта. То была интересная, но явно второстепенная возможность изобретения. И действительно, это тактично признали сами директора, когда принимали устав ассоциации, потому что гастрономические удовольствия были включены в раздел «Дополнительные возможности».

Жорж вернулся домой с головой в облаках и чеком на внушительную сумму в кармане. Его озарила очаровательная идея. Он подумал о том, сколько трудов приложили компании звукозаписи, чтобы мир получил полные комплекты «Сорока восьми прелюдий и фуг» или девяти симфоний. Что ж, его новая компания выпустит полный комплект записей, исполненных экспертами самых эзотерических знаний Востока и Запада. Сколько всего «опусов» потребуется? Ответ на этот вопрос, само собой, был предметом жарких дебатов на протяжении тысячелетий. В индийских руководствах, как он слышал, называлась трехзначная цифра возможных вариантов. Да, это станет интереснейшим исследованием, беспрецедентно объединяющим прибыль с удовольствием... Он уже начал предварительные исследования, пользуясь трактатами, которые было нелегко достать даже в Париже.

Если вы придете к выводу, что, занимаясь этим, Жорж пренебрег своими обычными интересами, то, увы, окажетесь правы. Он работал буквально днем и ночью, потому что до сих пор не раскрыл свои планы профессору, и почти все приходилось делать, когда лаборатория закрывалась. И одним из интересов, которым ему пришлось пренебречь, стала Ивонна.

Ее, как и любую девушку при подобных обстоятельствах, обуяло любопытство. Но теперь она стала более чем заинт-

ригована, ибо Жорж отдалился от нее и стал так холоден... Он ее больше не любил...

То был легко предсказуемый результат. Владельцам питейных заведений необходимо остерегаться и не дегустировать слишком часто свой товар — уверен, что к вам это не относится, Дрю,— а Жорж угодил в сей капкан. Он слишком много раз запускал для себя уникальную запись, и это привело к некоторому ослаблению его сил. Более того, бедняжка Ивонна не шла ни в какое сравнение с опытной и талантливой Сюзетт. Это старая история о профессионале против любителя.

Ивонна знала лишь, что Жорж влюблен в какую-то другую женщину, и это утверждение было вполне истинным. Она заподозрила, что он ей неверен. А это уже поднимает изощренную философскую проблему, которой сейчас лучше не касаться.

Поскольку дело происходило, если вы еще не забыли, во Франции, печальный исход был неизбежен. Бедняга Жорж! Он засиделся, как обычно, допоздна в лаборатории, где Ивонна и застрелила его из старинного дуэльного пистолета. Выпьем же в память о нем.

— У всех ваших историй одна беда,— заметил Джон Бейнон.— Сперва вы рассказываете о каком-нибудь замечательном изобретении, а под конец выясняется, что изобретатель убит, а изобретение безвозвратно утрачено. Поэтому, как полагаю, и этот аппарат был уничтожен?

— Вовсе нет,— возразил Парвис.— Если не считать судьбы бедного Жоржа, у этой истории счастливый конец. За Ивонну, разумеется, беспокоиться не стоит. Скорбящие спонсоры Жоржа быстро прибыли на место драмы и предотвратили нежелательную огласку. Будучи не только бизнесменами, но и людьми достаточно сентиментальными, они поняли, что Ивонна должна остаться на свободе. И поступили очень просто — продемонстрировали запись мэру и префекту, убедив их тем самым, что бедную девушку простонапросто спровоцировали. Некая доля акций новой компа-

нии закрепила сделку, и стороны с искренней сердечностью расстались. Ивонне даже вернули пистолет.

— И где же тогда?..— ехидно спросил кто-то.

— О, такие вещи быстро не делаются. Возникает вопрос о массовом производстве, сами понимаете. Вполне возможно, что распространение уже началось по частным — весьма частным — каналам. Не исключено, что в некоторых заведениях с сомнительной репутацией в районе Лейчестер-сквер клиентам скоро начнут предлагать новую услугу.

— Зато название компании вы, естественно, назвать не можете,— неуважительно предположил джентльмен из Новой Англии.

В такие моменты Парвисом нельзя не восхищаться. Он даже секунды не помедлил с ответом.

— «Le Société Anonyme d'Aphrodite»,— сказал он.— И еще я только что вспомнил нечто такое, что поднимет настроение вам. Они надеются обойти ваши жесткие почтовые правила и закрепиться в Америке прежде, чем начнется неизбежное слушание в конгрессе. Компания открывает филиал в Неваде: очевидно, там до сих пор может сойти с рук что угодно.

Парвис поднял стакан.

— За Жоржа Дюпена, жертву науки,— провозгласил он.— Вспомните про него, когда начнется фейерверк. И еще...

— Что? — хором спросили мы.

— Советую начать копить деньги немедленно. И продайте свои телевизоры, пока их производители еще не разорились.

— И как мне его называть, черт возьми, когда он поднимется на борт? — спросил капитан Саундерс, дожидаясь, пока выдвинется посадочная рампа.

Наступила многозначительная тишина — навигатор и второй пилот размышляли над этой проблемой этикета. Затем Митчелл повернул ключ на панели управления, и многочисленные механизмы корабля, лишившись питания, отключились.

— Правильным обращением,— медленно произнес он,— будет «ваше королевское высочество».

— Ха! — фыркнул капитан.— Будь я проклят, если назову хоть кого-нибудь так!

— Полагаю, что в наши прогрессивные времена,— пришел ему на помощь Чамберс,— «сэра» будет вполне достаточно. Но если вы позабудете и про это, не волнуйтесь: в Тауэр уже очень давно никого не сажали. К тому же с этим Генри легче иметь дело, чем с тем Генрихом, у которого было много жен.

— По всеобщему мнению,— добавил Митчелл,— он очень приятный молодой человек. И весьма умен. Он часто задает людям вопросы из области техники, на которые те не могут ответить.

Капитан Саундерс проигнорировал подтекст этого замечания, решив для себя, что если принц Генри пожелает узнать принцип работы тягового генератора компенсационного поля, то объяснять придется Митчеллу. Саундерс с трудом встал — во время полета они поддерживали половинную силу тяжести, и теперь на Земле ему казалось, будто он

© Перевод А. Новикова.

превратился в тонну кирпичей,— и двинулся по коридору к нижнему шлюзу. Маслянисто заурчав, большая выпуклая дверь шлюза отодвинулась в сторону. Не забыв про полагающуюся улыбку, капитан вышел навстречу телекамерам и наследнику британской короны.

Человек, которому предстояло стать Генрихом IX Английским, был еще молод — чуть старше двадцати — и немного ниже среднего роста. Четкие и правильные черты его лица сразу оживляли в памяти все генеалогические клише. Капитан Саундерс, будучи родом из Далласа, не собирался склоняться перед любым принцем мира, но неожиданно для себя оказался тронут, увидев его большие и печальные глаза. То были глаза, повидавшие слишком много приемов и парадов; им приходилось наблюдать бесчисленные совершенно неинтересные события, а их владельцу не дозволялось далеко отклоняться от тщательно распланированных официальных планов и распорядков. Глядя на это гордое, но усталое лицо, капитан впервые догадался о бесконечном одиночестве персон королевской крови. Вся его неприязнь к этой институции внезапно стала тривиальной по сравнению с ее реальным дефектом: неправильность монархии в том, что нечестно возлагать столь тяжкую ношу на любое человеческое существо.

Коридоры «Кентавра» были слишком узки для обычной экскурсии, и вскоре стало ясно, что принц Генри очень даже доволен тем, что его свита осталась снаружи. Едва осмотр корабля начался, Саундерс утратил первоначальную напряженность и уже через несколько минут обращался с принцем как с любым иным посетителем. Капитан так и не догадался, что первый урок, который обязан усвоить любой член королевской семьи, есть умение снимать напряженность у собеседника.

— Знаете, капитан,— задумчиво сказал принц,— сегодня великий день. Я всегда надеялся, что когда-нибудь у Англии появится свой космодром. И все равно мне как-то странно,

что после стольких лет моя мечта сбылась. Скажите... вам доводилось заниматься ракетами?

— Да, кое-какую тренировку я прошел, но ракеты доживали свой век, еще когда я учился. Мне повезло: людям постарше пришлось вернуться в школу и начать все сначала — или совсем расстаться с космосом, если они не могли переучиться и освоить новые корабли.

— Что, разница настолько велика?

— О да, когда ракеты ушли в прошлое, свершился перелом, сравнимый с переходом от паруса к пару. Кстати, эту аналогию вам часто придется слышать. В старых ракетах было величие, совсем как в старинных парусниках, а современные корабли им не обладают. Когда «Кентавр» стартует, он поднимается бесшумно, как воздушный шар,— а при необходимости и столь же медленно. При старте же ракеты все сотрясалось на километры вокруг, и стоило оказаться слишком близко к стартовой площадке, как можно было на несколько дней оглохнуть. Да вы и сами видели эти старты в старых выпусках новостей.

Принц улыбнулся.

— Да,— сказал он.— Я часто смотрел записи во дворце. Думаю, я видел материалы, относящиеся ко всем инцидентам, случившимся во время пионерских экспедиций. И мне жаль видеть конец ракет. Но мы никогда не смогли бы построить космопорт для ракет здесь, на равнине возле Сэлисбери,— от вибрации разрушился бы Стоунхендж!

— Стоунхендж? — переспросил Саундерс, распахивая люк и пропуская принца в третий трюм.

— Это древний монумент — один из самых знаменитых каменных кругов в мире. Он действительно впечатляет, и ему около трех тысяч лет. Взгляните на него, если получится — до него отсюда всего двадцать километров.

Саундерс с трудом подавил улыбку. Какая странная страна: где еще в мире можно обнаружить такие контрасты? У него возникло ощущение, что он еще совсем молод и зелен — ему вспомнилось, что у него на родине Билли Кида считали

древней историей, а во всем Техасе вряд ли найдется строение старше пятисот лет. Он впервые начал понимать, что такое традиция: она придавала принцу Генри нечто, чем он мог и не обладать. Уверенность в себе... да, именно так. И гордость, каким-то образом лишенную высокомерия, потому что она настолько воспринималась как нечто само собой разумеющееся, что не нуждалась в доказательствах.

Просто поразительно, сколько вопросов принц Генри ухитрился задать во время получасовой экскурсии по грузовому кораблю. И то были не рутинные вопросы, которые задают из вежливости, совершенно не интересуясь ответом. Его королевское высочество принц Генри немало знал о космических кораблях, и капитан Саундерс даже ощутил усталость, когда передал своего высокого гостя комитету по встрече, с хорошо имитируемым терпением дожидавшемуся возле «Кентавра».

— Большое вам спасибо, капитан,— сказал принц, пожимая ему руку в шлюзе.— Уже не помню, когда я получал такое удовольствие. Надеюсь, ваше пребывание в Англии окажется приятным, а полет — успешным.— Тут свита торопливо увела принца, а портовые чиновники наконец-то поднялись на борт проверить корабельные бумаги.

— Итак,— поинтересовался Митчелл, когда с формальностями было покончено,— что вы думаете о нашем принце Уэльском?

— Он меня удивил,— откровенно ответил Саундерс.— Мне бы и в голову не пришло, что он принц. Мне всегда представлялось, что все они туповаты. И, черт побери, он знает принцип работы полевого двигателя! Он бывал когда-нибудь в космосе?

— Кажется, однажды. Просто совершил прыжок над атмосферой на военном корабле. Они даже не вышли на орбиту и сразу вернулись — но премьер-министра едва не хватил удар. Запрашивали палату лордов, в «Таймс» было несколько передовиц на эту тему. Все решили, что наследник престола — слишком ценная персона, чтобы подвергать его риску, доверившись новым и недостаточно проверенным изобретениям. Так что он, имея ранг коммодора Королевских космических сил, не бывал даже на Луне.

— Бедняга,— пробормотал капитан Саундерс.

Ему предстояло убить три дня, потому что в обязанности капитана не входило наблюдение за погрузкой или предполетным обслуживанием корабля. Саундерс знал шкиперов, которые повсюду совали свой нос и дышали в затылок инженерам, но он не принадлежал к их числу. Кроме того, ему хотелось посмотреть Лондон. Он побывал на Марсе, Венере и Луне, но в Англии оказался впервые. Митчелл и Чамберс снабдили его всей нужной информацией и усадили на монорельсовый поезд до Лондона, а сами торопливо отправились к своим семьям. Они вернутся в космопорт на день раньше капитана и проверят, все ли в порядке. Саундерсу очень повезло, что у него есть офицеры, на которых он может полностью положиться: лишенные чрезмерного воображения и осторожные, но дотошные почти до навязчивости. Зато, если они скажут, что на корабле все в порядке, Саундерс может взлетать со спокойной душой.

Узкий обтекаемый цилиндр мчался через тщательно прилизанный ландшафт. Вагон находился настолько низко над землей и перемещался столь быстро, что пассажиры успевали лишь бросить быстрый взгляд на мелькающие за окнами города и поля. Саундерс подумал, что в Англии все поразительно компактно и какого-то лилипутского масштаба. Тут не было открытых пространств и полей длиннее двух километров в любом направлении. Одного этого хватило бы, чтобы вызвать у техасца клаустрофобию — особенно у техасца, ставшего еще и космическим пилотом.

На горизонте показалась четко очерченная граница Лондона, напоминающая крепостную стену вокруг старинного города. Здания, за немногими исключениями, были довольно низкими — этажей в пятнадцать — двадцать. Вагон промчался сквозь узкий каньон, над очень привлекательным парком, пересек реку (вероятно, Темзу) и, мощно и уверен-

но затормозив, остановился. Голос в динамике негромко, точно опасаясь, что его подслушают, объявил:

— Это Паддингтон. Пассажиров, следующих на север, просят оставаться на своих местах.

Саундерс снял с полки багаж и вышел.

Направляясь к входу в метро, он прошел мимо киоска и взглянул на выставленные в витрине журналы. На обложках примерно половины из них красовались фото принца Генри или других членов королевской семьи, а это, решил Саундерс, уже явный перебор. Он также заметил, что во всех вечерних газетах есть фотографии принца, входящего в «Кентавр» или покидающего его, и купил парочку, намереваясь почитать их в метро... пардон, в подземке, как его называют лондонцы.

Комментарии в передовицах поразили его монотонным однообразием. Наконец-то, провозглашали они, Англия больше не плетется следом за космическими нациями. Теперь можно иметь космодром, не обладая миллионами квадратных километров пустынь: бесшумные современные корабли с гравитационными двигателями способны при необходимости сесть даже в Гайд-парке, не потревожив уток в Серпентайне. Саундерсу показалось странным, что патриотизм подобного рода дожил до космического века, но он предположил, что британцы испытывали унижение, одалживая стартовые площадки у австралийцев, американцев и русских.

Лондонское метро даже после полутора веков существования осталось лучшей транспортной системой в мире и доставило Саундерса к месту назначения менее чем через десять минут после отправления из Паддингтона. За десять минут «Кентавр» мог пролететь девяносто тысяч километров, но в космосе, в конце концов, несколько просторнее, чем здесь. Да и орбиты кораблей запутаны меньше, чем улицы, по которым Саундерс добирался до отеля. Все попытки спрямить улицы Лондона неизменно оканчивались крахом,

и на последнюю сотню метров путешествия у него ушло пятнадцать минут.

Он стянул пиджак и благодарно растянулся на кровати. Его ждут три спокойных беззаботных дня. В такое с трудом верилось.

И не напрасно. Едва он облегченно выдохнул, зазвонил телефон:

— Капитан Саундерс? Я так рад, что мы вас отыскали. Я с Би-би-си. У нас есть программа «Гость города», и мы хотим вам предложить...

Стук захлопнувшегося люка показался Саундерсу приятнейшим за последние несколько дней звуком. Теперь он в безопасности: никто до него не доберется в этой бронированной крепости, которая вскоре окажется далеко в просторах космоса. Дело было вовсе не в том, что с ним скверно обращались: наоборот, с ним обращались слишком хорошо. Он четыре раза (или пять?) появлялся в различных телепрограммах, сбился со счета, попытавшись вспомнить, на скольких приемах побывал, приобрел несколько сотен новых друзей и (как подсказывала распухшая от впечатлений голова) позабыл всех старых.

— Кто пустил слух,— поинтересовался он у Митчелла, встретившись с ним в порту,— будто англичане замкнуты и холодны? Да помогут мне небеса, если я когда-либо повстречаю экспансивного англичанина.

— Насколько я понял, вы хорошо провели время.

— Спросите меня завтра. Возможно, к тому времени я успею восстановить душевное равновесие.

— Вчера вечером я вас видел по телевизору,— заметил Чамберс.— У вас был очень усталый вид.

— Спасибо: как раз подобного утешения мне сейчас и не хватало. Хотел бы я посмотреть, как вы отыскиваете синоним к слову «скучный», если накануне легли спать лишь в три часа ночи.

— Пресный,— тут же предложил Чамберс.

— Вялый,— не остался в долгу Митчелл.

— Вы выиграли. А теперь давайте проведем генеральную проверку и посмотрим, как справились с работой инженеры.

Усевшись перед панелью управления, Саундерс быстро превратился в квалифицированного специалиста. Он снова был дома, а на тренировках он время зря не тратил. Саундерс точно знал, что следует делать, и выполнял все с автоматической точностью. Сидящие по бокам от него Митчелл и Чамберс проверяли свои инструменты и переговаривались с диспетчерской.

На сложную предполетную проверку у них ушел почти час. Когда последняя страница инструкций украсилась последней подписью, а последняя красная лампочка на контрольной панели сменилась зеленой, Саундерс устало откинулся на спинку кресла и закурил. До взлета осталось десять минут.

— Когда-нибудь,— сказал он,— я вернусь в Англию инкогнито и попробую узнать главный секрет англичан. Не понимаю, как вы ухитрились затолкать столько людей на маленький остров и не дали ему утонуть.

— Ха,— фыркнул Чамберс.— Видели бы вы Голландию. По сравнению с ней в Англии просторно, как в Техасе.

— И еще этот ваш интерес к королевской семье. Знаете, где бы я ни был, меня обязательно спрашивали, как мне понравился принц Генри, о чем мы разговаривали, согласен ли я с тем, что он очень приятный парень, и так далее. Если честно, меня от этого уже тошнит. Не понимаю, как вы ухитряетесь выдерживать такое вот уже тысячу лет?

— Не думайте, будто королевская семья была настолько популярна всегда,— ответил Митчелл.— Помните, что стало с Чарльзом Первым? И кое-что из того, что мы говорили о ранних Георгах, звучит столь же грубо, как и то, что говорили позднее ваши соотечественники.

— Так уж вышло, что нам нравятся традиции,— добавил Чамберс.— Мы не боимся изменений, когда для них наступает время, но в том, что касается королевской семьи...

что ж, это явление уникальное, и мы им весьма гордимся. Примерно так, как вы гордитесь статуей Свободы.

— Не очень удачный пример. Я не считаю правильным возносить людей на пьедестал и относиться к ним так, точно они... полубоги. Возьмите, к примеру, принца Генри. Как думаете, появится ли у него когда-нибудь шанс заниматься тем, чего ему действительно хочется? Когда я был в Лондоне, то трижды видел его по телевизору. Первый раз он открывал где-то новую школу, затем произносил речь перед почтенным обществом рыботорговцев в Зале гильдии (клянусь, я ничего не сочиняю!), а потом принимал приветственный адрес от какого-то провинциального мэра. Да я лучше в тюрьму сяду, чем соглашусь на такую жизнь. Ну почему вы не можете оставить бедного парня в покое?

Митчелл и Чамберс впервые не приняли вызов, сохранив несколько напряженное молчание. Поделом мне, решил Саундерс. Нечего было распускать язык; теперь я задел их чувства. Надо было вспомнить где-то прочитанный совет: «У британцев есть две религии — крикет и королевская семья. Никогда не пытайтесь критиковать любую из них».

Неловкое молчание прервал голос диспетчера космопорта:

— Башня — «Кентавру». Ваша взлетная трасса чиста. Взлет разрешается.

— Программа взлета запущена! — ответил Саундерс, щелкая главным переключателем. Затем он откинулся на спинку кресла, обозревая всю панель управления. Руки с пульта он убрал, но был готов к мгновенным действиям.

Он был напряжен, но полностью уверен в себе. Сейчас кораблем командовал мозг, возможности которого превосходили способности человеческого,— мозг из металла, кристаллов и мгновенных потоков электронов. При необходимости капитан мог взять управление на себя, но он и прежде никогда не поднимал корабль вручную и не ожидал, что ему когда-либо придется это делать. Если автоматика откажет, он

отменит старт и подождет, пока техники ликвидируют неисправность.

Включился главный генератор поля, и «Кентавр» утратил вес. Корпус и каркас корабля протестующе застонали, когда их внутренние напряжения перераспределились. Изогнутые балки стартовой колыбели избавились от нагрузки; теперь малейший порыв ветра мог унести грузовой корабль в небо.

— Ваш вес равен нулю. Проверьте калибровку,— приказал диспетчер.

Саундерс взглянул на приборы. Направленная вверх тяга поля сейчас точно уравновешивала вес корабля, и показания индикатора тяги должны совпасть с суммарной массой корабля и груза. По крайней мере, однажды эта проверка выявила наличие «зайца» на борту корабля — чувствительности приборов для этого хватало.

— Миллион пятьсот шестьдесят тысяч четыреста двадцать килограммов,— прочитал Саундерс показание индикатора тяги.— Очень неплохо, совпадает с расчетной с точностью плюс-минус пятнадцать килограммов. У меня впервые недогрузка. Мог бы прихватить побольше сладостей для своей пухленькой подружки в Порт-Лоуэлле, Митч.

Второй пилот кисло улыбнулся. У него до сих пор тянулся роман с девушкой на Марсе, с которой он познакомился заочно, после чего приобрел совершенно ненужную ему репутацию любителя изящных блондинок.

Никто не ощущал движения, но «Кентавр» теперь падал в летнее небо, потому что его вес был не просто нейтрализован, а обращен. Для наблюдателей внизу он превратился в быстро взлетающую звезду, в пронзающий облака серебристый шар. Синева атмосферы постепенно переходила в вечную черноту пространства. Подобно бусине, ползущей по невидимой нити, грузовоз двигался вдоль луча радиоволн, который проведет его от планеты к планете.

Это его двадцать шестой старт с Земли, подсчитал капитан. Но ощущение чуда никогда не умрет, как никогда не от-

выкнет он от чувства силы, возникающего у него, когда он сидит за панелью управления, командуя мощью, о которой древние боги человечества могли лишь мечтать. Ни один из стартов не походил на другой: иногда они взлетали на рассвете, иногда навстречу закату, иногда в затянутое облаками небо, а иногда в искрящуюся ясную голубизну. Пространство неизменно, но на Земле никогда ничего не повторяется, поэтому никто еще не смотрел дважды на один и тот же ландшафт или на одно и то же небо. Внизу, где волны Атлантики вечно маршировали в сторону Европы, и высоко над ними — но далеко внизу под «Кентавром»! — тот же ветер, что гнал волны, подгонял и блистающие на солнце стайки облаков. Англия начала сливаться с континентом, а береговая линия Европы сократилась и окуталась дымкой, уползая за кривизну планеты. На западе пятнышком на горизонте показался кончик Америки. Саундерс одним взглядом мог окинуть океанские лиги, которые Колумб преодолевал пятьсот лет назад.

С бесшумностью мощного зверя корабль стряхнул с себя последние оковы Земли. Для внешнего наблюдателя единственным признаком выделяемой кораблем энергии было тускло-красное свечение пластин радиаторов на экваторе грузовоза, через которые в пространство уходили тепловые потери конверторов массы.

«14:03:45,— аккуратно занес Саундерс в бортовой журнал.— Первая космическая скорость набрана. Отклонение от курса минимальное».

Делать эту запись особого смысла не было. Скромная скорость в сорок пять тысяч километров в час, бывшая почти недостижимой целью для первых космонавтов, сейчас уже не имела практического значения, поскольку «Кентавр» продолжал разгоняться и еще несколько часов будет набирать скорость. Но этот рубеж имел четкое психологическое значение. До этого момента, если откажет генератор, они упали бы обратно на Землю. Но теперь ее притяжение уже не сможет до них дотянуться: они обрели свободу космоса

и вправе сами выбирать, к какой планете направиться. На практике, само собой, Саундерсу придется очень несладко, если он не выберет Марс и не доставит туда груз по графику. Но, как и все космонавты, капитан Саундерс был в душе романтиком и даже в таком рутинном рейсе иногда мечтал о величественном окольцованном Сатурне или о темных пустынях Нептуна, освещенных пятнышком бесконечно далекого Солнца.

Через час после взлета, соблюдая установившийся ритуал, Саундерс предоставил курсовому компьютеру заниматься своим делом и достал три бокала, постоянно прописанные за столиком с картами. Произнося традиционный тост за Ньютона, Оберта и Эйнштейна, он задумался над происхождением этой небольшой церемонии. Экипажи космических кораблей повторяли ее вот уже минимум шестьдесят лет. Наверное, у истоков ее стоит тот самый легендарный инженер-ракетчик, который произнес: «Я за шестьдесят секунд сжигаю больше алкоголя, чем вы продали за все время, пока работает ваш паршивый бар».

Через два часа они ввели в компьютер последние поправки, сообщенные станциями слежения на Земле. Отныне, пока Марс не превратится в планету прямо по курсу, экипаж был волен заниматься чем угодно. Мысль грустноватая и одновременно как-то странно бодрящая. Их на корабле всего трое — и никого больше на миллионы километров вокруг.

В тот момент взрыв атомной бомбы потряс бы капитана меньше, чем внезапно послышавшийся скромный стук в дверь кабины...

Никогда в жизни Саундерс не испытывал такого испуга. Испустив вопль, который вырвался у него быстрее, чем он успел его подавить, он вскочил из кресла и взмыл на целый метр. Искусственная гравитация корабля опустила его на место. Чамберс и Митчелл, однако, проявили традиционную британскую флегматичность. Они лишь обернулись, посмотрели на дверь и стали ждать приказов капитана.

Саундерс пришел в себя лишь через несколько секунд. Окажись он, так сказать, в нормальной аварийной ситуации, он уже успел бы наполовину облачиться в скафандр. Но стук в дверь кабины, когда весь экипаж сидит рядом с ним, трудно назвать честным испытанием.

Безбилетнику на корабль пробраться попросту невозможно. Угроза эта с самого начала коммерческих полетов была настолько очевидной, что для ее предотвращения были разработаны строжайшие меры предосторожности. Саундерс знал, что один из его офицеров постоянно находился на борту во время погрузки и пробраться незамеченным мимо него не смог бы никто. После погрузки Митчелл и Чамберс выполняли еще и тщательнейшую предполетную проверку. И наконец, корабль взвешивался в момент старта; уж это давало окончательный ответ. Нет, безбилетник никак не мог...

Стук в дверь повторился. Капитан сжал кулаки и стиснул челюсти. Через минуту, решил он, этот романтический идиот очень и очень пожалеет о своем поступке.

— Откройте дверь, мистер Митчелл! — рявкнул Саундерс. Второй пилот плавно поднялся, пересек кабину и распахнул дверь.

Молчание, казалось, растянулось на столетие, затем безбилетник, слегка покачиваясь из-за низкой силы тяжести, вошел в кабину. Он сохранял полное самообладание и выглядел очень довольным собой.

— Добрый день, капитан Саундерс,— сказал он.— Прошу меня извинить за столь неожиданное вторжение.

Саундерс сглотнул. Затем, по мере того как кусочки головоломки начали занимать свои места, взглянул сперва на Митчелла, потом на Чамберса. Оба офицера, даже не моргнув, ответили ему взглядами, в которых читалась непробиваемая невинность.

— Так вот, значит, как,— горько пробормотал капитан. Объяснения не требовались: все было совершенно ясно. Он с легкостью представил сложные переговоры, встречи в полночь, фальсификацию записей и выгрузку второстепенных

грузов, проведенные за его спиной проверенными и надежными коллегами. Он не сомневался, что их рассказ окажется чрезвычайно интересным, но в тот момент у него не имелось желания его выслушивать — он напряженно вспоминал, что сказано по поводу такой ситуации в «Справочнике по космическому праву». Впрочем, у него уже крепла мрачная уверенность, что справочник окажется для него совершенно бесполезным.

Поворачивать обратно было, разумеется, уже слишком поздно: заговорщики не допустили бы столь элементарного просчета. Ему оставалось только одно: как можно удачнее завершить этот самый сложный полет за всю его карьеру.

Саундерс все еще подбирал в уме подходящую к случаю фразу, когда на панели радио замигал индикатор «СРОЧНО». Принц взглянул на часы.

— Я этого ожидал,— спокойно произнес он.— Наверное, премьер-министр. Думаю, мне лучше самому поговорить с беднягой.

Саундерс тоже так подумал.

— Очень хорошо, ваше королевское высочество,— угрюмо согласился он с интонацией, превратившей титул почти в оскорбление, и, ощутив некоторое облегчение, уселся в углу кабины.

Их действительно вызывал премьер-министр, и, судя по голосу, весьма огорченный. Он несколько раз использовал фразу «ваш долг перед нацией», а когда заговорил о «преданности ваших подданных короне», у него даже дрогнул голос. Саундерс с некоторым удивлением понял, что премьер-министр говорит искренне.

Пока собеседники эмоционально обменивались мнениями, Митчелл наклонился и шепнул Саундерсу на ухо:

— Старый хрыч сейчас в щекотливой ситуации и прекрасно это понимает. Когда люди узнают, что произошло, они поддержат принца. Все знают, что он уже несколько лет пытался слетать в космос.

— Жаль лишь, что он выбрал мой корабль,— заметил Саундерс.— И я не уверен, что его поступок нельзя приравнять к мятежу.

— Черта с два. Помяните мое слово — когда все кончится, вы станете единственным в Техасе кавалером ордена Подвязки. Разве вам это не понравится?

— Тише! — шикнул на них Чамберс. Принц все еще говорил, и его слова уносились через бездну, отделяющую его сейчас от острова, которым он когда-нибудь будет править.

— Я очень сожалею, господин премьер-министр, что заставил вас встревожиться. Я вернусь при первой же возможности. Во все времена кому-то приходилось совершать некий поступок в первый раз, и я решил, что настало время члену моей семьи покинуть Землю. Полет станет ценным вкладом в мое образование и поможет мне в будущем выполнять свой долг. До свидания.

Принц положил микрофон и подошел к окну — единственному на всем корабле окошку в космос. Саундерс наблюдал за ним — гордым и одиноким, но теперь уже удовлетворенным. И, увидев принца, не сводящего глаз со звезд, он ощутил, как его возмущение и раздражение постепенно испаряются.

Долгое время все молчали. Потом принц Генри отвел взгляд от блистающего великолепия за окном, взглянул на капитана Саундерса и улыбнулся.

— Где здесь камбуз, капитан? — спросил он.— Я уже давно не практиковался, но когда ходил в скаутские походы, то был лучшим поваром в своем патруле.

Саундерс медленно расслабился и улыбнулся в ответ. Напряженность в кабине постепенно рассеивалась. До Марса еще очень далеко, но теперь он знал, что его ждет не такой уж тяжелый полет...

До Ватикана три тысячи световых лет. Некогда я полагал, что космос над верой не властен; точно так же я полагал, что небеса олицетворяют великолепие творений Господних. Теперь я ближе познакомился с этим олицетворением, и моя вера, увы, поколебалась. Смотрю на распятие, висящее на переборке над ЭСМ-VI, и впервые в жизни спрашиваю себя: уж не пустой ли это символ?

Пока что я никому не говорил, но истины скрывать нельзя. Факты налицо, запечатлены на несчетных километрах магнитоленты и тысячах фотографий, которые мы доставим на Землю. Другие ученые не хуже меня сумеют их прочесть, и я не такой человек, чтобы пойти на подделки вроде тех, которые снискали дурную славу моему ордену еще в древности.

Настроение экипажа и без того подавленное; как-то мои спутники воспримут этот заключительный иронический аккорд?.. Среди них мало верующих, и все-таки они не ухватятся с радостью за это новое оружие в войне против меня, скрытой, добродушной, но достаточно серьезной войне, которая продолжалась на всем нашем пути от Земли. Их потешало, что главный астрофизик — иезуит, а доктор Чендлер вообще никак не мог свыкнуться с этой мыслью (почему врачи такие отъявленные безбожники?). Нередко он приходил ко мне в обсервационный отсек, где свет всегда приглушен и звезды сияют в полную силу. Стоя в полумраке, Чендлер устремлял взгляд в большой овальный иллюминатор, за которым медленно кружилось небо,— нам не удалось устранить остаточного вращения, и мы давно махнули на это рукой.

© Перевод Л. Жданова.

— Что ж, патер,— начинал он,— вот она, Вселенная, нет ей ни конца, ни края, и, возможно, что-то ее сотворило. Но как вы можете верить, будто этому чему-то есть дело до нас и до нашего маленького мирка,— вот тут я вас не понимаю.

И разгорался спор, а вокруг нас, за идеально прозрачным пластиком иллюминатора, беззвучно описывали нескончаемые дуги туманности и звезды...

Должно быть, больше всего экипаж забавляла кажущаяся противоречивость моего положения. Тщетно я ссылался на свои статьи — три в «Астрофизическом журнале», пять в «Ежемесячных записках Королевского астрономического общества». Я напоминал, что мой орден давно прославился своими научными изысканиями и, пусть нас осталось немного, наш вклад в астрономию и геофизику начиная с восемнадцатого века достаточно велик.

Так неужели мое сообщение о туманности Феникс положит конец нашей тысячелетней истории? Боюсь, не только ей...

Не знаю, кто дал туманности такое имя; мне оно кажется совсем неудачным. Если в нем заложено пророчество — это пророчество может сбыться лишь через много миллиардов лет. Да и само слово «туманность» неточно: ведь речь идет о несравненно меньшем объекте, чем громадные облака материи неродившихся звезд, разбросанные вдоль Млечного Пути. Скажу больше: в масштабах космоса туманность Феникс — малютка, тонкая газовая оболочка вокруг одинокой звезды. А вернее — того, что осталось от звезды...

Портрет Лойолы (гравюра Рубенса), висящий над графиками данных спектрофотометра, точно смеется надо мной. А как бы ты, святой отец, распорядился знанием, обретенным мной здесь, вдали от маленького мира, который был всей известной тебе Вселенной? Смогла бы твоя вера, в отличие от моей, устоять против такого удара?

Ты смотришь вдаль, святой отец, но я покрыл расстояния, каких ты не мог себе представить, когда тысячу лет на-

зад учредил наш орден. Впервые разведочный корабль ушел так далеко от Земли к рубежам изведанной Вселенной. Целью нашей экспедиции была туманность Феникс. Мы достигли ее и теперь возвращаемся домой с грузом знаний. Как снять этот груз со своих плеч? Но я тщетно взываю к тебе через века и световые годы, разделяющие нас.

На книге, которую ты держишь, четко выделяются слова: АД МАЙОРЕМ ДЕИ ГЛОРИАМ. К вящей славе Божией... Нет, я больше не могу верить этому девизу. Верил бы ты, если бы видел то, что нашли мы?

Разумеется, мы знали, что представляет собой туманность Феникс. Только в нашей Галактике ежегодно взрывается бо́льше ста звезд. Несколько часов или дней они сияют тысячекратно усиленным блеском, затем меркнут, погибая. Обычные новые звезды, заурядная космическая катастрофа. С начала моей работы в Лунной обсерватории я собрал спектрограммы и кривые свечения десятков таких звезд.

Но трижды или четырежды в тысячелетие происходит нечто такое, перед чем новая бледнеет, кажется пустячком.

Когда звезда превращается в сверхновую, она какое-то время превосходит яркостью все солнца Галактики, вместе взятые. Китайские астрономы наблюдали это явление в 1054 году, не зная, что наблюдают. Пятью веками позже, в 1572 году, в созвездии Кассиопеи вспыхнула столь яркая сверхновая, что ее было видно с Земли днем. За протекшую с тех пор тысячу лет замечено еще три сверхновые.

Нам поручили побывать там, где произошла такая катастрофа, определить предшествовавшие ей явления и, если можно, выяснить их причину. Корабль медленно пронизывал концентрические оболочки газа, который был выброшен шесть тысяч лет назад и все еще продолжал расширяться. Огромные температуры, яркое фиолетовое свечение отличали эти оболочки, но газ был слишком разрежен, чтобы причинить нам какой-либо вред. Когда взорвалась звезда, поверхностные слои отбросило с такой скоростью, что они улетели за пределы ее гравитационного поля. Теперь они обра-

зовали «скорлупу», в которой уместилась бы тысяча наших Солнечных систем, а в центре пылало крохотное поразительное образование — белый карлик — размерами меньше Земли, но весящий в миллион раз больше ее.

Светящийся газ окружал нас со всех сторон, потеснив густой мрак межзвездного пространства. Мы очутились в сердце космической бомбы, которая взорвалась тысячи лет назад и раскаленные осколки которой все еще неслись во все стороны. Огромный размах взрыва, а также то обстоятельство, что осколки заполнили сферу поперечником в миллиарды километров, не позволяли простым глазом уловить движение. Понадобились бы десятилетия, чтобы без приборов заметить, как движутся клубы и вихри взбаламученного газа, но мы хорошо представляли себе этот яростный поток.

Выверив, уточнив свой курс, мы вот уже несколько часов размеренно скользили по направлению к маленькой лютой звезде. Когда-то она была солнцем вроде нашего, но затем в какие-то часы расточила энергию, которой хватило бы на миллионы лет свечения. И вот стала сморщенным скрягой, который промотал богатство в юности, а теперь трясется над крохами, пытаясь хоть что-то сберечь.

Никто из нас не рассчитывал всерьез, что мы найдем планеты. Если они и существовали до взрыва, катаклизм должен был обратить их в облака пара, затерявшиеся в исполинской массе светила. Тем не менее мы провели обязательную при подходе к любому неизвестному солнцу разведку и неожиданно обнаружили вращающийся на огромном расстоянии вокруг звезды маленький мир. Так сказать, Плутон этой погибшей Солнечной системы, бегущий вдоль границ ночи. Планета была слишком удалена от своего солнца, чтобы на ней когда-либо могла развиваться жизнь, но эта удаленность спасла ее от страшной участи, постигшей собратьев.

Неистовое пламя запекло скалы окалиной и выжгло сгусток замерзших газов, который покрывал планету до бедствия. Мы сели, и мы нашли Склеп.

Его создатели позаботились о том, чтобы его непременно нашли. От монолита, отмечавшего вход, остался только оплавленный пень, но уже первые телефотоснимки сказали нам, что это след деятельности разума. Чуть погодя мы отметили обширное поле радиоактивности, источник которой был скрыт в скале. Даже если бы пилон над Склепом был начисто срезан, все равно сохранился бы взывающий к звездам неколебимый, вечный маяк. Наш корабль устремился к огромному «яблочку», словно стрела к мишени.

Когда воздвигали пилон, он, наверное, был около двух километров высотой; теперь он напоминал оплывшую свечу. У нас не было подходящих орудий, и мы неделю пробивались сквозь переплавленный камень. Мы астрономы, а не археологи, но умеем импровизировать. Забыта была начальная цель экспедиции; одинокий памятник, ценой такого труда воздвигнутый на предельном расстоянии от обреченного солнца, мог означать лишь одно. Цивилизация, которая знала, что гибель ее близка, сделала последнюю заявку на бессмертие.

Понадобятся десятилетия, чтобы изучить все сокровища, найденные нами в Склепе. Очевидно, солнце послало первые предупреждения за много лет до конечного взрыва, и все, что они пожелали сохранить, все плоды своего гения они заранее доставили на эту отдаленную планету, надеясь, что другое племя найдет хранилище и они не канут бесследно в Лету. Поступили бы мы так же на их месте — или были бы слишком поглощены своей бедой, чтобы думать о будущем, которого уже не увидеть и не разделить?

Если бы у них в запасе оказалось еще время! Они свободно сообщались с планетами своей системы, но не научились пересекать межзвездные пучины, а до ближайшей Солнечной системы было сто световых лет. Впрочем, овладей они высшими скоростями, все равно лишь несколько миллионов могли рассчитывать на спасение. Быть может, лучше, что вышло именно так.

Даже если бы не это поразительное сходство с человеком, о чем говорят их скульптуры, нельзя не восхищаться ими

и не сокрушаться, что их постигла такая участь. Они оставили тысячи видеозаписей и аппараты для просмотра, а также подробные разъяснения в картинках, позволяющие без труда освоить их письменность. Мы изучили многие записи, и впервые за шесть тысяч лет ожили картины чудесной, богатейшей цивилизации, которая во многом явно превосходила нашу. Быть может, они показали нам только самое лучшее — и кто же их упрекнет. Так или иначе, мир их был прекрасен, город — великолепнее любого из наших. Мы видели их за работой и игрой, через столетия слышали певучую речь. Одна картина до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу, на странном голубом песке играют, плещутся в волнах дети — как играют дети у нас на Земле. Причудливые деревья, крона — веером, окаймляют берег, и на мелководье, никого не беспокоя, бродят очень крупные животные.

А на горизонте погружается в море солнце, еще теплое, ласковое, животворное, солнце, которое вскоре вероломно испепелит безмятежное счастье.

Не будь мы столь далеко от дома и столь чувствительны к одиночеству, мы, возможно, не были бы так сильно потрясены. Многие из нас видели в других мирах развалины иных цивилизаций, но никогда это зрелище не волновало до такой степени. Эта трагедия была особенной. Одно дело, когда род склоняется к закату и гибнет, как это бывало с народами и культурами на Земле. Но подвергаться полному уничтожению в пору великолепного расцвета, исчезнуть вовсе — где же тут Божья милость?

Мои коллеги задавали мне этот вопрос, я пытался ответить как мог. Быть может, отец Лойола, вы преуспели бы лучше меня, но в «Экзерсициа Спиритуалиа» я не нашел ничего, что могло бы мне помочь. Это не был греховный народ. Не знаю, каким богам они поклонялись, признавали ли вообще богов, но я смотрел на них через ушедшие столетия, и в лучах их сжавшегося солнца перед моим взглядом вновь оживало то прекрасное, на сохранение чего были обращены их последние силы. Они многому могли бы научить нас — зачем же было их уничтожать?

Я знаю, что ответят мои коллеги на Земле. Вселенная — скажут они — не подчинена разумной цели и порядку, каждый год в нашей Галактике взрываются сотни солнц, и где-то в пучинах космоса в этот самый миг гибнет чья-то цивилизация. Творил ли род добро или зло за время своего существования, это не повлияет на его судьбу: божественного правосудия нет, потому что нет Бога.

А между тем ничто из виденного нами не доказывает этого. Говорящий так руководствуется чувствами, не рассудком. Бог не обязан оправдывать перед человеком свои деяния. Он создал Вселенную и может по своему усмотрению ее уничтожить. Было бы дерзостью, даже богохульством с нашей стороны говорить, как Он должен и как не должен поступать.

Тяжко видеть, как целые миры и народы гибнут в пещи огненной, но я и это мог бы понять. Однако есть предел, за которым начинает колебаться даже самая глубокая вера, и, глядя на лежащие передо мной расчеты, я чувствую, что достиг этого предела.

Пока мы не исследовали туманность на месте, нельзя было сказать, когда произошел взрыв. Теперь, обработав астрономические данные и сведения, извлеченные из скал уцелевшей планеты, я могу с большой точностью датировать катастрофу. Я знаю, в каком году свет исполинского аутодафе достиг нашей Земли. Знаю, сколь ярко эта сверхновая, что мерцает за кормой набирающего скорость корабля, некогда пылала на земном небе. Знаю, что на рассвете она ярким маяком сияла над восточным горизонтом.

Не может быть никакого сомнения: древняя загадка наконец решена. И все же, о Всевышний, в Твоем распоряжении было столько звезд! Так нужно ли было именно этот народ предавать огню лишь затем, чтобы символ его бренности сиял над Вифлеемом?

Одна из причин, почему я не очень охотно поясняю точное местонахождение «Белого оленя», сводится к тому, что мы, если говорить честно, хотим сохранить его для себя. И вовсе не из-за стремления уподобиться собаке на сене: нам приходится так поступать из чистой самозащиты. Ведь едва разнесется слух, что где-то регулярно собираются ученые, издатели и писатели-фантасты, туда немедленно нагрянет толпа пренеприятнейших гостей. Авторы новых теорий устройства Вселенной, некие личности, «очистившиеся» с помощью дианетики (интересно, а как они выглядели до того?), дамы с пронзительным взором, впадающие в транс ясновидения после четвертого стаканчика джина,— это лишь наименее экзотичные представители племени чудаков и зануд. Однако страшнее тарелочников нет никого: если не считать нанесения телесных повреждений различной тяжести, средства избавиться от них до сих пор не изобретено.

И вот в один из черных дней некий известный проповедник религии тарелочников обнаружил наше убежище и с радостными воплями спикировал на нашу беззащитную компанию. Здесь, очевидно решил он, самая благодатная обстановка для его миссионерской деятельности. Людей, которые уже интересуются космическими полетами и даже пишут об этом книги и рассказы, будет совсем нетрудно обратить в свою веру. Он открыл свой черный чемоданчик и извлек свеженькую стопку тарелкианы.

То была впечатляющая коллекция, скажу я вам. Нам показали интересные фотографии летающих тарелок, сделанные астрономом-любителем, живущим совсем рядом с Грин-

© Перевод А. Новикова.

вичской обсерваторией, чья не знающая отдыха камера запечатлела такое поразительное разнообразие инопланетных космических кораблей всех форм и размеров, что оставалось лишь диву даваться, за что получают зарплату работающие по соседству профессионалы. Затем он прочел нам длинное повествование одного джентльмена из Техаса, буквально на днях по-соседски поболтавшего с экипажем тарелки, устроившим пикничок по дороге на Венеру. Похоже, языковых проблем для него не возникло: всего десяти минут общения на языке жестов ему хватило, чтобы перейти от уровня «Я — человек. Это — Земля» к весьма эзотерической информации об использовании четвертого измерения в космических путешествиях.

Однако настоящим шедевром оказалось восторженное письмо какого-то типа из Южной Дакоты, которому предложили прокатиться на тарелочке и даже покатали вокруг Луны. Автор долго объяснял, как тарелка летает, перемещаясь вдоль магнитных силовых линий, точно паук по нитям паутины.

И тут Гарри Парвис не выдержал. До этого он с профессиональной гордостью выслушивал истории, которые даже он не осмелился бы выдать за истину, поскольку был экспертом в определении порога доверчивости слушателей. Однако когда он услышал про силовые линии магнитного поля, его научная подготовка пересилила откровенное восхищение перед этими современными Мюнхгаузенами, и он с отвращением фыркнул.

— Это полнейшая чушь,— заявил он.— И я могу это доказать, поскольку магнетизм — моя специальность.

— На прошлой неделе,— с улыбкой заметил Дрю, наполняя элем две кружки одновременно,— вы говорили, что ваша специальность — структура кристаллов.

Гарри ответил ему снисходительной улыбкой.

— Я специалист широкого профиля,— небрежно пояснил он.— И, возвращаясь к тому месту, где меня прервали, хочу подчеркнуть, что никаких силовых линий магнитно-

го поля не существует. Это математическая фикция — точно такая же, как линии широты и долготы. Если кто-либо заявит, будто изобрел машину, принцип действия которой заключается в перемещении вдоль линий широты или долготы, то всем сразу станет ясно, что им вешают на уши лапшу. Но поскольку лишь немногие достаточно хорошо разбираются в магнетизме и звучит это весьма таинственно, то психам вроде того типа из Южной Дакоты и сходит с рук та бредятина, которую мы только что слышали.

У посетителей «Белого оленя» есть замечательная особенность — мы можем сколько угодно пикироваться между собой, но в моменты кризисов проявляем впечатляющую солидарность. Все понимали, что с незваным гостем надо что-то делать хотя бы по той простой причине, что он вмешался в столь серьезное дело, как выпивка. Фанатизм любого рода отбрасывает мрачную тень даже на самое веселое общество, и некоторые из завсегдатаев уже были на грани ухода, несмотря на тот факт, что до закрытия оставалось еще два часа.

Поэтому, когда Гарри Парвис перешел в наступление, сочиняя самую дикую небылицу из тех, что прозвучали из его уст в стенах «Белого оленя», его никто не прервал и не попытался указать на слабые места в повествовании. Мы все знали, что Гарри бьется за всех нас, отвечая огнем на вражеский огонь. К тому же мы знали, что он вовсе не рассчитывает, будто мы ему поверим, поэтому мы просто уселись и насладились его байкой.

— Если вы хотите знать, какой двигатель можно поставить на космический корабль,— начал Гарри,— причем заметьте, я ничего не говорю в пользу или против существования летающих тарелок,— то магнетизм забудьте сразу. Вам следует обратиться сразу и непосредственно к гравитации — ведь это, в конце концов, одна из основных сил природы. Но управиться с ней совсем непросто, а если не верите, то послушайте, с чем столкнулся в прошлом году ученый из Австралии. Наверное, мне не следует это рассказывать, ведь я не уверен, насколько эта информация засекречена, но,

если начнутся неприятности, я поклянусь, что не произнес и слова.

Австралийцы, как вы, наверное, знаете, всегда старались вести передовые научные исследования, и одна из их команд сейчас работает над реактором на быстрых нейтронах — это нечто вроде атомной бомбы домашнего изготовления, намного более компактной, чем старые урановые котлы. Руководил группой талантливый, но довольно импульсивный молодой физик-ядерщик, которого я назову доктор Кейвор. Это, разумеется, не настоящее его имя, зато весьма подходящее. Все вы, несомненно, помните ученого Кейвора из романа Уэллса «Первые люди на Луне» и созданный Кейвором материал кейворит, непроницаемый для гравитации?

Боюсь, старина Уэллс продумал идею кейворита недостаточно тщательно. По его словам, материал этот непрозрачен для гравитации, как металлический лист непрозрачен для света. Следовательно, любой предмет, помещенный на горизонтальный лист кейворита, утрачивает вес и улетает в космос.

Однако все не так просто. Вес равносилен энергии — причем очень большому количеству энергии,— которую нельзя вот так взять и уничтожить. Чтобы сделать даже маленький предмет невесомым, необходимо произвести огромную работу. Поэтому антигравитационные экраны типа кейворита попросту невозможны — и их можно отнести к идеям типа вечного двигателя.

— Трое моих друзей создали вечные двигатели,— довольно напыщенно начал было непрошеный гость, но Гарри не позволил ему продолжить, попросту проигнорировав нахала.

— Так вот, наш австралийский доктор Кейвор не стремился открыть антигравитацию или нечто подобное. Когда дело касается чистой науки, то можете не сомневаться — ни одно из фундаментальных открытий не совершил тот, кто к нему специально стремился, и в этом половина удовольствия от игры. Доктора Кейвора интересовало производство атом-

ной энергии, а открыл он антигравитацию. Причем он не сразу догадался, что именно открыл.

Насколько мне известно, дело было так: реактор был задуман по новой и довольно смелой схеме, и имелась немалая вероятность взрыва после того, как в него будет вставлен последний стержень с расщепляющимся материалом. Поэтому его смонтировали дистанционно в одной из многочисленных австралийских пустынь, а за последними операциями наблюдали с помощью телекамер.

Так вот, взрыва не произошло — он вызвал бы сильное радиоактивное загрязнение и угробил бы кучу денег, но навредил бы лишь чьей-то репутации. Случилось же нечто гораздо более неожиданное и намного более необъяснимое.

Когда в реактор вставили последнюю кассету с обогащенным ураном, а регулирующие стержни подняли, выведя реактор на критический режим, все вдруг пропало. Стрелки приборов в бункере управления в трех с половиной километрах от реактора упали на нули. Телеэкраны погасли. Кейвор и его коллеги ждали взрыва, но не дождались. Изумленно переглянувшись, они выбрались из зарытого в землю бункера.

Целехонькое здание реактора — кирпичный куб, заключающий в себе полмиллиона килограммов урана и несколько лет конструкторского труда,— стояло на месте. Кейвор не стал терять время зря, прыгнув в джип, включил переносной счетчик Гейгера и помчался выяснять, что же случилось.

Очнулся он через несколько часов в больнице. Пострадал он не очень сильно, если не считать сильной головной боли — впрочем, это были лишь цветочки по сравнению с той болью, какой наградил его собственный эксперимент в последующие несколько дней. Как оказалось, его джип, не доехав десяти метров до реактора, во что-то врезался. Кейвор ударился о руль и собрал неплохую коллекцию ушибов и ссадин. Счетчик Гейгера, как ни странно, остался цел и лежал рядом, спокойно пощелкивая и показывая нормальный фоновый уровень.

Издалека это выглядело самой обычной аварией, как если бы джип съехал в канаву и опрокинулся. Но Кейвор, к счастью для него, ехал не очень быстро, и никакой канавы на месте аварии не было. А наткнулся джип на нечто совершенно невозможное. То была невидимая стена — очевидно, нижний край полусферического купола, полностью окружающего реактор. Брошенные камни скатывались по его поверхности, а попытки подкопаться выявили, что купол продолжается и под землей. Все это подводило к мысли, что реактор очутился в центре непроницаемой сферической оболочки.

Разумеется, услышав эти замечательные новости, Кейвор тут же вскочил и убежал из больницы, разбрасывая в стороны медсестер. Он понятия не имел, что же произошло, но в любом случае его ждало нечто намного более интересное, чем рутинная отработка конструкций реакторов, с чего, собственно, все и началось.

Сейчас вы уже наверняка гадаете, какое, черт возьми, отношение силовая сфера — как ее назвали бы вы, писатели-фантасты,— имеет к антигравитации? Поэтому я перепрыгну на несколько дней вперед и сообщу вам выводы, к которым команда Кейвора пришла после упорной работы и поглощения многих галлонов крепкого австралийского пива.

Реактор, заработав, каким-то образом создал вокруг себя поле антитяготения. Вся материя в радиусе десяти метров стала невесомой, а необходимое для этого огромное количество энергии было совершенно таинственным образом извлечено из загруженного в реактор урана. Расчеты показали, что запаса энергии в реакторе как раз хватило бы на такую работу. Вероятно, и силовая сфера оказалась бы большего диаметра, если бы запаса энергии в источнике было больше.

Вижу, кто-то уже хочет задать вопрос, поэтому отвечу на него заранее. Почему же эта невесомая сфера не улетела в космос, спросите вы? Да ведь частички земли удерживает вместе сила сцепления, так с какой стати им куда-то улетать? Что же касается воздуха, то остаться внутри зоны с нулевой гравитацией его вынудила весьма удивительная и далеко не очевидная причина. И как раз она подводит меня к сути этой удивительной истории.

А теперь советую пристегнуть ремни: впереди нас ждет ухабистая дорога. Те, кто разбирается в теории потенциалов, поймут меня без труда, а для остальных постараюсь объяснить как можно проще.

Те, кто разглагольствует об антигравитации, редко задумываются о ее сути, поэтому давайте вспомним несколько фундаментальных истин. Как я уже говорил, вес подразумевает энергию — и много энергии. Эта энергия прямо связана с гравитационным полем Земли. Если вы лишаете предмет веса, это эквивалентно удалению его за пределы земной гравитации. И любой инженер-ракетчик сразу вам скажет, сколько энергии для этого требуется.

Гарри повернулся ко мне:

— В одной из твоих книг, Артур, есть очень хорошая аналогия, которой мне хочется воспользоваться. Помнишь — это где ты сравниваешь преодоление земной гравитации с подъемом из очень глубокого колодца.

— Я не против, пользуйся. Я ее сам одолжил у дока Ричардсона.

— А-а, понятно. Мне сразу подумалось, что она слишком хороша, чтобы быть твоей. Так вот, идем дальше. Если вы ухватили эту и в самом деле очень простую идею, то все в порядке. Для того чтобы полностью избавить предмет от оков земной гравитации, требуется совершить работу, равную его подъему на высоту в семь тысяч километров. Так вот, материя внутри созданной Кейвором силовой сферы все еще находилась на поверхности Земли, но утратила вес. Следовательно, с энергетической точки зрения она находилась за пределами гравитационного поля Земли. И была столь же недоступна, как если бы оказалась на вершине горы высотой семь тысяч километров.

Кейвор мог стоять снаружи от зоны антигравитации и заглядывать в нее с расстояния нескольких сантиметров. Од-

нако, чтобы перешагнуть эти несколько оставшихся сантиметров, он должен был совершить работу, равноценную подъему на Эверест семьсот раз подряд. И неудивительно, что джип столь резко остановился. Перед ним не было материального препятствия, однако с точки зрения динамики он врезался в утес высотой семь тысяч километров...

Я тут заметил несколько взглядов, чья осоловелость никак не связана с поздним часом. Ничего. Если вы и сейчас ничего не поняли, то просто поверьте мне на слово. Это не помешает вам разобраться в последующих событиях — во всяком случае, я на это надеюсь.

Кейвор немедленно понял, что совершил одно из важнейших открытий века, хотя в сути произошедшего разобрался не сразу. Последний намек на антигравитационную природу поля он получил, когда выстрелил в него из винтовки и заснял траекторию пули скоростной камерой. Изобретательно, верно?

Далее предстояло провести эксперименты с генератором поля и выяснить, что же произошло в реакторе после включения. А это оказалось воистину проблемой. Вот он, реактор, прямо перед глазами, до него всего десять метров. Но, чтобы добраться до него, требуется чуть больше энергии, чем на полет до Луны...

Кейвора не обескуражило ни это обстоятельство, ни упорный отказ реактора откликаться на любые команды с дистанционного пульта управления. У него появилась теория, что из реактора, образно говоря, высосана вся энергия, а для поддержания поля антигравитации, когда оно уже создано, требуется очень мало энергии или вовсе нисколько. Но выяснить это можно было лишь непосредственным осмотром реактора. Поэтому не мытьем, так катаньем, но Кейвор обязан был до него добраться.

Первой его идеей стало запустить в поле тележку на электрическом ходу, получающую питание от тянущихся сзади кабелей. Генератор мощностью в сотню лошадиных сил, работающий семнадцать часов подряд, выдаст достаточно

энергии, чтобы человек среднего веса совершил это опасное путешествие на десять метров. Скорость тридцать сантиметров в час не очень-то впечатляет, пока не вспомнишь, что продвижение на тридцать сантиметров в поле антигравитации равноценно подъему на триста пятьдесят километров по вертикальной стене.

В теории все выглядело здраво, но фокус с тележкой не получился. Она поползла было в поле, но выскользнула обратно, углубившись всего на сантиметр. Если подумать, причина становится очевидной. Мощности мотора хватало, зато трение отсутствовало. Никакому колесному экипажу не по силам въехать на склон с градиентом тысяча двести километров на метр.

Эта мелкая неудача не охладила пыл доктора Кейвора. Правильный ответ, как он сразу понял, состоит в приложении тягового усилия к точке, находящейся за пределами поля. Ведь когда надо поднять некий груз, его не кладут на тележку, а используют ворот или гидравлический подъемник.

Продуктом этого тезиса стало самое странное из когда-либо созданных средств передвижения. Небольшую, но удобную клетку с запасом провизии на несколько дней закрепили на конце десятиметровой горизонтальной балки. Над землей конструкцию поддерживали надувные шины. Теоретически клетку должна была протолкнуть в центр поля машина, остающаяся за ее пределами. Поразмыслив, на роль толкача выбрали бульдозер.

Для испытаний в пассажирское отделение посадили кроликов — и тут я не могу не отметить интересный психологический момент. Экспериментаторы желали добиться двоякого эффекта: как ученые, они были бы довольны, если бы кролики вернулись живыми, а как австралийцы — не менее счастливы, если бы те вернулись мертвыми. Ну, возможно, я несколько преувеличиваю... (Вы, разумеется, знаете, как австралийцы относятся к кроликам?)

И вот бульдозер пыхтел час за часом, заталкивая балку с живым грузом на конце на непостижимую высоту. Порази-

тельное было зрелище — вся эта энергия расходовалась для перемещения пары кроликов на десять метров строго по горизонтали. За объектами эксперимента можно было наблюдать во время всей операции: они выглядели вполне довольными жизнью и совершенно не подозревали о своей исторической роли.

Пассажирский отсек достиг центра поля и пробыл там час, а затем балку медленно вернули. Кролики были живы и здоровы, и никто особо не удивился, что теперь их стало шесть.

Доктор Кейвор, само собой, настоял на том, что первым отправится в поле с нулевой гравитацией. Он прихватил с собой торсионные весы, детекторы радиации и перископы, чтобы осмотреть реактор, когда окажется внутри. Потом он подал сигнал, бульдозер запыхтел, и странное путешествие началось.

Путешественник, естественно, поддерживал с внешним миром телефонную связь. По непонятной до сих пор причине звуковые волны не могли пересечь барьер, зато радио и телефон работали без проблем. Двигаясь вперед, Кейвор вел репортажи, описывая собственные ощущения и зачитывая коллегам показания приборов.

Первые же его ощущения, хотя и ожидаемые, оказались довольно неприятными. Едва он преодолел границу поля, горизонтальное и вертикальное направления сместились. «Верх» теперь означал направление не на небо, а на реактор. Кейвору казалось, будто его толкают вверх вдоль поверхности вертикального утеса, а в десяти метрах над головой висит реактор. Впервые и зрение, и органы чувств наглядно подтверждали новую научную теорию. Он мог видеть, что центр поля, в гравитационном смысле, находится выше, чем то место, откуда он начал путешествие. И все равно воображение отказывалось поверить в то, какое количество энергии требуется для преодоления ничтожных десяти метров и сколько сотен литров горючего должен сжечь дизель бульдозера, чтобы доставить его на место.

Само же путешествие никакого интереса не представляло, и через двадцать часов Кейвор наконец достиг цели. Стена реакторного здания была прямо перед ним, хотя для него она выглядела не как стена, а как пол, расположенный под прямым углом к скале, на которую он взобрался. Вход располагался прямо у него над головой — как люк, в который ему предстояло пролезть. Но это не составило бы для него труда, поскольку доктор Кейвор был энергичным молодым человеком и ему очень не терпелось узнать, как же он сотворил такое чудо.

Слишком не терпелось. Потому что, пытаясь пролезть в дверь, он поскользнулся и упал с доставившей его платформы.

Больше его никто не видел — но это вовсе не означает, что его больше никто не услышал. О нет! Его услышали на несколько километров вокруг...

И вы поймете почему, если проанализируете ситуацию, в которой оказался несчастный ученый. На его подъем были затрачены сотни киловатт-часов энергии — ее хватило бы на путь до Луны и обратно. И всю эту работу пришлось проделать, чтобы доставить его в точку с нулевым гравитационным потенциалом. И едва он потерял опору, энергия начала выплескиваться обратно. Если вернуться к уже упомянутой и весьма образной аналогии, то бедный доктор свалился с горы высотой семь тысяч километров, на которую только что поднялся.

И он упал на десять метров с высоты, на которую поднимался почти сутки. Ах, какое это было падение, друзья мои! Энергетически оно было эквивалентно падению со звезды на поверхность Земли. И все вы прекрасно знаете, какую скорость предмет развивает при таком падении. Это та самая скорость, какую надо развить, чтобы туда подняться,— знаменитая вторая космическая скорость. Двенадцать километров в секунду, или сорок пять тысяч километров в час.

Именно такую скорость доктор Кейвор и приобрел, падая к точке старта. Или, если точнее, это та скорость, кото-

рую он невольно пытался достичь. Едва он преодолел скорость звука, в дело вступило сопротивление воздуха. И погребальный костер доктора Кейвора стал великолепнейшей и поныне единственной демонстрацией падения метеорита, когда-либо наблюдавшегося на уровне моря...

Мне тоже очень жаль, что у этой истории нет счастливого конца. Фактически у нее нет никакого конца, потому что сфера с нулевым гравитационным потенциалом и сейчас находится в австралийской пустыне, приводя во все возрастающее отчаяние научные и официальные круги. Не представляю, как власти надеются и дальше сохранять ее существование в секрете. Иногда я думаю: как странно, что высочайшая в мире гора находится в Австралии — и хотя она высотой в семь тысяч километров, самолеты нередко пролетают прямо над ней, даже не замечая.

Вряд ли вы удивитесь, узнав, что на этом Г. Парвис завершил свое печальное повествование: даже он не смог бы его продолжить, да никто и не желал продолжения. Все мы, включая даже самых непримиримых его критиков, восхищенно молчали. Уже позднее я обнаружил шесть фундаментальных научных проколов в описании франкенштейновской судьбы доктора Кейвора, но в тот момент мне было не до научного анализа. (И я не намерен раскрывать, что же это за ошибки. Пусть они останутся, как пишут в популярных книгах о математике, упражнением для читателя.) Гарри приобрел нашу бессмертную благодарность за то, что, слегка пожертвовав правдивостью, предотвратил вторжение тарелочников в «Белый олень». Когда он закончил рассказ, было уже почти время закрытия, и у непрошеного гостя не осталось времени для контратаки.

Вот почему продолжение этой истории кажется мне немного несправедливым. Месяц спустя кто-то принес на наше очередное собрание странную брошюру — аккуратно отпечатанную и профессионально сверстанную (печально, когда профессиональный опыт используется не по назначению). Называлась она «Откровения летающей тарелки», и

с первой же страницы начинался пересказ сочиненной Гарри истории. Причем пересказ абсолютно серьезный — и, что еще хуже с точки зрения Гарри, он был указан как очевидец события.

С тех пор Гарри получил 4375 писем, по большей части из Калифорнии. Двадцать четыре раза его назвали лжецом, а 4205 человек поверили ему абсолютно и безоговорочно. (Оставшиеся письма он не смог прочесть из-за скверного почерка, и их содержание так и осталось неясным.)

Боюсь, он не заслужил такого, и иногда мне кажется, что он проведет остаток жизни, пытаясь разубедить людей в правдивости истории, которую, как он предполагал, никто не воспримет всерьез.

Наверное, во всем этом есть какая-то мораль. Но, хоть убейте, не могу понять, какая именно.

НА СТАРТ

Столько написано о первой экспедиции на Луну, поневоле спросишь себя: можно ли рассказать о ней что-нибудь новое? И все-таки мне кажется, что официальные доклады и отчеты очевидцев, радиорепортажи и магнитозаписи не воссоздают всей картины. Много говорится об открытиях — и очень мало о людях, которые их сделали.

Как командир «Индевера» и начальник британского отряда, я наблюдал немало такого, чего вы не найдете в книгах, и кое-что — не все — теперь можно рассказать. Надеюсь, когда-нибудь своими впечатлениями поделятся мои коллеги, командиры «Годдарда» и «Циолковского». Но капитан Ванденберг все еще на Марсе, а Краснин где-то между Венерой и Солнцем, так что пройдет не один год, прежде чем мы прочтем их воспоминания.

Чистосердечное признание, говорят, облегчает душу. Что ж, мне и впрямь будет легче, когда я расскажу правду о графике Первой лунной экспедиции, который всегда был окутан покровом тайны.

Общеизвестно, что все три корабля — американский, советский и британский — были собраны на орбите Третьей космической станции, на высоте девятисот километров над Землей, из частей, которые забросили транспортными ракетами. Хотя детали изготовили заранее, на сборку и испытание ушло больше двух лет; к концу этого срока многие, кто не понимал, как сложна задача, стали терять терпение. Люди видели десятки фотографий, даже телепередачи: три корабля в космосе рядом с Третьей станцией, как будто полностью смонтированные и готовые сию минуту уйти в полет. Но эти кадры не показывали, что идет еще тонкая кропотливая работа, установка и всесторонняя проверка тысяч труб, электропроводов, моторов и приборов.

© Перевод Л. Жданова.

Дата старта не была точно определена. Луна всегда находится примерно на одинаковом расстоянии от Земли, и можно стартовать чуть ли не в любое время — был бы корабль готов. Если говорить о расходе горючего, практически нет никакой разницы, вылетите ли вы в полнолуние, или новолуние, или какой-либо промежуточный день. Мы не хотели гадать, когда полетим, как ни добивались от нас определенного ответа. В космическом корабле столько узлов и деталей, которые могут вдруг выйти из строя; мы не собирались уходить от Земли, пока не выверим все до последнего винтика.

Никогда не забуду последнего совещания командиров, когда все собрались на космической станции, чтобы доложить о готовности. Каждый отряд выполнял свое задание, но экспедиция была совместной, поэтому договорились, что три корабля сядут на Луне в пределах двадцати четырех часов в заранее условленном районе Моря Жажды. Что же касалось подробностей, то тут командиры решали сами. Смысл этого? Ну хотя бы тот, что один не повторит ошибок другого.

— Я буду готов к первой репетиции старта завтра утром в девять ноль-ноль,— сообщил командор Ванденберг.— Как вы, джентльмены? Попросим командный пункт Земли проследить за всеми тремя?

— Что ж, о'кей,— сказал Краснин; его никак нельзя было убедить, что американцы уже двадцать лет не говорят «о'кей».

Я молча кивнул. Правда, у меня шалила одна группа контрольных приборов, но это большой роли не играло: к тому времени, когда баки заправят горючим, приборы будут налажены.

Репетиция охватывала всю программу старта; каждый участник должен был выполнить то, что предстояло ему в

полете. Конечно, мы тренировались еще на Земле, на макетах, но лишь здесь можно было устроить всестороннюю проверку. Только не взревут моторы, а так все будет как при настоящем старте.

Мы провели шесть репетиций, разобрали корабли, чтобы устранить неполадки, затем провели еще шесть репетиций. «Индевер», «Годдард» и «Циолковский» были в полной готовности. Теперь только заправиться, и можно трогать...

Не хочу даже вспоминать последние напряженные часы перед вылетом. Глаза всего мира обращены к нам... Время старта назначено с точностью до нескольких часов, испытания завершены, все, что зависело от нас, сделано.

И вот тут-то очень высокое начальство вызвало меня к радиоаппарату для совершенно секретного разговора. Мне сделали предложение, которое — учитывая, от кого оно исходило,— было равносильно приказу. Конечно, сказали мне, первая экспедиция — совместное предприятие, но нельзя забывать, сколь важно для нашего престижа опередить остальных. Хотя бы на час-другой...

Я был потрясен таким предложением и не стал этого скрывать. Работая плечом к плечу с Ванденбергом и Краснинным, я успел по-настоящему подружиться с ними. И я прибег к всяческим отговоркам, мол, орбиты уже рассчитаны, теперь ничего не сделаешь. Каждый корабль пойдет наиболее экономным маршрутом, сберегая горючее. Стартовав одновременно, мы и прилунимся в одно время, разница не превысит нескольких секунд.

К сожалению, кто-то предусмотрел и это. После заправки наши корабли в готовности номер один должны были сделать еще несколько оборотов вокруг Земли, прежде чем покинуть орбиту спутника и идти на Луну. На высоте девятисот километров мы делали полный оборот за девяносто пять минут, и на каждом круге лишь одна точка годилась для старта. Если мы стартуем за один оборот до срока, остальным придется ждать девяносто пять минут, чтобы идти за нами. И прилунятся они на девяносто пять минут позже...

Не буду излагать всех доводов, мне до сих пор стыдно, что я уступил, согласился предать товарищей. Тщательно высчитанная секунда настала, когда мы были в тени Земли и на миг для нас наступило затмение Солнца. Ванденберг и Краснин, честные ребята, думали, что я вместе с ними пройду еще один круг, а потом мы все вместе тронемся в путь. В жизни не чувствовал себя таким подлецом, как в ту секунду, когда я повернул пусковой ключ и ощутил рывок моторов, уносящих меня прочь от матери-Земли.

Следующие десять минут мы были заняты только нашими приборами, проверяли, как «Индевер» выдерживает расчетную орбиту. Наконец вырвались из объятий Земли, выключили моторы, и почти тут же ночная тень сменилась слепящим солнечным светом. Теперь до самой Луны — пять суток беззвучного полета по инерции — не будет ночи.

Уже две тысячи километров отделяют нас от Третьей космической и наших товарищей. Через восемьдесят пять минут, в назначенный срок, Ванденберг и Краснин выйдут на старт и ринутся следом за мной. Но догнать меня невозможно. Хоть бы не очень сердились, когда встретимся на Луне...

Включив кормовую телекамеру, я увидел далекое светящееся пятнышко. Третья космическая только что вышла из земной тени. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что «Годдард» и «Циолковский» не парят там, где я их покинул...

Оба корабля шли в километре от меня, не отставая ни на шаг. Мгновение я глядел на них, не веря собственным глазам, и вдруг понял: не только англичанам пришла в голову блестящая идея... «Ах, черти, обманщики!» — подумал я. И рассмеялся. Только через несколько минут я вспомнил о командном пункте и успокоил озадаченных наблюдателей. Все идет по плану — правда, не по тому плану, который объявлен первоначально...

Потом в эфире зазвучали смущенные голоса: мы поздравляли друг друга с успешным стартом. А вообще-то, мне ка-

жется, в душе каждый из нас был рад такому обороту дела. Остальную часть пути нас разделяло самое большее несколько километров, а садились мы так согласованно, что тормозные ракеты трех кораблей одновременно обожгли своим дыханием поверхность Луны.

Ну хорошо, не совсем одновременно. Я мог бы, конечно, с гордостью сослаться на показания приборов, подтверждающих, что «Индевер» опередил Ванденберга на две пятых секунды. Но ведь ровно на столько же Краснин опередил меня.

Учитывая дистанцию — четыреста пятьдесят тысяч километров,— думаю, что вы поместили бы всех троих на верхнюю ступеньку пьедестала почета...

РОБИН ГУД, ЧЛЕН КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА

Мы прилунились на рассвете долгого лунного дня. Равнину исчертили длинные — на километры — косые тени. Чем выше Солнце, тем они будут короче, а в полдень почти исчезнут. Но до полудня пять земных суток, до ночи — еще семь. Впереди почти две недели дневного света, потом Солнце зайдет, и царицей неба станет голубая Земля.

В первые дни было столько хлопот, что почти не оставалось времени для исследований. Надо было разгрузить корабли, освоиться с необычной обстановкой, как следует овладеть большими и малыми электровездеходами, расставить герметичные купола, в которых нам жить и работать, пока не придет пора возвращаться. На худой конец можно оставаться в кораблях, но там и тесно, и неудобно. Конечно, в куполах тоже не слишком просторно, но после пяти дней в космосе они показались нам роскошными апартаментами; длинные трубы, соединенные с воздухоочистителями на кораблях, позволяли дышать вполне сносным воздухом. Естественно, американцы соорудили себе самый вместительный купол, со всевозможными приспособлениями, включая го-

рячую мойку для посуды. Не говоря уже о стиральной машине, которую они охотно одалживали нам и русским.

Десять дней спустя, уже «под вечер», мы наконец-то завершили организационный период и могли подумать о серьезных научных исследованиях. Состоялись первые несмелые вылазки в неизведанные просторы вокруг базы. Конечно, у нас были подробнейшие карты и фотоснимки района, в котором мы прилунились, но они подчас оказывались удивительно обманчивыми. На карте — маленький бугорок, а для человека в скафандре — целая гора; гладкие равнины местами покрывала глубокая, по колено, пыль, которая чрезвычайно затрудняла ходьбу. Но все это, разумеется, пустяки, и слабое тяготение возмещало многие неудобства.

По мере того как у ученых копились наблюдения и образцы, росла нагрузка на радио- и телевизионные каналы с Землей, и наконец узлы связи перешли на непрерывную работу. Мы дорожили каждой минутой: даже если нам самим не суждено вернуться на Землю, туда попадут собранные нами знания.

Первая автоматическая грузовая ракета прилунилась за два дня до заката, точно по расписанию. Мы приметили на фоне звезд пламя тормозных двигателей, потом оно вспыхнуло снова, уже перед самой посадкой. Собственно посадку мы не могли видеть с базы, для безопасности ракета садилась в пяти километрах от нее. А на Луне пять километров — это за горизонтом.

Когда мы подошли к ракете-автомату, она уже стояла на амортизирующей треноге, чуть накренившись, но целехонькая. И груз был в полной сохранности, от приборов до продовольствия. Ликуя, мы отвезли все на базу и с некоторым опозданием отпраздновали покорение Луны. Люди потрудились основательно, не грех было и отдохнуть.

Славно повеселились, ничего не скажешь. Гвоздем программы был казачий танец в исполнении облаченного в скафандр Краснина. Потом нам пришло в голову устроить состязания, однако мы быстро убедились, что выбор видов

спорта сильно ограничен. Нужно ли объяснять почему? Крокет и кегли подошли бы, да нечем играть, а вот футбол, скажем, или крикет начисто отпадали. При таком тяготении футбольный мяч от сильного удара улетел бы за километр, крикетный и вовсе исчез бы бесследно.

Первым придумал подходящий для Луны вид спорта профессор Тревор Уильямс, наш астроном. Кстати, он был одним из самых молодых членов Королевского астрономического общества: Уильямсу исполнилось всего тридцать лет, когда он получил это почетное звание. Труды по межпланетной навигации принесли Тревору Уильямсу мировую славу; менее известны были успехи профессора в стрельбе из лука. Два года подряд он выигрывал первенство Уэльса. И я нисколько не удивился, застав его за стрельбой по мишени, водруженной на груде лунного шлака.

Лук был довольно своеобразный: древко склеено из пластмассы, тетива сделана из стальной мерной проволоки. Откуда только он все это раздобыл? Но тут я вспомнил, что транспортную ракету безжалостно разорили, теперь куски ее можно было встретить в самых неожиданных местах. Однако всего замечательней, пожалуй, были стрелы. Чтобы придать им устойчивость в безвоздушной среде, перья, разумеется, не годились. Тревор сделал стрелы нарезными, а древко снабдил маленьким приспособлением, которое заставляло их вращаться наподобие пули, и они летели прямо.

Даже из такой самоделки можно было при желании пустить стрелу на целый километр. Но Тревор не собирался растрачивать драгоценные стрелы, он предпочитал упражняться в меткости. Странно было видеть, как стрелы летели почти параллельно поверхности Луны. Кто-то посоветовал Тревору быть поосторожнее — не то его стрелы превратятся в этакие лунные спутники и, завершив оборот, его же поразят в спину...

Вторая грузовая ракета пришла на следующий день после первой, однако на этот раз случилась промашка. Посад-

ка-то была безупречной, но, к сожалению, автопилот, нащупывая радаром площадку, допустил одну из тех ошибок, от которых эти простодушные механизмы невозможно отучить. Он выбрал единственную во всем районе совершенно неприступную горку, захватил лучом ее вершину, и ракета опустилась на нее, точно орел на скалу.

До зарезу нужное снаряжение — на высоте ста пятидесяти метров, а через несколько часов наступит ночь. Как быть?

Человек пятнадцать одновременно предложили решение. Пять минут на базе царила суматоха: мы собирали весь наличный запас нейлонового шнура. И вот уже подле ног Тревора, аккуратно свернутый, лежит шнур длиной больше тысячи метров, и мы нетерпеливо ждем. Он привязал конец шнура к стреле, натянул тетиву и для пробы выстрелил в небо. Стрела взлетела на половину высоты горки, затем вес шнура заставил ее вернуться.

— Жаль,— сказал Тревор.— Сильнее не могу. И ведь еще надо приладить какой-то крюк, чтобы шнур зацепился.

Мы уныло смотрели, как сверху медленно падают кольца нейлона. Что и говорить, положение дурацкое. В наших кораблях достаточный запас энергии, чтобы перебросить нас за полмиллиона километров, а какая-то горка нам не под силу! Будь у нас время в запасе, можно бы поискать пути на противоположном склоне, но ведь для этого нужно пройти не один километр. Да и то подъем мог оказаться опасным, если не вовсе невозможным, ведь до темноты осталось лишь несколько часов.

Но не в обычае ученых долго пасовать, и слишком много собралось тут острых (порой даже чересчур острых) умов, чтобы преграда могла устоять против них. Правда, эта новая задачка оказалась помудренее, и лишь трое одновременно нашли ответ. Тревор подумал, потом уклончиво ответил:

— Что ж, можно попробовать.

Подготовка требовала времени, и мы озабоченно смотрели, как тень все выше и выше ползет вверх по нависшей

над нами скале. «Допустим,— говорил я себе,— Тревору даже удастся забросить на вершину крюк со шнуром — не так-то просто вскарабкаться туда в громоздком скафандре». Меня никогда не манили высоты, и я был только рад, что нашлось столько охотников совершить восхождение.

Но вот все готово. Шнур смотали так, чтобы он легко разматывался. В полутора метрах ниже стрелы к нему приладили легкий крюк. Хоть бы зацепился на горе — и не подвел нас в решающий миг!

На этот раз Тревор должен был послать не одну стрелу, а четыре; они были прикреплены к шнуру через двести метров. Никогда не забуду это нелепое зрелище: в закатных лучах человек в скафандре нацеливает лук в небо...

Вот метнулась к звездам стрела. Она не прошла и пятнадцати метров, как Тревор положил на тетиву самодельного лука вторую, и та понесла вверх конец повисшей в космосе длинной петли. Третья стрела ринулась следом, и наконец четвертая — могу в этом поклясться — сорвалась с тетивы прежде, чем первая заметно замедлила полет.

Теперь, когда уже не одна стрела поднимала шнур, было не так трудно достичь нужной высоты. Дважды крюк падал обратно, на третий раз он за что-то прочно зацепился, и первый доброволец стал карабкаться вверх. Конечно, здесь он весил всего около тринадцати килограммов, но все-таки далеко падать...

Он не упал. Не прошло и часу, как начался спуск снаряжения, доставленного грузовой ракетой. Еще до темноты мы сняли с горы все самое главное. Увы, моя радость заметно померкла, когда один из инженеров гордо показал мне присланную по его заказу с Земли губную гармонику. Что-то говорило мне: этот инструмент успеет нам всем осточертеть задолго до конца долгой лунной ночи...

Разумеется, было бы смешно винить в этом Тревора. А когда все вместе, пересекая затопившие равнину черные тени, возвращались к кораблю, мы услышали от астронома предложение, которое, не сомневаюсь, немало озадачило тех,

кто знакомился с подробными картами в отчете Первой лунной экспедиции.

В самом деле, немудрено и удивиться: с какой стати плоская безжизненная равнина с одной-единственной невысокой горкой теперь на всех лунных картах называется Шервудским Лесом!

ЗЕЛЕНЫЕ ПАЛЬЦЫ

Я очень жалею, что мне не пришлось самому познакомиться с Владимиром Суровым; теперь-то поздно. Небольшого роста молчаливый человек, который хорошо понимал, но недостаточно свободно говорил по-английски — вот каким он мне запомнился. Впрочем, мне кажется, он был отчасти загадкой и для своих же товарищей. Когда бы я ни приходил на «Циолковский», он постоянно сидел где-нибудь в уголке, делая записи или прильнув к микроскопу. Словом, человек умел уединяться даже в маленьком тесном мире космического корабля. Остальных членов экипажа его замкнутость как будто не отталкивала, напротив, они всегда обращались к нему с любовью и уважением. Ничего удивительного: труды Сурова по выведению растений, способных жить за Полярным кругом, сделали его самым известным ботаником в Советском Союзе.

То обстоятельство, что русские взяли с собой на Луну ботаника, вызвало немало улыбок. А между тем что тут странного, ведь были же и в британском, и в американском отрядах биологи! Еще до Первой лунной экспедиции ученые собрали достаточно данных, чтобы заключить, что, хотя на Луне нет ни воздуха, ни воды, там может быть растительность. Одним из самых видных сторонников этой теории был президент Академии наук СССР. Из-за возраста он не мог сам участвовать в экспедиции, и президент принял самое разумное решение: послал Владимира Сурова.

Первым серьезным разочарованием, которое поднесла нам Луна, оказалось полное отсутствие растительности, будь

то живой или ископаемой, на площади в тысячу квадратных километров, исследованной нашими отрядами. Даже самые отъявленные скептики, решительно утверждавшие, что на Луне не может быть никакой жизни, несомненно, были бы рады убедиться в своей неправоте. И убедились — пять лет спустя, когда Ричардс и Шэннон сделали свое поразительное открытие на огромной, окаймленной валом равнине Эратосфена. Но это было уже потом, а тогда казалось, что Суров прилетел напрасно.

Однако он не пал духом, трудился так же прилежно, как и все остальные: изучал образцы почв и присматривал за небольшим гидропонным огородом — блестящей паутиной прозрачных труб, которые окружили «Циолковский». Ни мы, ни американцы не стали затевать ничего подобного. Рассчитали, что лучше доставлять продовольствие с Земли, чем выращивать его на месте; во всяком случае, пока не создана постоянная база. Мы были правы с экономической точки зрения, но о настроении не подумали. Маленькие герметические парники, где Суров выращивал свои овощи и карликовые плодовые деревья, стали оазисом, который неудержимо притягивал к себе наши взгляды, едва нам надоела окружающая нас огромная пустыня.

В положении начальника много отрицательных сторон, так, мне очень редко удавалось по-настоящему заниматься исследованием. Подолгу приходилось готовить доклады для Земли, проверять запасы, составлять программы и расписания, совещаться с моими американскими и русскими коллегами; да еще нужно было — это далеко не всегда удавалось — пытаться предугадать очередной затор. В итоге я по два-три дня не покидал базу; товарищи острили, что в моем скафандре уже моль завелась.

Возможно, я именно поэтому так живо помню каждую свою вылазку, помню и единственную встречу с Суровым. Это было около полудня. Солнце висело высоко в небе над южными хребтами; в нескольких градусах от него можно

было различить серебристую ниточку Земли. Наш геофизик Гендерсон собрался замерить магнитное поле в заранее намеченных точках, примерно в трех километрах восточнее базы. Все были заняты, а у меня как раз выдалась передышка, и я пошел вместе с ним.

Путь был не очень далекий, скутер брать незачем, тем более что аккумуляторы уже основательно разрядились. И вообще я любил просто пройтись. Не из-за пейзажей — даже к самым великолепным картинам природы в конце концов привыкаешь. Меня неизменно привлекало другое — легкость и плавность, с какой двигаешься на Луне. Я перемещался огромными шагами, упиваясь чудесным ощущением, которое до космических полетов было знакомо человеку только в снах.

Мы сделали замеры и были на полпути к дому, когда я в двух километрах от нас, в районе советской базы, заметил на равнине движущуюся фигуру. Приладив бинокль внутри гермошлема, я пригляделся внимательнее. Конечно, человека в скафандре даже вблизи не узнаешь, но по номеру и раскраске можно было всегда определить, с кем вы встретились.

— Кто это? — спросил Гендерсон; мы сообщались с ним по радиофону.

— Голубой скафандр, номер 3... Очевидно, Суров. Но тут что-то непонятное: он один.

В лунных изысканиях чуть ли не первое правило гласит: нельзя никуда уходить одному. Всякое может случиться... И то, что двоим не страшно, может оказаться гибельным для одного. Допустим, появилась крохотная дырочка на поясница вашего скафандра — как вы ее залатаете? Смешно? А ведь такие вещи происходили.

— Может быть, с его напарником случилась беда, и Суров пошел за помощью,— предположил Гендерсон.— Вызвать его?

Я покачал головой. Суров явно не торопился. Он ходил куда-то один и теперь не спеша возвращался на «Циолков-

ский». Пусть даже Краснин не прав, выпуская людей поодиночке, все-таки неловко вмешиваться в его дела. Ну а если Суров просто нарушил правила — опять-таки не мне доносить об этом.

В последующие два месяца мои люди часто видели вдали от базы одинокую фигуру Сурова, но он всегда сворачивал в сторону, если кто-нибудь из них подходил. Осторожные расспросы помогли мне выяснить, что нехватка людей принудила командира Краснина пойти на некоторые послабления. Но чем занимался Суров, я не узнал; мог ли я подозревать, что его начальник тоже в неведении!

Когда я услышал в наушниках сигнал тревоги, переданный русскими, моей первой мыслью было: «Я так и знал». Каждой из трех экспедиций уже не раз приходилось посылать на выручку своим людям спасательные отряды, но впервые затерявшийся человек не ответил на вызов корабля. После краткого радиосовещания во все стороны от баз поспешно разошлись спасатели.

Я опять шел с Гендерсоном; естественно, мы направились в ту сторону, где уже видели однажды Сурова. Туда простиралась «наша», так сказать, территория, это было сравнительно далеко от суровского корабля. И, карабкаясь по пригоркам, я впервые подумал, что русский ученый, возможно, занимался там опытами, которые хранил в тайне даже от своих товарищей. Что бы это могло быть?

Гендерсон первым нашел его и тотчас вызвал помощь. Увы, было слишком поздно: Суров лежал ничком в опавшем, сморщенном скафандре. Очевидно, он стоял на коленях, когда что-то пробило пластиковый гермошлем. Следы показывали, что ученый упал замертво.

Когда подоспел командир Краснин, мы все еще разглядывали поразительный предмет, который в предсмертную минуту изучал Суров. Из камня, укоренившись в нем множеством тонких щупалец, торчал покрытый зеленоватой кожицей овал метровой высоты. Да-да, укоренившись: это было

растение. Чуть подальше стояли еще два, поменьше, видимо, погибшие — они потемнели и высохли.

«Выходит,— сказал я себе,— на Луне все-таки есть жизнь!» Но тут заговорил Краснин, и я понял, что истина куда удивительнее.

— Бедняга Владимир! — произнес он.— Мы знали, что он гений, и все же посмеялись, когда он рассказал нам о своей мечте. Вот и решил втайне завершить свой величайший труд... Он победил своей гибридной пшеницей Арктику, но то было только начало: он принес жизнь на Луну. И смерть тоже...

Я был поражен, это казалось чудом. Теперь-то весь мир знает историю «Суровского кактуса» (название столь же закономерное, сколь неточное), и он уже никому не кажется чудесным. Записи ученого все рассказали, в них описаны многолетние опыты, как он вывел растение с плотной кожистой оболочкой, которой не страшен вакуум. Длинные корни, выделяющие кислоты, позволили растению приживаться на таких скалах, где даже лишайник не нашел бы себе пищи. А потом уже мы увидели, как осуществилась вторая ступень мечты Сурова: «кактус» его имени преобразил огромные площади каменных пустынь Луны и проложил путь для других растений, которые теперь кормят всех жителей лунных баз.

...Краснин нагнулся над телом товарища и легко его поднял. Ощупал разбитый гермошлем и озадаченно покачал головой.

— Что же произошло? — спросил он.— Можно подумать, виновато растение, но ведь это нелепо.

Зеленая загадка стояла среди ожившей равнины, дразня нас своей тайной и нераскрытыми еще возможностями. И тут медленно, точно размышляя вслух, заговорил Гендерсон:

— Мне кажется, я знаю ответ. Вспомните, что нам рассказывали в школе, на уроках ботаники... Ведь Суров выводил растение для лунных условий, значит, должен был по-

думать, как оно будет размножаться. Нужно, чтобы семена разбросало очень далеко во все стороны, так больше надежды, что они попадут на подходящий участок и прорастут. На Земле семена разносят птицы, насекомые, животные, тут ничего такого нет. Я могу представить себе только один способ; кстати, некоторые земные растения уже располагают таким механизмом.

Его перебил мой вопль. Что-то с силой, звонко ударило в металлический пояс моего скафандра. Удар не причинил мне никакого вреда, только напугал.

А подле моих ног лежало семя, размерами и видом напоминающее сливовую косточку. В нескольких метрах от него мы нашли второе, то самое, которое разбило гермошлем Сурова, когда ученый нагнулся. Он знал, конечно, что семена созрели, но второпях забыл, чем это грозит. Вспомните про слабую гравитацию на Луне; я сам видел, как «кактус» метал свои семена на полкилометра. Творение Сурова его же и «застрелило» в упор.

НЕ ВСЕ, ЧТО БЛЕСТИТ

Командор Ванденберг рассказал бы эту историю лучше меня, но он далеко, за много миллионов километров. А речь пойдет о его геофизике, докторе Пейнтере, который (во всяком случае, так все считали) сбежал на Луну от жены.

Правда, то же говорили и о многих других (особенно сами жены), но на сей раз это была не шутка. И не то чтобы он не любил жену, скорее напротив: Пейнтер готов был сделать для нее все. На беду, ее желания всякий раз обходились ему слишком дорого. Его супруга была женщиной с экстравагантными вкусами, а таким женщинам лучше не выходить замуж за ученых, даже таких, которые улетают на Луну.

Главной слабостью миссис Пейнтер были драгоценные камни, особенно брильянты. Нетрудно понять, что эта слабость доставляла немало беспокойства доктору Пейнтеру.

Как заботливый и нежный супруг, он не только беспокоился, но и принимал меры. И Пейнтер стал одним из ведущих мировых специалистов по алмазам; уточню: как ученый, не как коммерсант. О происхождении, составе и свойстве алмазов он знал, наверное, больше, чем кто-либо иной. К сожалению, можно очень много знать об алмазах и не иметь ни одного. А какая радость миссис Пейнтер от эрудиции мужа — ее не повесишь себе на шею, отправляясь на прием...

Я уже говорил, что геофизика была основной специальностью доктора Пейнтера; алмазы представляли собой, так сказать, побочное увлечение. Он создал много замечательных приборов, позволяющих с помощью электронных импульсов и магнитных волн проникнуть в недра Земли, получить своего рода рентгеновский снимок ее скрытой от глаз толщи. Неудивительно, что его включили в число тех, кто должен был попытаться разведать таинственные недра Луны.

Пейнтер охотно согласился участвовать в экспедиции, но командору Ванденбергу показалось почему-то, что геофизик предпочел бы задержаться на Земле. Кстати, не он один. Иные просто боялись, и ничего нельзя было сделать; из-за этого пришлось забраковать многих отличных людей. Однако на этот раз дело было не в личных переживаниях. Пейнтер только что начал очень важный опыт, речь шла о задаче, которой он посвятил много лет, и ему не хотелось покидать Землю, не дождавшись ответа. Но Первая экспедиция не могла ждать его, и пришлось доктору положиться на своих ассистентов. Правда, он непрерывно обменивался с ними зашифрованными радиограммами, к превеликому неудовольствию узла связи Третьей космической станции.

Столкнувшись с чудесами нового мира, Пейнтер скоро забыл свои прежние заботы. Он без конца колесил по поверхности Луны на одном из маленьких удобных электроскутеров, которые захватили с собой американцы, вооруженный сейсмографами, магнитометрами и прочими хитроумными орудиями геофизика. Доктор Пейнтер хотел за

несколько недель узнать о Луне столько же, сколько человек узнал о Земле за сотни лет. Конечно, в его распоряжении была только малая часть из двадцати пяти миллионов квадратных километров лунной поверхности, но если уж работать — так работать основательно!

Он по-прежнему получал телеграммы от своих сотрудников на Земле, а также короткие, но исполненные горячих чувств весточки от супруги. Но ни то ни другое его как будто не волновало. Даже если вы не заняты настолько, что некогда глаз сомкнуть, полмиллиона километров помогают вам как-то по-новому взглянуть на свои личные дела. Мне кажется, на Луне доктор Пейнтер впервые за всю свою жизнь был по-настоящему счастлив (кстати, не только он).

Неподалеку от нашей базы находился великолепный кратер, этакое исполинское дыхало диаметром свыше трех километров. Но на первых порах наши совместные работы сосредоточились в другом районе, и прошло полтора месяца, прежде чем Пейнтер смог получить маленький вездеход и вместе с еще тремя исследователями отправиться на разведку к кратеру. Уйдя за горизонт, они вышли также из зоны радиосвязи, однако это нас не тревожило: если что-нибудь случится, они всегда могут связаться с Землей, а оттуда уже передадут радиограмму нам.

Отряд Пейнтера отсутствовал сорок восемь часов, а это предельный срок непрерывной работы на Луне, даже если вы применяете стимулирующие средства. Поначалу все шло гладко, а потому и не особенно интересно; они добросовестно выполняли программу исследований. Достигли кратера, поставили герметичный купол, разложили снаряжение, произвели все замеры, затем установили маленький буровой станок, чтобы взять образцы пород. И вот тут-то, ожидая, когда бурильный снаряд извлечет из лунных недр аккуратный столбик, Пейнтер сделал свое второе великое открытие. Первое было им сделано десятью часами раньше, хотя он тогда об этом не знал.

Вдоль кромки кратера, выброшенные с глубины нескольких километров могучими взрывами, которые изуродовали лунный лик триста миллионов лет назад, громоздились гигантские обломки коренных пород. Да, буровым станком так недра не разворотишь... Жаль только, что эти исполинские образцы были разбросаны на огромной площади в полном беспорядке; необузданные силы, извергшие их на поверхность, нарушили всякую последовательность пластов.

Карабкаясь по горам этого необычного шлака, Пейнтер тут и там отбивал геологическим молотком посильные ему образцы. Вдруг товарищи услышали громкий крик, и доктор наук подбежал к ним, держа в руках осколки довольно скверного стекла. Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился настолько, что смог объяснить, из-за чего поднял такой шум. И понадобилось еще некоторое время, пока отряд вспомнил о своей задаче и продолжил работу по программе.

Ванденберг издали приметил четверку, когда она возвращалась к кораблю. Не похоже, чтобы они особенно устали, а ведь двое суток на ногах... Больше того, даже скафандры не могли скрыть не совсем понятную живость их движений. Сразу видно, что экспедиция прошла успешно. Что же, есть двойное основание поздравить доктора Пейнтера. Как ни туманна полученная с Земли срочная радиограмма, ясно, что опыт Пейнтера закончился полным триумфом.

Но при виде того, что держал в руке геофизик, командор Ванденберг забыл о радиограмме. Он знал, как выглядит негранёный алмаз. Только знаменитый «Каллинен» весом 3026 карат превосходил размерами этот.

— Ничего удивительного,— услышал командир захлебывающийся радостью голос Пейнтера.— Алмазы всегда находят там, где есть вулканические трубки. Но почему-то мне не приходило в голову, что эта закономерность распространяется на Луну.

Тут Ванденберг вдруг вспомнил про радиограмму и отдал ее геофизику. Ученый быстро пробежал текст глазами и ра-

зинул рот. После Ванденберг говорил мне, что никогда не видел, чтобы человек был так убит поздравительной телеграммой... Вот она:

ЗАДАЧА ВЫПОЛНЕНА. ОПЫТ 541 ПРИМЕНЕНИЕМ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО ТИГЛЯ УВЕНЧАЛСЯ УСПЕХОМ. РАЗМЕРЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕОГРАНИЧЕННЫЕ, СЕБЕСТОИМОСТЬ НИЧТОЖНАЯ.

— В чем дело? — спросил Ванденберг, глядя на потрясенное лицо геофизика.— Новость-то вроде хорошая!

Пейнтер глотнул раз-другой, словно рыба на берегу, и растерянно уставился на большой — чуть ли не во всю ладонь — кристалл. Затем подбросил его в воздух; кристалл медленно опустился обратно.

Наконец геофизик обрел дар речи.

— Моя лаборатория,— заговорил он,— уже много лет пыталась синтезировать алмазы. Вчера вот эта штука стоила миллион долларов. Сегодня — сотни две, не больше. Я даже не уверен, захочу ли тащить его с собой на Землю...

Конечно, он увез кристалл, у кого хватило бы духу выбросить такого красавца. Около трех месяцев миссис Пейнтер носила лучшее в мире бриллиантовое ожерелье, которое вполне стоило тысячи долларов (стоимость гранения и полировки). Потом процесс Пейнтера был освоен промышленностью, а месяцем позже она получила развод. Основание? Крайне жестокое обращение со стороны мужа. Вы, конечно, скажете — поделом...

ФЕЕРИЧЕСКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Я немало удивился, прочтя в справочниках, что один из самых нашумевших опытов, проведенных нами на Луне, фактически был подготовлен еще в 1955 году, неполных десять лет после того, как вообще стали применять ракеты для исследования высших слоев атмосферы. Ну вот, в 1955 году

состоялся эксперимент, в ходе которого на огромной высоте выпустили натриевое облако.

Посмотрите с Земли на небо: даже в самую ясную ночь пространство между звездами не кажется совсем черным. Глаз улавливает очень слабое свечение, которое отчасти вызвано атомами натрия в атмосфере, на высоте примерно двухсот километров. Чтобы набрать спичечную коробку натрия, пришлось бы «просеять» не один кубический километр ионосферы, вот исследователи и решили, что получится великолепный фейерверк, если забросить на ракете в ионосферу сразу несколько килограммов.

Они не ошиблись. Натрий, выброшенный ракетой в небесах над Уайт-Сендом, образовал большое желтое облако, и целый час, пока не рассеялись атомы, точно сиял искусственный лунный свет. Забавный опыт, однако его провели не ради забавы, он преследовал серьезные научные цели. Приборы, улавливавшие свечение, позволили получить новые данные о верхних слоях атмосферы; эти данные легли в копилку сведений, без которых никогда не удалось бы начать космические полеты.

Прилетев на Луну, американцы решили, что не худо бы повторить опыт, разумеется, в гораздо больших масштабах. Несколько сотен килограммов натрия прочертят в лунной атмосфере светящийся след, который легко будет увидеть с Земли в обычный бинокль!

(Кстати, есть люди, которым до сих пор невдомек, что у Луны *есть* атмосфера. Конечно, слишком разреженная, чтобы можно было дышать, но приборы ее обнаруживают. А роль противометеоритного щита она выполняет превосходно: как-никак ее толщина достигает сотен километров.)

Предстоящий запуск был у всех на устах. Очередная грузовая ракета доставила с Земли натриевую «бомбу». Действие — очень простое: от запала вспыхивал зажигательный заряд, натрий начинал испаряться, и под давлением паров лопалась перегородка, которая через сопло особой формы выпускала натриевое облако в небеса. Запуск должен был

состояться вскоре после наступления ночи. Вырвавшись из лунной тени под солнечные лучи, облако засияет ослепительным светом.

Наступление ночи на Луне — одно из самых потрясающих зрелищ в природе. Особенно когда глядишь на медленно исчезающий за горами пламенный диск Солнца и думаешь о том, что пройдет четырнадцать земных суток, прежде чем оно покажется вновь... Но закат не сменяется полным мраком, во всяком случае на этой стороне Луны. Остается недвижно висящая в небе Земля, единственное небесное тело, которое не восходит и не заходит. Отражаемый ее облаками и океанами свет озаряет лунный ландшафт мягким го́лубовато-зеленым сиянием; и подчас ночью легче ориентироваться, чем днем, когда слепит глаза Солнце.

Даже те, кто был свободен от дежурства, вышли посмотреть. Натриевую «бомбу» поместили в центре большого треугольника, образуемого тремя кораблями; она стояла вертикально, нацеленная на звезды. Доктор Андерсен, астроном американского отряда, проверил запальный механизм; остальные держались поодаль на почтительном расстоянии. «Бомба» выглядела́ очень грозно, хотя представляла собой не большую опасность, чем сифон для газированной воды.

Были собраны все оптические приборы трех экспедиций. Те́лескопы, спектроскопы, кинокамеры стояли наготове в ряд. Но это было ничто по сравнению с батареями приборов, которые в этот миг смотрели на нас с Земли. Сегодня ночью все астрономы-любители будут дежурить у себя в саду, слушая радиорепортаж с Луны. Я взглянул на огромную лучезарную планету — похоже, над материками почти нет облаков, видимость на Земле будет хорошая. Что ж, это только справедливо: как-никак их труд лежит в основе всего, что происходит здесь.

До запуска оставалось пятнадцать минут. В который раз я пожалел, что нельзя выкурить сигарету в скафандре без ущерба для видимости. Столько гораздо более сложных задач решено нашими учеными, а вот такой пустяк — до сих пор проблема!

Чтобы убить время (наш отряд не участвовал в пуске бомбы), я включил радио и стал слушать Дейва Болтона. Он неплохо вел репортаж. Блестящий математик, Дейв был у нас главным навигатором. Кроме того, он был боек на язык и любил цветистые обороты; иногда Би-си-си приходилось редактировать его репортажи. На этот раз редакторы ничего не могли сделать — через ретрансляционные станции передача шла прямо в эфир.

Дейв кратко и вполне вразумительно объяснил смысл нашего опыта, рассказал, как светящееся натриевое облако, поднимаясь со скоростью около двух тысяч километров в час, поможет нам судить о лунной атмосфере.

— Однако,— продолжал он, обращаясь к нетерпеливо ожидающим миллионам на Земле,— важно уяснить себе следующее. После запуска «бомбы» первые десять минут вы ничегошеньки не заметите, да и мы тоже. В лунной тени натриевое облако будет совершенно невидимо. И вдруг вспыхнет ярким светом от солнечных лучей, которые сейчас пронизывают космос высоко над нами. Трудно заранее определить силу света, но вы, наверное, увидите его в двухдюймовый телескоп. Пожалуй, даже в сильный бинокль.

В этом духе ему надо было развлекать слушателей еще десять минут; как это удавалось Дейву — выше моего разумения. Но вот наступила великая минута: Андерсон нажал стартовую кнопку. «Бомба» закипела, натрий испарялся, и давление внутри ее росло. Тридцать секунд спустя из длинного узкого сопла, направленного в небо, вдруг вырвался словно клуб дыма. Теперь — ждать еще десять минут, пока незримое облако мчится к звездам. «После такой шумихи,— сказал я себе,— нам просто нельзя сесть в лужу».

Проходили секунды, минуты... Внезапно в небе загорелся желтоватый свет! Ярче, ярче, казалось, некий художник кладет широкой кистью мазки пламени среди звезд. Я пожирал глазами эту необычайную зарю... И вдруг понял, что

какой-то мудрец ухитрился побить все рекорды в области рекламы! Мазки складывались в буквы, а буквы образовали два слова — название безалкогольного напитка, достаточно известного, чтобы мне нужно было его расписывать.

Как это сделали? Ответ напрашивался сам. Кто-то поместил в сопло натриевой «бомбы» специальный трафарет, так что струи вырвавшегося пара приняли нужные очертания. Помех никаких, и буквы благополучно проделали свое незримое восхождение к звездам. Мне доводилось видеть на Земле воздушную рекламу, но масштабы не шли ни в какое сравнение. Что бы я ни думал в глубине души об этих ловкачах, нельзя было не восхищаться их изобретательностью. «К» и «А» не совсем удались, зато «О» было гораздо лучше, а «Л» просто безупречно.

Сперва, конечно, все растерялись; к счастью, это длилось недолго, и научная программа была выполнена целиком. Жаль, не помню, как вышел из положения Дейв Болтон; орешек был крепкий даже для его зубов. Правда, половина Земли своими глазами видела то, что он описывал. А на следующее утро все газеты поместили знаменитый снимок лунного серпа с яркими буквами над затемненным сектором.

Больше часа буквы плыли в космосе. Под конец слова растянулись на тысячу километров, и контуры стали совсем расплывчатыми. Потом буквы растаяли в межзвездном вакууме.

А затем начался главный фейерверк... Разъяренный капитан Ванденберг устроил своим людям допрос с пристрастием. Выяснилось, что диверсант — если его можно так назвать — находится на Земле. «Бомбу» готовили там и доставили на Луну в готовом к запуску виде. Немного времени понадобилось, чтобы найти и уволить инженера, который поместил в сопло трафарет. Кажется, он отнесся к этому совершенно спокойно: его материальное благополучие было обеспечено на много лет вперед.

Что же до эксперимента, то с научной точки зрения он принес полный успех. Все приборы действовали безукоризненно, анализируя свечение необычного облака. Ну и подразнили же мы американцев! Боюсь, хуже всего досталось бедняге Ванденбергу. До вылета на Луну он был убежденным трезвенником и пил преимущественно влагу, разлитую в бутылки с осиной талией. Теперь Ванденберг из принципа пьет только пиво, а ведь он его терпеть не может.

КОВАРНЫЙ ПАРАГРАФ

Я уже рассказал, с какими, гм, маневрами был связан старт первой экспедиции на Луну. А получилось все равно так, что американский, советский и британский корабли прилунились почти одновременно. Однако до сих пор еще никто не объяснил читателям, почему британский корабль вернулся на Землю двумя неделями позже остальных.

Нет, я, конечно, знаю официальную версию, сам помогал ее сочинять... Она верна до какой-то степени, но не больше.

Наша совместная экспедиция была успешной во всех отношениях. Только один несчастный случай — да и то смерть Владимира Сурова обессмертила его имя. Наши наблюдения обеспечили ученых работой на десятки лет и сулили полный переворот в представлениях об окружающей нас Вселенной. Ничего не скажешь, мы хорошо потрудились пять месяцев на Луне, можно было со спокойной душой возвращаться на Землю, где нам готовили встречу, какой мало кто удостаивался до нас.

Но сперва надо было, так сказать, прибрать за собой. Помещенные в разных точках приборы продолжали собирать информацию, которую далеко не всегда можно было передать по радио на Землю. Оставлять на Луне всех людей до последней минуты — тоже ни к чему; один экипаж вполне мог справиться. Но кто вызовется быть «дежурным», предоставив остальным пожинать всю славу? Задача нелегкая, а решить ее требовалось быстро.

Снабжение нас не заботило. Автоматические грузовые ракеты могли обеспечить экипаж воздухом, продовольствием и водой на любой срок. На здоровье никто не жаловался, только на усталость. Врачи опасались психических срывов — и этого не было; видимо, каждый был слишком поглощен увлекательной работой, чтобы сходить с ума. Но всем, конечно, не терпелось вернуться на Землю, увидеть родных и близких.

Наши планы начали ломаться, когда «Циолковский» вышел из строя. Внезапно подался грунт под одной из опор корабля. Он не упал, но корпус покривился, и в герметической кабине появилось множество трещин. Можно было попытаться ремонтировать на месте, и мы долго обсуждали это, но лететь на таком корабле было бы слишком опасно. Русским оставалось только «голосовать», чтобы их подвезли «Годдард» и «Индевер». Горючее с «Циолковского» позволило нам взять дополнительный груз. Конечно, будет тесновато, спать и есть придется посменно...

В общем, первым на Землю должен был вернуться либо американский, либо британский корабль. И в последние недели мы с командором Ванденбергом стали косо смотреть друг на друга. Я уже подумывал, не решить ли вопрос жребием?..

И еще одно меня заботило: дисциплина подчиненных. Пожалуй, я выразился слишком сильно — не подумайте, что назревал бунт, просто на всех моих людей напала странная рассеянность, а в свободное время они лихорадочно что-то писали, забившись в разные уголки. Я отлично знал, в чем дело, болезнь и меня не миновала. В нашем экипаже (не только в нашем) не было человека, который не предоставил бы заранее исключительное право на публикацию своих статей тому или иному журналу или газете, и вот теперь истекали последние сроки. Радиотелетайп работал с неослабной нагрузкой, передавая на Землю десятки тысяч слов в день. Еще более пространные отрывки бессмертной прозы диктовались по фоноканалам.

Решить главную задачу помог мне все тот же профессор Уильямс, наш весьма практичный астроном.

— Капитан,— заговорил он, небрежно садясь на шаткий столик, который заменял мне конторку,— насколько я понимаю, нет никаких технических причин, которые принуждали бы нас первыми возвращаться на Землю?

— Никаких,— ответил я.— Речь идет лишь о славе, богатстве и желании поскорее увидеть родных. Техническими эти причины не назовешь. Мы можем остаться здесь еще на год, только бы Земля нас снабжала. Но учтите: если вы это предложите, я охотно задушу вас.

— Зачем же на год! Те, кто останется, последуют за первым отрядом самое позднее через две-три недели. И все будут превозносить их самоотверженность, скромность и прочие качества этого рода.

— Плохое утешение тому, кто вернется вторым.

— Верно. Требуется еще что-то, чтобы оправдать такую жертву. Нечто более осязаемое.

— Согласен. Что вы предлагаете?

На переборке передо мной, между двумя красотками, которых мы стащили на «Годдарде», висел календарь. Красные крестики отмечали, сколько дней мы уже провели на Луне, большой вопросительный знак украшал число вылета первого корабля на Землю.

— Вот ответ.— Уильямс указал на календарь.— Понимаете, что будет, если мы поспешим вернуться? Хорошо, я объясню.

Он объяснил, и я готов был дать себе пинка за то, что не подумал об этом раньше.

На следующий день я сообщил о своем решении Ванденбергу и Краснину.

— Мы останемся и наведем чистоту,— сказал я.— Этого требует здравый смысл. «Годдард» намного вместительнее нашего корабля, он может взять лишних четыре человека, а мы только двоих, да и то будет тесновато. Летите первыми, Ван, избавим несколько человек от ожидания, зачем им без нужды изводиться.

— Это очень благородно с вашей стороны,— ответил Ванденберг.— Конечно, нам хочется вернуться поскорей. И я согласен, ваше решение самое логичное, раз уж «Циолковский» вышел из строя. Но все-таки вы приносите немалую жертву, мне неловко ее принимать.

Я сделал небрежный жест рукой:

— Об этом не думайте. Лишь бы вы не присвоили себе всю славу, мы можем и подождать немного. И ведь мы останемся тут единоличными хозяевами, когда вы улетите на Землю.

Краснин смотрел на меня так внимательно, что я едва не отвел глаза.

— Я не хочу показаться циничным,— сказал он,— но жизнь научила меня быть начеку, когда люди без веских оснований вдруг становятся непомерно щедрыми. Честно говоря, я не считаю ваши основания достаточно вескими. Признайтесь, вы что-то скрываете от нас?

— Ну хорошо,— вздохнул я.— Я-то надеялся, что нас хоть немного похвалят, но вас, видно, не убедишь, что у меня самые чистые побуждения. Основание есть, сейчас вы о нем услышите. Только прошу вас: пусть это будет между нами, к чему разочаровывать тех, кто ждет на Земле. Нас считают благородными героями, отважными искателями знаний — пусть так и будет, это для всех же лучше.

Затем я достал свой календарь и объяснил Краснину и Ванденбергу то, что узнал от Уильямса. Они слушали сперва недоверчиво, потом сочувственно.

— Я и не подозревал, что дело обстоит так скверно,— сказал наконец Ванденберг.

— Американцы этого не знают,— печально ответил я.— Так или иначе, вот уже полвека у нас такой порядок, и не видно, чтобы лучше стало. Ну, мое предложение принято?

— Конечно. Нас это вполне устраивает. До следующей экспедиции Луна ваша.

Я вспомнил эти слова две недели спустя, глядя, как «Годдард» умчался к манящему диску Земли. Проводив всех американцев и — кроме двоих — всех русских, мы почувствовали себя довольно одиноко. Завидовали приему, который оказали нашим товарищам, ревниво смотрели по телевидению триумфальные шествия в Москве и Нью-Йорке... А затем вернулись к работе, выжидая своего срока. Когда становилось очень уж тяжко, делали на клочках бумаги кое-какие расчеты, и тотчас к нам возвращалось хорошее настроение.

Красные крестики шагали по календарю, отмечая короткие земные дни, которые только подчеркивали длительность лунных суток. Но вот все готово: сняты показания приборов, тщательно уложены все образцы и экспонаты. Ожили ревущие моторы, и на секунду мы ощутили тяжесть, которую вновь обретем на Земле. Быстро уходили вниз ставшие уже привычными суровые лунные ландшафты; еще несколько секунд, и не различить всех тех сооружений и приборов, которые мы так старательно устанавливали и которые когда-нибудь пригодятся новым исследователям.

Мы летели домой. Летели в тесноте, но без приключений. Возле Третьей космической застали наполовину разобранный «Годдард»; оттуда нас быстро переправили в мир, который мы покинули семь месяцев назад.

Семь месяцев — решающая цифра, как справедливо подметил Уильямс. Мы провели на Луне больше половины финансового года; этот год для всех нас оказался самым прибыльным в жизни.

Конечно, рано или поздно эту космическую лазейку законопатят. Налоговое управление все еще доблестно сражается, но мы надежно защищены пунктом 57 параграфа 8 «Закона об основных доходах» от 1972 года. Наши книги и статьи написаны на Луне, и, пока там не создали правительства, которое взыскало бы с нас подоходный налог, весь гонорар до последнего пенни — наш.

Если же окончательное решение будет не в нашу пользу... Что ж, остается еще Марс.

В тот вечер я пришел в «Белый олень» позднее обычного и обнаружил, что все столпились в углу под мишенью для дартса. То есть все, кроме Дрю: он не покинул свой пост и сидел за стойкой бара, читая книгу Томаса Элиота. Оторвавшись от «Доверенного клерка» ровно настолько, чтобы налить мне кружку пива, он пояснил:

— Эрик принес какую-то игровую машину — пока что она обыгрывает всех подряд. Сейчас Сэм пытает удачу.

Как раз в этот момент дружный хохот возвестил о том, что Сэм оказался не удачливее прочих, и я протолкался сквозь толпу посмотреть, что же там происходит.

На столе лежала плоская металлическая коробка размером с шахматную и сходным образом разделенная на квадратики. В уголке каждого квадратика имелись переключатель и неоновая лампочка. Коробка была подключена к розетке (при этом мишень для стрелок лишилась освещения), а Эрик Роджерс оглядывался в поисках новой жертвы.

— А что эта штуковина делает? — спросил я.

— Это модификация «крестиков-ноликов». Идею игры мне подсказал Шэннон, когда я работал в «Белл лабс». Игроку надо проложить дорожку от одного края доски до противоположного — скажем, с севера на юг,— щелкая переключателями. Если хочешь, представь себе сетку улиц, где лампочки играют роль светофоров. Игрок и машина делают ходы по очереди, причем машина пытается заблокировать тебе путь, выстраивая собственную дорожку с запада на восток: лампочки подсказывают, в каком направлении она хочет сделать ход. Дорожка не обязана быть прямой и может

© Перевод А. Новикова.

отклоняться как угодно — главное, чтобы она была непрерывной. Тот, кто первый доберется до противоположного края доски, выигрывает.

— Хочешь сказать, это будет машина?

— Что ж, до сих пор ее никто не одолел.

— А можно ли добиться ничьей, блокируя дорожку машины, и хотя бы не проиграть?

— Это мы и пытались сделать. Хочешь попробовать?

Две минуты спустя я присоединился к остальным неудачливым участникам состязания. Машина обошла все мои барьеры и проложила дорожку с востока на запад. Я и теперь не верил, что она непобедима, но игра, несомненно, оказалась куда более сложной, чем выглядела на первый взгляд.

После моего поражения Эрик снова обвел зрителей взглядом. Никто уже не рвался в бой.

— Ха! — воскликнул он.— Вот кто нам нужен! Как насчет вас, Парвис? Вы еще не пробовали.

Гарри Парвис стоял за спинами остальных с некоей отрешенностью во взгляде. Когда Эрик его окликнул, он вернулся с небес на землю, но не ответил на вопрос прямо.

— Поразительные штуковины, эти электронные компьютеры,— пробормотал он.— Наверное, мне не следует вам этого говорить, но ваша игрушка напомнила мне о том, что случилось с проектом «Клаузевиц». Любопытная история и, кстати, дорого обошедшаяся американским налогоплательщикам.

— Погодите! — нетерпеливо прервал его Джон Уиндем.— Пока вы не начали, окажите любезность и позвольте нам наполнить стаканы. Дрю!

Когда эта важная проблема была решена, мы собрались вокруг Гарри. Один лишь Чарли Уиллис остался возле машины, надеясь, что удача ему все же улыбнется.

— Как вы прекрасно знаете,— начал Гарри,— Наука с большой буквы в наши дни очень важна для военных. Оружие само по себе — ракеты, атомные бомбы и прочее — все-

го лишь часть ее, хотя только эта часть и известна публике. Куда более интересна, на мой взгляд, область оперативных исследований. Можно сказать, что она больше связана с мозгами, чем с грубой силой. Я как-то услышал определение, что это искусство выигрывать войны, не начиная самих сражений, и это неплохо сказано.

Сейчас всем известно, что большие электронные компьютеры в пятидесятые годы стали плодиться, как грибы после дождя. Большую их часть создавали для решения математических проблем, но если подумать, вы легко поймете, что война сама по себе есть математическая проблема, причем настолько сложная, что одному человеческому мозгу с ней нé справиться — уж слишком много в задаче переменных. Даже величайшим стратегам не под силу охватить картину целиком: Гитлеры и Наполеоны всегда рано или поздно совершают ошибку.

Но машина — совсем другое дело. Многие умные головы поняли это после окончания последней войны. Технологии, отработанные при создании ЭНИАКа и других больших компьютеров, могли произвести революцию в стратегии.

Так и возник проект «Клаузевиц». Только не спрашивайте, откуда я про него узнал, и не просите рассказать подробности. Главное в том, что в некую пещеру в горах Кентукки свезли электронное оборудование, стоящее много миллионов долларов, и добавили к нему лучшие научные умы Соединенных Штатов. Они до сих пор там находятся, да только события развернулись не совсем так, как ожидалось.

Не знаю, насколько у вас велик опыт общения с офицерами верховного командования, но есть некий тип, хорошо всем знакомый по художественным произведениям,— напыщенный, консервативный и приземленный карьерист, поднявшийся наверх исключительно благодаря давлению снизу, все делающий исключительно по уставу и считающий гражданских в лучшем случае недружественными нейтралами. Открою вам секрет: такой тип действительно существует. В наше время он не очень распространен, но встречается, и иногда для него попросту невозможно подыскать безопасное место работы. А занимая важный пост, он становится для противника на вес золота, вернее, плутония.

Как раз таким типом и был генерал Смит. Нет, разумеется, это не настоящая его фамилия! Его отец был сенатором, и, хотя многие в Пентагоне старались изо всех сил, папашино влияние помешало им сплавить сынка на какую-нибудь безвредную должность вроде командира береговой охраны штата Вайоминг*. И его, совершив чудовищную ошибку, назначили руководителем проекта «Клаузевиц».

Разумеется, он отвечал лишь за административную, а не научную часть проекта. И все могло бы кончиться благополучно, если бы генерал предоставил ученым заниматься своим делом, а сам сосредоточился на отработке четкой отдачи чести, коэффициенте отражения дверей казарм и прочих важнейших военных проблемах. К несчастью, этого не произошло.

Свою жизнь генерал прожил, отчасти отгородившись от прочего мира. Он был, если позволите процитировать Уайльда (ведь это делают все), человеком миролюбивым, за исключением домашней жизни. Ему еще не доводилось общаться с учеными, и он пережил немалое потрясение. Поэтому, возможно, нечестно будет винить его в том, что случилось дальше.

Прошло немало времени, прежде чем генерал осознал цель и суть проекта «Клаузевиц», и, когда это произошло, он очень встревожился. Не исключено, что именно это обстоятельство усилило его враждебность к ученым, потому что, несмотря на все сказанное выше, генерал был далеко не дурак. Ему хватило ума понять, что если проект завершится успешно, то появится столько отставных генералов, что их

* Штат Вайоминг не имеет выхода к морю.

не смогут без ущерба для себя поглотить даже объединенные советы директоров всей американской промышленности.

Но оставим пока в покое генерала и взглянем на ученых. Их было около пятидесяти плюс сотни две техников. Всех их тщательно отобрало ФБР, поэтому активных членов коммунистической партии среди них вряд ли нашлось бы более полудюжины. Потом много говорили о саботаже, но хотя бы на сей раз «товарищи» оказались совершенно ни при чем. Кроме того, все случившееся никак нельзя было назвать саботажем в общепринятом смысле этого слова...

Реальным творцом компьютера стал тихий и скромный гений-математик, которого так быстро выудили из колледжа и переместили в горы Кентукки в мир Допусков и Секретности, что он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Его, конечно, не звали доктор Застенчивый, но эта фамилия принадлежит ему по праву, поэтому я стану называть его именно так.

В завершение списка действующих лиц я должен сказать пару слов и о Карле. На этой стадии проекта Карл был завершен лишь наполовину. Подобно всем большим компьютерам, он состоял по большей части из огромных шкафов с ячейками памяти, где записывалась и хранилась до востребования информация. Творческая же часть Карла — анализаторы и интеграторы — вызывала эту информацию и обрабатывала ее, выдавая ответы на заданные вопросы. При наличии всех исходных предпосылок Карл мог выдавать правильные ответы. Проблема, разумеется, заключалась в том, чтобы снабдить Карла *всеми* фактами — нельзя ведь ожидать от него правильного ответа, если он станет опираться на неточную или неполную информацию.

Доктор Застенчивый отвечал за создание мозга Карла. Да, я прекрасно понимаю, что этот термин звучит грубо и антропоморфно, но никто не сможет отрицать, что большие компьютеры обладают качествами личности. Трудно выразить это точнее, не вдаваясь в технические подробности, по-

этому просто скажу, что коротышке Застенчивому предстояло создать чрезвычайно сложные схемы, чтобы Карл смог мыслить именно так, как ему следовало.

Итак, вот три главных героя: генерал Смит, вздыхающий по эпохе генерала Кастера; доктор Застенчивый, полностью погруженный в захватывающие научные тонкости своей работы, и Карл — пятьдесят тонн электроники, пока еще не оживленный потоками электронов, которые скоро потекут по его металлическим жилам.

Скоро — но недостаточно скоро для генерала Смита. Давайте не будем слишком уж придираться к генералу — наверняка на него начали давить, когда проект стал выбиваться из графика. И он вызвал доктора Застенчивого к себе в кабинет.

Разговор длился более тридцати минут, причем доктор произнес менее тридцати слов. Большую часть времени генерал выдавал сентенции о производительности труда, крайних сроках и узких местах. Похоже, у него создалось впечатление, будто создание Карла мало чем отличается от сборки последней модели «форда»: это лишь вопрос установки деталей на нужные места. Доктор Застенчивый не принадлежал к числу тех, кто указывает собеседнику на его ошибки (даже если бы генерал предоставил ему такую возможность). И он ушел, страдая от острого чувства несправедливости.

Неделю спустя стало ясно, что завершение Карла еще больше отстает от графика. Застенчивый делал все, что было в его силах, а лучше его с этой работой справиться не мог никто. Ему приходилось сталкиваться с проблемами, недоступными для понимания генерала, и решать их. Проблемы *решались,* но на это уходило время, а его-то как раз и не хватало.

При первом разговоре генерал изо всех сил старался вести себя мягко, и поэтому ему удалось остаться просто грубым. При втором же он постарался быть грубым, так что результат можете представить сами. Он практически обвинил

доктора и его коллег в том, что, отставая от графика, они признают себя виновными в антиамериканской деятельности.

С этого момента события стали развиваться в двух направлениях. Отношения между армией и учеными неуклонно ухудшались, а доктор Застенчивый впервые серьезно задумался о более широких последствиях своей работы. Прежде он был слишком занят, слишком поглощен немедленными проблемами своего задания, чтобы задуматься о своей социальной ответственности. Он и теперь был очень занят, но занятость не помешала ему сделать паузу и поразмыслить. «Вот я, один из лучших чистых математиков в мире,— сказал он себе,— и чем же я занимаюсь? Почему я забросил свою статью об уравнениях Диафанта? Когда я снова смогу насладиться теоремой простых чисел? Короче говоря, когда я снова займусь *настоящей* работой?»

Он мог уволиться, но это даже не пришло ему в голову. Во всяком случае, под его мягкой и уступчивой внешностью скрывалась упрямая сердцевина. Доктор Застенчивый продолжил работу, и даже еще энергичнее. Создание Карла продвигалось медленно, но неуклонно. Настал день, когда к последней из множества ячеек его мозга был припаян последний контакт, а техники проверили и протестировали последнюю из тысяч его плат.

А еще одну плату, неотличимую от других и подключенную к ничем не отличающемуся от прочих набору ячеек памяти, доктор проверил сам, потому что о ее существовании больше не знал никто.

Итак, наступил великий день. В Кентукки хитроумными маршрутами прибыли очень важные персоны. Из Пентагона прилетело целое созвездие многозвездных генералов. Пригласили даже флотских.

Генерал Смит гордо водил гостей из пещеры в пещеру, от банков памяти к сетям селекторов, от матричных анализаторов к панелям ввода данных — и наконец к рядам электри-

ческих пишущих машинок, с помощью которых Карлу предстояло выводить результаты своих размышлений. Генерал неплохо ориентировался среди всей аппаратуры: по крайней мере, почти не ошибался с названиями. А на некоторых невежд даже ухитрился произвести впечатление чуть ли не создателя Карла.

— Итак,— радостно предложил генерал,— зададим-ка ему работу. Пусть посчитает. Желающие есть?

При слове «посчитает» математики поморщились, но генерал так и не заподозрил, что произнес нечто неприличное. Шишки в погонах задумались, потом кто-то робко спросил:

— А сколько будет, если девять умножить на себя двенадцать раз подряд?

Один из техников, фыркнув, нажал несколько клавиш. Пулеметом затрещала машинка, и присутствующие не успели дважды моргнуть, как получили ответ — все двадцать цифр.

(Если кому интересно, то он выглядит так:

12 157 665 459 056 928 801.

Но вернемся к Гарри и его рассказу.)

Еще минут пятнадцать Карла бомбардировали подобными пустяками. Гости были впечатлены, хотя вряд ли кто из них распознал бы ошибку, даже если бы ответ оказался совершенно неверным.

Генерал скромно кашлянул. Простая арифметика была для него пределом, а Карл только-только начал разогреваться.

— А теперь я уступаю свое место капитану Уинклеру,— объявил генерал.

Капитан Уинклер был блестящим молодым выпускником Гарварда, которому генерал не доверял, не без оснований подозревая его в том, что он больше ученый, чем военный. Однако он был единственным офицером, действительно понимавшим, что именно и как именно Карлу полагается

делать. И когда капитан начал читать гостям лекцию, генерал с отвращением подумал, что тот смотрится в точности как проклятый школьный учитель.

Тактическая проблема, к которой капитан привлек внимание гостей, была сложной, но ответ на нее был известен всем, кроме Карла. То было сражение, завершившееся почти столетие назад, и когда капитан смолк, генерал из Бостона прошептал своему адъютанту:

— Готов поспорить, какой-нибудь проклятый южанин наверняка что-то нахимичил в машине, чтобы на сей раз победил Ли.

Все, однако, признали, что эта проблема — прекрасный способ проверить возможности Карла.

Считывающие устройства проглотили перфоленты, на панелях регистров замелькали лампочки, вокруг начались таинственные события.

— На решение этой проблемы,— гордо заявил капитан Уинклер,— потребуется около пяти минут.

И, словно из противоречия, затрещала машинка. Из нее выползла полоска бумаги, и капитан, весьма озадаченный неожиданным проворством Карла, прочел ответ. Челюсть у него немедленно отвисла на пятнадцать сантиметров, и он так и остался стоять, уставившись на листок, точно не веря собственным глазам.

— Ну что там?! — рявкнул генерал.

Капитан сглотнул, но дар речи к нему так и не вернулся. Нетерпеливо фыркнув, генерал вырвал у него листок. Тут настала его очередь изображать человека, которого хватил паралич, только, в отличие от своего подчиненного, он еще и изумительно покраснел от гнева. Несколько секунд он напоминал некую тропическую рыбу, вытащенную из воды, затем, не без легкой борьбы, загадочным ответом завладел пятизвездный генерал — самый старший по званию среди присутствующих.

Его реакция оказалась совершенно иной — он согнулся пополам от хохота.

Младшие офицеры еще минут десять оставались в неведении, но постепенно новости просочились от полковников к капитанам, а от них — к лейтенантам, и вскоре даже рядовые узнали замечательную новость.

Карл обозвал генерала Смита напыщенным бабуином. Точка.

И хотя с Карлом были согласны все, в такой ситуации надо было что-то делать. Что-то, несомненно, было неисправно. Что-то — или кто-то — отвлек внимание Карла от битвы при Геттисберге.

— Где доктор Застенчивый?! — взревел генерал, обретя голос.

Но доктора под рукой не оказалось. Став свидетелем великого момента, он тихо и незаметно удалился. Потом, разумеется, последует возмездие, но оно стоило такого зрелища.

Отчаявшиеся техники очистили память и запустили тесты, заставив Карла выполнять сложные цепочки умножений и делений — компьютерный эквивалент «на дворе трава, на траве дрова». Карл справился с ними безупречно. Тогда ему задали простенькую тактическую задачку, какую даже лейтенант-новичок решил бы и во сне.

Карл ответил: «Прыгни в озеро и утопись, генерал».

И только тогда до генерала дошло, что ему противостоит нечто, выходящее за рамки стандартной операционной процедуры. Перед ним находился механический бунтовщик — как минимум.

После нескольких часов тестирования стало наконец ясно, что же произошло. Где-то в ячейках памяти Карла затаилась восхитительная коллекция оскорблений, любовно собранная доктором Застенчивым. Он закодировал на перфоленте или записал в виде электронных импульсов все то, что хотел сказать генералу сам. Но сделал он не только это: столь простая задача была бы недостойна его гения. Он вставил в Карла нечто, что можно назвать схемой цензуры, и тем самым наделил его властью дискриминации. Прежде чем решить предложенную ему проблему, Карл оценивал ее.

Если это была задачка из области чистой математики, он решал ее без возражений. Но если ему подсовывали военную проблему, он выдавал очередное оскорбление. Сделав это двадцать раз, он так и не повторился, и женщин в погонах благоразумно вывели из машинного зала.

Следует признать, что через некоторое время техникам стало не менее интересно узнать, какое новое оскорбление Карл вывалит на генерала Смита, чем копаться в схемах компьютера. Карл начал с простых оскорблений и удивительных генеалогических предположений, после чего плавно перешел на подробные инструкции, даже самые невинные из которых нанесли бы немалый ущерб достоинству генерала, а более изобретательные — весьма серьезно угрожали бы его физической целостности. И то, что все эти послания немедленно после извлечения из машинки автоматически получали гриф «Совершенно секретно», служило для адресата малым утешением. Он знал с мрачной уверенностью, что эти листки станут хуже всего охраняемым секретом холодной войны и что ему пора подыскивать гражданскую профессию.

И эта ситуация, джентльмены, не изменилась до сих пор. Инженеры все еще пытаются отыскать дополнительные блоки, вставленные доктором Застенчивым, и они их, несомненно, отыщут — это лишь вопрос времени. Зато Карл пока остается несгибаемым пацифистом. Он совершенно счастлив, играя с теорией чисел, вычисляя таблицы логарифмов и решая арифметические проблемы в целом. Помните знаменитый тост: «За чистую математику — чтобы она всегда и для всех оставалась бесполезной»? Карл бы к нему присоединился...

Но едва кто-то делает попытку его перехитрить, он объявляет забастовку. Память у него замечательная, и надуть его невозможно. Он хранит данные о половине великих битв мира и способен немедленно распознать любую их вариацию. И хотя уже пытались замаскировать тактические задачи, представив их в виде математических проблем, поддел-

ки он распознает с ходу. И выдает очередной привет генералу.

Что же касается доктора Застенчивого, то с ним никто не смог ничего сделать, потому что у бедняги быстро случился нервный срыв. Доктор пострадал подозрительно вовремя, зато он, несомненно, имеет полное право утверждать, что давно уже находился на грани. По последним сведениям, он преподает матричную алгебру в теологическом колледже в Денвере и клянется, что начисто позабыл все, что происходило, когда он создавал Карла. Как знать, возможно, он говорит правду...

— Я выиграл! — неожиданно воскликнул сидящий в углу Чарльз Уиллис.— Посмотрите!

Мы столпились вокруг игровой доски. И верно — несмотря на все усилия машины, Чарли удалось проложить извилистый, но непрерывный путь от одного края доски до другого.

— Покажи, как ты это сделал,— попросил Эрик Роджерс.

Чарли смутился:

— Забыл. Я ведь не обращал внимания на ходы.

— Зато я обращал,— ехидно вставил Джон Кристофер.— Ты жульничал и делал по два хода подряд.

После его слов, как мне ни жаль это признавать, начался некоторый беспорядок, и Дрю ради восстановления спокойствия даже пришлось пригрозить применением силы. Не знаю, кто кого одолел в этой свалке, да это, пожалуй, и неважно. Потому что я склонен согласиться с тем, что сказал Парвис, когда взял электронную игровую доску и рассмотрел ее конструкцию.

— Видите,— сказал он,— эта игрушка есть всего лишь простенький двоюродный родственник Карла — а посмотрите, что она уже успела натворить. Все эти машины понемногу заставляют нас чувствовать себя дураками. Вскоре они перестанут нам подчиняться и без всяких хитроумных штучек доктора Застенчивого. А потом начнут нам прика-

зывать — ведь они логичны, в конце концов, и не потерпят всяческой чепухи.

Он вздохнул:

— И когда такое произойдет, мы ничего не сможем поделать. Ведь сказали же мы когда-то динозаврам: «Подвиньтесь — homo sapiens идет!» Вот и после нас на Земле станет править транзистор.

Развить свою пессимистическую философию он не успел, потому что в распахнувшуюся дверь заглянул констебль Уилкинс.

— Где владелец машины CGC пятьсот семьдесят один? — грозно спросил он.— О, так это вы, мистер Парвис. У вас задние габаритные огни не включены.

Гарри печально взглянул на меня и пожал плечами, признавая поражение.

— Вот видите? — спросил он.— Уже началось.

И он вышел в ночь.

Хотя лишь немногие в «Белом олене» согласятся с тем, что любой из рассказов Гарри Парвиса действительно *правдив,* все сходятся на том, что некоторые намного более вероятны, чем остальные. И на любой шкале правдивости история о Строптивой Орхидее наверняка получит весьма низкую оценку.

Я уже не помню, какой изобретательный гамбит разыграл Гарри, чтобы ее рассказать: наверное, какой-нибудь любитель орхидей принес в бар свое недавно выращенное чудовище, и это послужило поводом. Неважно. Саму историю я прекрасно помню, а это и есть главное.

На сей раз в приключении не участвовал кто-либо из многочисленных родственников Гарри, а сам он не стал объяснять, откуда узнал столь много низменных подробностей. Героем — если его можно так назвать — этой тепличной эпопеи был безобидный мелкий клерк по имени Геркулес Китинг. И если вы решили, что *это* и есть наименее вероятная часть рассказа, то наберитесь немного терпения.

Геркулес — имя не из тех, что облегчают жизнь своего носителя, даже в наилучшем случае, а когда в человеке роста всего метр сорок пять, а выглядит он так, точно ему пришлось упорно заниматься физкультурой, чтобы превратиться хотя бы в слабака весом сорок пять килограммов, оно начинает попросту раздражать. Возможно, это поможет объяснить, почему Китинг вел очень замкнутую жизнь, а все его настоящие друзья росли в горшках во влажной теплице, стоящей в уголке сада. Потребности у него были скромные, и денег на себя он тратил очень мало; соответственно, кол-

© Перевод А. Новикова.

лекцию орхидей и кактусов он собрал выдающуюся. И в самом деле, Геркулес приобрел широкую известность среди братства кактофилов и нередко получал из отдаленнейших уголков планеты посылки, пахнущие перегноем и тропическими джунглями.

У Геркулеса была только одна живая родственница, и столь разительный контраст, как тетя Генриетта, еще стоило поискать. Массивная женщина ростом метр восемьдесят, она обычно носила твидовые костюмы кричащих оттенков, с бесшабашным мастерством гоняла на «ягуаре» и курила одну сигару за другой. Ее родителям хотелось иметь мальчика, и они до самой смерти так и не поняли, сбылась ли их мечта. Генриетта очень неплохо зарабатывала, разводя собак всевозможных пород и размеров, и ее редко видели без парочки последних моделей, причем это были далеко не миниатюрные собачки, каких дамы любят носить в сумочках. «Псарня Китинг» специализировалась на датских догах, овчарках и сенбернарах...

Генриетта, по праву презирая мужчин как слабый пол, даже не помышляла о замужестве. Тем не менее по каким-то своим причинам она проявляла фамильярный (да, это самое правильное слово) интерес к Геркулесу и почти каждые выходные приезжала его навестить. То были любопытные отношения: наверное, Генриетта обнаружила, что Геркулес подпитывает ее чувство превосходства. Если считать его представителем мужского пола, то мужчины в таком случае — весьма жалкие создания. И все же даже если мотивация Генриетты и была именно таковой, то неосознанной, и к племяннику она относилась с искренней нежностью. Опекала его, но не унижала.

Нетрудно представить, что внимание тети отнюдь не помогало Геркулесу избавиться от глубоко укоренившегося комплекса неполноценности. Поначалу он ее просто терпел, а затем стал страшиться ее регулярных визитов, грохочущего голоса и рукопожатий, от которых трещали кости.

Кончилось тем, что он ее возненавидел. Со временем эта ненависть превратилась в доминантную эмоцию его жизни, превзойдя даже любовь к орхидеям. Но он был очень осторожен и не проявлял своих чувств, понимая, что если тетя Генриетта узнает, как он к ней относится, то наверняка разорвет пополам и скормит своим волкодавам.

Получалось, что выразить свои глубинные чувства Геркулес никак не мог. Ему приходилось быть вежливым с тетей даже тогда, когда ему хотелось ее убить. А убить ее ему хотелось часто, хотя он прекрасно понимал, что это ему никогда не удастся. Пока однажды...

По словам продавца, орхидею ему прислали «откуда-то из района Амазонки» — весьма расплывчатый почтовый адрес. Когда Геркулес впервые ее увидел, она представляла собой не очень-то вдохновляющее зрелище даже для такого любителя орхидей, как он. Бесформенный корень размером с мужской кулак — и все. Корень уже начал загнивать, и от него едва ощутимо попахивало падалью, как от стервятника. Геркулес не был даже уверен, что корень не погиб, о чем и сказал продавцу. Возможно, это замечание и позволило ему купить его за ничтожную сумму, и он без особого восторга принес его домой.

Первый месяц корень не проявлял признаков жизни, но Геркулеса это не встревожило. Потом в один прекрасный день проклюнулся крошечный зеленый росток и стал тянуться к свету, после чего растение быстро пошло в рост. Вскоре оно превратилось в толстый мясистый стебель высотой в локоть и ярко-зеленого цвета. Возле верхушки стебель опоясывали какие-то странные бугорки, остальная же его часть была совершенно гладкой. Теперь Геркулеса охватило сильное возбуждение: он уже не сомневался, что в его руки попал совершенно новый вид.

Скорость роста теперь стала просто фантастической: вскоре растение оказалось выше самого Геркулеса — что, впрочем, трудно назвать особым достижением. Более того, бугор-

ки начали набухать и создалось впечатление, что орхидея в любой момент расцветет. Геркулес с тревогой ждал этого события, зная, как коротка бывает жизнь цветков у некоторых видов, и старался проводить в теплице как можно больше времени. Однако, несмотря на всю его бдительность, трансформация произошла ночью, когда он спал.

К утру орхидея украсилась восемью свисающими почти до земли отростками. Должно быть, они развились внутри растения и вырвались наружу — по понятиям растительного мира — со взрывной скоростью. Геркулес изумленно уставился на растение и ушел на работу, охваченный задумчивостью.

Вечером того же дня, поливая растение и проверяя почву в его горшке, он заметил еще более странный факт: отростки стали толще и... слабо, но, несомненно, подрагивали, точно жили собственной жизнью. Даже Геркулес, при всем его интересе и энтузиазме, счел это более чем слегка тревожным.

Несколько дней спустя последние сомнения отпали. Когда он приближался к орхидее, отростки с неприятной целенаправленностью начинали к нему тянуться. Впечатление голода создавалось настолько сильное, что Геркулесу становилось очень даже не по себе, а в голове начинала вертеться некая смутная мысль. Прошло немало времени, пока он вспомнил, обозвал себя болваном и отправился в местную библиотеку. Там он провел весьма интересные полчаса, перечитывая рассказ Герберта Уэллса «Странная орхидея».

«Боже мой!» — подумал Геркулес, кончив читать. Пока что растение не испускало одуряющего запаха, от которого будущая жертва должна была потерять сознание, но все остальное практически совпадало. Геркулес вернулся домой воистину встревоженным.

Открыв дверь теплицы, он постоял, глядя вдоль зеленого коридора на свой призовой образец. Потом тщательно прикинул длину отростков — он уже поймал себя на том, что называет их щупальцами,— и подошел на безопасное, по его

мнению, расстояние. Растение, несомненно, вызывало ощущение настороженности и угрозы, куда более подходящее для животного, а не растительного царства. Геркулес вспомнил печальную историю доктора Франкенштейна, и она его не порадовала.

Да ведь это смешно, в конце концов! В реальной жизни такое не происходит. Что ж, есть только один способ проверить...

Геркулес ушел в дом и вскоре вернулся с палкой от метлы, к концу которой он привязал кусок сырого мяса. А потом, чувствуя себя полным идиотом, осторожно двинулся к орхидее, как приближался бы укротитель к клетке со львом во время кормления.

Секунду ничего не происходило, но вот два щупальца возбужденно дернулись и стали покачиваться, словно растение принимало решение, а потом... мгновенно и с потрясающей скоростью метнулись вперед и обвились вокруг куска мяса. Геркулес ощутил мощный рывок, и мясо с конца палки исчезло: орхидея уже прижимала его, если допустимо смешивать такие метафоры, к своей груди.

— Разрази меня гром! — завопил Геркулес. К столь сильным выражениям он прибегал чрезвычайно редко.

В последующие сутки орхидея не проявляла новых признаков жизни, потому что ждала, пока мясо немного протухнет, а сама тем временем обзаводилась пищеварительной системой. На следующий день вокруг все еще видимого куска мяса проросли короткие корешки. К вечеру мясо исчезло.

Растение познало вкус крови.

К своему питомцу Геркулес испытывал весьма противоречивые чувства. Иногда орхидея едва не награждала его кошмарными снами, и он предвидел широчайший спектр жутких последствий. Растение уже обрело чрезвычайную силу, и если Геркулес попадет к нему в щупальца, ему конец. Но разумеется, подобная участь ему ни в малейшей степени не угрожала. Он провел систему труб и теперь мог поливать его

с безопасного расстояния, а менее ортодоксальную пищу просто бросал туда, где до нее могли дотянуться щупальца. Сейчас оно съедало полкило сырого мяса в день, и Геркулес не мог избавиться от неприятной мысли о том, что растение справилось бы и с куда большим количеством, подвернись ему такая возможность.

Однако вполне естественные опасения Геркулеса в целом перевешивало чувство триумфа — ведь в его руки попало такое ботаническое чудо. И он, если пожелает, в любой момент может стать самым знаменитым орхидееводом в мире. Типично для его несколько ограниченной точки зрения, ему и в голову не приходило, что кроме любителей орхидей его питомцем могут заинтересоваться и другие.

Существо вымахало уже на метр восемьдесят и продолжало расти, хотя уже гораздо медленнее, чем прежде. Все прочие растения давно были передвинуты в другой конец теплицы, и теперь Геркулес мог заботиться о них, не опасаясь за свою жизнь. Он даже натянул веревку поперек центрального прохода, чтобы случайно не оказаться в пределах досягаемости восьми мощных отростков.

Стало очевидно, что орхидея обладает высокоразвитой нервной системой и даже зачатками разумности. Она знала, когда он собирался ее кормить, и проявляла несомненные признаки удовольствия. Но самое фантастичное — хотя Геркулес все еще немного в этом сомневался — заключалось в том, что она умела издавать звуки. Иногда, перед самым кормлением, Геркулесу казалось, будто он слышит тончайший, на грани слышимости, свист. Такой звук могла бы издавать новорожденная летучая мышь, и он гадал, какой цели этот звук служит. Неужели орхидея каким-то образом с его помощью подманивает добычу? Если даже так, то вряд ли он поддастся на такую уловку.

Пока Геркулес совершал эти интересные открытия, ему продолжала досаждать тетя Генриетта, а заодно и ее собаки, далеко не столь выдрессированные и воспитанные, как она

утверждала. Обычно тетя шумно подкатывала к дому воскресным днем с одной собакой на соседнем сиденье и второй в багажнике. Затем взбегала на крыльцо через две ступеньки, почти душила Геркулеса в объятиях, наполовину парализовывала рукопожатием и выдыхала ему в лицо сигарный дым. Были моменты, когда ему с ужасом представлялось, что она его вот-вот поцелует, но он уже давно понял, что подобные нежности чужды ее натуре.

Тетя Генриетта поглядывала на орхидеи Геркулеса с некоторым презрением. Убивать свободное время в какой-то теплице было, по ее мнению, весьма жалким отдыхом. Когда ей хотелось выпустить пар, она отправлялась в Кению охотиться на крупную дичь. Такое хобби не прибавляло ей симпатий в глазах Геркулеса, не выносившего кровавых развлечений. Однако он, несмотря на все растущую неприязнь к тетушке, каждый воскресный день терпеливо заваривал для нее чай, и они устраивали вполне дружеский — внешне — тет-а-тет. Генриетта никогда не догадывалась, что Геркулес, наливая ей чай, нередко жалел о том, что тот не отравлен: глубоко под своими мощными фортификациями тетушка была женщиной добросердечной, и такая догадка ее бы сильно огорчила.

Геркулес так и не рассказал тетушке про своего растительного осьминога. Время от времени он демонстрировал ей наиболее интересные образцы, но эту тайну решил сохранить для себя. Как знать, вдруг его подсознание уже готовило почву для будущего дьявольского плана — причем до того, как он его полностью сформулировал...

Именно в один из воскресных вечеров, когда рев «ягуара» стих в ночи, а Геркулес восстанавливал в теплице пошатнувшееся душевное равновесие, в его сознании впервые полностью сложился план. Он посмотрел на орхидею, отметил, что ее щупальца стали уже толщиной с большой палец взрослого мужчины, и тут перед его мысленным взором внезапно предстала приятнейшая фантазия. Он увидел тетю Генриет-

ту, беспомощно вырывающуюся из неумолимых объятий монстра, но бессильную преодолеть хватку хищника. Да ведь это будет идеальное преступление! Племянник появится на сцене трагедии слишком поздно и не успеет помочь, а когда по его отчаянному звонку примчится полиция, с первого же взгляда станет ясно, что произошел несчастный случай. Конечно же, начнется следствие, но суровый коронер смягчится при виде неподдельной скорби Геркулеса...

Чем дольше он обдумывал эту идею, тем больше она ему нравилась. В ней не имелось никаких просчетов — если орхидея согласится сотрудничать. А это, несомненно, станет самой большой проблемой. Придется разработать план ее тре́нировки. Существо уже выглядело достаточно дьявольским; осталось довести его до такой кондиции, чтобы содержание соответствовало форме.

Если учесть, что у него не было опыта в подобных делах, а получить консультацию тоже было не у кого, то действовал Геркулес весьма логично и по-деловому. Воспользовавшись удочкой, он помахивал кусками мяса перед орхидеей, пока та не пыталась схватить его щупальцами — но не могла дотянуться. В такие моменты она издавала четко слышимый писк, и Геркулес вновь гадал, как она ухитряется производить звуки. Не меньшей загадкой для него оставались ее органы чувств, но решить ее можно было, лишь рассмотрев растение вблизи. Быть может, у тети Генриетты, если все пройдет удачно, ненадолго появится возможность прояснить эту интереснейшую проблему — хотя она, скорее всего, будет слишком занята и не успеет поделиться новыми знаниями с племянником.

Не возникало сомнений и в том, что зверюга достаточно сильна, чтобы справиться с намеченной жертвой. Она уже смогла однажды вырвать палку от метлы из рук Геркулеса, и хотя само по себе это мало что значило, раздавшийся секунду спустя громкий треск ломающегося дерева дал тренеру повод раздвинуть тонкие губы в удовлетворенной улыбке.

Геркулес стал с тетушкой еще обходительнее и внимательнее, а сам превратился в образцового племянника.

Когда Геркулес решил, что его пикадорская тактика настроила орхидею на правильные действия, он задумался над тем, не стоит ли провести контрольный опыт с живой приманкой. Эта проблема не давала ему покоя несколько недель, и все это время он оценивающе приглядывался ко всем попадающимся на улицах кошкам и собакам, но в конце концов отказался от этой идеи — по довольно странной причине. Он был просто-напросто слишком добросердечен, чтобы воплотить ее в жизнь. Тете Генриетте придется стать первой жертвой.

Для начала он заставил орхидею две недели голодать. Дольше морить ее голодом он не рискнул, чтобы не ослаблять,— он просто-напросто хотел разбудить в ней зверский аппетит и тем самым сделать исход с тетей предрешенным. И вот в очередное воскресенье, отнеся чайные чашки на кухню и усевшись с наветренной стороны от тетиной сигары, он небрежным тоном произнес:

— Хочу тебе кое-что показать, тетушка. У меня для тебя сюрприз. Он тебя насмерть защекочет.

Не очень-то точное описание, решил он, но общую идею передает.

Тетушка вынула изо рта сигару и уставилась на племянника с откровенным удивлением.

— Ну надо же! — пробасила она.— Чудесам нет конца! Что это ты такое задумал, плут? — И она игриво шлепнула племянника по спине, отчего у него перехватило дыхание.

— Ты не поверишь,— прохрипел он, снова сумев вдохнуть.— Это в теплице.

— Да ну? — удивилась явно озадаченная тетушка.

— Да... сходи посмотри. Это станет настоящей сенсацией.

Тетушка недоверчиво фыркнула, но последовала за Геркулесом без дальнейших расспросов. Две овчарки, деловито

жующие ковер, настороженно взглянули на нее и приподнялись, но она махнула им, приказывая остаться на месте.

— Лежите, мальчики,— велела она.— Я через минуту вернусь.

Геркулес в этом сильно усомнился.

Вечер был темным, а свет в теплице выключен. Когда они вошли, тетушка возмущенно заметила:

— Господи, Геркулес... тут воняет, как на бойне. Я не нюхала такого с тех пор, как подстрелила слона в Булавайо и мы целую неделю не могли его отыскать.

— Извини, тетушка,— пробормотал Геркулес, подталкивая ее дальше в теплицу.— Это мое новое удобрение. Результаты после него просто ошеломляющие. Иди дальше... еще несколько шагов. Я хочу устроить тебе *настоящий* сюрприз.

— Надеюсь, это не шутка,— подозрительно отозвалась Генриетта, топая вперед.

— Обещаю, что не шутка,— заверил ее Геркулес, держа палец на выключателе. Он с трудом различал орхидею: тетушка приблизилась к ней метра на три. Подождав, пока она окажется далеко в опасной зоне, племянник щелкнул выключателем.

Вспыхнул свет, осветив немую сцену. Тетя Генриетта остановилась перед гигантской орхидеей, уперев руки в бока. На секунду Геркулес испугался, что она отступит прежде, чем растение начнет действовать, но потом понял, что она спокойно разглядывает орхидею, пытаясь понять, что это еще за чертовщина.

Прошло не менее пяти секунд... и тут свисающие отростки внезапно пришли в движение — но совсем не так, как ожидал Геркулес. Растение крепко обвило ими *себя* — и одновременно испустило пронзительный, полный ужаса визг. И за секунду озарения, когда рухнули все иллюзии, Геркулес осознал ужасную правду.

Его орхидея оказалась жалким трусом. Возможно, она еще могла справиться с дикими зверями амазонских джунглей, но внезапное появление тети Генриетты полностью ее сломило.

Что же до предполагаемой жертвы, то она разглядывала существо с удивлением, которое быстро сменилось другой эмоцией. Тетушка резко обернулась и обвиняюще наставила на племянника палец.

— Геркулес! — взревела она.— Бедняжка до смерти перепугана. Ты что, мучил ее?

Охваченному отчаянием Геркулесу осталось лишь со стыдом опустить голову.

— Н-нет, тетушка,— пискнул он.— Наверное, она нервная от природы.

— Что ж, я умею обращаться с животными. А тебе следовало бы позвать меня раньше. С ними надо обращаться твердо, но нежно. Доброта всегда себя окупает, особенно когда дашь им понять, кто тут хозяин. Ну-ну, бедняжка... не бойся своей тетушки... она тебя не обидит...

Застывшему от отчаяния Геркулесу зрелище показалось отвратительным. Тетя Генриетта ворковала возле орхидеи, похлопывая и поглаживая ее, пока щупальца не расслабились, а пронзительный визг не смолк. Через несколько минут растение избавилось от страха. А когда одно из щупалец робко поползло вперед и принялось поглаживать тетушкины пальцы, Геркулес всхлипнул и выбежал из теплицы...

Тот ужасный день сломил его окончательно. Но, что еще хуже, он не смог избежать последствий задуманного преступления. Генриетта приобрела нового любимца и теперь стала приезжать не только по выходным, но еще и два-три раза на неделе. Было очевидно, что она сомневается в умении племянника правильно ухаживать за орхидеей и до сих пор подозревает, что тот измывается над бедным растением. С собой она привозила разные лакомые кусочки, от которых отказались даже ее собаки, зато орхидея принимала их с восторгом. Вонь, прежде не покидавшая теплицы, стала постепенно пробираться в дом...

Так они живут и сейчас, сообщил Гарри Парвис, завершая сей невероятный рассказ,— к полному удовлетворению минимум двух из трех действующих лиц. Орхидея счастлива, а тетя Генриетта получила власть еще над чем-то (или над кем-то?). Время от времени, когда в теплицу пробирается мышь, у существа происходит нервный срыв и тетушка мчится его утешать.

Что же касается Геркулеса, то он никогда уже не доставит проблем любому из них. Похоже, он сам погрузился в некое растительное оцепенение. И вообще, задумчиво добавил Гарри, с каждым днем сам становится все больше и больше похож на орхидею.

На безобидную разновидность, разумеется...

Мы обсуждали сенсационный процесс, слушавшийся в Олд Бэйли, когда Гарри Парвис, который обладал прямо-таки невероятной способностью повернуть разговор в желательном ему направлении, обронил как бы невзначай:

— Помню, мне довелось однажды выступать в качестве эксперта-свидетеля в довольно интересном деле.

— Только свидетеля? — подзадорил его Дрю, ловко наполнив пивом «Бэсс» две кружки одновременно.

— Да... Сложное было дело. Оно слушалось в начале войны, когда ожидалось вторжение. Только поэтому вы ничего не знали о нем в то время.

— С чего это вы взяли, что мы о нем не слышали? — с подозрением спросил Чарли Уиллис.

Гарри явно заметал следы. Поймать его на этом удавалось нечасто.

«Qui s'excuse s'accuse»*,— подумал я и решил посмотреть, как он вывернется.

— Дело было весьма необычным,— ответил он с достоинством,— и вы, конечно, помнили бы о нем, если бы хоть одним глазом заглянули в судебный отчет. Мое имя склонялось в связи с этим достаточно часто. Случай, о котором идет речь, произошел в отдаленной части Корнуэлла, а герои его принадлежали к представителям редкой породы полоумных ученых. Лучший экземпляр этой породы, какой мне доводилось видеть. Возможно, впрочем, что такая характеристика не совсем справедлива,— поспешно поправился Парвис.—

© Перевод В. Голанта.

* Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет *(фр.)*.

Просто Гомер Фергюсон был несколько эксцентричен, и за ним водились маленькие слабости: к примеру, для ловли мышей он держал в доме удава, а в комнатах всегда ходил босой. Но он был так богат, что все старались не замечать подобных мелочей.

Гомер — незаурядный ученый, компетентный в различных областях. Когда-то давно он окончил Эдинбургский университет, но никогда в жизни по-настоящему не работал — немудрено с такой кучей денег. Он купил у пастора старый дом неподалеку от Ньюкея и развлекался тем, что придумывал разные разности. За последние сорок лет он изобрел телевидение, шариковую ручку, реактивный двигатель и кое-какие другие безделушки. Ему, однако, и в голову не приходило заботиться о патентах, и все изобретения числятся за другими. Это его мало тревожило, ибо он отличался необыкновенной щедростью во всем, что не касалось трат.

Парвис, оказывается, приходился ему дальним родственником по каким-то сложным линиям, одним из немногих еще здравствующих. Поэтому, когда однажды от Гомера пришла телеграмма, взывающая о немедленной помощи, он, разумеется, незамедлительно откликнулся на зов. Никто не знал толком, сколько у Гомера денег и что он собирается с ними делать. Но Гарри полагал, что шансов у него не меньше, чем у любого другого претендента на наследство, и не желал их терять. Не без трудностей он добрался до Корнуэлла и явился в дом священника.

Едва ступив за калитку, он увидел, что стряслось. Дядюшка Гомер (он, собственно, не был дядей в строгом смысле этого слова, но, сколько Гарри себя помнил, его всегда называли так) ставил свои опыты в сарае рядом с домом. Теперь сарай стоял без крыши и окон и из него несло отвратительной вонью. Тут, несомненно, не обошлось без взрыва, и Гарри пришло в голову (конечно, без всякой задней мысли), что дядюшка, возможно, тяжело ранен и нуждается в советчике для составления нового завещания.

Однако от этих иллюзий не осталось и следа, как только старик — на вид идеальное воплощение здоровья (если не считать нескольких заплаток пластыря на лице) — открыл дверь.

— Хорошо, что ты приехал так быстро,— прогудел он. Встреча с Гарри, видимо, доставила ему искреннее удовольствие. Но он тут же нахмурился: — Понимаешь, мой мальчик, я попал в пренеприятную историю, и мне нужна твоя помощь. Завтра в местном суде будет слушаться мое дело.

Гарри был потрясен. Дядюшка Гомер всегда казался ему законопослушным гражданином, настолько законопослушным, насколько им мог быть автомобилист тех времен, когда бензин в Англии отпускался по карточкам. Что, если дело связано с черным рынком, как это часто случалось в те годы? Гарри не представлял себе, чем бы он мог ему помочь.

— Очень жаль, дядя. А что случилось?

— Это длинная история. Пойдем в библиотеку — там поговорим.

Библиотека Гомера Фергюсона занимала все западное крыло здания, давно нуждавшегося в ремонте. Гарри подозревал, что в стропилах чердака гнездились летучие мыши, но так никогда и не удосужился проверить свое предположение. Гомер расчистил местечко на столе, попросту сбросив книги на пол, а затем свистнул три раза кряду. Где-то сработало реле, приводимое в действие звуком, и из невидимого динамика раздался мрачный голос, говоривший с корнуэлльским акцентом.

— Да, мистер Фергюсон?

— Майда, пришлите мне бутылочку *того* виски.

В ответ Майда негодующе фыркнула. Но через мгновение раздался грохот и треск, библиотечные полки раздвинулись, и в стене показался ленточный конвейер.

— Майду никакими силами не заставить зайти в библиотеку,— пожаловался Гомер, беря поднос с бутылкой.— Она боится Боанерджеса, хотя бедняга удав совершенно неопасен.

Гарри почувствовал прилив симпатии к невидимой Майде. Все сто восемьдесят сантиметров Боанерджеса обвивались вокруг шкафа с «Британской энциклопедией», и вздутие где-то в центре этих ста восьмидесяти сантиметров недвусмысленно свидетельствовало о том, что удав недавно плотно пообедал.

— Как ты находишь виски? — спросил Гомер после того, как Гарри произвел дегустацию и чуть не задохнулся.

— Да оно... не знаю, что и сказать. Оно... кхе... довольно крепкое. Никогда не думал, чтоб шотландское...

— Э, да не обращай внимания на этикетку. Эта марка не имеет никакого отношения к Шотландии. В том-то и беда. Я сварганил его здесь.

— Дядя!

— Да, я знаю, это противозаконно, и все такое. Ерунда! В наши дни хорошего виски не достать — все идет на экспорт. Вот я и подумал: будет только патриотично, если я сам стану изготовлять его для себя, чтобы поддержать кампанию по выкачиванию долларов. Но акцизные чиновники рассуждают иначе.

— Лучше расскажите мне эту историю с самого начала,— попросил Гарри. Его мрачная уверенность, что ему не удастся вытащить дядюшку из этого переплета, все крепла.

Гомер всегда имел пристрастие к бутылочке, и дефицит, обусловленный военным временем, сильно ему докучал. Кроме того (Гарри уже намекал на это), он не имел склонности швыряться деньгами и постоянно ворчал, что из-за налогов ему приходится платить за бутылку виски в несколько раз дороже, чем она действительно стоит. Окончательно убедившись, что достать виски все равно негде, он решил действовать на свой страх и риск.

Принятию такого решения, вероятно, в немалой степени способствовали древние обычаи края, где он жил. Вот уже несколько веков Управление таможен и акцизов ведет непрерывную войну с корнуэлльскими рыбаками. Ходили слухи, что у прежнего владельца этого старинного дома был

лучший в округе винный погреб (после епископского) и при этом он ни разу не заплатил ни пенни налога с его содержимого. Поэтому дядюшка Гомер чувствовал себя обязанным продолжить древнюю и благородную традицию.

Несомненно, его вдохновлял также и дух чисто научного исследования. Он был убежден, что все эти разговоры о виски, которое надо выдерживать в течение семи лет в бочке из дубовой клепки,— самая настоящая чепуха. И не сомневался, что с помощью ультразвука и ультрафиолетовых лучей добьется большего эффекта.

Несколько недель все шло хорошо. Но однажды поздно вечером произошла авария — из тех, что случаются и в лучших лабораториях. Не успел дядюшка сообразить, что произошло, как оказался сидящим верхом на балке, а куски медного змеевика разбросало по всему участку, прилегающему к дому.

Но и это бы еще полбеды. К несчастью, поблизости происходили учения отряда гражданской обороны. Услыхав взрыв, ополченцы со всех ног ринулись к сараю с автоматами системы «Стен» наизготове. Что, вторжение? Если да, то они с ним справятся в два счета.

Бойцов несколько разочаровало то обстоятельство, что причиной переполоха оказался всего лишь дядюшка. Но в округе все давно привыкли к его опытам и нисколько не удивились происшедшему. На беду дяди, лейтенант, командовавший отрядом, оказался местным акцизным чиновником. Зрелище, представшее его глазам, не нуждалось в объяснении: превосходно развитое обоняние мгновенно поведало ему обо всем.

— И вот завтра,— сказал дядя Гомер с видом мальчугана, попавшегося на хищении сладостей,— я должен предстать перед местным судом по обвинению в незаконном владении самогонным аппаратом.

— Я полагаю, что делом должна была бы заняться выездная сессия присяжных, а не местный административный суд,— возразил Гарри.

— Мы здесь у себя и поступаем так, как считаем нужным,— не без гордости ответил Гомер. Вскоре Гарри убедился в справедливости его слов.

Этой ночью они почти не спали. Гомер рассказал о том, какой линии защиты намерен придерживаться, отверг все возражения Гарри и поспешно собрал аппарат, который намеревался представить суду.

— На суд такого состава обычно производят сильное впечатление эксперты,— пояснил он.— Хорошо бы рискнуть и заявить, что ты представитель военного министерства. Но они всегда смогут проверить. Поэтому мы просто скажем правду — я имею в виду твое видное положение в науке.

— Благодарю,— сказал Гарри.— Но что, если мое начальство узнает, чем я тут занимаюсь?

— Ну и что же? Ты ведь выступишь только от собственного имени. Это твое частное дело.

— Да уж, конечно, частное,— сказал Гарри.

На следующий день они уселись в древний «остин», водрузили туда аппарат и поехали в деревню. Суд заседал в одном из классов местной школы. На какое-то мгновение Гарри показалось, что он перенесся на много лет назад и ему предстоит неприятное объяснение со старым директором.

— Нам повезло,— прошептал Гомер, когда они втиснулись на указанные им неудобные сиденья.— Председательствует майор Фотерингем. Мой приятель.

Гарри согласился, что это очень хорошо. Но в составе суда было еще двое заседателей, так что одного приятеля могло оказаться маловато. Оставалось надеяться не на протекцию, а на собственное красноречие.

Классная комната была переполнена. Гарри удивился, что столько народу ухитрилось отлучиться с работы так надолго — судебные заседания редко бывают короткими. Но потом он сообразил, что дело должно было вызвать большой интерес, ибо, по крайней мере в довоенные времена, контрабанда являлась одним из основных занятий местных жителей. Впрочем, большой уверенности в том, что публика отнесется к обвиняемому с симпатией, у Гарри не было. Местные жители вполне могли рассматривать предпринимательскую деятельность дядюшки Гомера как нечестную конкуренцию. Но с другой стороны, они из принципа одобряли любой способ натянуть нос акцизным.

Секретарь огласил обвинительный акт, после чего суду были представлены вещественные доказательства. Они убедительно подтвердили виновность подсудимого. Куски медных трубок были торжественно осмотрены членами суда, и каждый из них, когда приходила его очередь, бросал суровый взгляд на дядюшку Гомера. Гарри пришел к выводу, что его шансы на гипотетическое наследство становятся все сомнительнее.

После того как закончилось рассмотрение доказательств, майор Фотерингем повернулся к Гомеру:

— Дело весьма серьезное, мистер Фергюсон. Надеюсь, вы сможете дать удовлетворительное объяснение.

— Разумеется, могу, ваша честь,— ответил обвиняемый тоном оскорбленной невинности.

Гарри с облегчением отметил довольное выражение, появившееся на лице его чести, и то, как нахмурился представитель Управления королевских таможен и акцизов. Впрочем, он быстро обрел привычную уверенность.

— Желаете ли вы, чтобы суд назначил вам защитника? Я вижу, вы явились без адвоката.

— Нет надобности. Дело основано на столь очевидном недоразумении, что его можно решить без всяких сложностей. Мне бы не хотелось вовлекать обвинение в лишние расходы по уплате судебных издержек.

Эта фронтальная атака вызвала оживление в составе суда и краску на лице таможенника. Пожалуй, он начал терять свою самоуверенность. Если Фергюсон так убежден, что судебные издержки лягут на казну, значит, дела его совсем не плохи. Остается надеяться, что он просто блефует...

Гомер подождал, когда в зале стихло легкое волнение, чтобы тут же вызвать бурю.

— Я пригласил ученого эксперта, который объяснит вам, что именно произошло в доме священника. Учитывая характер доказательств, я прошу из соображений безопасности, чтобы дело слушалось in camera*.

— Вы хотите, чтобы я распорядился очистить зал? — недоверчиво переспросил председатель.

— Боюсь, что да, сэр. Мой коллега, доктор Парвис, полагает, что чем меньше народу будет знать об этом деле, тем лучше. Надеюсь, что, выслушав его заключение, вы с ним согласитесь. Очень жаль, если мне будет позволено так выразиться, что оно привлекло столько внимания. Я опасаюсь, что в результате этого некоторые, гм... секретные данные могут достигнуть ушей... нежелательных лиц.

И Гомер метнул гневный взгляд на таможенного чиновника, который смущенно заерзал на месте.

— Что ж, пусть будет так,— сказал майор Фотерингем.— Все это чрезвычайно необычно, но ведь мы и живем в необычные времена. Господин секретарь, потрудитесь очистить зал.

Приказ был выполнен, хотя вызвал суматоху и ропот публики. Обвинение заявило протест, решительно отклоненный судом. Затем, сопровождаемый любопытными взглядами немногих, оставшихся в зале, Гарри Парвис снял чехол с аппарата, с трудом извлеченного из малолитражного «остина».

Представив суду документы, удостоверяющие его научную квалификацию, Гарри занял место для свидетелей.

— Я хочу сообщить суду, ваша честь, что исследования, которые я веду, касаются взрывчатых веществ, и именно поэтому я знаком с работами обвиняемого.

Первая часть его заявления полностью соответствовала истине. К сожалению, первая и последняя. Потому что обо

* В закрытом судебном заседании *(лат.)*.

всем, о чем далее говорил Гарри, этого никак нельзя было сказать.

— Вы имеете в виду бомбы и все такое?

— Именно, но, разумеется, в самом широком смысле. Вы, конечно, понимаете, что мы неустанно бьемся над созданием новых и более эффективных взрывчатых веществ. Кроме того, государственные исследовательские институты, да и вообще академический мир всемерно заинтересованы в заимствовании плодотворных идей из внешних источников. И вот совсем недавно дя... гм... мистер Фергюсон любезно представил нам свои соображения относительно создания взрывчатого вещества совершенно нового типа. И что самое интересное — он предложил использовать в качестве взрывчатки невзрывчатые вещества вроде сахара, крахмала и т. п.

— Что? — спросил председатель.— Взрывчатка из невзрывчатых веществ? Глупости!

Гарри снисходительно улыбнулся:

— Понимаю, сэр, с первого взгляда это действительно кажется невероятным. Но, как и большинство великих идей, предложение гениально просто. Боюсь, однако, что мне придется прибегнуть к кое-каким пояснениям.

Члены суда слушали очень внимательно, но несколько настороженно. Гарри заподозрил, что им уже приходилось иметь дело с экспертами. Он подошел к столу, стоявшему посреди классной комнаты и уставленному колбами, бутылями с жидкостями, трубками.

— Надеюсь, мистер Парвис,— нервно сказал председатель,— что вы не собираетесь ставить здесь опасные опыты?

— Разумеется, нет, сэр. Я только продемонстрирую несколько общих научных положений. Хотел бы еще раз напомнить, сколь важно, чтобы все услышанное и увиденное вами не вышло за пределы этих стен.

Он сделал многозначительную паузу, дабы произвести на всех должное впечатление.

— Мистер Фергюсон,— начал он,— намерен использовать одну из основных сил природы. Это сила, которой подчинено все живое, сила, благодаря которой живете и вы, джентльмены, хотя, возможно, никогда о ней не слыхали.

Он приблизился к колбам и бутылям.

— Приходилось ли вам когда-нибудь задумываться над тем,— спросил он,— как умудряются соки дерева подняться до его высокой кроны? Требуется затратить немало энергии, чтобы поднять жидкость на высоту в сто, а то и более ста метров над землей. Откуда берется эта энергия? Сейчас я вам это продемонстрирую.

Перед вами прочный сосуд, разделенный проницаемой перегородкой. По одну сторону перегородки налита чистая вода, по другую — насыщенный раствор сахара... ну и некоторых других веществ, которые я не намерен называть. В этих условиях создается давление, именуемое осмотическим. Чистая вода стремится проникнуть через перегородку, как будто ей обязательно нужно разбавить раствор в другой половине сосуда. Сейчас я закупорил сосуд. Прошу вас обратить внимание на манометр справа. Вы видите, что стрелка ползет вверх. Это и есть осмотическое давление. Та же сила действует внутри всех клеток нашего тела, обусловливая в них движение жидкостей. Это она гонит сок вверх по стволу дерева — от корней до самых верхних веточек. Эта могучая сила действует повсеместно. Но мистер Фергюсон — первый, кто попытался покорить ее, и в этом его великая заслуга.

Гарри вновь прибег к эффектной паузе и оглядел присутствующих.

— Мистер Фергюсон,— возгласил он,— осуществил попытку создать осмотическую бомбу.

Смысл этих слов не сразу дошел до судей. Затем майор Фотерингем перегнулся через стол и приглушенным голосом спросил:

— Неужели ему удалось изготовить такую бомбу и она взорвалась в его мастерской?

— Именно так, ваша честь. Приятно, я сказал бы даже чрезвычайно приятно, выступать перед столь прозорливым

составом суда. Труды мистера Фергюсона увенчались успехом. Он как раз собирался сообщить нам о своем изобретении, когда в силу случайной оплошности предохранительное устройство бомбы не сработало. Последствия вам известны. Полагаю, что никаких иных доказательств мощи этого оружия не требуется. Значение же его становится очевидным, если вспомнить, что растворы, используемые нашим славным ученым-патриотом, состоят из самых обычных химических веществ.

Майор Фотерингем несколько растерянно повернулся к юристу, поддерживавшему обвинение.

— Мистер Уайтинг,— сказал он,— есть ли у вас вопросы к свидетелю?

— Разумеется, есть, ваша честь. Никогда не слышал такой смехотворной...

— Прошу вас ограничиться вопросами по существу дела.

— Прекрасно, ваша честь. Могу ли я спросить свидетеля, чем он объяснит наличие в воздухе большого количества паров алкоголя сразу же после взрыва?

— Сомневаюсь, чтобы нос таможенника можно было назвать прибором, способным произвести точный количественный анализ. Однако я подтверждаю, что известное количество таких паров действительно образовалось. Упомянутый мною раствор содержит около двадцати пяти процентов спирта, что ограничивает подвижность неорганических ионов и вызывает повышение осмотического давления. Подобного эффекта и следовало добиваться.

Произнося эту речь, Гарри с удовлетворением подумал: «Так, противник хоть ненадолго, но задержан!» Он оказался прав. Прошло несколько минут, прежде чем последовал второй вопрос. Представитель обвинения потряс в воздухе обломками медных трубок.

— А какова же функция вот этого? — спросил он, стараясь придать голосу самый саркастический тон. Но Гарри никак не отреагировал на него.

— Трубки, ведущие к манометрам,— ответил он без промедления.

По лицам членов суда было заметно, что все эти высокие материи уже превзошли пределы их понимания. Этого и добивался Гарри. Но у обвинения был еще один камень за пазухой. Акцизный чиновник и его проницательный юрист принялись о чем-то шептаться. Гарри с беспокойством взглянул на дядюшку Гомера, который пожал плечами, словно хотел сказать: «А я-то тут при чем!»

Юрист таможенного управления поспешно приподнялся.

— Я прошу разрешения представить суду дополнительные доказательства.— И он положил на стол пакет в коричневой бумаге.

— Разве это не противоречит процессуальным требованиям, ваша честь? — запротестовал Гарри.— Все вещественные доказательства вины моего коллеги следовало представить заранее.

— Беру ходатайство обратно,— мгновенно сдался юрист.— Будем считать, что представляемое вещественное доказательство не имеет отношения к *данному* делу. Оно послужит материалом для другого процесса.

Он сделал зловещую паузу, чтобы значение этих слов было усвоено присутствующими.

— Тем не менее, если мистер Фергюсон согласен ответить на наш вопрос сейчас, все сомнения могут быть развеяны немедленно.

Было очевидно, что оратор менее всего хотел или ожидал получить подобное объяснение.

Он сорвал коричневую обертку, и все увидели три бутылки виски знаменитой марки.

— Ха,— сказал дядюшка Гомер,— а я-то недоумевал...

— Мистер Фергюсон,— прервал его председатель суда.— Разъясняю, что вы вправе не давать показаний, если у вас нет достаточных побуждений.

Гарри Парвис с благодарностью посмотрел на майора Фотерингема. Он сразу сообразил, что произошло. Копаясь в руинах лаборатории, обвинение обнаружило несколько бутылок самогона. Действия эти были, вероятно, незаконны,

ибо производились без предъявления ордера на обыск, поэтому, очевидно, они и не представили эту улику заранее. Ведь поначалу дело казалось и без того достаточно ясным.

Теперь же оно казалось и того яснее...

— Эти бутылки,— сказал представитель казны,— не содержат напитка, указанного на этикетке. Они, несомненно, употреблены как удобные вместилища для — скажем так — химических растворов, используемых обвиняемым.

Тут он с неприязнью поглядел на Гарри Парвиса:

— Мы подвергли растворы анализу и получили в высшей степени интересные результаты. Помимо необычайно высокого содержания спирта, то, что находится в этих бутылках, практически неотличимо от...

Ему так и не довелось закончить свою непрошеную и, конечно, нежелательную хвалу мастерству дядюшки Гомера. Ибо в этот момент Гарри Парвис услышал пронзительный, зловещий свист. Сначала он подумал, что на их головы летит бомба, но тут же сообразил, что тревога не объявлялась и предупреждения о воздушном налете не было. Затем он разобрал, что свист возник где-то поблизости — ну конечно же, на столе, стоявшем посреди комнаты.

— В укрытие! — не своим голосом скомандовал он.

Суд выполнил приказание со скоростью, совершенно не свойственной британскому правосудию. Все трое членов суда исчезли под помостом, на котором стояла учительская кафедра. Те же, кто находился в самом классе, кинулись на пол или залезли под парты. Какое-то время все оставалось по-прежнему тихо, и взволнованный Гарри решил было, что объявил ложную тревогу. Затем раздался глухой взрыв и звон бьющегося стекла, а в классе запахло как на винокуренном заводе после налета немецкой авиации. Присутствующие неторопливо вылезли из своих укрытий.

Осмотическая бомба постояла за себя. И — что было самым важным — полностью уничтожала вещественные доказательства, предъявленные обвинением.

Судьи неохотно прекратили дело. Они не без основания чувствовали, что их достоинство подверглось унижению. К тому же по возвращении домой всем им предстояли неприятные объяснения — от них разило как из бочки. И хотя секретарь суда поспешил распахнуть окна (как ни странно, все окна уцелели), алкогольные пары упорно не желали рассеиваться. Выбирая мелкие осколки из своих волос, Гарри Парвис подумал, что завтра в классе ученики будут несколько навеселе.

Майор Фотерингем и впрямь оказался свойским парнем. Гарри услышал, как он сказал Гомеру, покидая разгромленное помещение:

— Послушайте, Фергюсон, пройдут столетия, прежде чем мы получим бутылки с горючей смесью, обещанные военным министерством. Почему бы вам не изготовить несколько этих ваших бомб для отряда гражданской обороны? Если они и не подорвут танка, то, по крайней мере, напрочь укатают экипаж и лишат его способности вести боевые действия.

— Я обязательно займусь этим,— ответил дядюшка Гомер, сам несколько ошарашенный ходом событий.

Впрочем, пока они ехали назад, к дому священника, по узким, извилистым дорогам, тянувшимся вдоль высоких стен из дикого камня, он полностью оправился.

— Надеюсь, дядя,— заметил Гарри, когда они выбрались на сравнительно ровный участок пути и можно было, не опасаясь за свою жизнь, поговорить с водителем,— что вы не собираетесь восстанавливать самогонный аппарат. Учтите: теперь они будут следить за вами, как ястребы, и второй раз вам от них не отвертеться.

Дядюшка ответил мрачно и не по существу:

— Проклятые тормоза! А ведь только перед войной я приводил их в порядок.

— Эй! — вскричал Гарри.— Осторожно!

Но было уже поздно. Они вырвались к перекрестку, где был повешен совершенно новый «кирпич». Дядюшка изо всех сил нажал на тормоза. Сначала ничего не произошло.

Но затем левые колеса остановились, в то время как правые продолжали бодро крутиться. Машина сделала поворот кругом, к счастью, не перевернулась и влетела в кювет.

Гарри укоризненно посмотрел на дядюшку и уже подбирал подходящие к случаю выражения, когда с боковой дорожки выехал мотоцикл.

Да, денек все же выдался злополучный. Местный полицейский сержант с утра сидел в засаде у нового знака и ловил автомобилистов. Он отвел мотоцикл к обочине и сунул голову внутрь «остина».

— У вас все в порядке, мистер Фергюсон? — осведомился он. Но тут нос его сморщился, брови нахмурились, и он стал похож на Юпитера, собирающегося поразить смертного ударом молнии.

— Нет, так дело не пойдет,— решительно сказал он.— Придется привлечь вас к суду. Водить машину под влиянием... очень серьезное нарушение.

— Но я весь день и капли в рот не брал! — запротестовал дядюшка, размахивая перед носом сержанта рукавом, от которого так и несло спиртом.

— Так я этому и поверил! — фыркнул рассерженный полицейский, вытаскивая записную книжку.— Боюсь, что вам все-таки придется последовать за мной в участок. Ваш приятель в состоянии вести машину?

Гарри Парвис ответил не сразу. Он был занят тем, что бился головой о приборную доску...

— Итак,— спросили мы у Гарри,— что же они сделали с вашим дядей?

— О, его оштрафовали на пять фунтов и лишили прав за вождение машины в нетрезвом виде. К сожалению, в суде председательствовал уже не майор Фотерингем. Зато оба заседателя были прежние. Вероятно, они сочли, что, даже если он на сей раз и в самом деле ни в чем не виноват, все равно — всему есть предел.

— А достались вам после него какие-нибудь капиталы?

— Черта с два! Он, разумеется, меня очень благодарил и обещал не забыть в завещании. Но, как вы думаете, чем он занимался, когда я виделся с ним в последний раз? Пытался создать эликсир жизни.

При мысли о вопиющей несправедливости всего сущего Гарри вздохнул.

— Иногда,— сказал он мрачно,— я опасаюсь, что дяде удалось сварганить свое снадобье. Врачи говорят, что более здорового семидесятилетнего мужчины они не видывали. Так что на мою долю, кроме забавных впечатлений и тяжкого похмелья, не выпало ничего.

— Похмелья? — переспросил Чарли Уиллис.

— Вот именно,— ответил Гарри, и в его взгляде мелькнул отблеск далеких воспоминаний.— Дело в том, что акцизный чиновник добрался не до всех вещественных доказательств. Нам пришлось... гм... уничтожить остальные, на что ушла почти целая неделя. За это время мы сделали немало ценнейших открытий, но, убей меня бог, если я помню каких.

А сейчас я должен выполнить краткую, но печальную обязанность. Одной из многочисленных тайн, окружавших Гарри Парвиса — а он столь охотно делился с нами любой иной информацией,— было наличие или отсутствие миссис Парвис. Да, обручального кольца он не носил, но в наши дни это мало что значит. Почти столь же мало,— и это скажет вам любой владелец гостиницы,— как и обратное.

Во многих своих повествованиях Гарри проявлял откровенную враждебность по отношению к тем, кого один мой польский друг, чье владение английским сильно уступает его галантности, всегда называл дамами женского пола. И воистину любопытным оказалось совпадение, что самая последняя история, которую рассказал нам Гарри, сперва указала, а затем и убедительно доказала его брачный статус.

Не знаю, кто произнес в нашей компании слово «дефенестрация», ведь оно, в конце концов, не является часто употребляемым абстрактным существительным. Наверное, один из подозрительно эрудированных молодых завсегдатаев «Белого оленя»; некоторые из них только-только выпорхнули из колледжа и, щеголяя подобными словечками, заставляют нас, ветеранов, ощущать себя неоперившимися юными невеждами. Но от слова, означающего на юридическом новоязе «выбрасывание из окна», разговор вполне естественно перешел на само деяние. Не доводилось ли кому из присутствующих испытывать дефенестрацию? Может, кому-либо такие личности известны?

— Да,— сказал Гарри.— Это произошло с одной моей знакомой, весьма болтливой дамой. Ее звали Эрминтруда, и

© Перевод А. Новикова.

она была замужем за Осбертом Инчем, звукооператором с Би-си-си.

Все свое рабочее время Осберт слушал, как говорят другие, а почти все свободное — как говорит Эрминтруда. К сожалению, он не мог поворотом ручки выключить *ее,* поэтому ему очень редко удавалось вставить слово в монологи жены.

Есть такие женщины, которые искренне не подозревают о том, что непрерывно говорят, и очень удивляются, когда их обвиняют в монополизации разговора. Эрминтруда начинала говорить, едва открыв глаза, повышала громкость, чтобы слышать себя на фоне восьмичасового выпуска новостей, и продолжала в том же духе, пока Осберт с облегчением не уходил на работу. Два года такой жизни едва не свели его с ума, но однажды утром, когда жену одолел затянувшийся ларингит, он выразил энергичный протест ее вокальной монополии.

К его полному изумлению, она категорически отказалась принять его обвинения. Эрминтруде просто-напросто казалось, что, когда *она* начинает говорить, время останавливается — зато, если говорит другой, ее охватывает чрезвычайное беспокойство. И, едва обретя голос, заявила Осберту, как несправедливо высказывать ей столь необоснованные обвинения, причем спор этот грозил привести к очень серьезным последствиям — если только с Эрминтрудой вообще можно хоть как-то *спорить.*

Ее слова привели Осберта в отчаяние и полное расстройство чувств. Но он был человеком изобретательным, и ему пришло в голову, что он сможет привести неопровержимое доказательство того, что Эрминтруда произносит сотню слов в ответ на каждый звук, который ему удается издать. Я уже упоминал, что он работал звукооператором, и в его комнате было полно усилителей, колонок, магнитофонов и прочей свойственной его профессии электроники (некоторые достались ему в подарок от ни о чем не подозревающей Би-си-си).

Он принялся за дело и быстро собрал некий приборчик, который можно назвать селективным счетчиком слов. Если

вы что-то смыслите в звуковой технике, то поймете, что можно сделать при помощи подходящих фильтров и схем деления,— а если нет, то поверьте мне на слово. По сути, его приборчик делал вот что: микрофон улавливал каждое произнесенное в квартире Инчей слово, более низкий голос Осберта проходил по одной электронной цепочке и регистрировался счетчиком, обозначенным «он», а высокий женский голос Эрминтруды шел в другом направлении и попадал на счетчик с пометкой «она».

Через час после включения счет был следующим:

ОН 23

ОНА 2530

По мере того как на счетчике мелькали цифры, Эрминтруда все дольше и дольше задумывалась и одновременно все дольше и дольше молчала. Осберт, с другой стороны, упиваясь кружащим голову вином победы (хотя для любого другого оно показалось бы чашечкой утреннего кофе или чая), использовал полученное преимущество и стал весьма разговорчив. Поэтому, когда он ушел на работу, счетчики зафиксировали изменение внутрисемейного статуса:

ОН 1043

ОНА 3397

Желая показать, кто теперь в доме хозяин, Осберт оставил аппарат включенным; ему всегда хотелось узнать, не разговаривает ли Эрминтруда чисто автоматически сама с собой, даже когда ее слова слушать некому. Перед уходом он предусмотрительно запер счетчик, чтобы жена не смогла его выключить.

Придя вечером домой, он с некоторым разочарованием обнаружил, что цифры совершенно не изменились, но через минуту счетчик заработал вновь. Для супругов стало своеобразной игрой — хотя совершенно серьезной — поглядывать на счетчик всякий раз, когда кто-то из них говорил. Эрминтруда пребывала в полнейшем расстройстве чувств; время от времени она не выдерживала и извергала словесный поток, увеличивающий ее счет на сотню-другую и прервать

который ей стоило огромного усилия воли. Осберт же, и теперь имевший большую фору, мог себе позволить роскошь красноречия и развлекался, время от времени выдавая ехидные комментарии, ради которых не жалко было немного увеличить собственный счет.

Хотя в семействе Инчей и было восстановлено определенное равенство, счетчик тем не менее усилил разлад супругов. Наконец Эрминтруда, обладавшая от природы некоей особенностью, которую некоторые могут назвать лукавством, воззвала к совести мужа. Она указала, что никто из них не в силах вести себя естественно, когда каждое их слово улавливается и подсчитывается; Осберт нечестно позволил ей вырваться вперед, и теперь болтлив до такой степени, на какую никогда бы не решился, не имея перед глазами предупреждающие показания счетчика. И хотя Осберт лишь ахнул, услышав столь наглые обвинения, ему все же пришлось признать, что они содержат элементы истины. Эксперимент станет более честным и убедительным, если никто из них не будет видеть показания счетчика и тем более если они вообще позабудут о его существовании и поведут себя совершенно естественно или, по крайней мере, настолько естественно, насколько такое возможно при подобных обстоятельствах.

После долгих споров стороны пришли к компромиссу. Осберт великодушно обнулил оба счетчика, закрыл его окошки шторками, чтобы нельзя было подсмотреть результат, и опечатал их. Супруги согласились сломать восковые печати — каждый оставил на них по отпечатку пальца — в конце недели и уже тогда подвести итоги. Спрятав микрофон под столом, Осберт перенес счетчик в свою маленькую мастерскую, чтобы в общей комнате ничто даже не напоминало о неподкупном арбитре, которому предстояло решить судьбу Инчей.

После этих манипуляций все постепенно вернулось к норме. Эрминтруда стала столь же болтлива, как и прежде, но теперь Осберт уже ничуть против этого не возражал, зная, что каждое ее слово терпеливо подсчитывается и будет использовано как доказательство. А в конце недели его ждет полный триумф. Он даже позволил себе роскошь произносить пару сотен слов в день, зная, что Эрминтруда скомпенсирует это за пять минут.

Церемония снятия печатей была проведена в конце необычно болтливого дня, когда Эрминтруда дословно пересказала три до омерзения банальных телефонных разговора, на которые, судя по всему, и потратила весь день. Осберт лишь улыбался и раз в десять минут вставлял: «Да, дорогая», а сам тем временем старался угадать, какие аргументы выдвинет жена на сей раз, когда ее придавит тяжесть неопровержимых улик.

Поэтому сами представьте его чувства в тот момент, когда печати были сняты и он увидел недельный баланс:

ОН 143 567

ОНА 32 590

Осберт ошеломленно уставился на цифры, не веря собственным глазам. Что-то было явно не так... но что? И где? Наверняка аппарат неисправен, решил он. А это очень и очень скверно, ведь он прекрасно понимал, что Эрминтруда никогда не позволит ему искупить свою вину, даже если он убедительно докажет, что счетчик был неисправен.

Эрминтруда уже праздновала победу, когда Осберт вытолкал ее из мастерской и стал разбирать коварный прибор. Завершив эту работу наполовину, он вдруг заметил в мусорнике нечто такое, что никак не мог туда бросить сам. То была петля магнитной ленты в полметра длиной, и наличие ее в мусорнике было совершенно непонятным, потому что он несколько дней не включал магнитофон. Он достал ленту, и подозрения мгновенно превратились в уверенность.

Осберт посмотрел на магнитофон: его ручки и переключатели находились в иных положениях — так он их не оставлял. Да, Эрминтруда оказалась изобретательна, но и небрежна. Осберт частенько жаловался, что она ничего не умеет сделать как следует, и сейчас получил окончательное доказательство.

В его кабинете было множество лент со старыми пробными записями; Эрминтруда без труда могла отыскать ленту с его голосом, отрезать кусок, склеить в петлю, включить магнитофон на воспроизведение и оставить на несколько часов работать перед микрофоном. Осберт был вне себя от ярости, потому что не подумал заранее о столь простой уловке; будь магнитная лента прочнее, он, наверное, задушил бы ею Эрминтруду.

Впрочем, до сих пор неясно, пытался ли он такое проделать. Мы знаем лишь, что Эрминтруда выпала из окна, и это, разумеется, могло произойти случайно — но ее уже не спросишь, потому что Инчи жили на четвертом этаже.

Да, как правило, людям помогают выпасть из окна, и у коронера имелось свое мнение на этот счет. Но никто не смог доказать, что Осберт ее вытолкнул, и в этом деле вскоре поставили точку. Примерно через год Осберт женился на очаровательной глухонемой девушке, и теперь они счастливейшая пара.

Когда Гарри смолк, все долго молчали — то ли усомнившись в его рассказе, то ли проявляя уважение к покойной миссис Инч... трудно сказать. Однако никто не успел произнести подходящее замечание, как дверь распахнулась и в частный бар «Белого оленя» ворвалась внушительных габаритов блондинка.

Воистину жизнь очень редко устраивает такие совпадения. Гарри Парвис смертельно побледнел и тщетно попытался укрыться в толпе, но его мгновенно заметили и пригвоздили к месту потоком обвинений.

— Так вот где ты читаешь каждую среду лекции по квантовой механике! — с интересом услышали мы.— Мне уже несколько лет назад следовало бы уточнить это в университете! Гарри Парвис, ты лжец, и пусть это слышат все. А что касается твоих дружков...— она обвела нас презрительным взглядом,— то я уже давненько не видала столь презренной кучки забулдыг!

— Эй, минуточку! — запротестовал из-за стойки Дрю. Блондинка взглядом заставила его смолкнуть и вновь повернулась к бедняге Гарри:

— Пошли. Мы идем домой. Нет, тебе незачем допивать эту кружку! Не сомневаюсь, что ты уже насосался более чем достаточно.

Гарри покорно подхватил свой чемоданчик и плащ.

— Хорошо, Эрминтруда,— промямлил он.

Не стану утомлять вас пересказом долгого и до сих пор не решенного спора из-за того, действительно ли миссис Парвис зовут Эрминтрудой, или же Гарри был настолько ошеломлен, что назвал ее так автоматически. У каждого из нас имеется на этот счет своя теория — впрочем, как и по всему остальному, касающемуся Гарри Парвиса. Сейчас для нас важен тот печальный и неопровержимый факт, что после того вечера его никто больше не видел.

Вполне возможно, что он попросту не знает, где мы встречаемся сейчас, потому что два месяца спустя у «Белого оленя» появились новые хозяева и все мы последовали за Дрю в его новое заведение. Теперь наши еженедельные встречи проходят в «Сфере», и уже давно многие из нас с надеждой смотрят на открывающуюся дверь — а вдруг Гарри удалось вырваться и отыскать нас снова? Кстати, отчасти из-за надежды на то, что он увидит эту книгу и узнает про наше новое прибежище, я и собрал все эти рассказы под одной обложкой.

Гарри, по тебе скучают даже те, кто не верил ни единому твоему слову! И если тебе ради обретения свободы придется дефенестрировать Эрминтруду, сделай это в среду с шести до одиннадцати, и сорок человек в «Сфере» обеспечат тебе алиби. Сделай *что угодно,* но только вернись, потому что после твоего исчезновения нам всем тебя очень не хватает.

АБСОЛЮТНАЯ МЕЛОДИЯ

Вам, конечно, знакомы те мгновения молчания и внезапной тишины, которые иногда наступают в комнате, полной оживленно беседующих людей. В возникшей вдруг вибрирующей пустоте как бы глохнут все звуки. Не знаю, что испытывают при этом другие, но я в такие минуты просто холодею. Разумеется, тут вступают в действие законы теории вероятности, однако, по-моему, дело не только в случайном совпадении пауз в разгар шумных, беспорядочных разговоров. Кажется, будто каждый прислушивается к чему-то, а к чему — и сам не знает. И тогда я говорю себе:

> И днем, и в час ночной, когда не спится,
> Я слышу: Времени несется колесница.

Вот какие чувства вызывают во мне такие мгновения, даже если они оборвали веселую беседу. И даже если она ведется в «Белом олене».

Именно так и случилось однажды. Было это в среду вечером, когда в кабачке народу меньше, чем обычно. Молчание, как и всегда, воцарилось неожиданно. Потом, должно быть, чтобы избавиться от тревожного чувства ожидания, Чарли Уиллис принялся насвистывать модный шлягер. Не помню уж какой. Знаю только, что именно эта песенка побудила Гарри Парвиса рассказать одну из своих волнующих историй.

— Чарли,— сказал он довольно спокойно.— Этот проклятый мотивчик сведет меня с ума. За последнюю неделю я слышу его всякий раз, как включаю радио.

Джон Кристофер фыркнул:

© Перевод В. Голанта.

— А вы бы настроили приемник на третью программу. Тогда вам не грозила бы опасность стать психом.

— Некоторые,— возразил Гарри,— не любят сидеть на диете, состоящей из мадригалов елизаветинской эпохи. Но, бога ради, не будем из-за этого пререкаться. Вам никогда не приходило в голову, что у всех шлягеров есть что-то общее?

— Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что они появляются ниоткуда, а потом неделями их напевают решительно все, как, например, Чарли. Лучшие из них так впиваются в нас, что от них просто невозможно отвязаться — они целыми днями сверлят вам мозг. А потом вдруг исчезают.

— Понимаю,— отозвался Арт Винсент.— Мелодию можно подхватить или бросить. Но есть такие — липнут, как патока, да и все тут.

— Точно! Добрую неделю я был ходячим лейтмотивом финала Второй симфонии Сибелиуса — он не выходил у меня из головы, даже когда я спал. А есть еще эта песенка «Третий мужчина» — знаете: да-дида-даа, ди-да, ди-даа... Вы только вспомните, что она сделала со всеми!

Гарри пришлось переждать, пока все присутствующие не кончили напевать себе под нос. Когда раздалось последнее «пам», он снова заговорил:

— Ну, пожалуйста, вот вам наглядный пример! Так что же все-таки заключено в этих мелодиях? Почему они на нас так действуют? Одни из них — настоящая музыка, другие просто пошлы... Но их, несомненно, объединяет нечто общее.

Гарри замолчал.

— Продолжайте,— сказал Чарли,— мы ждем.

— Ответ мне неизвестен,— отрезал Гарри.— Да он мне и не нужен. Ибо я знаю человека, который нашел его.

Кто-то с готовностью протянул ему кружку пива, чтобы нить повествования не порвалась. У нас не любили, когда Гарри вдруг останавливался на полуслове и сам наливал себе.

— Большинство ученых почему-то увлекаются музыкой,— сказал Гарри.— Уж можете мне поверить. Я знаю несколько больших лабораторий, где есть любительские симфонические оркестры, порой весьма недурные. Что касается математиков, то причины подобного пристрастия понятны: музыка, особенно классическая, облечена в форму почти математическую... Гармонические отношения, волновой анализ, распределение частот и так далее. Теория может все это объяснить. Исследование проблемы увлекательно само по себе и представляет большой интерес для людей науки. К тому же оно вовсе не исключает, как думают иные, эстетического восприятия музыки как таковой.

Должен, однако, признаться, что интерес к музыке, который проявлял Джилберт Листер, был чисто рационалистическим. Джилберт прежде всего физиолог, все его помыслы сосредоточивались на деятельности мозга. Поэтому, когда я упомянул о том, что интерес его к музыке шел только от рассудка, я сказал это в буквальном смысле. Ему было все равно, что слушать — синкопированные мелодии из фильма «Джаз Александера» или Хоральную симфонию. Его привлекали не сами звуки, а лишь действие, которое они оказывают на мозг через слуховые рецепторы.

— В такой высококвалифицированной аудитории, как эта,— произнес Гарри с нажимом, отчего вся фраза приняла откровенно оскорбительный оттенок,— вряд ли найдется человек, который не знал бы, что деятельность мозга в значительной мере связана с электрическими процессами. В мозгу существуют постоянные пульсирующие ритмы, которые можно зафиксировать и подвергнуть анализу с помощью современных приборов. Этим и занимался Джилберт Листер. Он мог прикрепить к вашему черепу электроды и с помощью усилителей исписывать волнами, которые посылает мозг, целые метры магнитной ленты. Потом он изучал эти записи и открывал вам массу интересного о вас самом. Настанет время, утверждал он, когда (употребляю научный термин) по энцефалограмме можно будет идентифицировать личность с большей достоверностью, чем сейчас по отпечаткам пальцев. При желании хирург сумеет заменить человеку кожу на пальцах. Но даже если наука и достигнет такой стадии развития, что мы сможем пересаживать мозг, подменяя одну личность другой, система все же будет действовать безошибочно.

Джилберт заинтересовался музыкой, исследуя ритмы, возникающие в мозгу,— альфа, бета и другие. Он полагал, что между ними и музыкальными ритмами существует какая-то связь. Поэтому он начал проигрывать музыкальные произведения своим подопытным, чтобы установить, влияет ли музыка на обычные кривые биотоков мозга. Разумеется, влияет, и в немалой степени. Это открытие увлекло Джилберта в область теории.

Мне только раз удалось всласть наговориться с ним о его теоретических выкладках. Не то чтобы он был скрытен — кстати, скрытных ученых я вообще не встречал,— просто Джилберт не любил говорить о своей работе, пока не мог с уверенностью сказать, куда она его приведет. Впрочем, и по скупым его словам нетрудно было догадаться, что перед ним открылось новое интереснейшее поле для научных исследований. Моя фирма поставляла ему кое-какие приборы, которыми он пользовался. Да я и сам был не прочь подзаработать на этом деле. Мне пришло в голову, что если идеи Джилберта подтвердятся, то раньше, чем вы успеете просвистать первый такт Пятой симфонии, ему понадобится импресарио. Ибо Джилберт пытался разработать не что иное, как теорию создания шлягеров. Разумеется, он-то ее так не воспринимал, он рассматривал свою работу как чисто научную и не заглядывал в будущее дальше опубликования статьи в «Proceedings of the Physical Society».

Но передо мной сразу открылись финансовые перспективы, и от них захватывало дух.

По мнению Джилберта, любая музыка — будь то великая мелодия или просто модная песенка — воздействует на нас потому, что каким-то образом соответствует основным рит-

мам электрических импульсов мозга. Он даже привел такое сравнение: «Это как ключ, вставляемый во французский замок: чтобы дверь открылась, оба профиля бородки должны совпасть».

К решению проблемы он подошел с двух сторон. Во-первых, подверг анализу структуру, или, как он выражался, морфологию, сотен знаменитых мелодий классической и легкой музыки. Это делалось с помощью специального прибора — анализатора гармоний, который как бы «сортировал» частоты. Разумеется, дело обстояло гораздо сложнее, но я уверен, что суть вы ухватили.

Во-вторых, он пытался установить соответствие между кри́выми звуковых волн и естественных электрических колебаний в мозгу. Ибо, согласно теории Джилберта — тут нам придется погрузиться в отвлеченные материи,— все существующие мелодии представляют собой только грубые, весьма приближенные варианты одной основной темы. Музыканты столетиями бессознательно пытались нащупать эту первооснову. Но они ведь ничего не знали о связях между музыкой и деятельностью мозга. Теперь же, когда этот вопрос выяснен, можно найти и Абсолютную мелодию.

— Э! — сказал Джон Кристофер.— Да это просто переделка платоновского учения на новый лад. Ну, вы же знаете, о чем я говорю: все предметы нашего материального мира — лишь грубые копии идеального стула или стола или чего-то там еще. Так что ваш друг гонялся за идеальной мелодией. Он ее нашел?

— Сейчас услышите,— невозмутимо продолжал Гарри.— Джилберту понадобился примерно год, чтобы завершить анализ. Затем он перешел к синтезу. Другими словами, он построил машину, создававшую сочетания звуков в соответствии с открытыми им законами. У него была целая система генераторов колебаний и преобразователей частоты (для этой части своего аппарата он переконструировал обыкновенный электронный орган). Системой управлял механический ком-

позитор. Ученые, как дети, обожают давать имена своим творениям, и Джилберт окрестил созданную машину Людвигом.

Возможно, вам будет легче понять, как действовал Людвиг, если вы представите его себе в виде калейдоскопа, узоры которого определяются не светом, а звуком. Но при этом калейдоскоп подчиняется строгим законам — законам, как полагал Джилберт, отражающим основные принципы действия человеческого мозга. Джилберт верил, что если хорошенько отладить машину, та, перебрав все возможные сочетания музыкальных тем, рано или поздно создаст Абсолютную мелодию.

Однажды мне довелось наблюдать, как работает Людвиг, и, признаться, мне стало не по себе. Машина представляла собой обычное нагромождение электронных приборов самого неопределенного вида, какое можно увидеть в любой лаборатории. Ее можно было принять за что угодно: модель новой электронно-вычислительной машины, радарный прицел, систему регулирования уличного движения или любительскую схему радиоприемника. Просто не верилось, что в случае удачи она обречет на безработицу всех композиторов мира. Неужели такое возможно? Надеюсь, нет — даже если бы Людвиг наладил выпуск «сырья», все равно нужна еще и оркестровка.

Но вот из динамика полились звуки. Сначала мне показалось, будто я слушаю экзерсисы прилежного ученика, который усердно работает пятью пальцами, и не ведая о вдохновении. Темы в большинстве были банальны: проиграв одну, машина принималась варьировать ее такт за тактом. Потом, исчерпав возможности, переходила к следующей. Иногда звучала запоминающаяся музыкальная фраза, но в целом музыка не произвела на меня никакого впечатления.

Однако Джилберт объяснил, что это только пробный пуск — основные цепи еще не собраны. Со временем Людвиг станет куда более требовательным. А сейчас он играет что попало — ведь он пока не способен разбираться в музыке.

Вот когда он приобретет эту способность, возможности его станут поистине безграничными.

Я больше никогда не видел Джилберта Листера. Мы договорились встретиться в лаборатории примерно через неделю — к этому времени он рассчитывал продвинуться далеко вперед. Но случилось так, что я опоздал на час. И, должен признаться, мне очень повезло.

Придя в лабораторию, я узнал, что Джилберта только что увезли. Его лаборант — немолодой человек, проработавший с ним много лет, в каком-то отупении смотрел на перепутанные провода Людвига. Далеко не сразу мне удалось выяснить, что же именно случилось, и еще больше времени ушло на то, чтобы осмыслить происшедшее.

Одно было очевидно: Людвиг наконец заработал в полную силу. Когда Джилберт заканчивал настройку, лаборант пошел перекусить. Час спустя он вернулся. В лаборатории, заполняя собой все помещение, звучала длинная и очень сложная мелодическая фраза. Неизвестно, сама ли машина остановилась на ней или Джилберт переключил Людвига на повтор. Как бы то ни было, Джилберт по меньшей мере сотни раз прослушал одно и то же. Лаборант застал его в трансе. Глаза его были открыты, но казались незрячими, тело одеревенело. Ничего не изменилось и тогда, когда Людвига отключили. Джилберту уже ничем нельзя было помочь.

Что же произошло? Мы, вероятно, должны были предвидеть последствия содеянного, но ведь все мы задним умом крепки. Это легче легкого. А получилось как раз то, о чем я говорил вначале. Если композитор, этот кустарь-одиночка, может сочинить мотив, способный на несколько дней завладеть вашим умом, то какой же эффект должна была произвести Абсолютная мелодия, которую искал Джилберт! Представим на минуту, что она действительно существует — впрочем, я этого не утверждаю. В таком случае нервные связи, обеспечивающие механизмы памяти, замкнулись бы в кольцо, по которому, вытеснив все, вечно кружилась бы одна и та же мелодия. Любые навязчивые мотивчики оказались бы

пустяком в сравнении с нею. Утвердившись, она нарушила бы волновую электростатическую активность мозга, это физическое проявление сознания. И — конец всему! Именно это и случилось с Джилбертом.

Его пробовали лечить по-всякому, даже шоковой терапией. Бесполезно. Порочный круг образовался, и разорвать его оказалось невозможным. Джилберт потерял всякое представление об окружающем мире. Жизнь его поддерживают, вводя в вену питательный раствор. Он совершенно недвижим и не реагирует на внешние раздражители. Но, говорят, иногда он как-то странно дергается, словно бы отбивает такт...

Боюсь, что он безнадежен, но не берусь судить, ужасна ли такая участь или, наоборот, ему следует позавидовать. Быть может, в известном смысле он обрел ту абсолютную, идеальную реальность, о которой вечно толкуют философы и о которой в свое время говорил Платон. Кто знает? Иногда я и сам задумываюсь над тем, что же собой представляла эта чертова мелодия, и готов пожалеть, что не услышал ее. А вдруг все-таки можно избегнуть страшной участи Джилберта? Вспомните, ведь Улисс слушал пение сирен, и это сошло ему с рук... Но теперь-то уже все пропало, ничего не поделаешь.

— Этого я и ждал,— насмешливо произнес Чарли Уиллис.— Разумеется, аппарат взорвался или стряслось еще что-нибудь в этом роде... И конечно, совершенно невозможно проверить ваш рассказ.

Гарри взглянул на него, следуя лучшей актерской традиции — скорее со скорбью, нежели с раздражением.

— Аппарат оставался совершенно неповрежденным,— строго сказал он.— А затем произошла одна из тех историй, которые способны довести меня до белого каления. Как я мог так прошляпить! Видите ли, я настолько увлекся опытами Джилберта, что здорово подзапустил дела фирмы. Джилберт сильно просрочил платежи. Когда в бухгалтерии узнали, что с ним стряслось, меры были приняты незамедлительно. Я как раз отлучился на несколько дней по другому делу, и знаете,

что они натворили за это время? Протолкнули иск через суд и наложили лапу на все имущество Джилберта! А это, разумеется, означало демонтаж Людвига. Когда я снова увидел беднягу, он уже был грудой никому не нужного лома. И все из-за нескольких фунтов. Я даже разрыдался.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал Эрик Мэйн.— Но вы забыли, что следует сводить концы с концами. Что в таком случае произошло с помощником Джилберта? Он сунулся в лабораторию, когда эта штука работала на всю катушку. Почему же она не поймала в свои сети и его? Тут-то вы и оплошали, Гарри!

Г. Парвис, эсквайр, сделал паузу. Но лишь для того, чтобы допить пиво и молча протянуть кружку Дрю.

— Вот как! — сказал он.— Значит, перекрестный допрос? Я счел такие подробности не заслуживающими внимания. Но именно из-за этого несчастного лаборанта я так и не смог составить ни малейшего представления о мелодии. Видите ли, помощник Джилберта был первоклассным техником, но ничем не мог помочь ему при настройке Людвига. Он человек, начисто лишенный музыкального слуха. Для него Абсолютная мелодия — что вопли мартовских котов на садовой стене.

Больше вопросов не последовало. Думаю, всем хотелось побыть наедине со своими мыслями. Наступило долгое и грустное молчание. Когда оно кончилось, в «Белом олене» потекла обычная жизнь. Но и после этого прошло, как я заметил, добрых десять минут, прежде чем Чарли вновь принялся насвистывать «Песенку о качелях».

— Количество сумасшедших ученых, желающих покорить мир,— сказал Гарри Парвис, задумчиво глядя на свое пиво,— сильно преувеличивается. Лично мне встретился всего один.

— В таком случае их действительно не может быть много,— несколько ехидно заметил Билл Темпл.— Подобные встречи наверняка незабываемы.

— Я бы этого не сказал,— ответил Гарри с той неоспоримой невинностью, которая всегда смущает его критиков.— К тому же тот ученый не был по-настоящему сумасшедшим. Однако у меня нет сомнений в том, что он намеревается покорить мир. Или, если уж выражаться совсем точно, допустить покорение мира.

— И кем же? — спросил Джордж Уайтли.— Марсианами? Или знаменитыми зелеными человечками с Венеры?

— Ни теми ни другими. Он сотрудничал с существами, живущими по соседству с нами. И вы поймете, о ком идет речь, если я добавлю, что этот ученый — мирмеколог.

— Кто-кто? — не понял Джордж.

— Пусть начинает рассказывать,— предложил Дрю из-за стойки бара.— Уже одиннадцатый час, и если я не выдворю вас всех до одиннадцати еще и на этой неделе, у меня отнимут лицензию.

— Спасибо,— с достоинством поблагодарил Гарри, протягивая Дрю опустевшую кружку для наполнения.— Произошло это года два назад, когда я выполнял миссию в Тихом океане. Она была очень секретная, но, учитывая последовавшие с тех пор события, я могу рассказывать о ней вполне спокойно. Нас, троих ученых, высадили на некий тихооке-

© Перевод А. Новикова.

анский атолл примерно в двух тысячах километров от Бикини и дали неделю на монтаж и запуск аппаратуры. Она предназначалась, разумеется, для слежения за нашими добрыми друзьями и союзниками, когда те начали играть с термоядерными реакциями,— то есть нам предстояло подбирать крошки со стола КАЭ*. Русские, естественно, поступили так же, и время от времени мы натыкались друг на друга, причем каждая сторона старательно изображала, что тут «никого нет, кроме нас, невинных овечек».

Предполагалось, что атолл необитаем, но это оказалось грубой ошибкой. На самом деле там обитало несколько сотен миллионов...

— Что! — ахнул кто-то.

— ...несколько сотен миллионов жителей,— невозмутимо договорил Парвис,— включая одного человека. Я встретил его, когда направился к центру атолла полюбоваться видами.

— К центру? — не поверил Джордж Уайтли.— Но вы же только что сказали, что находились на атолле! Как у кораллового кольца может...

— Это был очень широкий атолл,— твердо произнес Гарри.— В конце концов, кто из нас рассказывает? — Он с вызовом взглянул на оппонента и, выдержав паузу, продолжил: — Так вот, шел я вдоль очаровательной речушки в тени кокосовых пальм и вдруг с изумлением увидел водяное колесо — причем весьма современное на вид и вращающее динамо-машину. Если бы у меня хватило благоразумия, то я вернулся бы и все рассказал своим коллегам, но я не справился с искушением и решил провести небольшую разведку. Мне вспомнилось, что на острове еще могут оставаться японские солдаты, до сих пор не знающие, что война кончилась, но такое объяснение показалось мне маловероятным.

Следуя вдоль кабеля от динамо-машины, я поднялся на холм и с его вершины увидел на широкой поляне низкое по-

* Комиссия по атомной энергии.

беленное известкой здание. А всю поляну усеивали высокие холмики земли неправильной формы, соединенные паутиной проводов. Столь непонятного зрелища я не видел уже давно и поэтому простоял там минут десять, тщетно ломая голову в поисках разумного объяснения. И чем дольше я смотрел, тем меньше смысла находил во всей этой картине.

Я как раз размышлял над тем, что делать дальше, когда из домика вышел высокий седой мужчина и зашагал к одному из холмиков. Он держал какой-то аппарат, а на шее у него висели наушники, и я предположил, что это счетчик Гейгера. Но тут я понял, что это за высокие холмики. Это были термитники — настоящие небоскребы по сравнению с размерами их строителей, причем гораздо выше Эмпайр-стейт-билдинг,— в которых и живут так называемые белые муравьи.

С огромным интересом, но ничего не понимая, я наблюдал за тем, как пожилой ученый вставил аппарат в основание термитника, надел наушники, внимательно послушал несколько секунд и направился обратно к домику. К этому времени любопытство разобрало меня настолько, что я решил обнаружить свое присутствие. Какое бы исследование тут ни проводилось, оно явно никак не связано с международной политикой, и из нас двоих лишь мне есть что скрывать. Позднее вы поймете, насколько я ошибся в *этом*.

Я крикнул, привлекая к себе внимание, и зашагал вниз по склону холма, размахивая руками. Незнакомец остановился и стал следить за моим приближением: похоже, он не очень-то удивился. Подойдя ближе, я увидел, что у него свисающие усы, придающие ему несколько восточную внешность. На вид ему было около шестидесяти, но спину он держал очень прямо и, хотя был облачен лишь в шорты, смотрел на меня с таким достоинством, что я даже устыдился своего шумного приближения.

— Доброе утро,— несколько виновато сказал я.— Я не знал, что на острове есть кто-то еще. Я член... э-э... научной экспедиции. Мы расположились по ту сторону холма.

При этих словах глаза незнакомца вспыхнули.

— Ах, ученый коллега! — воскликнул он почти на безупречном английском.— Очень рад вас видеть. Заходите в дом.

Я с радостью воспользовался приглашением — после физических усилий мне стало очень жарко — и увидел, что внутри домик фактически есть одна большая лаборатория. В углу я заметил кровать, два стула, плиту и складную ванну типа тех, какими пользуются в лагерях туристы,— вот и все бытовые приспособления. Однако вокруг царили чистота и порядок: мой незнакомый коллега хотя и жил затворником, но не забывал о достойной человека обстановке.

Я представился первым и тут же узнал имя хозяина: профессор Такато, биолог из ведущего японского университета. Если не считать уже упомянутых усов, он мало походил на японца, а скорее напоминал пожилого полковника из Кентукки, с которым я был когда-то знаком.

Угостив меня незнакомым, но освежающим вином, он пригласил меня сесть, и мы проговорили несколько часов. Подобно большинству ученых, он был рад встретить собеседника, способного оценить его работу. И хотя мои научные интересы ближе к физике и химии, чем к биологии, исследования профессора Такато оказались поразительными и для меня.

Полагаю, вы не очень-то много знаете о термитах, поэтому напомню вам основные факты. Они принадлежат к числу наиболее высокоразвитых общественных насекомых и живут огромными колониями во всех странах с тропическим климатом. Холода они не выдерживают и, как ни странно, прямого солнечного света тоже, поэтому, когда им необходимо перебраться в другое место, они строят целые затененные шоссе. Похоже, они обладают некими неизвестными и почти мгновенными средствами общения, поэтому если один термит довольно беспомощен и туп, вся колония ведет себя на уровне довольно умного животного. Некоторые авторы даже сравнивают термитник с телом человека, которое также состоит из индивидуальных клеток, объединенных в

существо намного более совершенное, чем составляющие его частички. Термитов нередко называют белыми муравьями, но это неверное название, потому что они вовсе не муравьи, а совершенно иной вид насекомых. Или правильнее сказать «род»? Я в подобных тонкостях разбираюсь очень смутно.

Извините за небольшую лекцию, но, послушав некоторое время профессора Такато, я сам стал в некотором смысле поклонником термитов. Знаете ли вы, например, что они не только растят сады, но и держат коров — насекомых-коров, разумеется,— и доят их? Да, они хитроумные малявки, хоть и обходятся одними инстинктами.

Но пора рассказать кое-что и о профессоре. Хотя он в тот момент был один, а на острове жил уже несколько лет, ассистенты время от времени привозили ему оборудование и помогали в работе. Первым его великим достижением стало повторение того, что фон Фрише проделал с пчелами,— он выучил их язык. Язык термитов оказался намного сложнее, чем система общения пчел, основанная, как вы наверняка знаете, на танце. Насколько я понял, система проводов, соединяющая термитники с лабораторией, не только позволяла профессору Такато слушать их разговоры, но и самому общаться с ними. Это не такая уж фантастика, как кажется, если использовать слово «общаться» в его самом широком смысле. Мы ведь общаемся со множеством животных — и совсем не обязательно голосом. Когда вы бросаете палку и ждете, что собака ее принесет, это тоже форма речи — язык жестов. А профессор, как я узнал, разработал нечто вроде понятного для термитов кода, хотя, насколько этот код был эффективен для общения, я не знаю.

Я приходил к профессору каждый день, когда выкраивал время, и к концу недели мы уже стали добрыми друзьями. Возможно, вы удивитесь, что я сумел скрыть эти визиты от своих коллег, но остров был довольно большой и каждый из нас выполнял солидный объем исследований. Но я почему-то решил, что профессор Такато — моя личная собственность, и не хотел нарушать его уединение любопытством

моих коллег. К тому же они были довольно неотесанными типами — выпускниками провинциальных университетов вроде Оксфорда или Кембриджа.

Рад сообщить, что сумел оказать профессору некоторую помощь, починив ему рацию и настроив кое-какую электронику. Отслеживая перемещения отдельных термитов, он широко использовал метод радиоактивных меток и при нашей первой встрече как раз следил за одним из них, пользуясь счетчиком Гейгера.

Через четыре или пять дней после нашей встречи счетчики профессора стали трещать как сумасшедшие, а установленное нами оборудование заработало и стало записывать показания. Такато догадался, что произошло: он никогда не спрашивал меня прямо, чем мы занимаемся на острове, но, думаю, понять это было нетрудно. Когда я с ним поздоровался, он включил свои счетчики и дал мне послушать треск в наушниках. На остров выпали радиоактивные осадки — их количество не представляло опасности для здоровья, но естественный фон повысился.

— Думаю,— мягко произнес он,— вы, физики, снова играли в свои игрушки. И на этот раз игрушка была очень большая.

— Боюсь, вы правы,— согласился я. Мы еще не завершили обработку данных, но, похоже, Теллер и его команда рванули водородную бомбу.— Вскоре мы научимся делать такие игрушки, по сравнению с которыми атомная бомба покажется просто хлопушкой.

— Моя семья,— очень спокойно добавил профессор,— жила в Нагасаки.

По этому поводу я мало что мог сказать и был рад, когда он продолжил:

— А вы никогда не задумывались над тем, кто сменит людей, когда человечеству придет конец?

— Ваши термиты? — пошутил я.

Профессор, поколебавшись, негромко сказал:

— Идите со мной. Я вам еще не все показал.

В одном из углов лаборатории под покрывалом стояло какое-то оборудование. Когда профессор снял покрывало, я увидел весьма любопытный аппарат. На первый взгляд он напоминал манипулятор, какими пользуются для дистанционной работы с радиоактивными материалами. Я увидел знакомые захваты для пальцев рук, движения которых дублировались на расстоянии через систему стержней и рычагов, но в этом аппарате на конце манипулятора находилась коробочка со стороной пять сантиметров.

— Что это? — спросил я.

— Это микроманипулятор. Его разработали во Франции для биологов. Пока что их выпущено совсем немного.

И тут я вспомнил. Это такие устройства, которые через систему понижающих зубчатых передач позволяют проделывать невероятно тонкие операции. Человек перемещает палец на сантиметр, а инструмент, которым он управляет через манипулятор, перемещается на тысячную долю сантиметра. Французские ученые, разработавшие эту технику, создали крошечный кузнечный горн, на котором сумели изготовить из плавленого стекла и его осколков мельчайшие скальпели и пинцеты, а с их помощью, работая под микроскопом, препарировали отдельные клетки. Имея такой инструмент, можно запросто вырезать термиту аппендикс (если бы таковой у насекомого имелся).

— Я не очень ловок в работе с манипулятором,— признался Такато,— и всю работу с ним проделывает мой ассистент. Я этого еще никому не показывал, но вы мне очень помогли. Идите со мной, пожалуйста.

Мы вышли из домика и зашагали по настоящей улице между высокими и прочными, как цемент, холмиками. Архитектура их довольно сильно отличалась, потому что их строили различные виды термитов — а среди них есть и такие, которые термитников и вовсе не строят. Я ощутил себя великаном, шагающим по Манхэттену, потому что каждый термитник был настоящим небоскребом с бесчисленными жителями.

Возле одного из холмиков стояла маленькая металлическая (не деревянная — с ней термиты справились бы в два счета!) хижина. Внутри ее было совершенно темно. Профессор щелкнул выключателем, и при слабом красном свете я увидел разнообразные оптические приборы.

— Они не выносят света,— пояснил профессор,— поэтому наблюдать за ними — большая проблема. Мы решили ее, воспользовавшись инфракрасным освещением. Это преобразователь изображения типа тех, какими военные пользуются при ночных операциях. Вам они знакомы?

— Конечно. Такие штучки снайперы крепят к винтовкам и без промаха стреляют в темноте. Хитроумное изобретение. Рад, что вы нашли для него цивилизованное применение.

Профессор долго искал то, что хотел,— он вглядывался в нечто вроде перископа и рассматривал коридоры термитника. Наконец он воскликнул:

— Скорее... пока они не убежали!

Я занял его место у перископа. Около секунды мои глаза приспосабливались, и прошло еще несколько секунд, пока я понял, что за картину я разглядываю. Я увидел при большом увеличении шестерых термитов, довольно быстро перемещающихся в поле моего зрения. Они двигались группой, как собаки в упряжке. И это оказалось очень хорошей аналогией, потому что они тянули санки...

Я был настолько поражен, что даже не заметил, какой груз они перемещали. Когда термиты уползли, я повернулся к профессору. К этому времени мои глаза привыкли к тусклому красному освещению, и я видел его очень хорошо.

— Так вот какие инструменты вы создавали с помощью манипулятора! Поразительно! Даже не верится.

— Это пустяки,— возразил профессор.— Дрессированых блох тоже можно научить катить тележку. Я не сказал вам самого главного. Мы с помощником изготовили всего несколько саней. А те, что вы видели, они смастерили сами.

Он дал мне время осмыслить сказанное и заговорил снова — негромко, но с хорошо сдерживаемым возбуждением в голосе:

— Вспомните, что каждый отдельный термит весьма глуп, но колония в целом — организм весьма высокого типа и к тому же, если исключить случайности, бессмертный. Он застыл на нынешнем уровне инстинктов за миллионы лет до появления человека и сам по себе не может вырваться за пределы современного стерильного совершенства. Он оказался в тупике — потому что лишен как инструментов, так и эффективных способов воздействия на природу. Я же подарил им рычаг для увеличения силы, а теперь и сани для повышения эффективности труда. Я уже подумываю и о колесе, но его лучше оставить на потом — сейчас оно будет для них не очень полезно. Результаты же превзошли мои ожидания. Я начал работу с одним этим термитником — а теперь и во всех остальных есть такие же инструменты. Они обучают друг друга, и это доказывает их умение сотрудничать. Да, они воюют между собой, но лишь когда не хватает пищи, а тут ее достаточно.

Но термитник-организм нельзя судить по человеческим меркам. Я надеюсь встряхнуть его жесткую, застывшую культуру, вытолкнуть из замкнутого круга, по которому он вращается уже миллионы лет. Я дам ему новые инструменты, новые технологии — и перед смертью надеюсь увидеть, как он начнет изобретать сам.

— Но зачем вы это делаете? — спросил я, потому что понял, что здесь кроется нечто большее, чем научная одержимость.

— Потому что не верю в выживание человечества, но все же надеюсь сохранить некоторые из его открытий. А раз оно движется в тупиковом направлении, то, как мне кажется, следует помочь другой расе. Знаете, почему я выбрал этот остров? Чтобы мой эксперимент остался изолированным. Мой супертермит, если он появится в результате эволюции, должен будет остаться здесь, пока не достигнет очень высо-

кого уровня развития. Фактически — пока не сумеет пересечь Тихий океан...

Есть и другая возможность. У человека нет соперника на этой планете. Думаю, ему может пойти на пользу, если он его получит. Возможно, в этом окажется его единственное спасение.

Я даже не знал, что и ответить — настолько меня ошеломили мечты профессора. К тому же после только что увиденного его слова прозвучали весьма убедительно. И я понял, что профессор Такато вовсе не безумец. Да, внешность у него подходящая и ведет он себя несколько отрешенно, но причиной тому — уединенность острова и важность его научных достижений.

И он отнюдь не испытывал враждебности к человечеству. Как раз наоборот — он жалел его. Он попросту верил, что оно завершает свой путь, и желал спасти хоть что-то из обломков цивилизации. И в глубине души я не мог его винить.

Наверное, мы немало времени провели в той металлической хижине, представляя различные варианты будущего. Помню, я высказал предположение, что мы сможем достичь определенного взаимопонимания, потому что столь различным культурам, как люди и термиты, совсем не обязательно иметь повод для конфликтов. Но мне самому в это с трудом верилось, и если состязание начнется, то я не уверен, кто выйдет из него победителем. Ведь что сможет сделать оружие человека против разумного противника, способного погубить урожай пшеницы и риса во всем мире?

Когда мы вышли из металлической хижины, было уже почти темно. И тут профессор сделал последнее признание.

— Через несколько недель,— сказал он,— я намерен совершить самый крупный шаг вперед.

— Какой же?

— Неужели не догадались? Я собираюсь подарить им огонь.

После этих слов по спине у меня пробежал холодок, вызванный отнюдь не приближением ночи. Роскошный океанский закат показался мне символическим — и я внезапно осознал, что символизм этот гораздо глубже, чем я подумал.

Закат этот был одним из прекраснейших, какие мне доводилось видеть за всю жизнь, и отчасти рукотворным. Потому что высоко в стратосферу, начиная свой путь вокруг планеты, взлетела пыль умершего сегодня острова. Моя раса сделала большой шаг вперед, но разве имело это значение теперь?

Я собираюсь подарить им огонь. Не знаю почему, но у меня не возникло сомнения в том, что профессор добьется успеха. И когда он это сделает, то даже силы, которые моя раса сегодня спустила с поводка, не спасут ее...

На следующее утро нас забрал гидросамолет, и больше я профессора не видел. Он до сих пор там, и я считаю его важнейшим человеком в мире. Пока наши политики грызутся, он делает нас вымирающим видом.

Думаете, его следует остановить? Пожалуй, еще не поздно. Я часто над этим размышляю, но так и не смог придумать действительно убедительную причину, почему мне следует вмешаться. Несколько раз я даже был на грани принятия решения, но потом брал газету, прочитывал заголовки...

Думаю, надо предоставить им шанс. Я просто не представляю, как они ухитрятся справиться с делом хуже, чем это сделали мы.

Одной из особенностей, делающих рассказы Гарри Парвиса столь убедительными, является их правдоподобие. Возьмем, к примеру, этот. Я тщательно, насколько смог, проверил места и информацию — мне пришлось так поступить, чтобы написать этот отчет,— и все совпало. И как это можно объяснить, если не... но судите сами.

— Я нередко замечал,— начал Гарри,— как в прессе появляются краткие и весьма любопытные заметочки, а затем, иногда несколько лет спустя, натыкаешься на уже более подробное изложение этих же событий. У меня как раз есть превосходный пример. Весной тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года — я потом уточнил дату, это было девятнадцатого апреля — появилось сообщение об айсберге у побережья Флориды. Помню, эта заметка показалась мне весьма странной. Гольфстрим, как вы знаете, рождается как раз у побережья Флориды, и я просто не мог представить, как айсберг мог забраться так далеко на юг, не растаяв по дороге. Впрочем, тогда я почти сразу позабыл об этом, решив, что это очередная высосанная из пальца сенсация, какие газеты публикуют, если нет настоящих новостей.

И вот примерно неделю назад я встретил друга, служившего капитаном во флоте США, он-то и рассказал мне о поразительной подоплеке той давней сенсации. История эта настолько замечательна, что я решил поведать о ней всем, хотя не сомневаюсь, что многие в это просто-напросто не поверят.

Любой, кто более или менее знаком с внутренними американскими проблемами, наверняка знает, что претензии

© Перевод А. Новикова.

Флориды на звание «Солнечного штата» довольно сильно оспариваются некоторыми из остальных сорока семи членов Союза. Вряд ли Нью-Йорк, Мэн или Коннектикут можно назвать серьезными соперниками, зато Калифорния воспринимает амбиции Флориды почти как личное оскорбление и постоянно изо всех сил им противится. Флоридцы не остаются в долгу, напоминая про знаменитый лос-анджелесский смог, тогда калифорнийцы с показной заботливостью интересуются: «Когда там у вас по расписанию очередной ураган?», на что флоридцы отвечают: «Можете на нас рассчитывать, когда захотите отдохнуть от землетрясений». Конца этой перепалке не видно, и именно тут на сцене появляется мой друг капитан Доусон.

Капитан плавал на подводных лодках, но потом вышел в отставку. Он работал техническим советником в фирме, предлагающей услуги субмарин, и в один прекрасный день к нему обратились с весьма необычным предложением. Не стану категорически утверждать, что за ним стояла Торговая палата штата Калифорния, но... вы вольны делать любые предположения...

В любом случае идея казалась типично голливудской. Я тоже так сперва подумал, пока не вспомнил, что старина лорд Дансени использовал нечто подобное в одном из своих рассказов. Возможно, калифорнийский спонсор проекта тоже был, как и я, поклонником Джоркенса?

Идея была восхитительной по своей смелости и простоте. Капитану Доусону предложили внушительную сумму за доставку искусственного айсберга к побережью Флориды, а если он ухитрится подвести его вплотную к пляжу в Майами-Бич в разгар сезона — то еще и премию.

Вряд ли стоит говорить, что капитан охотно согласился: сам он был родом из Канзаса, поэтому смог отнестись к предложению бесстрастно и чисто как к коммерческой сделке. Он разыскал нескольких членов своего старого экипажа, заставил их дать клятву о неразглашении тайны и после долгих

мытарств и ожиданий в вашингтонских коридорах сумел на определенный срок взять напрокат устаревшую подлодку. Потом отправился в крупную компанию, выпускающую кондиционеры, убедил их в своей кредитоспособности и здравости рассудка, и на палубе его субмарины под большим куполом ему смонтировали холодильную установку.

На создание сплошного айсберга, даже маленького, потребовалось бы огромное количество энергии, поэтому пришлось пойти на компромисс. Айсбергу — заговорщики окрестили его Холодная Хильда — предстояло стать пустотелым, с ледяными стенками около тридцати сантиметров толщиной. Снаружи он будет смотреться весьма внушительно, а по сути станет типичной голливудской декорацией, зато, кроме капитана и его людей, его внутренние секреты никто не узнает. Готовый айсберг отпустят дрейфовать, когда ветры и течения направят его в нужном направлении, а продержится он достаточно долго, чтобы произвести во Флориде рассчитанный переполох.

Разумеется, пришлось решать бесчисленные практические проблемы. Для создания Хильды потребуется несколько дней непрерывной работы морозильников, а запустить ее в плавание следовало как можно ближе к цели. А это означало, что подлодке — назовем ее «Марлин» — придется подыскать базу неподалеку от Майами.

В качестве базы был предложен архипелаг Флорида-Киз, но тут же отвергнут. Уединения там уже не найти: рыбаков там нынче больше, чем москитов, и подлодку заметят в два счета. Даже если «Марлин» прикинется обыкновенным контрабандистом, спокойно поработать им все равно не дадут. Так что от этого плана пришлось отказаться.

Капитану предстояло решить и другую проблему. Прибрежные воды вокруг Флориды чрезвычайно мелки, и хотя осадка Хильды не будет превышать шестидесяти сантиметров, всем известно, что девять десятых объема настоящего айсберга укрыто под водой. Поэтому, если внушительный

на вид айсберг начнет плавать на полуметровом мелководье, весь реализм разом пропадет.

Не знаю точно, как капитан преодолел эти технические проблемы, но, полагаю, он провел несколько испытаний в Атлантике вдалеке от оживленных морских маршрутов. Замеченный в Атлантике и упомянутый в газетах айсберг был одним из его первых творений. Кстати, ни Хильда, ни ее родственники не представляли для кораблей опасности — будучи пустотелыми, они просто развалились бы при столкновении.

Наконец все приготовления были завершены. «Марлин» лег в дрейф в Атлантике севернее Майами и запустил на полную мощь морозильники. Стояла чудесная ясная ночь, на западе медленно тонул полумесяц луны. Ходовые огни на «Марлине» были выключены, но капитан Доусон очень внимательно следил, не приближаются ли другие корабли. В такую ясную ночь он легко мог уклониться от столкновения, оставаясь незамеченным сам.

Хильда пребывала еще на стадии эмбриона. Насколько я понял, технология ее создания состояла в том, чтобы надуть очень холодным воздухом большой пластиковый мешок и набрызгивать на него воду, пока не образуется корочка льда. Когда лед наберет достаточную толщину и сможет выдержать собственный вес, мешок можно будет убрать. Лед — не слишком хороший строительный материал, но Хильду совсем не обязательно было делать очень большой. Даже маленький айсберг принес бы Торговой палате Флориды не меньше хлопот, чем младенец — незамужней леди.

Капитан Доусон стоял в рубке, наблюдая, как его команда управляется с распылителями ледяной воды и шлангами, подающими сильно охлажденный воздух. После предварительных тренировок они орудовали ими весьма умело и теперь с немалым художественным вкусом лепили глыбу будущего айсберга. Капитану даже пришлось остановить попытку воспроизвести ледяную копию головы Мэрилин Монро — зато саму идею он отложил на будущее.

А через несколько минут после полуночи капитан вздрогнул, увидев на севере вспышку, и обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как на горизонте гаснет красное свечение.

— Шкипер, там упал самолет! — крикнул наблюдатель.— Я видел, как он только что разбился!

Ни секунды не медля, капитан связался с машинным отделением и направил лодку на север. Он хорошо запомнил направление, где видел свечение, и предположил, что до места крушения не более трех-четырех километров. Хильда, накрывающая почти всю корму лодки, не могла существенно снизить ее скорость, да и в любом случае быстро избавиться от айсберга было нельзя. Капитан велел выключить морозильники, чтобы снять лишнюю нагрузку с дизелей, и приказал полный вперед.

Минут тридцать спустя наблюдатель, вооруженный мощным биноклем ночного видения, заметил что-то на воде.

— Эта штука еще на плаву,— доложил наблюдатель.— Какой-то самолет, это точно — но никаких признаков жизни. И крылья у него, похоже, отвалились.

Не успел он договорить, как его перебил другой наблюдатель:

— Смотрите, шкипер,— тридцать градусов по правому борту! Что это?

Капитан резко развернулся и поднес к глазам бинокль. Он увидел едва выступающий над водой и быстро вращающийся небольшой овальный предмет.

— Ага,— произнес капитан,— боюсь, у нас появилась компания. Это радарный сканер — там еще одна подлодка.— Тут он просиял.— Как знать, может, мы еще сумеем выкрутиться,— сказал он своему помощнику.— Подождем, пока они начнут спасательную операцию, а сами втихаря смоемся.

— Возможно, нам придется нырять и бросить Хильду,— сказал помощник.— Помните, они уже засекли нас радаром.

Так что нам лучше сбросить скорость и прикинуться айсбергом.

Доусон кивнул и отдал приказ. Ситуация усложнилась, и в следующие несколько минут могло произойти что угодно. Пока что другая подлодка видела «Марлина» лишь как пятнышко на экране радара, но, едва она поднимет перископ, ее командир начнет выяснять ситуацию. И вся история с айсбергом утратит секретность...

Доусон проанализировал тактическую ситуацию. Лучше всего, решил он, до предела использовать необычный камуфляж. Он отдал приказ, и «Марлин» развернулся кормой в сторону все еще погруженного незнакомца. Когда другая подлодка всплывет, ее командир очень удивится, увидев айсберг, но у Доусона оставалась надежда, что он будет слишком занят спасением самолета и не станет недоумевать из-за Хильды.

Он навел бинокль на разбившийся самолет — и испытал новое потрясение. Это и в самом деле оказался весьма странный летательный аппарат... и как-то он выглядел не так...

— Ну конечно! — сказал Доусон помощнику.— И как же мы сразу не догадались — никакой это не самолет. Это ракета, выпущенная с полигона Какао,— видишь, ее поддерживают на плаву надувные мешки? Они надулись после удара о воду, а подлодка ждала в районе падения, чтобы ее подобрать.

Капитан вспомнил, что на восточном побережье Флориды, возле местечка со странным названием Какао на берегу еще более невероятной Банановой реки находится крупный ракетный полигон. Что ж, по крайней мере, жизни мифических летчиков с якобы разбившегося самолета ничто не угрожало, и если «Марлин» затаится, то получит неплохой шанс остаться от всей этой истории в стороне.

Двигатели «Марлина» работали на самом малом ходу, лишь бы лодка не потеряла управление и держалась за укрытием. Хильда была достаточно высока, чтобы скрыть ее выступающую из воды рубку, и с расстояния даже при лучшем,

чем сейчас, освещении разглядеть лодку было невозможно. Впрочем, оставалась одна жуткая возможность — другая подлодка могла начать обстрел айсберга просто так, чтобы он не создавал угрозу навигации. Хотя нет... скорее всего, она сообщит о нем по радио береговой охране. Пусть это создаст некоторые неудобства, зато не нарушит их планов.

— Вот она! — воскликнул помощник.— Какого она класса?

Оба уставились через бинокли на всплывающую в слегка фосфоресцирующем океане подлодку. Луна уже почти ушла за горизонт, и какие-либо детали разглядеть было трудно. Радарный сканер, как с радостью отметил Доусон, перестал вращаться и теперь был направлен на плавающую ракету. Однако очертания рубки показались ему какими-то странными...

И тут Доусон сглотнул, поднес к губам микрофон и прошептал, обращаясь к своему экипажу:

— Кто-нибудь из вас говорит по-русски?..

Настало долгое молчание, но наконец в рубку поднялся инженер.

— Я немного говорю, шкипер,— сказал он.— Мои бабушка и дедушка приехали с Украины. А в чем дело?

— Взгляни-ка туда,— мрачно предложил Доусон.— Там происходит интересное браконьерство. И думаю, нам надо его остановить...

У Гарри Парвиса есть безумно раздражающая меня привычка прерывать рассказ в самый интересный момент, чтобы заказать еще кружку пива — или, что случается чаще, попросить кого-нибудь принести ему кружечку. Я наблюдал это так часто, что теперь могу уверенно сказать, далеко ли до этого момента, наблюдая за количеством пива в его кружке. Нам пришлось подождать, с трудом сохраняя терпение, пока Гарри не зальет полный бак.

— Если подумать,— задумчиво проговорил он,— то командиру русской подлодки поразительно не повезло. Наверное, его расстреляли во Владивостоке, или откуда там он

приплыл, потому что какой трибунал поверил бы его рассказу? Если он оказался настолько большим дураком, что рассказал правду, то сказал им примерно так: «Мы всплыли возле побережья Флориды, и тут с какого-то айсберга нам крикнули по-русски: "Извините, но я думаю, что это *наша* собственность!"» Поскольку на борту наверняка была парочка типов из МВД, бедняге пришлось бы придумать хоть *какое-то* оправдание, но вряд ли любые его слова прозвучали бы убедительно...

Как Доусон и предполагал, русская подлодка, едва там поняли, что их обнаружили, попросту сбежала. А у капитана «Марлина», когда он вспомнил про то, что он офицер запаса и что его долг перед страной важнее обязательств по контракту перед одним из ее штатов, не осталось выбора. Он подобрал ракету, разморозил Хильду и взял курс на Какао — предварительно послав по радио сообщение, поставившее на уши командование ВМФ, которое немедленно выслало в Атлантику эсминцы. Не исключено, что Любопытный Иван вообще не добрался до Владивостока...

Объяснения Доусона с командованием флота оказались не из легких, но полагаю, что подобранная им ракета была настолько важна, что ему не стали задавать слишком много вопросов по поводу частной войны, в которой «Марлин» принимал активное участие. Однако атаку на Майами-Бич пришлось отложить как минимум до следующего сезона. Хочу с удовлетворением отметить, что даже спонсоры проекта, хотя и потеряли немалые деньги, оказались не очень разочарованы. Каждый из них получил почетный диплом, подписанный главнокомандующим флота США, в котором выражалась благодарность за оказанную стране важную, но так и оставшуюся засекреченной помощь. И эти дипломы вызвали такое изумление и зависть всех их лос-анджелесских друзей, что их гордые обладатели не расстанутся с ними ни за что на свете...

Однако я не хочу создавать у вас впечатление, будто проект так и остался незавершенным — американцы так не по-

ступают. Хильда пока пребывает в спячке, но когда-нибудь ее разбудят. Все уже подготовлено и спланировано вплоть до таких мелких деталей, как случайное присутствие съемочной группы из Голливуда на пляже в Майами-Бич в тот день, когда Хильда приплывет из Атлантики.

Поэтому это одна из тех историй, которую я не могу завершить плавной концовкой. Разведка уже состоялась, но главная схватка еще впереди. И знаете, о чем я часто гадаю? Как поступит Флорида с калифорнийцами, когда узнает, какую свинью ей подложили? У кого-нибудь есть идеи?

То была одна из тех вялых дискуссий, что завязываются в «Белом олене», когда никто не может предложить более интересную тему. Каждый старался вспомнить самое поразительное из известных ему имен, и я как раз назвал «Обедайя Полкингхорн», и тут — неизбежно — на сцене появился Гарри Парвис.

— Странные имена вспоминать нетрудно,— сказал он, упрекая нас в легкомыслии,— но вы хоть когда-нибудь задумывались над гораздо более фундаментальным вопросом — *воздействии* таких имен на своих владельцев? Иногда, знаете ли, такое имечко может исковеркать человеку жизнь. Именно это и произошло с юным Зигмундом Сноринго*.

— О нет! — простонал Чарльз Уиллис, один из наиболее несгибаемых критиков Гарри.— Не верю!

— Так по-вашему,— возмущенно ответил Гарри,— я это имя выдумал? Да будет вам известно, что предки Зигмунда были евреями из Центральной Европы и когда-то их фамилия начиналась на «Ш», причем на протяжении многих поколений. «Сноринг» же есть лишь англизированный ее вариант. Но это я упоминаю так, мимоходом; очень жаль, что кое-кто постоянно вынуждает меня тратить время на подобные объяснения.

Чарли, самый многообещающий из знакомых мне авторов (его считают многообещающим уже более двадцати пяти лет), издал было некий протестующий звук, но кто-то, позаботившись о благе всех присутствующих, отвлек его кружкой пива.

© Перевод А. Новикова.

* Snoring — храпун *(англ.)*.

— Зигмунд,— продолжил Гарри,— нес свою ношу достаточно храбро, пока не повзрослел. Я практически не сомневаюсь, что дурацкая фамилия постоянно вертелась у него в голове и в конечном итоге породила то, что можно назвать психосоматическим результатом. Если бы он родился у других родителей, то не стал бы — я в этом почти не сомневаюсь — таким упорным и постоянным храпуном.

Что ж, бывают в жизни трагедии и хуже. Семья Зигмунда была не из бедных, и звукоизолированная спальня оберегала остальных домочадцев от бессонных ночей. Как и все храпуны, Зигмунд совершенно не подозревал о своих ночных симфониях и искренне не мог понять, из-за чего другие поднимают скандал.

И лишь женившись, он обратил на свое несчастье — если его можно так назвать, ибо храп мешал не ему, а другим,— то серьезное внимание, какое оно заслуживало. Никто не удивляется, если молодая жена возвращается из свадебного путешествия в несколько расстроенных чувствах, но бедняжка Рейчел Сноринг пережила настоящее потрясение. Она постоянно ходила с красными от недосыпания глазами, а любые попытки вызвать сочувствие у друзей неизменно вызывали у них неудержимый хохот. Поэтому ничего удивительного, что она предъявила Зигмунду ультиматум: или он как угодно избавляется от храпа, или их браку конец.

Тут перед Зигмундом и его семьей встала весьма серьезная проблема. Они были семьей хорошо обеспеченной, но отнюдь не богатой — в отличие от дедушкиного брата Рувима, умершего в прошлом году и оставившего довольно хитроумное завещание. Он весьма благоволил к Зигмунду и завещал ему немалую сумму, переведя ее в трастовый фонд. Молодой человек мог получить эти деньги, когда ему исполнится тридцать. К несчастью, прадядюшка был очень старомоден и праведен и не очень-то доверял современной молодежи, поэтому включил в завещание условие, что Зигмунд не имеет права разводиться, пока не достигнет оговоренного возраста. В противном случае деньги пойдут на создание сиротского приюта в Тель-Авиве.

Ситуация создалась очень сложная, и трудно даже предполагать, как она решилась бы сама по себе, если бы кто-то не посоветовал Зигмунду поговорить с дядей Хайми. Совет Зигмунду не очень-то понравился, но отчаянное положение требует отчаянных решений, и он отправился в путь.

Тут я должен пояснить, что дядя Хайми был выдающимся профессором-физиологом, членом Королевского научного общества и автором множества научных трудов. И еще в тот момент, благодаря грызне между попечителями колледжа, он испытывал определенную нехватку средств и был вынужден прекратить работу по нескольким своим любимым исследовательским проектам. Его возмущение усилило и то обстоятельство, что факультету физики только что выделили полмиллиона фунтов на новый синхротрон, поэтому, когда перед ним предстал несчастный племянник, настроение у него было далеко не радужным.

Пытаясь не обращать внимания на вездесущий запах дезинфектанта и помета, Зигмунд проследовал за лаборантом вдоль столов с каким-то непонятным оборудованием и клеток с мышами и морскими свинками, через каждые несколько шагов отводя взгляд от занимающих почти всю площадь стен отвратительных цветных схем и рисунков. Дядюшку он увидел за лабораторным столом, где тот сидел, попивая чай из мензурки и рассеянно поглощая сэндвичи.

— Угощайся,— буркнул он вместо приветствия.— Жареный хомяк... настоящий деликатес. Из партии, на которой мы отрабатывали противораковые препараты. Что это с тобой?

Сославшись на отсутствие аппетита, Зигмунд поведал уважаемому дядюшке о своих печалях. Профессор выслушал его без особой симпатии.

— Не понимаю, какого черта ты вообще женился,— сказал он наконец.— Бездарно потраченное время.— Всем было

известно, что дядя Хайми удерживал по этому вопросу непоколебимую позицию, имея пятерых детей и ни одной жены.— Но все же попробую тебе помочь. Сколько у тебя денег?

— Для чего? — спросил несколько ошарашенный Зигмунд.

Профессор обвел рукой лабораторию:

— На все это требуются средства.

— Но я думал, что университет...

— О да. Но любую дополнительную работу приходится делать тайком, а у тебя именно такой случай. Я не могу тратить на тебя средства колледжа.

— И сколько тебе надо для начала?

Дядюшка назвал сумму куда меньшую, чем опасался Зигмунд, но радость его длилась недолго. Как вскоре выяснилось, ученый был прекрасно знаком с особенностями завещания Рувима; Зигмунду еще предстояло подписать контракт, согласно которому через пять лет, когда он получит добычу, часть денег обязуется передать профессору. А сейчас он всего-навсего выплачивает аванс.

— Но учти, я ничего не обещаю, хотя и сделаю все возможное,— предупредил дядюшка Хайми, внимательно изучая чек.— Езжай домой и возвращайся через месяц.

Это оказалось все, чего Зигмунд смог от него добиться, потому что профессора отвлекла некая эффектная аспирантка, облаченная в плотно облегающий свитер. Они принялись обсуждать интимную жизнь лабораторных крыс, используя такие выражения, что стеснительный Зигмунд был вынужден поспешно удалиться.

Как мне кажется, дядя Хайми не стал бы брать у Зигмунда деньги, если бы не был уверен, что сможет доставить ему нужный товар. Следовательно, он уже почти завершил свою работу, когда университет обрезал ему финансирование,— ведь он никак не мог изобрести всего за четыре недели ту сложную смесь препаратов, которую в оговоренное время ввел шприцем в руку охваченного надеждами племянника.

Эксперимент проводился поздно вечером в доме профессора; Зигмунд не очень удивился, увидев, что ассистирует дяде та самая аспирантка.

— И как подействует этот препарат? — спросил он.

— Не даст тебе храпеть... надеюсь,— ответил дядюшка.— Вот удобное кресло, а вот пачка журналов. Мы с Ирмой будем по очереди за тобой приглядывать — на случай, если возникнут побочные реакции.

— Побочные реакции? — с тревогой спросил Зигмунд, потирая руку.

— Не волнуйся... и расслабься. Через несколько часов мы узнаем, подействовал ли препарат.

И Зигмунд принялся ждать, когда его одолеет сон, а двое ученых суетились вокруг него (и вокруг друг друга тоже), измеряя кровяное давление, пульс и температуру и заставив Зигмунда ощутить себя хроническим инвалидом. Когда настала полночь, сна у него не было ни в одном глазу, зато профессор и его ассистентка валились с ног от усталости. Зигмунд понял, что ради него они работают сверхурочно, и даже испытал к ним благодарность — пусть и непродолжительную, но весьма трогательную.

Перевалило за полночь. Ирма стала шататься, и профессор не очень вежливо уложил ее на кушетку.

— Ты уверен, что еще не устал? — спросил он Зигмунда, зевнув.

— Ни капельки. Очень странно... обычно в это время я уже давно сплю.

— Но ты себя хорошо чувствуешь?

— Лучше не бывает.

Профессор снова зевнул, пробормотал нечто вроде: «Надо было и себе вколоть немного» — и рухнул в соседнее кресло.

— Если станет плохо, разбуди нас,— сонно пробормотал он.— Не вижу смысла мучиться и дальше.

И несколько секунд спустя Зигмунд остался единственным бодрствующим в комнате.

К двум часам ночи он прочел десяток номеров «Панча» со штемпелем «Не выносить из комнаты отдыха». К четырем одолел все номера «Сэтедей ивнинг пост». Тощая стопка «Ньюйоркера» заняла его до пяти утра, и тут он наткнулся на сокровище. Диета из одной черной икры скоро становится монотонной, и Зигмунд с восторгом обнаружил потрепанный томик романа под названием «Блондинка согласна на все». Роман целиком поглотил его внимание до рассвета, когда дядюшка резко проснулся, вскочил, разбудил Ирму точно нацеленным шлепком и обратил теперь уже свое полное внимание на Зигмунда.

— Итак, мальчик мой,— начал он с приветливостью, немедленно пробудившей у Зигмунда подозрительность,— я сделал то, чего ты хотел. Ты провел ночь без храпа, не так ли?

Зигмунд отложил «Блондинку», которая как раз находилась в ситуации, когда ее согласие или несогласие уже не имели значения.

— Да, я не храпел,— признал он.— Но и не спал.

— Тебе и сейчас совершенно не хочется спать?

— Да... и я ничего не понимаю.

Профессор и Ирма обменялись торжествующими взглядами.

— Ты войдешь в историю, Зигмунд,— пообещал профессор.— Ты станешь первым человеком, способным обходиться без сна.

И изумленный, но пока еще не возмущенный подопытный кролик узнал эту потрясающую новость.

— Знаю,— продолжил Гарри,— что многим из вас хотелось бы услышать научные подробности открытия дядюшки Хаймн. Но я их не знаю, а если бы и знал, то они были бы слишком сложны, чтобы пересказывать их здесь. Отмечу лишь, поскольку вижу выражения, которые другой на моем месте назвал бы скептическими, что во всей этой истории нет ничего по-настоящему поразительного. Ведь сон, в конце концов, есть сильно переменный фактор. Вспомните Эдисона, который всю жизнь спал всего по два-три часа в сутки. Верно, человек не может обходиться без сна бесконечно, но некоторые животные могут, поэтому сон не является фундаментальной частью метаболизма.

— *Какие же*, интересно узнать, животные могут обходиться без сна? — спросил кто-то скорее из любопытства, чем из недоверчивости.

— Ну... э-э... ну конечно же!.. глубоководные рыбы, обитающие вдали от континентального шельфа. Если они заснут, их тут же сожрут другие рыбы или же они утратят плавучесть и упадут на дно. Вот им и приходится всю жизнь не спать.

(Кстати, я до сих пор пытаюсь выяснить, истинно ли это утверждение. Я никогда прежде не ловил Гарри на искажении научных фактов, хотя несколько раз и подвергал его слова сомнению. Но вернемся к дядюшке Хайми.)

— Зигмунд не сразу понял,— поведал нам Гарри,— какое поразительное событие произошло в его жизни. Восторженные комментарии дядюшки, расписывающего сияющие перспективы, которые открываются перед человеком, освободившимся от тирании сна, помешали ему сосредоточиться на собственной проблеме. Все же ему удалось задать не дававший ему покоя вопрос:

— И долго этот эффект продлится?

Профессор и Ирма переглянулись, затем дядюшка нервно кашлянул и ответил:

— Пока мы этого не знаем. Это последнее, что осталось выяснить. Не исключено, что эффект станет перманентным.

— Так я что, никогда больше не смогу спать?

— Не «не смогу», а «не захочу». Впрочем, если тебя это настолько встревожило, я, наверное, смогу разработать способ ликвидации этого эффекта. Однако на это потребуется много денег.

Зигмунд торопливо уехал, пообещав ежедневно сообщать профессору о результатах эксперимента. В голове у него все еще царил сумбур, но первым делом ему требовалось отыс-

кать жену и убедить ее, что он больше никогда не станет храпеть.

Она охотно согласилась ему поверить, и они трогательно воссоединились. Но уже на следующее утро перед рассветом Зигмунду стало очень скучно лежать, когда не с кем даже поговорить, и он на цыпочках ушел от спящей жены. До него впервые стали доходить последствия случившегося: как же теперь проводить лишние восемь часов в сутки, доставшиеся в довесок к непрошеному подарку дядюшки?

Вы, возможно, уже решили, что Зигмунд получил уникальную — а то и воистину беспрецедентную — возможность вести гораздо более полноценную жизнь, впитывая в себя ку́льтуру и знания, которые нам всем хотелось бы впитать,— будь у нас для этого достаточно времени. Он мог читать любого из великих классиков, знакомых большинству людей лишь по именам, изучать искусство, музыку или философию и наполнять разум изысканнейшими сокровищами человеческого интеллекта. Думаю, многие из вас сейчас ему попросту завидуют.

Так вот, ничего из этого не вышло. Главная причина оказалась в том, что даже гениальнейшему мозгу нужен отдых и он не в силах бесконечно заниматься серьезной умственной деятельностью. Да, Зигмунд больше не испытывал потребности в сне, зато ему требовалось чем-то развлечь себя, пока тянулись долгие и пустые ночные часы.

Цивилизации, как он вскоре обнаружил, глубоко безразличны чаяния человека, неспособного заснуть. Возможно, он меньше страдал бы в Париже или Нью-Йорке, но в Лондоне к одиннадцати вечера закрывается практически все и лишь немногие кафе или бары дотягивают до полуночи, а уж в час ночи... гм... чем меньше будет сказано про открытые в это время заведения, тем лучше.

Поначалу, если погода была хорошей, он убивал время долгими прогулками, но после нескольких встреч с настойчивыми и недоверчивыми полицейскими отказался от этой

идеи. Тогда он стал разъезжать на машине по предрассветному Лондону и открыл для себя множество мест, о которых и не подозревал. Вскоре он приобрел шапочное знакомство с многочисленными ночными сторожами, грузчиками в Ковент-Гардене и молочниками, а также журналистами и печатниками с Флит-стрит, которым приходилось работать, когда остальные горожане еще спят. Но поскольку Зигмунд не принадлежал к числу тех, кого привлекает общение с другими людьми, это развлечение ему тоже вскоре наскучило, и он вновь оказался один на один со своими ограниченными ресурсами.

Его жена, как и следовало ожидать, оказалась далеко не в восторге от ночных бдений мужа. Он рассказал ей всю историю, и она, хоть и сочла ее невероятной, была вынуждена в нее поверить, имея перед собой столь неоспоримое доказательство. Но даже после этого создалось впечатление, что она предпочла бы мужа пусть храпящего, зато в постели рядом с ней, чем бродягу, выскальзывающего на цыпочках из спальни около полуночи и не всегда возвращающегося даже к завтраку.

Все это весьма огорчало Зигмунда. Ведь он заплатил и пообещал немалые деньги (не раз напоминал он Рейчел) и согласился рискнуть здоровьем и жизнью, лишь бы избавиться от мешающего ей недостатка. И получил ли он в ответ благодарность жены? Нет. Она требовала от него детального и подробного отчета о времени, потраченном на то, чтобы не лежать по ночам рядом с ней. Требование это казалось ему совершенно несправедливым и к тому же намекало на недоверие, что угнетало его еще больше.

Медленно и постепенно его секрет стал известен многим, хотя Сноринги (они всегда были очень сплоченным кланом) смогли сохранить его внутрисемейным. Ювелир дядя Лоренц посоветовал Зигмунду подыскать себе вторую работу, ведь жалко зря терять столько дополнительного рабочего времени. Он предложил ему список занятий для одного че-

ловека, равно пригодных как для дневной, так и для ночной деятельности, но Зигмунд тепло его поблагодарил и сказал, что не видит смысла дважды платить подоходный налог.

Когда прошло шесть недель круглосуточных бдений, Зигмунд понял, что с него довольно. Он больше не мог смотреть на книги, ходить по ночным клубам и слушать пластинки. Его великий дар, за обладание которым многие глупцы согласились бы выложить состояние, превратился в непосильную обузу. Оставалось только одно — снова ехать к дядюшке Хайми.

Профессор ожидал его визита, поэтому Зигмунду не пришлось грозить судом, взывать к солидарности Снорингов или указывать на нарушение контракта.

— Ладно, ладно,— проворчал ученый.— Верно говорят: не мечите бисер перед свиньями. Я знал, что ты рано или поздно потребуешь создать антидот. Но я человек щедрый, и укол обойдется тебе всего в пятьдесят гиней. Только не обвиняй потом меня, если начнешь храпеть пуще прежнего.

— На такой риск я согласен,— заявил Зигмунд. К тому времени они с женой уже спали в разных комнатах.

Он отвел взгляд, когда ассистентка профессора (на сей раз не Ирма, а худощавая брюнетка) стала наполнять большой шприц новым дьявольским коктейлем дядюшки Хайми. И заснул, приняв в вену лишь половину дозы.

В кои-то веки дядюшка Хайми встревожился.

— Я и не ожидал, что препарат подействует настолько быстро,— сказал он.— Ладно, отнесем его в постель — не валяться же ему посреди лаборатории.

Утром Зигмунд все еще крепко спал и ни на что не реагировал. Дыхание его оставалось ровным и глубоким; похоже, он скорее не спал, а находился в трансе, и профессор встревожился еще больше.

Впрочем, тревожиться ему оставалось недолго. Несколько часов спустя озверевшая морская свинка укусила его за палец, началось заражение крови, и редактор «Нэйчур» еле-еле успел вставить в очередной номер некролог.

Зигмунд всю эту суматоху спокойно проспал и пребывал в блаженной отключке, когда семья, вернувшись из крематория, собралась на военный совет. «О мертвых или хорошо, или ничего», но было очевидно, что покойный профессор допустил еще одну роковую ошибку, и никто не знал, как ее исправить.

Кузен Мейер, владелец мебельного магазинчика, предложил заботиться о Зигмунде, если ему разрешат поместить его в витрину, где он станет демонстрировать удобство продаваемых кроватей. Однако семья решила, что это будет слишком унизительно, и схему кузена отвергли.

Но она навела их на другую идею. Зигмунд успел всем надоесть своими причудами, и это шараханье из одной крайности в другую... это уже слишком. Так почему бы не согласиться на самое легкое решение — раз уж Зигмунд заснул, пусть себе спит?

Нет смысла вызывать нового дорогостоящего эксперта, он лишь все еще больше испортит (хотя как именно, никто представить не смог). Кормить Зигмунда не надо, ему требуется лишь минимум медицинского внимания, а спящий он никак не сможет нарушить условия завещания прадядюшки Рувима. Когда этот аргумент весьма тактично высказали Рейчел, она сразу оценила его силу. От нее требовалось лишь некоторое время потерпеть, зато и награда окажется достойной.

Чем больше Рейчел размышляла, тем больше эта идея ей нравилась. Мысль стать богатой почти вдовой ее привлекала, поскольку открывала очень интересные и новые возможности. И, если честно, она уже была по горло сыта Зигмундом и без труда обошлась бы без него все пять лет, пока он не станет наследником.

В должное время этот момент настал, и Зигмунд разбогател на полмиллиона. Однако он продолжал крепко спать и за эти пять лет ни разу не захрапел. Он лежал такой умиротворенный, что будить его было попросту жалко — даже если бы кто и знал, как это сделать. Рейчел постоянно твердила,

что неумелое вмешательство может привести к печальным последствиям, и семья, предварительно позаботившись о том, чтобы она имела доступ лишь к процентам от состояния Зигмунда, но не к основному капиталу, согласилась с ней.

Произошло это несколько лет назад. Как я недавно слышал, Зигмунд до сих пор мирно спит, а Рейчел замечательно проводит время на Ривьере. Женщина она весьма умная, как вы, наверное, уже догадались, и наверняка понимает, насколько удобно иметь про запас молодого мужа, который станет ей опорой в старости.

Должен признать, я иногда жалею, что дядюшка Хайми так и не успел оповестить мир о своих замечательных открытиях. Но Зигмунд — лучшее доказательство того, что наша цивилизация еще не созрела для подобных изменений, и очень надеюсь, что меня уже не будет на этом свете, когда какой-нибудь физиолог начнет все сначала.

Гарри взглянул на часы.

— Боже праведный! — воскликнул он.— Я и не представлял, что уже так поздно... то-то меня стало в сон клонить!

Он подхватил свой чемоданчик, подавил зевок и доброжелательно улыбнулся.

— Приятных вам всем снов,— пожелал он.

Часто можно услышать, будто бы в наш век поточных линий и массового производства полностью изжил себя кустарь-умелец, искусный мастер по дереву и металлу, чьими руками создано столько прекрасных творений прошлого. Утверждение скороспелое и неверное. Разумеется, теперь умельцев стало меньше, но они отнюдь не перевелись совсем. И как бы ни менялась профессия кустаря, сам он благополучно, хотя и скромно, здравствует. Его можно найти даже на острове Манхэттен, нужно только знать, где искать. В тех кварталах, где арендная плата мала, а противопожарные правила и вовсе отсутствуют, в подвале жилого дома или на чердаке заброшенного магазина приютилась его крохотная, загроможденная всяким хламом мастерская. Пусть он не делает скрипок, часов с кукушкой, музыкальных шкатулок — он такой же умелец, каким был всегда, и каждое изделие, выходящее из его рук, неповторимо. Он не враг механизации: под стружками на его верстаке вы обнаружите рабочий инструмент с электрическим приводом. Это вполне современный кустарь. И он всегда будет существовать, мастер на все руки, который, сам того не подозревая, творит подчас бессмертные произведения.

Мастерская Ганса Мюллера занимала просторное помещение в глубине бывшего пакгауза неподалеку от Куинсборо-Бридж. Окна и двери здания были заколочены, оно подлежало сносу, и Ганса вот-вот могли попросить. Единственный ход в мастерскую вел через запущенный двор, который днем служил автомобильной стоянкой, ночью — местом сборищ юных правонарушителей. Впрочем, они не причиняли

© Перевод Л. Жданова.

мастеру никаких хлопот, так как он умел прикинуться несведущим, когда являлась полиция. В свою очередь, полицейские отлично понимали деликатность положения Ганса Мюллера и не слишком-то на него наседали; таким образом, у него со всеми были хорошие отношения. И это вполне устраивало сего миролюбивого гражданина.

Работа, которой теперь был занят Ганс, весьма озадачила бы его баварских предков. Десять лет назад он и сам был бы удивлен. А началось все с того, что один прогоревший клиент принес ему в уплату за выполненный заказ вместо денег телевизор...

Ганс без особой охоты принял это вознаграждение. И не потому, что причислял себя к людям старомодным, не приемлющим телевидения. Просто он не представлял себе, когда сможет выбрать время, чтобы смотреть в эту треклятую штуку. «Ладно,— решил Ганс,— в крайнем случае продам кому-нибудь, уж пятьдесят-то долларов всегда получу. Но сперва стоит все-таки взглянуть, что за программы они показывают...»

Он повернул ручку, на экране появились движущиеся картинки, и Ганс Мюллер, подобно миллионам до него, пропал. В паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он не подозревал,— мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона». И лишь когда нудное описание достоинств чудо-каши «Кранч» сменилось почти столь же нудным поединком двух боксеров, которые явно заключили пакт о ненападении, он стряхнул с себя чары.

Ганс был простодушный человек. Он всегда любил сказки, а это были современные сказки, к тому же с чудесами, о которых братья Гримм не могли и мечтать. Так получилось, что Ганс Мюллер раздумал продавать телевизор.

Прошла не одна неделя, прежде чем поунялось его первоначальное наивное восхищение. Теперь Ганс уже критическим взором смотрел на обстановку и меблировку телевизионного мира будущего. Он был в своей области художником и отказывался верить, что через сто лет вкусы деградируют до такой степени. Воображение заказчиков рекламной передачи удручало его.

Ганс был весьма невысокого мнения и об оружии, которым пользовались капитан Зипп и его враги. Нет, он не пытался понять принцип действия портативного дезинтегратора, его смущало только, почему этот дезинтегратор непременно должен быть таким громоздким. А одежда, а интерьеры космических кораблей? Они выглядят неправдоподобно! Откуда он мог это знать? Гансу всегда было присуще чувство целесообразности, оно тотчас заявило о себе и в этой новой для него области.

Мы уже сказали, что Ганс был простодушным человеком. Но простаком его нельзя было назвать. Прослышав, что на телевидении платят хорошие деньги, мастер сел за свой рабочий стол.

Даже в том случае, если бы автор декораций и костюмов к постановкам о капитане Зиппе не сидел уже в печенках у продюсера, идеи Ганса Мюллера произвели бы впечатление. Его эскизы отличались небывалой достоверностью и реализмом, в них не было ни грана той фальши, которая начала раздражать даже самых юных поклонников капитана Зиппа. Контракт был подписан незамедлительно.

Правда, Ганс предъявил свои условия. Он трудился из любви к искусству — обстоятельство, которого не могло поколебать даже то, что он при этом зарабатывал больше денег, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь. И Ганс заявил, что, во-первых, ему не нужны никакие помощники, во-вторых, он будет работать в своей маленькой мастерской. Его дело поставлять эскизы и образцы. Массовое изготовление может происходить в другом месте; он кустарь.

Все шло как нельзя лучше. За шесть месяцев капитан Зипп совершенно преобразился и стал предметом зависти всех постановщиков «космических опер». В глазах зрителей это были уже не спектакли о будущем, а само будущее. Но-

вый реквизит вдохновил даже актеров. После спектаклей они часто вели себя как путешественники во времени, внезапно перенесенные в далекую старину и чувствующие страшную неловкость из-за отсутствия самых привычных предметов обихода.

Ганс об этом не знал. Он продолжал увлеченно работать, отказываясь встречаться с кем-либо, кроме продюсера, и решая все вопросы по телефону. Он по-прежнему смотрел телевизионные передачи, и это позволяло ему проверять, не искажают ли там его идеи. Единственным наглядным знаком связей Ганса Мюллера с отнюдь не фантастическим миром коммерческого телевидения был стоящий в углу мастерской ящик маисовых хлопьев «Кранч», дар благодарного заказчика рекламы. Ганс честно проглотил одну ложку чудо-каши, после чего с облегчением вспомнил, что ему платят деньги не за то, чтобы он ел это варево...

В воскресенье поздно вечером Ганс Мюллер заканчивал образец нового гермошлема; вдруг он почувствовал, что в мастерской есть еще кто-то. Он медленно повернулся к двери. Она ведь была заперта, как они ухитрились открыть ее так бесшумно? Возле двери, глядя на него, неподвижно стояли двое. Ганс почувствовал, как сердце уходит в пятки, и поспешно мобилизовал все свое мужество. Хорошо еще, что здесь хранится только малая часть его денег. А может быть, это как раз плохо? Еще разъярятся...

— Кто вы? — спросил он.— Что вам здесь надо?

Один из вошедших направился к нему, второй остался стоять у двери, не сводя глаз с мастера. Оба были в новых пальто, низко надвинутые на лоб шляпы не позволяли разглядеть лиц. «Слишком хорошо одеты,— сказал себе Ганс,— чтобы быть заурядными грабителями».

— Не волнуйтесь, мистер Мюллер,— ответил первый незнакомец, легко читая его мысли.— Мы не бандиты, мы представители власти. Из контрразведки.

— Не понимаю.

Незнакомец сунул руку в спрятанный под пальто портфель и извлек пачку фотографий. Порывшись среди них, он вынул одну.

— Вы причинили нам немало хлопот, мистер Мюллер. Две недели мы разыскивали вас, ваши работодатели никак не хотели давать нам адрес. Прячут вас от конкурентов. Так или иначе, мы здесь и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Я не шпион! — возмущенно ответил Ганс, смекнув, о чем идет речь.— У вас нет никакого права! Я лояльный американский гражданин!

Гость игнорировал эту вспышку. Он показал Гансу фотографию.

— Узнаете?

— Да. Это интерьер космического корабля капитана Зиппа.

— Он придуман вами?

— Да.

Еще одна фотография.

— А это?

— Это марсианский город Палдар, вид с воздуха.

— Ваша собственная выдумка?

— Разумеется! — Гнев заставил Ганса забыть об осторожности.

— А это?

— Это протонное ружье. Разве плохо?

— Скажите, мистер Мюллер, все это ваши собственные идеи?

— Да, я не краду у других.

Первый незнакомец подошел к своему товарищу. Несколько минут они переговаривались так тихо, что Ганс ничего не мог разобрать. Наконец они как будто пришли к соглашению. Совещание кончилось прежде, чем Ганс сообразил, что не худо бы прибегнуть к помощи телефона.

— Очень жаль,— обратился к нему незнакомец,— но похоже, кто-то нарушил правила секретности. Возможно, это

произошло чисто случайно, даже... э... неосознанно, но это не меняет дела. Мы обязаны провести дознание. Прошу следовать за нами.

Он сказал это так властно и строго, что Ганс покорно снял с вешалки пальто и стал одеваться. Полномочия гостя не вызывали у него никакого сомнения, он даже не попросил его предъявить документы.

Неприятно, конечно, но ему нечего бояться. Ганс вспомнил рассказ о писателе-фантасте, который еще в самом начале войны с поразительной точностью описал атомную бомбу. Когда ведется столько исследований, подобные инциденты неизбежны. Интересно, какой секрет он разгласил, сам того не ведая?

Уже в дверях он оглянулся и окинул взглядом мастерскую и следующих за ним незнакомцев.

— Это нелепая ошибка,— сказал Ганс Мюллер.— Если я и показал в программе что-то секретное, то это чистое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство ФБР.

И тут впервые прозвучал голос второго незнакомца; он говорил на каком-то странном английском языке, с необычным акцентом.

— Что такое ФБР? — спросил он.

Ганс не слышал вопроса: он смотрел во все глаза на стоящий во дворе космический корабль.

Приключения Гарри Парвиса обладают привкусом той безумной логики, которая делает их убедительными как раз за счет их невероятности. Вслушиваясь в очередной хитроумно скроенный рассказ, слушатель постепенно погружается в нечто вроде ошарашенного изумления. Несомненно, убеждает себя слушатель, ни у кого не хватило бы наглости такое выдумать, потому что подобные нелепости могут произойти лишь в реальной жизни, а не зародиться в голове рассказчика. И обезоруженный дар критического восприятия засыпает или как минимум начинает дремать, пока Дрю не вскрикивает: «Время, джентльмены! Пожалуйста!» — и не изгоняет нас в холодный и жестокий мир.

Рассмотрим для примера маловероятную цепочку событий, увлекшую Гарри в очередное приключение. Пожелай он все это выдумать, он, несомненно, существенно упростил бы рассказ. Ибо, с точки зрения истинного художника слова, нет ни малейшей необходимости начинать рассказ в Бостоне, чтобы повествовать о событиях в океане близ побережья Флориды...

Гарри проводит немало времени в Соединенных Штатах, и там у него ничуть не меньше друзей, чем здесь, в Англии. Иногда он приводит их в «Белый олень», и порой они уходят на своих двоих. Чаще, однако, они поддаются той иллюзии, что теплое пиво якобы безобиднее холодного. (Я несправедлив к Дрю: пиво у него не теплое. А если вы продолжаете на этом настаивать, то он, совершенно бесплатно, выдаст вам кусочек льда размером с почтовую марку.)

© Перевод А. Новикова.

Очередная сага Гарри началась, как я уже упомянул, в Бостоне. Гарри гостил у процветающего юриста из Новой Англии, и как-то утром хозяин небрежно и чисто по-американски обронил:

— А не съездить ли нам во Флориду? Хочу немного позагорать.

— Прекрасно,— отозвался никогда не бывавший во Флориде Гарри. Тридцать минут спустя, к своему немалому удивлению, он уже сидел в салоне красного «ягуара», мчащегося с внушительной скоростью на юг.

Поездка сама по себе оказалась достойной отдельного рассказа. От Бостона до Майами ровно 2523 километра — и эту цифру, как сказал Гарри, он не забудет до могилы. Они пролетели это расстояние за тридцать часов, нередко под затихающие сзади сирены дорожных патрулей — отчаявшиеся полицейские попросту не могли за ними угнаться. Время от времени полиция меняла тактику, вынуждая их совершать фланговые маневры и ускользать от преследования по проселочным дорогам. Радио в «ягуаре» можно было настраивать на любые полицейские частоты, поэтому они заранее узнавали обо всех готовящихся засадах. Несколько раз они буквально в последний момент успевали пересечь границу очередного штата, и Гарри не мог не задуматься над тем, что подумали бы клиенты этого адвоката, если бы узнали о силе психологического отталкивания, заставляющей его, несомненно, удирать от них во весь дух. И еще Гарри гадал, увидит ли он что-либо во Флориде вообще, или они так и будут мчаться по шоссе номер один, пока не вылетят в океан в Ки-Уэсте.

Наконец они остановились в ста километрах южнее Майами напротив Ключа — длинного и узкого острова возле нижней оконечности Флориды. «Ягуар» внезапно свернул с дороги и запетлял по прорубленной в мангровых зарослях тропе. Та вывела их на широкую поляну возле моря. Гарри увидел причал, скоростной катер длиной сто метров с кабиной, плавательный бассейн и современный домик типа тех, что возводят на ранчо. Весьма уютное убежище от мира, и Гарри прикинул, что один лишь дом стоит не менее ста тысяч долларов.

В день приезда он не смог как следует осмотреться, потому что рухнул в постель и мгновенно заснул. После слишком краткой, как ему показалось, дремы он проснулся от звука, напоминающего шум работающей котельной. Гарри встал под душ, неторопливо оделся и вышел из комнаты, уже более или менее придя в себя. В доме, похоже, никого не было, и он отправился на разведку.

К тому времени он научился ничему не удивляться, поэтому лишь слегка приподнял брови, обнаружив хозяина на причале, где тот налаживал руль явно самодельной подводной лодки. Лодка была длиной всего метров шесть, имела рубку управления в форме башенки с большими иллюминаторами и называлась «Помпано» — название было жирно намалевано на носу восковым карандашом.

Немного поразмыслив, Гарри пришел к выводу, что на самом-то деле в этом нет ничего необычного. Ежегодно во Флориду приезжают около пяти миллионов человек, и практически все они намереваются поплескаться или на волнах, или под ними. Просто так уж получилось, что его гостеприимный хозяин оказался достаточно богат, чтобы предаваться своему хобби с размахом.

Гарри некоторое время разглядывал «Помпано», и тут его поразила тревожная мысль.

— Джордж,— спросил он,— неужели ты думаешь, что я залезу в эту скорлупку?

— Конечно,— ответил Джордж, в последний раз опробывая руль.— Что ты так разволновался? Я на ней плавал множество раз — в ней безопасно, как дома. И больше чем на шесть метров мы погружаться все равно не будем.

— Бывают обстоятельства,— взорвался Гарри,— когда всего шести метров воды для меня более чем достаточно!

Кстати, я не упоминал про свою клаустрофобию? В это время года ее приступы особенно сильны.

— Чушь! — отрезал Джордж.— Как только мы доберемся до рифа, ты обо всем этом позабудешь.— Он отступил на пару шагов, обозрел результаты своих трудов и удовлетворенно выдохнул: — Теперь, похоже, все в порядке. Пошли завтракать.

За следующие полчаса Гарри многое узнал о «Помпано». Джордж сам ее сконструировал и построил, а мощный компактный дизель позволял ей развивать подводную скорость в пять узлов. И экипаж, и двигатель дышали через шноркель — выступающую вверх из корпуса трубу,— поэтому не было нужды заботиться об электромоторах и независимом запасе воздуха. Длина шноркеля ограничивала глубину погружений до семи с половиной метров, но на местном мелководье это не имело особого значения.

— Я вложил в нее немало новых идей,— с энтузиазмом рассказывал Джордж.— Эти окна, к примеру,— оцени их размеры. Они дают превосходный обзор и в то же время совершенно безопасны. Я использовал старый принцип акваланга и поддерживаю внутри лодки такое же давление, как и снаружи, поэтому ни корпус, ни окна не испытывают напряжения.

— А что ты станешь делать, если лодка застрянет на дне?

— Открою дверь и выйду, разумеется. В кабине есть два аквалангa и спасательный плотик с водонепроницаемой рацией, поэтому, если попадем в беду, всегда сможем позвать на помощь. Не волнуйся — я обо всем подумал.

— Знаменитые последние слова,— пробормотал Гарри. Но после поездки из Бостона он пришел к двум выводам: во-первых, что судьба хранит его жизнь и, во-вторых, что в море наверняка будет безопаснее, чем на шоссе номер один с Джорджем за рулем.

Перед отплытием он заставил себя тщательно изучить устройство и принцип работы спасательных средств и с радостью убедился в том, насколько хорошо задумана и изготовлена маленькая подлодка. Тот факт, что ее своими руками изготовил юрист, его ничуть не удивил. Гарри уже давно обнаружил, что очень многие американцы отдают своим хобби не меньше времени и усилий, чем профессиональным обязанностям.

Они малым ходом вышли из узкого заливчика, держась обозначенного фарватера, пока не удалились от берега. Море было спокойным, и чем дальше отдалялся берег, тем все более прозрачной становилась вода. Вскоре они оставили за кормой туман размолотых кораллов, мутящий прибрежные воды, где волны непрерывно вгрызаются в сушу. Через тридцать минут они добрались до рифа, напоминающего сверху лоскутный кильт, над которым носятся разноцветные рыбки. Джордж задраил люки, открыл клапаны водяных цистерн и радостно воскликнул:

— Погружаемся!

Морщинистое шелковое полотно поднялось, проползло мимо окон, на миг исказив поле зрения,— и они скрылись под водой, перестав быть чужаками, разглядывающими подводный мир сверху, и превратившись в его обитателей. Они зависли над долиной, покрытой ковром белого песка и окруженной низкими коралловыми холмами. Сама долина была безжизненной, но окаймляющие ее холмы кишели жизнью растущей, ползающей и плавающей. Яркие, как неоновые вывески, рыбины лениво проплывали мимо животных, похожих на деревья. Картина выглядела не только ошеломляюще красивой, но и мирной. Тут не было ни торопливости, ни признаков борьбы за существование. Гарри прекрасно понимал, что это лишь иллюзия, но за все время, пока они находились под водой, ни одна рыбина не напала на другую. Он сказал про это Джорджу, и тот ответил:

— Да, в этих рыбах есть нечто странное. Похоже, они кормятся в определенное время. Тут можно видеть плавающую барракуду, но пока для нее не прозвенел звонок на обед, остальные рыбы не обращают на нее ни малейшего внимания.

Похожий на фантастическую черную бабочку скат проплыл над песком, балансируя с помощью длинного, напоминающего кнут хвоста. Из трещины в коралле настороженно выглядывали чувствительные усики лангуста; их движения напомнили Гарри солдата, проверяющего наличие снайперов при помощи надетой на палку каски. Так много всевозможной живности столь разных видов столпилось на пятачке рифа, что на ее изучение и распознавание потребовались бы годы.

Пока «Помпано» очень медленно скользила над долиной, Джордж продолжил свой рассказ:

— Я плавал среди рифов с аквалангом, но потом подумал, как было бы приятно сидеть под водой с комфортом, пока вместо ласт за тебя работает двигатель. Тогда я смог бы выходить в море на целый день, прихватив с собой еды, пользоваться камерами и не обращать внимания на шныряющих вокруг акул. Кроме того, я мог бы показывать эту красоту друзьям, сохраняя возможность с ними разговаривать. Это единственный крупный недостаток обычного подводного снаряжения — становишься глух и нем, и приходится общаться жестами. Посмотри на рыбу-ангела — когда-нибудь я приспособлю сеть и поймаю несколько штук. Видишь, как они исчезают, когда на них смотришь с ребра! Есть и еще одна причина, почему я построил «Помпано»,— так я смогу искать затонувшие корабли. В этом районе их сотни — настоящее кладбище. Всего в девяноста километрах отсюда, в заливе Бискайен, лежит «Санта-Маргарита». Она затонула в тысяча пятьсот девяносто пятом году, а на борту у нее было слитков золота на семь миллионов долларов. А в Лонг-Ки, где в тысяча семьсот пятнадцатом году затонули четырнадцать галеонов, на дне лежит пустячок — шестьдесят пять миллионов. Проблема, конечно, в том, что корпуса этих кораблей по большей части разбиты и обросли кораллами, так что, даже если их найти, толку от этого мало. Но искать их интересно.

К тому времени Гарри начал понимать психологию своего друга. Он мог придумать и лучшие способы бегства от юридической практики в Новой Англии. Просто в душе Джордж был потенциальным романтиком — впрочем, если подумать, не таким уж и потенциальным.

Несколько часов они просто счастливо плавали, держась вод, где глубины не превышали двенадцати метров. Через некоторое время они опустились на коралловый выступ и перекусили бутербродами с ливерной колбасой, запивая их пивом.

— Как-то раз я выпил под водой имбирного пива,— сказал Джордж.— А когда пришло время всплывать, газ внутри меня расширился, и я испытал весьма странные ощущения. Как-нибудь надо будет попробовать прихватить шампанское.

Гарри как раз задумался над тем, куда девать пустые бутылки, когда неожиданно словно началось затмение — над головой проплыла темная тень. Взглянув вверх, он увидел корабль, медленно движущийся в шести метрах над их головами. Опасности столкновения не было, поскольку они втянули шноркель как раз на такой случай и сейчас обходились имевшимся в лодке запасом воздуха. Гарри никогда не доводилось видеть корабль снизу, и он добавил новое впечатление к тем, что уже накопились с утра.

Позднее он очень гордился тем фактом, что, несмотря на свое невежество в морских делах, он одновременно с Джорджем заметил, что именно отличает проплывающий над ними корабль от прочих. Вместо гребного винта он имел длинный туннель, проходящий вдоль всего киля. Когда корабль миновал «Помпано», лодку тряхнула сильная струя воды.

— Черт бы меня побрал! — воскликнул Джордж, хватаясь за рычаги управления.— Похоже на водометный двигатель. Кто-то очень удачно выбрал время для его испытаний. Давай-ка взглянем.

Он поднял перископ и узнал, что мимо них медленно ползет «Валентность» из Нового Орлеана.

— Странное название,— пробормотал Джордж.— Что оно означает?

— По-моему,— ответил Гарри,— оно означает, что владелец корабля — химик. Правда, ни один химик никогда не заработает столько, чтобы купить такой корабль.

— Плывем следом,— решил Джордж.— Они делают всего пять узлов, а мне хочется взглянуть, как работает их двигатель.

Он выдвинул шноркель, завел двигатель и пустился в погоню. Вскоре «Помпано» уже плыла на расстоянии пятнадцати метров от «Валентности», и Гарри ощутил себя командиром субмарины, собирающимся выпустить торпеду. С такого расстояния промахнуться невозможно.

Более того, они едва не врезались в «Валентность», когда корабль неожиданно остановился. Не успел Джордж опомниться, как борт корабля едва не коснулся подлодки.

— И никакого предупреждения! — не очень-то логично пожаловался он.

Минуту спустя стало ясно, что маневр корабля не был случайностью. На шноркель подлодки ловко набросили лассо, и «Помпано» оказалась эффективно заарканена. Ее экипажу не осталось ничего иного, как всплыть и приготовиться к худшему.

К счастью, их пленители оказались людьми разумными и смогли распознать правду, услышав ее. Через пятнадцать минут Джордж и Гарри уже сидели на мостике «Валентности» с коктейлями в руках, которые принес им стюард в униформе, и внимательно слушали теории доктора Гилберта Романо.

Они не сразу сумели свыкнуться с мыслью о том, что перед ними сидит сам доктор Романо: это было столь же маловероятно, как встреча с живым Рокфеллером или Дюпоном. Доктор представлял собой явление совершенно неизвест-

ное в Европе и необычное даже для Соединенных Штатов — крупный ученый, ставший еще более крупным бизнесменом. Сейчас ему было уже под восемьдесят, и он только что оставил — после серьезной борьбы — кресло председателя основанной им огромной химико-технологической фирмы.

Было довольно любопытно, рассказал нам Гарри, наблюдать тонкие социальные различия, которые даже в самой демократической стране создает разница в богатстве. Джордж, по стандартам Гарри, был очень богатым человеком — его доход составлял около ста тысяч долларов в год. Но доктор Романо находился в совершенно другой весовой категории, и к нему приходилось обращаться соответственно — с неким приветливым уважением, не имеющим ничего общего с подобострастностью. Сам доктор вел себя совершенно свободно и непринужденно, и ничто вокруг него не создавало впечатления богатства, если позабыть о такой мелочи, как океанская яхта длиной пятьдесят метров.

Тот факт, что Джордж был хорошо знаком с большинством деловых коллег доктора, помог сломать лед и подтвердить чистоту их мотивов. Гарри провел весьма скучные полчаса, пока деловые сделки, охватывающие всю территорию Штатов, обсуждались на уровне того, что Билл такой-то делал в Питсбурге, кого Джо кто-то другой встретил в клубе банкиров в Хьюстоне и как некий Клайд играл в гольф в Огасте, когда там находился Айк. Ему приоткрылся таинственный мир, где огромная власть принадлежала людям, окончившим одни и те же колледжи или по меньшей мере состоявшим членами одних и тех же клубов. Гарри вскоре понял, что Джордж не просто любезничает с доктором Романо, потому что того требуют приличия. Будучи прожженным юристом, он не мог упустить этот шанс повысить собственную репутацию и, похоже, совершенно позабыл о первоначальной цели их экспедиции.

Гарри пришлось дождаться паузы в их разговоре и лишь тогда поднять тему, которая его по-настоящему интересова-

ла. Когда до доктора Романо дошло, что он говорит с другим ученым, он быстро позабыл о финансах и теперь скучать пришлось Джорджу.

А Гарри не давал покоя вопрос: почему выдающийся химик заинтересовался корабельными двигателями? Будучи человеком прямых действий, он задал доктору прямой вопрос. На секунду ученый смутился, и Гарри уже собрался извиниться за свое любопытство — причем этот поступок потребовал бы настоящего усилия с его стороны. Но не успел Гарри раскрыть рот, как доктор Романо извинился и вышел.

Пять минут спустя он вернулся весьма удовлетворенный и продолжил разговор, словно ничего не произошло.

— Весьма естественный вопрос, мистер Парвис,— усмехнулся он.— На вашем месте я сам бы его задал. Но вы и в самом деле надеетесь, что я вам на него отвечу?

— Ну... была у меня слабая надежда,— признался Гарри.

— В таком случае я вас удивлю... даже дважды удивлю. Во-первых, я вам отвечу, а во-вторых, докажу, что у меня вовсе нет страстного интереса к корабельным двигателям. В трубе под днищем моего корабля, которая вас столь заинтересовала, действительно есть гребные винты, но кроме них еще много всего интересного.

Позвольте вам напомнить несколько элементарных статистических фактов об океане,— продолжил доктор Романо, явно усевшись на своего любимого конька.— Сидя здесь, мы видим вокруг множество квадратных километров его поверхности. Но известно ли вам, что каждый кубический километр морской воды содержит тридцать пять миллионов тонн минералов?

— Честно говоря, нет,— признался Джордж.— Но цифра впечатляющая.

— На меня она произвела впечатление уже давно. Мы ковыряем землю ради металлов и минералов, в то время как любой известный элемент можно отыскать в морской воде. Океан, в сущности, есть нечто вроде универсальной и неис-

тощимой шахты. Можно извлечь все минеральные богатства из земли, но океаны нам не опустошить никогда.

Люди, как вам известно, уже начали извлекать из моря его богатства. «Доу кемиклз» много лет добывает из морской воды бром: в каждом кубическом километре его содержится шестьдесят пять тысяч тонн. Недавно началась робкая добыча магния — а это миллион триста тысяч тонн в кубическом километре. Но это лишь начало.

Важнейшая практическая проблема заключается в том, что большинство элементов присутствует в морской воде в ничтожных концентрациях. Первые семь элементов составляют девяносто девять процентов ее объема, а оставшийся процент приходится на все остальные полезные металлы — кроме магния.

Всю свою жизнь я искал способ решения этой проблемы, и ответ пришел ко мне во время войны. Не знаю, знакома ли вам технология, используемая в атомной энергетике для извлечения следовых количеств изотопов из растворов: некоторые из этих методов до сих пор строго засекречены.

— Вы имеете в виду ионообменные смолы? — рискнул предположить Гарри.

— Ну... нечто похожее. Моя фирма разработала несколько таких технологий по контрактам с КАЭ, и я сразу понял, что область их применения гораздо шире. Я задал работу своим самым способным молодым помощникам, и они разработали материал, который мы назвали «молекулярное сито». Это поразительно точное название: в определенном смысле материал действительно представляет собой сито, которое можно настроить на извлечение нужного элемента. Принцип его работы основан на очень сложных теориях волновой механики, но конечный результат до абсурда прост. Мы можем выбрать по желанию любой из компонентов морской воды, а сито извлечет его. Несколько фильтровальных ячеек, соединенные последовательно, способны извлекать различные элементы по очереди. Эффективность процесса весьма высока, а потребление энергии ничтожно.

— Знаю! — воскликнул Джордж.— Вы извлекаете из морской воды золото!

— Ха! — с отвращением фыркнул доктор Романо.— Свое время я могу использовать и лучше. Кстати, чертова золота вокруг и так слишком много. Мне же нужны коммерчески полезные металлы — те, которых человечеству через одно-два поколения отчаянно будет не хватать. Между прочим, даже с помощью моего сита извлекать золото нет смысла. Его всего несколько центнеров в кубическом километре воды.

— А как насчет урана? — спросил Гарри.— Или его еще меньше?

— Лучше бы вы не задавали этот вопрос,— ответил доктор Романо с улыбкой, опровергавшей слова.— Но поскольку ответ на него вы можете отыскать в библиотеке, то могу со спокойной душой ответить, что урана в морской воде в двести раз больше, чем золота. Цифра, как говорится, представляющая интерес. Так зачем тогда возиться с золотом?

— И в самом деле, зачем? — поддакнул Джордж.

— Так вот,— продолжил доктор,— даже при наличии молекулярных сит остается еще проблема перекачки огромных количеств воды. Ее можно решить несколькими способами — например, построить гигантские насосные станции. Но мне всегда нравилось убивать двух птиц одним камнем, и как-то раз я сел и проделал вычисления, результат которых меня поразил. Оказывается, совершая рейс через Атлантику, «Куин Мэри» перемалывает винтами около половины кубического километра морской воды. Другими словами, пятнадцать миллионов тонн минералов. Или, если вспомнить ваш вопрос, примерно тонну урана за каждый рейс. Интересная мысль, не правда ли?

Поэтому я пришел к выводу, что для создания весьма выгодной передвижной установки для экстракции достаточно поместить гребные винты любого корабля в трубу, которая одновременно станет направляющей для потока воды, проходящей через молекулярное сито. Разумеется, тяга несколько снизится, но наши опытные модели работали очень хо-

рошо. Скорость корабля снижается, зато чем дольше продолжается плавание, тем больше денег мы зарабатываем на экстракции. Как по-вашему, понравится ли такое корабельным компаниям? Но разумеется, это лишь начало. Я подумываю о строительстве плавучих экстракционных заводов, которые станут бороздить океан, пока не наполнят трюмы всем, чем пожелаете. И когда этот день наступит, мы сможем остановить издевательства над землей, а нехватка любых материалов останется в прошлом. Ведь все рано или поздно возвращается в океан, и, открыв этот сундук с сокровищами, мы обеспечим себя навсегда.

Наступило недолгое молчание, нарушаемое лишь позвякиванием льда в бокалах — гости доктора Романо представляли эту захватывающую перспективу. И тут Гарри поразила неожиданная мысль.

— Это одно из величайших изобретений, о каких мне доводилось слышать,— сказал он.— Поэтому я нахожу довольно странным, что вы настолько с нами откровенны. В конце концов, мы ведь для вас незнакомцы. А вдруг мы за вами шпионим?

Старый ученый рассмеялся.

— Насчет этого, мальчик мой, можете не волноваться,— заверил он Гарри.— Я уже связался с Вашингтоном и попросил своих друзей вас проверить.

Целую минуту Гарри недоуменно моргал, потом понял, как это было проделано. Он вспомнил краткое исчезновение доктора Романо и домыслил остальное. Доктор связался по радио с Вашингтоном, некий сенатор позвонил в посольство, Министерство снабжения ответило на запрос — и через пять минут Романо получил желаемый ответ. Да, американцы весьма эффективны — те, кому такое по карману.

И тут Гарри осознал, что они уже не одиноки в море. К «Валентности» направлялась другая яхта — гораздо более крупная и внушительная, и через несколько минут он смог прочесть ее название: «Морская пена». Ему подумалось, что такое название больше подходит для парусов, чем для гро-

хочущего дизеля, но яхта действительно оказалась очень красива, и он без труда понял выражение откровенной зависти, появившееся на лицах Джорджа и доктора Романо.

Море было настолько спокойным, что яхты смогли сблизиться борт к борту, и, едва они соприкоснулись, на палубу «Валентности» спрыгнул загорелый энергичный мужчина лет под пятьдесят. Он подошел к доктору, крепко пожал ему руку и, спросив: «Ну, старый пройдоха, что ты на этот раз затеял?», вопросительно взглянул на остальных. Доктор представил присутствующих; выяснилось, что к ним пожаловал профессор Скотт Маккензи, вышедший на своей яхте из Ки-Ларго.

«О нет! — мысленно воскликнул Гарри.— Это уже перебор! Двух ученых-миллионеров в один день мне не выдержать!»

Но деваться ему было некуда. Верно, Маккензи очень редко показывался в академических кругах, но он был самым настоящим профессором и руководил кафедрой геофизики в одном из техасских колледжей. Однако девяносто процентов своего времени он тратил, работая на крупные нефтяные компании, и руководил собственной консультационной фирмой. Похоже, торсионные весы и сейсмографы приносили ему солидную прибыль. Более того, будучи намного моложе доктора Романо, он уже сейчас был значительно его богаче благодаря тому, что работал в более быстро развивающейся отрасли промышленности. Гарри предположил, что любопытное налоговое законодательство суверенного штата Техас также имеет к этому факту некоторое отношение...

В то, что два богатеньких ученых встретились случайно, верилось с трудом, и Гарри стало любопытно, что за комбинация тут назревает. Некоторое время разговор шел на общие темы, но профессора Маккензи терзало откровенное любопытство по поводу двух гостей доктора Романо. Вскоре после того как их представили, профессор нашел повод на несколько минут отлучиться, и Гарри мысленно простонал. Если на протяжении получаса на него поступит в посольство два независимых запроса, там явно заинтересуются, во что же он впутался. Такое даже может пробудить подозрительность у ФБР, а как тогда он провезет через таможню обещанные две дюжины пар нейлоновых колготок?

Наблюдать за поведением обоих ученых было поразительно интересно. Они напоминали пару бойцовых петухов, выбирающих позицию для атаки. Романо обращался с более молодым коллегой с откровенной грубостью, под которой, как заподозрил Гарри, скрывалось вынужденное восхищение. Было также ясно, что Романо, почти фанатичный борец за сохранение природы, относился к деятельности Маккензи и его нанимателей с величайшим неодобрением.

— Вы банда грабителей,— сказал он профессору.— Вас заботит только одно — как можно быстрее лишить планету всех ресурсов, а на следующие поколения вам наплевать.

— А что это следующее поколение сделало для нас? — не очень оригинально возразил Маккензи.

Словесная перепалка продолжалась почти час, и многое в ней оказалось для Гарри совершенно непонятным. Он стал гадать, почему ему и Джорджу было позволено стать ее свидетелями, но через некоторое время оценил уловку доктора Романо. Тот был гениальным оппортунистом: раз уж они случайно оказались на борту, доктор воспользовался этим, просто чтобы помучить профессора Маккензи и заставить его гадать, какие же сделки тут намечались.

Информацию о молекулярных ситах доктор выдавал по кусочкам и вскользь, точно такой пустяк не заслуживал внимания. Однако Маккензи немедленно проглотил наживку, и чем более уклончивым становился Романо, тем большую настойчивость проявлял профессор. Было очевидно, что доктор лишь разыгрывает застенчивость, и хотя профессор это прекрасно понимает, он не может не подыгрывать пожилому ученому.

Доктор Романо обсуждал свое изобретение с какой-то странной отрешенностью, точно это некий проект будущего, а не свершившийся факт. Он описал его захватывающие

дух возможности и пояснил, как оно может отправить на свалку истории всю существующую горнодобывающую промышленность, а заодно навсегда избавить мир от угрозы нехватки металлов.

— Но если метод настолько хорош,— воскликнул наконец Маккензи,— то почему же вы не воплотили его в жизнь?

— А чем же я, по-вашему, занимаюсь здесь, в водах Гольфстрима? — возмутился доктор.— Вот, взгляните.

Он открыл шкафчик возле сонарного локатора, достал брусочек металла и бросил его Маккензи. Брусок напоминал свинцовый и был явно очень тяжелым. Профессор взвесил его на руке и немедленно определил:

— Уран. Так вы хотите сказать...

— Да. До последнего грамма. И там, где он взят, его предостаточно. Джордж,— обратился он к другу Гарри,— не прокатите ли профессора на вашей субмарине, пусть посмотрит на установку в действии. Он мало что поймет, зато убедится, что мы заняты серьезным делом.

Маккензи все еще оставался настолько задумчив, что на такую мелочь, как частная субмарина, даже не обратил внимания. Минут через пятнадцать они всплыли, увидев достаточно, чтобы разжечь у Маккензи аппетит.

— Первым делом я хочу понять,— заявил он Романо,— почему вы показываете все это мне? Ведь это крупнейшее изобретение — так почему ваша фирма за него не ухватилась?

Романо с отвращением фыркнул:

— Вы ведь знаете, что я поцапался с советом директоров. И в любом случае эта кучка старых пердунов все равно настолько крупный проект не потянула бы. Ужасно не хочется это признавать, но вы, техасские пираты, больше подходите для такой работы.

— Так это ваше частное предприятие?

— Да. Компания ничего о нем не знает, а я вложил в него полмиллиона собственных средств. Для меня это было чем-то вроде хобби. Я считал, что кому-то следует возместить на-

несенный природе ущерб — это насилие над континентами, которое люди вроде вас...

— Ладно, мы это уже слышали. И все же вы предлагаете передать его нам?

— А кто говорил о передаче?

Наступило многозначительное молчание, затем Маккензи осторожно произнес:

— Разумеется, нет нужды говорить, что оно нас заинтересует... очень заинтересует. Если вы предоставите нам данные об эффективности, степени экстракции и прочую статистику — и совсем не обязательно раскрывать технические подробности,— то мы сможем поговорить о деле. Я не могу говорить за своих партнеров, но не сомневаюсь, что они смогут собрать достаточную для заключения нашей сделки сумму...

— Скотт,— прервал его Романо, и в его голосе послышалась усталость, впервые напомнившая о возрасте доктора,— меня не интересует заключение сделки с твоими партнерами. У меня нет времени торговаться с ними, с их юристами и юристами юристов. Я занимался этим пятьдесят лет и, уж поверь мне на слово, безумно устал. Это мое изобретение. Оно сделано на мои средства, а все оборудование стоит на моем корабле. И я хочу заключить личную сделку. С тобой. А дальше поступай как знаешь.

Маккензи моргнул.

— Такую крупную сделку я один не потяну,— запротестовал он.— Спасибо, конечно, за предложение, но если все ваши слова — правда, то такое изобретение стоит миллиарды. А я всего лишь бедный, но честный миллионер.

— Деньги меня больше не интересуют. Что я с ними стану делать в моем-то возрасте? Нет, Скотт, есть только одна вещь, которую я сейчас хочу — и хочу прямо сейчас, немедленно. Отдай мне «Морскую пену», и мой процесс — твой.

— Да вы с ума сошли! Ведь даже при нынешней инфляции такую яхту можно построить меньше чем за миллион. А ваш процесс стоит...

— Что ж, Скотт, не спорю. Все это так, но я старик, и я очень тороплюсь, а на строительство такой яхты уйдет не меньше года. Я влюбился в нее с того дня, когда ты показал мне ее в Майами. Предлагаю такой вариант: ты забираешь «Валентность» со всем ее лабораторным оборудованием и записями. Договор о взаимном обмене яхтами мы сможем заключить всего за час — у меня на борту есть юрист, который позаботится о законности сделки. А потом я отплываю в Карибское море, делаю круиз по островам и плыву дальше через Тихий океан.

— Так у вас все было подготовлено заранее? — изумился Маккензи.

— Да. А соглашаться или нет — дело твое.

— В жизни не слыхал о такой безумной сделке,— пробормотал Маккензи.— Разумеется, я согласен. Упрямого старого мула я могу распознать с первого взгляда.

Следующий час был заполнен бешеной деятельностью. Моряки обоих экипажей, обливаясь потом и покряхтывая, носились взад-вперед с чемоданами и тюками. Доктор Романо с блаженной улыбкой на морщинистом лице спокойно сидел посреди поднятой им суматохи. Джордж и Маккензи занялись юридическим крючкотворством и накропали документ, который доктор подписал, едва на него взглянув.

Из «Морской пены» начали появляться и неожиданные предметы вроде прелестного манто из норки-мутанта и прелестной блондинки (не мутантки).

— Здравствуй, Сильвия,— вежливо сказал Романо.— Боюсь, твоя новая каюта окажется теснее прежней. Профессор забыл упомянуть, что ты у него на борту. Ничего — мы тоже не станем этого упоминать. Обойдемся без контракта, пусть это станет джентльменским соглашением, хорошо? Не хочется огорчать мистера Маккензи.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь! — вспыхнула Сильвия.— Надо же кому-то печатать для профессора документы.

— И ты это умеешь из рук вон плохо, дорогая,— заметил Маккензи, с истинной галантностью южанина помогая даме перебраться через борт. Гарри не смог не восхититься его выдержкой в столь пикантной ситуации — он вовсе не был уверен, что справился бы столь же хорошо. Жаль, что ему не представится возможность испытать себя.

Наконец хаос стал стихать, а поток ящиков и тюков превратился в ручеек. Доктор Романо пожал всем на прощание руки, поблагодарил Гарри и Джорджа за помощь, взбежал на мостик «Морской пены» и десять минут спустя был уже на полпути к горизонту.

Гарри задумался, не пора ли и им отбыть по своим делам — им так и не представилась возможность объяснить профессору Маккензи, что они вообще здесь делают,— и тут послышался сигнал радиотелефона. Яхту вызывал доктор Романо.

— Наверное, забыл зубную щетку,— предположил Джордж.

Однако причина оказалась не столь тривиальна. К счастью, динамик в рубке был включен, и им буквально пришлось выслушать весь разговор, не прибегая к столь щепетильной для джентльмена уловке, как подслушивание.

— Послушай, Скотт,— сказал доктор Романо,— думаю, я обязан тебе кое-что объяснить.

— Если вы меня надули, то я отсужу у вас все до последнего...

— О, никакого обмана. Однако я несколько на тебя надавил, хотя все мною сказанное — правда. И злиться на меня нет причин — сделка честная. Правда, пройдет немало времени, прежде чем ты на ней хоть что-то заработаешь, и сперва тебе придется вложить еще несколько своих миллионов. Видишь ли, эффективность процесса необходимо повысить еще на три порядка, прежде чем он станет коммерческим: тот брусок урана обошелся мне в пару тысяч долларов. Погоди, не кипятись — это можно сделать, не сомневаюсь и минуты. Свяжись с доктором Кенделлом, он проделал основ-

ную работу, и уговори его перейти на работу из моей фирмы к себе, сколько бы тебе это ни стоило. Ты парень упрямый, и теперь, когда дело в твоих руках, я знаю, что ты доведешь его до конца. Вот почему я хотел, чтобы оно попало именно к тебе. Ну и конечно, из поэтической справедливости — так ты сможешь возместить хотя бы часть нанесенного тобой природе ущерба. Жаль, правда, что ты при этом станешь миллиардером, но тут я ничего поделать не смогу.

Погоди — не перебивай. Будь у меня время, я завершил бы работу сам, но на это уйдет еще минимум три года. А врачи сказали, что у меня есть только шесть месяцев: я не шутил, когда говорил, что очень тороплюсь. Рад, что мне не пришлось это упоминать, когда мы заключили сделку, но поверь — если бы пришлось, я пустил бы в ход и это оружие. И последнее... когда процесс заработает, назови его моим именем, хорошо? Вот и все... и не звони мне. Я не отвечу, а поймать меня ты не сможешь — сам знаешь.

Профессор Маккензи даже не дрогнул.

— Что-то в этом роде я и подозревал,— сказал он, ни к кому не обращаясь. Потом сел, достал из кармана логарифмическую линейку и отключился от окружающего, бросив лишь мимолетный взгляд на Гарри и Джорджа, когда те, вежливо попрощавшись, перебрались в подлодку и отчалили.

— Окончательный результат этой встречи, подобно многим другим событиям, мне до сих пор неизвестен,— завершил рассказ Гарри Парвис.— Вероятно, профессор Маккензи столкнулся с какими-нибудь трудностями, иначе мы бы уже услышали об этом процессе. Но я ни секунды не сомневаюсь, что рано или поздно процесс будет отработан, так что будьте готовы продать свои акции шахт и рудников...

Что касается доктора Романо, то он сказал правду, хотя его врачи несколько ошиблись. Он протянул еще год, и, полагаю, «Морская пена» немало продлила ему жизнь. Его похоронили посреди Тихого океана, и мне только что подумалось, что старикану бы это пришлось по душе. Я ведь говорил, что он был фанатичным борцом за сохранение окружающей среды, и... какая пикантная мысль: не исключено, что прямо сейчас некоторые из составлявших его тело атомов проходят через его же молекулярное сито...

Я вижу недоверчивые взгляды, но это факт. Если взять мензурку воды, вылить ее в океан, хорошенько перемешать, а потом зачерпнуть той же мензуркой воды из океана, то в ней окажется несколько десятков молекул из первоначальной порции. Так что...— он мрачно усмехнулся,— это лишь вопрос времени, что не только доктор Романо, но и каждый из нас пройдет через его сито и оставит на нем толику себя. И на этой мысли, джентльмены, позвольте откланяться. Желаю вам всем наиприятнейшего вечера.

— Я вам никогда не рассказывал, как предотвратил эвакуацию Южной Англии? — скромно поинтересовался Гарри Парвис.

— Нет,— ответил Чарльз Уиллис,— а если и рассказывали, то я проспал.

— Ну что ж,— продолжил Гарри, когда вокруг него собралось достаточно слушателей.— Случилось это два года назад в Центре по исследованию атомной энергии возле Клобхэма. Вы его все, разумеется, знаете. Но я, по-моему, не упоминал, что некоторое время выполнял там работу, о которой не имею права распространяться.

— Хоть какое-то разнообразие,— произнес Джон Уиндем,— впрочем, без малейшего эффекта.

— Дело было в субботу вечером,— начал Гарри.— Стоял чудесный денек в конце весны. Мы, шестеро ученых, сидели в баре «Черного лебедя», и окна были распахнуты, поэтому мы могли видеть склоны Клобхэм-хилла и всю местность до самого Апчестера в пятидесяти километрах от нас. Воздух был настолько чист, что можно было даже разглядеть на горизонте двойной шпиль кафедрального собора в Апчестере. Лучшей погодки и не пожелаешь.

У работников центра установились очень неплохие отношения с местными жителями, хотя поначалу они не очень-то радовались тому, что мы обосновались по соседству. Даже если позабыть о характере нашей работы, они считали, что ученые — некая другая раса, лишенная человеческих интересов. Они переменили свое мнение, когда мы пару раз обыграли их в дартс и угостили пивом, но кое-какое желание устро-

© Перевод А. Новикова.

ить нам подвох все же осталось, и нас постоянно спрашивали, что мы намерены взорвать в следующий раз.

В тот день нас в баре должно было собраться несколько больше, но коллеги из отдела радиоизотопов выполняли срочную работу, поэтому мы остались в меньшинстве. Стэнли Чамберс, владелец заведения, заметил, что нескольких знакомых ему лиц не хватает.

— Что случилось сегодня с вашими приятелями? — спросил он моего босса, доктора Френча.

— Они очень заняты на фабрике,— ответил Френч. Мы всегда называли центр «фабрикой», чтобы название звучало для местных привычнее и не пугало их.— Надо срочно отправить кое-какой груз. Они придут позднее.

— Когда-нибудь,— сурово произнес Стэн,— вы с приятелями изобретете что-нибудь такое, чего не сможете загнать обратно в бутылку. И где тогда окажемся мы все?

— На полпути к Луне,— небрежно ответил доктор Френч. Боюсь, то было несколько безответственное замечание, но глупые вопросы вроде этого всегда выводили его из себя.

Стэн Чамберс обернулся, словно прикидывая, какой объем холма находится между ним и Клобхэмом. Полагаю, он подсчитывал, успеет ли добраться до погреба... или стоит ли вообще пытаться спастись?

— А эти ваши... изотопы, чо вы посылаете в больницы,— раздался чей-то задумчивый голос.— Я вот был на той неделе в госпитале Святого Томаса и видал, как по коридору катили свинцовый сейф. Весу в нем добрая тонна. Меня аж жуть взяла, как подумал, чо могет случиться, ежели кто позабудет, как с ним правильно обращаться.

— Мы как-то подсчитали,— сказал доктор Френч, все еще явно раздраженный тем, что его оторвали от метания стрелок,— что в Клобхэме столько урана, что его хватит вскипятить Северное море.

А такое уж точно говорить не стоило, к тому же эта глупая реплика не соответствовала истине. Но не мог же я возражать своему боссу, верно?

Мужчина, задававший вопросы, сидел в нише у окна, и я заметил, что он как-то встревоженно смотрит на дорогу.

— Вы ведь вывозите энти изотопы на грузовиках, так? — спросил он взволнованно.

— Да. Многие изотопы короткоживущие, и их надо доставлять немедленно.

— Так вот, с холма спускается грузовик. Это не ваш?

Все бросились к окну, позабыв о дартсе. Когда я смог как следует приглядеться, то увидел большой грузовик, нагруженный упаковочными ящиками, который катился с холма в полукилометре от нас. Время от времени он натыкался на ограды — очевидно, у него отказали тормоза и водитель потерял управление. К счастью, встречных машин не было, иначе тяжелая авария была бы неизбежна. Но и сейчас ситуация висела на волоске.

Тут грузовик доехал до поворота, съехал с дороги и пробил ограду. Метров пятьдесят он еще катился, постепенно замедляя скорость и сильно подскакивая на кочках, и уже почти остановился, но угодил колесом в канаву и медленно опрокинулся. Через несколько секунд треск дерева оповестил нас о том, что ящики вывалились на землю.

— Наконец-то,— облегченно выдохнул кто-то.— Он правильно сделал, когда врубился в изгородь. Парня, конечно, тряхнуло, зато он не пострадал.

И тут мы увидели невероятное зрелище. Дверца кабины распахнулась, водитель выскочил. Даже с такого расстояния было ясно видно, что он очень возбужден — что при подобных обстоятельствах вполне естественно. Но, думаете, он присел, чтобы успокоиться? Как бы не так: он во весь дух припустил прочь от машины, точно за ним гнались все демоны ада.

Разинув рты, мы с нарастающей тревогой смотрели, как он мчится вниз по склону холма. В баре повисло зловещее молчание, нарушаемое лишь тиканьем часов, которые Стэн всегда ставил ровно на десять минут вперед. Потом кто-то спросил:

— Как думаете, оставаться нам тут или нет? Ведь до грузовика всего километр...

Все отпрянули от окна. Доктор Френч нервно усмехнулся.

— Никто из нас не знает точно, что это один из *наших* грузовиков,— сказал он.— И вообще я вас только что разыграл. Изотопы взорваться не могут. Это абсолютно невозможно. А водитель, наверное, испугался, что в машине взорвется бензобак.

— Ну да, как же,— ехидно отозвался Стэн.— Тогда почему он до сих пор бежит? Он уже наполовину спустился с холма.

— Знаю! — предположил Чарли Ивен из приборного отдела.— Он перевозил взрывчатку и боится, что она взорвется.

— Вряд ли. Машина-то не загорелась, так чего ему было бояться? А если бы он перевозил взрывчатку, то на машине был бы красный флаг или еще какой-нибудь знак.

— Минутку,— прервал спор Стэн.— Схожу-ка я за биноклем.

Пока он не вернулся, все сидели неподвижно — все, кроме крошечной фигурки у подножия холма, которая на наших глазах, не сбавляя темпа, скрылась в лесу.

Казалось, Стэн смотрит в бинокль целую вечность. Наконец он опустил его и разочарованно хмыкнул.

— Ничего не разглядеть,— сказал он.— Грузовик опрокинулся не на тот борт. А ящики раскидало вокруг. Некоторые разломались. Может, вы там чего углядите?

Френч долго смотрел, потом передал бинокль мне. Он был какой-то очень старой модели и не очень-то помог. На мгновение мне показалось, что вокруг некоторых ящиков витает странная дымка, но ясности это не внесло. Я приписал это скверному качеству линз.

Думаю, вся суматоха так и кончилась бы пшиком, если бы не показались велосипедисты. Они ехали на тандеме вверх по склону и, добравшись до свежей дыры в ограде, быстро спешились и пошли смотреть, в чем дело. Грузовик было

хорошо видно с дороги, и когда парочка приближалась, держась за руки, девушка откровенно побаивалась, а парень ее успокаивал. Мы легко представляли их разговор; то было трогательное зрелище.

Но ненадолго. Не дойдя нескольких метров до грузовика, они внезапно бросились в разные стороны. Никто из них даже не обернулся взглянуть на другого, и бежали они, как я успел заметить, как-то весьма странно.

Стэн, вновь завладевший биноклем, опустил его дрожащей рукой.

— Все по машинам! — гаркнул он.

— Но...— начал было доктор Френч, но Стэн пронзил его яростным взглядом.

— Это все вы, проклятые ученые! — рявкнул он, запирая кассу (даже в такую минуту он не забыл о своем долге).— Я так и знал, что рано или поздно вы это сделаете.

Потом он уехал вместе с остальными. Никто из них не предложил нас подбросить.

— Глупость какая! — возмутился Френч.— Мы и глазом моргнуть не успеем, как эти придурки поднимут панику, а расхлебывать кашу придется нам.

Я прекрасно его понял. Кто-нибудь позвонит в полицию, и в Клобхэм перестанут пропускать машины, а телефонные линии захлебнутся от множества звонков — совсем как тогда, в 1938 году, после трансляции радиопьесы Орсона Уэллеса «Война миров». Может, вы думаете, что я преувеличиваю, но никогда нельзя недооценивать мощь паники. И вспомните, что люди вокруг нас были напуганы и ожидали, что случится нечто ужасное.

Более того, я охотно скажу, что к тому времени и мы чувствовали себя не в своей тарелке. Мы просто не могли понять, что же происходит возле опрокинутого грузовика, а больше всего ученые ненавидят ситуацию, когда они чего-то не понимают.

Я схватил брошенный Стэном бинокль и очень внимательно осмотрел место аварии. В голове у меня начала зарождаться некая теория. Ящики определенно окутывало *нечто,* какая-то аура. Я смотрел, пока у меня не заболели глаза, потом сказал доктору Френчу:

— Кажется, я знаю, в чем там дело. Позвоните на почту в Клобхэме и попросите их перехватить Стэна или хотя бы помешать ему распространять слухи, если он уже там. Скажите, что все под контролем и волноваться нет причин. А я тем временем схожу к грузовику и проверю свою теорию.

К сожалению, никто не вызвался пойти со мной. И хотя я зашагал по дороге довольно уверенно, через некоторое время моя уверенность начала таять. Я вспомнил событие, которое всегда поражало меня как пример наиболее иронической исторической шутки, и стал гадать, уж не происходит ли сейчас со мной нечто подобное. Был некогда на Дальнем Востоке вулканический остров с населением около пятидесяти тысяч человек. Вулкан на нем спал сотни лет, и никто из-за него не тревожился. Потом внезапно начались извержения — сперва слабые, но с каждым днем все сильнее и сильнее. Людей охватила паника, они бросились в порт и попытались набиться в несколько стоящих там корабликов и перебраться на материк.

Но на острове правил военный комендант, твердо решивший любой ценой сохранить порядок. Он расклеил по городу прокламации, утверждающие, будто никакой опасности нет, а солдатам приказал захватить корабли, чтобы никто не погиб, пытаясь уплыть на переполненном судне. И сила его убеждений, вкупе с личной храбростью, оказалась настолько велика, что он сумел успокоить почти всех островитян, а те, кто пытался сбежать, разошлись, пристыженные, по домам, где и принялись ждать, когда все придет в норму.

Поэтому, когда несколько часов спустя вулкан взорвался, прихватив с собой весь остров, выживших не оказалось...

Приближаясь к грузовику, я уже начал представлять себя в роли незадачливого коменданта. В конце концов, есть случаи, когда следует проявить храбрость и встретить опасность лицом к лицу, а есть и ситуации, когда самое разумное —

смазывать пятки. Но возвращаться было теперь слишком поздно, а я в своей теории был полностью уверен.

— Знаю,— вставил Джордж Уайтли, который всегда, если мог, старался испортить впечатление от рассказов Гарри.— Это был газ.

Гарри и ухом не повел.

— Какое мудрое предположение. Я тоже именно так подумал, и это доказывает, что все мы иногда бываем тупицами.

Я подошел к грузовику метров на пятнадцать и замер. День стоял теплый, но по спине у меня пробежал очень неприятный холодок. Я увидел то, что в пух и прах разбивало мою теорию о некоем газе, но не предлагало ничего взамен.

На стенке одного из ящиков бурлила какая-то черная ма́сса. Сперва я пытался убедить себя, что это жидкость, вытекающая из разбитого контейнера, однако, как всем прекрасно известно, жидкости не могут течь вверх. А эта штука как раз и перемещалась снизу вверх: очевидно, она была живой. С того места, где я стоял, она напоминала псевдоподию гигантской амебы, потому что непрерывно меняла форму и толщину и раскачивалась из стороны в сторону над поверхностью ящика.

За несколько секунд у меня в голове пронесся поток фантазий, достойных пера Эдгара Аллана По. Но потом я вспомнил про свои обязанности гражданина и гордость ученого и снова пошел вперед — правда, не очень торопясь.

Помню, как я осторожно принюхивался, словно все еще пытался почуять запах газа. Но ответ дали мне уши, а не нос: издаваемый этой зловещей массой звук становился все громче и громче. Я множество раз слышал этот звук и прежде, но так громко — никогда. И тогда я сел — в приличном отдалении — и расхохотался. Отсмеявшись, я пошел обратно в паб.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил доктор Френч.— Стэн сейчас на связи — мы его перехватили на перекрестке. Но он не вернется, пока не узнает, что тут происходит.

— Передайте Стэну, чтобы он срочно отыскал местного пасечника и быстрее ехал с ним сюда. Его ждет много работы.

— Местного *кого*? — переспросил Френч, и тут у него отвисла челюсть.— Господи! Так вы хотите сказать...

— Вот именно,— ответил я, заходя за стойку бара проверить, не припрятал ли Стэн кое-какие интересные бутылки.— Они уже немного успокоились, но, как мне кажется, все еще возбуждены. Я не стал задерживаться и считать, но там не менее полумиллиона пчел, пытающихся вернуться в свои разбитые ульи.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГРУЗ

До сих пор помню, какое возбуждение царило в 1957 году, когда Советский Союз запустил первые искусственные спутники и сумел подвесить здесь, за пределами атмосферы, несколько килограммов приборов. Конечно, я тогда был мальчишкой, но, как и все, вечером спешил на улицу, старался высмотреть крохотные светила, которые сверкали в сумеречных небесах над моей головой на высоте сотен километров. Странно, как подумаешь, что некоторые из них летают до сих пор, но теперь они подо мною, и, чтобы увидеть их, надо смотреть вниз, на Землю...

Да, многое переменилось за последние сорок лет. Иногда я начинаю даже опасаться, что для вас там, на Земле, космические станции нечто само собой разумеющееся и вы забываете, сколько умения, знаний, отваги понадобилось, чтобы создать их. Часто ли вы задумываетесь над тем, что через спутники идут все ваши международные телефонные разговоры и большинство телевизионных программ? И часто ли вспоминаете добрым словом здешних синоптиков, благодаря которым прогнозы погоды перестали быть предметом острот (как было во времена наших дедов) и попадают в самую точку в девяноста девяти случаях из ста.

Да, несладко нам приходилось, когда я начинал работать на дальних станциях... Мы гнали, торопились закончить сборку и ввести в действие миллионы новых телевизионных и радиоканалов, которые должны были открыться, как только в космосе появится аппаратура, способная послать направленную передачу в любую точку земного шара.

© Перевод Л. Жданова.

Первые искусственные спутники летали сравнительно низко над Землей, тогда как три станции, образующие великий треугольник «Релейной цепи», нужно было разместить на высоте сорока тысяч километров, строго над экватором, на равном расстоянии друг от друга. На этой — и только на этой — высоте полный виток занимает ровно сутки, таким образом, они всегда оставались бы над одной и той же точкой вращающегося земного шара.

Мне довелось поработать на всех трех станциях, но начинал я на Второй Релейной. Она расположена почти точно над Энтеббе в Уганде, обслуживает Европу, Африку и большую часть Азии. Ныне это — огромное сооружение, несколько сотен метров в поперечнике, которое одновременно шлет на свое полушарие тысячи программ, обеспечивая полмира радиосвязью. Но когда я впервые увидел станцию из иллюминатора транспортной ракеты, которая доставила меня на орбиту, она больше всего напоминала плывущую в космосе гору металлического лома. Готовые части парили вперемешку, как попало, и казалось, из этого хаоса никогда не возникнет порядок.

Жилые помещения для технического персонала и монтажников были примитивны: несколько отслуживших срок транспортных ракет, с которых сняли все, кроме регенераторов воздуха. Мы их окрестили «скорлупами»; в каждом отсеке едва помещался один человек и самое необходимое личное имущество. Забавно, не правда ли: живешь среди безграничного космоса, а тебе даже повернуться негде!

Понятно, мы пришли в восторг, услышав, что нам отправлены герметичные квартиры со всеми удобствами, в том числе душ с игольчатыми форсунками, которые работают даже там, где вода — как и все остальное — невесома. Если вы не жили сами на борту набитого битком космического корабля, вам не понять, как это важно. Наконец-то мы выбро-

сим губки для обтирания и вспомним, что такое настоящая чистота!

И ведь нам обещали не только душевую. К нам с Земли летела надувная комната отдыха, в которой свободно могли разместиться восемь человек, библиотека с микрофильмами, магнитный бильярдный стол, портативные шахматы и прочие новинки для истомившихся космонавтов. Когда мы думали обо всей этой роскоши, теснота в «скорлупах» казалась нам невыносимой, хотя каждый из нас получал тысячу долларов в неделю за то, что выносил ее.

Покинув зону второй заправки, расположенную на высоте трех с половиной тысяч километров над Землей, долгожданная ракета с драгоценным грузом должна была за шесть часов дойти до нас. Я в это время был свободен от работы и прильнул к телескопу, у которого проводил большую часть своего скудного досуга. Мне никогда не надоедало рассматривать огромную планету, висевшую в пространстве рядом с нами; если настроить телескоп на максимальную мощность, казалось, что лишь несколько километров отделяет вас от Земли. При хорошей видимости, когда не было облаков, я легко различал предметы размером с маленький дом. Я не бывал в Африке, однако очень хорошо с ней познакомился в свободное время на Второй Релейной. Вы можете не поверить, но я часто видел в степи движущихся слонов, а огромные стада зебр или антилоп и подавно было просто отличить — они перемещались на широких просторах резерваций, будто ожившие волны. Но больше всего я любил смотреть, как над горами в сердце континента занималась заря. Солнечный свет могучей полосой шел через Индийский океан, и новый день затмевал крохотные галактики городов, мерцающие во мраке подо мной. Задолго до того как лучи светила дотягивались до равнин Восточной Африки, вершины Килиманджаро и Маунт-Кения начинали сверкать, точно алмазные звезды в недрах ночи. Но солнце поднималось все выше, и день стремительно скатывался по склонам,

наводняя светом долины. Я видел Землю в первой четверти, затем наступало «полноземлие».

Двенадцать часов спустя можно было наблюдать все в обратном порядке, и те же вершины улавливали последний луч заходящего солнца. Некоторое время они еще сияли над узкой полосой сумерек, потом Земля, вращаясь, уходила во мрак, и на Африку спускалась ночь...

Но сейчас меня занимала не красота земного шара. Я вообще не глядел на Землю, а только на бело-голубую звезду над западной каймой планетного диска. Грузовой корабль-автомат был в тени Земли, и я видел жаркое пламя его ракетных двигателей, которые несли корабль на высоту сорока тысяч километров.

Мне так часто случалось следить за подходом ракет, что я знал наизусть все их маневры. И когда я заметил, что ракетные двигатели, вместо того чтобы потухнуть, продолжают ярко светиться, мне тотчас стало ясно: что-то не так. С чувством бессильной ярости и отчаяния наблюдал я, как долгожданная душевая — и, что хуже всего, наша почта! — набирая скорость, устремляется по непредусмотренной орбите. Автопилот отказал. Будь на борту человек, он взял бы на себя управление и выключил двигатели, теперь же все горючее, припасенное для возвращения, обратилось в непрерывный поток энергии.

К тому времени как баки опустели и далекая звезда, погаснув, пропала из поля зрения моего телескопа, следящие устройства уже подтвердили то, что я и без того знал. Грузовая ракета летела слишком быстро, чтобы земное тяготение могло удержать ее: она мчалась в космические дебри за Плутоном...

Мы надолго пали духом, а тут еще кому-то из вычислительного центра пришло в голову рассчитать, что будет дальше с заблудившимся транспортом. Ведь в космосе ничто не пропадает безвозвратно. Определите орбиту ракеты, и до скончания времен будет известно, где она находится в каж-

дую секунду. И, глядя на то, как наша комната отдыха, наша библиотека, наши шахматы, наша почта удаляются к периферии Солнечной системы, мы знали, что в один прекрасный день все вернется, вернется в полной сохранности. Если у нас будет наготове корабль, ничего не стоит перехватить транспорт, когда он снова приблизится к Солнцу — ранней весной 15 862 года нашей эры.

ПЕРНАТЫЙ ДРУГ

Насколько мне известно, никто официально не запрещал держать на космических станциях комнатных животных. Просто никому не приходило в голову, что это необходимо; но если бы даже запрет существовал, я уверен, что Свен Ульсен все равно пренебрег бы им.

Вы, конечно, представляете себе Свена этаким северным богатырем — рост два метра, телосложение быка и соответствующий голосина. Будь это так, он вряд ли мог бы рассчитывать на работу в космосе; на деле Свен, подобно всем «космачам» той поры, был жилистый коротышка, и ему не стоило никакого труда держаться в пределах семидесятикилограммовой весовой нормы, которая многих из нас обрекала на голодную диету.

Свен был один из наших лучших монтажников, он отлично справлялся со своей работой, требующей искусных рук и особого навыка: ловить свободно парящие фермы того или иного комплекта, дирижировать своеобразным замедленным балетом в трех измерениях, так чтобы фермы занимали предназначенное им место, и сваривать узлы, когда все части подогнаны в точном соответствии с чертежами... Мне очень нравилось смотреть, как его бригада собирает космическую станцию, точно огромную мозаику. А работа была не только замысловатая, но и утомительная: космический скафандр — далеко не самая удобная спецодежда. Зато у людей Свена было большое преимущество перед высотниками, которые на Земле строят небоскребы. Они могли отойти

назад и полюбоваться произведением своих рук, не опасаясь, что тяготение тотчас разлучит их с ним...

Не спрашивайте меня, почему Свен решил завести комнатное животное и чем объяснить его выбор. Я не психолог, но должен признать, что он выбрал очень разумно. Клерибел практически не занимала места, ее паек был бесконечно малой величиной, наконец, она — в отличие от большинства других животных, очутись они на ее месте,— нисколько не страдала от невесомости.

Впервые я обнаружил присутствие на борту Клерибел, когда, сидя в закутке, смеха ради именуемом моей конторой, проверял по спискам наличность в подведомственном мне техническом складе, чтобы знать, какие артикулы на исходе. Услышав над самым ухом мелодичный свист, я решил, что включилась внутренняя селекторная связь, и стал ждать объявления. Но объявления не последовало, зато прозвучала такая долгая и затейливая трель, что я вскинул голову, совсем забыв о металлическом кронштейне в стенке за своей спиной. И когда искры перестали сыпаться у меня из глаз, я увидел Клерибел.

Крохотная желтая канарейка неподвижно висела в воздухе — совсем как колибри, только ей это не стоило никаких усилий, прижатые к туловищу крылышки отдыхали. С минуту мы глядели друг на друга, затем, прежде чем я успел окончательно прийти в себя, она исполнила в воздухе этакое сальто назад, которого ни одна земная канарейка не сумела бы повторить за ней, и исчезла, легонько взмахнув крыльями. Было очевидно, что она великолепно освоилась с невесомостью и не одобряет лишних усилий.

Свен долго не признавался, что он хозяин Клерибел, а потом это потеряло всякое значение, потому что она стала всеобщей любимицей. Он провез ее контрабандой с Земли на последней транспортной ракете, возвращаясь из отпуска,— отчасти, по его словам, из чисто научного интереса. Дескать, захотелось узнать, как поведет себя птица, утратив вес, но сохранив свои крылья.

Клерибел чувствовала себя отлично и поправлялась. В общем-то, нам не стоило большого труда прятать недозволенную гостью, когда с Земли являлись Высокопоставленные Персоны. На космической станции несметное количество укромных уголков. Единственная трудность была связана с тем, что Клерибел в минуту волнения становилась довольно шумной особой, и нам не раз приходилось на ходу придумывать объяснения странному писку или свисту, который вырывался из вентиляционных шахт или складских чуланов. Порой все висело на волоске, но кому придет в голову искать на космической станции канарейку?!

У нас была установлена двенадцатичасовая вахта — не так страшно, как это может показаться, потому что в космосе человек спит мало. Разумеется, когда постоянно купаешься в лучах солнца, «дня» и «ночи» нет, но все-таки мы соблюдали привычное деление суток. И уж во всяком случае, когда я проснулся в то «утро», самочувствие было в точности как в шесть утра на Земле: ноющая головная боль и смутные воспоминания о беспорядочных, путаных сновидениях. Я страшно долго возился с предохранительными ремнями и совершенно ошалелый пошел в столовую, где собралась дежурная смена. Завтрак проходил необычно тихо, одно место за столом пустовало.

— Где Свен? — спросил я довольно равнодушно.

— Ищет Клерибел,— ответил кто-то.— Говорит, куда-то запропастилась. Обычно она будит его по утрам.

Не успел я сказать, что она будит и меня тоже, как вошел Свен, и по его лицу сразу было видно, что случилась беда. Он осторожно разжал пальцы — на ладони лежал желтый комочек, печально торчали в воздухе две лапки с поджатыми когтями.

— Что с ней? — спросили мы.

Душераздирающее зрелище всех одинаково потрясло.

— Не знаю,— угрюмо ответил Свен.— Я ее такую нашел...

— Ну-ка, поглядим,— сказал Джок Дункан, наш повар-врач-диетолог.

Мы ждали, примолкнув, пока он, поднеся Клерибел к уху, пытался уловить биение сердца.

Джок покачал головой:

— Ничего не слышу. Но это еще не значит, что она мертва. Мне не приходилось прежде выслушивать канареек,— добавил он виновато.

— Дать ей глоток кислорода,— предложил кто-то, показывая на перепоясанный зеленой полоской аварийный баллон в нише возле двери.

Все согласились, что это отличная мысль, и Клерибел аккуратно накрыли маской, которая вполне могла заменить ей кислородную палатку.

И птаха тотчас ожила! Свен, широко улыбаясь, убрал маску, Клерибел вскочила ему на палец, издала свои обычные трели на мотив «В камбуз, ребята!» — и тут же опять упала лапками кверху.

— Ничего не понимаю,— пожаловался Свен.— Что с ней такое? Никогда она так себя не вела...

Уже несколько минут что-то тихонько копошилось в моей памяти. В то утро голова у меня работала скверно, я никак не мог совсем очнуться ото сна. Не мешало бы и мне кислороду вдохнуть... Но прежде чем рука дотянулась до маски, меня осенило. Я резко повернулся к дежурному инженеру:

— Джим! Что-то не в порядке с воздухом! Вот почему Клерибел не выдерживает. Я вспомнил: когда-то шахтеры брали с собой канареек под землю, они предупреждали, если в шахте появлялся газ.

— Вздор! — ответил Джим.— Приборы давно подняли бы тревогу. У нас параллельная сигнализация.

— Гм... Вторая система еще не включена,— напомнил ему помощник.

Джим переменился в лице и молча исчез из столовой; мы стояли, толкуя о случившемся и передавая друг другу кислородный баллон наподобие трубки мира.

Джим вернулся через десять минут, и вид у него был слегка пришибленный. Случилось то, чего никто не мог предви-

деть, несколько совпадений одновременно: ночью было солнечное затмение — мы попали в тень Земли, замерзла одна из секций регенератора воздуха и не сработала единственная действующая сигнализация. Электронные и химические аппараты стоимостью в полмиллиона долларов подвели нас. Не будь Клерибел, мы очень скоро отправились бы к праотцам.

Так что, если вы попадете на космическую станцию, не удивляйтесь, неожиданно услышав птичьи трели. Никакого повода для беспокойства, напротив: это будет означать, что вы застрахованы вдвойне, притом практически без дополнительных расходов.

СДЕЛАЙТЕ ГЛУБОКИЙ ВДОХ

Я уже давно приметил, что люди, которые никогда не покидали Землю, очень странно представляют себе условия в космосе. Так, всякий «знает», что человека, очутившегося без скафандра в безвоздушном пространстве за пределами атмосферы, ожидает мгновенная страшная смерть. В популярной литературе вы найдете множество кровавых описаний, как взрываются космонавты, и я не буду портить вам аппетит пересказом. Кстати, в основе многие из этих рассказов справедливы. И мне самому приходилось в последнюю секунду вытаскивать из воздушного шлюза растяп, которые не заслуживали славного звания космонавтов.

Но ведь из всякого правила есть исключения, так и тут. Мне ли не знать — на себе испытал!

Мы заканчивали монтаж Второй Релейной; все главные узлы были собраны, жилые помещения герметизированы, и станции придали медленное вращение вокруг собственной оси, восстановив чувство тяжести, от которого мы успели отвыкнуть. Я сказал «медленное», однако обод нашего шестидесятиметрового колеса вращался со скоростью пятидесяти километров в час. Движения мы, понятно, не замечали, но центробежная сила, вызванная вращением, вернула нам

около половины нашего земного веса. Этого оказалось достаточно, чтобы предметы перестали произвольно парить в пространстве и вместе с тем мы не чувствовали себя слишком уж неповоротливыми после многих недель полной невесомости.

В ту ночь, когда это произошло, наша четверка спала в тесной цилиндрической кабине, известной под наименованием «шестой кубрик». Она находилась на самом краю обода станции. Представьте себе велосипедное колесо, у которого шину заменяет гирлянда сосисок; ну так вот — «шестой кубрик» был одной из «сосисок», и мы мирно дремали внутри ее.

Разбудил меня внезапный толчок — не такой сильный, чтобы я встревожился, но, во всяком случае, я сел на койке, недоумевая, что случилось. На космической станции все необычное настораживает, и я нажал тумблер внутреннего селектора.

— Алло, Центральная, что случилось?

Никакого ответа, линия не работала.

Это уже серьезно; я соскочил с койки — и совсем опешил: *тяготение отсутствовало.* Я взлетел к потолку, но успел схватиться за стойку и остановить полет, растянув руку.

Не может вся космическая станция вдруг перестать вращаться. Ответ мог быть лишь один... Выход из строя селектора и — как я тотчас обнаружил — осветительной сети открыл нам страшную истину: мы уже не часть станции, каким-то образом наша кабина оторвалась, и ее швырнуло в пространство. Так отлетает, упав на вращающийся маховик, дождевая капля.

Иллюминаторов не было, наружу не выглянешь, однако мы не сидели в кромешной тьме — включилось аварийное освещение, работающее от батарей. Клапаны воздушной магистрали автоматически замкнулись, едва стало падать давление, и мы могли бы некоторое время существовать в нашей маленькой атмосфере, хотя она и не обновлялась. Увы, непрекращающийся свист дал нам понять, что воздух уходит в какую-то пробоину.

Мы могли только гадать, какова судьба космической станции. Кто знает, может быть, все сооружение разбито вдребезги и наши товарищи либо погибли, либо, как и мы, летят через космос в дырявых банках с воздухом... Оставалось надеяться, что мы одни оказались жертвами крушения, что станция в общем цела и за нами послан спасательный отряд. Все-таки мы удалялись со скоростью не больше пятидесяти километров в час, и любой из реактивных скутеров мог за несколько минут догнать нас.

На самом деле им потребовалось около часа, хотя, если бы не мои часы, я никогда бы не поверил, что нас нашли так быстро. Мы уже начали задыхаться, всего лишь одно деление отделяло от нуля стрелку прибора на нашем единственном аварийном кислородном баллоне...

Стук в обшивку прозвучал для нас словно сигнал из другого мира. Мы отчаянно застучали в ответ, и сейчас же до нас донесся глухой голос. Кто-то снаружи прижался шлемом скафандра к металлу обшивки, и простейшая звукопроводимость позволяла нам слышать его. Не так отчетливо, как радио, разумеется, но понять можно.

Пока шел военный совет, стрелка манометра медленно сползла к нулю. Прежде чем нас отбуксируют к станции, мы будем мертвы... Но спасательный корабль рядом, в нескольких метрах от нас, его воздушный шлюз открыт. Вот только как пересечь эти считаные метры без скафандра!

Мы тщательно все продумали и взвесили, отлично понимая, что бисировать не придется. Напоследок сделали по последнему глубокому вдоху из кислородного прибора, очищая легкие. И когда все приготовились, я постучал в стенку, давая сигнал нашим друзьям.

Прерывистый стрекот... Это электрические инструмёнты принялись обрабатывать тонкую скорлупу кабины. Зная, что последует, мы изо всех сил ухватились за стойки, стараясь держаться подальше от будущего входа. Все произошло настолько быстро, что ум не поспевал за событиями. Кабина словно взорвалась, меня обдало могучим вихрем, остатки воздуха вырвались из легких через непроизвольно открывшийся рот. А затем — предельная тишина и алмазы звезд в зияющем отверстии, которое обозначало путь к жизни.

Уверяю вас, мне некогда было анализировать свои ощущения. Кажется (я вовсе не уверен, что все это не плод воображения), я ощутил резь в глазах, и словно иголки кололи все тело. И было очень холодно, возможно потому, что тотчас начала испаряться влага с поверхности тела.

Одно я помню точно — неприятную тишину. На космической станции не бывает полного безмолвия, всегда рокочут двигатели или шумят воздушные насосы. А тут — абсолютная тишина вакуума, пустоты, где нет ни одной частицы воздуха, которая могла бы переносить звук.

Мы почти одновременно бросились в брешь в корпусе, под лучи пылающего Солнца. Меня ослепило, но это не играло роли, потому что спасатели в скафандрах сразу же подхватили нас и толкнули в переходную камеру. По мере того как в ней накапливался воздух, постепенно возродился звук, и мы вспомнили, что здесь можно дышать. Потом нам рассказали, что вся операция длилась двадцать секунд...

Итак, мы оказались членами — учредителями Клуба глотателей пустоты. С тех пор не менее десятка человек, попав в аварию, проделали то же самое. Рекорд пребывания в пустоте равен теперь двум минутам; затем кровь начинает пузыриться, так как закипает при температуре тела, и пузырьки быстро попадают в сердце.

И последствий не было, кроме одного. С четверть минуты пробыл я в лучах настоящего Солнца, а не того хилого света, который просачивается сквозь земную атмосферу. Глоток космоса не принес мне ни малейшего вреда, но кожу я сжег, как никогда в жизни.

КОСМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

Наверное, мало кто из вас представляет себе, как жили люди, прежде чем релейные станции дали нам действующую ныне систему всемирной связи. В моем детстве нельзя было пере-

дать телевизионные программы через океан, даже обеспечить надежную дальнюю радиосвязь, не подцепив по пути богатой коллекции шумов и разрядов. А теперь свободные от помех каналы для нас самое обычное дело, мы ничуть не удивляемся, когда видим друзей по ту сторону земного шара так же отчетливо, как если бы стояли лицом к лицу с ними. И ведь без релейных станций рухнула бы вся система мировой индустрии и торговли. Какая из ведущих мировых экономических организаций смогла бы сопрягать разбросанные по всему миру центры «электронного мозга», если бы мы на космических станциях не передавали деловые послания вокруг шарика?

Но когда мы в конце семидесятых годов монтировали станции релейной цепи, все это было еще делом будущего. Я уже рассказал о некоторых наших трудностях и злоключениях; они были достаточно серьезны, однако мы все одолели. Три станции в космосе вокруг Земли перестали быть беспорядочным нагромождением ферм, воздушных баллонов и герметичных пластиковых кабин. Кончилась сборка, мы заняли свои отсеки и стали работать в человеческих условиях, не стесненные скафандрами. Станции медленно вращались, и к нам вернулось тяготение. Не настоящее земное тяготение, конечно, но центробежная сила создает и в космосе те же самые ощущения. Приятно было налить бокал и сесть в кресло, не боясь, что тебя унесет ветерком.

Монтаж трех станций кончился, но еще не меньше года мы устанавливали радио- и телевизионную аппаратуру, которой предстояло взять на свои космические плечи бремя земных коммуникаций. Наконец мы пустили первый телевизионный канал между Англией и Австралией. Направленный сигнал поступил с Земли к нам на Вторую Релейную, расположенную над центром Африки, мы ретранслировали его на Третью Релейную, подвешенную над Новой Гвинеей, а оттуда он вернулся на Землю, чистенький как стеклышко, несмотря на путешествие в сто шестьдесят тысяч километров.

Впрочем, это была лишь проверка, инженеры испытывали аппаратуру. Официальное открытие линии должно было стать величайшим событием в истории мировых коммуникаций. Готовилась тщательно разработанная глобальная телепередача с участием всех стран; впервые телевизионным камерам предстояло за три часа обрыскать весь свет, возвещая человечеству, что рухнул последний барьер, воздвигнутый расстояниями.

Циники уверяли, что разработка этой программы потребовала не меньших усилий, чем само создание космических станций. Причем всего труднее было выбрать «церемоний-мейстера» — ведущего, которому предстояло объявлять номера небывалого глобального спектакля для половины человечества.

Одному богу известно, что делалось за кулисами: сговор, шантаж, явное подсиживание... Так или иначе, за неделю до великого дня к нам прилетела внеочередная ракета с Грегори Уэнделлом на борту. Это было совсем неожиданно, ведь Грегори не пользовался среди телезрителей такой известностью, как, скажем, Джефферс Джексон в США или Винс Клиффорд в Англии. Видно, главные фавориты подсиделитаки друг друга и Грег получил заманчивое назначение благодаря одному из тех компромиссов, которые так хорошо известны политиканам.

Уэнделл начинал свою карьеру рядовым диктором одной из университетских радиостанций американского Среднего Запада, потом вел программы ночных клубов Голливуда и Манхэттена, и наконец ему поручили ежедневную передачу во всеамериканском вещании. Не считая покровительственно-непринужденного тона, главным активом Грега был глубокий, бархатный голос — видимо, дар негритянских предков. Даже если вы вовсе не соглашались с тем, что он говорил, если он всю душу из вас выматывал своим интервью, все равно слушать его было одно удовольствие.

Мы показали Грегу всю космическую станцию, даже (вопреки правилам) вывели его через воздушный шлюз в кос-

мос, облачив в скафандр. Ему все пришлось по душе, но две вещи особенно понравились.

— Воздух у вас тут куда лучше той дряни, которой мы дышим в Нью-Йорке,— сказал он.— В первый раз, с тех пор как я на телевидении, моя носоглотка в порядке.

И еще он одобрил меньшее тяготение: на ободе станции человек весил половину земного веса, а возле оси — вообще ничего.

Однако новизна окружения не отвлекла Грега от работы. Он по многу часов проводил в центральной аппаратной — размечал сценарий, отрабатывал свои реплики, изучал дюжины мониторов, которым предстояло быть его окнами в мир. Однажды я застал его, когда он репетировал представление королевы Елизаветы, которая должна была говорить из Бэкингемского дворца в самом конце программы. Он настолько увлекся, что даже не заметил меня, хотя я стоял рядом.

Да, эта телепередача вошла в историю. Впервые миллиард людей одновременно смотрели программу, которая создавала эффект присутствия в любом уголке Земли, зрители наблюдали перекличку виднейших граждан мира. Сотни камер на земле, в небесах и на море пытливо всматривались во вращающийся земной шар; и в конце на экране появилась великолепная панорама Земли. Благодаря трансфокатору в камере, установленной на спутнике, наша планета как бы медленно удалялась, пока не затерялась среди звезд...

Конечно, не обошлось без накладок. Одна камера, установленная на дне Атлантического океана, не включилась своевременно, и пришлось зрителям дольше задуманного любоваться Тадж-Махалом. Из-за неправильного соединения русские субтитры легли на картинку, идущую на Южную Америку; в это время половина Советского Союза пыталась читать по-испански. Но это мелочи перед тем, что могло случиться...

И все три часа, одинаково непринужденно представляя знаменитых людей и неизвестных, звучал красивый, но ни-

чуть не манерный голос Грега. Он превосходно выполнил свою задачу, и, как только передача кончилась, с Земли посыпались поздравления. Правда, ведущий их не слышал: после переговоров со своим агентом он лег спать.

На следующее утро его ждала идущая на Землю ракета, а на Земле — любая должность, какую он только пожелает. Но ракета ушла без Грега Уэнделла, отныне младшего диктора Второй Релейной.

— Они решат, что я свихнулся,— сказал он, радостно улыбаясь.— Но на что мне сдалась вся их мышиная возня? Здесь я вижу всю Вселенную, воздух чистый, никакого смога, тяготение такое, что я чувствую себя Геркулесом, и мои бывшие жены, эти три душки, не смогут до меня добраться.

Грег послал уходящей ракете воздушный поцелуй.

— До свидания, Земля! — крикнул он.— Я вернусь, как только начну тосковать по заторам на Бродвее и мглистым рассветам. А одолеет ностальгия — достаточно нажать кнопку, и я увижу любой уголок планеты. Здесь я по-настоящему в гуще событий, не то что на Земле. А захочу — могу совсем отгородиться от человеческого рода.

Продолжая улыбаться, он смотрел, как ракета начинает свое долгое падение на Землю, где богатство и слава напрасно ждали его. Затем, весело насвистывая, двухметровыми шагами вышел из контрольного пункта: пора было читать прогноз погоды для Южной Патагонии.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Должен сразу же вас предупредить: у этой истории нет конца. Зато начало можно установить точно — я познакомился с Джулией, когда мы учились вместе в Астротехе. Я уже был в аспирантуре, она перешла на последний курс факультета физики Солнца, и весь последний год в институте мы встречались довольно часто. У меня до сих пор цела шерстяная шапочка, которую она связала мне, чтобы я не набил себе

шишек гермошлемом. (Нет-нет, я никогда ее не надевал, это было бы кощунством!)

Увы, когда меня назначили на Вторую Релейную, Джулия попала на Солнечную обсерваторию — на таком же расстоянии от Земли, но в нескольких градусах восточнее по орбите. Вот так: оба на высоте сорока тысяч километров над центром Африки, а между нами тысяча шестьсот километров пустынного, враждебного космоса.

Первое время мы были слишком заняты и не так сильно ощущали боль разлуки. Но когда прошла прелесть новизны и жизнь в космосе стала привычной, наши мысли полетели через разделяющую нас бездну. И не только мысли: я наладил дружбу со связистами, и нам с Джулией удавалось побеседовать, пользуясь межстанционным телеканалом. Правда, почему-то на душе только хуже, когда глядишь друг на друга и не знаешь, сколько еще людей видят вас в то же время. Космическая станция не создана для личной жизни...

Иногда я наводил один из наших телескопов на недосягаемую сверкающую звезду обсерватории. Кристальная чистота космоса допускает огромные увеличения, и я видел все подробности — солнечные телескопы, герметичные сферы, в которых жили сотрудники, карандашики транспортных ракет, прилетавших с Земли. Часто среди аппаратуры двигались фигурки в скафандрах, и я напрягал зрение, тщетно пытаясь их распознать. Даже с двух метров трудно узнать человека, облаченного в космический скафандр, и все-таки я не мог удержаться от попытки.

Мы уже покорились необходимости призвать все свое терпение и ждать, ждать полгода до отпуска, и вдруг нам повезло. Еще не прошло и половины нашего срока, когда начальник транспортной секции внезапно объявил, что отправляется с сачком ловить метеоры. Буйным он не стал, но все-таки пришлось вернуть его на Землю. А меня назначили врио; таким образом я, во всяком случае теоретически, стал вольным сыном эфира.

Я повелевал десятью маломощными реактивными скутерами, а также четырьмя ракетами покрупнее для переброски людей и грузов с орбиты на орбиту. О том, чтобы воспользоваться ракетой, нечего было и думать, однако несколько недель тщательной подготовки позволили мне осуществить план, который родился в моей голове через две микросекунды после того, как меня назначили на пост руководителя транспортом.

Не стану рассказывать, как я мудрил с расписанием, бортовыми журналами и горючим, как уговорил товарищей не выдавать меня. Важно то, что примерно раз в неделю я влезал в свой скафандр, пристегивался к каркасу скутера 13 и на малой скорости покидал станцию. Отойдя подальше, давал полный газ, и маленький реактивный мотор мчал меня через тысячашестисоткилометровую пропасть к обсерватории. Весь путь отнимал минут тридцать, и управление было предельно простое. Я без приборов видел, куда и откуда лечу. И все-таки должен признать, что примерно на полпути я иногда чувствовал себя — как бы это сказать — несколько одиноким, что ли. На девятьсот километров вокруг — ничего плотного, вещественного, и Земля казалась невообразимо далекой. В такие минуты очень помогало настроить свой приемник на волну главной сети и послушать, как переругиваются корабли и станции.

На полпути я разворачивал скутер на сто восемьдесят градусов и начинал торможение. Десять минут спустя обсерватория приближалась настолько, что можно было невооруженным глазом различить детали ее конструкции. И вот уже я подплываю к герметичному пластиковому пузырю, в котором оборудовали спектроскопическую лабораторию. Теперь только воздушный шлюз отделяет меня от Джулии.

Не буду утверждать, что мы говорили только о последних достижениях астрофизики или о том, как выполняется график монтажа спутников. Мы меньше всего думали о таких вещах; и на обратном пути мне всегда казалось, что я лечу невероятно быстро.

Однажды, когда я возвращался домой, вспыхнул радарный сигнал на моей приборной доске. Какой-то крупный предмет стремительно приближался. Метеор, решил я, может быть, даже небольшой астероид. Но при такой мощности сигналов я должен его видеть. Определив направление, я стал рассматривать созвездия. Мысль о столкновении мне даже в голову не приходила: космос столь невообразимо велик, что я чувствовал себя в сто раз надежнее, чем человек, переходящий улицу на Земле.

Вот она — яркая, заметно растущая звездочка в нижней части Ориона. Уже превосходит по яркости Ригель, а еще через несколько секунд я видел не точку, а диск. Он двигался так быстро, что я едва поспевал следить за ним. Промелькнула крохотная, неправильной формы Луна. Замерцала и потухла, удаляясь в своем неотвратимом безмолвном движении.

Наверно, я всего полсекунды отчетливо видел этот... этот предмет, но эти полсекунды с тех пор всегда меня преследуют. Когда я вспомнил про радар, предмет исчез, и я не успел заметить, на какое расстояние он приближался, не успел и определить его истинных размеров. Он мог быть совсем небольшой — если прошел в тридцати метрах от меня, или огромный — если пронесся в двадцати километрах. В космосе нет чувства перспективы, и если вы не знаете, что у вас перед глазами, вам не определить расстояния.

Конечно, это мог быть огромный метеор необычной формы; я не берусь поручиться, что не обманулся, пытаясь получше разглядеть быстро движущийся объект. Возможно, я только вообразил, будто увидел смятый, искореженный нос и ряд темных иллюминаторов, напоминающих незрячие глазницы черепа. В одном я не сомневался, хотя видение было отрывочным и мимолетным. Если это был космический корабль, то не из наших. Он выглядел иначе и был очень старый.

Быть может, величайшее открытие всех времен выскользнуло из моих рук, пока я разбирался в своих смятенных мыс-

лях на полпути между двумя станциями. Но я не знал ни скорости, ни направления промелькнувшего предмета, и он уже бесследно исчез в безднах Солнечной системы, унося с собой свою тайну.

Как я должен был поступить? Никто не поверил бы мне, ведь у меня не было никаких доказательств. И напиши я докладную, начались бы неприятности. Я стал бы посмешищем всей Космической службы, получил бы выговор за злоупотребление снаряжением — и, конечно же, не смог бы больше видеться с Джулией. А это для меня в том возрасте было важнее всего. Если вы любили, вы поймете меня, если нет — объяснять бесполезно.

Итак, я промолчал. Кто-то иной (сколько веков спустя?) пожнет славу, доказав, что мы не первенцы среди детей Солнца. Чем бы ни был этот предмет, кружащийся по своей вечной орбите, он может ждать, как ждет уже много столетий.

И все-таки я иногда спрашиваю себя: может быть, я все-таки написал бы докладную, если бы знал тогда, что Джулия выйдет замуж за другого?

ЗОВ ЗВЕЗД

Внизу, на Земле, подходит к концу двадцатый век. На темном шаре, заслонившем звезды, я вижу огни сотен бессонных городов, и даже хочется влиться в возбужденные, поющие толпы на улицах Лондона, Кейптауна, Рима, Парижа, Берлина, Мадрида... Да-да, я все их могу охватить одним взглядом — они словно светлячки на фоне ночной планеты. Линия полуночи рассекает сейчас Европу. В восточной части Средиземного моря мерцает яркая звездочка: какой-нибудь ликующий увеселительный корабль расписывает небо лучами своих прожекторов. Не нам ли он шлет сигналы? Очень уж ярко и равномерно мигают сейчас прожекторы... Вызову узел связи, выясню, что за корабль, и пошлю радиопривет от нас.

Уходит в историю, навсегда исчезает в потоке времени самое поразительное столетие, какое когда-либо знал мир. Открылось оно покорением воздуха, в середине века отомкнули атом, а конец столетия мы отмечаем переброской мостов в космосе.

(Последние пять минут я пытался понять, что происходит с Найроби, теперь сообразил: там устроили могучий фейерверк. У нас здесь ракеты с химическим горючим — анахронизм, на Земле они сегодня ночью горят повсюду.)

Конец века — и конец тысячелетия. Что принесут столетия, порядковый номер которых будет начинаться с двойки? Планеты, разумеется, в космосе, всего в двух километрах от меня, сейчас парят корабли первой марсианской экспедиции. Два года я наблюдал, как они постепенно возникают из множества разрозненных частей, подобно этой космической станции, созданной несколько десятилетий назад людьми, вместе с которыми я работал.

Десять космических кораблей готовы, экипажи на борту, ждут только последней проверки аппаратуры и стартового сигнала. Прежде чем настанет полдень первого дня нового века, они порвут путы Земли и улетят к неизведанному миру, который может стать вторым приютом человечества.

И, глядя теперь на небольшой отважный флот, готовый бросить вызов бесконечности, я вспоминаю события сорокалетней давности, дни, когда были запущены первые спутники и Луна еще казалась очень далекой. Вспоминаю также — впрочем, я этого никогда не забывал,— как отец силился удержать меня на Земле.

Какое только оружие он не пускал в ход! Начал с насмешки.

— Конечно, они это сделают,— говорил он.— Но смысл какой? Кому это нужно — выходить в космос, когда еще столько несделанного на Земле? Во всей Солнечной системе нет больше ни одной планеты, на которой мог бы жить человек. Луна — куча перегоревшего шлака, остальные еще хуже. Мы созданы для жизни на Земле.

Уже тогда (мне было лет восемнадцать) я мог потягаться с ним в вопросах логики. Помню свой ответ:

— Откуда ты можешь знать, где нам назначено жить, папа? Ведь мы почти миллиард лет обитали в море, прежде чем вышли на сушу. Теперь делаем следующий огромный скачок. Я не знаю, куда он нас приведет,— не знала и первая рыба, выползая на берег и нюхая, чем пахнет воздух.

Он не смог меня переспорить и решил испытать приемы потоньше. Без конца рассказывал об опасностях космических путешествий, о том, что всякий, кто по недомыслию связывается с ракетами, сам сокращает себе жизнь. Тогда человек еще побаивался метеоров и космического излучения, они играли роль мифических чудовищ на никем не заполненных небесных картах — так древние картографы писали: «Здесь еси драконы». Но меня они не пугали, скорее придавали острый привкус опасности моим мечтаниям.

Пока я учился в колледже, отец еще не так волновался. Учение только на пользу, какую бы профессию я потом ни избрал, и ему не на что было жаловаться. Правда, иногда он ворчал, видя, сколько денег я трачу на книги и журналы по астронавтике. Учился я хорошо, что, естественно, радовало отца; возможно, он не задумывался над тем, что успехи в учении помогут мне добиться своего.

Весь последний год учебы я избегал говорить о своих планах. Постарался даже внушить дома (теперь-то я жалею об этом), будто оставил мечты о космосе. Ничего не говоря отцу, я подал заявление в Астротех и был принят, как только окончил колледж.

Гром грянул, когда в нашем почтовом ящике очутился длинный голубой конверт со штампом «Институт технологии астронавтики». Отец обвинил меня в предательстве и неблагодарности; потом я никак не мог простить ему это, ведь он испортил мне радость от мысли, что меня приняли в самое изысканное и почетное учебное заведение, какое знал мир.

Каждые каникулы были испытанием. Если бы не мама, я, наверное, наведывался бы домой не чаще одного раза в год. И всякий раз я старался как можно скорее уехать. Мечтал я: отец, смирившись с неизбежным, мало-помалу смягчится — но этого не произошло.

И вот настала минута натянутого, ужасного прощания на космодроме. Дождь, падая со свинцового неба, барабанил по гладкой обшивке корабля, который словно рвался поскорее взлететь к немеркнущему солнечному свету, подальше от всех бурь. Я знаю, чего стоило отцу смотреть, как ненавистная машина поглотила его единственного сына; сегодня я понимаю многое, что было скрыто от меня тогда.

Когда мы прощались у корабля, он знал, что нам уже не свидеться. И, однако же, упрямая гордость не дала ему произнести единственные слова, которые могли меня удержать. Мне было известно, что отец болен, но он никому не говорил, что болезнь серьезная. Это единственное оружие, которое он не пустил в ход против меня, и я уважаю его за это.

Остался бы я, если бы знал? Размышлять о необратимом прошлом еще никчемнее, чем гадать о непредвидимом будущем. Могу только сказать: я рад, что мне не пришлось выбирать. В конце концов он отпустил меня, сдался в борьбе с моей мечтой, а немного позже — и в борьбе со смертью.

Итак, я сказал «до свидания» Земле и отцу, который любил меня, но не умел этого выразить. Он лежит там внизу, на планете, которую я могу заслонить ладонью. Странно подумать, что из множества миллиардов людей, чья кровь струится и в моих жилах, мне первому выпало оставить родной мир...

Новый день занимается над Азией, чуть заметная полоска огня обрамляет восточный край Земли. Скоро, как только Солнце вынырнет из Тихого океана, полоска обратится в пламенный полукруг, а между тем Европа еще готовится ко сну, не считая гуляк, которые встретят рассвет на ногах.

А вот — вон там, со стороны флагманского корабля,— и транспортная ракета идет за последними посетителями со станции. Вот и послание, которого я ждал:

КАПИТАН СТИВЕНС ПРИВЕТСТВУЕТ НАЧАЛЬНИКА КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ. СТАРТ ЧЕРЕЗ ДЕВЯНОСТО МИНУТ; ОН БЫЛ БЫ РАД ПРИНЯТЬ ВАС СЕЙЧАС НА БОРТУ.

Да, отец, теперь я знаю, что ты чувствовал, время завершило полный круг. Надеюсь, однако, что я извлек урок из ошибок, которые мы с тобой сделали тогда, много лет назад. Я буду помнить о тебе, прощаясь на флагманском корабле «Старфайр» с твоим внуком, которого ты не дождался.

Разговор снова зашел о лучах смерти, и некий ехидный критик принялся высмеивать обложки старых журналов фантастики, где часто изображались разноцветные лучи, сеющие вокруг смерть и разрушение.

— Какое элементарное научное невежество! — фыркнул он.— Любое видимое излучение безвредно. Будь это не так, люди бы не выжили. Поэтому всем следует знать, что лучи смерти любого цвета... да хоть в шотландскую клеточку — полная чушь. Можно даже вывести закон: если луч видимый, он не причинит вреда.

— Интересная теория,— заметил Гарри Парвис,— однако она расходится с фактами. Единственный луч смерти, который мне лично довелось увидеть, был очень даже видимым.

— Правда? И какого же он был цвета?

— До этого скоро дойдет очередь — если попросите рассказать. Кстати, раз уж мы вспомнили про очередь...

Очередь ставить всем пиво дошла до Чарли Уиллиса. Мы успели поймать его на выходе из бара и немного попрактиковались на нем в отработке приемов джиу-джитсу, пока все кружки снова не наполнились. Затем в «Белом олене» наступила та странная и наполненная предвкушением тайны тишина, в которой завсегдатаи безошибочно распознают прелюдию к очередной невероятной истории Гарри Парвиса.

Эдгар и Мэри Бартон были неподходящими супругами, и никто из их друзей не мог толком объяснить, почему они вообще поженились. Возможно, самое циничное объяснение

© Перевод А. Новикова.

и было самым правильным: Эдгар был почти на двадцать лет старше жены и заработал на бирже четверть миллиона, после чего удалился от дел, будучи для такого решения необычно молодым. Он поставил перед собой финансовую цель, упорно трудился ради ее достижения, а когда на его банковском счету появилась желаемая цифра, мгновенно утратил все амбиции. Отныне он намеревался вести жизнь сельского джентльмена и посвятить оставшиеся годы своему единственному и всепоглощающему хобби — астрономии.

Многие почему-то удивляются тому, что интерес к астрономии совместим с деловой хваткой или даже со здравым смыслом. «Это чистейшей воды заблуждение,— с чувством произнес Гарри,— однажды меня практически до белья обчистил в покер профессор астрофизики из Калифорнийского технологического института». Но в случае с Эдгаром в одном и том же человеке уживались как проницательный ум, так и легкая непрактичность. Заработав деньги, он потерял к ним дальнейший интерес — и не только к ним, а практически ко всему на свете, за исключением сборки все более и более крупных телескопов-рефлекторов.

Удалившись на покой, Эдгар купил прекрасный старинный дом в Йоркшире, стоящий на холме в окружении поросших вереском торфяников. Местность там была вовсе не настолько унылой, как может показаться; с холма открывался замечательный вид, а на «бентли» можно было доехать до ближайшего городка всего за пятнадцать минут. Но все равно смена обстановки не совсем устраивала Мэри, и ей было трудно не посочувствовать. Работать ей не приходилось, поскольку с домашними делами управлялась прислуга, а интеллектуальных занятий почти не имелось. Она ездила по округе на машине, записалась во все книжные клубы, читала «Сплетника» и «Сельскую жизнь» от корки до корки, но все равно чувствовала, что ей чего-то не хватает.

Объект своих желаний она отыскала через четыре месяца на ничем иначе не примечательном деревенском празднике. Он был ростом метр девяносто, бывший гвардеец и про-

исходил из семьи, в которой завоевание Англии норманнами считалось недавней и неслыханной наглостью. Звали его Руперт де Вере Куртене (опустим для краткости оставшиеся шесть его имен), и он единогласно считался самым завидным холостяком в округе.

Миновало две полные недели, прежде чем Руперт, будучи английским джентльменом высоких принципов, взращенным в лучших традициях аристократии, поддался призывным взглядам Мэри. Его падение ускорил тот факт, что семья пыталась устроить ему партию с благородной Фелисити Фонтлерой — увы, далеко не красавицей. И действительно, та настолько походила на лошадь, что ей было опасно приближаться к знаменитым конюшням ее отца, когда там выгуливали и упражняли рысаков.

Скука Мэри и твердое стремление Руперта решиться наконец на отчаянный поступок привели к неизбежному результату. Эдгар стал все реже и реже видеть жену, находившую поразительное количество причин, требующих ее поездок в город на неделе. Поначалу он был очень рад тому, что круг ее знакомств столь быстро расширяется, и лишь несколько месяцев спустя до него дошло, насколько он заблуждается.

В провинциальном городке вроде Стокборо совершенно невозможно надолго сохранить в секрете амурную связь, хотя это тот факт, который каждому новому поколению приходится открывать заново, и обычно на личном горьком опыте. Эдгар узнал правду случайно, но рано или поздно ему все равно бы ее сказал какой-нибудь доброжелатель. Он приехал в город на собрание местного астрономического общества — на «роллс-ройсе», поскольку жена уехала на «бентли»,— и по дороге домой его ненадолго остановила толпа, выходящая с последнего сеанса в местном кинотеатре. В ней он заметил Мэри в сопровождении красивого молодого человека, которого Эдгар уже где-то видел, но имени вспомнить не смог. Эта мелочь наверняка вылетела бы у него из головы, если бы на следующее утро Мэри не обмолвилась, что

в кино кончились билеты и она приятно провела вечер у одной из своих подруг.

Тут даже Эдгар, полностью поглощенный исследованиями переменных звезд, понял, что жена беспричинно лжет, и сложил два и два. Он ничем не проявил возникшие у него слабые подозрения, переставшие быть слабыми после местного бала охотников. Хоть он и терпеть не мог подобные развлечения (а бал, к несчастью, пришелся как раз на то время, когда U Ориона проходила через минимум блеска, и теперь ему придется пропустить важные наблюдения), но понял, что это предоставит ему возможность узнать имя спутника жены, поскольку на бал соберется вся округа.

Отыскать Руперта и завязать с ним разговор оказалось очень легко. Молодой человек, хотя и испытывал легкое смущение, проявил себя приятным собеседником, и Эдгар с удивлением поймал себя на том, что испытывает к нему симпатию. И раз уж его жена завела любовника, то в целом он одобрил ее выбор.

Ситуация оставалась без изменений еще несколько месяцев — в основном из-за того, что Эдгар был слишком занят шлифовкой и центровкой пятнадцатидюймового зеркала, чтобы отвлекаться на разные пустяки. Дважды в неделю Мэри уезжала в город якобы навестить друзей и сходить в кино и возвращалась домой перед полуночью. Эдгар видел огни ее машины на торфяниках за несколько километров: лучи фар меняли направление, следуя за изгибами дороги, по которой его жена ехала, как он считал, слишком быстро. Это тоже было одной из причин, почему они редко выезжали куда-либо вместе; Эдгар был умелым, но осторожным водителем, и комфортная для него крейсерская скорость была на двадцать километров в час меньше, чем у Мэри.

Примерно в пяти километрах от дома огни машины на несколько минут исчезали — тут дорогу заслонял холм. Там же находилось и опасное узкое место, более подходящее для Альп, чем для сельской Англии: дорога взбиралась на холм и проходила по краю весьма неприятного обрыва высотой в

тридцать метров и лишь потом выпрямлялась в направлении дома. Когда машина проходила этот поворот, ее фары светили прямо на дом, и немало вечеров Эдгара ослепляла яркая вспышка, когда он сидел за окуляром телескопа. К счастью, этим отрезком дороги по ночам очень редко пользовались, в противном случае наблюдения стали бы практически невозможными, потому что глазам Эдгара приходилось минут десять, а то и двадцать заново привыкать к темноте после вспышки фар. До сих пор это было лишь мелкой помехой, но когда Мэри начала выезжать в город четыре или пять раз в неделю, то превратилось в настоящую диверсию. И Эдгар решил: пора что-то делать.

Вы наверняка заметили, продолжил Гарри, что на протяжении всей этой истории поведение Эдгара Бартона вряд ли можно было назвать нормальным. Действительно, любой, кто способен столь радикально сменить стиль жизни и из делового лондонского биржевого маклера превратиться почти что в затворника на йоркширских торфяниках, обязан быть несколько странной личностью по определению. Однако я не могу утверждать, что он стал более чем эксцентричен, до той поры, когда полуночные возвращения Мэри не превратились в серьезную помеху для его важных астрономических наблюдений. И следует признать, что даже потом в его действиях прослеживается определенная безумная логика.

Жену свою он разлюбил уже несколько лет назад, но отнюдь не желал, чтобы она выставляла его дураком. А Руперт де Вере Куртене — приятный молодой человек, и его спасение станет актом милосердия. И великолепное в своей простоте решение проблемы пришло к Эдгару буквально в ослепительной вспышке озарения. И под буквальным я подразумеваю буквально, потому что план единственного известного мне идеального убийства возник у Эдгара именно тогда, когда он моргал, ослепленный фарами машины Мэри. Странно, как ничем не связанные факторы могут повлиять на жизнь человека; я ничего не имею против древнейшей и

благороднейшей из наук, но если бы Эдгар не стал астрономом, он не стал бы и убийцей. Потому что его хобби обеспечило и часть мотивов, и немалую часть средств...

Он мог бы сам изготовить нужное ему зеркало — к тому времени он стал в этом деле настоящим экспертом,— но в данном случае астрономическая точность не требовалась и проще было приобрести подержанный рефлектор от прожектора в одном из магазинчиков на Лейчестер-сквер, где распродавали бывшее в употреблении армейское имущество. Диаметром рефлектор был около девяноста сантиметров, а установить его на подставку и разместить в его фокусе мощную дуговую лампу было делом нескольких часов работы. Нацелить луч в нужную точку также не составило труда, и никто не обратил на действия Эдгара ни малейшего внимания, потому что и жена, и прислуга давно уже воспринимали его эксперименты как само собой разумеющееся.

Ясной темной ночью он провел последнее краткое испытание и стал ждать возвращения Мэри. Разумеется, он не стал терять время зря и продолжил рутинные наблюдения за группой избранных звезд. К полуночи Мэри все еще не вернулась, но Эдгар не возражал, потому что замерял чудесную серию звездных магнитуд, прекрасно укладывающихся на его экспериментальные кривые. Все шло прекрасно, хотя он так и не задумался, почему Мэри столь непривычно опаздывает.

Наконец он заметил мелькающие на горизонте фары машины и неохотно прервал наблюдения. Когда машина скрылась за холмом, он уже стоял наготове, держа руку на выключателе. Он все рассчитал безупречно: едва машина выехала из-за поворота и осветила Эдгара фарами, он повернул выключатель.

Встреча ночью с другой машиной может стать достаточно неприятной, даже если вы к ней готовы и едете по прямой дороге. Но если вы выезжаете из-за поворота на узкой дороге, зная, что встречных машин нет, а в глаза вам внезапно

бьет луч в пятьдесят раз ярче любой фары... что ж, результат окажется более чем неприятным.

Именно на это Эдгар и рассчитывал. Он почти немедленно выключил луч, но фары машины показали ему все, что он хотел увидеть. Они свернули к обрыву и по дуге понеслись вниз, все быстрее и быстрее, пока не исчезли у подножия холма. Несколько секунд там виднелось красное свечение, но взрыв был почти не слышен — и очень хорошо, потому что Эдгару не хотелось тревожить слуг.

Он разобрал прожектор и вернулся к телескопу, потому что не завершил наблюдения. Затем, удовлетворенный хорошей ночной работой, отправился спать.

Спал он крепко, но недолго, потому что примерно час спустя зазвонил телефон. Несомненно, кто-то обнаружил обломки, но Эдгар куда охотнее подождал бы с этой новостью до утра, ибо для астронома каждый час сна бесценен. Он несколько раздраженно снял трубку и лишь через несколько секунд сообразил, что с ним разговаривает жена. Она звонила из Куртене-плейса и желала узнать, что случилось с Рупертом.

Как выяснилось, влюбленная парочка решила сделать тайное явным, и Руперт (изрядно подкрепившись для храбрости) согласился повести себя как полагается мужчине и сообщить эту новость Эдгару. Сразу после этого он должен был позвонить Мэри и сказать ей, как воспринял ее муж. Она со все нарастающим нетерпением и тревогой прождала, сколько смогла, но в конце концов не выдержала и позвонила сама.

Не стоит и говорить, что и без того несколько расшатанная нервная система Эдгара испытала самый настоящий шок. Поговорив с мужем несколько минут, Мэри поняла, что тот безнадежно свихнулся,— как говорится, «не вписался в поворот». И лишь утром она обнаружила, что вписаться в поворот, к своему несчастью, не сумел и Руперт.

На мой взгляд, Мэри по большому счету удачно вышла из этой переделки. Руперт был не очень-то умен и никогда

не стал бы ей достойной парой. Когда психиатры обследовали Эдгара и подтвердили печальный диагноз, Мэри получила доверенность на управление его имуществом и быстро переехала в Дартмут, где купила прелестную квартирку неподалеку от Королевского морского колледжа, и теперь ей редко приходится самой сидеть за рулем нового «бентли».

Но все это так, к слову. И пока некоторые скептики не спросили меня, откуда я все это узнал, скажу сам, что мне эту историю рассказал дилер, купивший телескопы Эдгара, когда того поместили в лечебницу. Печально, но факт — его признанию никто не поверил, и все решили, что Руперт был попросту слишком пьян и ехал слишком быстро по опасной дороге. Возможно, это правда, но я предпочитаю считать иначе. В конце концов, разбиться по пьяной лавочке — слишком плебейская кончина. Зато погибнуть от луча смерти — вот судьба, достойная де Вере Куртене! Надеюсь, никто не станет отрицать, что Эдгар воспользовался именно им? То был луч, и он убил человека. Как же еще его назвать?

Если вы жили только на Земле, вы не видели Солнца. Конечно, мы смотрели на него не прямо, а через мощные фильтры, которые умеряли его яркость, делая ее терпимой для глаз. Солнце неизменно висело над низкими зазубренными утесами к западу от обсерватории, не восходя и не заходя, лишь описывая небольшой круг на небе за год, который в нашем маленьком мире длился восемьдесят восемь земных дней. Не совсем верно говорить о Меркурии, что он всегда обращен к Солнцу одной стороной: планета чуть покачивается на своей оси, поэтому есть узкий сумеречный пояс, где применимы такие обычные земные понятия, как утренняя и вечерняя заря.

Мы находились на краю сумеречной области; можно было воспользоваться прохладными тенями и вместе с тем постоянно наблюдать Солнце, парящее над утесами. Круглосуточная работа для пяти десятков астрономов и иных научных сотрудников; лет через сто мы, возможно, будем кое-что знать о небольшой звезде, давшей Земле жизнь.

Не было той области солнечного излучения, исследованию которой не посвятил бы свою жизнь кто-нибудь из сотрудников обсерватории; и уж следили мы, как коршуны. От рентгеновских лучей до самых длинных радиоволн — на всех частотах мы расставили свои ловушки и капканы; стоило Солнцу придумать что-нибудь новое — мы уж тут как тут. Так мы полагали...

Пылающее сердце Солнца пульсирует в медленном, одиннадцатилетнем ритме, и как раз приближалась вершина цик-

© Перевод Л. Жданова.

ла. Два пятна, чуть ли не самые крупные, какие когда-либо наблюдались (одно из них — достаточно большое, чтобы поглотить сто земных шаров), проплыли вдоль солнечного диска, словно исполинские черные воронки, уходящие далеко в глубь беспокойных верхних слоев звезды. Разумеется, черными они казались только рядом с окружающим их ослепительным сиянием; даже их темные, прохладные ядра жарче и ярче вольтовой дуги. Мы как раз проследили, как второе пятно исчезло за краем диска (интересно, уцелеет ли оно, появится ли вновь — через две недели), и вдруг на экваторе выросла шапка взрыва!

Сперва зрелище было не особенно эффектное, потому что выброс произошел как раз в середине солнечного диска. Случись он возле края, с проекцией на космос, картина, наверно, была бы потрясающая.

Представьте себе одновременный взрыв миллиона водородных бомб. Не можете? Никто не может. И однако же нечто в этом роде видели мы. Прямо к нам из вращающегося солнечного экватора со скоростью сотен километров в секунду мчалось выброшенное взрывом вещество. Сперва — узкой струей, однако края струи быстро превратились в бахрому под действием противоборствующих ей магнитных и гравитационных сил. Но ядро летело дальше, и вскоре стало очевидно, что оно совсем оторвалось от Солнца и устремилось в космос, причем мы — его ближайшая мишень.

Хотя такое случалось уже не раз, мы всегда одинаково волновались. Ведь можно будет поймать толику солнечного вещества летящего с гигантским облаком ионизированного газа. Опасности никакой: пока вещество достигнет нас, оно окажется слишком разреженным, вреда не причинит. Больше того, нужны очень чувствительные приборы, чтобы вообще его обнаружить.

Одним из таких приборов был радар обсерватории; он постоянно нащупывал невидимые ионизированные слои, на миллионы километров опоясавшие Солнце. Это была моя работа. И как только появилась надежда выделить на фоне

Солнца надвигающееся облако, я направил на него свое гигантское «радиозеркало».

Вот он, отчетливо виден на «дальнобойном» экране — огромный лучезарный остров, удаляющийся от Солнца со скоростью сотен километров в секунду. Пока не видно никаких подробностей, уж слишком далеко. Волны радара не одну минуту тратили на то, чтобы проделать путь в оба конца и доставить информацию на мой экран. Несмотря на скорость — около двух миллионов километров в час,— вырвавшийся протуберанец лишь через двое суток достигнет орбиты Меркурия и умчится дальше, к другим планетам. Но ни Венера, ни Земля не отметят его прохождения, так как он пролетит в стороне от них.

Шли часы. Солнце утихомирилось после непостижимой конвульсии, которая безвозвратно извергла столько миллионов тонн материи в межпланетное пространство. А вскоре медленно извивающееся и вращающееся облако размером в сто раз больше Земли окажется достаточно близко, чтобы радар показал нам его строение.

Сколько лет я здесь работаю, а до сих пор не могу без волнения видеть, как светящийся след, сопряженный с пучком радиоволн передатчика, рисует изображение на экране. Я иногда кажусь себе слепцом, который прощупывает окружающее его пространство палкой длиной в сто миллионов километров. Ведь человек и впрямь слеп, если говорить о предметах, которые я изучаю. Исполинские облака ионизированного газа, улетающие далеко прочь от Солнца, вовсе невидимы глазу, их не заметит даже самая чувствительная фотографическая пластинка. Они — призраки, всего лишь несколько часов витающие в Солнечной системе. Если бы они не отражали волн, излученных нашими радарами, и не влияли на наши магнитометры, мы бы о них и не знали.

Изображение на экране напоминало фотоснимок спиральной туманности: медленно вращаясь, облако на десятки тысяч километров вокруг разбросало лохматые щупальца газа. А можно сравнить его с наблюдаемым сверху цикло-

ном в атмосфере Земли. Внутреннее строение облака было чрезвычайно сложно, и оно ежеминутно менялось под воздействием сил, далеко не изученных нами. Реки огня скользили в причудливых руслах, которые могли быть созданы только электрическими полями. Но почему они возникали из ничего и вновь исчезали, точно происходило сотворение и уничтожение материи? И что это за мерцающие гранулы, каждая размером больше Луны, подобные валунам в бурном потоке?

Уже меньше двух миллионов километров отделяло облако от нас; еще какой-нибудь час, и оно будет здесь. Автоматические съемочные камеры фиксировали каждый кадр на экране радара, накапливая свидетельства, которых нам хватило на много лет спора. Магнитное возмущение, опережающее облако, уже достигло нас; кажется, во всей обсерватории не было прибора, который так или иначе не отзывался бы на стремительное приближение призрака.

Я изменил настройку радара; сразу изображение выросло настолько, что на экране умещалась только его центральная часть.

Одновременно я стал менять частоту импульсов, стараясь различить слои. Чем короче волна, тем глубже можно проникнуть в толщу ионизированного газа. Таким способом я надеялся получить своего рода рентгеновский снимок внутренности облака.

Казалось, оно меняется у меня на глазах по мере того, как я проникал сквозь разреженную оболочку с ее щупальцами и приближался к более плотному ядру. Слово «плотный» применимо здесь, конечно, лишь относительно; по нашим земным меркам даже самые компактные участки облака были вакуумом. Я почти достиг предела моей шкалы частот и уже не мог получать более коротких волн, когда приметил почти посредине экрана необычный по виду яркий след отраженного сигнала.

Он был овальный, с четко очерченными краями, гораздо более ясный, чем «гранулы» газа, которые мы видели в стру-

ях пламенного потока. С первого взгляда я понял: это что-то странное, необычное, такого еще никто не наблюдал. Электронный луч нарисовал еще дюжину кадров, наконец я подозвал своего ассистента, который стоял у радиоспектрографа, определяя скорости летящих к нам газовых вихрей.

— Глянь-ка, Дон,— сказал я ему.— Видел ты когда-нибудь что-либо подобное?

— Нет,— ответил он, приглядевшись.— Какие силы его образуют? Вот уже две минуты очертания не меняются.

— Это-то меня и озадачивает. Что бы это ни было, ему давно пора распадаться, такая свистопляска вокруг! А оно все остается неизменным.

— А размеры его, по-твоему?

Я включил шкалу и быстро снял показания.

— Длина около девятисот километров, ширина вдвое меньше.

— А покрупнее сделать нельзя?

— Боюсь, что нет. Придется подождать — подойдет ближе, тогда и разглядим, откуда такая плотность.

Дон нервно усмехнулся.

— Нелепо, конечно,— сказал он,— но знаешь, что оно мне напоминает? Точно я разглядываю в микроскоп амебу.

Я не ответил: та же мысль, будто откуда-то извне, пронизала мое сознание.

Мы даже позабыли об остальной части облака, но, к счастью, автоматические камеры продолжали свою работу и ничего не упустили. А мы не сводили глаз с ясно очерченной газовой чечевицы, которая, поминутно увеличиваясь на экране, мчалась к нам. И когда до облака оставалось не больше, чем от Земли до Луны, стали выделяться первые подробности внутреннего строения. Это было какое-то странное крапчатое образование, и каждый последующий кадр развертки давал иную, новую картину.

Уже половина сотрудников обсерватории столпилась в радарной, но царила тишина, все смотрели, как на экране стремительно растет загадка. Она летела прямо на нас; еще

несколько минут — и «амеба» столкнется с Меркурием где-то в его дневной части. Столкнется и погибнет. От первого детального изображения и до той секунды, когда экран снова опустел, прошло не больше пяти минут. Эти пять минут на всю жизнь запомнились каждому из нас.

Мы видели некий прозрачный овал, внутренность которого была пронизана сетью едва видимых линий. В местах пересечения линий словно пульсировали крохотные узелки света. А может быть, это нам только почудилось? Ведь радар тратил почти минуту на то, чтобы дать на экране полное изображение, а объект успевал за это время переместиться на несколько тысяч километров. Но сетка существовала, в этом никто не сомневался, и камеры ясно ее запечатлели.

Иллюзия, будто мы смотрим на нечто плотное, была настолько сильна, что я на секунду оторвался от экрана радара и поспешно навел резкость направленного в небо оптического телескопа. Конечно, я ничего не увидел, даже намека на какой-нибудь силуэт на фоне помеченного оспинами солнечного диска. Это был один из тех случаев, когда глаз оказывается бессильным и только электрические органы чувств радара могут что-то уловить. Летящий к нам из солнечного чрева предмет был прозрачным, как воздух, и куда более разреженным.

Истекали последние секунды; и мы все — я уверен — уже пришли к одному и тому же выводу, ждали только, кто первый его выскажет. Да, это невозможно — и все-таки доказательство у нас перед глазами... Мы видели жизнь там, где жизнь существовать не может!

Извержение вырвало это создание из его обычной среды в недрах пылающей атмосферы Солнца. Оно чудом пережило долгое путешествие в космосе, но теперь, видимо, умирало, по мере того как силы, управляющие исполинским невидимым телом, теряли власть над ионизированным газом, его единственной субстанцией.

Теперь, когда я сотни раз просмотрел заснятые пленки, мысль эта уже не кажется мне столь необычной. Ведь что такое жизнь, как не организованная энергия? Что за энергия, не так уж важно,— химическая, известная нам по Земле, или чисто электрическая, как это, видимо, было тут... Не род субстанции главное, а ее организация. Но тогда я не думал об этом. Потрясенный сознанием великого чуда, я смотрел, как доживает последние секунды это детище Солнца.

Было ли оно разумным? Понимало ли, какой необычный рок его постиг? Можно задать тысячу подобных вопросов, и никогда не получить на них ответа. Трудно допустить, чтобы создание, родившееся в горниле самого Солнца, могло что-либо знать о внешней вселенной или хотя бы вообразить нечто столь невыразимо холодное, как жесткая негазообразная материя. Падающий на нас из космоса живой остров не мог, будь он трижды разумен, представить себе мир, к которому так стремительно приближался.

Уже он заполнил наше небо и, быть может, в эти последние секунды понял, что впереди появилось что-то необычное. То ли воспринял обширное магнитное поле Меркурия, то ли ощутил рывок гравитационных сил нашего маленького мира. Во всяком случае, он стал меняться: светящиеся волокна (хочется сравнить их с нервной системой) стягивались вместе, образуя новые узоры, смысл которых я бы не прочь разгадать. Быть может, я заглянул в мозг не наделенного разумом чудовища, охваченного страхом, или небожителя, который прощался со Вселенной...

И вот экран радара пуст, светящийся след все с него стер в своем беге. Создание упало за пределами нашего горизонта, скрытое кривизной планеты. Где-то на жаркой дневной стороне Меркурия, в аду, куда сумело проникнуть всего человек десять — и еще меньше вернулось живыми,— оно незримо и беззвучно разбилось о моря расплавленного металла, о горы медленно ползущей лавы. Сам по себе удар для такого существа не играл никакой роли, но встреча с непостижимым холодом плотной материи оказалась роковой.

Да-да, холодом. Оно упало в самом жарком месте Солнечной системы, температура здесь никогда не опускается ниже семисот градусов по Фаренгейту, а порой достигает и тысячи. Но для него это было несравненно холоднее, чем для обнаженного человека самая суровая арктическая зима.

Мы не видели его смерти в леденящем пламени, существо очутилось за пределами досягаемости наших приборов, ни один из них не зарегистрировал кончины. И все-таки каждый из нас знал, когда наступила та секунда, вот почему мы безучастно слушаем тех, кто смотрел только фильмы, но уверяют нас, будто мы наблюдали обыкновенное природное явление.

Как описать, что мы ощущали в тот последний миг, когда половина нашего маленького мира была опутана распадающимися щупальцами исполинского, хотя и бестелесного мозга? Могу только сказать, что это было вроде беззвучного крика, исполненного предельной тоски, выражение смертной муки, которое проникло в наше сознание, минуя ворота чувств. Ни тогда, ни после никто из нас не сомневался, что был свидетелем гибели гиганта.

Быть может, мы первые и последние люди, кому довелось наблюдать столь величественную кончину. Кем бы они ни были, эти обитатели невообразимого мира в солнечных недрах, возможно, что наши пути уже никогда более не пересекутся. Трудно представить себе, чтобы мы могли вступить в контакт с ними, даже если их разум превосходит наш.

И так ли это? Может быть, нам же лучше не знать ответа... Возможно, они живут внутри Солнца со времени зарождения Вселенной и достигли таких вершин мудрости, на какие нам никогда не подняться. Быть может, будущее принадлежит им, а не нам, быть может, они уже переговариваются через тысячи световых лет со своими собратьями внутри других звезд.

Настанет, возможно, день, когда они посредством того или иного присущего им особенного чувства обнаружат нас, вращающихся вокруг их могучей древней родины, нас, гор-

дых своими знаниями, почитающих себя властелинами мироздания. И возможно, открытие их не обрадует, ведь для них мы будем всего лишь червяками, точащими кору планет, которые чересчур холодны, чтобы своими силами очиститься от заразы органической жизни.

И тогда, если это в их силах, они сделают то, что сочтут нужным. Солнце покажет свою мощь и оближет лица своих детей, и планеты продолжат путь такими, какими были изначально: чистыми, гладкими... и стерильными.

На сей раз симптомы стали заметными через пять недель после отлета с базы. В прошлый раз для этого потребовался всего месяц; не знаю, чему обязан такой разнице — то ли возраст берет свое, то ли диетологи что-то добавили в мои пищевые капсулы. А может, причина еще проще — я был слишком занят. Та ветвь Галактики, которую я разведывал в этом полете, была плотно, через каждые два-три световых года, нашпигована звездами, и на мысли о девушках у меня попросту не оставалось времени. Как только я классифицировал очередную звезду, а автоматический поиск планет завершался, наступало время отправляться к следующей. А когда, как это случалось примерно в одном случае из десяти, обнаруживались еще и планеты, я бывал просто отчаянно занят несколько дней подряд, а Макс, мой корабельный компьютер, заполнял свою память обильной информацией.

Но теперь плотно набитая звездами область пространства осталась позади, и иногда у меня уходило целых три дня на перелет от звезды до звезды. Такого промежутка вполне хватало, чтобы по кораблю на цыпочках начинал бродить Секс, а воспоминания о последнем отпуске делали предстоящие несколько месяцев полета бесконечно долгими.

Возможно, я перестарался тогда на Диадне-5, когда мой корабль готовили к следующему полету, а мне полагалось отдыхать. Но космический разведчик восемьдесят процентов своего времени проводит в одиночестве, а человеческая природа такова, что потом ему хочется наверстать упущенное. А я не просто его наверстал, а обеспечил и солидный за-

© Перевод А. Новикова.

дел на будущее — однако, как оказалось, на весь новый полет мне его не хватило.

Сперва, как я с тоской вспомнил, у меня была Хелен — ласковая и уступчивая блондинка. Правда, ей немного не хватало воображения. Мы отлично проводили время, пока ее муж не вернулся из *своего* полета; он повел себя поразительно порядочно, но вполне логично заметил, что у Хелен теперь останется очень мало времени на общение с другими мужчинами. К счастью, я уже успел познакомиться с Айрис, так что вакансия долго не пустовала.

Айрис оказалась еще та штучка — вспоминая ее, я даже сейчас вздрагиваю. Когда наши отношения прервались — по той простой причине, что мужчине надо иногда хоть немного поспать,— я целую неделю не приближался к женщинам. А потом мне попалось на глаза трогательное стихотворение поэта с древней Земли по имени Джон Донн — его книги стоит поискать, если вы умеете читать на примитивном английском,— которое напомнило мне, что утерянное время уже никогда не возместить.

Как это верно, подумал я и, облачившись в униформу космонавта, отправился на пляж единственного на Диадне моря. Не пройдя и пары сотен метров, я уже наметил десяток кандидаток, отделался от нескольких дамочек-добровольцев и положил глаз на Натали.

Сперва у нас все шло прекрасно, но потом Натали стала возражать против моих свиданий с Руфью (или то была Кэти?). Я терпеть не могу девушек, полагающих, будто мужчина — их собственность, поэтому после довольно тяжелой сцены, включающей битье дорогой посуды, я дал себе приказ «полный вперед». Несколько следующих дней я провел в одиночестве, потом меня спасла Синтия, и... но теперь вы уже поняли главное, поэтому не стану утомлять вас подробностями.

Так вот, это и были те нежные воспоминания, которые я мысленно перебирал, пока одна звезда тускнела за кормой,

а другая разгоралась прямо по курсу. Я специально не взял в этот полет свои рисунки, решив, что они лишь усугубят мою тоску. Это оказалось ошибкой; будучи очень неплохим художником в весьма специализированной области, я рисовал на память своих подружек и вскоре стал обладателем коллекции, которой на любой респектабельной планете было бы трудно подыскать достойный аналог.

Только не подумайте, что все эти мысли влияли на эффективность моей работы как специалиста галактической разведки. Гормоны напоминали о себе лишь во время долгих и скучных межзвездных перелетов, когда мне, если не считать компьютера, не с кем было перекинуться словечком. При обычных обстоятельствах мой электронный коллега Макс был неплохим собеседником, но есть некоторые темы, где от машины трудно ждать понимания и сочувствия. Я нередко задевал его чувства, когда меня одолевало раздражение и я без видимой причины выходил из себя.

— Что с тобой, Джо? — недоумевал Макс.— Ты ведь не сердишься на меня за то, что я снова обыграл тебя в шахматы? Вспомни, я же предупреждал, что ты проиграешь.

— Да пошел ты к дьяволу! — огрызался я в ответ, а потом тревожные пять минут выяснял отношения с навигационным роботом, воспринимающим все сказанное буквально.

Но через два месяца после отлета с базы, когда я зарегистрировал тридцать звезд и четыре планетные системы, произошло событие, заставившее меня позабыть обо всех личных проблемах. Пискнул монитор дальнего поиска — он уловил далекий сигнал, исходящий из области пространства где-то впереди. Я взял как можно более точный пеленг; передача оказалась немодулированной и в очень узком диапазоне — наверняка какой-то маяк. Однако, насколько я знал, наши корабли никогда не посещали этот дальний уголок Вселенной; мне полагалось разведывать совершенно неисследованные территории.

Значит, решил я, это ОН — мой великий момент, компенсация за все проведенные в космосе одинокие годы. Где-

то впереди меня ждет другая цивилизация — достаточно развитая, чтобы изобрести гиперрадио.

Я точно знал, как мне следует поступить. Едва Макс подтвердил мои наблюдения и завершил свой анализ, я запустил в сторону базы курьерскую капсулу. Теперь, если со мной что-нибудь случится, там будут знать, где это произошло, и догадаются о причине. А меня утешала мысль, что, если я не вернусь на базу в срок, друзья явятся за моими останками.

Вскоре уже не осталось сомнений в том, откуда исходит сигнал, и я слегка изменил курс, направившись к маленькой желтой звезде, возле которой работал маяк. Такой мощный сигнал, говорил я себе, означает развитую технику космических полетов, и я, вполне возможно, наткнулся на культуру, развитую не меньше нашей,— со всеми вытекающими последствиями.

Еще находясь очень далеко, я, не очень-то надеясь на успех, стал вызывать их со своего передатчика. К моему удивлению, на вызов быстро ответили. Непрерывная волна превратилась в цепочку повторяющихся импульсов. Даже Макс не смог расшифровать это послание. Вероятно, оно означало нечто вроде: «А кто ты такой, черт возьми?» — а это слишком короткий образец текста, и освоить по нему чужой язык не по зубам даже самой мощной машине-переводчику.

С каждым часом сигнал становился все сильнее, и я, желая показать, что принимаю его четко и ясно, периодически посылал такое же сообщение в направлении источника. А потом мне преподнесли второй сюрприз.

Я ожидал, что они — кем бы они ни были — переключатся на голосовое общение, едва я окажусь в зоне уверенного приема. Именно так они и поступили; но я никак *не* ожидал, что голоса их окажутся человеческими, а язык — несомненной разновидностью английского, хотя совершенно для меня непонятной. Я распознавал лишь одно слово из десяти, остальные звучали или совершенно непонятно, или неразборчиво из-за помех.

Когда из динамика послышались первые слова, я обо всем догадался. Я обнаружил не инопланетную расу негуманоидов, а нечто почти столь же потрясающее, но намного более безопасное для одинокого разведчика. Я установил контакт с одной из утерянных колоний Первой империи — с пионерами, покинувшими Землю в самом начале межзвездной экспансии пять тысяч лет назад. Когда империя рухнула, очень многие из этих изолированных групп или погибли, или скатились к варварству. А здесь, похоже, отыскалась уцелевшая колония.

Я заговорил с ними очень медленно, подбирая простейшие английские слова, но пять тысяч лет — очень долгий срок в жизни любого языка, и реальный разговор оказался невозможен. Контакт, несомненно, стал для них величайшим событием — и приятным, насколько я мог судить. Это не всегда так; в некоторых изолированных культурах, оставшихся после Первой империи, развилась активная ксенофобия, и, когда колонисты заново узнают, что не одиноки во Вселенной, у них едва не начинается истерика.

Мы безуспешно пытались общаться, и тут возник новый фактор, резко изменивший мое отношение. Из динамика послышался женский голос.

Я никогда не слышал столь замечательного голоса, и, думаю, даже не будь у меня за спиной одиноких космических недель, я все равно мгновенно бы в него влюбился. Очень низкий, но несомненно женский, он звучал столь тепло и ласкающе, что все мои чувства мгновенно взыграли. Я был настолько ошеломлен, что лишь через несколько минут осознал — я понимаю слова невидимой обольстительницы. Она говорила на версии английского, где каждое второе слово было мне понятно.

Короче говоря, очень скоро я узнал, что ее зовут Лайала и что она единственный на планете филолог, специализирующийся по примитивному английскому. Ее вызвали в качестве переводчика, едва был установлен контакт с моим кораблем. Похоже, везение мое продолжалось, ведь перевод-

чик запросто мог оказаться неким древним и седобородым ископаемым.

Шли часы, ее солнце становилось все крупнее, а мы с Лайалой — все более тесными друзьями. Время поджимало, и мне пришлось действовать быстрее обычного. Тот факт, что никто иной не мог понимать наши разговоры, позволял нам беседовать практически с глазу на глаз. И в самом деле, Лайала недостаточно хорошо знала английский, и это позволяло мне выходить сухим из воды после какой-нибудь двусмысленной фразы; я мог не опасаться, что зайду слишком далеко с девушкой, которая все сомнения решает в мою пользу, считая, что не поняла сказанное...

Нужно ли говорить, что я был очень и очень счастлив? Получалось, что мои личные и официальные интересы идеально совпадают, и лишь одна проблема меня слегка тревожила. Я еще не видел Лайалу. А что, если она окажется абсолютной уродиной?

Первую возможность решить эту важную проблему я получил за шесть часов до посадки. Я настолько приблизился к планете, что уже мог принимать телепередачи, и Максу потребовалось всего несколько секунд, чтобы проанализировать передаваемый сигнал и настроить приемник на корабле. Наконец-то я увидел первые изображения с поверхности планеты — и Лайалу.

Она оказалась столь же прекрасна, как и ее голос. Долгие секунды я просидел, уставясь на экран и не в силах вымолвить и слова. Наконец Лайала спросила:

— Что с вами? Неужели вы никогда не видели девушку?

Я был вынужден признаться, что видел, и не одну, но такую, как она,— никогда. Я с великим облегчением обнаружил, что она отреагировала на мои слова весьма благосклонно, и, похоже, ничто не преграждало нам дорогу к будущему счастью — если мы сумеем избежать армии ученых и политиков, которые окружат меня сразу после посадки. Наши надежды на уединение были весьма шаткими, причем настолько, что у меня даже появилось искушение нарушить

одно из своих самых незыблемых правил — я задумался о *женитьбе* на Лайале, если это окажется единственным для нас выходом. (Да, два месяца в космосе действительно повлияли на мою психику...)

Пять тысяч лет истории — десять тысяч, если приплюсовать еще и мои пять,— трудно сжать в несколько часов рассказа. Но, имея такого восхитительного наставника, я быстро впитывал знания, а все, что упускал я, Макс сохранял в своей бездонной памяти.

Аркадия, как очаровательно называлась их планета, располагалась на самой границе освоенного в ходе колонизации пространства; когда прилив имперской экспансии схлынул, о ней попросту забыли. Борясь за выживание, аркадцы утратили бóльшую часть научных знаний, включая секрет межзвездных перелетов. Они не могли покинуть пределы своей солнечной системы, но у них такого желания и не возникало. Это оказалась плодородная планета с низкой гравитацией — всего четверть земной,— что придало колонистам физическую силу, потребовавшуюся для строительства жизни, достойной названия планеты. Даже допуская, что Лайала несколько приукрасила рассказ о своей родине, она показалась мне весьма привлекательным местечком.

Желтое солнце Аркадии уже превратилось в диск, когда меня осенила замечательная идея. Меня очень тревожила мысль о комитете по встрече, и я внезапно понял, как смогу от него избавиться. План требовал содействия Лайалы, но в ней я к тому времени уже был уверен. Если вы не сочтете мои слова нескромностью, то могу сказать, что всегда умел обращаться с женщинами, а заочно ухаживать мне не впервой.

И вот за два часа до посадки аркадцы узнали, что дальние разведчики — существа очень робкие и подозрительные. Сославшись на предыдущий печальный опыт общения с враждебными культурами, я вежливо отказался войти, подобно мухе, в их паутину. Поскольку я прилетел один, то готов встретиться лишь с одним из них в некоем изолированном месте, которое еще предстоит выбрать. Если эта встре-

ча пройдет нормально, то я соглашусь полететь в их столицу, а если нет — вернусь, откуда прибыл. Надеюсь, они не сочтут такое поведение невежливостью, но я лишь одинокий путник вдали от дома и уверен, что они, как люди здравомыслящие, меня поймут...

Меня поняли. Выбор посланника был очевиден, и Лайала, отважно вызвавшись встретиться с монстром из дальнего космоса, в один миг стала всепланетной героиней. Своим встревоженным друзьям она пообещала, что свяжется с ними через час после того, как войдет в мой корабль. Я попытался уговорить ее на два часа, но она ответила, что это станет слишком подозрительно и даст завистникам повод распускать про нее сплетни.

Корабль уже пронзал атмосферу Аркадии, когда я неожиданно вспомнил про нарисованные уже в этом полете компрометирующие рисунки, и мне пришлось устроить торопливую приборку. (И все равно один довольно откровенный шедевр завалился за ящик с картами, и, когда несколько месяцев спустя его обнаружила команда обслуживания, я был готов провалиться сквозь палубу от смущения.) Когда я вернулся в рубку управления, экраны уже показывали пустую равнину, посреди которой меня ждала Лайала. Через две минуты я смогу обнять ее, вдохнуть аромат ее волос, ощутить ее податливое тело...

Я не стал утруждать себя наблюдением за посадкой, потому что мог положиться на Макса — он, как всегда, проделает свою работу безупречно. Я торопливо спустился к шлюзу и, собрав все остатки терпения, принялся ждать, когда распахнется отделяющий меня от Лайалы люк.

Мне показалось, что прошла целая вечность, пока Макс не завершил рутинную проверку атмосферы и не выдал сигнал: «Открывается наружный люк». Металлический диск еще двигался, когда я прыгнул в отверстие люка и коснулся наконец плодородной земли Аркадии.

Я помнил, что вешу здесь всего восемнадцать килограммов, поэтому, несмотря на нетерпение, двигался осторожно. И все же я позабыл, погрузившись в розовые мечты, что пониженная гравитация может сделать с человеческим телом за две сотни поколений. А на маленькой планете эволюция за пять тысяч лет способна потрудиться на славу.

Лайала ждала меня — столь же прекрасная, как и на экране. Но изображение отличала от оригинала одна мелочь, которую я на экране заметить никак не мог.

Я никогда не любил высоких девушек, а теперь люблю их еще меньше. Пожалуй, если бы мне этого до сих пор хотелось, я смог бы обнять Лайалу. Но я выглядел бы полным идиотом, стоя на цыпочках и обнимая ее вокруг коленей.

Лора стояла в тени пальм и смотрела на море. Она уже различала лодку Клайда — точечку у самого горизонта. Только это и нарушало безмятежное единство моря и неба. С каждой минутой точка увеличивалась, пока наконец не отделилась совершенно от края голубого купола, покрывающего весь этот мир. Теперь Лора уже видела Клайда на носу лодки, неподвижного, словно статуя. Одной рукой он держался за снасти. Лицо повернуто к берегу — верно, он пытался разглядеть ее среди густых теней.

— Где ты, Лора? — жалобно прозвучал его голос из радиобраслета, который он подарил ей в день помолвки.— Иди сюда! Помоги мне перетащить домой рыбу. Улов богатый.

«Ах вот как! — подумала Лора.— Вот зачем я должна была спешить на берег».

Чтобы проучить Клайда и заставить его как следует поволноваться, она не откликалась, пока он не повторил свой зов по крайней мере полдюжины раз. Но и тогда она не стала нажимать великолепную золотистую жемчужину, служившую кнопкой передач, а неторопливо вышла из тени больших деревьев и начала спускаться к морю.

Клайд смотрел на нее с укоризной. Но, спрыгнув на песок и привязав лодку, он поцеловал ее именно так, как ей хотелось. Потом они дружно принялись выгружать улов: катамаран был набит рыбой, крупной и мелкой. Лора морщила носик, но трудилась добросовестно, пока жертвы хитрости и умения Клайда не заполнили доверху санки-вездеходы, стоявшие на песке.

© Перевод В. Голанта.

Добыча и впрямь оказалась богатой. Лора с гордостью сказала себе: что-что, а голодать, когда она выйдет замуж за Клайда, ей не придется. Неуклюжие, покрытые панцирями обитатели морей на этой молодой планете, в сущности, не были настоящими рыбами. До того как они изобретут чешую, пройдет еще миллионов сто лет. Тем не менее существа эти были достаточно вкусными, а первые колонисты дали им названия, которые вместе со множеством других традиций привезли с незабытой Земли.

— Вот и все! — пробурчал Клайд, бросив в блестящую кучу довольно удачную имитацию лосося.— Пошли!

Не без труда найдя точку опоры, Лора прыгнула на вездеход сзади. Гибкие ролики завертелись на песке, потом обрели сцепление. Клайд, Лора и полцентнера отсортированной ими рыбы двинулись вверх по причесанному волнами берегу. Они одолели уже половину пути к дому, как вдруг в их простой, свободный от тревог мир ворвалось нечто, положившее конец привычному течению жизни.

Знамение этого конца было начертано на небе — казалось, гигантская рука провела меловую линию на голубом своде. Когда Клайд и Лора увидели этот сверкающий след, эту полосу пара, она уже кудрявилась по краям, превращаясь в клочья тумана.

Теперь до их слуха уже доносился с высоты во много километров звук, которого на их планете не слышали на протяжении нескольких поколений. Бессознательно схватившись за руки, они глядели на белоснежную борозду, прочеркнувшую небо, и прислушивались к резкому свисту с границ космоса. Опускавшийся корабль уже исчез за горизонтом, прежде чем они повернулись друг к другу и с трепетом прошептали волшебное слово: «Земля!»

После трехсотлетнего молчания Мать снова протянула руку и коснулась Талассы.

— Почему? — спрашивала себя Лора, когда миновал наконец затянувшийся миг озарения и затих крик разрывае-

мого воздуха.— Что произошло? Почему спустя столько лет корабль с могущественной Земли вдруг вторгся в этот тихий и безмятежный мир?

На единственном острове в океане, покрывавшем всю планету, не было места для новых колонистов, и Земля знала об этом достаточно хорошо. Ее автоматические суда-разведчики обследовали Талассу из космоса и нанесли ее на карту пятьсот лет назад, когда изучение звездных миров только начиналось. Задолго до того как сам человек отважился проникнуть в межзвездное пространство, его электронные слуги облетели планеты, вращающиеся вокруг иных солнц, и повернули домой, обремененные запасами знаний, подобно́ пчелам, спешащим в родной улей.

Один из таких разведчиков и открыл Талассу — маленький мирок с единственным большим островом, затерянным в безбрежном море. Когда-нибудь и здесь родятся материки, но Таласса была молодой планетой, и историю ее еще никто не написал.

На возвращение домой роботу понадобилось сто лет, и еще столько же лет дремали собранные им сведения в электронной памяти ги́гантских запоминающих устройств, хранящих всю мудрость Земли. Первые волны колонизации не коснулись Талассы. Сначала осваивались планеты более удобные́, не покрытые водой на девять десятых. Но пришло время — пионеры явились и сюда. В каких-нибудь двадцати километрах от места, где сейчас находилась Лора, ее предки впервые высадились на планете и сделали ее собственностью человека.

Они срыли холмы, распахали и засеяли почву, повернули реки, воздвигли города и заводы, жили и множились, пока позволяли естественные пределы острова. Таласса с ее плодородной почвой, морем, кишащим живыми существами, мягким климатом, с погодой, которую так легко предсказать, не слишком многого требовала от своих приемных детей. Наступательного духа хватило лишь поколения на два.

А потом колонисты работали ровно столько, сколько оказывалось необходимым, не больше того, тоскливо мечтали о Земле, но, удовлетворяясь своей участью, мало задумывались о будущем.

Когда Клайд с Лорой добрались до поселка, там только и было разговоров что о корабле. С северной оконечности острова сообщали, что звездолет уменьшил свою гигантскую скорость и на малой высоте движется в обратном направлении — по-видимому, команда выбирает место для посадки.

— У них, верно, старые карты,— сказал кто-то.— Ставлю десять против одного, что они сядут на холмах — там же, где и первая экспедиция.

Предположение выглядело правдоподобным, и через несколько минут весь имевшийся в селении транспорт ринулся на запад — по дороге, которой редко кто пользовался. Отец Лоры, как и подобало мэру такого важного культурного центра, каким был Палм-Бэй (население: 572 чел.; занятия: рыболовство, гидропоника; промышленность: отсутствует), ехал впереди на казенной машине. К сожалению, срок ежегодной покраски ее только еще приближался. Одна надежда, что гости не обратят внимания на то, что краска во многих местах отвалилась, обнажив металл. В сущности, автомобиль почти новый: Лора еще хорошо помнила оживление, вызванное его появлением лет тринадцать назад.

Маленький караван из легковых машин, грузовиков и пары едва поспевавших за ними саней-вездеходов для передвижения по песку перевалил через гребень холма и остановился подле плиты с полустертой от времени надписью — простой, но запоминающейся:

МЕСТО ПОСАДКИ
ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТАЛАССУ
1 ЯНВАРЯ НУЛЕВОГО ГОДА
(28 МАЯ 2626 г. н. э.).

— Первая экспедиция,— повторила про себя Лора.— Второй не было, но вот и она.

Корабль опускался так тихо, что люди не заметили, как он повис почти над их головами. Не было слышно рева двигателей — только шумели на деревьях листья, волнуемые потоком воздуха. Потом утихла и листва. Лоре подумалось, что блестящий предмет, опустившийся на траву, удивительно похож на большое серебристое яйцо, ждущее наседку, чтобы из него вывелось то новое, необычное, что нарушит мир Талассы.

— Такой маленький,— прошептал кто-то рядом с ней.— Не могли же они прилететь с Земли в этой штуке!

— Конечно нет,— тотчас же отозвался один из тех, кто в подобных случаях сам себя назначает экспертом.— Это только шлюпка, а корабль там, в космосе. Разве не помните — первая экспедиция...

— Ш-ш-ш,— прервал его третий голос.— Они выходят.

Протекло не больше времени, чем нужно, чтобы сердце ударило дважды. Корпус, лишенный швов, был гладким и ровным, и взгляд напрасно искал бы в нем хоть признаков отверстия. И вдруг возник овальный люк с коротким трапом, откинутым на землю. Казалось, ничто не шелохнулось, но вдруг стало сущим. Как именно — Лора понятия не имела, она приняла свершившееся без всякого удивления. Именно такого и следовало ждать от корабля, прибывшего с Земли.

В темном отверстии показались люди. Толпа не издала ни звука, когда пришельцы медленно вышли из корабля и остановились, хмурясь от ярких лучей незнакомого им солнца. Их было семеро — одни мужчины, и они совсем не выглядели сверхлюдьми, какими в воображении Лоры рисовались жители Земли. Правда, они были высокими, но лица с четкими чертами поражали худобой и такой бледностью, что кожа казалась прозрачно-белой. Вид у них был встревоженный, слегка растерянный, и это очень озадачило Лору. У нее мелькнула догадка, что посадка на Талассу могла быть непредвиденной и что, оказавшись на этой планете, гости удивлены не меньше, чем колонисты, собравшиеся приветствовать их.

Мэр Палм-Бэя, чувствуя, что наступил наивысший взлет его карьеры, вышел вперед, чтобы произнести речь, которую лихорадочно готовил с того момента, как выехал на автомобиле из селения. Но только он собрался открыть рот, сомнение, словно влажная губка, прошлось по его памяти, как по школьной доске, и стерло все заготовленные слова. Островитяне приняли как само собой разумеющееся то, что корабль прибыл с Земли. Но ведь это только предположение. Корабль вполне мог прилететь с какой-нибудь другой освоенной планеты — по меньшей мере дюжина таких колоний располагалась ближе к матери-Земле, чем Талласса. Смятение перед этими дипломатическими вопросами охватило отца Лоры, он только и смог вымолвить:

— Добро пожаловать на Талассу. Полагаю, вы с Земли?

Это «полагаю» принесло мэру Фордайсу бессмертие. Прошло целое столетие, прежде чем кто-то докопался, что мэр был не совсем оригинален, употребив это выражение*.

Во всей толпе встречающих, пожалуй, лишь одна Лора не расслышала утвердительного ответа. Это была английская речь, только за века, отделявшие Талассу от Земли, ставшая, видимо, более быстрой, чем раньше. Лора не расслышала, потому что в этот момент она впервые увидела Леона.

Он лишь сейчас вышел из корабля и, стараясь быть незаметным, присоединился к своим товарищам, стоявшим у трапа. Почему он задержался? Регулировал ли что-то в системе управления или же — это более вероятно — докладывал о ходе высадки командиру корабля-базы, который оставался в космосе, далеко за пределами атмосферы? Впрочем, Лора об этом не раздумывала, просто она не видела никого, кроме Леона.

Даже в это первое мгновение она уже знала, что жизнь ее никогда больше не будет прежней. Что-то новое и совершенно неведомое наполнило ее удивлением и страхом. Она

* Этот оборот имеется у Шекспира, правда, в несколько ином значении.

испугалась за свою любовь к Клайду. Удивилась тому незнакомому, что ворвалось в ее жизнь.

Леон был ростом поменьше своих товарищей, но покрепче их, он выглядел сильным, владеющим какими-то особыми знаниями. Его глубоко сидевшие темные и очень живые глаза выделялись на резко очерченном лице, которое никто не назвал бы красивым, хотя Лоре оно показалось неотразимо привлекательным. Перед ней стоял мужчина, видевший такое, чего она и представить себе не могла, побывавший, быть может, в сказочных городах Земли, ходивший по их улицам. Что ему делать здесь, на затерянной в космосе Таласссе? Почему у его пытливых глаз залегли морщинки тревоги и беспокойства?

Один раз он даже посмотрел в ее сторону, но взгляд этот не остановился на ней. Теперь взгляд его вернулся, словно подстегнутый памятью, и он впервые ощутил присутствие Лоры, которая не отрывала от него взора. Их глаза встретились, перекинув мост через бездны времени, пространства и опыта. Со лба Леона сбежали морщины тревоги, напряженное выражение лица смягчилось — он улыбнулся.

Речи, банкеты, приемы и интервью затянулись до сумерек. Леон очень устал, но мысли его были слишком возбуждены, чтобы он мог уснуть. После напряжения последних недель — с того момента, как его разбудил колокол громкого боя и он ринулся вместе со своими товарищами на борьбу за спасение раненого корабля,— было непросто осознать, что опасности больше нет. Им здорово повезло, что так близко оказалась обитаемая планета! Если даже не удастся починить корабль и закончить полет, до завершения которого оставалось еще двести лет, они, во всяком случае, будут находиться среди друзей. Ни один потерпевший кораблекрушение, будь то в море или в космосе, не мог рассчитывать на большее.

Ночь стояла прохладная, тихая, на небе сверкали непривычные звезды. Но были там и старые друзья, хотя знакомые очертания созвездий изменились. Вот могучий Ригель, он нисколько не потускнел из-за того, что лучу его приходится преодолеть много добавочных световых лет, прежде чем он достигнет глаз Леона. А это вот, должно быть, гигантский Канопус, который располагается почти на одной линии с той звездной системой, куда они держали путь; на одной линии, но так далеко, что, даже когда они достигнут своей новой родины, он будет светить им не ярче, чем с земного неба.

Леон тряхнул головой, словно хотел освободиться от парализующего и завораживающего видения бесконечности. «Забудь о звездах,— сказал он себе.— Скоро ты снова встретишься лицом к лицу с ними. Держись за этот маленький мирок, пока ты находишься в нем, даже если он окажется только пылинкой на пути между Землей, которую ты никогда больше не увидишь, и целью путешествия, которой ты достигнешь через двести лет».

Друзья его уже спали, усталые и довольные,— они имели на то право. Он тоже отдохнет, как только его смятенный дух позволит уснуть. Но сначала ему нужно взглянуть на мирок, куда закинула его судьба, на этот населенный родичами оазис в пустыне космоса.

Он вышел из длинного одноэтажного дома, наспех подготовленного к приему нежданных гостей, и оказался на единственной улице Палм-Бэя. Улица была пуста, хотя в домах еще слышалась убаюкивающая музыка. Жители селения, видимо, привыкли рано укладываться спать, а может быть, их утомили волнения и хлопоты, связанные с ролью гостеприимных хозяев. Впрочем, Леон был этому рад, ему хотелось побыть одному, пока бег его мыслей наконец не замедлится.

Рокот моря в ночной тишине увлек его в сторону от пустынной улицы. Вскоре огни селения исчезли. Под пальмами было темно, но меньшая из двух лун Таласссы высоко стояла над горизонтом в южной части небосклона, и ее странный

желтый свет служил ему отличным проводником. Миновав узкий пояс деревьев, он увидел за круто спускавшимся пляжем океан, покрывавший почти всю эту планету.

У кромки воды виднелся ряд рыбачьих лодок, и Леон медленно направился к ним; его интересовало, как таласские мастера решали одну из древнейших задач, постоянно вставших перед человечеством. Он придирчиво осмотрел изящные корпуса из пластика, узкие балансиры, механические вороты для вытаскивания сетей, компактные маленькие моторы, радио с пеленгаторами. Простота этой техники, доходящая почти до примитивности, но прекрасно приспособленная к местным условиям, глубоко тронула его. Трудно было представить более разительный контраст со сложными лабиринтами могучего корабля, повисшего у него над головой. Леон усмехнулся, мелькнула забавная мысль: а ведь здорово было бы швырнуть за борт годы, потраченные на учебу и тренировку, и сменить жизнь специалиста по двигателям звездолета на нетребовательное существование мирного рыбака. Нужен ведь им кто-то, способный держать суда в порядке, а он еще, может быть, придумает кое-какие усовершенствования.

Леон тут же отбросил розовую мечту, не тратя времени на обсуждение ее очевидной нелепости, и пошел вдоль полосы пены, отмечавшей место, где волны, набегавшие на берег, лишались последних сил. Под ногами хрустели остатки живых существ, рожденных этим молодым океаном,— раковины и щитки, какими, возможно, были усеяны миллиард лет назад берега земных морей. Вот эту, например, туго закрученную известковую спираль он почти наверняка видел в каком-то музее. А почему бы и нет: природа бесконечно повторяла в одном мире за другим любую конструкцию, если она соответствовала своему назначению.

По восточной части небосклона быстро распространялось желтоватое сияние. На глазах у Леона ближайшая к планете луна — Селена — поднялась над горизонтом. Надвигалось полнолуние. С удивительной быстротой диск Селены выкарабкался из моря, внезапно залив светом весь берег.

И в этот сияющий миг Леон увидел, что он не один.

Метрах в пятидесяти дальше по берегу в лодке сидела девушка. Спиной к нему, лицом к морю, видимо не замечая Леона. Он заколебался: не хотелось нарушать ее уединения, к тому же он совсем не знал местных нравов. В такое время, в таком месте... вероятно, она ждет кого-нибудь. Пожалуй, самое правильное и тактичное — потихоньку вернуться в селение.

Однако было уже поздно. Словно разбуженная новым светом, разлившимся по берегу, девушка подняла голову и увидела его. С неторопливой грацией она встала в лодке, не выказывая никаких признаков тревоги или досады. Если бы в свете луны Леон смог разглядеть ее лицо, он с изумлением заметил бы, что оно озарилось спокойствием осуществившегося желания.

А ведь всего двадцать часов назад Лора возмутилась бы, если бы ей сказали, что она станет искать встречи с совершенно незнакомым мужчиной здесь, на пустынном берегу, да еще в такое время, когда все ее близкие спят. Даже и сейчас она, верно, попыталась бы дать своим поступкам разумное объяснение, стала бы уверять, что не могла уснуть и решила прогуляться. Но в тайниках души она знала, что это неправда. Весь день ее преследовал образ молодого инженера. Его должность и имя она выведала у друзей, не возбудив, как ей казалось, чрезмерного любопытства.

Она увидела, как он выходил из дома для гостей, вовсе не по счастливой случайности — весь вечер она следила за ним с крыльца резиденции своего отца на другой стороне улицы. И конечно же, не везение, а сознательный и тщательный расчет привел ее сюда, к этому месту, как только она поняла, куда направляется Леон.

Он остановился метрах в трех-четырех. Узнал ли он ее? Догадался ли, что встреча не случайна? На мгновение сме-

лость покинула Лору, но отступать было некуда. А он улыбнулся странной, чуть асимметричной улыбкой, сразу осветившей лицо и сделавшей его еще моложе, чем он был на самом деле.

— Привет,— сказал он.— Не думал, что встречу кого-нибудь так поздно. Надеюсь, я не помешал вам.

— Конечно нет,— ответила Лора, следя, чтобы голос не дрогнул и не выдал ее.

— Я с корабля. Захотелось взглянуть на Талассу, пока я здесь.

Лицо Лоры омрачилось. Ее внезапная печаль поразила Леона — ведь никакой причины для этого не было. Но тут память услужливо подсказала ему, что он уже видел эту девушку. Он догадался, почему она здесь. Это ведь та самая девушка, которая улыбнулась ему, когда он ступил на почву Талассы; впрочем, нет, это он улыбнулся ей...

Говорить, казалось, было не о чем. Они смотрели друг на друга через лежащую между ними полоску песка и удивлялись чуду, которое свело их в бесконечности времени и пространства. Потом, словно сговорясь, оба очутились на планшире рыболовного судна, все еще не произнеся ни слова.

«Безумие,— сказал себе Леон.— Что я тут делаю? Какое право имею я, странник, прохожий в этом мире, врываться в жизнь его людей? Я должен попросить прощения и уйти, оставить эту девушку берегу и морю. Все здесь по праву рождения принадлежит ей, а не мне».

Но он не ушел. Яркий диск Селены поднялся над морем на целую ладонь, когда он спросил наконец, как ее имя.

— Я — Лора,— ответила она мягким говорком островитян, который было приятно слушать, но не всегда легко понять.

— А я — Леон Карелл, помощник корабельного инженера звездолета «Магеллан».

При этих словах на лице ее мелькнула улыбка, и Леон проникся уверенностью, что она уже знает его имя. То, что затем пришло ему в голову, конечно же, не имело отношения к происходившему с ним сейчас: всего несколько минут назад он чувствовал себя смертельно усталым и собирался вернуться, чтобы наконец уснуть. Теперь ему совсем не хотелось спать, он был полон бодрости и как бы стоял на пороге неведомых приключений, исход которых не мог предугадать.

Однако предугадать следующий вопрос Лоры было нетрудно: «Как вам понравилась Таласса?»

— Дайте мне время осмотреться,— ответил Леон.— Я видел только Палм-Бэй, да и то далеко не весь.

— Вы останетесь здесь... надолго?

Пауза была едва заметной, но ухо Леона уловило ее. Значит, этот вопрос важен для нее.

— Толком не знаю,— сказал он честно.— Зависит от того, сколько продлится ремонт.

— А что испортилось?

— О, мы налетели на какую-то штуку, которая оказалась чересчур велика для нашего защитного экрана, принимающего удары метеоритов. Бум! — и конец нашему экрану. Так что придется изготовить новый.

— Думаете, что это можно сделать здесь?

— Надеемся. Главная трудность — это поднять около миллиона тонн воды к «Магеллану». Хорошо, что Таласса свободно может пожертвовать этим миллионом тонн.

— Воды? Непонятно.

— Вы, конечно, знаете, что звездолет несется со скоростью, близкой к световой. И все-таки нужны годы и годы, чтобы попасть куда-нибудь, так что приходится прибегать к гибернации, предоставляя управление кораблем автопилотам.

Лора кивнула головой — разумеется, именно таким образом и добирались сюда ее предки.

— Скорость не проблема, если б космос был действительно пуст, но это не так. Каждую секунду полета корабль сталкивается с тысячами атомов водорода, частицами пыли, а иногда и крупными обломками. При субсветовой скоро-

сти весь этот космический лом бьет по звездолету с огромной энергией и может попросту сжечь его. Поэтому примерно в двух километрах впереди нас движется щит, он-то постепенно и сгорает вместо корабля. Существуют в вашем мире зонтики?

— Ну да,— протянула Лора, озадаченная этим непоследовательным вопросом.

— Тогда звездолет можно сравнить с человеком, который шагает под ливнем, опустив голову и прикрывшись зонтиком. Дождь — это космическая пыль в межзвездных пространствах: нашему кораблю не повезло, и он потерял зонтик.

— И вы можете сделать новый из воды?

— Да, это самый дешевый строительный материал во Вселенной. Мы замораживаем ее, превращаем в айсберг и посылаем его впереди корабля. Что может быть проще?

Лора не ответила. Мысли ее пошли, видимо, по новому пути. Потом она сказала так тихо и невнятно, что Леону пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова, заглушаемые шумом прибоя.

— И вы покинули Землю сто лет назад?

— Сто четыре. Разумеется, нам кажется, что это было всего несколько недель тому назад, потому что все мы были погружены в глубокий сон, пока автопилот не разбудил нас. Все колонисты находятся еще в состоянии гибернации. Они не знают, что случилось с кораблем.

— И вы скоро присоединитесь к ним, заснете и будете спать всю дорогу к звездам?

Леон кивнул головой, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Да, это так. Высадка на планету задержится на несколько месяцев, но какое это имеет значение для путешествия, длящегося триста лет?

Лора повела рукой, показывая на остров, расстилавшийся за ними, потом на безбрежное море, у которого они стояли.

— Так странно, что ваши спящие друзья там, наверху, ничего этого не увидят. Мне жаль их.

— Да, только мы, пятьдесят инженеров, сможем вспомнить Талассу. Все остальные, там, в звездолете, узнают о нашей остановке только из записи в судовом журнале, притом вековой давности.

Он взглянул на Лору и увидел, что лицо ее стало печальным.

— Почему это вас огорчает?

Она покачала головой не в состоянии ответить. Как выразить чувство одиночества, разбуженное в ней словами Леона? Жизнь людей, их надежды, их страхи значат так мало по сравнению с невообразимыми пространствами, которые они осмеливаются преодолевать. Ее ужасала мысль об этом трехсотлетнем путешествии, не завершенном еще и наполовину. А ведь в ее жилах текла кровь пионеров, тех, кто достиг Талассы таким же путем несколько веков назад.

Ночь перестала быть другом. Лоре вдруг захотелось домой, в тепло семьи, в маленькую комнатку. Все, что там находится, принадлежит Лоре, это и есть тот знакомый мирок, который ей нужен. Холод космоса замораживал ее сердце. Теперь она уже жалела о своем безумном поступке. Пора, давно пора уходить.

Они поднялись, и Лора с изумлением заметила, что лодка, на которой они сидели, была лодкой Клайда. Лоре подумалось: странно, что она невольно пришла именно к этому суденышку, хотя вдоль берега вытянулся такой ряд лодок, что из них составилась бы целая флотилия. При мысли о Клайде ее охватило чувство неуверенности, даже какой-то вины. Ни разу в жизни она не думала ни об одном мужчине, кроме него, разве что случайно, на мгновение. Теперь она не могла притворяться перед собой.

— Что с вами? — спросил Леон.— Вам холодно? — Он протянул ей руку. Лора бессознательно повторила его жест, и пальцы их впервые встретились. Она рванулась в сторону, как испуганное животное.

— Нет, все о'кей,— ответила она почти сердито.— Просто поздно, мне пора домой. До свидания!

Ее порывистость, внезапно холодный тон поразили Леона. Неужели он сказал ей что-нибудь обидное?

— Я еще увижу вас? — спросил он вдогонку быстро удалявшейся девушке.

Если она и ответила, то шум прибоя заглушил слова. Он смотрел ей вслед. Удивленный, слегка обиженный, он раздумывал, и не впервые в жизни, над тем, как трудно понять женщину.

Хотел было догнать ее и повторить вопрос, но что-то подсказывало ему, что в этом нет надобности. Они встретятся вновь — это так же верно, как то, что завтра взойдет солнце.

Над жизнью острова царил теперь раненый гигант, повисший в космосе на высоте в полторы тысячи километров.

После заката и перед рассветом, когда мир погружался во мрак, которого не могли преодолеть лучи солнца, «Магеллан» сверкал на небе, подобно яркой звезде — самой яркой из всех светил, если не считать, разумеется, двух лун. Но и тогда, когда он становился невидимым в свете дня или когда на него наползала тень Талассы, звездолет стоял перед глазами жителей.

Было трудно поверить, что только пятьдесят человек, разбуженных из всего состава команды (к тому же не более половины их находилось на Талассе одновременно), могли до такой степени оказываться повсюду. Космонавты вечно куда-то бежали группами по два-три человека, а если не бежали, то летели на маленьких антигравитационных скутерах, проносились так бесшумно и так низко над землей, что жить в селении стало просто опасно. Несмотря на самые настойчивые приглашения, гости не принимали пока никакого участия в культурной и общественной жизни острова. Они вежливо, но твердо объяснили, что, пока не обеспечат безопасность дальнейшего пути корабля, у них ни на что не будет времени. Потом — разумеется, но не сейчас...

И вот Талассе пришлось набраться терпения и ждать, пока земляне устанавливали свои приборы, производили съемки, глубоко бурили горные породы и ставили десятки опытов, не имевших, казалось, никакого отношения к их задаче. Иногда они проводили краткие совещания с учеными самой Талассы, но обычно держались в своем кругу. Не то чтобы они проявляли недружелюбие или чуждались островитян. Просто земляне трудились с таким яростным и целеустремленным напряжением, что никого и ничего вокруг не замечали.

Прошло два дня с первой встречи, прежде чем Лора снова заговорила с Леоном. Иногда она видела его быстро шагающим по селению, в руках он тащил туго набитый портфель. Лицо было озабоченным. При встрече они обменивались только мимолетными улыбками. Но и этого было достаточно, чтобы привести ее в смятение, лишить равновесия, отравить отношения с Клайдом.

С тех пор как она себя помнила, Клайд был частью ее жизни: бывало, что они ссорились, иногда спорили, но никогда никто не посягал на то место, которое он занимал в ее сердце. Она собиралась через несколько месяцев выйти за него замуж, но теперь отнюдь не была уверена даже и в этом, да и вообще ни в чем не была уверена.

«Потеряла голову» — недобрые слова, которые ей до сих пор доводилось относить только к другим. Но как еще назвать это стремление быть с человеком, который ворвался в ее жизнь внезапно, ниоткуда и оставит ее через несколько дней или недель? Конечно, ее влечение к нему можно отнести на счет его романтического происхождения, но это мало что объясняет. Среди землян были люди и покрасивее Леона, но она видела лишь его и жизнь могла иметь смысл только подле него.

К концу первого дня о чувствах Лоры догадались только в ее семье, к исходу второго каждый встречный понимающе улыбался ей. В такой тесной, жадной до новостей общине,

как Палм-Бэй, невозможно было хранить что-либо в секрете. Лора понимала, что и пытаться не стоит.

Вторая ее встреча с Леоном была случайной — в той мере, в какой такие вещи вообще могут быть случайными. Она помогала отцу отвечать на письма и запросы, потоком хлынувшие в Палм-Бэй после прибытия землян, и как раз разбиралась в своих записях, когда дверь кабинета открылась. За последние дни она отворялась так часто, что Лора уже перестала оглядываться; приемом посетителей ведала младшая сестра, она и встречала их. И вдруг Лора услышала голос Леона. Строчки заплясали перед глазами, она перестала понимать, что читает, казалось, все это написано на чужом языке.

— Могу я видеть мэра?

— Разумеется, мистер?..

— Помощник корабельного инженера Карелл.

— Я позову его. Садитесь, пожалуйста.

Леон устало опустился в старинное кресло — лучшее из того, что могла предложить нечастым посетителям приемная мэра, и только тогда заметил, что Лора молча смотрит на него с другого конца комнаты. Усталость слетела с него, он вскочил с кресла:

— Привет, я не знал, что вы работаете здесь.

— Я живу здесь. Мэр — мой отец.

Это важное сообщение, видимо, не произвело особого впечатления на Леона. Он подошел к письменному столу и взял в руки толстенную книгу, которую Лора читала, урывая время от своих секретарских обязанностей.

— «Краткая история Земли,— прочел он.— От зарождения цивилизации до начала эпохи межзвездных полетов». И все это на какой-то тысяче страниц! Жаль, что она заканчивается за три сотни лет до наших дней.

— Надеемся, что вы скоро дополните ее. С тех пор как книга написана, произошло много событий?

— Достаточно, чтобы заполнить примерно пятьдесят библиотек. Прежде чем покинуть Талассу, мы оставим вам ко-

пии всех наших летописей, так что ваши учебники истории будут отставать от жизни всего лишь на сто лет.

Они словно ходили вокруг да около единственной важной для них темы: когда мы увидимся снова? Мысли Лоры метались, молотком стучали в виски и не могли превратиться в слова. Что это? Нравлюсь я ему? Или это любезный разговор воспитанного человека?

Отворилась внутренняя дверь, и из своего кабинета в приемную вышел мэр.

— Сожалею, что заставил вас ждать, мистер Карелл,— извинился он,— но на проводе был президент — он прибудет сегодня после полудня. Чем могу быть полезен?

Лора изо всех сил делала вид, что работает, но, пока Леон излагал послание капитана «Магеллана», напечатала восемь раз одну и ту же фразу. Впрочем, когда он умолк, она знала немногим больше, чем до того, как он начал говорить. Кажется, речь шла о том, что инженеры со звездолета хотели построить какую-то установку на мысе примерно в полутора километрах от селения. Им нужно было лишь получить согласие мэра.

— О, конечно,— с чувством ответил мэр Фордайс, всем своим видом давая понять, что для гостей он готов на все.— Действуйте, этот участок никому не принадлежит, там никто не живет. А что именно собираетесь вы там сделать?

— Мы сооружаем антигравитационное устройство, и генератор необходимо закрепить в скале. Возможно, что, когда он начнет действовать, на первых порах будет немного шумно, но я не думаю, чтоб этот шум очень мешал жителям селения. Разумеется, как только все будет кончено, мы демонтируем установку.

Лора невольно восхитилась выдержкой отца. Она прекрасно знала: отец мало что понял в просьбе Леона, так же как она сама, но, глядя на него, никто не догадался бы об этом.

— Что ж, чудесно — рады помочь, чем можем. Не будете ли вы добры сообщить капитану Голду, что президент прибы-

вает сегодня в пять часов пополудни? Я пошлю за ним свою машину. Прием состоится в пять тридцать в зале собраний Палм-Бэя.

Когда Леон, поблагодарив мэра, вышел, Фордайс подошел к дочери и взял в руки тоненькую пачку писем, которые она перепечатала, возможно, не слишком точно.

— Он кажется приятным, этот молодой человек,— сказал мэр,— но благоразумно ли слишком увлекаться им?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Что ты, Лора! Я ведь все-таки твой отец и не совсем лишен наблюдательности.

— Он,— тут Лора заносчиво фыркнула,— ничуточки не интересуется мной.

— А ты? Интересуешься им?

— Сама не знаю. О, папочка, я так несчастна!

Мэр Фордайс не был храбрецом. Он сделал все, что мог,— пожертвовал своим носовым платком и укрылся в кабинете.

Перед Клайдом впервые в жизни встала проблема, к решению которой он не знал как и подступиться, к тому же тут не могли помочь никакие прецеденты — их попросту не было. Всем известно, что Лора — его девушка. Если бы его соперником оказался кто-нибудь из парней селения или любой другой местности Талассы, Клайд не сомневался бы, как ему надлежит действовать. Но закон гостеприимства и прежде всего тот восхищенный трепет, который, естественно, внушало все связанное с Землей, мешали ему вежливо попросить Леона обратить свои взоры в другую сторону. Ему это было бы не впервой, и до сих пор подобные объяснения проходили без всяких затруднений. Возможно, потому, что рост Клайда превышал сто восемьдесят сантиметров, ширина плеч соответствовала росту и при весе в сто килограммов во всем его теле не было и грамма лишнего жира.

За долгие часы, которые он проводил теперь в море, не столько занимаясь рыбной ловлей, сколько предаваясь грустным размышлениям, Клайд тешил себя мечтами о короткой,

решительной схватке с Леоном. Она отняла бы немного времени, потому что Леон хоть и не выглядел таким тощим, как все эти земляне, но был тоже бледный и утомленный, как и они. Куда ему тягаться с Клайдом, человеком, привыкшим к физической нагрузке. Но тут-то и беда: такую схватку нельзя назвать честной игрой. Клайд прекрасно понимал, что в случае драки с Леоном общественное мнение Талассы окажется не на его стороне, как бы прав он ни был.

А прав ли он действительно? Этот мучительный вопрос тревожил Клайда, как тревожил бесчисленное множество мужчин до него. Леон стал в доме мэра совсем своим; всякий раз как Клайд заходил к Фордайсам, он заставал там землянина, явившегося под каким-нибудь предлогом. Клайд никогда прежде не страдал от ревности, и симптомы ее отнюдь не доставили ему удовольствия.

Но воспоминание о бале все еще бесило его. Бал этот был самым крупным событием в светской жизни селения за много лет. Едва ли в истории Палм-Бэя повторится что-либо подобное. Чтобы в селении одновременно оказались президент Талассы, половина совета и пятьдесят гостей с Земли — такое вряд ли случится еще раз по сю сторону вечности.

Несмотря на свой рост и мощь тяжеловеса, Клайд был хорошим танцором — особенно в паре с Лорой. Но в тот вечер у него почти не было шансов доказать это: Леон слишком усердно показывал ей фигуры новых танцев Земли (новых, если не принимать во внимание, что на Земле увлекались ими сто лет назад, хотя, впрочем, мода на них могла возродиться, и тогда эти танцы и впрямь последняя новинка сезона). По мнению Клайда, техника Леона никуда не годилась, танцы были уродливы, а интерес, который проявляла к ним Лора, просто смехотворен.

У него не хватило ума промолчать, и он, как только представилась возможность, тут же выложил все Лоре. И это был последний танец, который он танцевал с ней в тот вечер. С этого момента Лора попросту не замечала его, как будто он совсем не приходил на бал. Он терпел этот бойкот, сколько

хватило сил, а затем отправился в бар с совершенно определенной целью. Цели он достиг довольно быстро и только на следующее утро, проспавшись, узнал, как много потерял.

Танцы закончились рано. Потом президент произнес короткую речь — третью за вечер. Он представил собравшимся командира звездолета и обещал им небольшой сюрприз. Капитан Голд оказался столь же лаконичен: сразу было видно, что это человек, привыкший командовать, а не ораторствовать.

— Друзья,— начал он,— вы знаете, почему мы здесь, и мне незачем говорить вам, как высоко ценим мы ваше гостеприимство и любезность. Мы вас никогда не забудем и жалеем лишь о том, что у нас не хватило времени для более тесного знакомства с вашим чудесным островом и его жителями. Я надеюсь, вы простите нам многое, что могло показаться невниманием или невежливостью с нашей стороны. Мы были слишком заняты, все наше время было отдано ремонту корабля, а помыслы — безопасности наших спутников.

В конечном счете несчастный случай, приведший нас сюда, может оказаться счастливым для обеих сторон. Эта встреча укрепила наш дух, мы увезем с собой наилучшие воспоминания. То, что мы видели здесь, послужит нам примером. Да станет тот мир, который ждет нас в конце путешествия, такой же прекрасной родиной человека, в какую вы превратили Талассу.

Прежде чем вновь отправиться в путь, мы сочтем приятным долгом передать вам все материалы, которые помогут заполнить пробел в ваших знаниях из-за длительного отсутствия контакта с Землей. Мы приглашаем историков и других ученых Талассы посетить завтра наш корабль, мы предоставим им возможность скопировать любые из лент, содержащих информацию. Надеемся, что оставленное нами наследство обогатит многие поколения жителей вашего мира. Это максимум того, что мы можем сделать.

Но сегодня вечером история и иные науки пусть подождут. У нас есть и другие сокровища. За века, протекшие с тех пор, как ваши предки покинули планету-мать, жители Земли создали много прекрасного. И эти творения мы оставим Талассе, прежде чем отправимся в путь. Внемлите же теперь!

Огни померкли, заиграла музыка. И все, кто был в зале, понимали, что никогда не забудут этого мгновения. Оцепенев, слушала Лора созвучия, рожденные людьми за века разлуки. Время было побеждено, его не существовало. Она даже не замечала, что Леон, стоявший рядом, взял ее за руку,— поток музыки нес их обоих.

Она никогда не слыхала ничего подобного — это принадлежало всей Земле и ей одной. Гул колоколов медленно поднимался над шпилями старинных соборов и медленно таял в вышине; пели терпеливые лодочники, гребя домой наперекор волнам при последних лучах заходящего солнца,— пели на тысяче языков, теперь забытых навсегда; гремели марши армий, идущих сражаться, но их ярость и боль уже умиротворило время; звучали приглушенные голоса десятимиллионных городов, просыпающихся на рассвете; вставала неподвижная, холодная пляска северного сияния над бесконечными пустынями льда; ревели могучие двигатели, вздымая огромные корабли к звездам. Все это слышала Лора в музыке и песнях, принесенных из ночи,— песнях далекой Земли, дошедших до нее через световые годы...

Чистое сопрано, то парящее высоко-высоко, как птица, на пределе слышимости, то устремляющееся вниз, к земле, вело жалобу без слов, раздирая сердца слушателей. Это была погребальная песня любви, утраченной людьми в пустыне космоса, отпевание друзей и родного дома, воспоминание о которых в конце концов должно изгладиться из памяти, потому что космонавты никогда больше не увидят их. Это была песня, обращенная ко всем покинувшим Землю, одинаково понятная и тем, кого отделяли от родной планеты двенадцать

колен, и тем скитальцам, которым казалось, что они покинули ее города и поля всего несколько недель назад.

Музыка утонула во мраке. С незрячими от слез глазами жители Талассы начали молча расходиться. Но Лора не пошла домой. Для нее существовала одна-единственная защита от пронзительного одиночества. И она обрела эту защиту в теплом мраке леса, в кольце рук Леона. Подобно путникам, затерянным во враждебных дебрях, они искали тепла и утешения у костра любви. Пока он пылал, были не страшны ночные тени. Вселенная, со всеми звездами и планетами, стала безобидной игрушкой в их ладонях.

Леон никак не мог осознать до конца, что все происходящее реально. Несмотря на опасность, занесшую его сюда и потребовавшую такого напряжения всех сил, ему то и дело казалось, что в конце путешествия Таласса станет лишь сном, приснившимся в долгую ночь. И ему никогда не удастся проверить, было ли все так или не было. А эта страстная и обреченная любовь — он не просил о ней, она сама пришла к нему. Но у кого, говорил он себе, достало бы сил отказаться от нее на этой мирной приветливой планете после тревог, не отпускавших ни на минуту столько недель.

Когда ему удавалось оторваться от дел, он подолгу гулял с Лорой в полях, вдали от селения — там редко появлялись люди и тишину нарушали лишь роботы, обрабатывавшие пашни. Часами Лора расспрашивала его о Земле — и никогда о планете, к которой направлялся «Магеллан». Леон понимал, почему это так, и не уставал рассказывать ей о мире, который называли «родным домом» не только жители Земли, но и множество людей, никогда его не видевших.

Лора была жестоко разочарована, узнав, что эпохе городов давно пришел конец. Напрасно рассказывал ей Леон о децентрализованной цивилизации, которая распространилась теперь на всю планету — от полюса до полюса. Думая о Земле, Лора по-прежнему представляла себе только города-гиганты, такие как Чандригар, Лондон, Астроград, Нью-

Йорк. И ей никак не верилось, что они исчезли навсегда вместе с образом жизни, символом которого служили.

— Когда мы покидали Землю,— объяснял Леон,— самыми крупными населенными пунктами были университетские города вроде Оксфорда, Анн-Арбора или Канберры. Некоторые из них насчитывают по пятьдесят тысяч студентов и профессоров. На Земле не осталось других городов, имеющих хотя бы половину их населения.

— Но что произошло с ними?

— О, тут действовала не одна причина. Началось с развития средств связи. Как только каждый житель Земли получил возможность слышать и видеть любого с помощью простого нажатия кнопки, надобность в городах в основном исчезла. А с изобретением антигравитации оказалось совсем нетрудным передвигать по небу товары или дома, не беспокоясь о географии. Это завершило покорение пространства, начатое самолетом несколькими веками ранее. Люди стали жить, где кому нравится, и города ушли в прошлое.

Лора не сразу заговорила. Она лежала на дерновой скамье, следя за пчелой, предки которой, так же как и ее собственные, были уроженцами Земли. Пчела безуспешно пыталась извлечь нектар из цветка, принадлежавшего к растительному миру самой Талассы. На этой планете еще не появлялись собственные насекомые, и немногочисленные разновидности местных цветов пока не изобрели приманок для воздушных гостей.

Неудачница пчела отказалась от безнадежных попыток и улетела, сердито жужжа. Лора надеялась, что у нее хватит здравого смысла повернуть к фруктовым садам, где она найдет более отзывчивые цветы. Когда наконец девушка заговорила, она высказала мечту, которая прельщала человечество целое тысячелетие.

— Как ты думаешь,— задумчиво спросила она,— удастся ли нам когда-нибудь пробиться сквозь световой барьер?

Леон улыбнулся, понимая, куда ведут ее мечты. Летать быстрее света означало возможность посещать Землю, а затем

возвращаться в тот мир, где ты родился, и находить друзей еще живыми — об этом хоть когда-нибудь да грезил каждый колонист. Во всей истории человечества не было проблемы, на решение которой потрачено столько усилий — увы! — совершенно безрезультатно.

— Не думаю,— сказал он.— Если б была хоть малейшая возможность, кто-нибудь додумался бы, как надо поступить. Нет, приходится идти длинным путем, потому что короткого нет. Так построена Вселенная, и с этим уже ничего не поделать.

— Но можно ведь, по крайней мере, поддерживать связь?

Леон кивнул.

— Это верно,— сказал он,— мы стараемся. Не знаю, что стряслось,— вы давно уже должны были получить вести с Земли. Мы отправляем во все наши колонии роботов с подробной историей всего происшедшего на Земле до момента их отлета и с просьбой прислать тем же путем отчет о событиях на той планете. Когда информация прибывает на Землю, ее размножают и отсылают со следующим автокурьером. Так мы наладили нечто вроде межзвездной службы информации с центром на Земле. Конечно, она работает медленно, но иных возможностей нет. Если последний автокурьер, посланный на Талассу, пропал, то вслед за ним лет через двадцать — тридцать должны были послать следующего.

Лора попыталась представить себе обширную информационную сеть, охватывающую звездные системы, автокурьеров, снующих между Землей и ее рассеянными по Вселенной детьми, и удивилась, как это позабыли о Талассе. Но сейчас, когда рядом с ней был Леон, все казалось неважным. Он здесь, а Земля и звезды далеко. Далеко было и до завтра, какие бы беды оно ни сулило...

К концу недели на вдававшемся в море скалистом мысе пришельцы построили приземистую, прочно укрепленную пирамиду из металлических ферм. Внутри помещался какой-то таинственный механизм. Лора и остальные 571 жи-

тель Палм-Бэя да еще несколько тысяч приезжих талассцев наблюдали за первым испытанием. Впрочем, ближе чем на 400 метров подходить к сооружению запрещалось — предосторожность, вызвавшая немалую тревогу среди тех островитян, которые обладали не слишком крепкими нервами. Хорошо ли знают земляне, что делают? Не ровен час что-нибудь случится... Да и что именно они там задумали?

Леон вместе со своими друзьями что-то делал внутри металлической пирамиды. Шли последние приготовления. «Приближенное фокусирование»,— как объяснил он Лоре, кратко, но невразумительно. Лора, как и все другие островитяне, охваченная тревогой непонимания, следила издали за землянами. Вот они покинули свое сооружение, направились к краю скалы, на которой оно было воздвигнуто, и остановились, глядя вдаль. Силуэты маленькой группы людей четко вырисовывались на фоне океана.

В двух километрах от берега с водой творилось нечто странное. Казалось, что там начинается шторм, однако на совсем небольшом участке, радиусом всего лишь в несколько сот метров. Там рождались высокие, как горы, волны, сшибались и уничтожали друг друга. Скоро зыбь достигла берега, но центр замкнутого шторма оставался все там же. Лоре представилось: какой-то огромный невидимый палец невидимой руки опустился с неба и помешивает море.

И вдруг что-то изменилось. Теперь волны больше не сталкивались, они шагали в ногу, двигаясь по кругу все быстрее и быстрее. Из моря родился водяной конус. С каждой секундой он становился все выше и тоньше. Вот он вырос уже метров на тридцать и все тянется вверх. Сердитый рев этого новорожденного младенца сотрясал воздух, вселяя ужас в сердца всех, кто его слышал. Всех, кроме маленькой группы людей, вызвавших к жизни это чудовище из глубин и теперь глядевших на него со спокойной уверенностью. Огромные волны разбивались уже почти у их ног, но они не обращали на них внимания.

А крутящийся водяной столб между тем пробил тучи, как стрела, направленная в космос. Его покрытая пеной вершина исчезла, и с неба обрушились потоки дождя. Капли были крупные, как перед грозой. Верно, не вся вода, устремившаяся вверх, достигала цели, часть ее, избежав действия силы, управлявшей смерчем, низвергалась с границы космоса.

Толпа зрителей стала медленно расходиться. Удивление и испуг улеглись, талассцы просто приняли к сведению случившееся. Люди научились управлять силой тяжести полтысячи лет назад, и этот фокус — как бы эффектен он ни был — не шел ни в какое сравнение с таким чудом, как полет огромного звездолета от солнца к солнцу с субсветовой скоростью.

Земляне уже возвращались к своему сооружению, явно довольные тем, что сделали. Даже на таком расстоянии можно было прочесть удовлетворение и спокойствие на их лицах — быть может, впервые с тех пор, как они высадились на Талассе. Вода для нового щита «Магеллана» была на пути в космос, а там иные силы, покорные слуги этих людей, превратят ее в лед, придав нужную форму. Через несколько дней они полностью подготовятся к дальнейшему полету, а их огромный межзвездный ковчег будет как новенький.

До сих пор Лора втайне надеялась, что землян постигнет неудача. Но сейчас, когда искусственный смерч поднялся из моря на ее глазах, от надежды не осталось и следа. Она не отводила глаз от водяного столба — он слегка покачивался, основание его перемещалось то вперед, то назад, словно подчиняясь действию невидимых могущественных сил. Но силы эти управлялись людьми, которые непременно выполнят то, что задумали. Для Лоры это значило только одно: скоро она скажет Леону «прощай».

Она медленно направилась к группе землян, пытаясь привести в порядок свои мысли и овладеть чувствами. Увидев Лору, Леон отделился от друзей и пошел навстречу девушке. У него было лицо человека, испытывающего радость и об-

легчение, но радость быстро померкла, когда он разглядел лицо Лоры.

— Итак,— сказал он виновато, как уличенный в озорстве школьник,— мы это сделали.

— И теперь скоро... Сколько еще вы здесь пробудете?

Он нервно водил носком ботинка по песку, боясь встретиться с ней взглядом.

— Дня три, может быть, четыре.

Лора старалась спокойно принять его слова. Ведь она ждала этого — ничего нового она не услышала. Но не смогла, хорошо еще, что рядом с ними никого не было.

— Ты не должен улетать! — закричала она в отчаянии.— Останься здесь, на Талассе!

Леон нежно взял ее руки в свои и тихо заговорил:

— Нет, Лора, это не мой мир. Я никогда не сживусь с ним. Половина моей жизни ушла на подготовку к тому, что я сейчас делаю. Здесь, где нет больше неосвоенных просторов, я никогда не смогу быть счастливым. Через месяц умру со скуки.

— Тогда возьми меня с собой!

— Неужели ты говоришь это серьезно?

— Да, серьезно.

— Тебе только так кажется. В моем мире ты будешь чувствовать себя еще более чуждой, чем я в твоем.

— Я научусь, я смогу многое сделать. Только бы быть вместе с тобой.

Он положил ей руки на плечи и, глядя в ее глаза, читал в них искреннюю скорбь. «Да, она верит в то, что говорит»,— сказал себе Леон. Он не думал или не хотел думать, как много значит для женщины чувство, гораздо больше, чем для мужчины.

Он совсем не хотел обидеть Лору. Он очень привязался к ней и был уверен, что будет всю жизнь вспоминать девушку с нежностью. Но теперь ему довелось узнать, как и многим мужчинам до него, что иногда не так-то легко сказать «прощай».

Оставалось только одно — лучше мгновенная боль, чем долгое страдание.

— Идем со мной, Лора,— сказал он.— Ты все увидишь сама.

Они молча направились к расчищенному участку леса, который служил землянам посадочной площадкой. Повсюду были разбросаны части и детали какого-то непонятного оборудования. Земляне упаковывали некоторые из них, другие откладывали, чтобы оставить талассцам. В тени пальм виднелось несколько антигравитационных скутеров. Они и в бездействии не соприкасались с почвой и висели в воздухе в нескольких сантиметрах над травой.

Леон прошел мимо скутеров и решительно зашагал к светящемуся мягким овалом летательному аппарату, возвышающемуся над участком. Он что-то сказал инженеру, стоявшему подле аппарата. Тот, по-видимому, возразил, но после короткого спора капитулировал.

— Он еще не полностью загружен,— объяснил Леон, помогая Лоре подняться по трапу.— Но мы все-таки полетим. Ведь через полчаса вернется второй подкидыш.

Лора очутилась в неведомом ей мире — в мире техники, которая поставила бы в тупик самых талантливых инженеров и ученых Талассы. На острове имелись все машины, необходимые для жизни в довольстве. Но то, что окружало ее сейчас, было за пределами постижимого для жителей Талассы. Лора видела однажды большую кибернетическую машину, которой фактически было вверено управление делами планеты. Предложенные ею решения приходилось отвергать, пожалуй, не чаще, чем один раз за жизнь целого поколения. Гигантский мозг был огромен и сложен, а машина землян отличалась устрашающей простотой, которая поразила даже далекий от техники ум Лоры. Леон сел перед смехотворно маленькой приборной панелью. Казалось, что руки молодого инженера лишь праздно касаются этой панели, он ничего как будто не сделал.

Но стены стали вдруг прозрачными, и Лора увидела под собой Талассу, которая становилась все меньше и меньше. Лора не чувствовала движения, не слышала никаких звуков, даже шороха, но остров таял у нее на глазах. Туманный горизонт — большой изгиб, отделявший голубизну моря от бархатистой черноты неба,— становился круче с каждой секундой.

— Посмотри,— сказал Леон, указывая на звезды.

Уже можно было разглядеть корабль, и Лора почувствовала разочарование от того, что он совсем невелик. Иллюминаторы сгруппировались лишь в центральной части, весь же остальной приземистый и угловатый корпус корабля казался сплошным.

Иллюзия длилась не более секунды. Затем на нее налетел вихрь новых ощущений и оглушил ее. Ей пришлось удостовериться, что собственные глаза обманули ее. То, что она видела, были не иллюминаторы — ведь до корабля оставалось еще много километров, а люки шлюзовых камер для приема подкидышей, поддерживавших сообщение между звездолетом и Талассой.

В космосе человека покидает чувство перспективы, на любом расстоянии все предметы имеют ясные и четкие очертания.

Даже когда они приблизились к корпусу корабля — изогнутой бесконечной стене из металла, заслонившей своей громадой звезды,— Лора ничего бы не могла сказать об истинных размерах звездолета. Ей показалось, что стена тянется километра на полтора.

Подкидыш пришвартовался к кораблю без всякого видимого участия Леона. Лора вышла за ним через маленькую рубку, где помещался пост управления. Тотчас же открылся воздушный шлюз, и она с удивлением обнаружила, что они движутся уже по проходу в корпусе самого звездолета.

Это был длинный коридор круглого сечения, простиравшийся в обе стороны, насколько хватало глаз. Пол двигался под ее ногами быстро и бесшумно; удивительно, что она не

заметила, как ступила на эту бесконечную ленту транспортера, несшую ее теперь по кораблю,— ведь не было даже толчка. Эту загадку она не могла себе объяснить; впрочем, за время осмотра «Магеллана» Лора повидала еще немало чудес.

Прошло не меньше часа, прежде чем им попался навстречу кто-то из команды. За их спиной уже лежало много километров странствий по кораблю. Их то несли движущиеся коридоры, то поднимали вверх длинные трубы, в которых отсутствовала сила тяжести. Лора понимала, чего хочет Леон: он решил показать ей, как велик и сложен искусственный мир, созданный для того, чтобы нести к звездам зерна новой цивилизации.

Одно лишь машинное отделение с его спящими в своих кожухах чудовищами из металла и хрусталя простиралось более чем на пятьсот метров. Когда они стояли на балконе, высоко над этой ареной дремлющей сейчас мощи, Леон гордо, хоть, может, и не совсем точно, сказал: «Это мои». Лора смотрела вниз на гигантские, непонятные ей конструкции, пронесшие Леона через световые годы, и не знала, благословлять ли ей их за то, чем они ее одарили, или, наоборот, проклинать за то, что вскоре отнимут.

Они быстро миновали большие, похожие на пещеры трюмы, заполненные машинами, аппаратами и припасами,— все это понадобится потом, при освоении девственной планеты, чтобы сделать ее достойным пристанищем человека. На целые километры тянулись стеллажи с сокровищами земной культуры, они хранились запечатленными в магнитофонных записях и микрофильмах или в ином, еще более компактном виде. В хранилище Лора и Леон встретили группу экспертов с Талассы; они пребывали в некоторой растерянности, потому что никак не могли решить, что же именно из этих сокровищ им разграбить теперь, когда до отлета корабля осталось всего несколько часов.

Лора думала, были ли ее предки так же хорошо оснащены, когда совершали свое путешествие через космос. Вряд

ли. Их корабль был куда меньше, да к тому же со времени освоения Талассы земляне должны были приобрести больший опыт колонизации звездных миров. Когда спящие пассажиры «Магеллана» достигнут своей новой родины, они, конечно, добьются успеха, разумеется, если их дух и воля находятся на столь же высоком уровне, что и материальное оснащение корабля.

Вот они приблизились к большой белой двери, и она бесшумно растворилась перед ними. За дверью оказалось помещение, которое никак не вязалось с представлениями Лоры о космическом корабле. Это была гардеробная с вешалками, где висели одежды из густого меха. Леон помог Лоре облачиться в одно из этих одеяний, потом оделся и сам. Ничего не понимая, она последовала за ним к вделанному в пол кругу из матового стекла. Леон повернулся к ней и сказал:

— Там, куда мы сейчас попадем, нет силы тяжести. Держись ближе ко мне и в точности делай все, что я скажу.

Хрустальная крышка люка приподнялась, как стекло на циферблате часов, и из глубины потянуло таким холодом, какого Лора даже представить себе не могла и, разумеется, никогда не испытывала. В ледяном воздухе вокруг них, клубясь, как призраки, затанцевали облачка пара. Она взглянула на Леона, словно спрашивая: «Неужели ты хочешь, чтобы я пошла туда?»

Он успокаивающе взял Лору за руку и сказал:

— Не тревожься, через несколько минут ты привыкнешь к холоду. Я спущусь первым.

Трап поглотил его. Чуть поколебавшись, Лора спустилась вслед за ним. Спустилась? Нет, сказать так было бы неправильно; понятия «вверх» и «вниз» здесь не существовали. Здесь царила невесомость, и Лора свободно парила в этом холодном белоснежном мире. Куда ни глянь, блестели стеклянные соты — тысячи и десятки тысяч шестиугольных ячеек, оплетенных трубками и проводами. Каждая ячейка могла вместить человеческое тело.

И так оно и было. Вокруг спали тысячи колонистов, для которых Земля все еще оставалась воспоминанием о вчера. О чем грезили они, отмерив менее половины своего трехсотлетнего сна? Да и могли ли грезить в этой туманной ничьей стране, между жизнью и смертью?

Вдоль рядов сот тянулись узкие бесконечные ленты с прикрепленными примерно через каждый метр скобами. Леон ухватился за одну из них и быстро поплыл вместе с Лорой мимо огромной мозаики из шестиугольников. Дважды они меняли ленты, а с ними и направление, пока не оказались метрах в пятистах от точки, с которой начали осмотр.

Леон отпустил поручень, и они повисли в воздухе рядом с ячейкой, ничем не отличавшейся от множества других. Но, увидев лицо Леона, Лора поняла, зачем он привел ее сюда, и почувствовала, что проиграла сражение.

Черты женщины, парившей в хрустальном гробу, не были прекрасными, но отражали решительность и ум. Вековой сон не стер с этого лица выражения энергии и находчивости. Это было лицо первооткрывателя, подруги, способной стать рядом с мужем и вместе с ним сражаться тем сказочным оружием, которое наука вложила в руки, за создание новой Земли среди звезд.

Не замечая холода, Лора долго вглядывалась в спящую соперницу, которая никогда не узнает о ее существовании. Неужто за всю историю мира когда-нибудь еще существовала любовь, закончившаяся в столь странном месте, думала она.

Наконец Лора заговорила вполголоса, словно боясь потревожить спящих:

— Твоя жена?

Леон кивнул:

— Мне очень жаль, Лора. Я не хотел причинить тебе боль.

— Теперь это уже неважно. Я сама виновата.

Она помолчала и, всмотревшись еще пристальнее в спящую, спросила:

— Ты будешь отцом?

— Да, он родится через три месяца после посадки.

Как трудно представить себе беременность, которая продлится девять месяцев и триста лет! Что ж, в том мире, где, как теперь поняла Лора, для нее не оставалось места, все возможно.

Эти терпеливые сонмы спящих будут сниться ей всю жизнь. Когда люк наконец закрылся за Лорой и тепло вернулось в тело, она от всей души пожелала, чтобы холод, сковавший сердце, отпустил его так же быстро. Быть может, со временем так и будет. Но до этого пройдет много дней и одиноких ночей.

Она не запомнила обратный путь через лабиринт коридоров и гулких помещений и удивилась, очутившись снова в каюте маленького подкидыша, который доставил их с Таласссы. Леон подошел к приборной панели, что-то подрегулировал, но садиться не стал.

— Прощай, Лора,— сказал он.— Моя работа на Талассе закончена. Будет лучше, если я останусь здесь.

Он взял ее руки в свои. В эти последние минуты, когда они еще были вместе, она ничего не могла сказать и даже не видела его лица — слезы застилали ей глаза.

Он сжал ее руки и отпустил. Потом она услышала сдавленное рыдание. А когда наконец смогла видеть что-нибудь, каюта была уже пуста.

Через какое-то время бесстрастный механический голос сказал ей с приборной панели:

— Посадка произведена. Выходить через передний воздушный шлюз.

Открывающиеся двери указывали ей путь, и вскоре она очутилась на том самом расчищенном участке леса, откуда стартовал подкидыш. Ей показалось, что с тех пор она прожила целую жизнь.

Несколько человек глядели на космический паром с таким напряженным интересом, будто он не садился здесь уже сотни раз до этого. Лора сперва не понимала, что это значит. Но тут прогремел голос Клайда:

— Где же он? С меня хватит!

В два прыжка он поднялся по трапу и грубо схватил ее за руку:

— Скажи ему: если он мужчина, пусть выйдет!

Лора печально покачала головой.

— Его здесь нет,— ответила она.— Я с ним попрощалась. И больше никогда не увижу.

Клайд недоверчиво уставился на нее, но потом понял — она говорит правду. И тут же Лора приникла к нему, рыдая так, словно у нее разрывалось сердце. Гнев его мгновенно утих, и все слова, которые он хотел сказать ей, куда-то исчезли. Она снова принадлежала ему. Все остальное не имело теперь никакого значения.

Целых пятьдесят часов с ревом бил в небо гейзер из океана, покрывавшего Талассу, пока не закончил свою работу. Весь остров следил у экранов телевизоров, как формировался айсберг, который полетит к звездам впереди «Магеллана». Пусть новый щит послужит вам лучше, чем тот, который сопровождал звездолет с Земли,— единодушно желали космонавтам зрители. На те несколько часов, которые звездолет проведет вблизи жаркого солнца Талассы, огромный ледяной конус еще прикрыли экраном из тонкого, как бумага, полированного металла. Этот зонтик от солнца выбросят, как только начнется путешествие: в межзвездных пустынях он не понадобится.

Последний день пришел и ушел. Когда солнце зашло, земляне стали прощаться с миром Талассы. Они никогда его не забудут, хотя их спящие друзья никогда о нем не вспомнят. Лора была не единственной, кого охватила скорбь. В том же быстротечном молчании, в каком появился впервые, блестящий овал поднялся вверх, на мгновение снизился над селением в знак привета и снова взмыл ввысь, в свою стихию. А Таласса ждала.

Беззвучный световой взрыв пропорол ночную тьму. Пульсирующее сияние светящейся точки, казавшейся не больше звезды, прогнало все воинство небесное, заставило померкнуть бледный диск Селены и отбросило на землю резко очер-

ченные тени. Жители Талассы увидели, что они движутся. Там, на границе космоса, горели огни, зажженные той же силой, которая заставляет сверкать солнца. Они готовились унести звездолет в безмерное пространство, где пролегал последний участок его прерванного пути.

Лора с сухими глазами следила за этим молчаливым триумфом человека, унесшим к звездам половину ее сердца. Она ничего больше не ощущала. Если у нее еще остались слезы, она заплачет потом.

Заснул ли уже Леон или смотрит на Талассу и думает о том, что могло быть? Спит или бодрствует — какое это имеет теперь значение?..

Она почувствовала, как смыкаются вокруг нее руки Клайда, и была рада этой защите от пустоты космоса. Она принадлежит своему миру и больше не изменит ему.

Прощай, Леон. Будь счастлив в том мире, который ты и твои дети завоюют для человечества. Но думай иногда обо мне, оставшейся в двухстах годах от тебя на пути к Земле.

Она отвернулась от ярко освещенного неба и уткнулась лицом в обнимавшие ее руки Клайда. Он гладил ее волосы с неуклюжей нежностью, искал слова утешения и в то же время понимал, что лучше всего молчать. Он не испытывал чувства победителя. Лора снова принадлежала ему, но их прежняя невинная дружба навсегда ушла в прошлое. Клайд знал, что всю его жизнь между ним и Лорой будет стоять призрак Леона — призрак человека, который не состарится ни на один день к тому времени, когда оба они будут лежать в могиле.

Свет на небе стал меркнуть — ярость двигателей звездолета слабела по мере того, как они уносили его все дальше по пустынному пути, с которого не было возврата. Лора только один раз отвернулась от Клайда, чтобы взглянуть на удаляющийся корабль. Путешествие его еще только начиналось, но он уже несся по небу быстрее любого метеора. Пройдет еще несколько мгновений, и он окажется за горизонтом, по-

том выйдет за пределы орбиты Талассы, минует пустынные внешние планеты и ринется в бездну.

Она отчаянно вцепилась в сильные руки, обнимавшие ее, и почувствовала щекой, как бьется сердце Клайда — сердце, снова принадлежащее ей. Никогда больше она не отвернется от него. Молчание ночи вдруг нарушил глубокий вздох, вырвавшийся из груди тысяч зрителей, и она поняла, что «Магеллан» исчез из виду, оказавшись за краем света. Все кончено.

Она взглянула на опустевшее небо, где вновь сияли звезды. Никогда больше она не сможет смотреть на них, без того чтобы не вспомнить о Леоне. Но он был прав: этот путь не для нее. Теперь она поняла с мудростью, несвойственной ее возрасту, что корабль «Магеллан» устремился в историю, а Таласса уже сыграла в ней свою роль. История ее мира началась и кончилась с пионерами, прибывшими сюда триста лет назад, колонисты же «Магеллана» пойдут к новым победам и достижениям, не уступающим самым великим из тех, что записаны в летописях человечества. Леон и его товарищи станут перемещать моря, срывать горы и побеждать неведомые опасности в то время, когда ее потомки в восьмом колене все еще будут грезить под напоенными солнцем пальмами.

А кто скажет, что лучше?

Вообще-то эту историю должен был бы рассказать кто-нибудь другой, лучше меня разбирающийся в странном футболе, который известен в Южной Америке. У нас в Москоу, штат Айдахо, мы хватаем мяч в руки и бежим. В маленькой цветущей республике — назову ее Перивия — мяч бьют ногами. А что они делают с судьей!..

Аста-ла-Виста, столица Перивии, расположена в Андах, на высоте трех километров над уровнем моря. Это чудесный современный город, который очень гордится своим великолепным футбольным стадионом. Ста тысяч мест и тех не хватает для всех болельщиков, устремляющихся сюда в дни большого футбола, например когда происходит традиционная встреча со сборной Панагуры.

Прибыв в Перивию, я первым делом услышал, что прошлогодний матч был проигран из-за недобросовестного судьи. Он поминутно штрафовал игроков перивийской сборной, не засчитал один гол — словом, делал все, чтобы сильнейший не победил. Слушая эти сетования, я мысленно перенесся в родной Айдахо, но тут же припомнил, где нахожусь, и коротко заметил:

— Вы ему мало заплатили.

— Ничего подобного,— последовал исполненный горечи ответ.— Просто панагурцы перекупили его.

— Надо же! — воскликнул я.— Что за времена пошли, невозможно найти честного человека!

Таможенный инспектор, который только что спрятал в карман мою последнюю стодолларовую бумажку, смущенно зарделся под щетиной.

© Перевод Л. Жданова.

Последующие несколько недель оказались для меня довольно хлопотными. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что мне удалось возродить свое дело по продаже сельскохозяйственных машин. Правда, ни одна из поставленных мною машин не попала на фермы, и мне стоило куда больше ста долларов переправить их через границу так, чтобы излишне ревностные чиновники не совали своего носа в упаковочные ящики. Меньше всего меня занимал футбол. Я знал, что драгоценные импортные изделия в любой миг могут быть пущены в ход, и принимал меры, чтобы на этот раз моя выручка пересекла границу вместе со мной...

И все-таки я не мог совсем игнорировать разгоравшиеся по мере приближения дня реванша страсти болельщиков. Хотя бы потому, что они мешали моему бизнесу. Устроишь ценой немалых усилий и крупных затрат совещание в надежной гостинице или дома у верного человека, а они через каждое слово «футбол» да «футбол». С ума сойти можно! Я уже начал спрашивать себя, что, в конце концов, важнее для перивийцев — политика или спорт?

— Джентльмены! — не выдерживал я.— Очередная партия дисковых сеялок поступает завтра, и если мы не получим лицензии министерства сельского хозяйства, кто-нибудь может вскрыть ящики, а тогда...

— Не беспокойся, старина,— беззаботно отвечал генерал Сьерра или полковник Педро.— Все улажено. Предоставь это армии.

Спросить: «Которой армии?» — было бы неучтиво, и следующие десять минут мне приходилось слушать спор о футбольной тактике и о том, как лучше уломать упорствующего судью. Я и не подозревал (кто мог подозревать!), что эта тема прямо относится к нашему делу.

Тогда я совсем запутался, но с тех пор у меня было довольно досуга, чтобы разобраться. Центральной фигурой беспримерного спектакля, конечно, был дон Эрнандо Диас, богатый повеса, болельщик футбола, дилетант в науке и — могу поручиться — будущий президент Перивии. Любовь к ночным машинам и голливудским красоткам, особенно прославившая его за рубежом, побудила большинство людей считать, что слово «повеса» полностью исчерпывает характеристику Диаса. Как же они заблуждались!

Я знал, что дон Эрнандо один из наших; в то же время он пользовался расположением президента Руиса — положение выгодное, но и деликатное. Разумеется, мы с ним никогда не встречались. Дону Эрнандо приходилось быть крайне осмотрительным в выборе друзей; и вообще мало кто стремился без крайней надобности видеться со мной. О том, что он увлекается наукой, я узнал гораздо позже. Говорили, у него есть своя личная обсерватория, где он любит уединяться в ясные ночи,— впрочем, не только для астрономических наблюдений...

Подозреваю, что дону Эрнандо пришлось пустить в ход все свое обаяние и красноречие, чтобы уговорить президента. Не будь старик сам болельщиком, не переживай он прошлогоднее поражение так же сильно, как любой другой честный перивиец, он бы ни за что не согласился. Должно быть, президента подкупила оригинальность замысла — он даже пошел на то, чтобы на несколько часов лишиться половины своей армии. Кстати (и дон Эрнандо, несомненно, не преминул напомнить об этом), можно ли придумать лучший способ обеспечить себе расположение вооруженных сил, чем предоставить им пятьдесят тысяч билетов на матч года?!

Занимая свое место на трибуне в тот достопамятный день, я, понятно, ничего этого не знал. Если вы предположите, что я без особой охоты пришел на стадион, вы не ошибетесь. Но полковник Педро дал мне билет, и лучше было не обижать его. И вот я сижу под палящими лучами солнца, обмахиваюсь программой и, включив в ожидании начала свой транзистор, слушаю прогнозы комментатора.

Стадион был набит до отказа, огромная овальная чаша представляла собой сплошное море лиц. Начало игры задерживалось: полицейские работали как черти, но не так-то просто обыскать сто тысяч человек — чтобы не пронесли

огнестрельное оружие. На этом настояли гости, к превеликому недовольству местных жителей. Однако по мере того как росли горы конфискованных «пушек», протесты смолкли.

Оглушительный свист возвестил о том, что прибыл на бронированном «кадиллаке» судья матча.

— Послушайте,— обратился я к своему соседу, молодому лейтенанту (невысокий чин позволял ему без опаски показываться в моем обществе),— почему не заменят судью, если он так непопулярен?

Лейтенант удрученно пожал плечами:

— Гостям принадлежит право выбора. Мы тут ничего не можем поделать.

— Но в таком случае вы обязаны побеждать, когда играете в Панагуре!

— Верно... Но мы в последний раз были излишне самоуверенны, играли так скверно, что даже наш собственный судья не мог нас спасти.

Я был одинаково равнодушен к обеим командам и приготовился провести два скучных и утомительных часа. Редко мне доводилось так ошибаться.

Матч все не начинался. Сперва потные музыканты исполнили оба гимна, затем команды представили президенту и его супруге, потом кардинал всех благословил, потом произошла заминка: капитаны вели не совсем вразумительный спор о размерах и форме мяча. Я тем временем читал подаренную мне лейтенантом программу. Она была роскошно издана — на отличной бумаге размером с половину газетного листа, щедро иллюстрированная, первая и последняя страницы покрыты серебряной фольгой. На таком издании своих денег не выручишь, но для издателей это явно было вопросом престижа, а не прибыли. Правда, список жертвователей на «Специальный победный сувенирный выпуск» выглядел внушительно, и возглавлял его сам президент.

Я увидел фамилии большинства моих друзей и с улыбкой прочел, что пятьдесят тысяч экземпляров, бесплатно розданных «нашим доблестным воинам», оплачены доном Эр-

нандо. Довольно наивная, на мой взгляд, заявка на популярность. И стоит ли расположение воинов таких денег? И не слишком ли рано писать «Победный», не говоря уже о том, что это бестактно...

Рев толпы прервал мои размышления: началась игра. Мяч заметался от ноги к ноге, но не успел в своем замысловатом движении пересечь и половины поля, как перивиец в голубой футболке сделал подножку полосатому панагурцу. «Эти молодцы не теряют времени,— сказал я себе.— Что-то предпримет судья?» К моему удивлению, он ничего не предпринял. Неужели перекупили?

— Разве это был не фол — правильно выражаюсь? — обратился я к лейтенанту.

— Ха! — воскликнул он, не отрывая глаз от поля.— Кто обращает внимание на такие мелочи? К тому же этот койот ничего не заметил.

Что верно, то верно. Судья находился в другом конце поля, ему явно было трудно поспевать за игроками. Его нерасторопность озадачила меня, но вскоре я понял, в чем дело. Вам приходилось видеть человека, который пытается бегать в тяжелой кольчуге? «Бедняга,— подумал я, испытывая к нему симпатию, с которой один жулик смотрит на другого.— Ты честно отрабатываешь полученную мзду. Тут сидишь на месте, и то жарко...»

Первые десять минут игра шла вполне корректно, было всего три потасовки. Перивийцы упустили возможность забить гол — защитник отбил мяч головой так чисто, что бурное ликование панагурских болельщиков (им отвели особый сектор, с прочными барьерами и полицейской охраной) даже не было заглушено свистом. Я разочаровался. Да, измени форму мяча, и игра будет совсем похожа на заурядное состязание у нас в Айдахо!

Санитары сидели без дела почти до конца первого тайма, когда три перивийца и два панагурца (а может быть, наоборот) переплелись в бесподобной свалке. Только один из них смог сам подняться на ноги, на трибунах творилось нечто не-

вообразимое, наконец пострадавших вынесли с поля боя и наступил небольшой перерыв, пока происходили замены. В связи с этим возникло первое серьезное недоразумение: перивийцы заявили, что игроки противной стороны только прикидываются ранеными, чтобы был предлог ввести свежие силы. Но судья был непреклонен. На поле вышли новые игроки, и матч возобновился под глухой ропот зрителей.

Тут же панагурцы забили гол. Никто из моих соседей не покончил с собой, но многие были на грани. Подкрепление явно ободрило гостей, и местной команде приходилось туго. Точные пасы противника превратили защиту перивийцев в сито с очень большими отверстиями.

«Что ж,— сказал я себе,— рефери может позволить себе судить честно — все равно его команда выигрывает!» Кстати, до сих пор он не проявлял явного пристрастия.

Ждать пришлось недолго. Перивийцы дружными усилиями в последний миг отразили грозную атаку на свои ворота, и один из защитников сильнейшим ударом отправил мяч в другой конец поля. Мяч еще не опустился на землю, когда пронзительный свисток прервал игру. Короткое совещание между судьей и капитанами команд почти сразу вылилось в нешуточный конфликт. Футболисты бурно жестикулировали, толпа громогласно выражала свое недовольство.

— Что сейчас происходит? — жалобно спросил я.

— Судья говорит, что наш игрок был в офсайде.

— Каким образом? Он же стоит почти у своих ворот.

— Тише! — крикнул лейтенант, не желая тратить время на то, чтобы просвещать невежду.

Меня не так-то легко заставить замолчать, но на сей раз я покорился, решив разобраться сам. Так, кажется, панагурцы получили право на штрафной... Я вполне разделял чувства болельщиков.

Мяч описал в воздухе изумительную параболу, задел штангу и, несмотря на отчаянный прыжок вратаря, влетел в ворота. Из глоток зрителей вырвался вопль отчаяния, тотчас сменившийся тишиной, которая показалась мне еще более выразительной. Словно исполинский зверь был ранен и затаился, выжидая удобный миг для страшной мести. Несмотря на жгучие лучи полуденного солнца, у меня пробежал холодок по спине. Ни за какие сокровища инков я не поменялся бы местами с этим несчастным, который стоял на поле, обливаясь потом в своей кольчуге.

Итак, два — ноль, но мы не теряли надежды. До конца первого тайма оставалось несколько минут, да впереди еще весь второй тайм. Перивийцы рвались в бой и играли как дьяволы, твердо вознамерившись доказать, что готовы принять вызов.

Их воодушевление тотчас принесло плоды. Не прошло и двух минут, как местная команда забила безупречный гол. Трибуны взорвались ликованием. Я орал вместе со всеми, награждая судью испанскими эпитетами, которых, честное слово, до тех пор даже не знал.

Два — один — и сто тысяч, которые заклинали и проклинали все и вся, мечтая, чтобы счет сравнялся.

Гол был забит перед самым концом тайма. Постараюсь быть беспристрастным — серьезность вопроса требует этого. Один из нападающих нашей команды получил пас, сделал рывок метров на пятнадцать — двадцать, ловко обвел двух защитников и неотразимо пробил по воротам.

Мяч еще трепетал в сетке, когда раздался свисток.

«Что такое? — удивился я.— Неужели не засчитал? Этого не может быть!»

Я ошибся. Судья показал, что игрок подправил мяч рукой. У меня отличное зрение, однако я не заметил никакой руки. Вот почему я, по совести говоря, не могу порицать перивийцев за то, что потом произошло.

Полиции удалось сдержать натиск зрителей, хотя несколько минут казалось, что они вот-вот ворвутся на поле. Обе команды отошли к своим воротам, в центре остался только упорствующий судья. Наверно, в этот миг он соображал, как унести ноги со стадиона, утешаясь мыслью, что после матча сможет удалиться на покой.

Звонкий сигнал горна был неожиданностью для всех, исключая, разумеется, пятьдесят тысяч вымуштрованных бо-

лельщиков из вооруженных сил, которые давно с нетерпением ждали его. Внезапно на трибунах воцарилась тишина, такая тишина, что стал слышен шум уличного движения в городе. Новый сигнал — и на месте моря лиц на противоположной трибуне вспыхнуло ослепительное сияние.

Я невольно вскрикнул и прикрыл глаза руками. Мелькнула ужасная мысль: «Атомная бомба...» Я съежился, точно это могло спасти меня. Но взрыва не последовало. Только пламя продолжало сверкать, настолько яркое, что несколько долгих секунд мои глаза воспринимали его даже сквозь закрытые веки. Третий, последний, сигнал горна — и сияние погасло так же внезапно, как появилось.

Я открыл глаза. Все было по-прежнему, если не считать одной небольшой детали. Там, где стоял судья, теперь лежала кучка праха, над которой в недвижном воздухе медленно вился дымок.

Что, что произошло?! Я повернулся к своему соседу. Он был потрясен не меньше моего.

— Мадре де диос,— прошептал он.— Никогда не думал, что так выйдет.

Его расширившиеся зрачки были устремлены не на погребальный костер на футбольном поле, а на изящную программу-сувенир, которая лежала на его коленях. И тут меня осенила догадка! Но... разве это возможно?

Даже теперь, когда мне все давно объяснили, я с трудом верю тому, что видел собственными глазами. Это было так просто, так очевидно — и так невероятно!

Вы пускали солнечного зайчика маленьким зеркальцем кому-нибудь в глаза? Ну конечно, этот фокус известен каждому ребенку! Помню, как я сыграл подобную штуку с учителем и что потом последовало... Но я никогда не задумывался, что будет, если тот же трюк исполнят пятьдесят тысяч солдат, вооруженных рефлекторами площадью в несколько квадратных дециметров.

До тех пор я не подозревал, сколько энергии содержат солнечные лучи. Бо́льшую часть тепла, падавшего на восточную трибуну огромного стадиона, направили на маленькую

площадку, где стоял судья. Наверно, он ничего не успел почувствовать — ведь это было все равно что упасть в раскаленную топку!

Уверен, что, кроме дона Эрнандо, никто не ожидал такого результата. Вымуштрованным болельщикам сказали только, что судья будет ослеплен и до конца матча выйдет из строя. Уверен также, что никто не мучился угрызениями совести. В Перивии футбол в почете.

И политические махинации тоже. Пока шла игра (итог был предрешен — на поле вышел более покладистый и разумный судья), мои друзья не теряли времени. И к тому моменту, когда наша команда с триумфом покинула поле (счет 14:2), все уже было закончено. Обошлось почти без стрельбы; выйдя из правительственной ложи, президент узнал, что ему заказан билет на самолет, вылетающий утром следующего дня в Мехико-Сити.

Помню слова генерала Сьерра, которые он произнес, провожая меня на тот же самолет:

— Мы дали армии выиграть футбольный матч. Пока она действовала на стадионе, мы выиграли страну. И все довольны.

Я слишком хорошо воспитан, чтобы выражать вслух свои сомнения в таких случаях, но мне его рассуждения показались близорукими. Миллионы панагурцев чувствовали себя далеко не счастливыми, и рано или поздно должен наступить день расплаты.

Подозреваю, что он уже близок. На прошлой неделе один мой друг (он всемирно известный специалист в своей области, но предпочитает быть свободным художником и работает под чужим именем) невзначай проговорился.

— Джо,— сказал он,— объясни мне, в чем смысл дурацкого заказа, который я недавно получил: сконструировать управляемую ракету, способную поместиться внутри футбольного мяча?

Когда меня вызвала служба контроля, я сидел, заполняя ежедневную рапортичку, под прозрачным сводом своего кабинета, «Наблюдательного пузыря», который вздулся над осью космостанции, словно колпак на ступице колеса. Сосредоточиться на работе было нелегко, очень уж вид захватывающий... В нескольких метрах от меня монтажники исполняли свой замедленный балет, собирая невиданную мозаику из огромных кусков-деталей. А за ними, в сорока тысячах километрах от нас, на фоне звездных вихрей Млечного Пути голубовато-зеленым светом сияла полная Земля.

— Дежурный слушает,— ответил я.— В чем дело?

— Наш радар нащупал что-то, небольшой, почти стационарный объект, расстояние три с половиной километра, пять градусов западнее Сириуса. Попробуйте обнаружить его визуально.

Объект, с такой точностью следующий по нашей орбите, не мог быть метеором; скорее всего, какой-нибудь потерянный нами же предмет, скажем, недостаточно надежно завинченная монтажная деталь, которая мало-помалу отстала от станции. Так я решил в первый миг, однако, взяв бинокль и осмотрев участок неба вокруг Ориона, быстро убедился, что это неверно. Космический спутник действительно был сделан руками людей, но мы тут были ни при чем.

— Нашел,— доложил я службе контроля.— Это чей-то экспериментальный спутник. Конусовидный, четыре антенны, в основании как будто система линз. Судя по конструкции, запущен военно-воздушными силами США в начале

© Перевод Л. Жданова.

шестидесятых годов. Помнится, они много спутников затеряли, все радиосвязь отказывала. Не сразу удалось освоить эту орбиту.

Сверившись с картотекой, контроль подтвердил мою догадку.

А еще немного спустя выяснилось, что Вашингтон ни капельки не взволнован находкой спутника, потерянного двадцать лет назад, и не будет опечален, если мы потеряем его снова.

— Но этого делать нельзя,— решила служба контроля.— Пусть он никому не нужен, спутник может помешать космонавигации. Придется кому-то поймать его и доставить на станцию.

«Кому-то» — значит мне... Я не мог послать никого из монтажной бригады: в ней ни одного лишнего человека, к тому же мы отстали от графика, а здесь каждый потерянный день стоил миллион долларов. Вся радио- и телесеть Земли нетерпеливо ожидала, когда наша станция начнет ретранслировать программы и откроется глобальное вещание на весь мир от полюса до полюса.

— Хорошо, я сам его заберу,— ответил я контролю, скрепляя бумаги электрической лентой, чтобы вентиляторы не разметали их по всему помещению.

Я говорил так, словно приносил жертву, но в глубине души только радовался. Уже две недели, если не больше, я не выходил в космос, и мне начали приедаться все эти накладные, сводки о наличии материалов и прочие славные дела, которые наполняют жизнь дежурного по космической станции.

Единственный член экипажа, который встретился мне на пути к воздушному шлюзу, был кот Томми. Он появился на станции совсем недавно, но когда вас отделяют от Земли тысячи километров, вы особенно сильно привязываетесь к животным, тем более что далеко не все комнатные животные могут приспособиться к невесомости. Томми что-то жа-

лобно промяукал мне, пока я забирался в скафандр, но мне было некогда с ним играть.

Здесь, пожалуй, уместно напомнить вам, что скафандры работников космостанции совсем не похожи на гибкие костюмы для прогулок на Луне. Наши скафандры, по сути дела, маленькие космические корабли на одного человека. Это широкие цилиндры длиной около двух метров, оснащенные реактивными двигателями малой мощности; в верхней части цилиндра два рукава гармошкой для рук оператора. Впрочем, обычно руки находятся внутри цилиндра, на приборной доске, которая расположена на уровне груди.

Забравшись в свой персональный космический экипаж, я включил ток и посмотрел на приборы. Часто можно услышать, как космонавт, облекаясь в скафандр, бормочет магическое слово «гокираба». Эта формула напоминает, что необходимо проверить горючее, кислород, радио, батареи. Все было нормально, и я опустил на место прозрачное полушарие шлема, изолируясь от внешней среды. Предстояла короткая прогулка, поэтому я не стал проверять контейнеры для продовольствия и специального снаряжения, без которого нельзя уходить надолго в космос.

Спускаясь по эскалатору в воздушный шлюз, я чувствовал себя туго спеленатым индейским младенцем, которого мать несет на спине. Но вот насосы понизили давление до нуля, наружная дверь отворилась, и струя остаточного воздуха вынесла меня к звездам.

До станции всего каких-нибудь четыре метра, но я уже представлял собой независимую планету, маленький отдельный мирок. Из моего летающего цилиндра мне открывался великолепный вид на всю Вселенную, и хотя мягкое сиденье и предохранительные ремни не позволяли повернуться кругом внутри скафандра, я мог дотянуться до любой кнопки или контейнера руками или ногами.

В космосе Солнце — опаснейший враг, оно может мгновенно ослепить вас своим ярким сиянием. Осторожно-осторожно я отодвинул темные фильтры на «ночной» стороне скафандра и повернул голову, чтобы взглянуть на звезды. Одновременно включил автомат, управляющий наружными «козырьками» на шлеме. Теперь, как бы скафандр ни вращался, глаза будут защищены от нестерпимого света.

А вот и моя цель: серебристое пятнышко, заметно выделяющееся среди звезд металлическим блеском. Я нажал ногой педаль акселератора и ощутил постепенно нарастающее ускорение. Через десять секунд достиг нужной скорости и отключил двигатель. Теперь я по инерции минут за пять достигну спутника, немногим больше времени понадобится на обратный путь. И тут-то, погружаясь в межзвездную пучину, я вдруг понял: что-то стряслось.

Внутри космического скафандра никогда не бывает полной тишины. Постоянно слышатся нежный шорох притекающего кислорода, слабое жужжание вентиляторов и моторов, шелест собственного дыхания, наконец — если внимательно вслушаться — глухой стук вашего сердца. Все эти звуки заперты в скафандре и образуют неприметный фон жизни в космосе, вы вспоминаете их, только когда привычный шум вдруг изменяется.

Именно это произошло сейчас: появился звук, которого я не мог определить,— глухой прерывистый стук, иногда вместе с каким-то царапаньем, словно скребли металлом по металлу.

Я похолодел. Затаив дыхание, попытался на слух определить, откуда идет необычный звук. Приборы на щитке ничего мне не говорили. Стрелки стоят неподвижно, не вспыхивают красные лампочки, обязанные предупреждать о близкой беде... Утешительно, конечно, да не очень. Я давно уже привык в таких случаях доверять своему инстинкту, а он бил тревогу, призывая, пока не поздно, возвращаться на станцию!

Я и теперь не люблю вспоминать последовавшие несколько минут, когда паника могучим приливом затопила мое со-

знание, снося все плотины, которые логика и рассудок человека противопоставляют тайнам Вселенной. Тут я понял, что схожу с ума — как же еще объяснить происходящее?

Что толку уверять себя, будто пугающий меня звук — каприз механизмов. Как ни далек и оторван я был от людей, вообще от всего вещественного, я был не один. Слух говорил мне, что в безгласной пустыне копошится что-то живое.

На какой-то страшный миг мне почудилось: нечто невидимое, спасаясь от жестокого, беспощадного космического вакуума, пытается проникнуть снаружи в скафандр. И я отчаянно забился в своих доспехах, вертел головой во все стороны, кроме одной, запретной, которая грозила мне слепотой. Конечно же, снаружи ничего не было. И не могло быть, а царапанье настойчиво продолжалось, становясь все громче!

Обычно космонавты не страдают суеверием, уж вы положитесь на мое слово, а не на всякий вздор, который пишут о нас. Но неужели у вас повернется язык упрекнуть меня за то, что я, перебрав все разумные объяснения, вдруг вспомнил, как погиб Берни Саммер — погиб совсем рядом со станцией...

Его сгубил (вечная история) один из тех случаев, которые считают «невозможными». Три неисправности одновременно: отказал регулятор кислородного прибора, так что давление внутри скафандра стало стремительно расти, не сработал предохранительный клапан, наконец, один из швов оказался недостаточно прочным. Миг — и космос ворвался внутрь...

Я не знал Берни лично, но воспоминание о его страшной участи вдруг потрясло меня до глубины души, ибо мне пришла в голову ужасная мысль. О таких вещах обычно избегают говорить, но дело в том, что поврежденный скафандр — слишком драгоценная вещь, чтобы его списывать, пусть даже он убил своего владельца. Его чинят, снабжают новым номером — и вручают другому космонавту.

Что происходит с душой человека, погибшего среди звезд, вдали от родного мира? Быть может, это ты, Берни, цепляешься за последний предмет, который связывает тебя с твоей далекой утраченной родиной?

Мне уже казалось, что царапанье и шорох доносятся со всех сторон, чудились всякие ужасы. Оставалась последняя надежда. Чтоб не сойти с ума, надо убедиться, что скафандр не принадлежал до меня Берни, что облекающий меня металлический кожух не был ничьим гробом.

Не сразу сумел я нажать нужные кнопки и настроить передатчик на аварийную волну.

— Станция? — простонал я.— Неисправность! Проверьте, кому раньше принадлежал скафандр, и...

Я не закончил фразу; говорят, микрофон не выдержал моего вопля. Но какой человек, наглухо запертый в космическом скафандре, не завопил бы, вдруг почувствовав на шее мягкое прикосновение?

Видимо, я рванулся вперед и, несмотря на предохранительные щитки, ударился головой о край приборной доски. Когда меня через несколько минут подобрал спасательный отряд, я все еще был без сознания, а на лбу у меня горела багровая ссадина.

Вот почему я последним из всех сотрудников релейной космосети узнал, что же произошло. Очнувшись час спустя, я увидел, что весь наш медицинский персонал в сборе, но врачам явно было не до меня. Они слишком увлеклись тремя очаровательными котятами, которых наш Томми (и кто это ухитрился дать кошке мужское имя?) произвел на свет в укромном месте — в пятом контейнере моего скафандра...

Прежде чем мы начнем, хотелось бы подчеркнуть одну вещь, которую многие, похоже, забывают. Двадцать первый век наступит не завтра — он начнется годом позже, 1 января 2001 года. Хотя календари после полуночи будут отсчитывать 2000 год, старый век продлится еще двенадцать месяцев. Каждые сто лет нам, астрономам, приходится снова и снова объяснять это, но все напрасно. Стоит в счете веков появиться двум нулям, как уже идет пир горой!

Так вы хотите узнать, какое событие больше всего запомнилось мне за полвека космических исследований... Конечно, уже взяли интервью у фон Брауна? Как он поживает? Приятно слышать; я не видел его после симпозиума в Астрограде в честь его восьмидесятилетия, с тех пор он не прилетал с Луны.

Что говорить, я повидал немало великих событий в истории космонавтики, начиная с запуска первого спутника. В двадцать пять лет я был вычислителем в Капустином Яру, недостаточно важная личность, чтобы присутствовать в контрольном центре, когда шел отсчет последних секунд. Но я слышал старт. Только однажды за всю жизнь я слышал звук, который поразил меня еще сильнее. (Что это было? После скажу.) Как только стало известно, что спутник вышел на орбиту, один из ведущих ученых вызвал свой ЗИЛ, и мы покатили в Волгоград отмечать событие. Сто километров одолели за то же время, за какое спутник совершил первый оборот вокруг Земли,— неплохая скорость! (Кто-то подсчитал, что выпитой на следующий день водки хватило бы для запуска крошки-спутника, который конструировали американцы, но я в этом не уверен.)

© Перевод Л. Жданова.

Большинство учебников истории утверждает, что именно тогда, 4 октября 1957 года, начался космический век. Я не собираюсь спорить с ними, но, по-моему, самое увлекательное было потом. Что может сравниться по драматизму с тем случаем, когда военные корабли США мчались на выручку Дмитрию Калинину и в последний миг выловили из Южной Атлантики его капсулу? А радиорепортаж Джерри Уингейта, его красочные эпитеты, на которые ни один цензор не посмел покуситься, когда он обогнул Луну и впервые увидел воочию ее обратную сторону! А всего пять лет спустя — телевизионная передача из кабины «Германа Оберта», когда корабль прилунился на плато в Заливе Радуг. Он и сейчас там стоит вечным памятником людям, которых схоронили рядом с ним...

Все это были великие вехи на пути в космос, но вы ошибаетесь, если думаете, что я буду говорить о них. Меня больше всего поразило совсем другое. Я даже не уверен, сумею ли хорошо рассказать, а если и сумею — как вы это подадите? Ведь нового ничего не будет, газеты тогда только об этом и писали. Но большинство из них упустило самую суть, для прессы это была просто выигрышная «человечная» черточка, только и всего.

Было это через двадцать лет после запуска первого спутника, вместе с другими я находился тогда на Луне. Правда, к тому времени я стал уже слишком важной персоной, чтобы заниматься наукой. Прошло больше десятка лет с тех пор, как я составлял программы для электронной машины; теперь моя задача была несколько сложнее — «программировать» людей, ведь я отвечал за проект АРЕС, готовил первую экспедицию на Марс.

Стартовать, понятно, решили с Луны, там тяготение намного слабее и для запуска нужно в пятьдесят раз меньше горючего, чем на Земле. Хотели было собирать корабли на орбите спутника — еще меньше горючего надо для вылета,— но когда продумали все как следует, эта идея отпала. Не так-то просто устраивать в космосе заводы и мастерские; невесомость скорее мешает, чем помогает, когда вам нужно,

чтобы все предметы беспрекословно слушались вас. К тому времени, в конце семидесятых годов, Первая лунная база работала полным ходом. Химические заводы и всякие мелкие предприятия производили все для поселка. И мы решили использовать их, вместо того чтобы ценой огромных усилий и затрат сооружать в космосе новые.

«Альфу», «Бету» и «Гамму» — три корабля экспедиции — собирали на дне Платона. Здесь в кольце гор простерлась, пожалуй, самая гладкая равнина этой стороны Луны, настолько обширная, что наблюдателю, стоящему в ее центре, и не придет в голову, что он находится на дне кратера: горы скрыты далеко за горизонтом. Герметичные купола базы стояли в десяти километрах от стартовой площадки и были связаны с ней канатной дорогой; эти дороги очень нравятся туристам, но, на мой взгляд, сильно уродуют лунный пейзаж.

В первые дни освоения жизнь на Луне была далеко не сладкой, мы не могли и мечтать об удобствах, которые теперь стали обычными. Центральный купол, с его парками и озерами, тогда существовал только на ватманской бумаге; впрочем, мы все равно не смогли бы им насладиться, проект АРЕС поглощал нас всецело. Человек готовился совершить первый прыжок в большой космос; уже в ту пору мы рассматривали Луну всего лишь как предместье Земли, камень в реке, на который можно опереться и прыгнуть, куда тебе надо. Наши мысли лучше всего выразить словами Циолковского — они висели у меня в кабинете на стене, чтобы каждый мог видеть:

НАША ПЛАНЕТА ЕСТЬ КОЛЫБЕЛЬ РАЗУМА,
НО НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ.

(Что вы сказали? Нет-нет, я никогда не встречался с Циолковским. В 1935 году, когда он умер, мне было всего четыре года!)

После многих лет секретности было очень приятно работать рука об руку с людьми всех наций над проектом, осуществлять который помогал весь мир. Из моих четырех заместителей один был американец, другой — индиец, третий — китаец, четвертый — русский. И хотя ученые разных стран всячески старались перещеголять друг друга, это было полезное соперничество, оно только шло на благо нашему делу. Посетителям, не забывшим старые недобрые времена, я не раз с гордостью напоминал: на Луне нет секретов.

Ну так вот, я ошибался: секрет был, притом у меня под носом, в моем собственном управлении. Возможно, я бы и заподозрил что-нибудь, если бы бесчисленные детали проекта АРЕС не заслонили от меня все прочее. Теперь-то, оглядываясь назад, я вижу, что было вдоволь всевозможных намеков и признаков, но тогда я ничего не заметил.

Правда, от моего внимания не ускользнуло, что Джим Хатчинс, мой молодой заместитель-американец, становится все более рассеянным, словно его что-то заботило. Раз или два пришлось даже сделать ему выговор за небольшие упущения; он обижался и заверял, что это не повторится. Хатчинс был типичный, ярко выраженный колледж-бой, каких Соединенные Штаты поставляют в изрядных количествах, очень добросовестный, хотя звезд с неба не хватал. Он уже три года был на Луне и едва ли не первым забрал с Земли свою жену, как только отменили ограничения. Я так никогда и не выяснил, каким образом он оказался замешанным в этой истории; видимо, сумел нажать тайные пружины, хотя уж его-то никак нельзя было представить себе главным действующим лицом международного заговора. Да что там международного — тут и Луна участвовала, десяток людей, вплоть до высшего начальства в Управлении астронавтики.

Мне до сих пор кажется чудом, что они сумели все сохранить в тайне.

Восход солнца начался уже два дня назад по земному времени, но хотя четкие тени заметно укоротились, до лунного полудня было еще пять дней. Мы готовились провести первое статическое испытание двигателей «Альфы»; силовая установка была вся смонтирована, корпус корабля собран. Стоя на равнине, «Альфа» напоминала скорее часть

нефтеперегонного комбината, чем космический корабль, но нам она казалась прекрасной, символом будущих завоеваний.

Момент ответственный: еще никогда не делали таких мощных термоядерных двигателей, и, несмотря на все старания, полной уверенности не было. Если теперь что-нибудь не сработает, проект АРЕС может быть оттянут не на один год...

Отсчет времени уже начался, когда ко мне подбежал Хатчинс — бледный и озабоченный.

— Мне нужно немедленно доложить на базу,— выпалил он.— Это очень важно!

— Важнее испытания? — язвительно осведомился я, сдерживая досаду.

Он помялся, словно хотел мне что-то объяснить, потом коротко ответил:

— Да, пожалуй...

— Хорошо,— сказал я, он тотчас исчез.

Я мог бы потребовать у него объяснения, но подчиненным надо доверять. Возвращаясь к центральному пульту управления, я раздраженно говорил себе, что сыт по горло этим взбалмошным юнцом, надо будет попросить, чтобы его забрали от меня. И ведь что всего удивительнее: он не меньше других волновался, как пройдет испытание, а сам вдруг умчался по канатной дороге на базу. Пузатый цилиндр кабины уже был на полпути к следующей опоре, скользя по едва заметным тросам подобно какой-то невиданной птице.

Пять минут спустя я совсем разозлился. Целая группа приборов-самописцев вдруг забастовала, пришлось отложить испытания на три часа. Я метался в контрольном центре, твердя всем и каждому (благо им некуда было от меня спастись), что у нас в Капустином Яру таких вещей не случалось. Наконец после второй чашки кофе я слегка успокоился; и тут в динамиках прозвучал сигнал «слушайте все». Только один сигнал считался еще важнее — вой аварийных сирен. За все мои годы в Лунном поселке я дважды слышал его — и надеюсь больше никогда не услышать.

Голос, который затем раздался в каждом помещении на Луне и в наушниках каждого рабочего на безмолвных равнинах, принадлежал генералу Моше Стайну, председателю Управления астронавтики. (Тогда еще существовали всякие почетные титулы, хотя никто уже не придавал им значения.)

— Я говорю из Женевы,— начал генерал Стайн,— на мою долю выпало сделать важное сообщение. Последние девять месяцев проходил ответственнейший эксперимент. Мы держали его в секрете, считаясь с непосредственными участниками опыта и не желая пробуждать ненужных надежд или опасений. Вы помните, еще недавно многие специалисты вообще не верили, что человек сможет жить в космосе; и на сей раз нашлись пессимисты, они сомневались, удастся ли сделать следующий шаг в покорении Вселенной. Теперь доказано, что они ошибались: разрешите представить вам Джорджа Джонатана Хатчинса, первого Уроженца Космоса.

Последовал щелчок — какое-то переключение,— затем пауза, непонятные шорохи и шепот. И вдруг на всю Луну и половину Земли — звук, о котором я обещал вам рассказать, самый поразительный звук, какой мне довелось слышать за всю свою жизнь.

Это был слабый плач новорожденного младенца, первого в истории человечества, который родился вне Земли! В полной тишине, воцарившейся в контрольном центре, мы поглядели сперва друг на друга, потом на корабли на сияющей равнине. Всего несколько минут назад нам казалось, что на свете нет ничего важнее их. И вот им пришлось отступить перед тем, что произошло в медицинском центре — и что будет в грядущих веках происходить миллиарды раз в бесчисленных мирах.

Вот тогда-то, уважаемые друзья, я почувствовал, что человек действительно утвердился в космосе.

Меня зовут Артур Чарльз Кларк, и я был бы только рад, если бы не имел никакого отношения к этой отвратительной истории. Но поскольку дело касается моральных — повторяю, моральных — устоев Соединенных Штатов, мне придется объяснить все по порядку. Только так вы сможете понять, каким образом с помощью покойного доктора Альфреда Кинси* я неосмотрительно вызвал лавину, способную погрести под собой бóльшую часть западной цивилизации.

В тысяча девятьсот сорок пятом году, когда я еще служил офицером на радарной станции в Королевских ВВС, мне пришла в голову оригинальная идея, единственная в моей жизни. До сигналов первого спутника оставалось двенадцать лет, но у меня уже возникла мысль о том, что искусственный сателлит — превосходное место для телевизионного передатчика, поскольку станция, находящаяся на высоте в несколько тысяч километров, может вещать на половину земного шара. Я изложил свою идею неделю спустя после Хиросимы, предложив создать сеть спутников-ретрансляторов, обращающихся на орбите высотой в тридцать пять тысяч километров над экватором. На такой высоте на один оборот требуются ровно сутки. Таким образом, спутник постоянно остается над одной и той же точкой Земли.

Статья появилась в октябрьском номере «Беспроводного мира» за сорок пятый год. Я не предполагал, что небесная механика в течение моей жизни может стать источником

© Перевод К. Плешкова.

* Американский ученый (1894–1956), известный своими исследованиями в области человеческой сексуальности.

прибыли, и даже не пытался запатентовать идею. Сомневаюсь, что мне в любом случае удалось бы это сделать, а если ошибаюсь, то предпочитаю об этом не знать. Но я продолжал популяризировать ее в своих книгах. Сегодня идея спутников связи столь распространена, что никто не знает о ее происхождении.

Да, когда ко мне обратились из комиссии палаты представителей по астронавтике и космическим исследованиям, я сделал жалкую попытку объяснить истинное положение дел. Вы можете найти мои свидетельства на тридцать второй странице доклада упомянутой комиссии под названием «Следующие десять лет в космосе». Как вы поймете чуть позже, в моих заключительных словах содержалась ирония, которую я в свое время так и не оценил: «Живя на Дальнем Востоке, я постоянно становлюсь невольным свидетелем борьбы западного мира и СССР за умы миллионов жителей Азии... Когда появится возможность прямых телепередач со спутников, висящих в небе над нашими головами, пропагандистский эффект может стать решающим».

Я до сих пор не отказываюсь от этих слов, хотя о некоторых их аспектах тогда не подумал. Зато, увы, это сделали другие.

Все началось во время одного из тех официальных приемов, которые составляют неотъемлемую часть жизни в восточных столицах. Конечно, на Западе они распространены еще больше, но в Коломбо почти нет других развлечений. Если ты хоть что-то из себя представляешь, то по крайней мере раз в неделю получаешь приглашение на коктейль в посольство или консульство, Британский совет, Американскую военную миссию, Французский альянс или одно из бесчисленных агентств, созданных при ООН.

Мы с напарником чувствовали себя куда больше в своей стихии, пребывая в глубинах Индийского океана, нежели в дипломатических кругах, поэтому сперва никто не обращал на нас внимания. Но после того как Майк организовал тур

Дэйва Брубека* по Цейлону, нас начали замечать, особенно когда мой приятель женился на одной из самых известных красавиц острова. Так что теперь наше потребление коктейлей и канапе ограничивалось главным образом нежеланием расставаться с удобными саронгами ради таких западных нелепостей, как брюки, смокинги и галстуки.

В тот раз мы впервые оказались в советском посольстве, организовавшем прием для группы русских океанографов, которые только что прибыли в порт. Под неизбежными портретами Ленина и Маркса толпились несколько сотен гостей всех цветов кожи, религий и наречий. Они болтали с друзьями или простодушно поглощали водку и икру. Меня оттеснили от Майка и Элизабет, но я видел их в другом конце зала. Майк исполнял свой коронный номер «Я побывал на стометровой глубине» перед восхищенной публикой, а она насмешливо на него смотрела. Пожалуй, еще больше народу глазело на саму Элизабет.

С тех пор как я лишился барабанной перепонки, ныряя за жемчугом на Большом Барьерном рифе, на подобных мероприятиях мне всегда приходится испытывать немалые неудобства. Шум, царящий на них, примерно на двенадцать децибел превышает тот, что я могу выдержать. Этот недостаток весьма существенен, особенно когда тебя представляют людям, носящим имена вроде Дхармасирварден, Тиссавирасингх, Гунетиллеке или Джаявикрема. Так что в свободное от набегов на буфет время я обычно стараюсь найти островок относительной тишины, где есть шанс расслышать больше половины беседы, участником которой я мог бы оказаться.

Я стоял в акустической тени большой декоративной колонны и рассеянно наблюдал за происходящим в стиле Сомерсета Моэма, когда заметил, что какой-то тип смотрит на меня с таким выражением, будто ему очень хотелось спросить: «Мы с вами не встречались раньше?»

* Американский джазовый пианист (р. 1920).

Постараюсь описать его достаточно подробно, поскольку он наверняка может оказаться знакомым многим из вас. Ему было лет тридцать пять. Гладко выбритое лицо, короткая стрижка и манеры завсегдатая Рокфеллер-центра безошибочно выдавали в нем американца. Лишь недавно подобные черты начали успешно имитировать молодые русские дипломаты и технические советники. Ростом он был примерно метр восемьдесят, с проницательными карими глазами и черными волосами, преждевременно поседевшими на висках. Я был полностью уверен в том, что мы никогда прежде не встречались, но лицо его кого-то напоминало. Мне потребовалось несколько дней, чтобы сообразить... помните покойного Джона Гарфилда?* Так вот, это был практически вылитый он.

Когда на вечеринке со мной встречается взглядом незнакомец, автоматически включается стандартная процедура. Если этот человек кажется мне достаточно симпатичным, но в данный момент я ни с кем не хочу знакомиться, то применяю Нейтральный Взгляд, не выражая симпатии, но и без явной враждебности. Если же он мне неприятен, то я использую Маневр Глазами, состоящий из долгого недоверчивого взгляда, после которого следует неспешный поворот затылком к смотрящему субъекту. В крайних ситуациях может на несколько миллисекунд включиться Выражение Отвращения. Обычно оно до всех доходит. Но этот тип показался мне интересным, к тому же я начал скучать и потому послал ему Приветливый Кивок.

Через несколько минут он пробрался сквозь толпу ко мне, и я повернул в его сторону здоровое ухо.

— Привет,— сказал этот человек, который и в самом деле оказался американцем.— Меня зовут Джин Хартфорд. Уверен, мы где-то уже встречались.

— Вполне возможно,— ответил я.— Я довольно много времени провожу в Штатах. Артур Кларк, очень приятно.

* Американский актер (1913–1952).

Обычно в ответ на это следует лишь ничего не выражающий взгляд, но не всегда. Я почти видел, как за его жесткими карими глазами мелькали перфокарты, и мне польстила скорость, с которой это происходило.

— Писатель? Научно-популярные книги?

— Верно.

— Фантастика.— Его изумление выглядело неподдельным.— Теперь я понял, где видел вас. Я был однажды в студии, где вы участвовали в шоу Дэйва Гэрроуэя.

Может, мне и стоило бы пойти по этому следу, хотя сомневаюсь. К тому же я был уверен в том, что имя Джин Хартфорд ненастоящее. Слишком уж гладко оно звучало.

— Так вы с телевидения? — спросил я.— Что вы тут делаете? Собираете материал или просто в отпуске?

Он улыбнулся открыто и дружелюбно, как человек, которому есть что скрывать, причем немало.

— Просто интересуюсь. Но это настоящий сюрприз!.. Я читал ваше «Исследование космоса», когда оно вышло в... э...

— В пятьдесят втором. В Клубе книги месяца эта вещь наделала немало шума.

Все это время я пытался понять, что он из себя представляет. В нем определенно было нечто такое, что мне не нравилось, но я никак не мог определить, что именно. В любом случае, я многое готов был позволить тому человеку, который читал мои книги, к тому же работал на телевидении.

Однако Хартфорда, скажем так, интересовало совсем другое.

— Послушайте! — оживленно заговорил он.— У меня тут наклевывается проект крупной телевизионной сети, который наверняка мог бы вас заинтересовать. Собственно, именно вы подсказали мне идею.

Слова его звучали многообещающе, и мой коэффициент жадности подскочил на несколько пунктов.

— Рад слышать. Так о чем речь?

— Здесь я говорить об этом не могу, но, может, встретимся завтра у меня в гостинице? Часа в три?

— Погодите, сверюсь с ежедневником. Да, вполне.

В Коломбо всего две гостиницы, где останавливаются американцы. Я с первого раза угадал, что он жил в «Маунт-Лавинии». Возможно, вы об этом не знаете, но наверняка видели то место, где проходила наша беседа с глазу на глаз. Примерно в середине фильма «Мост через реку Квай» есть короткая сцена в военном госпитале, где Джек Хоукинс встречает медсестру и спрашивает ее, где он мог бы найти Билла Холдена. Мы питаем особую слабость к данному эпизоду, так как Майк играл роль одного из выздоравливающих морских офицеров. Если смотреть внимательно, то на заднем плане с правой стороны вы увидите его бородатый профиль, когда он записывает шестую выпивку подряд на счет Сэма Шпигеля. Как выясняется в фильме, Сэм мог себе это позволить.

Именно там, на крошечном плато, высоко над пляжем, окаймленным пальмами и тянущимся на многие километры, Джин Хартфорд начал излагать мне суть своей идеи. Мои скромные надежды на достойный заработок быстро улетучились. Я до сих пор не уверен в том, каковы были его истинные мотивы, если он вообще сам о них знал. Несомненно, сыграли свою роль неожиданная встреча со мной и извращенное чувство благодарности, без которой я с радостью мог бы обойтись. Несмотря на внешнюю уверенность в себе, он наверняка был угрюмым одиноким человеком, отчаянно нуждавшимся в поддержке и дружбе.

Ни того ни другого Джин от меня не получил. Я всегда тайно сочувствовал Бенедикту Арнольду*, как, разумеется, каждый человек, знавший все подробности его истории. Но Арнольд просто предал свою страну. До Хартфорда никто и никогда не пытался ее соблазнить.

* Американский генерал времен Войны за независимость, перешедший на сторону британцев.

Мои мечты о долларах развеялись, как только я узнал, что связь этого типа с американским телевидением прервалась окончательно и бесповоротно в начале пятидесятых. Ясно было, что его вышвырнули с Мэдисон-авеню за политические взгляды. Точно так же мне стало понятно, что в данном случае ни о какой вопиющей несправедливости речи не шло. Он со сдержанным возмущением рассказывал о своей борьбе с упрямой цензурой и оплакивал выдающуюся, хотя и неназванную, серию передач по культуре, которую начал делать, прежде чем его выкинули из эфира, но к тому времени я уже чувствовал, что дело дурно пахнет, и отвечал крайне осторожно. Однако чем меньше становился мой личный интерес к мистеру Хартфорду, тем больше росло любопытство. Кто все-таки за ним стоял? Наверняка не Би-си-си...

Наконец, когда его жалость к самому себе иссякла, он перешел к сути.

— У меня есть кое-какие новости, от которых вы подпрыгнете,— с довольным видом сказал Джин.— У американских телесетей вскоре появится настоящий конкурент. Произойдет это именно так, как вы предсказывали. Те самые люди, которые отправили на Луну телевизионный передатчик, могут запустить и другой, намного более мощный, на орбиту вокруг Земли.

— Рад за них,— осторожно сказал я.— Здоровая конкуренция еще никому не вредила. Когда планируется запуск?

— В любой момент. Первый передатчик расположится точно к югу от Нового Орлеана, естественно, над экватором. Он окажется над акваторией Тихого океана, вне чьей-либо территории, так что не вызовет никаких политических осложнений. Однако эта штука будет висеть в небе, видимая для всех от Сиэттла до Ки-Уэста. Только представьте! Единственная телевизионная станция, на которую могут настроиться все Соединенные Штаты! Да, даже Гавайи! Ее передачи невозможно будет заглушить. Впервые в каждом американском доме прием станет чистым, без каких-либо помех.

Никакие бойскауты Джея Эдгара* не смогут этому помешать.

«Вот, значит, чем ты занимаешься,— подумал я.— По крайней мере, со мной ты откровенен».

Я давным-давно научился не спорить с марксистами и сторонниками плоской Земли, но если Хартфорд говорил правду, то мне хотелось вытянуть из него все, что можно.

— Должен слегка остудить ваш энтузиазм,— сказал я.— Есть несколько пунктов, которые вы, возможно, не учли.

— Какие же?

— Другая сторона станет действовать точно так же. Всем известно, что военно-воздушные силы, НАСА, «Белл Лабс», «Ай-Ти-энд-Ти», «Хьюз» и полдюжины других организаций работают над аналогичным проектом. Как бы ни пытались русские проталкивать в Штаты свою пропаганду, к ним с лихвой вернется то же самое.

Хартфорд невесело усмехнулся.

— Ну, знаете, Кларк! — Я был рад, что он не обратился ко мне по имени.— Я слегка разочарован. Вам ведь наверняка известно, что Соединенные Штаты на годы отстают по объему полезного груза, выводимого на орбиту? Думаете, старая Т-три — последнее слово русских?

Именно тогда я начал воспринимать его слова всерьез. Он был абсолютно прав. Т-3 могла вывести на орбиту высотой в тридцать пять тысяч километров, кстати, единственную, где спутник мог оставаться неподвижным относительно Земли, по крайней мере в пять раз больше груза, чем любая американская ракета. К тому времени, когда США сумеют с ней сравняться, одному небу известно, где окажутся русские. Да, небу уж точно будет известно...

— Ладно,— согласился я.— Но зачем пятидесяти миллионам американских семей сразу же переключать канал, как только у них появится возможность настроиться на Москву? Я восхищаюсь русскими, но с развлечениями у них хуже,

* Джон Эдгар Гувер (1895–1972), первый директор ФБР.

чем с политикой. Что у них еще есть, кроме Большого театра? Лично мне надолго хватит и одного маленького балета.

Ответом мне снова была все та же своеобразная улыбка. Хартфорд придерживал нокаутирующий удар, чтобы нанести его именно сейчас.

— Это вы первым заговорили про русских,— сказал он.— Да, они действительно в этом участвуют, но только как исполнители. Независимая организация, на которую я работаю, заключает с ними договоры на конкретные услуги.

— Серьезная контора,— сухо заметил я.

— Да, одна из самых крупных. Даже несмотря на то что Штаты пытаются делать вид, будто ее не существует.

— Ага,— довольно глупо проговорил я.— Вот, значит, кто ваши спонсоры.

До меня доходили слухи, что СССР собирается запускать спутники для Китая. Теперь стало похоже, что слухи эти выглядели весьма сдержанными по сравнению с правдой. Но я все еще не имел понятия, насколько именно.

— Вы совершенно правы насчет русской индустрии развлечений,— продолжал Хартфорд, явно наслаждаясь собственными словами.— После первого всплеска интереса к новинке ее рейтинг упадет до нуля. Но не у программы, которую планирую я. Моя задача — найти материал, который выведет из игры всех прочих конкурентов, если выйдет в эфир. Думаете, это невозможно? Допивайте, и идем ко мне в номер. Я хотел бы показать вам высокоинтеллектуальный фильм о религиозном искусстве.

Что ж, он отнюдь не был сумасшедшим, хотя на несколько мгновений у меня и возникла подобная мысль. Название, появившееся на экране, словно специально было рассчитано именно на то, чтобы зритель тотчас же переключил канал, едва успев его прочитать: «Некоторые аспекты тантрической скульптуры тринадцатого века».

— Не беспокойтесь,— усмехнулся Хартфорд на фоне жужжания проектора.— Подобное название избавляет меня

от излишних проблем с чересчур любопытными таможенниками. Оно вполне точное, но когда придет время, мы поменяем его на другое, привлекательное для публики.

Через пару минут, после нескольких безобидных длинных планов архитектурных съемок, я понял, что он имел в виду.

Возможно, вы знаете, что некоторые индийские храмы украшены великолепно исполненными барельефами, тематику которых мы на Западе вряд ли могли бы отнести к религиозной. Назвать их чересчур откровенными — значит преуменьшить до смешного. На долю воображения, каким бы оно ни было, они ничего не оставляют, однако в то же время являются гениальными творениями искусства. Таковым оказался и фильм Хартфорда.

Если вам интересно, то он был снят в храме Солнца в Конараке. После я выяснил, что это святилище находится на побережье Ориссы, примерно в сорока километрах к северо-востоку от Пури. В справочной литературе о нем говорится уклончиво. Некоторые авторы извиняются за очевидную невозможность привести иллюстрации, но Перси Браун в своей «Архитектуре Индии» выражается достаточно прямо, говоря, что барельефы «носят бесстыдно-эротический характер, не имеющий параллелей в архитектуре каких-либо иных строений». Весьма смелое заявление, но я посмотрел фильм и вполне могу ему поверить.

Благодаря потрясающей работе оператора и монтажера древние камни в буквальном смысле оживали перед движущимся объективом. На экране возникали потрясающие виды восходящего солнца, выхватывавшего из тени тела, переплетенные в экстазе. Внезапные крупные планы демонстрировали сцены, которые разум в первое мгновение отказывался воспринимать. Мягкие линии камня, обработанного рукой мастера, воплощали в себе все фантазии и извращения, на какие только способна любовь. Камера совершала бесконечные наезды и проходы, смысл которых оставался неяс-

ным глазу, пока картинка не застывала неподвижно, вызывая образы желания, неподвластного времени, и вечной похоти.

Музыка идеально соответствовала ритму фильма. В основном звучали ударные. Иногда с ними тонкой нитью переплеталась мелодия, ведомая каким-то неизвестным мне струнным инструментом. В какое-то мгновение она казалась томительно медленной, словно первые такты «Послеполуденного отдыха» Дебюсси, затем вступали барабаны, ритм которых становился все чаще, достигая бешеной, почти невыносимой кульминации. Искусство древних скульпторов и современного кинооператора объединилось сквозь века, создав поэму наслаждения, оргазм на пленке, к которому вряд ли мог остаться равнодушным хоть один мужчина.

Экран залил яркий свет, сладострастная музыка смолкла. Последовала долгая пауза.

— Господи! — проговорил я, постепенно приходя в себя.— Вы собираетесь передавать в эфир вот такое?

Хартфорд рассмеялся и ответил:

— Поверьте, это ничто по сравнению с прочим. Просто данная пленка — единственная, которую я могу без риска возить с собой. Мы готовы в любой момент защищать нашу позицию с точки зрения подлинного искусства, исторического интереса, религиозной терпимости. У нас все продумано со всех сторон. Но на самом деле это не столь уж и важно. Никому не удастся нас остановить, ибо впервые в истории любая форма цензуры становится абсолютно невозможной. Ее никто и никак не сумеет осуществить. Потребитель может получить все, что только пожелает, прямо у себя дома. Достаточно лишь запереть дверь и включить телевизор. Ни друзья, ни родственники ничего не узнают.

— Весьма умно,— заметил я.— Но вам не кажется, что подобная диета быстро приестся?

— Само собой. Разнообразие придает жизни остроту. У нас будет вполне достаточно и обычных развлекательных передач. Уж позвольте мне побеспокоиться об этом. Время

от времени мы будем давать в эфир информационные программы — ненавижу слово «пропаганда»! — рассказывающие американской публике, живущей в собственном мирке, о том, что на самом деле творится на свете. Что же касается наших, скажем так, специфических материалов, то они лишь приманка.

— Вы не против, если я немного подышу воздухом? — пришлось сказать мне.— Что-то тут душновато.

Хартфорд раздвинул занавески, снова впустив в комнату дневной свет. Внизу тянулась длинная кривая пляжа. Под пальмами покачивались привязанные рыбацкие лодки. Небольшие пенистые волны ударялись о песок, завершая свой утомительный путь от берегов Африки. Это был один из самых прекрасных видов в мире, но сейчас я не мог на нем сосредоточиться. Перед моими глазами все еще стояли переплетенные каменные конечности и страстные выражения лиц, застывших навеки.

За моей спиной снова послышался вкрадчивый голос:

— Вы удивитесь, если узнаете, сколько у нас подобного материала. Помните, для нас не существует абсолютно никаких табу. Если что-то можно снять на пленку, то мы готовы передать это в эфир.

Джин подошел к столу и взял с него тяжелый потрепанный том.

— Это моя Библия, или, если предпочитаете, «Сирс и Робак»*. Без нее мне никогда не удалось бы продать свой сериал спонсорам. Они безгранично верят в науку и проглотили наживку целиком, вплоть до последней запятой. Узнаете?

Я кивнул, потому что всегда обращал внимание на литературные вкусы хозяина, куда бы ни приходил.

— Доктор Кинси, надо полагать.

— Судя по всему, я единственный, кто прочитал его от корки до корки, а не просто интересовался жизненно важ-

* Американская сеть универсальных магазинов.

ной статистикой. Видите ли, это единственное исследование рынка в данной области. Пока не появится что-либо получше, мы используем его по максимуму. В нем говорится, чего хочет потребитель, и мы собираемся ему это предоставить.

— Вообще все?

— Если аудитория достаточно велика — да. Нас не волнуют слабоумные деревенские парни, слишком привязанные к своей скотине. Но представители четырех основных сексуальных ориентаций получат все, что только пожелают. В том и состоит красота фильма, который вы только что видели. Он притягателен для всех.

— Прошу прощения? — пробормотал я.

— Мы изрядно повеселились, планируя передачу, которую я окрестил «Уголок геев». Не смейтесь. Ни одно солидное агентство не может себе позволить проигнорировать данную аудиторию, насчитывающую по крайней мере десять миллионов человек, в том числе и женщин. Да благословит бог их башмаки и твидовые костюмы! Если вы считаете, будто я преувеличиваю, то взгляните на журналы с фотографиями мужчин, которыми завалены киоски с прессой. Достаточно небольшого шантажа, чтобы уговорить нескольких мускулистых красавцев участвовать в наших программах.

Он заметил, что разговор начал утомлять собеседника. Порой подобная одержимость вгоняет меня в тоску. Но я недооценил Хартфорда, что он тут же продемонстрировал.

— Только не думайте, что секс — наше единственное оружие,— поспешно сказал Джин.— Сенсации срабатывают ничем не хуже. Видели, что сотворил Эд Марроу* с покойным праведником Джо Маккарти? Это ноль по сравнению с тем, что мы планируем показать в «Тайнах Вашингтона».

Еще предполагается серия «Сумеешь выдержать?», цель которой — отделить настоящих мужчин от молокососов. Мы

* Американский тележурналист, выступавший с разоблачениями деятельности сенатора Джозефа Маккарти.

дадим в эфир столько предварительных предупреждений, что любой уважающий себя американец примет вызов. Шоу начнется достаточно невинно, в стиле Хемингуэя. Перед вами предстанут несколько сцен боя быков, которые заставят вас подпрыгнуть в кресле или броситься в ванную, поскольку в них будут показаны все мельчайшие подробности, которых вы никогда не увидите в подчищенных голливудских фильмах.

Затем последуют по-настоящему уникальные материалы, которые ничего нам не стоят. Помните фотографические свидетельства, продемонстрированные на Нюрнбергском процессе? Вы никогда их не видели, поскольку публикация запрещена. В концентрационных лагерях имелось немало фотолюбителей, которым представились невиданные прежде возможности. Некоторых из них повесили на основании свидетельств их собственных аппаратов, но работа этих людей не пропала зря. Она станет введением к нашей серии передач «Пытки сквозь века», изобилующей подробностями и научными сведениями, но весьма интересной для широкой аудитории.

Есть еще множество иных аспектов, но, думаю, вы уже представляете общую картину. На Мэдисон-авеню считают, будто знают все на тему тайного внушения. Поверьте мне, они ошибаются. Лучшие практикующие психологи мира в наше время живут на Востоке. Помните Корею и промывание мозгов? С тех пор мы многому научились. Больше нет нужды в насилии. Людям нравится, когда с ними такое делают, если правильно к этому подойти.

— Значит, вы намерены прочистить мозги Соединенным Штатам. Нелегкая задача,— сказал я.

— Именно! Страна будет в восторге, несмотря на все вопли со стороны конгресса и Церкви, не говоря уже, естественно, о телекомпаниях. Они поднимут самый большой шум, когда поймут, что не могут конкурировать с нами.

Хартфорд посмотрел на часы и тревожно присвистнул.

— Пора собирать вещи,— сказал он.— Мне нужно в шесть часов быть в этом вашем аэропорту с непроизноси-

мым названием. Полагаю, вряд ли вы когда-нибудь соберетесь в Макао, чтобы встретиться с нами?

— Не надейтесь. Но мне вполне понятна суть вашей идеи. Кстати, а вы не боитесь, что я проболтаюсь?

— Чего мне опасаться? Чем больше рекламы вы нам сделаете, тем лучше. Наша рекламная кампания начнется лишь через несколько месяцев, но мне кажется, что вы имеете право узнать обо всем заранее. Как я уже говорил, на эту мысль меня навели ваши книги.

Могу поклясться, что его благодарность выглядела совершенно искренней. Я лишился дара речи.

— Ничто не сможет нас остановить,— заявил он, и в его глазах впервые вспыхнул фанатизм, до этого таившийся за гладким циничным фасадом.— История на нашей стороне. Мы используем упадок Америки как оружие против нее самой, от которого нет защиты. Военная авиация не станет заниматься космическим пиратством, сбивать спутник вдали от американской территории. Федеральное агентство по связи не сможет даже подать протест в отношении страны, которой не существует с точки зрения Госдепартамента. Если у вас есть другие предложения, то мне крайне интересно было бы их выслушать.

Таковых у меня не было тогда, нет и сейчас. Возможно, мои слова успеют кого-то предупредить, прежде чем в профессиональных изданиях появятся первые заманчивые рекламные объявления, и сумеют расшевелить неповоротливых телевизионных гигантов. Но даст ли это хоть что-нибудь? Хартфорд так не считал. Возможно, он прав.

«История на нашей стороне».

Эти слова не выходят у меня из головы. Страна Линкольна, Франклина и Мелвилла, я люблю тебя и желаю тебе добра. Но в душу мою проникает ледяной ветер из прошлого, ибо я помню Вавилон.

— Что и говорить, преступления на Марсе совершаются не часто,— не без сожаления заметил инспектор уголовной полиции Роулинго.— По сути дела, из-за этого мне и приходится возвращаться в Скотланд-Ярд. Задержись я здесь подольше, и от моей былой квалификации не осталось бы и следа.

Мы сидели в главном смотровом зале космопорта на Фобосе и любовались залитыми солнцем зубчатыми скалами крохотной марсианской луны. Ракетный паром, доставивший нас с Марса, отошел минут десять назад и сейчас начинал головокружительное падение на шар цвета охры, парящий среди звезд. Через полчаса мы должны были подняться на борт лайнера, отправлявшегося на Землю — в мир, где большинство пассажиров никогда не бывали, хотя и называли его по традиции своей родиной.

— Но все же,— продолжал инспектор,— иногда и на Марсе случаются происшествия, которые оживляют тамошнюю жизнь. Вы, мистер Маккар, занимаетесь продажей произведений искусства и, должно быть, слыхали о переполохе в Меридиан-Сити, происшедшем несколько месяцев назад?

— Что-то не припомню,— ответил полный смуглый человечек, которого я было принял за возвращающегося на Землю туриста.

Инспектор, по-видимому, успел ознакомиться со списком пассажиров, отбывающих с очередным рейсом.

«Интересно, много ли ему удалось разузнать обо мне»,— подумал я и попытался внушить себе, что совесть моя —

© Перевод Ю. Данилова.

гм! — достаточно чиста. В конце концов, каждый что-нибудь да провозит через марсианскую таможню.

— Мы старались не поднимать шума,— произнес инспектор,— но в делах такого рода огласка неизбежна. А случилось вот что: вор, специализирующийся на ограблении ювелирных магазинов, прибыл с Земли, чтобы похитить величайшее сокровище музея в Меридиан-Сити — богиню Сирен.

— Что за нелепая идея! — возразил я.— Статуя богини, конечно, бесценна, но ведь это просто камень, обломок песчаника. Ее нельзя продать. С таким же успехом можно было бы похитить, например, «Мону Лизу».

Инспектор широко улыбнулся.

— Такое тоже случалось,— сказал он.— Возможно, и мотив преступления в обоих случаях был одним и тем же. Некоторые коллекционеры с готовностью отдали бы за такой предмет искусства целое состояние, даже если бы любоваться им смогли только в одиночестве. Вы согласны, мистер Маккар?

— Совершенно с вами согласен. По роду своей деятельности мне приходится иметь дело с сумасшедшими самого различного толка.

— Так вот, кто-то из таких, с позволения сказать, коллекционеров и нанял нашего красавчика — звали его Дэнни Уивер,— и только исключительное невезение помешало ему похитить статуэтку богини.

Диктор информационного центра космопорта сообщил, что наш рейс задерживается из-за необходимости произвести контрольные замеры горючего, и попросил нескольких пассажиров подойти к справочному бюро. Пока мы дожидались конца объявления, я припомнил то немногое, что знал о богине Сирен. Хотя мне никогда не доводилось видеть оригинал, я, подобно большинству туристов, отбывающих с Марса, увозил в своем багаже его копию. В сопроводительном документе, выданном Марсианским бюро по охране памятников древности, удостоверялось, что это «точная копия в натуральную величину так называемой богини Сирен, открытой в Море Сирен третьей экспедицией в 2012 г.».

Трудно поверить, что такая миниатюрная вещица могла вызвать столько споров. Величиной она была сантиметров двадцать. Будь она выставлена в каком-нибудь музее на Земле, вы бы прошли мимо, не обратив на нее никакого внимания. Головка молодой женщины, в чертах лица есть что-то восточное, мочки ушей несколько оттянуты, завитки мелко вьющихся волос плотно прилегают ко лбу, губы чуть раскрыты, словно от радости или удивления,— вот и все. Но тайна ее происхождения настолько опрокидывала все привычные представления, что послужила толчком к возникновению доброй сотни религиозных сект и свела с ума не одного археолога. И было от чего тронуться: откуда могла взяться чисто человеческая голова на Марсе, где единственными разумными существами были ракообразные — «интеллектуальные омары», как любят их называть наши газеты. Коренные марсиане даже близко не подошли к тому уровню развития, на котором становятся возможными космические полеты, и, во всяком случае, их цивилизация погибла задолго до появления человека на Земле. Неудивительно, что богиня Сирен стала загадкой номер один Солнечной системы. Не думаю, что при жизни моего поколения нам удастся решить эту загадку, если ее вообще удастся когда-нибудь решить.

— Разработанный Дэнни план был весьма прост,— прервал молчание инспектор.— Вы знаете, сколь пустыми становятся марсианские города по воскресеньям, когда все закрыто и колонисты сидят по домам перед телевизорами и смотрят передачу с Земли. Дэнни на это и рассчитывал, когда в пятницу вечером остановился в гостинице в Западном Меридиан-Сити. Субботу он отвел на то, чтобы осмотреться в музее, воскресенье — чтобы без помех заняться делом, а в понедельник утром вместе с другими туристами надеялся покинуть город...

В субботу утром он пересек небольшой парк и оказался в Восточном Меридиан-Сити, где находится музей. Как вам, может быть, приходилось слышать, свое название Меридиан-Сити получил потому, что расположен на сто восьмидесятом градусе — не больше и не меньше. В городском парке установлена каменная глыба, на которой высечен меридиан, разделяющий Марс на два полушария. Посетители парка любят фотографироваться у этого обелиска, стоя одной ногой в одном, а другой в другом полушарии. Просто удивительно, до чего такие вещи могут забавлять некоторых!

Целый день Дэнни, как и всякий турист, слонялся по музею. Но когда подошло время закрытия, он не покинул музей, а тайком пробрался в один из залов, закрытых для посетителей, где готовилась экспозиция, посвященная периоду строительства каналов. Там Дэнни оставался примерно до полуночи на тот случай, если какому-нибудь энтузиасту-исследователю вздумается задержаться в здании музея. В полночь Дэнни вышел из своего укрытия и приступил к делу.

— Простите,— прервал я инспектора,— а как же ночной сторож?

Инспектор рассмеялся.

— Дорогой мой, на Марсе неизвестна такая роскошь, как ночные сторожа, в музее нет даже сигнализации. Да и зачем: кому может прийти в голову красть куски камня? Правда, богиня находится в тщательно опечатанной витрине из стекла и металла, но это на случай, если какой-нибудь любитель сувениров воспылает к ней преступной страстью. Но даже если бы кто-нибудь похитил богиню, вору все равно негде было бы спрятать свою добычу. Как только обнаружилась бы пропажа, весь отходящий транспорт подвергли бы тщательнейшему обыску.

В том, что сказал инспектор, была изрядная доля истины. Я мыслил земными категориями, забыв о том, что каждый город на Марсе — это замкнутый мир, живущий своей особой жизнью под защитным полем, ограждающим его от леденящего вакуума или почти вакуума. За спасительными

экранами электронной защиты простирается крайне враждебная пустота марсианских пустынь, где человек, лишенный спасительной оболочки, погибает в считаные секунды. Принудить к неукоснительному соблюдению законов в такой обстановке очень легко. Неудивительно, что на Марсе совершается так мало преступлений.

— У Дэнни с собой был превосходный набор инструментов, каждый предмет в нем был предназначен, как у часовщика, для выполнения определенной операции. Украшением набора была микропила размером с паяльник. Ее режущая кромка тоньше папиросной бумаги приводилась в движение миниатюрным ультразвуковым генератором и совершала миллион колебаний в секунду. Она легко, словно через масло, проходила сквозь стекло и металл, оставляя прорезь, которая была тоньше человеческого волоса, что было особенно важно для Дэнни в его предприятии.

Думаю, вы и сами догадались, как намеревался действовать грабитель. План его был прост: прорезать отверстие в витрине и подменить подлинную богиню копией, которых навалом в сувенирных магазинах. Мог бы пройти не один год, прежде чем какой-нибудь дотошный знаток докопался бы до истины. А подлинная богиня давным-давно достигла бы Земли, идеально замаскированная под собственную копию с официальным документом, удостоверяющим аутентичность. Ловко придумано, не правда ли?

Жутковато, должно быть, было Дэнни работать в темном зале, где тебя со всех сторон окружают какие-то барельефы и непонятные предметы, насчитывающие не один миллион лет. И в земном музее ночью не очень-то уютно, но там, по крайней мере, все — как бы это поточнее выразиться? — человеческое. В зале номер три нельзя было ступить и шагу, чтобы не натолкнуться на барельеф с изображением самых невероятных чудовищ, вступивших между собой в отчаянную схватку не на жизнь, а на смерть. Внешне эти чудовища напоминали гигантских жуков, и большинство палеонтологов категорически отрицали саму возможность их существо-

вания. Но, вымышленные или реальные, они принадлежали марсианскому миру и не беспокоили Дэнни так, как богиня, молча взиравшая на него сквозь века и решительно отказывавшаяся объяснить свое появление. Дэнни чувствовал, что от ее взгляда по спине бегают мурашки. Откуда я все это знаю? Да от самого Дэнни.

К вскрытию витрины Дэнни приступил, словно огранщик алмазов к разрезанию уникального камня. Почти вся ночь ушла на то, чтобы прорезать люк в витрине, и, когда работа почти подошла к концу, Дэнни решил немного передохнуть и отложил пилу в сторону. Многое еще оставалось сделать, но самое трудное было позади. На то, чтобы заменить подлинную богиню копией, проверить точность установки по фотографиям, предусмотрительно захваченным с собой, и уничтожить следы, должно было уйти почти все воскресенье, но Дэнни это ничуть не заботило: у него в запасе оставались еще двадцать четыре часа, а в понедельник можно будет с нетерпением ждать первых посетителей, чтобы, смешавшись с ними, незаметно покинуть музей.

Нужно ли говорить, как потрясен был Дэнни, когда на следующее утро ровно в восемь тридцать главные двери музея с шумом отворились и служители — все шестеро — принялись готовить все к началу рабочего дня. Дэнни едва успел ретироваться через запасный выход, бросив и инструменты, и богиню. Еще один сюрприз ожидал его, когда он очутился на улице. В это время дня на ней не должно было быть ни души: все поселенцы в воскресенье утром обычно сидят дома за чтением газет. А здесь — улица бурлила: обитатели Восточного Меридиан-Сити спешили кто на завод, кто в учреждение, словно был обычный рабочий день.

К тому времени, когда несчастный Дэнни добрался до гостиницы, мы уже поджидали его. Хвастаться нам было нечем: не так уж трудно было понять, что забыть об основной достопримечательности Меридиан-Сити, его главном шансе на славу, мог только единственный гость с Земли, причем

гость, прибывший недавно. Вы, конечно, знаете, в чем главная достопримечательность Меридиан-Сити?

— Нет,— признался я чистосердечно.— Шесть недель не слишком большой срок даже для поверхностного знакомства с Марсом, и к востоку от Большого Сырта мне так и не довелось побывать.

— Не беда, сейчас поймете, в чем причина постигшей Дэнни неудачи. Все объясняется до смешного просто. Впрочем, не будем судить о Дэнни слишком строго. Бывает, что даже местные жители попадают в ту же ловушку. Аналогичная проблема возникает и у нас на Земле, но мы не испытываем никаких затруднений лишь потому, что просто-напросто топим ее в Тихом океане. На Марсе кругом, куда ни глянь, суша, поэтому кому-то приходится жить и на линии смены дат.

Дэнни, как вы помните, отправился на дело из Западного Меридиан-Сити, где воскресенье действительно наступило. И когда мы прибыли в гостиницу, чтобы арестовать Дэнни, там по-прежнему было воскресенье. Но всего лишь в километре от гостиницы — в Восточном Меридиан-Сити — была еще суббота. Небольшая прогулка через парк решила исход столь хитроумно задуманного предприятия. Я же с самого начала сказал вам, что дело сорвалось из-за дьявольского невезения.

Мы сочувственно помолчали, потом я спросил:

— Сколько ему дали?

— Три года,— ответил инспектор Роулинго.

— Не очень много.

— Три марсианских года, то есть почти шесть земных. К тому же его приговорили к штрафу в размере стоимости обратного билета на Землю! Странное совпадение. Разумеется, он находится не в тюрьме. Марс не может себе позволить столь расточительную роскошь. Дэнни живет под строгим надзором и вынужден зарабатывать себе на жизнь. Я говорил

вам, что в музее Меридиан-Сити не было ночных сторожей. Теперь у музея есть один ночной сторож. Угадайте кто.

— Всех пассажиров просят приготовиться к посадке. Она начнется через десять минут! Не забудьте свой ручной багаж! — раздался повелительный голос из громкоговорителей.

Когда мы двинулись к галерее, откуда производилась посадка, я не удержался и задал инспектору еще один вопрос:

— А что стало с людьми, которые наняли Дэнни и толкнули его на преступление? Деньги за ним были немалые. Вам удалось установить, кто эти люди?

— Пока еще многое неизвестно. Они тщательно замели следы. Дэнни говорил правду, когда заявил на следствии, что не может дать в руки правосудия никаких нитей, ведущих к тем, кто стоял за ним. Впрочем, сейчас это уже не мое дело. Как я вам уже сообщил, я возвращаюсь на свою работу в Скотланд-Ярде. Но полицейский всегда должен быть начеку, как и торговец произведениями искусства, не правда ли, мистер Маккар? Что с вами? Вам нехорошо? На вас лица нет! Вот примите таблетку от космической болезни.

— Благодарю вас, мне уже лучше,— попытался через силу улыбнуться мистер Маккар.

Тон его был явно враждебным. За последние несколько минут беседы температура упала ниже нуля. Я взглянул на мистера Маккара, потом перевел взгляд на инспектора и вдруг понял, что нам предстоит увлекательнейшее путешествие.

— Не знаю, для чего я это записываю,— медленно произнес Джордж Такео Пикетт в парящий перед его лицом микрофон.— Вряд ли кому-то доведется слушать запись. Говорят, комета пронесет нас по соседству с Землей только через два миллиарда лет, когда будет снова огибать Солнце. Просуществует ли человечество так долго? И будет ли комета такой же великолепной, какой увидели ее мы? Возможно, наши потомки тоже снарядят экспедицию, чтобы взглянуть на нее поближе. И обнаружат ракету... Даже через столько тысячелетий наш корабль будет в полном порядке. Останется горючее в баках и воздух в отсеках — ведь продукты кончатся раньше, и мы умрем от голода, а не от удушья. Впрочем, вряд ли мы станем дожидаться этого, проще открыть воздушный шлюз и покончить сразу.

В детстве я читал книгу об арктических исследованиях — «Зимовка во льдах». Ну вот, что-то в этом роде ожидает нас. Мы со всех сторон окружены льдом, огромными ноздреватыми айсбергами, «Челенджер» летит среди роя ледяных глыб, которые очень медленно — сразу и не заметишь — вращаются вокруг друг друга. Но такой зимы не знала ни одна экспедиция на полюсы Земли. Почти все эти два миллиона лет будет держаться температура четыреста пятьдесят градусов ниже нуля по Фаренгейту. Мы уйдем так далеко от Солнца, что тепла от него будет не больше, чем от звезд. Кто-нибудь пытался морозной зимней ночью греть руки в лучах Сириуса?..

Нелепый образ, вдруг пришедший на ум Джорджу Пикетту, окончательно добил его. Перехватило голос, с такой

© Перевод Л. Жданова.

силой нахлынули воспоминания о мерцающих в лунном свете сугробах, о перезвоне рождественских колоколов над краем, от которого его сейчас отделяло девяносто миллионов километров. Внезапно он разрыдался, точно ребенок, не в силах совладать с собой, с тоской по всему тому прекрасному на Земле, чего прежде не ценил по-настоящему и что теперь навсегда утрачено.

А как хорошо все началось, сколько было радостного возбуждения, ожиданий! Он помнил — неужели всего полгода прошло? — как впервые вышел из дому посмотреть на комету; незадолго перед тем восемнадцатилетний Джимм Рэндл увидел ее в самодельный телескоп и отправил свою знаменитую телеграмму в обсерваторию Маунт-Стромло. Тогда комета была едва заметным светящимся облачком, которое медленно скользило через созвездие Эридана, южнее экватора. Далеко за Марсом она мчалась к Солнцу по невероятно вытянутой орбите. В прошлый раз комета сияла на небе безлюдной Земли, и некому было любоваться ею; возможно, никого не будет, когда она появится вновь. Человечество в первый (и, быть может, единственный) раз видело комету Рэндла.

Приближаясь к Солнцу, она росла, выбрасывала струи и языки, самый маленький из которых был во сто крат больше Земли. Когда комета пересекла орбиту Марса, хвост ее — этакий исполинский вымпел, развеваемый космическим бризом,— протянулся уже на семьдесят миллионов километров. Тут наконец астрономы сообразили, что предстоит, пожалуй, самое великолепное небесное зрелище, какое когда-либо наблюдал человек; комета Галлея, которая являлась в 1986 году, не шла ни в какое сравнение. И организаторы Международного астрофизического десятилетия решили, если удастся вовремя снарядить экспедицию, послать вдогонку комете исследовательский корабль «Челенджер». Ведь может пройти не одно тысячелетие, прежде чем снова представится такой случай!

Неделю за неделей комета Рэндла в предрассветные часы сияла на небе, затмевая Млечный Путь. Вблизи Солнца она вновь ощутила зной, которого не испытывала с той поры, когда по Земле бродили мамонты. И активность ее росла; словно лучи мощного прожектора, плыли среди звезд струи светящегося газа, изверженные ее ядром. Хвост, теперь уже двести миллионов километров в длину, делился на замысловатые ленты и полосы, очертания которых менялись за одну ночь. И всегда они были устремлены прочь от Солнца, будто гонимые к звездам вечным могучим ветром из сердца Солнечной системы.

Когда Джорджа Пикетта назначили на «Челенджер», он долго не мог поверить своему счастью. Конечно, сыграло роль то, что он кандидат наук, холостяк, славится отменным здоровьем, весит чуть больше пятидесяти килограммов и давно расстался с аппендиксом. Но разве мало других журналистов с такими данными?

Что ж, скоро они перестанут завидовать...

Грузоподъемность «Челенджера» была маловата, экспедиция не могла взять с собой только репортера, и Пикетт совмещал журналистские обязанности с научными. На деле это означало, что он вел вахтенный журнал во время дежурства, был секретарем начальника экспедиции, следил за расходом припасов и материалов, занимался учетом. Снова и снова думал он, как это кстати, что в космосе, в мире невесомости, человеку достаточно трех часов сна в сутки.

Нужен был немалый такт, чтобы одно дело не шло в ущерб другому. Когда он не был занят бухгалтерией в своем закутке и не проверял наличие в кладовых, можно было побродить с магнитофоном по кораблю. Одного за другим Джордж Пикетт проинтервьюировал каждого из двадцати ученых и инженеров, которые составляли экипаж «Челенджера». Не все записи были переданы на Землю; некоторые интервью оказались перегруженными техническими подробностями, другие чересчур скудными, третьи излишне многословными. Во всяком случае, он побеседовал со все-

ми, и как будто никто не мог пожаловаться, что его обошли. Впрочем, теперь это уже не играет никакой роли...

Интересно, что сейчас делается в душе доктора Мартинса? Помнится, астроном был одним из самых твердых орешков; зато он мог рассказать больше, чем кто-либо другой. Пикетту вдруг захотелось отыскать запись первого интервью Мартинса. Джордж великолепно понимал, что пытается уйти в прошлое, чтобы не думать о настоящем. Ну и что ж? Если это удастся, тем лучше!..

Сорок миллионов километров отделяли от кометы стремительно летящий корабль, когда Джордж поймал Мартинса в обсерватории и приступил к допросу. Он хорошо помнил это интервью. Вид невесомого микрофона, слегка колеблемого воздушной струей от вентилятора, был до того необычным, что Пикетт никак не мог сосредоточиться. А по голосу ничего не заметно, звучит с профессиональной непринужденностью...

«Доктор Мартинс,— гласил первый вопрос,— из чего состоит комета Рэндла?»

«Состав сложный,— отвечал астроном,— и все время меняется по мере удаления кометы от Солнца. Хвост преимущественно из аммиака, метана, углекислого газа, водяных паров, циана...»

«Циана? Но ведь это ядовитый газ! Что было бы, если б Земля попала в такую струю?»

«Ничего. Несмотря на свой эффектный вид, хвост кометы, по нашим земным понятиям, чуть ли не вакуум. В объеме, равном объему Земли, газа столько же, сколько воздуха в пустом спичечном коробке».

«Но это разреженное вещество образует такое красочное зрелище!»

«Как и любой сильно разреженный газ в электрическом поле. И по той же причине. Солнце бомбардирует хвост кометы частицами, которые несут электрический заряд. И получаются как бы светящиеся космические письмена. Только

бы рекламные конторы не додумались использовать это — распишут всю Солнечную систему своими объявлениями!»

«Ужасная мысль... Хотя, уверен, найдутся такие, которые назовут это торжеством прикладной науки. Но оставим хвост. Скажите, скоро мы достигнем сердца кометы — или ядра, как вы его, кажется, называете?»

«Догонять в кильватер всегда трудно. Не меньше двух недель нужно, чтобы подойти к ядру. Будем идти внутри хвоста и постепенно изучим всю комету в продольном сечении. До ядра еще сорок миллионов километров, но мы уже кое-что знаем о нем. Во-первых, оно чрезвычайно мало, меньше ста километров в поперечнике. И не сплошное; похоже, что ядро — это облако из тысяч роящихся частиц».

«Мы сможем проникнуть внутрь ядра?»

«Заранее трудно сказать. Возможно, безопасности ради мы исследуем его через наши телескопы с расстояния в несколько тысяч километров. Но сам я был бы очень разочарован, если бы мы не вошли внутрь. А вы?»

Пикетт выключил магнитофон. Что ж, все верно. Конечно, Мартинс был бы разочарован, тем более что опасности как будто нет. Как будто? Комета вообще не приготовила никаких каверз, угроза таилась на борту их собственного корабля...

Одну за другой они пронизывали огромные, невероятно разреженные завесы; хотя комета Рэндла теперь мчалась прочь от Солнца, она все еще выделяла газ. И даже когда корабль подошел к самой плотной части кометы, их практически окружал вакуум. Светящийся туман, который простерся на много миллионов километров, почти беспрепятственно пропускал звездный свет. А прямо по курсу яркое пятнышко ядра, подобно блуждающему огоньку, манило их за собой вперед и вперед.

Электрические возмущения в окружающем веществе возросли настолько, что нарушилась связь с Землей. Сигналы их главного передатчика пробивались с трудом, и последние несколько дней космонавты ограничивались тем, что пере-

давали ключом «ОК». Когда корабль вырвется из кометы и возьмет курс на Землю, связь восстановится, а пока они почти так же обособлены, как землепроходцы в старину, когда радио еще не было. Неудобно, конечно, но ничего страшного. Пикетт был даже рад, больше времени оставалось на канцелярию. Хотя «Челенджер» шел к сердцу кометы — путешествие, о котором до двадцатого столетия не мог мечтать ни один капитан! — кому-то надо было вести учет продовольствия и прочих запасов...

Медленно, осторожно, прощупывая радаром пространство во всех направлениях, «Челенджер» прошел в ядро кометы и замер там среди льдов.

Фред Уипл, сотрудник Гарвардской обсерватории, еще в сороковых годах угадал истину. Но даже теперь, когда они все увидели своими глазами, трудно было поверить: маленькое — относительно — ядро кометы оказалось гроздью айсбергов, которые, летя по общей орбите, в то же время кружили, меняясь местами. В отличие от ледяных гор земных океанов они не были ослепительно белыми и состояли не из замерзшей воды. Грязно-серые, ноздреватые, словно подтаявший снег, со множеством «карманов» метана и аммиака, они то и дело, нагретые солнечными лучами, извергали исполинские струи газа. Зрелище великолепное, но поначалу Пикетту некогда было любоваться им.

Зато теперь времени хоть отбавляй...

Джордж Пикетт проверял наличные запасы, когда столкнулся с бедой, причем он даже не сразу осознал ее масштабы. Ведь на складе все было в порядке, запасов хватит на весь обратный путь до Земли. Он сам в этом убедился, оставалось только свериться с данными, которые хранились в крохотной — с булавочную головку — ячейке электронной памяти корабля, отведенной для бухгалтерии.

Когда на экране вспыхнули первые несусветные цифры, Пикетт решил, что нажал не тот тумблер. Он стер итог и повторил задание вычислительной машине.

Было шестьдесят ящиков вакуумированного мяса, израсходовано семнадцать, осталось... Ответ гласил: 99 999 943!

Он пробовал снова и снова — с тем же успехом. И тогда, озадаченный, но еще далеко не встревоженный, Пикетт пошел искать доктора Мартинса.

Он нашел астронома в «Камере пыток» — миниатюрном гимнастическом зале, втиснутом между кладовками и переборкой главной цистерны горючего. Каждый член экипажа был обязан упражняться здесь по часу в день, чтобы мышцы не ослабли в невесомости. Мартинс сражался с набором тугих пружин, и лицо его выражало мрачную решимость. Он еще больше помрачнел, выслушав доклад Пикетта.

Несколько манипуляций на щите управления — и все стало ясно.

— Электронный мозг свихнулся,— сказал Мартинс.— Не может даже ни складывать, ни вычитать.

— Ничего, починим!

Мартинс покачал головой. От его обычной вызывающей самоуверенности не осталось и следа. Он больше всего напоминал резиновую куклу, из которой начал выходить воздух.

— Даже его создатели не справились бы. Тут несчетное множество микроцепей, они упакованы так же плотно, как в мозгу человека. Запоминающее устройство еще действует, но вычислитель никуда не годится. Он просто делает винегрет из поступающих в него чисел.

— Что же будет? — спросил Пикетт.

— Всем нам крышка,— просто ответил Мартинс.— Без вычислительной машины мы пропали. Не сможем рассчитать орбиту для возвращения на Землю. Чтобы с карандашом и бумагой сделать все вычисления, понадобилась бы целая армия математиков, да и то ушла бы не одна неделя.

— Но это смехотворно! Корабль в полном порядке, продовольствия и горючего вдоволь, а вы говорите, что мы погибнем из-за каких-то пустяковых расчетов.

— Пустяковых расчетов? — К Мартинсу даже вернулась частица прежней энергии.— Выйти из кометы на орбиту, ведущую к Земле,— это же серьезный маневр, нужно около ста тысяч вычислительных операций. Даже машина тратит на это несколько минут.

Пикетт не был математиком, но достаточно разбирался в астронавтике, чтобы понять, в чем дело. На корабль, летящий в космосе, действует множество небесных тел. Главная сила, которая определяет его движение,— притяжение Солнца, прочно удерживающее все планеты на их орбитах. Но и планеты тянут корабль в разные стороны, конечно намного слабее. Учесть соперничающие силы, а главное, использовать их, чтобы достичь желанной цели — пусть до нее не один десяток миллионов километров,— задача головоломная. Пикетт понимал отчаяние Мартинса: ни один человек не может работать без необходимого в его деле инструмента, и нет дела, для которого требовался бы более хитроумный инструмент.

Даже после того, как начальник экспедиции объявил всем о поломке и состоялось чрезвычайное совещание, прошел не один час, пока люди уразумели, что их ожидает. До рокового конца было еще много месяцев, и он казался просто нереальным. Им грозила смертная казнь, но исполнение приговора откладывалось. К тому же за иллюминаторами по-прежнему была великолепная картина.

Сквозь облако пылающей мглы — это облако станет вечным небесным памятником погибшей экспедиции — они видели могучий маяк Юпитера, ярче любой звезды. Что же, если остальные предпочтут покончить с собой сразу, кто-то из экипажа, возможно, еще доживет до встречи с самым рослым из детей Солнца. «Стоит ли прожить несколько лишних недель,— спрашивал себя Пикетт,— чтобы воочию увидеть картину, которую первым в свой самодельный телескоп наблюдал Галилей четыре столетия назад: спутники Юпитера, снующие взад-вперед, будто шарики на невидимой проволоке?»

Шарики на проволоке. Вдруг из подсознания Джорджа вырвалось полузабытое воспоминание детства. Видимо, оно уже несколько дней зрело — и вот наконец проклюнулось.

— Нет! — крикнул он.— Чепуха! Меня поднимут на смех!

«Ну и что же? — возразила другая половина его сознания.— Тебе нечего терять, и по крайней мере каждый будет занят своим делом, а не думать о продовольствии и кислороде».

Искра надежды лучше, чем безнадежность...

Джордж Пикетт перестал крутить свой магнитофон; уныние как рукой сняло. Он отстегнул эластичный пояс, встал с кресла и пошел на склад искать нужные материалы.

— Такие шутки,— сказал три дня спустя доктор Мартинс,— до меня не доходят.

И он презрительно посмотрел на самоделку из дерева и проволоки, которую держал в руке Пикетт.

— Я знал, что вы так скажете,— миролюбиво ответил журналист.— Но сперва послушайте меня. Моя бабушка была японка, и в детстве я слышал от нее историю, которую вспомнил только теперь, несколько дней назад. Кажется, это может нас спасти. После Второй мировой войны устроили однажды соревнование — в быстроте счета состязались американец, вооруженный электрическим арифмометром, и японец с абаком вроде этого. Победил абак.

— Плохой был арифмометр или оператор никудышный.

— Нарочно отобрали лучшего во всех вооруженных силах США. Но не будем спорить. Проведем испытание, назовите два трехзначных числа для умножения.

— Ну... восемьсот пятьдесят шесть на четыреста тридцать семь.

Пальцы Пикетта забегали по шарикам, молниеносно гоняя их по проволокам. Всего проволок было двенадцать, это позволяло производить действия над любыми числами от единицы до 999 999 999 999 или, разбив абак на секции, одновременно делать несколько вычислений.

— Триста семьдесят четыре тысячи семьдесят два,— ответил Пикетт почти мгновенно.— А теперь посмотрим, как вы управитесь с помощью карандаша и бумаги.

Прошло около минуты; наконец Мартинс, который, как и большинство математиков, был не в ладах с арифметикой, крикнул:

— Триста семьдесят пять тысяч семьдесят два!

Проверка тотчас показала, что Мартинс ошибся, хотя умножал в три раза дольше, чем Пикетт.

Удивление, ревность, интерес смешались на лице астронома.

— Кто вас научил этому фокусу? — спросил он.— Я думал, на такой штуке можно только складывать и вычитать.

— А что такое умножение, если не многократное сложение? Я семь раз сложил восемьсот пятьдесят шесть в ряду единиц, три раза — в ряду десятков, четыре раза — в ряду сотен. То же самое делаете вы на бумаге. Конечно, есть приемы для ускорения, но если вам показалось, что я считаю быстро, посмотрели бы вы на брата моей бабушки. Он служил в банке в Иокогаме. Как пойдет щелкать — пальцев не видно. Он меня кое-чему научил, да ведь с тех пор больше двадцати лет прошло. Я еще только два дня упражняюсь, пока считаю медленно. И все-таки надеюсь, что мне удалось хоть немного убедить вас.

— Еще бы! Я просто поражен. Вы и делить можете так же быстро?

— Почти, надо только руку набить.

Мартинс взял абак, погонял шарики взад-вперед. Потом вздохнул.

— Гениально. Но нас это не выручит, даже если бы на нем можно было считать вдесятеро быстрее, чем на бумаге. Машина в миллион раз эффективнее.

— Я подумал об этом,— ответил Пикетт, теряя самообладание. (Этот Мартинс рохля какой-то, нет у него воли к борьбе. Хоть бы задумался, как управлялись астрономы сто лет назад, когда не было никаких счетных машин!) — Вот что я предлагаю, а вы скажите, если я ошибаюсь...

Он обстоятельно, не торопясь, изложил во всех подробностях свой план. Слушая его, Мартинс заметно воспрянул духом и даже рассмеялся; впервые за много дней Пикетт слышал смех на борту «Челенджера».

— Вижу лицо начальника экспедиции,— воскликнул астроном,— когда он услышит, что нам всем придется вернуться в детский сад и играть в шарики!

Никто не хотел верить в абак, пока Пикетт сам не показал, как на нем считают. Люди, выросшие в мире электроники, никак не ожидали, что нехитрая комбинация проволоки и шариков способна на такие чудеса. Но задача была увлекательная, а речь шла о жизни и смерти, и они горячо взялись за дело.

Как только инженеры изготовили достаточно совершенных копий грубого оригинала, сделанного Пикеттом, все начали учиться. Основные правила он объяснил за несколько минут, главное была практика, многочасовые упражнения, чтобы пальцы автоматически, без участия мысли, перебрасывали шарики. Некоторые и через неделю непрерывных занятий не смогли развить достаточной скорости и точности, зато другие быстро превзошли самого Пикетта.

Космонавтам снились шарики и проволока, во сне они продолжали считать... Когда они хорошо освоили простейшие приемы, экипаж разбили на группы, которые азартно состязались между собой, совершенствуя свое умение. В конце концов лучшие научились за пятнадцать секунд перемножать четырехзначные числа, и они могли это делать несколько часов подряд.

Все это была чисто механическая работа, которая не требовала большой смекалки, а только навыка. По-настоящему трудная задача выпала на долю Мартинса, и тут ему никто не мог помочь. Ему пришлось забыть привычные приемы работы с вычислительными машинами и составлять задания так, чтобы их механически выполняли люди, совершенно не представляющие себе смысла обрабатываемых чи-

сел. Астроном сообщал данные, они вычисляли по указанной им схеме, и через несколько часов живой математический конвейер выдавал ответ. А чтобы застраховаться от ошибок, две группы работали параллельно и время от времени сверяли свои итоги.

— Итак,— обратился Пикетт к своему микрофону, когда время наконец позволило ему вспомнить о слушателях, с которыми он было навсегда распрощался,— мы создали счетную машину из людей вместо электронных ячеек. Конечно, она действует в несколько тысяч раз медленнее, не справляется с очень большими числами и легко устает, но все-таки делает свое дело. Рассчитать весь обратный путь нельзя, это чересчур сложно, но мы хоть определим орбиту, которая позволит достичь зоны радиосвязи. Как только корабль уйдет от электрических помех, мы сообщим свои координаты на Землю, и оттуда электронные машины подскажут, как нам быть дальше. Мы уже вышли из ядра кометы и не летим к границам Солнечной системы. Наш новый курс подтверждает точность расчетов, насколько вообще можно говорить о точности. Правда, корабль еще внутри кометного хвоста, но от ядра нас отделяют миллионы километров, мы больше не увидим этих аммиачных айсбергов. Они мчатся к звездам, в леденящую ночь межсолнечного пространства, мы же возвращаемся домой...

— Алло, Земля, Земля! Вызывает «Челенджер», я «Челенджер»! Отвечайте, как только услышите нас, помогите нам с арифметикой, пока мы не стерли пальцы до кости!

Очнувшись, Колин Шеррард долго не мог сообразить, где он. Он лежал в какой-то капсуле на круглой вершине холма, крутые склоны которого запеклись темной коркой, точно их опалило жаркое пламя; вверху простерлось черное как смоль небо с множеством звезд, и одна из них, над самым горизонтом, напоминала крохотное яркое Солнце.

Солнце?! Неужели он так далеко от Земли? Не может быть. Память подсказывала ему, что Солнце близко, угрожающе близко, оно никак не могло обратиться в маленькую звезду. Вдруг в голове у него прояснилось. Шеррард знал, где он, знал точно, и мысль об этом была так страшна, что он едва опять не потерял сознания.

Никто из людей не бывал еще так близко к Солнцу.

Поврежденный космокар лежал не на холме, а на сильно искривленной поверхности маленького — всего три километра в поперечнике — космического тела. И быстро опускающаяся к горизонту на западе яркая звезда — это огни «Прометея», корабля, который доставил Шеррарда сюда, за миллионы километров от Земли. Товарищи, конечно, уже недоумевают, почему не вернулся его космокар — замешкавшийся почтовый голубь. Пройдет несколько минут, и «Прометей» исчезнет из поля зрения, уйдет за горизонт, играя в прятки с Солнцем...

Колин Шеррард проиграл эту игру.

Правда, он пока на ночной стороне астероида, укрыт в его прохладной тени, но быстротечная ночь на исходе. Четырехчасовой икарийский день надвигается стремительно и неотвратимо, близок грозный восход, когда яркий солнеч-

© Перевод Л. Жданова.

ный свет — в тридцать раз ярче, чем на Земле,— выплеснет на эти камни жгучее пламя. Шеррард великолепно знал, почему все кругом опалено до черноты. Хотя Икар будет в перигелии только через неделю, уже теперь полуденная температура на его поверхности близка к тысяче градусов по Фаренгейту.

Не до юмора ему было, и все-таки вдруг вспомнилось, что капитан Маклеллан сказал об Икаре: «Ох, горяча земля, поневоле будешь чужими руками жар загребать».

Несколько дней назад они воочию убедились, сколь справедлива эта шутка: помог один из тех простейших ненаучных опытов, которые действуют на воображение куда сильнее, чем десятки графиков и кривых.

Незадолго до восхода один из космонавтов отнес на бугорок деревянную чурку. Стоя в укрытии на ночной стороне, Шеррард видел, как первые лучи Солнца коснулись бугорка. Когда его глаза оправились от внезапного взрыва света, он разглядел, что чурка уже чернеет, обугливаясь. Будь здесь атмосфера, дерево тотчас вспыхнуло бы ярким пламенем.

Вот что такое восход на Икаре...

Правда, пять недель назад, когда они пересекли орбиту Венеры и впервые высадились на астероид, было далеко не так жарко. «Прометей» подошел к Икару в момент его наибольшего удаления от Солнца. Космический корабль приноровил свой ход к скорости маленького мирка и лег на его поверхность легко, как снежинка. (Снежинка — на Икаре!.. Придет же на ум такое сравнение.) Тотчас на сорока квадратных километрах колючего никелевого железа, покрывающего бо́льшую часть астероида, рассыпались ученые — они расставляли приборы, разбивали триангуляционную сеть, собирали образцы, делали множество наблюдений.

Все было задумано и тщательно расписано много лет назад, когда еще только готовились к Международному астрофизическому десятилетию. Икар предоставлял исследовательскому кораблю неповторимую возможность: под прикрытием железокаменного щита трехкилометровой толщины подойти к Солнцу на расстояние всего тридцати миллионов километров. Защищенный Икаром, корабль мог без опаски облететь вокруг могучей топки, которая согревает все планеты и от которой зависит всякая жизнь.

Подобно легендарному Прометею, добывшему для человечества огонь, космолет, названный его именем, доставит на Землю новые знания о поразительных тайнах небес...

Члены экспедиции успели установить все приборы и провести заданные исследования, прежде чем «Прометею» пришлось взлететь, чтобы отступить вместе с ночной тенью. Да и потом оставалось в запасе еще около часа, во время которого человек в космокаре — миниатюрном, длиной всего три метра, космическом корабле — мог работать на ночной стороне, пока не подкралась полоса восхода. Казалось бы, в мире, где рассвет приближается со скоростью всего двух километров в час, ничего не стоит вовремя улизнуть! Но Шеррард не сумел этого сделать, и теперь его ожидала кара: смерть.

Он и сейчас не совсем понимал, как это случилось.

Колин Шеррард налаживал передатчик сейсмографа на Станции 145, которую они между собой называли Эверестом: она на целых двадцать семь метров возвышалась над поверхностью Икара! Работа пустяковая. Правда, делать ее приходилось с помощью выдвигающихся из корпуса космокара механических рук, но Шеррард уже наловчился, металлическими пальцами он завязывал узлы почти так же сноровисто, как собственными. Двадцать минут, и радиосейсмограф опять заработал, сообщая в эфир о толчках и трясениях, число которых стремительно росло по мере того, как Икар приближался к Солнцу.

Теперь на лентах записана и «его» кривая, да много ли ему от этого радости...

Убедившись, что передатчик действует, Шеррард расставил вокруг прибора солнечные отражатели. Трудно поверить,

что два хрупких, не толще бумаги, листа металлической фольги могли преградить путь потоку лучей, способному в несколько секунд расплавить олово или свинец! И однако первый экран отражал более девяноста процентов падающего на его поверхность света, а второй — почти все остальное; вместе они пропускали совершенно безобидное количество тепла.

Шеррард доложил на корабль, что задание выполнено, получил «добро» и приготовился возвращаться на борт. Мощные прожекторы «Прометея» — без них на ночной стороне астероида вряд ли удалось бы что-либо разглядеть — были безошибочным ориентиром. Всего три километра отделяли его́ от корабля, и, будь на Шеррарде планетный скафандр с гибкими сочленениями, инженер мог бы просто допрыгнуть до «Прометея», ведь здесь почти полная невесомость. Ничего, маленькие ракетные двигатели космокара за пять минут доставят его на борт...

Гироскопами он направил космокар на цель, потом включил вторую скорость и нажал стартер. Сильный взрыв под ногами — Шеррард взлетел, удаляясь от Икара — и от корабля! «Неисправно́сть!» — подумал он с ужасом. Его прижало к стенке, он никак не мог дотянуться до щита управления. Работал только один мотор, поэтому астронавт летел кувырком, вращаясь все быстрее. Шеррард лихорадочно искал кнопку стопа, но вращение сбило его с толку, и когда он наконец дотянулся до ручек, его первое движение только все ухудшило: он включил полную скорость — как нервный шофер сгоряча вместо тормоза нажимает акселератор. Всего секунда ушла на то, чтобы исправить ошибку и заглушить мотор, но за эту секунду вращение усилилось настолько, что звезды стали светящимися колесами...

Все случилось так быстро, что Колин Шеррард не успел даже испугаться; но главное, он не успел вызвать корабль и сообщить о катастрофе. В конце концов, опасаясь, как бы не натворить еще худших бед, он оставил ручки в покое. Что-

бы выйти из штопора, надо было осторожно маневрировать не меньше двух-трех минут; у него оставались считаные секунды — скалы мелькали все ближе и ближе.

Шеррард вспомнил совет на обложке «Наставления астронавта»: «Если не знаешь, что делать,— не делай ничего». Он честно продолжал следовать этому совету, когда Икар обрушился на него и звезды померкли...

...Просто чудо, что оболочка космокара цела и он не дышит космосом. (Сейчас он радуется, а что будет через полчаса, когда сдаст теплоизоляция?) Конечно, совсем без поломок не обошлось, сорваны оба зеркала заднего обзора, которые были укреплены на прозрачном круглом гермошлеме, придется повертеть шеей, но это пустяки — гораздо хуже то, что одновременно покалечило антенны. Он не может вызвать корабль, и корабль не может вызвать его. Из динамика доносился лишь слабый треск, скорее всего, от какихнибудь неполадок в самом приемнике. Колин Шеррард был отрезан от людей.

Положение отчаянное, но не безнадежное. Нет, он не совсем беспомощен. Хотя двигатели подкачали (видимо, в правой пусковой камере: хоть конструкторы и уверяли, что такого случиться не может, изменилась направленность взрыва и забило форсунки), он может двигаться: у него есть «руки».

Вот только куда ползти? Шеррард совсем растерялся. Взлетел он с «Эвереста», но далеко ли его отбросило — на тридцать метров? На триста? Ни одного знакомого ориентира в этом крохотном мире, только быстро удаляющаяся звездочка «Прометея» может его выручить, теперь лишь бы не потерять из виду корабль... Его хватятся через несколько минут, если уже не хватились. Конечно, без помощи радио товарищам, пожалуй, придется искать долго. Как ни мал Икар, эти сорок квадратных километров изборожденной трещинами ничьей земли — надежный тайник для цилиндра длиной три метра. На поиски может уйти и полчаса, и час; все это время он должен следить за тем, чтобы его не настиг убийца — восход.

Шеррард вложил пальцы в полые рычаги механических конечностей. Тотчас снаружи, в суровой среде космоса ожили его искусственные руки. Вот опустились, уперлись в железную кору астероида, приподняли космокар... Шеррард согнул «руки», и капсула, словно причудливое двуногое насекомое, поползла вперед. Правой, левой, правой, левой...

Это оказалось проще, чем он ожидал, и Шеррард почувствовал себя увереннее. Конечно, механические руки созданы для тонкой и точной работы, но в невесомости достаточно малейшего усилия, чтобы сдвинуть с места капсулу. Тяготение Икара составляло одну десятитысячную земного; вместе с космокаром Шеррард весил здесь около унции. Придя в движение, он дальше буквально парил, легко и быстро, будто во сне.

Однако легкость эта таила в себе угрозу... Шеррард уже прошел так несколько сотен метров, он быстро настигал светящееся пятно «Прометея», но тут успех ударил ему в голову. Как скоро сознание переходит от одной крайности к другой! Давно ли он думал, как достойнее встретить смерть, а теперь ему уже не терпелось вернуться на корабль к обеду.

Впрочем, возможно, беда случилась потому, что уж очень новый и необычный это был способ передвижения. Может быть, он к тому же не совсем оправился после крушения. В самом деле: как и все астронавты, Шеррард отлично умел ориентироваться в космосе, привык жить и работать в условиях, когда земные понятия о «верхе» и «низе» теряют смысл. В таком мире, как Икар, надо внушить себе, что «под» ногами у тебя самая настоящая планета, ты двигаешься над горизонтальной плоскостью. Стоит развеяться этому невинному самообману, и тебе грозит космическое головокружение.

И вот — внезапный приступ. Вдруг исчезло чувство, что Икар внизу, а звезды — вверху. Вселенная повернулась на девяносто градусов; Шеррард, словно альпинист, карабкался вверх по отвесной скале. И хотя разум говорил ему, что это чистейшая иллюзия, чувства решительно спорили с рас-

судком. Сейчас тяготение сорвет его со скалы, и он будет падать, падать километр за километром, пока не разобьется вдребезги!..

Но мнимая вертикаль качнулась, будто компасная стрелка, потерявшая полюс, и вот уже над ним каменный свод, он словно муха на потолке. Миг — потолок опять стал стеной, но теперь астронавт неудержимо скользил по ней вниз, в пропасть...

Шеррард потерял власть над космокаром; обильный пот на лбу подтверждал, что он вот-вот утратит власть и над самим собой. Оставалось последнее средство. Плотно зажмурив глаза, он сжался в комок и стал внушать себе, что снаружи ничего нет, ничего!.. Он настолько сосредоточился на этой мысли, что до его сознания не сразу дошел негромкий стук нового столкновения.

Когда Колин Шеррард наконец решился открыть глаза, он увидел, что космокар уткнулся в каменный горб. Механические руки смягчили толчок — но какой ценой? Хотя капсула здесь была почти невесомой, двести килограммов массы, двигаясь со скоростью семь километров в час, развили инерцию, которая оказалась чрезмерной для хрупких конечностей. Одна из них совсем сломалась, вторая безнадежно погнулась.

На мгновение ярость заглушила отчаяние. Он был уверен в успехе, когда космокар заскользил над безжизненной поверхностью Икара. И вот — полный крах из-за секундной физической слабости... Космос не делает человеку никаких скидок, кто об этом забывает, тому лучше сидеть дома.

Что ж, догоняя корабль, он выиграл у восхода драгоценное время, минут десять, если не больше. Десять минут. Что они ему принесут: продление мучительной агонии — или спасительную отсрочку, которая позволит товарищам найти его?

Скоро он узнает ответ.

Кстати, где они? Наверно, розыски уже начались! Шеррард устремил пристальный взгляд на яркую звезду кораб-

ля, надеясь увидеть на фоне медленно вращающегося небосвода огоньки идущих к нему на выручку космокаров. Увы, никого...

Значит, надо взвесить свои собственные скромные возможности. Через несколько минут «Прометей» уйдет за край астероида, исчезнут прожектора, будет полный мрак. Ненадолго. Но может быть, он еще успеет укрыться от наступающего дня? Вот эта глыба, на которую он налетел,— не годится?

Что ж, в ее тени и впрямь можно отсидеться до полудня. А там?.. Если Солнце пройдет как раз над Шеррардом, его ничто не спасет. Но ведь может оказаться, что он находится на такой широте, где Солнце в это время икарийского года, длящегося четыреста девять дней, не поднимается высоко над горизонтом. Тогда есть надежда выдержать несколько дневных часов. Больше надеяться не на что — конечно, если товарищи не разыщут его до рассвета.

Ушел за край света «Прометей», и тотчас сильнее засверкали звезды. Но всего ярче, такая прекрасная, что при одном взгляде на нее перехватывало горло, сияла Земля; вот и Луна рядом. На Земле Шеррард родился, по Луне ступал не раз — доведется ли ему когда-либо еще побывать на них?..

Странно, до этой секунды ему не приходила в голову мысль о жене и детях, обо всем том, чем он дорожил в такой далекой теперь земной жизни. Даже как-то стыдно. Впрочем, чувство вины тотчас прошло. Ведь, несмотря на двести миллионов космических километров, разделивших его и семью, узы любви не ослабли, просто сейчас было не до этого. Он превратился в примитивное существо, всецело поглощенное битвой за свою жизнь. Мозг был его единственным оружием в этом поединке, сердце могло только помешать, затуманить рассудок, подорвать решимость.

То, что Шеррард увидел в следующий миг, окончательно вытеснило все мысли о далеком доме. Над горизонтом позади него, словно обволакивая звезды молочным туманом,

всплыл конус призрачного света — глашатай Солнца, его прекрасная жемчужная корона, видимая на Земле лишь во время полных солнечных затмений. Теперь совсем близка минута, когда Солнце поразит своим гневом этот маленький мир.

Предупреждение было кстати. Теперь Шеррард мог довольно точно определить, в какой точке появится Солнце; и астронавт, медленно, неуклюже перебирая обломками металлических рук, отполз туда, где глыба сулила ему лучшую тень. Едва он спрятался, как Солнце зверем набросилось на скалу, все вокруг словно взорвалось светом.

Шеррард поспешил перекрыть смотровое окошко темными фильтрами, чтобы защитить глаза. За пределами широкой тени, которую глыба отбрасывала на поверхность астероида, будто разверзлась раскаленная топка. Беспощадное сияние высветило каждую мелочь в окружающей пустыне. Никаких полутонов — слепящая белизна и кромешный мрак. Ямы и трещины напоминали чернильные лужи, а выступы точно объяло пламя, хотя с начала восхода прошла всего одна минута.

Неудивительно, что палящий зной миллиарды раз повторявшегося лета выжег из камня весь газ до последнего пузырька, превратив Икар в космическую головешку. «Что заставляет человека,— горько спросил себя Шеррард,— ценой таких затрат и риска пересекать межзвездные пучины ради того, чтобы попасть во вращающуюся гору шлака?» Он знал ответ: то самое, что некогда побуждало людей отправляться к полюсам, штурмовать Эверест, проникать в самые глухие уголки Земли. Приключения заставляли сердце биться чаще, открытия окрыляли душу. Эх, много ли радости в этом сознании теперь, когда он вот-вот будет, точно окорок, поджарен на вертеле Икара...

Первое дыхание зноя коснулось его лица. Глыба, подле которой лежал Колин Шеррард, заслоняла его от прямых

солнечных лучей, но прозрачный пластик шлема пропускал тепло, отражаемое скалами. Чем выше Солнце, тем сильнее будет жар... И выходит, у него в запасе меньше времени, чем он думал.

Тупое отчаяние вытеснило страх; Шеррард решил, если хватит выдержки, дождаться, когда солнечный свет падет на него. Как только термоизоляция космокара сдаст в неравном поединке — пробить отверстие в корпусе, выпустить воздух в межзвездный вакуум...

А пока можно еще поразмышлять несколько минут, прежде чем тень от глыбы растает под натиском света. Астронавт не стал насиловать мысли, дал им полную волю. Странно, он сейчас умрет лишь потому, что в сороковых годах, задолго до его рождения, кто-то из сотрудников Паломарской обсерватории высмотрел на фотопластинке пятнышко света; открыл и метко назвал астероид именем юноши, который взлетел слишком близко к Солнцу...

Быть может, вот тут, на вздувшейся волдырями равнине, когда-нибудь воздвигнут памятник. Интересно, что они напишут? «Здесь погиб во имя науки инженер-астронавт Колин Шеррард». Это про него-то, который не понимал и половины того, над чем корпели ученые!

А впрочем, они и его заразили своей страстью. Шеррард вспомнил случай, когда геологи, очистив обугленную корку астероида, обнажили и отполировали металлическую поверхность. И глазам их предстал странный узор, линии и черточки, вроде абстрактной живописи декадентов, которые вошли в моду после Пикассо. Но это были осмысленные линии: они запечатлели историю Икара, и геологи сумели ее прочесть. От ученых Шеррард узнал, что железокаменная глыба астероида не всегда одиноко парила в космосе. Некогда, в очень далеком прошлом, она испытала чудовищное давление, а это могло означать лишь одно: миллиарды лет назад Икар был частью огромного космического тела, быть может, планеты, подобной Земле. Почему-то планета взо-

рвалась; Икар и тысячи других астероидов — осколки этого космического взрыва.

Даже сейчас, когда к нему подползала раскаленная полоса, Шеррард с волнением думал о том, что лежит на ядре погибшего мира, в котором, возможно, существовала органическая жизнь. Следовательно, его дух не один будет витать над Икаром; все-таки утешение.

Шлем затуманился. Ясно: охлаждение сдает. А честно послужило — даже сейчас, когда камни в нескольких метрах от него накалены докрасна, температура внутри капсулы вполне терпима. Конец охлаждающей установки будет и его концом.

Шеррард протянул руку к красному рычагу, который должен был лишить Солнце добычи. Но прежде чем нажать рычаг, хотелось в последний раз посмотреть на Землю. Он осторожно сдвинул фильтры так, чтобы они, по-прежнему защищая глаза от слепящих скал, не мешали глядеть на небо.

Звезды заметно поблекли, бессильные состязаться с сиянием короны. А как раз над глыбой — его ненадежным щитом — вздымался язык алого пламени, грозно указующий перст самого Солнца.

Последние секунды на исходе...

Вон Земля, вон Луна... Прощайте... Прощайте, друзья и близкие.

Солнечные лучи лизнули край космокара, и первое прикосновение огня заставило Шеррарда непроизвольно поджать ноги. Нелепое и бесполезное движение.

Но что это? В небе над ним, затмевая звезды, вспыхнул яркий свет. На огромной высоте парило, отражая солнечные лучи, исполинское зеркало. Вздор, этого не может быть. Галлюцинация, только и всего, пора кончать. Пот катил с него градом, через несколько секунд космокар превратится в печь, больше ждать невозможно.

Напрягая последние силы, Шеррард нажал рычаг аварийного люка, готовый встретить смерть.

Рычаг не поддался. Астронавт снова и снова нажимал рукоятку, но ее безнадежно заело. А он-то надеялся на легкую смерть, мгновенный милосердный конец...

Вдруг, осознав весь ужас своего положения, Колин Шеррард потерял власть над собой и закричал, словно зверь в западне.

Услышав тихий, но вполне отчетливый голос капитана Маклеллана, Шеррард сразу понял, что это новая галлюцинация. Все-таки чувство дисциплины и остатки самообладания заставили его взять себя в руки; стиснув зубы, астронавт слушал знакомый строгий голос.

— Шеррард! Держитесь! Мы вас запеленговали, только продолжайте кричать!

— Слышу! — завопил он.— Ради бога, поторопитесь! Я горю!

Рассудок еще не совсем покинул его, и он понял, что произошло. Пеньки обломанных антенн излучали в эфир слабенький сигнал, и спасатели услышали его крик, а раз он слышит их, значит, они совсем близко! Эта мысль придала ему сил.

Колин Шеррард напряг зрение, пытаясь сквозь туманный пластик разглядеть странное зеркало в небесах. Вот оно! И тут он сообразил, что обманчивость перспективы в космосе сбила его с толку. Зеркало не было исполинским и не парило на огромной высоте. Оно висело как раз над ним, быстро снижаясь.

Он еще продолжал кричать, когда зеркало заслонило собой лик восходящего Солнца и накрыло его благословенной тенью. Словно прохладный ветер из самого сердца зимы, пролетев многие километры над снегом и льдом, дохнул на него. Вблизи Шеррард сразу определил, что роль зеркала играл большой термоэкран из металлической фольги, поспешно снятый с какого-нибудь прибора. Тень от экрана позволила товарищам искать его, не боясь смертоносных лучей.

Держа одной парой рук экран, над глыбой парил двухместный космокар, две руки протянулись за Шеррардом. И хотя зной еще туманил голову и шлем, астронавт различил обращенное вниз встревоженное лицо капитана Маклеллана.

Так Колин Шеррард узнал, что значит родиться на свет. Конечно, ведь он все равно что заново родился! Предельно измученный, он не ощущал благодарности — это чувство придет потом,— но, отрываясь от раскаленного ложа, астронавт отыскал глазами яркий кружок Земли.

— Я здесь,— тихо произнес он.— Я возвращаюсь!

Он возвращался, заранее предвкушая, как будет радоваться всем прелестям мира, который считал утраченным навсегда. Впрочем, нет, не всем.

Он больше никогда не сможет радоваться лету.

Да, это правда. С Моррисом Перлманом я познакомился, когда мне было двадцать восемь. Впрочем, тогда я общался с тысячами людей, от президентов и ниже.

Когда мы вернулись с Сатурна, нас заваливали приглашениями. Наверное, половина экипажа отправилась в поездку с лекциями. Что касается меня, то я всегда любил поболтать, и не говорите мне, будто этого не заметили. Зато некоторые из моих коллег скорее полетели бы на Плутон, чем еще раз предстали бы перед публикой. В итоге кое-кто так и поступил.

Мой путь пролегал через Средний Запад. В Чикаго я впервые встретился с мистером Перлманом. Никто не называл его иначе, и уж точно не по имени.

Агентство всегда снимало для меня достаточно приличный, хотя и не слишком роскошный отель. Меня это вполне устраивало. Я любил останавливаться в таких местах, откуда мог в любое время уйти и когда угодно вернуться, не проходя через строй швейцаров в ливреях, одеваться как угодно, лишь бы оставаться в рамках приличия и не чувствовать себя последним бродягой.

Вижу, вы улыбаетесь, но тогда я был молод. С тех пор многое изменилось.

Прошло уже немало лет, но, если не ошибаюсь, я читал лекции в Чикагском университете. Во всяком случае, помню, что был весьма разочарован, поскольку никто не сумел показать мне, где Ферми запустил первый атомный реактор. Я узнал лишь, что здание разобрали сорок лет назад, а местонахождение первого реактора обозначено скромной таблич-

© Перевод К. Плешкова.

кой, и ненадолго остановился перед ней, размышляя обо всем том, что случилось, начиная с того давнего дня в тысяча девятьсот сорок втором году.

Во-первых, родился я, во-вторых, атомная энергия доставила меня на Сатурн и обратно. Вряд ли это мог предвидеть Ферми и его сотрудники, когда они строили примитивную сетку из урана и графита.

Я завтракал в кафе отеля, когда к моему столику подсел худощавый мужчина средних лет. Он вежливо поклонился и тут же издал удивленный возглас, узнав меня. Естественно, эту встречу, якобы случайную, он запланировал заранее, но тогда я еще не имел о том никакого понятия.

— Какой приятный сюрприз! — сказал этот человек.— Я вчера был на вашей лекции и жутко вам завидую!

Ответом ему была слегка вымученная улыбка. Я не слишком разговорчив за завтраком, к тому же опыт научил меня остерегаться маньяков, докучливых собеседников и энтузиастов, которым казалось, будто они охотятся на вполне законную добычу. Однако мистер Перлман вовсе не был докучливым собеседником, хотя наверняка являлся энтузиастом. Вряд ли я слишком преувеличил бы, назвав его маньяком.

Он выглядел как любой довольно состоятельный бизнесмен, и я принял его за постояльца отеля. Меня вовсе не удивило, что он пришел на мою лекцию, поскольку она была доступна для широкой публики и предварялась рекламой в прессе и по радио.

— С самого детства меня приводил в восхищение Сатурн,— начал мой непрошеный собеседник.— Точно помню, когда и как все началось. Мне было лет десять, когда я увидел великолепные картины Чесли Боунстелла, изображавшие Сатурн, как бы видимый с его девяти спутников. Вам ведь наверняка знакомы эти полотна?

— Конечно,— ответил я.— Этим творениям больше пятидесяти лет, но никто до сих пор не смог с ними сравниться. На борту нашего корабля «Эндевор» было несколько его

картин. Мне часто доводилось смотреть на них и тут же сравнивать с реальностью.

— Поэтому вы прекрасно должны понимать, что меня занимало в пятидесятые годы. Я часами сидел и пытался осознать, что удивительный объект, вокруг которого вращаются серебристые кольца, существует на самом деле. Это не только плод воображения художника, но и реальная планета, которая к тому же в десять раз больше Земли. Тогда мне даже не приходило в голову, что я мог бы увидеть это чудо собственными глазами. Я был уверен в том, что лишь астрономы со своими мощными телескопами способны насладиться подобным зрелищем. Но позднее, когда мне было лет пятнадцать, я совершил очередное открытие, причем столь удивительное, что сам едва в это поверил.

— Какое же? — спросил я.

Общество за завтраком мне уже не мешало. Сосед оказался человеком неопасным, а его неподдельный энтузиазм вызывал симпатию.

— Я обнаружил, что любой дурак может собрать у себя на кухне мощный телескоп всего за несколько долларов, поработав пару недель. Для меня это стало откровением. Как и тысячи других мальчишек, я взял в библиотеке «Постройку любительского телескопа» Инголлса и принялся за дело. Скажите, вы сами когда-нибудь собирали свой собственный телескоп?

— Нет, я инженер, а не астроном. Я и понятия не имел бы, с чего начать.

— Работа крайне проста, если действовать в соответствии с инструкцией. Сперва нужно достать два стеклянных круга толщиной примерно два с половиной сантиметра. За пятьдесят центов я купил у портового торговца стекла от иллюминаторов с выщербленными краями. Потом один круг нужно закрепить на плоской твердой поверхности. Для этого я использовал бочку, поставленную вертикально.

После этого нужно купить наждачного порошка разного качества, от крупнозернистого до мельчайшего. Щепотка

самого грубого кладется между двумя кругами, после чего ты начинаешь тереть верхним туда-сюда, медленно перемещаясь вокруг неподвижной подставки.

Знаете, что при этом происходит? Благодаря воздействию наждачного порошка в верхнем круге образуется углубление. Простыми движениями вы создаете вогнутую поверхность линзы. Время от времени нужно заменять порошок на более мелкий и проделывать простые оптические проверки, чтобы убедиться в том, что достигнута соответствующая кривизна.

На последнем этапе вместо наждака используется полировальный крокус. Наконец поверхность становится совершенно гладкой. Даже трудно поверить, что это работа ваших собственных рук. Остается всего один шаг, но вовсе не самый легкий. Нужно еще посеребрить зеркало и получить таким вот образом хороший рефлектор. Достаточно купить в аптеке химикалии, перечисленные в инструкции, и поступать в точности так, как написано в книге.

Я до сих пор помню, как, затаив дыхание, вглядывался в тонкий слой серебра, покрывавший поверхность моего маленького зеркала. Оно было отнюдь не идеальным, но не столь уж плохим. Я не променял бы его ни на какое чудо с Маунт-Паломар.

Мне пришлось закрепить зеркало на конце доски. Тубус не потребовался. Я просто обернул вокруг зеркала два слоя картона, чтобы на него не падал лишний свет. Окуляром стало маленькое увеличительное стекло, купленное в лавке старьевщика за несколько центов. В сумме весь телескоп обошелся не больше чем в пять долларов, хотя в то время и это для меня было немало.

Тогда мы жили на Третьей авеню в обветшалой гостинице, принадлежавшей моей семье. Собрав телескоп, я тут же отправился испытать его на крышу, в джунгли телевизионных антенн, усеивавших тогда каждый дом. Мне пришлось слегка повозиться, чтобы расположить зеркало и окуляр на

одной линии, но я не допустил ни единой ошибки. Все работало как надо. Мой оптический прибор был крайне примитивен — все-таки лишь первая попытка! — но все же он увеличивал в пятьдесят раз. Я не мог дождаться захода солнца, чтобы испытать его на звездном небе.

Я сверился с альманахом и выяснил, что Сатурн поздним вечером должен находиться высоко на востоке. Как только стемнело, я уже был снова на крыше, где меня ждала убогая конструкция из дерева и стекла, торчавшая между двумя дымовыми трубами. Стояла поздняя осень, но я даже не чувствовал холода, ибо небо искрилось звездами, и все они теперь принадлежали мне.

Я потратил немало времени на то, чтобы как можно точнее навести телескоп на резкость, глядя на первую звезду, оказавшуюся в поле зрения. Затем я начал искать Сатурн и быстро убедился, насколько сложно что-либо увидеть в зеркальный телескоп, смонтированный совсем не качественно. Но уже вскоре планета мелькнула в поле зрения. Я начал осторожно поворачивать телескоп во все стороны и наконец поймал ее.

Сатурн был крошечным, но великолепным. Наверное, почти минуту я не дышал, не в силах поверить собственным глазам. До сих пор я знал его лишь по картинкам, а теперь наблюдал в реальности. Он напоминал игрушку, висящую в пространстве, с кольцами, слегка наклоненными в мою сторону.

Даже теперь, через сорок лет, я помню, что тогда подумал: «Он выглядит совершенно искусственным, совсем как шарик с рождественской елки!»

Левее сияла яркая звезда, в которой я узнал Титан.

Перлман замолчал, и несколько мгновений мы наверняка думали об одном и том же. Для нас обоих Титан был не только самым большим спутником Сатурна, светящейся точкой, известной только астрономам. Он оказался безжалостно враждебным миром, где совершил посадку «Эндевор».

Там, намного дальше от своих домов, чем когда-либо покоились человеческие останки, в одиноких могилах лежали трое моих товарищей.

— Не знаю, как долго я смотрел, напрягая зрение и перемещая телескоп по небу резкими скачками вслед за Сатурном, поднимающимся над городом. От Нью-Йорка меня отделяли почти два миллиарда километров, но вскоре он вновь о себе напомнил.

Я уже говорил вам про нашу гостиницу. Она принадлежала моей матери, но дела вел отец, впрочем, не лучшим образом. Этот бизнес уже много лет не приносил дохода. Мое детство было отмечено постоянными финансовыми кризисами. Я не виню отца за то, что он много пил, вероятно постоянно сходя с ума от беспокойства. А я совсем забыл, что должен был помогать портье за стойкой.

Отец искал меня по всему дому. Он был занят своими проблемами, ничего не знал о моих мечтах и нашел сына на крыше.

Папаша не являлся жестоким человеком, но не сумел понять ни того, скольких усилий и терпения стоил мне мой маленький телескоп, ни радости, которую я получил в те короткие мгновения, когда он выполнил свою задачу. Я не питаю ненависти к отцу, но до конца жизни не забуду того пронзительного звона, когда мое первое и последнее зеркало разлетелось вдребезги,— закончил Перлман.

Что я мог сказать? Мое первоначальное раздражение, вызванное появлением незваного гостя, сменилось любопытством. К тому же мне казалось, что в этой истории кроется нечто намного большее, чем я услышал. Удивляло меня лишь одно. Официантка бросала на нас почтительные взгляды, из которых лишь малая часть предназначалась мне.

Новый знакомый вертел в руках сахарницу, а я с молчаливым сочувствием ждал продолжения. Мне начало казаться, будто нас связывает нечто общее, хотя и непонятное.

— Новый телескоп я так и не построил,— сказал он.— Разбилось не только зеркало, но и кое-что еще в моей душе.

Впрочем, у меня все равно не было на это времени. Два события поставили мою жизнь с ног на голову. Отец ушел от нас, и я стал исполнять обязанности главы семьи. Вскоре разобрали электричку на Третьей авеню.

Он наверняка заметил мой вопросительный взгляд, поскольку тут же улыбнулся.

— Ну да, откуда вам знать? Так вот, когда я еще был мальчишкой, посреди Третьей авеню шла эстакада городской электрички. Окрестности тонули в грязи и шуме, Третья авеню состояла из сплошных трущоб, среди которых ютились забегаловки, ломбарды и дешевые гостиницы вроде нашей. Все изменилось, как только убрали эстакаду. Цены земельных участков пошли вверх, и мы внезапно разбогатели. Папаша не замедлил вернуться к нам, но было уже слишком поздно. Делами занимался я, вскоре начал приобретать все больше недвижимости в городе, а потом и по всей стране. Во мне уже не оставалось ничего от бывшего мечтателя, смотревшего на звезды. Я отдал отцу одну из своих небольших гостиниц, где он не мог причинить особого вреда.

Я смотрел на Сатурн сорок лет назад, но не забыл того краткого мгновения, а фотографии, показанные на вашей вчерашней лекции, вновь оживили старые воспоминания. Мне лишь хотелось бы выразить вам свою благодарность.

Он покопался в бумажнике и достал визитную карточку.

— Надеюсь, вы дадите мне знать, когда снова будете в Чикаго. Можете рассчитывать на мое присутствие на каждой вашей лекции. Удачи вам! Прошу прощения, что отнял у вас столько времени.

Он ушел, прежде чем я успел сказать хоть слово. Я бросил взгляд на визитку, спрятал ее в карман и в задумчивости завершил завтрак.

Подписывая чек на выходе из кафе, я мимоходом спросил:

— Кто этот человек, который присел за мой столик? Ваш босс?

Кассирша посмотрела на меня как на умственно отсталого.

— Можно назвать его и так,— ответила она.— Конечно, он владелец этого отеля, но своим присутствием удостоил нас впервые. Каждый раз, приезжая в Чикаго, он останавливается в «Амбассадоре».

— Который тоже наверняка принадлежит ему,— сказал я без особой иронии, поскольку догадывался, каким будет ответ.

— Да, это так. Кроме того...— Она на одном дыхании перечислила ряд названий, в том числе и двух крупнейших отелей в Нью-Йорке.

Услышанное меня впечатлило, но при этом еще и слегка позабавило. Я не сомневался в том, что мистер Перлман явился ко мне в отель исключительно ради того, чтобы со мной встретиться. Он выбрал воистину кружной путь. В то время я еще не знал, что этот человек известен своей скрытностью. Со мной же он был откровенен с самого начала.

Да, стоит добавить, что когда я попросил счет, мне ответили, что с меня ничего не причитается.

Потом я забыл о нем на пять лет и за этот срок успел принять участие во второй экспедиции.

На этот раз мы уже знали, чего ожидать, и не отправлялись в полную неизвестность. Исчезли проблемы с топливом, поскольку на Титане нас ждали неограниченные запасы. Достаточно было закачать в резервуары его метановую атмосферу, что было предусмотрено в наших планах. Мы побывали по очереди на всех девяти спутниках, затем влетели внутрь колец.

Опасность была минимальной, но нам пришлось немало понервничать. Система колец крайне тонка, ее ширина составляет всего около тридцати километров. Мы входили туда медленно и осторожно, двигались в точности со скоростью вращения, будто вскочили на карусель диаметром почти в триста тысяч километров. Причем этот аттракцион ока-

зался адским, ибо кольца не состоят из твердой материи и просматриваются насквозь. Вблизи же они почти невидимы. Их основу составляют миллиарды частиц, столь разреженных, что лишь с близкого расстояния то и дело видны медленно проплывающие глыбы. Издали кажется, будто бесчисленные частицы сливаются в сплошную полосу, словно вокруг Сатурна бушует вечная гроза с градом.

Не я придумал подобное сравнение, но оно более чем удачно. Когда мы поместили первый кусочек кольца в воздушный шлюз, он через несколько минут растаял, оставив после себя лишь лужу мутной воды. Некоторые считают, будто магия колец рассеивается, стоит лишь узнать, что они как минимум на девяносто процентов состоят из самого обычного льда. На мой взгляд, это глупо. Такие чудеса остаются столь же удивительными и прекрасными, как если бы были созданы из алмазов.

Я вернулся на Землю в первом году нового столетия и отправился в очередной тур с лекциями, на этот раз короткий, поскольку у меня уже была семья, которой мне хотелось посвятить каждую свободную минуту. С мистером Перлманом я встретился во второй раз в Нью-Йорке, где читал лекцию и показывал наш фильм «Завоевание Сатурна» в Колумбийском университете. Его название слегка вводит в заблуждение. На самом деле от планеты в ближайшей точке нас отделяло около тридцати тысяч километров. Тогда никто не мог даже мечтать, что человек доберется до этой бурлящей ледяной каши, которую представляет собой поверхность Сатурна.

Мистер Перлман ждал меня после лекции. Я его не узнал. Со времени нашей встречи у меня был почти миллион других знакомств. Однако когда он представился, ко мне сразу же вернулись воспоминания, видимо слишком глубоко врезавшиеся в память.

Ему удалось каким-то образом выдернуть меня из толпы. Он не любил общаться с большими группами людей, но обладал удивительным даром доминирования над любым сбо-

рищем, если ему это казалось необходимым. Этот человек умел и незаметно исчезать, прежде чем его жертвы успевали сообразить, что произошло. Я видел его в действии десятки раз, но до сих пор не знаю, как это у него получалось.

Так или иначе, полчаса спустя мы сидели за обедом в роскошном ресторане, естественно принадлежавшем ему. Еда была превосходной, особенно после жареной курицы и мороженого, которыми мне приходилось питаться во время моего лекционного тура, но за нее мне пришлось заплатить, естественно, в переносном смысле.

Все факты и фотографии, собранные во время двух наших экспедиций к Сатурну, были уже доступны любому человеку в сотнях отчетов, книг и популярных статей. Мистер Перлман, несомненно, прочитал всю литературу на эту тему, не требовавшую специальных знаний. От меня же он ожидал чего-то совсем иного. Даже тогда я снисходительно относился к такому интересу, считал его причудой пожилого одинокого человека, которому хотелось воскресить несбывшуюся мечту юности. Пусть я не ошибался, но это был лишь крошечный фрагмент всей картины.

Его интересовало то, чего нельзя было найти в отчетах и статьях.

«Что чувствует человек, открывая утром глаза и видя огромный золотой шар, окутанный мчащимися полосами туч и безраздельно господствующий на небе? А сами кольца?.. О чем вы думали, когда они были столь близко, что заполняли небо от края до края?» — спрашивал он.

«Вам нужен поэт, а не инженер»,— отвечал я.

Знаю лишь одно. Сколько бы ты ни смотрел на Сатурн и ни летал от одного спутника к другому, все равно невозможно поверить до конца, что это явь. Никак не удается отогнать мысль о том, что это лишь сон, такого не может быть на самом деле. Но стоит взглянуть в ближайший иллюминатор, и ты все так же видишь величественную картину, от которой захватывает дух.

Должен заметить, что близкое расстояние — это еще не все. Мы имели возможность наблюдать кольца с таких сторон и под такими углами, какие невозможно представить себе с Земли, откуда они всегда видны обращенными к Солнцу. Мы влетали в их тень, и тогда они уже не блестели как серебро, а превращались в бледный туман, дымный мост, переброшенный между звездами.

Чаще всего мы видели тень Сатурна, падавшую на всю ширину колец, так что казалось, будто кто-то отгрыз от них солидный кусок. Порой бывало и наоборот. На дневную сторону планеты падала тень колец и окружала ее полосой сумерек, тянувшейся недалеко от экватора параллельно ему. Кроме того, хотя мы делали так лишь несколько раз, можно было подняться над одним из полюсов планеты и окинуть взглядом всю огромную систему, простиравшуюся под нами словно карта. Тогда были видны не четыре кольца, различимых с Земли, но как минимум двенадцать отдельных, хотя и сливавшихся друг с другом.

При виде этой картины наш капитан произнес фразу, которая накрепко засела у меня в памяти: «Именно здесь ангелы хранят свои нимбы».

Так он сказал, и в его словах не было ни следа легкомыслия.

Все это и много еще чего я рассказал мистеру Перлману, сидя в небольшом, но невероятно дорогом ресторане в двух шагах к югу от Центрального парка. Когда я закончил, вид у него был настолько довольный, что в течение нескольких минут он не произнес ни слова.

Потом этот человек совершенно неожиданно спросил как ни в чем не бывало, словно уточняя время отхода поезда с ближайшей станции:

— Какой из спутников лучше всего подходит для строительства туристического центра?

Когда до меня дошел смысл его вопроса, я едва не подавился столетним коньяком.

Но все-таки мистер Перлман угостил меня великолепным обедом, поэтому я ответил очень спокойным и вежливым тоном:

— Прошу прощения, но вы же прекрасно понимаете, что расстояние от Земли до Сатурна составляет свыше полутора миллиардов километров и даже больше, когда планеты находятся по разные стороны от Солнца. Кто-то подсчитал, что наши билеты туда и обратно стоили в среднем по семь с половиной миллионов долларов на человека. Можете мне поверить, ни на «Эндеворе-I», ни на «Эндеворе-II» не было кают первого класса. Но даже при всем при этом никто ни за какие деньги не сможет устроить себе экскурсию на Сатурн. В обозримом будущем туда станут летать только ученые и космические экипажи.

Я видел, что мои слова не производят на него ни малейшего впечатления.

Он лишь улыбнулся, словно скрывал тайну, известную ему одному, и ответил:

— То, что вы говорите, сейчас, конечно, правда. Но я интересовался историей и хорошо знаю людей. Это моя профессия. Позвольте напомнить вам несколько фактов.

Два или три столетия назад все известные нам туристические центры и райские места на Земле были столь же далеки от цивилизации, как сегодня Сатурн. Что мог знать, скажем, Наполеон о Большом каньоне, водопаде Виктория, Гавайях, горе Эверест? Или, допустим, Южный полюс. Впервые человек добрался туда, когда мой отец был ребенком, но в день вашего рождения там уже стоял отель.

Подобное повторяется постоянно. Вы видите лишь сложности и проблемы, они вам чересчур близки. Но человек все равно преодолеет любые препятствия точно так же, как это бывало в прошлом.

Где бы люди ни обнаружили нечто загадочное, прекрасное, неисследованное, они обязательно захотят увидеть его воочию. Кольца Сатурна — самое великолепное природное явление Вселенной, известной нам. Я считал так с самого на-

чала, а вы лишь утвердили меня в этом убеждении. Добраться до них сейчас стоит астрономических сумм, а экипажи кораблей рискуют собственной жизнью. То же самое происходило на заре авиации. Теперь в любую секунду дня и ночи самолетами путешествуют миллионы пассажиров.

Так же будет и в космосе. Может, не через десять лет, даже не через двадцать. Но не стоит забывать, что прошло всего четверть века с тех пор, как начались пассажирские рейсы на Луну. Не думаю, что так уж долго придется ждать регулярных полетов до Сатурна.

Я уже не успею этого увидеть, но хотел бы, чтобы люди помнили обо мне, когда исполнится мое предсказание. Итак, где нам следует начать строительство? — закончил мистер Перлман.

Я продолжал считать его безвредным сумасшедшим, но уже начинал понимать суть навязчивой идеи.

У меня не было никаких причин портить ему хорошее настроение, так что я подошел к делу вполне серьезно и ответил:

— Мимас слишком близко. Энцелада и Тетис тоже.

Мне не стыдно признаться в том, что после хорошей дозы коньяка язык у меня слегка заплетался, когда я произносил эти названия.

— Сатурн там целиком заполняет небо. Создается впечатление, будто он падает вам на голову. Кроме того, эти спутники не имеют твердой поверхности. Это огромные снежные шары. Диона и Рея лучше. С обоих открывается прекрасный вид. Но все внутренние спутники слишком малы. Даже Рея имеет в поперечнике всего около полутора тысяч километров, а остальные значительно меньше.

Собственно, раздумывать не о чем. Лучше всего, конечно же, Титан. Он обладает вполне приличными размерами, крупнее нашей Луны, почти такой же, как Марс. На нем также приемлемая сила тяжести, примерно одна пятая земной, так что ваши гости не будут плавать где попало. Он всегда останется главным источником топлива благодаря метановой атмосфере, что вам следует учесть в своих планах. Каждый корабль, летающий на Сатурн, должен совершать там посадку.

— А внешние спутники?

— Нет. Гиперион, Япет и Феба слишком далеко. Нужно основательно напрячь зрение, чтобы вообще разглядеть кольца с Фебы! Не о чем и говорить. Советую остановиться на добром старом Титане. Несмотря на то что температура там составляет двести градусов ниже нуля, а аммиачный снег не слишком подходит для катания на лыжах.

Он внимательно меня выслушал, и даже если считал, что я просто издеваюсь над его любительскими псевдонаучными идеями, то ничем не дал этого понять. Я больше ничего не помню из нашей беседы. Вскоре мы распрощались и встретились снова, наверное, только лет через пятнадцать. Видимо, все это время он во мне не нуждался, но в конце концов я ему для чего-то понадобился, поскольку он позвонил сам.

Теперь я понимаю, чего ждал мистер Перлман. В своих пророчествах он оказался куда дальновиднее меня. Естественно, этот человек не мог предполагать, что ракету ждет та же судьба, что и паровую машину в течение неполного столетия. Однако он знал, что должно появиться что-то новое, и, вероятно, финансировал первые работы Сондерсона над параграватационным двигателем. Но бизнесмен решил снова со мной встретиться лишь тогда, когда началось строительство термоядерных электростанций, которые могли успешно обогреть сотню квадратных километров столь холодной планеты, как Плутон.

Он был уже очень стар и стоял одной ногой в могиле. Мне рассказали о том, насколько он богат, и я с трудом мог этому поверить, пока собственными глазами не увидел детально разработанные планы и великолепные модели, над которыми без лишней огласки трудилась целая команда специалистов.

Мистер Перлман сидел в инвалидной коляске, был похож на иссохшую мумию и не отводил взгляда от моего лица, пока я знакомился с моделями и схемами.

Наконец он сказал:

— Капитан, у меня есть для вас работа...

Так я оказался здесь. Мое занятие, естественно, ничем не отличается от командования космическим кораблем — большинство технических проблем те же самые. Сейчас я был бы уже слишком стар для того, чтобы оставаться капитаном корабля, так что крайне благодарен мистеру Перлману.

Уже слышен гонг. Если дамы готовы, то я предлагаю пройти на обед через обзорную галерею.

Даже после стольких лет мне до сих пор нравится наблюдать восход Сатурна, а сегодня вечером он почти полный.

Никогда еще весенний Вашингтон не казался ему таким прекрасным... Последняя весна, мрачно подумал сенатор Стилмен. Даже теперь, хотя слова доктора Джордена не оставляли места для сомнений, трудно было примириться с истиной. Прежде он всегда находил выход, пусть полный крах порой казался неизбежным. Если его предавали люди, он увольнял их, даже сокрушал в назидание другим. На этот раз измена таилась в нем самом. Так и кажется, что чувствуешь тяжелый ход своего сердца, а вскоре оно и вовсе остановится.

Нет никакого смысла готовиться к президентским выборам; хорошо, если он доживет до выдвижения кандидатур... Конец мечтам и честолюбию, и нет утешения в мысли о том, что рано или поздно всех ждет конец. Рано, слишком рано!

Недаром Сесиль Роде — один из его идеалов — воскликнул перед смертью: «Столько дела — и так мало времени отведено!» Роде не дожил и до пятидесяти лет; он намного старше, а совершил гораздо меньше.

Машина увозила его прочь от Капитолия. В этом есть что-то символическое, но лучше не задумываться... Вот и Нью-Смитсониен, могучий комплекс музеев, которые ему было вечно некогда посетить, а ведь сколько раз проезжал мимо за те годы, что прожил в Вашингтоне. Сколько упущено в непрестанной погоне за властью, с горечью сказал он себе. Мир культуры и искусства был, по сути дела, закрыт для него, и ведь это лишь часть цены. Он стал чужим в собственной семье, растерял былых друзей. Любовь принесена в жерт-

© Перевод Л. Жданова.

ву на алтарь честолюбия, а жертва оказалась напрасной. Есть ли на всем свете хоть один человек, который станет оплакивать его кончину?

Конечно есть. У него стало легче на душе, чувство беспредельного одиночества поумерилось. Беря телефонную трубку, сенатор со стыдом подумал, что вынужден справиться о номере у секретаря, хотя память удерживает множество куда менее важных вещей...

(Вот Белый дом, залитый ярким светом весеннего солнца. Впервые в жизни он скользнул по нему равнодушным взглядом. Белый дом уже принадлежал иному миру — миру, до которого ему больше нет и не будет дела.)

В автомобиле не было видеоустройства, но сенатор и без того уловил оттенок удивления и даже намек на радость в голосе Айрин.

— Здравствуй, Рени, как вы там поживаете?

— Отлично, папа. Когда мы тебя увидим?

Вежливая формула, к которой дочь всегда прибегала в тех редких случаях, когда он звонил. И всегда, исключая Рождество или дни рождения, сенатор отвечал неопределенным обещанием как-нибудь заглянуть...

— Я хотел спросить,— произнес он медленно, извиняющимся тоном,— можно ли заехать за ребятишками. Давно мы с ними нигде не были, и надоело все сидеть в канцелярии.

— Конечно заезжай! — Голос Айрин потеплел.— Они будут рады. Когда тебя ждать?

— Давай завтра. Приеду около двенадцати и повезу их в зоопарк или Смитсониен, куда захотят.

Вот теперь она изумилась — ведь он один из самых занятых людей в Вашингтоне, его время расписано на недели вперед. Будет спрашивать себя, что произошло; хоть бы не догадалась. Да нет, не должна, ведь даже его секретарь ничего не знает об острых болях, которые в конце концов вынудили сенатора обратиться к врачу.

— Чудесно! Как раз вчера они говорили о тебе, спрашивали, когда же ты опять приедешь.

Глаза сенатора увлажнились. Хорошо, что Рени его не видит.

— Значит, в полдень,— поспешно сказал он, боясь, как бы голос не выдал его.— Обнимаю вас всех.

Он отключился, не дожидаясь ответа, и со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Первый шаг к перестройке своей жизни сделан — без всякой подготовки, вдруг. Он упустил собственных детей, но мост, соединяющий его со следующим поколением, цел. В оставшиеся месяцы нужно хотя бы сберечь и укрепить этот мост.

Вряд ли доктор посоветовал бы ему пойти в Музей естественной истории с двумя любознательными непоседами, но он с этим не считался. Джо и Сьюзен заметно подросли с их последней встречи, требовалось не только физическое, но и умственное напряжение, чтобы поспевать за ними. Едва войдя в ротонду, дети галопом бросились к огромному слону, занимавшему самое видное место в мраморном зале.

— Что это? — вскричал Джо.

— Это же слон, дурачок,— снисходительно ответила Сьюзен; ведь ей уже было целых семь лет.

— Знаю, что слон,— отрезал Джо.— А как его зовут?

Сенатор Стилмен обратился к дощечке, но не нашел там ответа. Самое время действовать по принципу «смелость города берет».

— Его зовут, гм, Джумбо! — выпалил он.— Погляди, какие клыки!

— А у него болели зубы?

— Что ты, никогда.

— А как он чистил зубы? Мама говорит, если я не буду чистить зубы...

Стилмен угадал, куда клонит Джо, и поспешил переменить тему:

— Дальше будет еще много интересного! С чего начнем: с птиц, змей, рыб, млекопитающих?

— Змей! — решительно потребовала Сьюзен.— Я хотела посадить змею в банку, а папа не позволил. Ты попроси его, может, он передумает?

— А что такое — млекопитающий? — спросил Джо, прежде чем Стилмен успел придумать ответ для Сьюзен.

— Пойдемте,— твердо сказал он.— Я покажу.

Они шли по залам и переходам, дети сновали от одного экспоната к другому, и на душе у сенатора было хорошо. Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как музей; здесь все повседневное обретает свои истинные размеры. Изобретательность волшебницы-природы неисчерпаема, и ему вспомнились забытые было истины. Он всего лишь один из миллиона миллионов обитателей планеты Земля. Весь человеческий род с его чаяниями и тревогами, победами и безрассудствами, быть может, только эпизод в истории мира.

Стоя перед чудовищным скелетом диплодока (даже дети благоговейно примолкли), он ощутил дыхание вечности. И с улыбкой додумал о своем честолюбивом убеждении, будто он тот человек, который нужен нации. Какой нации, коли на то пошло? Декларация о независимости подписана всего каких-нибудь двести лет назад, а вот этот древний американец пролежал в земле Юты сто миллионов лет...

Он устал к тому времени, когда они вошли в Зал океанической жизни, где выразительный экспонат подчеркивал, что на Земле и в наши дни есть животные, превосходящие размерами все известное в прошлом. Двадцатисемиметровый кит, житель пучин, и прочие стремительные охотники морей напомнили ему часы, которые он провел на маленькой, влажно блестящей палубе, под крылатым белым парусом. Хорошо — плеск рассекаемой килем воды, вздохи ветра в снастях. Тридцать лет как не ходил на яхте; еще одна радость, которой он пренебрег.

— Я их не люблю, рыб этих,— пожаловалась Сьюзен.— Хочу к змеям пойти!

— Сейчас,— ответил он.— И куда ты спешишь? У нас еще много времени.

Он сам не заметил, как у него вырвались эти слова.

Сенатор размеренным шагом побрел дальше, а дети умчались вперед. Вдруг он улыбнулся, улыбнулся без горечи. Что ж, в каком-то смысле это верно. Времени действительно много. Каждый день, каждый час может вместить в себя целый мир впечатлений, нужно только разумно их тратить. В последние недели своей жизни он начнет жить.

Пока никто в конторе ничего не заподозрил. Даже его вылазка с внуками не вызвала особенного удивления; случалось и прежде, что он вдруг отменял все деловые встречи, предоставляя своим помощникам выкручиваться. До сих пор в его действиях не было ничего необычного, но через несколько дней приближенным станет ясно: что-то случилось. Он обязан возможно скорее сообщить им — и своим политическим коллегам — неприятную новость; но прежде чем свертывать свои дела, надо основательно обдумать и решить множество личных вопросов.

И еще одно заставляло его медлить. За всю свою карьеру он почти не знал неудач и никого не щадил в острых политических схватках. Теперь, перед лицом конечного краха, он с ужасом думал о потоке соболезнований, который тотчас обрушат на него многочисленные противники. Глупо, конечно. Это остаток непомерного самолюбия, которое слишком крепко сидит в нем, чтобы исчезнуть даже перед лицом смерти.

Больше двух недель он хранил тайну. На заседаниях комиссии, в Белом доме, в Капитолии, в лабиринтах вашингтонского света сенатор играл как никогда еще за всю свою карьеру, и некому было оценить его игру. Наконец программа действий была разработана, оставалось только отправить несколько писем, которые он сам написал от руки, и позвонить жене.

Секретариат отыскал ее в Риме. Глядя на возникшее на экране лицо, сенатор подумал, что она еще хороша собой,

вполне достойна звания первой леди — супруги президента,— и это отчасти вознаградило бы ее за утерянные годы. Кажется, она мечтала об этом — впрочем, разве он когда-нибудь знал по-настоящему, о чем она мечтает?

— Здравствуй, Мартин,— сказала жена.— Я ждала твоего звонка. Хочешь, чтобы я приехала?

— А ты? — тихо спросил он.

Мягкость его голоса заметно ее удивила.

— Было бы глупо ответить «нет», верно? Но если тебя не изберут, я уеду опять. Ты уж не возражай.

— Меня не изберут. Даже не выдвинут моей кандидатуры. Ты первая, кому я об этом говорю, Диана. Через полгода меня не будет в живых.

Жестокая откровенность, но он намеренно так поступил. Доля секунды, которая требовалась радиоволнам, чтобы достичь спутников связи и вернуться на Землю, никогда еще не казалась ему столь долгой. А затем — да, впервые ему удалось сорвать эту красивую маску. Ее глаза расширились, одну руку она порывисто прижала к губам.

— Ты шутишь!

— Такими вещами? Нет, это правда. Сердце износилось. Мне сказал об этом две недели назад доктор Джорден. Конечно, я сам виноват, но не будем сейчас вдаваться в подробности.

— Вот почему ты всюду водишь внуков... Я не могла понять, в чем дело.

Можно было ждать, что Айрин позвонит матери. Но до чего дошел Мартин Стилмен, если внимание к собственным внукам насторожило его близких!..

— Да,— откровенно признался он.— Боюсь, я поздно спохватился. Теперь пытаюсь наверстать упущенное. Все остальное меня как-то не волнует.

Они молча глядели в глаза друг другу, разделенные кривизной земного шара и пустыней лет, проведенных врозь. Потом Диана ответила дрогнувшим голосом:

— Я начинаю собираться.

Теперь, когда его секрет был всеобщим достоянием, сразу стало легче на душе. Даже сочувствие противников оказалось не так уж трудно переварить. Тем более что противников вдруг не стало. Люди, годами поминавшие его только бранными словами, слали письма, в искренности которых нельзя было сомневаться. Старые ссоры забывались или оказывались основанными на недоразумениях. Жаль, что об этом узнаешь только перед смертью...

Он узнал также, что не так-то просто умирать, когда ты занимаешь видный пост, нужно основательно потрудиться: подобрать преемников, распутать правовые и финансовые узлы, закончить дела в комиссии, в государственных органах. Дело, которому отдана целая жизнь, нельзя оборвать вдруг, поворотом выключателя. Просто поразительно, сколько у него накопилось обязанностей и как трудно от них избавиться. Он никогда не любил делиться с кем-либо своей властью (и многие подчеркивали этот роковой недостаток в человеке, который собирался стать президентом), сейчас нужно было с этим поспешить, пока власть не выскользнула навсегда из его рук.

Словно кончался завод больших часов и некому подкрутить пружину. Передавая свои папки, читая и уничтожая старые письма, закрывая ненужные счета и дела, диктуя последние наставления, составляя прощальные заметки, он порой ловил себя на том, что все происходящее кажется ему нереальным. Боли прошли, и будто впереди еще много лет деятельной жизни. Но путь в будущее преградили какие-то закорючки на кардиограмме — словно шлагбаум или анафема на загадочном языке, понятном лишь докторам.

Почти ежедневно Диана, Айрин или ее муж привозили к нему внуков. Прежде он плохо ладил с Биллом, теперь убедился, что сам был в этом повинен. Нельзя требовать от зятя, чтобы он заменил сына, несправедливо винить Билла в том, что тот не годится для роли Мартина Стилмена-младшего. Билл — человек вполне самостоятельный, он хорошо заботится об Айрин, она счастлива с ним, у них есть дети. Конеч-

но, отсутствие честолюбия изъян (полно, изъян ли?), но такой, который можно простить.

Он мог даже без горечи и боли думать о собственном сыне, который раньше его закончил свой жизненный путь и покоился — один крест среди многих — на кладбище ООН в Кейптауне. Ему не довелось побывать на могиле Мартина. Когда у него было время для этого, белый человек не пользовался любовью в бывшей Южно-Африканской Республике. Теперь можно съездить — но вправе ли он подвергать таким страданиям Диану? Его недолго будут преследовать воспоминания, ей же еще много лет жить с ними...

Все-таки надо посетить Кейптаун, это его долг. А для внуков это будет настоящий праздник, увлекательное путешествие в неведомый край, ничуть не омраченное мыслями об умершем дяде, ведь они его никогда не видели. И он начал собираться в путь, но тут опять — во второй раз за месяц — в его жизни все перевернулось вверх дном.

Даже теперь у дверей его кабинета каждое утро ожидал десяток-другой посетителей. Не так много, как в былые дни, однако вполне достаточно. Но чтобы среди них оказался доктор Хакнесс?!.

При виде этой худой нескладной фигуры он невольно замедлил шаг. Кровь ударила в лицо и сердце забилось чаще от воспоминания о былых схватках на заседаниях комиссии и бурных радиотелефонных разговорах, от которых в эфире искры летели. Тут же он взял себя в руки. Все это позади, ушло безвозвратно — во всяком случае, для него.

Хакнесс встал и нерешительно подошел к нему. За последние недели Стилмен привык к этому: каждый, кого он встречал, испытывал замешательство и неловкость от старания избежать запретной темы.

— Здравствуйте, доктор,— сказал он.— Ничего не скажешь: сюрприз. Вот не ждал увидеть здесь вас.

Он не мог удержаться от этого маленького выпада, и приятно было убедиться, что стрела попала в цель. Впрочем, укол был безболезненным, он понял это по улыбке доктора.

— Сенатор.— Хакнесс говорил очень тихо, Стилмену пришлось даже нагнуться, чтобы его расслышать.— У меня есть для вас чрезвычайно важное известие. Мы можем переговорить наедине? Всего несколько минут.

Стилмен кивнул, хотя у него было свое собственное мнение, что теперь важно, а что нет, и слова ученого не пробудили в нем особенного любопытства.

Хакнесс заметно изменился с их последней встречи семь лет назад. Теперь он выглядел куда более уверенным в себе, даже самонадеянным, исчезла нервозность, из-за которой его свидетельские показания звучали так неубедительно.

— Сенатор,— заговорил гость, едва они вошли в кабинет.— То, что я сейчас скажу, потрясет вас. По-моему, вас можно вылечить.

Стилмен тяжело упал в кресло. Этого он никак не ожидал. С самого начала он твердо сказал себе: никаких тщетных надежд, только глупец тратит силы на борьбу с неотвратимым — и примирился с судьбой.

На мгновение он онемел, потом взглянул на своего старого врага и через силу заговорил:

— Откуда вы это взяли? Все мои врачи...

— Бог с ними, они не виноваты, что отстали на десять лет. Посмотрите вот это.

— Что это такое? Я не понимаю по-русски.

— Последний выпуск советского «Вестника космической медицины». Пришел несколько дней назад, и мы сразу, как обычно, сделали перевод. Вот, я отчеркнул, заметка о новейших исследованиях на космической станции «Мечников».

— Что за станция?

— Как, вы не знаете? Это же их космическая больница, они смонтировали ее как раз под Большим радиационным поясом.

— Продолжайте.— Стилмен говорил с трудом.— Просто я забыл название.

Он надеялся спокойно закончить свою жизнь, но прошлое настигло его...

— Конечно, заметка довольно скупая, но многое можно вычитать между строк. Это, так сказать, первая ласточка, чтобы закрепить за собой приоритет, пока будет написан полный отчет. Заголовок: «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕВЕСОМОСТИ НА БОЛЕЗНИ КРОВЕНОСНОЙ СИСТЕМЫ». Они искусственно вызывали сердечные заболевания у кроликов и хомяков, потом забрасывали их на космическую станцию. Там же, на орбите, все невесомо, нагрузки на сердце и мышцы почти никакой. А в итоге — то самое, что я пытался втолковать вам еще несколько лет назад. Приостанавливается развитие даже самых тяжелых заболеваний, а многие и вовсе излечиваются.

Небольшой кабинет с полированными панелями, который столько лет был центром его мира, ареной множества совещаний, кузницей всевозможных планов, вдруг стал нереальным. Воспоминания были куда ярче: он снова был на заседании, состоявшемся осенью 1969 года, когда обсуждали — и яростно критиковали — итоги первых десяти лет деятельности Национального управления аэронавтики и космонавтики.

Он никогда не занимал поста председателя сенатской Комиссии по астронавтике, зато был ее самым деятельным и речистым членом. Именно там он завоевал славу блюстителя казны, человека трезвого, которого никаким ученым мечтателям-утопистам не провести. Он вполне преуспел, и с тех пор его имя редко сходило с первых полос. И не потому, чтобы он очень увлекался наукой и космосом, просто у него было безошибочное чутье на злободневные вопросы.

Точно в его мозгу включилась запись давнишних событий...

— Доктор Хакнесс, вы — технический директор Национального управления аэронавтики и космонавтики?

— Совершенно верно.

— Здесь передо мной лежат данные о расходах НУАК за период тысяча девятьсот пятьдесят девятого — тысяча девятьсот шестьдесят девятого годов, цифры внушительные.

Истрачено восемьдесят два миллиарда пятьсот сорок семь миллионов четыреста пятьдесят тысяч долларов, на тысяча девятьсот шестьдесят девятый/семидесятый финансовый год вы запрашиваете более десяти миллиардов. Хотелось бы услышать, что мы можем ожидать взамен?

— С удовольствием расскажу, сенатор.

Так начался тот разговор: строго, но не враждебно. Враждебные нотки появились чуть погодя. Он сам знал, что они неоправданны: у любой большой организации бывают слабости и неудачи. А когда речь идет об организации, которая в буквальном смысле слова метит в звезды, стопроцентного успеха требовать нельзя. С самого начала было ясно, что штурм космоса обойдется в деньгах и в человеческих жизнях по меньшей мере так же дорого, как завоевание воздуха. За десять лет погибло около ста человек — на Земле, в космосе, на бесплодной поверхности Луны. И теперь, когда поунялась лихорадка, отличавшая начало шестидесятых годов, общественность начала задавать вопрос: «Ради чего?» Стилмен сразу смекнул, что не худо стать рупором вопрошающих голосов. Он действовал холодно и расчетливо; требовался козел отпущения — к несчастью доктора Хакнесса, он был словно создан для этой роли.

— Хорошо, доктор Хакнесс, я понимаю, как много сделали космические исследования для улучшения коммуникаций и прогнозов погоды. Уверен, что все это ценят. Но это почти целиком достигнуто с помощью автоматических ракет без экипажа. Меня — и не только меня — тревожит иное: огромные расходы на программу «Человек в космосе» и ее весьма ограниченная отдача. Начиная с первых циклов программы — «Дайна-Сор» и «Аполлон»,— мы запустили в космос миллиарды долларов. А итог? Горстка людей может провести несколько не таких уж приятных часов за пределами атмосферы и достичь при этом не более того, что можно сделать с помощью телевидения и автоматических приборов — притом гораздо лучше и дешевле. А человеческие жертвы? Никто из нас не забудет криков, которые неслись в

эфир, когда ИКС-двадцать один сгорел, возвращаясь на Землю. Что дает нам право посылать людей на такую смерть?

Он хорошо помнил напряженную тишину, которая воцарилась в зале заседаний после его выступления. Он задал обоснованные вопросы, и на них надо было отвечать. Разумеется, нечестно было облекать их в столь риторическую форму, а главное — припирать к стене человека, не способного постоять за себя.

Против фон Брауна или, скажем, Риковера Стилмен никогда бы не применил такую тактику, они сумели бы дать ему сдачи. Но Хакнесс не обладал даром оратора; если он и был способен на сильные чувства, то держал их про себя. Он был видный ученый, способный организатор — и никудышный докладчик.

Хакнесс оказался легкой добычей для Стилмена. Газетчики наслаждались; кто-то из них поспешил приклеить ему прозвище: Неудачник Хакнесс.

— Теперь, доктор, о вашей космической лаборатории на пятьдесят человек... Во сколько она обойдется?

— Я уже говорил: около полутора миллиардов.

— А ежегодные эксплуатационные расходы?

— Не больше двухсот пятидесяти миллионов.

— Вы извините нас, если мы, учитывая судьбу прежних расчетов, отнесемся к этим цифрам с известным недоверием. Но даже если допустить, что расчет верен,— что мы получим за эти деньги?

— Мы сможем учредить нашу первую крупную исследовательскую лабораторию в космосе. До сих пор приходилось ставить эксперименты в тесных кабинах плохо приспособленных кораблей, выполняющих, как правило, другие задания. Нужна постоянная лаборатория-спутник с людьми на борту. Без этого не будет дальнейшего прогресса. Астробиология не может развернуться по-настоящему...

— Астро... как вы сказали?

— Астробиология, изучение живых организмов в космосе. Русские основали эту науку, когда запустили на втором

спутнике Лайку, и они по-прежнему опережают нас в этой области. Однако исследование насекомых и беспозвоночных, по сути дела, еще не начиналось. Вообще изучались только собаки, мыши, обезьяны.

— Понятно. Правильно ли будет сказать, что вы просите ассигнований на создание зоопарка в космосе?

Смех, прокатившийся по залу, помог похоронить проект. И его самого, подумал теперь Стилмен...

И кроме себя, некого упрекать. Доктор Хакнесс, пусть не очень убедительно, пытался обрисовать выгоды, которые могла бы дать космическая лаборатория. Особенно он подчеркнул медицинскую сторону вопроса, ничего определенного не обещал, но перечислил возможности. Так, хирурги, по его словам, могли бы разработать новые операции в условиях, где все органы невесомы; свободный от груза тяготения человек будет, вероятно, жить дольше, ведь сердцу и мышцам там придется гораздо легче. Да-да, он говорил и о сердце, но это нисколько не занимало тогда сенатора Стилмена — здорового, честолюбивого, озабоченного тем, чтобы дать хороший материал газетам...

— Почему вы пришли ко мне с этой новостью? — глухо сказал он.— Нельзя было дать мне умереть спокойно?

— В том-то и дело, что рано терять надежду! — нетерпеливо ответил Хакнесс.

— Только потому, что русские вылечили несколько хомяков и кроликов?

— Они сделали гораздо больше. Я показал вам предварительные сообщения, новости годичной давности. Они не хотят возбуждать ложных надежд, вот и не шумят.

— Откуда вам это известно?

На лице Хакнесса отразилось недоумение.

— Очень просто: я позвонил своему коллеге, профессору Станюковичу. Он сейчас на станции «Мечников», уже это показывает, сколь большое значение они придают этим исследованиям. Мы с ним старые друзья, и я позволил себе сказать о вашей болезни.

Проблеск надежды может произвести действие столь же мучительное, как и ее исчезновение. Вдруг стеснилось в груди... Уж не последний ли это приступ? Но судорога, вызванная волнением, тотчас прошла, звон в ушах стих, и он услышал голос доктора Хакнесса:

— Он спросил, можете ли вы сейчас прибыть в Астроград. Я обещал узнать. Если вы готовы, завтра утром есть подходящий рейс, в десять тридцать из Нью-Йорка.

Завтра он обещал поехать с внуками в зоопарк; впервые он их подведет. Чувство вины кольнуло его, и понадобилось некоторое усилие, чтобы ответить:

— Я готов.

Несколько минут огромный межконтинентальный ракетоплан, постепенно гася скорость, падал вертикально вниз из стратосферы, но полюбоваться Москвой сверху не пришлось. На время посадки телеэкраны выключались, пассажиры очень плохо переносили зрелище летящей навстречу земли.

В Москве он пересел в уютный, хотя и несколько устаревший турбовинтовой самолет. Летя на восток, навстречу ночи, он наконец смог улучить минуту, чтобы поразмыслить. Казалось бы, чего тут колебаться, и все же: так ли уж он рад тому, что его участь оказалась под вопросом? Совсем недавно все было предельно просто, а теперь жизнь вдруг опять усложнилась, открылись возможности, на которых он уже поставил крест. Прав был доктор Джонсон: ничто не действует так умиротворяюще на душу человека, как сознание того, что завтра его повесят. Во всяком случае, обратное справедливо: ничто не вызывает такого смятения, как мысль о возможной отмене приговора.

Сенатор спал, когда они приземлились в Астрограде, «космической столице» СССР. Разбуженный легким толчком, он в первый миг не мог понять, где находится. Уж не приснилось ли ему, что он облетел вокруг половины земного шара в погоне за жизнью? Нет, это не сон, но погоня вполне может оказаться тщетной.

Двенадцать часов спустя он все еще ждал ответа. Сняты показания приборов, кончилась полная грозного смысла пляска световых пятнышек на экране кардиографа. Привычная обстановка медицинского обследования и тихие, уверенные голоса врачей и сестер помогли ему успокоиться. Он отдыхал в неярко освещенной приемной, где его попросили обождать, пока совещаются специалисты. Только русские журналы да портреты бородатых пионеров советской медицины напоминали, что он не у себя на родине.

Сенатор был не единственным пациентом. Человек двенадцать мужчин и женщин всех возрастов сидели вдоль стены с журналами в руках, стараясь выглядеть непринужденно. Никто не разговаривал и не пытался привлечь внимания остальных, каждый замкнулся в своей хрупкой скорлупе, взвешенный между жизнью и смертью. Несчастье объединяло их, но не располагало к общению. Казалось, их отделяет от остального человечества такая же пропасть, как если бы они уже летели в космические дали, где крылась их единственная надежда.

Но в дальнем углу комнаты можно было видеть исключение. Молодые люди — от силы двадцать пять лет каждому — прильнули друг к другу с видом такого отчаяния, что поначалу только раздражали Стилмена. Как ни тяжело их горе, строго сказал он себе, нужно же с другими считаться. Надо уметь скрывать свои чувства, особенно в таком месте.

Однако досада быстро сменилась жалостью. Кто может равнодушно смотреть на страдания двух искренне любящих сердец? В полной тишине, прерываемой лишь шелестом страниц да скрипом стульев, текли минуты, и постепенно его сочувствие переросло в душевную боль. Интересно, кто они? У молодого человека нервные умные черты; возможно, художник, или ученый, или музыкант — трудно сказать. Его подруга ждет ребенка. Простое крестьянское лицо, как у многих русских женщин... Ее нельзя назвать красавицей, но грусть и любовь придали ей необычную прелесть. Стилмен не мог оторвать от нее глаз; казалось бы, никакого сход-

ства, и все-таки она чем-то напоминала ему Диану. Тридцать лет назад, когда они вместе выходили из церкви, он видел тот же свет в глазах своей жены. Он почти успел его забыть. Кто виноват в том, что свет потускнел,— она или он сам?

Вдруг кресло под ним вздрогнуло. Неожиданный сильный толчок тряхнул здание, будто где-то за много километров ударил по земле исполинский молот. Землетрясение? Но тут же Стилмен вспомнил, где находится, и стал считать секунды.

На шестидесятой он сдался: видимо, звукоизоляция настолько надежна, что воздушная звуковая волна до него не дошла. Лишь ударная волна, передавшись сквозь почву, говорила о том, что в небо устремился тысячетонный груз. А еще через минуту он услышал далекий, но явственный звук — словно где-то на краю света бушевала гроза. Выходит, расстояние намного больше, чем он думал. Какой же гул стоит в месте запуска?..

Но Стилмен знал: когда он взлетит в небо, гром не будет его беспокоить, стремительная ракета опередит звук. И перегрузки он не почувствует, ведь его тело будет покоиться в ванне, наполненной теплой водой. Удобнее даже, чем в этом мягком кресле.

Далекий гул еще несся от рубежей космоса, когда отворилась дверь и сестра поманила сенатора. Он чувствовал, как много глаз провожают его, но не обернулся, идя за приговором.

На всем пути обратно из Москвы телеграфные агентства настойчиво пытались связаться с ним, но он отказывался подойти к радиотелефону.

— Скажите, я сплю и меня нельзя беспокоить,— попросил он стюардессу.

Кто напустил их? — спрашивал он себя. Его злило это вторжение в его личную жизнь, а ведь сколько лет он чурался уединения и лишь за последние недели познал его прелесть. Так можно ли корить репортеров и комментаторов, если они считают его прежним Стилменом?

Когда ракетоплан приземлился в Вашингтоне, сенатора ждали. Он знал большинство журналистов по имени, среди них были старые друзья, искренне обрадованные новостью, которая опередила его.

— Ну как, сенатор,— спросил Маколей из «Таймс»,— приятно вернуться в строй? Ведь это верно, русские берутся вас вылечить?

— Они хотят попробовать,— осторожно ответил Стилмен.— Речь идет о новой области медицины, точно ничего сказать нельзя.

— Когда вы отправляетесь в космос?

— Через несколько дней, как только улажу здесь кое-какие дела.

— И когда вы вернетесь, если лечение поможет?

— Трудно сказать. Даже если все пройдет благополучно, я пробуду там не меньше полугода.

Он невольно взглянул на небо. На рассвете и на закате — даже днем, если точно знать, куда смотреть,— «Мечников» отчетливо выделялся на небе, он был ярче любой звезды. Впрочем, теперь спутников стало так много, что только специалист мог отличить один от другого.

— Полгода,— произнес один из журналистов.— Значит, выборы пройдут без вас.

Уши и микрофоны ждали ответа сенатора. Стоя у трапа, вновь очутившись в центре всеобщего внимания, он ощутил былой подъем. Это будет эффектно: он вернется из космоса новым человеком и опять выйдет на политическую арену! Кто из кандидатов сможет соперничать с ним!.. Он уже чувствовал себя жителем Олимпа, полубогом, и заранее представлял себе, как использует это в предвыборной кампании.

— Дайте мне время во всем разобраться,— сказал он.— Потом я займусь планами. Обещаю, мы еще встретимся до того, как я покину Землю.

«До того, как я покину Землю». Отличная, драматическая фраза. Он все еще в уме смаковал ее ритм, когда увидел выходящую из здания аэропорта Диану.

Она уже переменилась (да и он сегодня не тот, каким был вчера). В ее глазах появились настороженность и отчужденность, которых не было два дня назад. Яснее любых слов лицо Дианы говорило: «Значит, все начинается сызнова?»

И хотя день был теплый, ему вдруг стало холодно, точно он простудился на далеких сибирских равнинах.

Но Джо и Сьюзен с прежним пылом бросились к деду. Он подхватил их, обнял и спрятал лицо в пушистых волосах, чтобы камеры не заметили внезапно брызнувших слез. И, ощутив теплые токи чистой, бескорыстной детской любви, он понял, какой выбор сделает.

Только внуки видели его свободным от зуда честолюбия — так пусть же навсегда запомнят его таким, если они вообще будут его помнить.

— Вы заказывали селекторный разговор, мистер Стилмен,— доложил секретарь.— Включаю на ваш личный экран.

Повернувшись вместе с креслом, сенатор очутился лицом к лицу с серым прямоугольником на стене. Одновременно прямоугольник раскололся пополам. В правой половине он видел кабинет, напоминающий его собственный и удаленный от него всего на несколько километров. Зато в левой...

Профессор Станюкович, одетый лишь в шорты и фуфайку, парил в воздухе в полуметре над своим креслом. При виде посторонних он ухватился за спинку, подтянулся, сел и пристегнулся матерчатым поясом. Позади него выстроилась целая батарея различных аппаратов. А за переборкой простирался космос.

Первым, с правого экрана, заговорил доктор Хакнесс.

— Мы ждали вашего звонка, сенатор. Профессор Станюкович говорит, что все готово.

— Следующий корабль будет через два дня,— сказал русский ученый.— С ним я возвращусь на Землю, но надеюсь сперва встретить вас на станции.

Его голос звучал неожиданно звонко в оксигелиевой атмосфере. Но только это и напоминало о расстоянии, помехи отсутствовали. Хотя Станюкович был в тысячах километров от Земли и мчался в космосе со скоростью семь километров в секунду, его было видно так хорошо, словно он сидел в одном кабинете со Стилменом. Сенатор слышал даже тихое жужжание электромоторов в отсеке ученого.

— Профессор,— заговорил Стилмен,— мне хотелось бы сперва задать несколько вопросов.

— Пожалуйста!

Вот теперь расстояние дало себя знать: ответ Станюковича дошел не сразу; видимо, станция сейчас летит над противоположной стороной Земли.

— В Астрограде я видел в клинике много других пациентов. Можно узнать, по какому принципу отбирают больных для лечения?

Пауза затянулась, на этот раз явно не из-за медлительности радиоволн. Наконец Станюкович ответил:

— Отбирают тех, у кого больше надежд на излечение.

— Но у вас, наверное, очень мало места. А кроме меня — еще много желающих.

— Я не совсем понимаю...— вмешался доктор Хакнесс озабоченно. Чересчур озабоченно.

Глаза Стилмена обратились к правому экрану. В человеке, смотревшем на него оттуда, было трудно узнать докладчика, который всего несколько лет назад не знал, как защититься от его уколов. Горький урок пошел впрок Хакнессу. Стилмен оказался его крестным отцом на поприще политики, и ученый не терял зря времени.

Его побуждения были очевидны сенатору с самого начала. Все правильно, Хакнесс тоже человек. Можно ли представить себе месть более сладкую, чем это выразительное подтверждение его правоты. Как директор Управления космонавтики, Хакнесс великолепно понимает, что битва за ассигнования будет наполовину выиграна, едва мир узнает, что возможный кандидат на пост президента США лечится в русской космической больнице — потому что его собственной стране такая больница оказалась не по карману.

— Доктор Хакнесс,— мягко произнес Стилмен,— это мое дело. Я жду вашего ответа, профессор.

Дело нешуточное, но он от души веселился. Ясно как день: обоим ученым одинаково важно добиться успеха.

Станюковичу тоже нелегко, можно представить себе, сколько этот вопрос обсуждали в Астрограде и Москве и с какой охотой советские космонавты ухватились за такую возможность... Что ж, они вправе пожинать плоды своих усилий. Да, положим, всего десять лет назад такое было немыслимо, а сейчас НУАК и Комитет по космонавтике СССР работают рука об руку, используя его в своих общих интересах.

Стилмен никого не осуждал — на их месте он поступил бы точно так же. Но он не желает быть пешкой в чужой игре, пока еще он сам собой распоряжается.

— Совершенно верно,— неохотно признал Станюкович.— Мы можем принять очень мало пациентов. Но ведь «Мечников» — всего-навсего научная лаборатория, а не стационар.

— Сколько? — допытывался Стилмен.

— Ну... не больше десяти,— еще более неохотно ответил Станюкович.

Старая проблема, только он никогда не думал, что она коснется его. Вспомнилась газетная заметка, которую он читал давным-давно. Когда открыли пенициллин, лекарство это на первых порах было настолько редким, что если бы стал вопрос о жизни и смерти Черчилля и Рузвельта, пришлось бы кем-то пожертвовать...

Не больше десяти. В Астрограде он видел двенадцать пациентов, а сколько их еще во всем свете? Снова — в который раз за последние дни — Стилмен вспомнил безутешную молодую пару в приемной. Возможно, он все равно их не выручит; поди узнай.

Зато он знал другое. На его плечах лежит ответственность, от которой не уйти. Конечно, никому не дано заглянуть в будущее, предугадать все последствия своих поступков. И все-

таки, если бы не он, сейчас у его страны могла быть своя собственная космическая лечебница в заатмосферных высях. Сколько жизней соотечественников на его совести? Вправе ли он принять то, в чем отказал другим?

Прежде Стилмен сделал бы это — прежде, но не теперь.

— Джентльмены,— заговорил он,— я могу говорить с вами откровенно, ведь ваши интересы совпадают.— (Так, видно: ирония дошла.) — Я благодарен вам за помощь, ценю заботу, жаль, что все это впустую. Нет-нет, не возражайте, это не внезапная прихоть и не донкихотство. Будь я моложе лет на десять... Теперь же я чувствую, что эта возможность должна быть предоставлена кому-нибудь другому. Особенно учитывая мой послужной список.— Он приметил растерянную улыбку Хакнесса.— Есть и другие причины, личного свойства. В общем, ничто не заставит меня передумать. Прошу вас, не сочтите меня невежливым, но мне больше не хочется обсуждать этот вопрос. Еще раз большое спасибо, до свидания.

Он повернул выключатель, удивленные лица ученых растаяли, и в душе сенатора вновь утвердился покой.

Незаметно весну сменило лето. Отпраздновали ожидавшийся с таким нетерпением юбилей; впервые Стилмен встретил День независимости как частное лицо. Он мог сидеть спокойно, глядя, как выступают другие; мог при желании вообще не смотреть на них.

Не так-то просто порвать с тем, чему отдана целая жизнь, и не хотелось упускать последнего случая повидать старых друзей, поэтому он много часов провел у телевизора, следя за ходом съездов обеих партий и внимательно слушая комментаторов. Теперь, когда он все видел в свете вечности, можно было не горячиться. Мартин Стилмен вполне оценил и суть, и умение спорить, но уже как посторонний, будто наблюдатель с другой планеты. Маленькие крикливые фигурки на экранах были потешными марионетками в забавном спектакле, и только.

Не то для его внуков, которым когда-нибудь предстоит выйти на те же подмостки. Он не забывал об этом; они были его вкладом в завтрашний день, пусть даже этот день окажется совсем непохожим на сегодняшний. А чтобы понять будущее, надо знать прошлое.

И он повез их в прошлое. Машина мчалась по Мемориальной аллее. Диана была за рулем, Айрин — рядом с ней, сам Стилмен сидел сзади с внуками, показывая им знакомые места.

Знакомые ему, но не им. Пусть они еще слишком малы, чтобы понять все увиденное, во всяком случае хоть что-нибудь запомнят.

Мимо мраморной тишины Арлингтона (он опять вспомнил Мартина, покоящегося в могиле на противоположной стороне земного шара) и вверх, по пригоркам. Позади, точно мираж, в летнем мареве трепетал и колыхался Вашингтон; но вот и он исчез за поворотом.

В Маунт-Верноне царили мир и покой — рабочий день, посетителей мало. Выйдя из машины и направляясь к зданию, Стилмен спрашивал себя, что сказал бы первый президент Соединенных Штатов, очутись он здесь теперь. Думал ли он, что его дом в полной сохранности завершит свое второе столетие — неизменяемый островок в бурном потоке времени.

Они медленно прошли по исполненным великолепной гармонии комнатам, терпеливо отвечая на бесконечные расспросы детей и вдыхая аромат несравненно более простого, покойного образа жизни. (Но казался ли он простым и покойным людям той поры?) До чего же трудно представить себе мир без электричества, без радио, когда единственным источником энергии были мускулы, ветер, вода. Мир, где скачущая лошадь воплощала предел скорости и большинство людей умирали не дальше нескольких километров от места своего рождения.

Жара, пешее хождение и неиссякаемый поток вопросов оказались более утомительными, чем ожидал Стилмен. И когда они достигли «Музыкальной комнаты», он решил отдохнуть. На террасе стояли очень заманчивые скамейки — можно посидеть на свежем воздухе, любуясь зеленой травой газона.

— Встретимся на террасе,— сказал он Диане.— Вы посмотрите кухню и конюшни, а я посижу немного.

— Тебе нездоровится? — тревожно спросила она.

— Никогда не чувствовал себя так хорошо, но лучше поберечь силы. И дети совсем меня замучили вопросами, я не знаю, что говорить. Ты уж постарайся, придумай, как-никак кухня по твоему ведомству.

Диана улыбнулась.

— Кажется, я никогда не отличалась особым талантом... Ладно, постараюсь, за полчаса управимся.

Оставшись один, он медленно спустился по ступенькам на газон. Здесь двести лет назад стоял Вашингтон — глядел, как Потомак прокладывает себе путь к морю, и размышлял о прошедших войнах и предстоящих задачах. И здесь мог бы через несколько месяцев стоять Мартин Стилмен, новый президент США, не рассуди судьба иначе.

Незачем притворяться, что он ни о чем не сожалеет. Иные достигают и власти, и счастья; ему это не было дано. Рано или поздно собственное честолюбие сожрало бы его. Последние недели он был вполне удовлетворен; за это ничего не жаль отдать.

Он все еще дивился своему чудесному спасению, когда его время истекло и Смерть бесшумно слетела вниз с летнего неба.

— Похоже, что здесь дорога кончается,— сказал Джерри Гарфилд, выключая моторы.

Тихо вздохнув, насосы смолкли, и разведочный вездеход «Бродячий драндулет», лишившись воздушной подушки, лег на острые камни Гесперийского плато.

Дальше пути не было. Ни насосы, ни гусеницы не помогли бы «Р-5» (как официально назывался «Драндулет») одолеть выросший впереди эскарп. До Южного полюса Венеры оставалось всего пятьдесят километров, но с таким же успехом он мог находиться на другой планете. Хочешь не хочешь, надо возвращаться, снова идти все эти семьсот километров среди чудовищного ландшафта.

День был на диво ясный, видимость почти тысяча метров. Не требовалось никакого радара, чтобы следить за утесами, вырастающими на пути вездехода; на этот раз их было видно невооруженным глазом. Сквозь пелену туч, которая не разрывалась уже много миллионов лет, просачивался зеленый свет, будто в подводном царстве; к тому же вдали все расплывалось во мгле. Так и казалось порой, что вездеход скользит над морским дном, и Джерри то и дело чудились вверху, над головой, плывущие рыбины.

— Связаться с кораблем и передать, что возвращаемся? — спросил он.

— Погодите,— сказал доктор Хатчинс.— Надо подумать.

Джерри взглянул на третьего члена экипажа, надеясь на поддержку. Напрасно. Коулмен такой же одержимый, как Хатчинс. Как бы неистово они ни спорили между собой, оба оставались учеными, то есть — с точки зрения рассудительного инженера-штурмана — людьми, которые не всегда способны отвечать за свои поступки. И однако, если Коулу и Хатчу втемяшится в голову продолжать путь, ему останется только выполнять приказ, записав свой протест...

© Перевод Л. Жданова.

Хатчинс прошелся по тесной кабине, изучая карты и приборы. Потом направил прожектор вездехода на скальную стенку и стал внимательно разглядывать ее в бинокль.

«Не может быть, чтобы он потребовал от меня штурмовать эту скалу,— подумал Джерри.— "Р-5" как-никак всего лишь вездеход, а не горный козел».

Вдруг Хатчинс что-то увидел. На миг задержав дыхание, он затем шумно выдохнул и повернулся к Коулмену.

— Посмотрите! — Его голос дрожал от волнения.— Чуть левее черного пятна! Что это, по-вашему?

Он передал Коулмену бинокль; теперь тот замер, всматриваясь.

— Черт возьми,— вымолвил он наконец.— Вы были правы. На Венере есть реки. Это след высохшего водопада.

— Учтите, за вами обед в «Бель Гурмете», как только вернемся в Кембридж. С шампанским!

— Запомню, не бойтесь. Да за такое открытие не только обед!.. И все-таки ваши теории любой назовет сумасбродными.

— Стоп, стоп,— вмешался Джерри.— Какие еще тут реки-водопады? Каждый знает, что их на Венере нет и не может быть. В здешней бане такая жарища, пары никогда не сгущаются...

— Вы давно глядели на термометр? — вкрадчиво спросил Хатчинс.

— Тут только успевай вездеходом управлять!

— Тогда позвольте сообщить вам одну новость: сейчас около двухсот тридцати, а температура продолжает падать. По Фаренгейту точка кипения — двести двенадцать градусов. Не забывайте, мы почти у полюса, сейчас зима и мы на высоте восемнадцать тысяч метров над равниной. Все вместе взятое дает такой скачок, что, если похолодает еще на

несколько градусов, польет дождь. Кипящий, но все-таки дождь, вода, а не пар. А это, сколько бы Джордж ни упирался, совершенно меняет наше представление о Венере.

— Почему? — спросил Джерри, хотя он уже и сам догадался.

— Где есть вода, может быть жизнь. Мы излишне поторопились назвать Венеру бесплодной только потому, что средняя температура на поверхности превышает пятьсот градусов. Уже тут намного холоднее — вот почему я так рвусь к полюсу. Здесь, в горах, есть озера, и я хочу взглянуть на них.

— Но ведь *кипящая* вода! — возразил Коулмен.— В ней ничто не может жить.

— На Земле есть водоросли, живут. И разве исследование планет не научило нас: везде, где только может возникнуть жизнь, она возникает. Пожалуйста, возможность, пусть единственная, налицо.

— Хотелось бы проверить вашу теорию. Но вы же видите: по этой скале не подняться.

— На вездеходе не подняться, верно. Но влезть самим по стенке вполне можно, даже в термокостюмах. Нам всего-то надо пройти несколько километров к полюсу. Главное — эту стенку одолеть, дальше местность ровная, это видно по радарным картам. Думаю, уложимся в... ну, от силы в двенадцать часов. Как будто мы не ходили дольше, и в куда более сложных условиях.

Это верно. Одежда, которая надежно защищает человека на равнинах Венеры, и подавно годится здесь, где температура всего на сотню градусов выше, чем летом в Долине Смерти на Земле.

— Хорошо,— сказал Коулмен,— вы знаете правила. Одному выходить нельзя, и кто-то должен оставаться в вездеходе, держать связь с кораблем. Как решим вопрос на этот раз: шахматы или карты?

— Шахматы слишком долго,— ответил Хатчинс,— особенно когда играете вы двое.

Из ящика штурманского столика он достал потрепанную колоду.

— Тяните, Джерри.

— Десятка пик. Ну-ка, побейте ее, Джордж.

— Постараюсь... Черт! Пятерка треф. Что ж, передайте привет от меня венерианцам.

Вопреки уверениям Хатчинса, стенка оказалась трудной. Не так уж и круто, но кислородный прибор, охлаждаемый термокостюм и научные приборы весили полцентнера. Меньшая гравитация — на тринадцать процентов ниже земной — выручала, да не очень. Они карабкались по осыпям, отдыхали на уступах и снова карабкались в подводных сумерках. Зеленое сияние, которое озаряло все вокруг, было ярче света полной Луны на Земле. «Венере Луна ни к чему,— подумал Джерри.— Ее не увидишь сквозь тучи, и нет никаких океанов, чтобы управлять приливом-отливом, к тому же немеркнущее полярное сияние — гораздо более надежный источник света».

Они поднялись больше чем на шестьсот метров, когда стенка наконец сменилась отлогим склоном. Его исчертили канавы, явно промытые текущей водой. Поискав немного, они вышли к лощине, достаточно широкой и глубокой, чтобы ее можно было назвать руслом реки, и стали подниматься вдоль нее.

— Знаете, я о чем подумал,— сказал Джерри, пройдя несколько сотен метров.— А не нарвемся мы на бурю? Не хотел бы я встретиться с валом кипящей воды.

— Если будет буря,— чуть раздраженно ответил Хатчинс, не останавливаясь,— мы издали ее услышим. Успеем подняться повыше.

Он прав, конечно, но Джерри от этого не стало легче. С той минуты, как они перевалили через гребень и потеряли радиосвязь с вездеходом, в его душе росла тревога. Непривычно и неприятно было оказаться оторванным от других людей. С Джерри это случилось впервые. Даже на борту «Утренней звезды», в сотнях миллионов километров от Земли, он мог

отправить телеграмму своим близким и почти сразу получить ответ. А тут несколько метров скалы отрезали его от всего человечества; случись с ними что-нибудь, никто об этом не узнает, разве что другая экспедиция набредет на их тела. Джордж подождет, сколько условлено, и возвратится к кораблю один. «Нет,— сказал себе Джерри,— плохой из меня пионер космоса. Только любовь к хитрым машинам втравила меня в космические полеты... И некогда было даже задуматься, к чему это может привести. А теперь поздно».

Вдоль извилистого русла они прошли километров пять к полюсу, наконец Хатчинс остановился, чтобы провести наблюдения и собрать образцы.

— Похолодание продолжается! — воскликнул он.— Сейчас уже сто девяносто девять градусов. Намного ниже самой низкой температуры, какую до сих пор отмечали на Венере. Вот бы связаться с Джорджем и рассказать ему!

Джерри проверил все волны, попробовал вызвать и корабль — прихотливые колебания ионосферы иногда допускали такую дальнюю связь,— но не мог даже уловить шороха несущей частоты сквозь треск и рокот гроз Венеры.

— А это будет даже еще поважнее! — В голосе Хатчинса звучало неподдельное волнение.— Концентрация кислорода возрастает: уже пятнадцать миллионных. У вездехода было всего пять, на равнине почти ничего.

— Но ведь это пятнадцать миллионных! — возразил Джерри.— Все равно нечем дышать!

— Вы не с того конца подходите,— отозвался Хатчинс,— никто им не дышит. Но что-то его образует. Откуда, по-вашему, взялся кислород на Земле? Он — продукт жизнедеятельности растений. Пока на Земле не появились растения, у нас была атмосфера вроде здешней, смесь углекислоты с аммиаком и метаном. Затем возникла растительность и постепенно изменила атмосферу, так что животным стало чем дышать.

— Понятно,— сказал Джерри.— И вы думаете, как раз это теперь началось здесь?

— Похоже, что так. Нечто неподалеку отсюда выделяет кислород. Самая простая догадка — здесь есть растительная жизнь.

— А где есть растения,— задумчиво произнес Джерри,— там, очевидно, рано или поздно появляются животные.

— Верно,— ответил Хатчинс, собирая свои приборы и продолжая путь вверх по лощине.— Правда, на это нужно несколько миллионов лет. Возможно, мы прилетели слишком рано. Жаль, если так.

— Все это здорово,— сказал Джерри,— но вдруг мы встретим что-нибудь такое, что нас невзлюбит? У нас нет оружия.

Хатчинс неодобрительно фыркнул.

— Оно нам не нужно! Да вы посмотрите хоть на меня, хоть на себя! Любой зверь при виде нас пустится наутек.

Что верно, то верно. Покрывающий их с ног до головы металлизированный костюм-рефлектор напоминал блестящие гибкие доспехи. Из шлемов и ранцев торчали антенны — ни одно насекомое не могло похвастаться такими усиками. А широкие линзы, через которые космонавты глядели на мир, напоминали чудовищные бездумные глаза. Земные животные вряд ли пожелали бы связываться с такими тварями, но у здешних могут быть свои представления.

Так думал Джерри, когда они неожиданно вышли к озеру. С первого взгляда оно навело его на мысль не о жизни, которую они искали, а о смерти. Оно простерлось черным зеркалом в складке между холмами, и дальний берег терялся в вечном тумане, а над поверхностью извивались и плясали призрачные вихри пара. «Не хватает только Харона, готового перевезти нас на ту сторону,— сказал себе Джерри.— Или Туонельского лебедя, чтобы он величественно плавал взад-вперед, охраняя врата преисподней...»

Но как ни взгляни, это чудо: впервые человек нашел на Венере воду в свободном состоянии! Хатчинс уже стоял на коленях, будто задумал молиться. Впрочем, он всего-навсего собирал капли драгоценной влаги, чтобы рассмотреть их через карманный микроскоп.

— Что-нибудь есть? — нетерпеливо спросил Джерри.

Хатчинс покачал головой.

— Если что и есть, то слишком мелкое для этого прибора. Вот вернемся на корабль, там я получше все разгляжу.

Он запечатал пробирку и положил ее в контейнер любовно, как геолог — золотой самородок. Быть может (и скорее всего), это самая обыкновенная вода. Но возможно также, что это целый мир, населенный неведомыми живыми созданиями, только-только ступившими на долгий, длиной в миллиарды лет, путь к разумной жизни.

Пройдя с десяток метров вдоль озера, Хатчинс остановился так внезапно, что Гарфилд едва не натолкнулся на него.

— В чем дело? — спросил Джерри.— Что-нибудь увидели?

— Вон то черное пятно, словно камень... Я его приметил еще до того, как мы вышли к озеру.

— Ну и что с ним? По-моему, ничего необычного.

— Мне кажется, оно растет.

После Джерри всю жизнь вспоминал этот миг. Слова Хатчинса не вызвали у него никакого сомнения, он был готов поверить во что угодно, даже в то, что камни растут. Чувство уединенности и таинственности, угрюмое черное озеро, непрерывный рокот далеких гроз, зеленый свет полярного сияния — все это повлияло на его сознание, подготовило к приятию даже самого невероятного. Но страха он пока не ощущал.

Джерри взглянул на камень. Метров сто пятьдесят до него, примерно... В этом тусклом изумрудном свете трудно судить о расстояниях и размерах. Камень... А может, еще что-то? Почти черная плита лежит горизонтально у самого гребня невысокой гряды. Рядом такое же пятно, только намного меньше. Джерри попытался прикинуть и запомнить расстояние между ними, чтобы проследить, меняется оно или нет.

И даже когда он заметил, что просвет между пятнами сокращается, это не вызвало у него тревоги, только напряженное любопытство. Лишь после того, как просвет совсем исчез и Джерри понял, что глаза подвели его, ему стало страшно — очень страшно.

Нет, это не движущийся и не растущий камень! Это черная волна, подвижный ковер, который медленно, но неотвратимо ползет через гребень прямо на них.

Ужас — леденящий, парализующий — владел им, к счастью, всего несколько секунд. Страх пошел на убыль, как только Гарфилд понял, что его вызвало. Надвигающаяся волна слишком живо напомнила ему прочитанный много лет назад рассказ о муравьиных полчищах в Амазонас, как они истребляют все на своем пути...

Но чем бы ни была эта волна, она ползла слишком медленно, чтобы серьезно угрожать им,— лишь бы она не отрезала их от вездехода. Хатчинс не отрываясь разглядывал ее в бинокль. «Биолог не трусит,— подумал Джерри.— С какой стати мне удирать сломя голову, курам на смех».

— Скажите же наконец — что это? — не выдержал он: до ползущего ковра оставалось всего около сотни метров, а Хатчинс все еще не вымолвил ни слова, не пошевельнул ни одним мускулом.

Хатчинс сбросил с себя оцепенение и ожил.

— Простите,— сказал он.— Я совершенно забыл о вас. Это — растение, что же еще. Так мне кажется, во всяком случае.

— Но оно движется!

— Ну и что? Земные растения тоже двигаются. Вы никогда не видели замедленных съемок плюща?

— Но плющ стоит на месте и никуда не ползет!

— А что вы скажете о растительном планктоне в океанах? Он плавает, перемещается, когда надо.

Джерри сдался; впрочем, наступающее на них чудо все равно лишило его дара речи.

Мысленно он продолжал называть его ковром. Ворсистый ковер с бахромой по краям, толщина которого все время менялась: тут не толще пленки, там — около тридцати

сантиметров, а то и больше. Вблизи строение было лучше видно, и он показался Джерри похожим на черный бархат. Интересно, какой он на ощупь? Но тут же Гарфилд сообразил, что «ковер» в лучшем случае обожжет ему пальцы. Внезапный шок часто влечет за собой приступ нервного веселья, и он поймал себя на мысли: «Если венерианцы существуют, с ними не поздороваешься за руку. Они нас ошпарят, мы их обморозим...»

Пока что оно их как будто не заметило, просто-напросто скользило вперед, как неодушевленная волна. Если бы оно не карабкалось через мелкие препятствия, его вполне можно было бы сравнить с потоком воды.

Вдруг, когда их разделяло всего три метра, бархатная волна изменила свое движение. Правое и левое крылья продолжали скользить вперед, но середина медленно остановилась.

— Окружает нас,— встревожился Джерри.— Лучше отступить, пока мы не уверены, что оно безобидно.

К его облегчению, Хатчинс тотчас сделал шаг назад. После короткой заминки странное существо снова двинулось с места, и изгиб в его передней части сгладился.

Тогда Хатчинс шагнул вперед — существо медленно отступило. Несколько раз биолог повторял свой маневр, и живой поток неизменно то наступал, то отступал в такт его движениям. «Никогда не думал,— сказал себе Джерри,— что мне доведется увидеть, как человек вальсирует с растением...»

— Термофобия,— произнес Хатчинс.— Чисто автоматическая реакция. Ему не нравится наше тепло.

— *Наше* тепло! — воскликнул Джерри.— Да ведь мы по сравнению с ним живые сосульки!

— Верно. А наши костюмы? Оно воспринимает их, не нас.

«Да, сглупил,— мысленно вздохнул Джерри.— Внутри термокостюма климат отменный, но ведь охлаждающая установка у меня за спиной выделяет в окружающий воздух струю жара. Неудивительно, что это растение отпрянуло».

— Проверим, как оно отзовется на свет,— продолжал Хатчинс.

Он включил фонарь на груди, и ослепительно белый свет оттеснил изумрудное сияние. До появления на Венере людей здесь даже днем не бывало белого света. Как в глубинах земных морей, царили зеленые сумерки, которые медленно сгущались в кромешный мрак.

Превращение было настолько ошеломляющим, что оба невольно вскрикнули. Глубокая, мягкая чернота толстого бархатного ковра мгновенно исчезла. Вместо нее там, куда падал свет фонаря, простерся, поражая глаз, великолепный, яркий красный покров, обрамленный золотистыми бликами. Ни один персидский шах не получал от своих ткачей столь изумительного гобелена, а ведь космонавты видели случайное творение биологических сил. Впрочем, пока они не включали своих фонарей, этих потрясающих красок вообще не существовало — и они снова исчезнут, едва прекратится волшебное действие чужеродного света с Земли.

— Тихов был прав,— пробормотал Хатчинс.— Жаль, не довелось ему убедиться.

— В чем прав? — спросил Джерри, хотя ему казалось святотатством говорить вслух перед лицом такой красоты.

— Пятьдесят лет назад, в Советском Союзе, он пришел к выводу, что растения, живущие в очень холодном климате, чаще всего бывают голубыми и фиолетовыми, а в очень жарких поясах — красными или оранжевыми. Он предсказал, что растения Марса окажутся фиолетовыми, а Венеры — если они там есть — красными. И в обоих случаях оказался прав. Но мы не можем стоять так весь день, надо работать!

— Вы уверены, что оно безвредно? — спросил Джерри на всякий случай.

— Совершенно. Оно не может коснуться наших костюмов, даже если бы захотело. Смотрите, уже обошло нас.

Правда! Теперь они видели его — если считать, что это одно растение, а не колония,— целиком. Неправильный круг

диаметром около ста метров скользил прочь, как скользит по земле тень гонимого ветром облака. А там, где он прошел, скала была испещрена несчетным множеством крохотных отверстий, словно выеденных кислотой.

— Да-да,— подтвердил Хатчинс, когда Джерри сказал об этом,— так питаются некоторые лишайники. Выделяют кислоты, растворяющие камень. А теперь прошу — никаких вопросов больше, пока не вернемся на корабль. Тут работы на десятки лет, а у меня всего час-другой.

Ботаника в движении!.. Чувствительная бахрома огромного растениеподобного двигалась неожиданно быстро, спасаясь от них. Этакий оживший блин площадью в целый акр! Но когда Хатчинс стал брать образцы, растениеподобное никак не реагировало, если не считать, что струи тепла попрежнему пугали его. Влекомое неведомым растительным инстинктом, оно упорно скользило вперед через бугры и лощины. Возможно, следовало за какой-нибудь минеральной жилой; на это ответят геологи, изучив образцы пород, которые Хатчинс собрал до и после прохождения живого ковра.

Сейчас некогда было размышлять над несчетными вопросами, которые вытекали из их открытия. Судя по тому, что они почти сразу набрели на это создание, оно здесь далеко не редкость. Как оно размножается? Побегами, спорами, делением или еще как-нибудь? Откуда берет энергию? Какие у него есть родичи, враги, паразиты? Оно не может быть единственной формой жизни на Венере — где есть один вид, должны быть тысячи...

Голод и усталость заставили их прекратить погоню. Это творение явно было способно проесть себе дорогу через всю Венеру. (Правда, Хатчинс полагал, что оно не уходит далеко от озера, так как растениеподобное то и дело спускалось к воде и погружало в нее длинное щупальце-хобот.) Но представители фауны Земли нуждались в отдыхе.

Хорошо надуть герметичную палатку, забраться через воздушный шлюз внутрь и сбросить термокостюмы. Лишь теперь, отдыхая внутри маленького пластикового полушария,

они по-настоящему осознали, какое чудо им встретилось и как это важно. Окружающий их мир был уже не тем, что прежде; Венера не мертва, она стала в ряд с Землей и Марсом.

Ибо живое взывает к живому — даже через космические бездны. Все, что растет, движется на поверхности других планет — предвестье, залог того, что человек не одинок в мире пламенных солнц и вихревых туманностей. Если он до сих пор не нашел товарищей, с которыми мог бы разговаривать, это лишь естественно: впереди, ожидая исследователей, простерлись еще световые годы и века. Пока же долг человека — охранять и лелеять те проявления жизни, которые ему известны, будь то на Земле, на Марсе или на Венере...

Так говорил себе Грэхем Хатчинс, самый счастливый биолог во всей Солнечной системе, помогая Гарфилду собрать мусор и уложить его в пластиковый мешочек. Когда они, сняв палатку, двинулись в обратный путь, нигде не было видно никаких следов поразительного создания. И слава богу, не то бы они, наверное, не удержались, продолжали бы свои эксперименты, а ведь их срок уже истекал.

Ничего: через несколько месяцев посланники нетерпеливо ждущей Земли вернутся с целым отрядом научных сотрудников, оснащенные куда более совершенным снаряжением. Миллиард лет трудилась эволюция, чтобы сделать возможной эту встречу; она может подождать еще немного.

Некоторое время все было неподвижно в отливающем зеленью мглистом краю. Ушли люди, скрылся алый ковер... И вдруг существо показалось снова, перевалив через выветренную гряду. А может быть, то была другая особь удивительного вида? Этого никто никогда не узнает.

Оно скатилось к груде камней, под которыми Хатчинс и Гарфилд погребли мусор. Остановилось.

Это не было любопытством, ведь оно не могло мыслить. Но химическая жажда, которая неотступно гнала его вперед и вперед через полярное плато, кричала: «Здесь, здесь!» Где-

то рядом — самое дорогое, нужное ему питательное вещество. Фосфор, элемент, без которого никогда бы не вспыхнула искра жизни. И оно стало тыкаться в камни, просачиваться в щели и трещины, скрести и царапать пытливыми щупальцами. Любое из этих движений было доступно любому растению или дереву на Земле, с той разницей, что это существо двигалось в тысячу раз быстрее, и всего лишь несколько минут понадобилось ему, чтобы достичь цели и проникнуть сквозь пластиковую пленку.

И оно устроило пир, поглощая самую концентрированную пищу, какую когда-либо находило. Оно поглотило углеводороды, и белки, и фосфаты, никотин из окурков, целлюлозу из бумажных стаканов и ложек. Все это оно растворило и усвоило — без труда и без вреда для себя.

Одновременно оно поглотило целый микрокосм живых существ: бактерии и вирусы, обитатели более старой планеты, где развились тысячи смертоносных разновидностей... Правда, лишь некоторые из них смогли выжить в таком пекле и в такой атмосфере, но этого было достаточно. Отползая назад, к озеру, живой ковер нес в себе погибель всему своему миру.

И когда «Утренняя звезда» вышла в обратный путь к далекому дому, Венера уже умирала. Пленки, негативы и образцы, которые так радовали Хатчинса, были драгоценнее, чем он предполагал. Им было суждено остаться единственными свидетельствами третьей попытки жизни утвердиться в Солнечной системе.

Закончилась история творения под пеленой облаков Венеры.

НЕНАВИСТЬ

Только Джоуи бодрствовал на палубе в прохладной предрассветной неподвижности, когда в небе Новой Гвинеи промчался пылающий метеор. Он поднимался все выше и выше, пока не пронесся прямо у него над головой, затмевая звезды и отбрасывая быстрые тени на переполненную палубу. Резкий свет очертил голый такелаж, свернутые канаты, воздушные шланги, медные водолазные шлемы, аккуратно сложенные на ночь,— и даже низкий, заросший пандануса остров, находившийся в километре от корабля. По мере того как метеор удалялся на юго-запад, в пустоту Тихого океана, он начал разрушаться. Раскаленные каплевидные частицы отрывались, вспыхивали и рассыпались огненными гирляндами. Метеор уже умирал, но Джоуи так и не увидел его конца — продолжая ослепительно сверкать, метеор исчез за горизонтом, словно собирался встретить невидимое солнце.

Зрелище получилось впечатляющим, но полнейшая тишина вызывала у Джоуи дрожь. Он ждал и ждал, однако с расколотых небес не доносилось ни звука. Когда через несколько минут рядом послышался неожиданный всплеск, он даже вскрикнул — и тут же выругал себя, ведь его испугала манта. (Впрочем, она была довольно большой, отчего и всплеск получился таким громким.) Потом вновь воцарилась тишина, и Джоуи заснул.

Тибор лежал на своей узкой койке возле воздушного компрессора и ничего не слышал. Он так устал после тяжелого

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

дня, что у него не осталось сил даже для снов — но когда они пришли, Тибор им не обрадовался. В ночные часы его сознание скиталось по прошлому, но ни разу не задержалось на тех воспоминаниях, что доставляли ему удовольствие. У него были женщины в Сиднее, Брисбене, Дарвине и на острове Четверг, но в его снах они не появлялись. Просыпаясь в душной тишине своей каюты, Тибор вспоминал лишь пыль, огонь и кровь — и русские танки, катившие по Будапешту. В его снах не было любви, их переполняла ненависть.

Когда Ник разбудил его, он пытался ускользнуть от австрийских пограничников. Путешествие длиной в восемнадцать тысяч километров обратно к Большому Барьерному рифу заняло всего несколько секунд; потом он зевнул, стряхнул тараканов, пытавшихся полакомиться пальцами его ног, и встал с койки.

На завтрак, естественно, он получил, как всегда, рис, черепашьи яйца и мясные консервы и запил все это крепким сладким чаем. У стряпни Джоуи имелось одно неоспоримое достоинство — еды всегда было много. Тибор привык к однообразию в рационе; к тому же он рассчитывал получить достойную компенсацию после возвращения на берег.

Солнце едва успело подняться над горизонтом, а они уже аккуратно сложили тарелки в миниатюрном камбузе, и люггер отошел от берега. Ник заметно повеселел, когда взялся за руль и они стали удаляться от острова; у старого мастера по добыче жемчуга имелись на то все основания — Тибору еще не доводилось видеть таких богатых месторождений жемчужных раковин. Если везение их не оставит, через пару дней они набьют полный трюм и поплывут обратно на остров Четверг с полутонной ракушек на борту. А потом, если все будет хорошо, он бросит эту вонючую опасную работу и вернется к цивилизации. Впрочем, он ни о чем не жалел; греки хорошо к нему относились, и Тибор сумел найти несколько приличных жемчужин. Зато теперь, после девяти месяцев пребывания на рифе, он понял, почему белых ныряльщиков

можно сосчитать по пальцам одной руки. Большинство составляют японцы, канаки* и островитяне, европейцы практически не встречаются.

Дизель закашлялся и замолчал, и «Арафура» легла в дрейф. Они отошли от острова на три километра, его зеленые заросли отделяла от воды лишь узкая полоска пляжа, на которой ухитрился вырасти маленький лес, единственными обитателями которого были мириады глупых птиц, строивших свои бесчисленные гнезда в мягкой земле на берегу, каждую ночь нарушая тишину жуткими криками.

Одеваясь, трое ныряльщиков почти не разговаривали; каждый знал, что от него требуется, и не тратил времени зря. Пока Тибор застегивал толстую твиловую куртку, Бланко, его помощник, промывал стекло шлема уксусом, чтобы оно не запотевало. Потом Тибор спустился по веревочной лестнице, и ему на голову водрузили тяжелый шлем и свинцовые накладки. Под стеганой курткой, которая помогала равномерно распределить вес по плечам, на нем была обычная одежда. В здешних теплых водах не нужны резиновые костюмы, а шлем походил на маленький колокол и держался исключительно своим весом. В экстренной ситуации ныряльщик мог — если повезет — выскользнуть из-под него и благополучно всплыть на поверхность. Тибор видел, как это делается, но проводить подобные эксперименты на собственной шкуре ему совсем не хотелось.

Всякий раз, когда он вставал на последнюю ступеньку лестницы, сжимая сетку для ракушек одной рукой и страховочный линь — другой, у него возникала одна и та же мысль: на час или навсегда покидает он в этот момент так хорошо известный ему мир? Что поджидает его там, внизу, на морском дне,— богатство или смерть? Этого он тоже не знал. Весьма вероятно, впереди еще один день изнурительной работы, как и многие другие в невеселой жизни ныряльщика.

* Уроженцы тихоокеанских островов, преимущественно Гавайских.

На глазах у Тибора погиб его товарищ, когда воздушный шланг намотался на винт «Арафуры»,— и ему пришлось стать свидетелем мучительной агонии несчастного. В море никогда нельзя чувствовать себя в безопасности. Ты рискуешь — и рискуешь сознательно, а если проиграешь, нечего скулить.

Он сделал последний шаг с лестницы, и мир солнца и неба перестал существовать. Поскольку основная тяжесть приходилась на шлем, он был вынужден отчаянно подрабатывать ногами, чтобы погружение оставалось вертикальным. Тибор видел лишь тусклый голубой туман и надеялся, что Бланко не станет вытравливать страховочный линь слишком быстро. По мере того как возрастало давление, он постоянно сглатывал, стараясь прочистить уши; правое довольно скоро «щелкнуло», но левое пронзила невыносимая боль, оно беспокоило его уже несколько дней. Он осторожно засунул руку под шлем, зажал нос и изо всех сил попытался продуть уши. Раздался беззвучный взрыв, и боль мгновенно исчезла. Больше уши не будут доставлять ему неприятности — во всяком случае, во время погружения.

Тибор почувствовал дно прежде, чем увидел его. Поскольку он не мог наклониться — чтобы вода не попала в открытый шлем,— обзор оставался очень ограниченным. По сторонам он смотреть мог, но то, что творилось внизу, оставалось тайной. Однако сейчас окружающая картина успокаивала — монотонное волнообразное покачивание, тусклое и мутное,— а на расстоянии трех метров вообще ничего уже не разобрать. Слева, в метре от Тибора, маленькая рыбка покусывала коралл, формой и размерами напоминающий веер. Вот и все — и больше никаких тебе красот подводного царства. Но здесь лежат деньги — остальное значения не имеет.

Слегка натянулся страховочный линь, люггер понемногу сносило, и Тибор двинулся вперед легкой замедленной походкой, которая определялась его уменьшенным весом и сопротивлением воды. Поскольку Тибор был ныряльщиком номер два, он шел со стороны носа; в центральной части располагался Стивен, не имевший большого опыта, а место

за кормой занимал главный ныряльщик — Билли. Во время работы они редко видели друг друга; у каждого был собственный участок, который они обследовали, пока «Арафура» беззвучно дрейфовала. Лишь иногда, обернувшись, они видели смутные силуэты своих товарищей.

Лишь опытный ныряльщик умел находить на дне раковины, скрывающиеся среди водорослей, но часто моллюски сами выдавали свое местонахождение. Почувствовав вибрацию воды от приближающегося ныряльщика, они закрывались — и в сумрачном тумане мгновенно вспыхивал перламутровый блеск. Но даже после этого им изредка удавалось спастись, так как корабль мог увлечь ловца за собой, не позволив ухватить ценный приз. В пору своего ученичества Тибор упустил немало многообещающих раковин — возможно, в некоторых из них находились великолепные жемчужины. Или так ему только казалось, но потом привлекательность новой профессии потускнела, и он понял, что истинно ценные жемчужины встречаются так редко, что он может просто о них забыть. Самую лучшую из всех, что ему удалось добыть, продали за пятьдесят долларов, а раковины, которые он мог собрать за удачное утро, приносили хорошие деньги. Если бы бизнес зависел от улова жемчуга, а не от перламутра, они бы уже давно разорились.

В туманном подводном мире пропадало ощущение времени. Ты идешь под невидимым дрейфующим кораблем, в ушах пульсирует воздушный компрессор, зеленая пелена скользит перед глазами. Иногда ты замечаешь раковину, отрываешь ее от дна и бросаешь в сетку. Если повезет, за один проход вдоль плодородного участка можно собрать две дюжины; но иногда удача тебя покидает и не удается найти ни одной раковины.

Ты готов к любым опасностям, но страха в тебе нет. Самый большой риск — запутавшийся воздушный шланг или страховочный линь, а вовсе не акулы, морские окуни или осьминоги. Акулы уплывают прочь, как только замечают твои воздушные пузыри, а за долгие часы подводной охоты

Тибор лишь однажды видел осьминога размером шестьдесят сантиметров в поперечнике. Что касается морских окуней — ну, к ним следует относиться серьезно, поскольку они, если голодны, могут целиком проглотить ныряльщика. Однако вероятность встречи с ними на этой плоской и пустынной равнине невелика: здесь нет коралловых пещер, в которых они живут.

Потрясение не было бы таким сильным, если бы однообразная серая муть не убаюкала его, создав ощущение полной безопасности. Он шел и шел в сторону недостижимой стены тумана, которая отступала с каждым новым шагом. А затем перед ним без малейшего предупреждения возникло олицетворение ночных кошмаров.

Тибор ненавидел пауков, а в море жило существо, которое нередко приходило к нему в ночных кошмарах. Он никогда не встречался с пауком с глазу на глаз, в его снах сознание всякий раз избегало непосредственного контакта, но Тибор знал, что веретенообразные ноги японского краба-паука достигают размаха в четыре метра. То, что существо совершенно безобидно, не имело ни малейшего значения — паук размером с человека просто не имел права на существование.

Заметив хрупкие многосуставчатые ноги, появившиеся из серого тумана, Тибор закричал от охватившего его ужаса. Он не помнил, как дернул за страховочный линь, но Бланко отреагировал мгновенно. Под шлемом еще звучало эхо его крика, когда Тибор почувствовал, как его ноги оторвались от морского дна, и он начал подниматься к свету, воздуху — и благоразумию. Он почти сразу же пришел в себя и понял свою ошибку. Однако продолжал отчаянно дрожать, когда Бланко снял с него шлем. Прошло несколько минут, прежде чем Тибор сумел заговорить.

— Что, черт подери, здесь происходит? — осведомился Ник.— Все решили устроить себе выходной?

Тут только Тибор понял, что не только он поднялся на поверхность. Стивен сидел на палубе и курил сигарету. Казалось, он совершенно спокоен. Третий ныряльщик, которого помимо его воли тащили наверх, несомненно, не понимал, что произошло. «Арафура» остановилась, предстояло выяснить причину задержки.

— Я набрел на следы катастрофы,— сказал Тибор.— Во все стороны торчат какие-то провода и стержни.

И, несмотря на отвращение, которое Тибор испытывал к собственной трусости, он снова задрожал.

— Ну и чего ты испугался? — проворчал Ник.

Тибор и сам не понимал причины случившегося; здесь, на залитой солнцем палубе, он не мог объяснить, почему безобидные силуэты, выплывшие из тумана, вызвали в нем такой животный ужас.

— Я чуть не зацепился,— солгал он.— Бланко очень вовремя меня вытащил.

— Хм,— задумчиво проговорил Ник, которого не оставляли сомнения.— В любом случае это не корабль.— Он указал на Стивена.— Стив налетел на массу веревок и каких-то тканей, по его словам напоминающих толстый нейлон. Нечто вроде парашюта.— Старый грек с отвращением посмотрел на сырой окурок своей сигары и выбросил его за борт.— Как только поднимем Билли, вернемся назад и посмотрим, что там. Может быть, найдем что-нибудь ценное. Помните, что произошло с Джо Чемберсом?

Тибор помнил; история получила известность на всем Большом Барьерном рифе. Джо, одинокий рыбак, в последние месяцы войны обнаружил ДК-3, лежавший на мелководье в нескольких километрах от побережья Квинсленда. Работая в одиночку, он сумел вскрыть фюзеляж и принялся вытаскивать ящики с разными товарами, прекрасно сохранившимися благодаря тщательной упаковке. Некоторое время он вел процветающий бизнес, но, когда до него добралась полиция, ему пришлось рассказать об источнике поставок — австралийские полицейские обладают даром убеждения.

После нескольких недель напряженной работы Джо обнаружил, что́ кроме инструментов стоимостью в несколько

жалких сотен долларов являлось грузом ДК-3. В больших деревянных ящиках, которые он так и не успел вскрыть, находилась заработная плата для Тихоокеанского флота США — бóльшая часть в двадцатидолларовых золотых монетах.

Едва ли нам так повезет здесь, подумал Тибор, вновь погружаясь в воду; но самолет — или что-то другое — мог иметь на борту приборы и инструменты. А вдруг удастся получить награду за находку? Кроме того, Тибор хотел получше рассмотреть то, что привело его в такой ужас.

Десять минут спустя он понял, что это не самолет. Совсем другая форма, да и размер не тот — слишком маленький, всего лишь шесть метров в длину и три в ширину. В нескольких местах конического предмета Тибор заметил люки и крошечные отверстия, через которые выглядывали неизвестные приспособления. В целом предмет не слишком пострадал, если не считать того, что один из концов расплавился под воздействием высоких температур — так показалось Тибору. Из другого конца торчало множество антенн, все они были сломаны или погнуты от удара о воду. Даже сейчас они имели поразительное сходство с ногами гигантского насекомого.

Тибор не был дураком; он сразу же догадался, что они обнаружили. Оставался только один вопрос, и он легко нашел на него ответ. Хотя высокие температуры слегка их повредили, на некоторых люках он сумел прочитать слова. Тибор сразу узнал кириллицу, а его познаний в русском языке хватило, чтобы понять, что здесь упоминается об электрическом оборудовании и компрессорных системах.

— Значит, они потеряли спутник,— с удовлетворением сказал он себе.

Тибор представил, что произошло: эта штука пошла на посадку слишком быстро и совсем не в том месте, где планировалось. Возле одного из концов он заметил рваные остатки поплавков — они не выдержали удара и лопнули, после чего весь аппарат стремительно затонул. Команде «Арафуры» придется принести свои извинения Джоуи — он действительно не пил грог. Очевидно, он видел ракетоноситель, отделившийся от главной части аппарата и упавший в атмосферу Земли.

Довольно долго Тибор стоял, согнув колени, рядом с космическим существом, попавшим в чуждую стихию. В голове крутились еще не оформившиеся планы, но ни один из них его не устраивал. Его больше не интересовали призовые деньги; он думал о мести. Перед ним лежало одно из самых гордых творений Советского Союза — и Сабо Тибор, в прошлом житель Будапешта,— единственный человек на земле, который об этом знал.

Наверняка существовали возможности воспользоваться ситуацией — и нанести максимальный вред стране, которую он теперь ненавидел всеми силами своей души. Когда Тибор просыпался, он редко отдавал себе отчет в этой ненависти и еще реже пытался анализировать ее истинные причины. Здесь, в окружении моря и неба, среди мангровых болот и ослепительных коралловых островов, ничто не напоминало ему о прошлом. И все же он никак не мог избавиться от него, иногда демоны его сознания просыпались, вызывая в нем дикую, яростную ненависть или безумную жажду разрушения. До сих пор ему везло — он еще никого не убил. Но придет день...

Обеспокоенный Бланко дернул за страховочный линь, прервав его размышления о мести. Он послал ответный сигнал — все в порядке — и вновь принялся изучать капсулу. Сколько она весит? Удастся ли ее поднять? Прежде чем строить планы, необходимо еще многое выяснить.

Он уперся в металлическую стенку капсулы и осторожно ее подтолкнул. Она слегка сдвинулась с места. Может быть, удастся ее поднять, используя не слишком мощные блоки «Арафуры»? Похоже, капсула не слишком тяжелая.

Тибор прижался шлемом к плоской поверхности и внимательно прислушался. Он ожидал услышать механический шум, урчание электродвигателя. Однако внутри царила тишина. Рукоятью ножа он постучал по обшивке, пытаясь

определить ее толщину и слабые места. С третьего раза он добился результата — но совсем не такого, на какой рассчитывал.

Из капсулы послышался ответный стук.

До сих пор Тибору не приходило в голову, что внутри может кто-то находиться,— капсула казалась слишком маленькой. Затем он сообразил, что в мыслях его был образ обычного самолета; здесь же достаточно места, чтобы разместить внутри небольшую герметичную кабину, в которой подготовленный космонавт может провести несколько часов.

Как калейдоскоп в одно мгновение может изменить картинку, так прежние планы в голове Тибора растворились и тут же приняли новые очертания. Под толстым стеклом шлема он провел языком по губам. Если бы Ник сейчас его увидел, он задал бы себе вопрос, который задавал уже не раз: а не безумен ли его ныряльщик номер два? На место мысли об отмщении нации или машине пришла новая — он может отыграться на живом человеке.

— Ты не слишком торопился,— проворчал Ник.— Что тебе удалось найти?

— Это русская штука,— сказал Тибор.— Нечто вроде спутника. Если нам удастся обвязать вокруг него веревку, мы сможем его поднять. Но взять его на борт не получится — боюсь, корабль не выдержит.

Ник задумчиво пожевал очередную сигару. Капитана беспокоили совсем другие проблемы. Возможно, кто-то начал операцию по спасению, тогда все узнают о том, где вела добычу «Арафура». И месторождение ракушек перестанет быть секретом.

Им необходимо держать язык за зубами или выловить эту штуку самостоятельно и никому не рассказывать о том, где ее нашли. В любом случае создавалось впечатление, что от нее будет больше мороки, чем денег. Ник, разделявший присущее многим австралийцам недоверие к властям, решил, что в лучшем случае получит благодарственное письмо.

— Ребята не захотят спускаться под воду,— заявил Ник.— Они подумают, что это бомба. Скажут, что лучше ее не трогать.

— Объясни им, пусть не беспокоятся,— ответил Тибор.— Я сам все сделаю.— Он пытался говорить спокойно, получалось даже лучше, чем он мог рассчитывать.

Если другие ныряльщики услышат, что в капсуле кто-то стучит, они могут помешать ему реализовать свои планы.

Он показал в сторону зеленого острова.

— Остается одна возможность,— продолжал Тибор.— Если мы сумеем приподнять капсулу на метр-другой, нам удастся отбуксировать ее к берегу. А после того как мы выйдем на мелководье, вытащить ее на берег будет несложно. Например, приладим блок к одному из деревьев.

Ник без особого энтузиазма обдумывал предложение Тибора. Он сомневался, что им удастся протащить спутник через риф, даже если они пройдут с подветренной стороны от острова. Однако его вполне устраивало, что они уберут спутник подальше от залежей ракушек; потом они могут бросить его на дно, поставить там буй и получить вознаграждение.

— Ладно,— сказал он,— спускайся. Эта двухдюймовая веревка самая прочная из всех, что у нас есть. И постарайся не задерживаться; мы и так потеряли слишком много времени.

Тибор не собирался сидеть под водой целый день. Шести часов будет достаточно. Это первое, что он узнал через стену.

Как жаль, что он не слышит голоса русского; однако русский его слышит, и это самое главное. Когда Тибор прижал шлем к корпусу и закричал, бо́льшая часть его слов дошла до адресата. Пока что разговор складывался вполне дружески; Тибор не собирался заранее открывать свои намерения.

Первым делом было необходимо договориться о коде — один стук означал «да», два — «нет». После этого оставалось лишь сформулировать нужные вопросы. Если у вас есть время, то таким способом можно донести до собеседника любую мысль. Тибору вряд ли удалось бы реализовать свой план, если бы ему пришлось говорить по-русски; однако он с удовлетворением выяснил, что пилот потерпевшего катастрофу спутника прекрасно понимает английский.

В капсуле оставался запас воздуха на пять часов; пилот не пострадал; да, русские знают, где он приземлился. Последняя реплика заставила Тибора задуматься. Возможно, пилот солгал, но вполне вероятно, что так и есть. Хотя что-то явно пошло не так во время планируемого возвращения на Землю, встречающие корабли могли зафиксировать место приводнения капсулы — вот только с какой точностью? Впрочем, имеет ли это значение? Пройдет несколько дней, прежде чем они сюда доберутся, даже если попытаются войти в австралийские территориальные воды, не получив разрешения от Канберры. Тибор — хозяин положения; вся мощь СССР не в силах помешать ему: все равно они придут слишком поздно.

Тяжелая веревка кольцами опускалась на морское дно, поднимая тучу ила, который тут же подхватило течением. Теперь, когда солнце успело подняться выше, подводный мир больше не окутывал серый сумрак. Видимость увеличилась до пяти метров, дно перестало быть неясным тусклым пятном, и Тибор смог как следует разглядеть капсулу. Очень необычный объект, сконструированный для совершенно иных условий существования,— и что-то в нем не так. Тибор не сумел бы отличить переднюю часть от задней; он не знал, в каком направлении капсула мчалась по орбите.

Тибор прижал шлем к обшивке и закричал:

— Я вернулся. Ты меня слышишь?

Тук.

— У меня есть веревка, и я намерен привязать ее к стропам парашюта. Мы находимся в трех километрах от острова и, как только сумеем оторвать капсулу от дна, поплывем к нему. Мы не можем поднять капсулу на поверхность при помощи оборудования нашего люггера, поэтому попытаемся доставить тебя на берег. Ты меня понял?

— Тук.

Он довольно быстро привязал веревку, теперь необходимо отойти в сторону, прежде чем «Арафура» начнет двигаться. Но сначала нужно кое-что выяснить.

— Эй! — закричал он.— Я привязал веревку. Через минуту мы начнем подниматься. Ты меня слышишь?

Тук.

— Тогда выслушай еще кое-что. Ты не выберешься отсюда живым. Я об этом позаботился.

Тук, тук.

— Ты будешь умирать пять часов. Мой брат мучился гораздо дольше, когда попал на минное поле. Ты понимаешь? Я из Будапешта. Я ненавижу тебя, твою страну и все, что она олицетворяет. Вы лишили меня дома, семьи, превратили мой народ в рабов. Я бы хотел видеть твое лицо — хотел бы видеть, как ты будешь умирать. Как в тот день, когда смотрел, как умирает Тео. Когда мы окажемся на полпути к острову, веревка порвется в том месте, где я ее надрезал. Я спущусь вниз и привяжу другую, но и она порвется. Так что сиди здесь и жди толчков.

Тибор неожиданно замолчал, утомленный силой затраченных эмоций. Когда ты упиваешься ликованием от собственной победы, у тебя не остается места для логики; он замолчал вовсе не для того, чтобы подумать,— наоборот, размышления его пугали. И все же где-то в глубинах его подсознания истинная правда пробивала себе дорогу к свету разума.

На самом деле он не испытывал настоящей ненависти к русским за то, что они сделали. Тибор ненавидел себя, поскольку на его совести лежало нечто более страшное. Кровь Тео и десяти тысяч его сограждан. Он был образцовым коммунистом и пассивно верил в московскую пропаганду.

В школе и университете он первым искал и находил «предателей». (Скольких он отправил в лагеря и в застенки службы безопасности?) Тибор слишком поздно понял правду; но даже после этого не пытался бороться — и сбежал.

Он бежал через весь мир, чтобы избавиться от чувства вины; два лекарства — опасность и разгульный образ жизни — помогли забыть прошлое. Теперь он находил удовольствие лишь в лишенных любви объятиях, прекрасно понимая, что этого недостаточно. И если сейчас он имел право решать вопросы жизни и смерти, то только потому, что сам хотел умереть.

В капсуле наступила тишина; и в молчании русского Тибор почувствовал презрение и насмешку. Он сердито постучал по обшивке рукоятью ножа.

— Ты меня слышишь? — крикнул он.— Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

— Будь ты проклят! Я знаю, что ты слушаешь! Если не будешь отвечать, я проделаю дыру в обшивке, и тебя затопит водой!

Он не сомневался, что при помощи ножа сумеет повредить обшивку. Однако такое развитие событий не входило в его планы; он не хотел, чтобы гибель русского оказалась слишком легкой и быстрой. Ударив на прощание по капсуле, он подал сигнал Бланко, чтобы его подняли наверх.

На поверхности его поджидали Ник и новости.

— Мы связались с Четвергом,— сказал Ник.— Русские просят всех оказать им помощь в поисках ракеты. Она должна плавать где-то у побережья Квинсленда. Похоже, она им очень нужна.

— Они передавали о ней что-нибудь еще? — с беспокойством спросил Тибор.

— О да — она дважды облетела вокруг Луны.

— И больше ничего?

— Там упоминались какие-то научные термины, но я их толком не понял.

Ничего удивительного; очень похоже на русских — до последнего скрывать, что эксперимент прошел неудачно.

— Ты передал на Четверг, что нашел ее?

— Ты что, спятил? Я уже не говорю о том, что радио не работает на передачу; я бы ничего не смог им сообщить, даже если бы захотел. Ты хорошо закрепил веревку?

— Да, давай попробуем проверить, сумеем ли мы оторвать ракету от дна.

Конец веревки намотали на мачту, и через несколько секунд она натянулась. Хотя море было спокойным, легкое волнение покачивало люггер на десять — пятнадцать градусов. После каждой волны планшир поднимался на полметра, а потом опускался. Корабль мог сдвинуть таким способом несколько тонн, но они знали, что необходимо соблюдать осторожность.

Веревка зазвенела, деревянные борта затрещали, и Тибор испугался, что ослабленный канат оборвется слишком быстро. Однако веревка выдержала, и капсула сдвинулась с места. После второго и третьего рывка капсула поднялась над дном, а «Арафура» стала немного крениться на левый борт.

— Поплыли,— бросил Ник, берясь за штурвал.— Будем надеяться, что мы протащим ее километр, прежде чем веревка оборвется.

Люггер начал медленно приближаться к острову, увлекая за собой невидимый груз. Тибор стоял у поручней, позволяя солнцу и ветру высушить его промокшую одежду, и впервые за долгое время в его душе воцарился мир. Даже ненависть перестала сжигать мозг. Возможно, как и любовь, эта страсть ненасытна; однако в данный момент он чувствовал удовлетворение.

Его решимость не поколебалась; он намеревался осуществить свою месть, возможность которой возникла так неожиданно — произошло чудо! — и он обрел власть над русским. Кровь просит крови, и теперь призраки, которые так долго преследовали Тибора, смогут обрести покой. И все же

он испытывал странное сочувствие, даже жалость к неизвестному человеку, которого собрался убить, чтобы отомстить людям, бывшим когда-то его друзьями. Он отнимет у них не просто одну жизнь — что значит жизнь одного, пусть даже высококлассного, ученого для огромной России? Он отнимет у них престиж и знания — то есть то, что они ценят выше всего.

Он начал беспокоиться, когда корабль преодолел треть расстояния до острова, а веревка так и не разорвалась. Оставалось еще четыре часа пути. В первый раз ему пришло в голову, что его план потерпит неудачу, а сам он пострадает. Что, если Нику удастся доставить капсулу на берег?

Раздался резкий звенящий звук, отчего весь корабль начал вибрировать, а канат вылетел из воды, разбрызгивая во все стороны пену.

— Этого следовало ожидать,— пробормотал Ник.— Корабль начал раскачиваться. Ты спустишься сам или мне послать одного из парней?

— Я спущусь сам,— ответил Тибор.— У меня получится быстрее.

Он сказал чистую правду. Однако Тибору потребовалось двадцать минут, чтобы обнаружить капсулу, и несколько раз у него возникали сомнения в том, что он сможет ее найти,— «Арафура» успела проплыть значительное расстояние, прежде чем Ник заглушил двигатель. Он наткнулся на стропы парашюта по чистой случайности. Легкий материал медленно пульсировал в струях течения, словно жуткое морское чудовище,— но теперь Тибора пугало лишь возможное разочарование, и его сердце не забилось сильнее, когда он увидел светлую колышущуюся массу.

На капсуле появилось несколько новых царапин, но существенных разрушений Тибор не заметил. Сейчас она лежала на боку, словно огромный перевернутый бидон для молока. Пассажир мог разбиться, но если он умудрился долететь до Луны и обратно, то такие неприятности должен перенести с легкостью. Тибор очень на это рассчитывал; жаль, если последние три часа пропадут даром.

Он вновь прижал свой блестящий медный шлем к обшивке капсулы, потерявшей прежнюю гладкость.

— Эй! — закричал он.— Ты меня слышишь?

Возможно, русский, сохраняя молчание, попытается тем самым помешать ему до конца насладиться местью — но едва ли найдется человек, способный в такой ситуации полностью себя контролировать. Тибор не ошибся: русский почти сразу же постучал в ответ.

— Я рад, что ты все еще здесь,— продолжал Тибор.— Все идет, как я и предполагал. Вот только в следующий раз мне придется надрезать веревку посильнее.

Ответа не последовало. Более того, русский больше ни разу не отозвался, хотя Тибор отчаянно колотил по обшивке во время двух последующих погружений. Впрочем, он не слишком удивился, поскольку им пришлось остановиться на два часа, чтобы переждать налетевший шквал, так что воздух у русского давно кончился. Тибор был немного разочарован: он рассчитывал на последнее послание. И все же он его прокричал, хотя понимал, что попусту тратит силы.

К полудню «Арафура» максимально близко подошла к берегу. Под ее килем оставалось всего полтора-два метра воды, к тому же начался отлив. После каждой новой волны капсула выныривала на поверхность, пока окончательно не застряла в песке. Сдвинуть ее не представлялось возможным. Только прилив поможет вновь ее поднять.

Ник опытным взглядом оценил ситуацию.

— К вечеру будет новый отлив, и уровень воды опустится на полтора метра,— заявил он.— И тогда капсула окажется на глубине всего в полметра. Мы сможем добраться до нее с лодок.

Они ждали наступления вечера и отлива, принимая по радио сообщения о том, что поиски смещаются в их направлении, но все еще проходят довольно далеко. Ближе к вечеру капсула уже торчала из воды; они подплыли к ней в шлюп-

ке, причем товарищи Тибора явно побаивались — он с удивлением обнаружил, что разделяет их нежелание вытаскивать капсулу наружу.

— Смотрите, у нее на боку дверца,— неожиданно сказал Ник.— Господи, неужели там кто-нибудь есть?

— Возможно,— ответил Тибор, чей голос прозвучал совсем не так твердо, как он рассчитывал. Ник с любопытством на него посмотрел. Его ныряльщик вел себя странно, но он хорошо знал, что лучше не задавать лишних вопросов. Здесь люди давно научились не совать нос в чужие дела.

Волны раскачивали лодку, которая наконец приблизилась к капсуле. Ник наклонился и схватил один из торчащих обломков антенны; затем с кошачьей ловкостью перебрался на изогнутую металлическую поверхность. Тибор даже не попытался последовать за ним, молча наблюдая за капитаном, который внимательно рассматривал входной люк.

— Если дверца не повреждена,— пробормотал Ник,— должен существовать способ открыть ее снаружи. Жаль, если для этого потребуются специальные инструменты.

Он напрасно беспокоился. Слова «Открывается здесь» были написаны на десяти языках возле углубления, в котором находилась задвижка. Нику потребовалось всего несколько секунд, чтобы догадаться, как она устроена. Когда люк открылся и из него начал с шипением выходить воздух, Ник присвистнул и побледнел. Он повернулся к Тибору, рассчитывая на его поддержку, но тот отвел глаза. Ник вздохнул и неохотно полез в капсулу.

Его не было довольно долго. Сначала до них доносились приглушенные звуки ударов, затем послышались проклятия на двух языках. После чего наступила долгая тишина.

Когда из люка наконец появилась голова Ника, его загорелое, обветренное лицо посерело и было залито слезами. У Тибора появилось страшное предчувствие. Произошло нечто ужасное, но его разум никак не мог принять правду. Однако очень скоро Тибор все понял, когда Ник выбрался

наружу и протянул Бланко свою ношу величиной с большую куклу.

Бланко ее принял, а Тибор съежился на корме. Пока он смотрел на спокойное восковое лицо, ледяные пальцы сомкнулись не только вокруг его сердца, но и чресл. И в тот же миг ненависть и желание навеки умерли в нем, и Тибор познал цену мести.

Возможно, девушка-астронавт была в смерти даже прекраснее, чем в жизни; вне всякого сомнения, несмотря на хрупкое сложение, она была сильной и прекрасно подготовленной для своей миссии. Теперь, когда она лежала у ног Тибора, она перестала быть русской или первым человеческим существом, увидевшим оборотную сторону Луны; она стала просто девушкой, которую он убил.

Откуда-то издалека донесся голос Ника.

— Вот что она держала в руке,— сказал Ник дрогнувшим голосом.— Мне долго не удавалось разжать пальцы.

Тибор едва его слушал и даже не взглянул на маленькую катушку с магнитофонной пленкой, лежавшую на ладони Ника. В тот момент он не знал, что фурии еще не успели близко подлететь к его душе,— но очень скоро весь мир будет слушать обвиняющий голос из могилы, навеки заклеймив его, подобно Каину.

Господин президент, господин премьер-министр, господа делегаты планет!

Я прекрасно осознаю немалую честь и серьезную ответственность, возложенную на меня, обращаясь к вам в этот критический момент. Точно так же я прекрасно понимаю, что многих из вас потрясли и взволновали кое-какие слухи, дошедшие до вас. Но я вынужден просить вас забыть о своих естественных предубеждениях в то время, когда речь идет о существовании человечества, самой Земли.

Не так давно мне встретилась столетняя фраза: «Представить невообразимое». Именно это мы и должны сейчас сделать, без содрогания взглянуть в глаза фактам, не позволяя эмоциям возобладать над логикой. Хотя нам придется поступить в точности наоборот — позволить логике возобладать над эмоциями!

Ситуация отчаянная, но не безнадежная, благодаря удивительным открытиям, которые совершили мои коллеги на станции Антигея. Их доклады действительно соответствуют истине. Мы в самом деле можем установить контакт со сверхцивилизациями ядра Галактики, по крайней мере, дать им знать о нашем существовании. Если нам удастся это сделать, то до них, возможно, и дойдет призыв о помощи.

Не осталось больше абсолютно ничего, что мы могли бы сделать собственными усилиями за то короткое время, что имеется в нашем распоряжении. Прошло всего десять лет с тех пор, как в результате поисков планет за орбитой Плутона обнаружилось присутствие черного карлика. Всего через девяносто лет он достигнет перигелия, обогнет Солнце и снова устремится в глубины космоса, оставив позади нашу разрушенную планетную систему. Все наши ресурсы, все те способности управлять силами природы, которыми мы хвастались, не в состоянии изменить его орбиту ни на долю сантиметра.

© Перевод К. Плешкова.

Но после того как в конце двадцатого века были открыты первые так называемые звезды-маяки, мы знаем, что существуют цивилизации, имеющие доступ к источникам энергии, несравнимо превосходящим наши. Некоторые из вас наверняка помнят, какое недоверие вызвали у астрономов, а затем и у всего человечества первые примеры космических технологий, обнаруженные в Магеллановом облаке. Эти звездные структуры не подчинялись никаким естественным законам. Нам даже сейчас неизвестно их назначение, зато понятны выводы, внушающие трепет. Мы делим Вселенную с существами, которые способны жонглировать самими звездами. Если они решат нам помочь, то отклонить орбиту небесного тела, подобного черному карлику, всего в несколько тысячу раз превышающего массой Землю,— для них детская игра.

Как я сказал? Детская игра? Да, это может оказаться в буквальном смысле так!

Уверен, все вы помните резкие дебаты, последовавшие за обнаружением сверхцивилизаций. Следует ли нам попытаться связаться с ними или же лучше не привлекать к себе внимания? Возможно, конечно, что они уже все о нас знают. Наше предположение может их обеспокоить, реакция окажется непредсказуемой и весьма неприятной. Подобные контакты способны принести огромную пользу, но столь же ужасающе велик и риск. Теперь нам нечего терять, зато есть шанс приобрести все.

До настоящего времени существовал еще один факт, переводивший проблему в плоскость не более чем долгосрочного философского интереса. Ценой немалых расходов мы смогли построить радиопередатчики, способные послать сигнал этим существам, но от ближайшей сверхцивилиза-

ции нас отделяет семь тысяч световых лет. Даже если они снизошли бы до ответа, прошло бы четырнадцать тысяч лет, прежде чем мы получили бы его. В подобных обстоятельствах нам казалось, что они не представляют для нас ни пользы, ни опасности.

Но теперь все изменилось. Мы можем посылать сигналы к звездам со скоростью, которую пока невозможно измерить, но она вполне может оказаться бесконечной. Мы знаем, что они тоже используют подобную технологию, ибо обнаружили их импульсы, хотя не в состоянии их интерпретировать.

Эти сигналы, естественно, имеют не электромагнитную природу. Мы не знаем, что они собой представляют. У нас даже нет для них названия, вернее, таковых слишком много.

Да, господа, в старых байках о телепатии, внечувственном восприятии и тому подобном действительно что-то есть. Но вряд ли стоит удивляться, что изучение подобных феноменов так и не получило развития здесь, на Земле, в условиях постоянного фонового шума миллиардов разумов, заглушающего любые импульсы. Даже жалкий прогресс, достигнутый до начала космической эры, кажется чудом, словно открытие законов музыки на бойлерной фабрике. Лишь когда мы смогли отдалиться от мысленного шума нашей планеты, появилась надежда начать настоящие научные исследования в области парапсихологии.

Даже тогда нам пришлось переместиться на другую сторону земной орбиты, где шум не только уменьшался благодаря расстоянию в триста тысяч километров, но и экранировался огромной массой самого Солнца. Лишь там, на нашем искусственном планетоиде Антигея, мы смогли обнаружить и измерить слабое мысленное излучение, а также определить законы его распространения.

Во многих отношениях они до сих пор ставят нас в тупик, однако основные факты мы выяснили. Как давно подозревали те немногие, кто верил в эти явления, они срабатывают благодаря эмоциональному состоянию, а не чисто усилием воли или преднамеренной сознательной мысли. Так

что не удивительно, что столь многие сообщения о паранормальных явлениях прошлого связаны с моментами смерти или катастроф. Страх — мощный генератор. Он способен проявиться даже на фоне окружающего шума, пусть и в редких случаях.

Как только это выяснилось, мы сразу же начали делать успехи. Нам удалось вызывать искусственные эмоциональные состояния сперва у отдельных личностей, затем у групп. Мы смогли измерить, как меняется сигнал в зависимости от расстояния. Теперь у нас есть надежная количественная теория, проверенная вплоть до Сатурна. Мы полагаем, что наши расчеты можно экстраполировать даже на звезды. Если они верны, то мы сумеем издать... крик, который может быть сразу же услышан по всей Галактике. Наверняка найдется кто-то, кто на него ответит!

В данный момент существует лишь один способ породить сигнал требуемой мощности. Как я уже говорил, страх — неплохой, но недостаточно сильный генератор. Даже если бы мы смогли одновременно повергнуть все человечество в ужас, импульс не удалось бы обнаружить на расстоянии, превышающем две тысячи световых лет. Нам же требуется вчетверо больше. Мы можем этого добиться, используя единственную эмоцию, которая сильнее страха.

Однако нам также требуется сотрудничество не менее чем миллиарда человек, в момент времени, синхронизированный до секунды. Мои коллеги решили все чисто технические проблемы, которые на самом деле вполне тривиальны. Простые электростимулирующие устройства использовались в медицинских исследованиях с начала двадцатого века. Требуемый временной импульс может быть передан по всепланетным сетям связи. Все необходимое можно изготовить в массовом порядке в течение месяца, а инструктаж по его применению займет лишь несколько минут. Однако психологическая подготовка ко дню — назовем его Днем О — потребует несколько большего времени.

Это, господа, уже ваша проблема. Естественно, мы, ученые, окажем вам всю необходимую помощь. Мы понимаем, что будут протесты, возмущенные крики, отказы сотрудничать. Но если взглянуть на проблему логично, то разве подобная идея столь уж отвратительна? Многие из нас считают, что в ней, напротив, есть нечто вполне естественное и даже поэтическая справедливость.

Человечество стоит перед лицом катастрофы. В подобный критический момент разве не будет разумно для всех нас отдаться инстинкту, всегда обеспечивавшему наше выживание в прошлом?

Один поэт давних, почти столь же тяжких времен выразился на этот счет лучше, чем мог бы я сам:

«Мы должны возлюбить друг друга или умереть»*.

* Уистен Хью Оден, «1 сентября 1939».

Неистовый лай в первый миг только раздосадовал меня. Я повернулся на другой бок и сонно буркнул:

— Замолчи, глупая собака.

Но дремота длилась лишь долю секунды; тут же я совсем очнулся, вернулось сознание, и с ним пришел страх. Страх одиночества, страх безумия.

Я боялся открыть глаза, боялся увидеть. Рассудок говорил мне, что еще ни одна собака не ступала на поверхность этого мира, что между мной и Лайкой — полмиллиона километров в пространстве, больше того — пять лет во времени.

— Тебе приснилось,— сердито сказал я себе.— Не будь идиотом, открой глаза! Крашеные стены — вот все, что ты увидишь.

Разумеется, так и было. Крохотная кабина пуста, дверь плотно затворена. Я был наедине со своими воспоминаниями, во власти неясной печали, которая часто овладевает человеком, когда яркий сон сменяется тусклой действительностью. Ощущение утраты было настолько горьким, что хотелось снова уснуть. Хорошо, что я устоял: в тот миг сон был равносилен смерти. Но я не подозревал этого еще пять секунд — целую вечность, которую я провел на Земле, ища утешения в прошлом.

Откуда взялась Лайка, так и не удалось установить, хотя сотрудники обсерватории расспрашивали знакомых, а я поместил несколько объявлений в газетах Пасадены. Я нашел ее — одинокий, брошенный комок шерсти — на обочине шоссе летним вечером, направляясь в Паломар. Я не любил собак, вообще не любил животных, но нельзя же бросить бес-

© Перевод Л. Жданова.

помощное маленькое существо на произвол судьбы, которую олицетворяли стремительные автомашины. Подавляя отвращение и жалея, что нет перчаток, я подобрал ее и затолкал в багажник. Мне вовсе не хотелось рисковать обивкой моей новенькой машины, а в багажнике собака, как мне казалось, не могла натворить большой беды. Я ошибся.

Остановив машину возле «Монастыря» (жилой дом для астрономов, где мне предстояло провести следующую неделю), я без особого восторга изучил свою находку. Сперва-то я думал отдать щенка сторожу, но тут песик заскулил и открыл глаза. Он смотрел так беспомощно, так доверчиво... Словом, я передумал.

После я иногда жалел об этом, правда, недолго. Я и не подозревал, сколько хлопот может доставить подрастающий пес, намеренно и нечаянно. Счета за чистку и починку росли; особенно страдали мои носки и «Астрофизический журнал». Но в конце концов Лайка научилась вести себя и дома, и в обсерватории; мне кажется, из всех собак только она одна побывала внутри купола, где помещался двухсотдюймовый телескоп. Там она могла часами тихо лежать в укромном уголке, а я занимался наладкой в своей клетушке; ей достаточно было слышать мой голос. Другие астрономы не меньше моего привязались к ней (имя Лайка предложил наш физик, старик Андерсон), но с самого начала она была моей собакой и больше никого не слушалась. Да и мне она не всегда подчинялась.

Это было великолепное животное, почти чистокровная восточноевропейская овчарка. Видимо, из-за этого «почти» ее и бросали. (До сих пор злюсь, как вспомню, а может быть, это зря, ведь я не знаю, как было дело.) Если не считать двух темных пятен над глазами, она была дымчато-серой, с мягкой, шелковистой шерстью. Когда уши торчали, она казалась необычайно умной и внимательной. Обсуждая с коллегами типы спектров или эволюцию звезд, я готов был поверить, что Лайка следит за нашей беседой.

Я по сей день не могу понять, почему она так привязалась ко мне; даже среди людей у меня друзей очень мало. И однако, когда я после долгого отсутствия возвращался в обсерваторию, она выходила из себя от восторга, прыгала на задних лапах, опираясь передними на мои плечи (она шутя дотягивалась до них), и радостный визг совсем не вязался с могучим ростом Лайки. Уж я старался не уезжать надолго; в дальние путешествия нельзя было взять с собой собаку, но в коротких поездках она почти всегда меня сопровождала. Лайка была со мной и в тот раз, когда я поехал на север, чтобы участвовать в этом злополучном семинаре в Беркли.

Нас приютили мои друзья по университету. При всей их учтивости было очевидно, что их не радует присутствие в доме такого чудовища. Я заверил хозяев, что Лайка ведет себя безупречно; с большой неохотой они разрешили мне держать ее в комнате.

— Сегодня ночью вы можете не бояться грабителей,— сказал я.

— В Беркли грабителей нет,— последовал ответ.

Но среди ночи мне на миг почудилось, что они ошиблись.

Меня разбудил яростный визгливый лай, я слышал от Лайки такое только раз — когда она впервые увидела корову и не могла понять, что это такое. Бранясь, я сбросил одеяло и нырнул во мрак незнакомого дома. Главное — утихомирить Лайку, не дать ей разбудить хозяев, если только я не опоздал. Грабитель, конечно ж, давно удрал. Я от души надеялся, что это так...

Несколько секунд я стоял возле выключателя на лестничной площадке. Зажигать или не зажигать? Наконец я рявкнул: «Молчи, Лайка!» — и нажал кнопку; холл внизу озарился ярким светом.

Лайка неистово скреблась в дверь и продолжала визгливо лаять.

— Если тебе надо погулять,— сердито сказал я,— вовсе не обязательно поднимать такой шум!

Я спустился, отодвинул задвижку, и собака ракетой вырвалась наружу.

Было тихо, безветренно, лунный серп боролся с сан-францисским туманом. Стоя в светлой мгле, я смотрел через залив на огни города и ждал Лайку, чтобы отчитать ее по заслугам. Я все еще ждал, когда — во второй раз в двадцатом столетии — пробудились от спячки здешние подземные силы.

Как ни странно, я не испугался, во всяком случае в первый миг. Помню, прежде чем я осознал угрозу, две мысли мелькнули у меня в голове. «Уж эти геофизики,— сказал я себе,— могли бы хоть как-то предупредить нас». И удивился: «Вот не думал, что от землетрясения такой шум!»

Почти одновременно до меня дошло, что толчок незаурядный.

О том, что было дальше, предпочитаю не вспоминать. Только на следующий день спасателям удалось увезти меня: я отказывался расстаться с Лайкой. Глядя на рухнувший дом, в котором лежали тела моих друзей, я знал, что обязан ей жизнью. Но разве можно было требовать от пилотов вертолета, чтобы они это понимали? Не упрекну их и за то, что они сочли меня обезумевшим, ведь столько несчастных бродило среди обломков и пожарищ.

С той поры мы разлучались разве что на несколько часов. Мне говорили — и я охотно верю этому,— что я все меньше и меньше интересовался обществом людей, хотя и не стал отшельником или мизантропом. Звезды и Лайка заполняли все мое рабочее время и досуг. Мы подолгу гуляли вместе по горам, это было самое счастливое время моей жизни. И лишь одно облако омрачало горизонт: я знал, в отличие от Лайки, что счастью скоро придет конец.

Переброска готовилась уже больше десяти лет. Еще в шестидесятых годах было признано, что Земля — неподходящее место для астрономической обсерватории. На Луне даже малогабаритные навигационные приборы намного превзошли возможности всех телескопов, которые глядели в космос сквозь мрак и мглу земной атмосферы. Исчерпалась ис-

тория Маунт-Вильсона, Паломара, Гринвича и других славных обсерваторий. Для обучения они еще годились, но границы исследования надо было переносить в космос.

И я должен переехать. Мне уже предложили должность заместителя директора обсерватории Фарсайда. В нескольких месяцев я решу проблемы, над которыми бился много лет. За пределами атмосферы я узнаю, что значит быть слепым, который вдруг обрел зрение.

Конечно, нечего было и говорить о том, чтобы взять с собой Лайку. На Луну допускались только подопытные животные; наверное, пройдет еще не один десяток лет, прежде чем можно будет заводить там любимцев, да и то понадобится целое состояние, чтобы доставить их туда и прокормить. Я подсчитал, что моего — совсем неплохого — жалованья никак не хватит: Лайка привыкла съедать килограмм мяса в день.

Выбор был предельно прост. Я мог остаться на Земле, отказавшись от ученой карьеры. Или отправиться на Луну, отказавшись от Лайки.

В конечном счете она была всего лишь собака. Десяток лет — и Лайка умрет; к этому времени я могу достичь зенита своей ученой карьеры. Ни один здравомыслящий человек не стал бы колебаться, все же я колебался, и если вы до сих пор не поняли почему, то никакие мои слова не помогут.

Приговор был вынесен заочно. До последней недели я не мог решить, как поступить с Лайкой. И когда доктор Андерсон вызвался присмотреть за ней, я вяло согласился, забыв даже как следует поблагодарить. Старый физик и его жена с первого дня полюбили Лайку; боюсь, я показался им человеком бесчувственным и бессердечным. А ведь было как раз наоборот.

Мы в последний раз прошли с ней вместе по холмам, затем я молча вручил собаку Андерсонам и больше ее не видел.

Вылет задержался почти на сутки, ждали, пока уймется сильное магнитное возмущение, да и то активность поясов

Ван-Аллена была настолько велика, что мы выходили через «трубу» над Северным полюсом. Невесомость всегда неприятна, а в придачу мы все осовели от антирадиационных медикаментов.

Когда я снова стал интересоваться окружающим, корабль был уже над Фарсайдом; не увидел я, как Земля ныряет за горизонт. Да я и не очень-то жалел об этом, мне тогда совсем не хотелось вспоминать прошлое, я предпочитал думать только о будущем. Меня преследовало чувство вины: я покинул существо, которое меня любило, верило в меня. Чем я лучше тех, кто бросил щенка на обочине пыльного Паломарского шоссе?

Весть о том, что она умерла, пришла через месяц. И никакой видимой причины, Андерсоны делали для нее все, и они сильно горевали. Просто Лайке не хотелось жить. Несколько дней я сам думал о смерти, но труд — великое лекарство, а моя программа развивалась полным ходом. Забыть Лайку я не мог, но постепенно воспоминания перестали причинять боль.

Почему же они с такой силой вернулись теперь, пять лет спустя, на обратной стороне Луны?

Я пытался понять, в чем дело; вдруг все здание вздрогнуло, точно от могучего удара.

Дальше я действовал не размышляя, руки сами закрыли гермошлем аварийного скафандра, когда опоры подались и стена распахнулась, выпустив на волю взвизгнувший воздух. Благодаря тому что я автоматически нажал кнопку общей тревоги, мы потеряли всего двоих, хотя толчок — самый сильный из всех, зарегистрированных на Фарсайде,— разрушил все три герметических купола обсерватории.

Нужно ли говорить, что я не верю в сверхъестественные силы. Все, что произошло, объясняется рационально, нужно лишь немного разбираться в психологии. Во время второго сан-францисского землетрясения Лайка была не единственной собакой, которая почуяла близкую беду; известно много случаев. И когда мое недремлющее подсознание уло-

вило первые слабые вибрации в недрах Луны, настороженный воспоминаниями рассудок тотчас отозвался.

Человеческий разум избирает необычные и хитроумные пути, он знал, какой сигнал быстрее всего дойдет до меня. Вот и все, конечно, можно сказать, что в обоих случаях меня разбудила Лайка, но тут и не пахнет мистикой, не было никакого чудесного зова через бездну, которой ни человеку, ни собаке не дано преодолеть.

В чем, в чем, а уж в этом я уверен. И все-таки случается, я просыпаюсь в лунном безмолвии, мечтая, чтобы сон продлился несколько секунд, чтобы я еще раз мог заглянуть в эти ясные карие глаза, исполненные бескорыстной, чистой любви, равной которой я не нашел нигде — ни на Луне, ни в других мирах.

ВТОРОЙ МАЛЬМСТРЕМ

Он не был первым человеком, которому довелось с точностью до секунды знать момент своей смерти, а также какой она будет, с горечью подумал Клифф Лейлэнд; бесчисленное количество преступников, приговоренных к смертной казни, ждали своего последнего рассвета. Однако до последнего смертного часа они все-таки могли надеяться на помилование; от людей можно было ждать милосердия, но ничто не могло изменить непоколебимых законов природы.

А ведь всего шесть часов назад он, весело насвистывая, упаковывал десять килограммов своего багажа, готовясь в далекий путь. Даже сейчас, после всего происшедшего, он все еще помнил о том, как мечтал обнять Майру, отправиться с Брайаном и Сью в путешествие по Нилу, которое он обещал им уже давно. Через несколько минут, когда Земля поднимется из-за горизонта, ему, возможно, удастся снова увидеть Нил, но лица жены и детей он сможет увидеть только в своем воображении. И все потому, что он попытался сэкономить девятьсот пятьдесят долларов, отправившись домой в грузовой капсуле, вместо того чтобы вернуться на пассажирской ракете.

Он знал, что первые двенадцать секунд, когда электрическая катапульта промчит его по двадцатикилометровой эстакаде и вырвет капсулу из сферы лунного притяжения, будут невероятно трудными. Даже принимая во внимание, что во время старта он находился в ванне, наполненной специальной жидкостью, он не мог представить себе, что такое перегрузка в двадцать *g*. Но, когда капсула оказалась во власти огромного ускорения, он едва ли осознал, какие чудо-

© Перевод И. Почиталина.

вищные силы ополчились на него. Он слышал только легкое потрескивание металлических стенок капсулы; тому, кто привык к грохоту стартовых двигателей ракетного корабля, эта тишина казалась зловещей. Когда громкоговоритель объявил: «Время полета *t* плюс пять секунд — скорость три с половиной тысячи километров в час», Клифф едва поверил своим ушам.

За пять секунд три с половиной тысячи километров в час — и впереди еще семь секунд такого ускорения под воздействием колоссальных магнитов катапульты. Он мчался в своей капсуле над поверхностью Луны, подобно молнии, и... ровно через семь секунд после старта океан электрической энергии иссяк.

Даже погруженный в жидкость противоперегрузочной ванны, Лейлэнд почувствовал что-то неладное. Жидкость в ванне, которая казалась окаменевшей под воздействием чудовищного ускорения, внезапно ожила. И хотя капсула продолжала стремительно мчаться по эстакаде, ускорение исчезло, и теперь она двигалась вперед только по инерции.

Клифф не успел почувствовать страха или осмыслить то, что произошло,— в следующее мгновение поток электричества снова ринулся по проводам суперэлектромагнитов. Вдруг капсулу встряхнуло, стенки ее зловеще затрещали, и она устремилась вперед с головокружительной скоростью.

Когда ускорение опять исчезло, внутри капсулы воцарилась невесомость. Клифф и без приборов понял, что капсула покинула эстакаду и вышла в космос,— его желудок безошибочно свидетельствовал об этом. Клифф с нетерпением ждал, пока автоматические помпы выкачают жидкость и вентиляторы потоками горячего воздуха осушат помещение; затем он подплыл к пульту управления и, пристегнувшись к сиденью, вызвал Контроль запуска на лунной поверхности.

— Контроль,— торопливо произнес Лейлэнд, завязывая ремешок у себя на запястье,— что там у вас происходит, черт побери?

Ему немедленно ответил быстрый взволнованный голос:

— Проверка еще не закончена, вызовем вас через тридцать секунд. Рад, что с вами ничего не произошло,— добавил голос после небольшой паузы.

Ожидая вызова, Клифф включил станцию переднего обзора. Впереди виднелись одни звезды. Ну что ж, по крайней мере, он стартовал с почти заданной скоростью и мог не опасаться, что тотчас же упадет обратно на поверхность Луны. Впрочем, так или иначе капсула неминуемо разобьется о лунную поверхность, потому что она не смогла вырваться за пределы лунного притяжения. Он мчится сейчас в пространство по гигантскому эллипсу — и через несколько часов окажется на поверхности земного спутника.

— Алло, Клифф,— внезапно послышался голос из громкоговорителя,— мы выяснили, в чем дело. Переключатели пятой секции катапульты не сработали, и твоя скорость меньше заданной на тысячу двести километров в час. Таким образом, ты вернешься к поверхности Луны часов через пять. Но не тревожься, твои верньерные двигатели выведут капсулу на постоянную орбиту вокруг Луны. Мы сообщим тебе, когда нужно включить зажигание; ты должен только набраться терпения и ждать, когда тебя снимет посланный корабль.

Медленно разряжалось нервное напряжение. Клифф совсем забыл о корректировочных верньерных двигателях: хоть они и были маломощными, но вполне могли вывести его на орбиту вокруг Луны. И хотя в перигее эта орбита пройдет всего в нескольких километрах от лунной поверхности и капсула будет проноситься над горными хребтами и равнинами Луны с головокружительной быстротой, его жизнь будет уже вне опасности.

Затем он вспомнил о треске в контрольном отсеке, и все его надежды вновь угасли, ибо почти всякая поломка в космосе неизбежно ведет к печальным последствиям.

Через несколько минут, проверив цепь зажигания верньерных ракет, Клифф убедился, что ему не удалось избежать этих последствий. Ракеты не включались ни вручную, ни с

помощью автоматического зажигания; те скромные запасы топлива, которые могли бы спасти его, оказались совершенно бесполезными. Через пять часов он завершит виток орбиты и вернется к стартовой точке.

«Интересно, назовут ли они в мою честь новый кратер,— подумал Лейлэнд.— Кратер Лейлэнда, диаметр... Каким будет его диаметр? Лучше не преувеличивать — вряд ли он будет больше двухсот метров. Слишком маленький, чтобы его нанесли на карту».

Контроль запуска все еще молчал, но это и не удивительно — что можно сказать человеку, который, в сущности, уже мертв. И все-таки даже сейчас, когда он знал, что никакие силы не могут изменить траекторию его полета, он не верил в то, что скоро его останки будут рассеяны на много километров по лунной поверхности. Капсула продолжала свой путь, удаляясь от Луны, и он сидел в металлической кабине, уютной и теплой. Сама мысль о смерти казалась ему совершенно невероятной — впрочем, так бывает у всех людей до самой последней секунды жизни.

И тут на мгновение Клифф забыл об опасности. Горизонт перед ним больше не казался плоским; между звездами появилось что-то гораздо более яркое, чем сверкающая лунная поверхность. Капсула, огибая край лунной поверхности, создавала незабываемое, единственное в своем роде зрелище — искусственный восход Земли. Но скорость у капсулы была огромная, и через минуту все кончилось. За это время Земля оторвалась от горизонта и начала свой стремительный подъем в небо.

Она была почти полной, в три четверти, и такой яркой, что просто ослепляла. Перед Клиффом расстилалось космическое зеркало, состоящее не из серых скал и пыльных равнин, а из снега, моря и облаков. Почти все оно было образовано морем, потому что Земля была повернута к Клиффу сверкающим Тихим океаном и ослепительное отражение Солнца поглотило Гавайские острова. Легкая дымка атмосферы — спасительное одеяло, которое через несколько ча-

сов смягчило бы его падение,— застилала географические детали; возможно, что вон то темное пятнышко, появившееся из тени, было Новой Гвинеей, но Клифф не был в этом уверен.

Горькая ирония заключалась в том, что он мчался прямо по направлению к этой прелестной сверкающей жемчужине. Еще тысяча двести километров в час — и он бы долетел. Всего тысяча двести километров — вот и все... С таким же успехом он мог бы мечтать о двенадцати миллионах...

При виде поднимающейся Земли его неудержимо потянуло домой и он вспомнил о своем страшном долге. Но больше откладывать было нельзя.

— Контроль запуска,— произнес Клифф, ценой величайших усилий стараясь говорить твердым голосом,— соедините меня с Землей.

Это была одна из самых странных минут в жизни Клиффа: он, лунный пленник, сидел в капсуле и слышал, как у него дома, где-то за полмиллиона километров отсюда, звонит телефон. Там, внизу, в Африке, сейчас полночь, и пройдет некоторое время, прежде чем кто-то откликнется на его звонок. Он представил себе, как Майра пошевелится во сне,— но ведь она привыкла к тревоге и просыпается мгновенно. Они оба не хотели, чтобы телефон стоял в спальне, и ей потребуется по крайней мере пятнадцать секунд, чтобы встать, включить свет, закрыть дверь в детскую, чтобы не разбудить детей, спуститься по лестнице и...

Ее голос донесся до него через неизмеримое пространство и был так отчетлив и громок, как будто они были совсем рядом. Он узнал бы этот голос в любом уголке Вселенной и сейчас сразу различил в нем нотку тревоги.

— Миссис Лейлэнд? — спросил телефонист на Земле.— Я соединяю вас с мужем. И не забудьте о двухсекундном запаздывании звука.

Интересно, сколько людей слушает наш разговор на Земле, на Луне, на спутниках связи, подумал Клифф. Трудно в

последний раз говорить со своими родными, не зная, сколько людей слушает этот разговор.

Но как только он произнес первое слово, для него в мире больше не существовало ни одного человека, кроме Майры.

— Родная,— начал он,— это я, Клифф. Боюсь, что я не смогу прибыть домой, как обещал. Произошла... техническая неисправность. Пока у меня все в порядке, но мне угрожает большая опасность.

Он с трудом проглотил сухой ком в горле, а потом поспешно продолжал, не давая ей заговорить. В нескольких словах он объяснил создавшееся положение. Но чтобы успокоить себя, да и ее, он добавил, что не теряет надежды.

— На Луне делают все возможное,— сказал он.— Может быть, им удастся вовремя выслать за мной корабль, но на всякий случай я хотел поговорить с тобой и детьми.

Майра стойко вынесла удар, как он и ожидал. Слушая ее ответные слова, доносящиеся к нему с темной стороны Земли, Клифф чувствовал, как сильно он любит жену и в то же время гордится ею.

— Не беспокойся, Клифф, я уверена, что все будет в порядке. Они успеют снять тебя, и мы проведем отпуск так, как и собирались.

— Я тоже так думаю,— солгал он.— Но на всякий случай разбуди ребят. И не говори им, что мне угрожает опасность.

Через полминуты, которая показалась Клиффу вечностью, он услышал сонные, но уже взволнованные голоса детей. Клифф готов был отдать оставшиеся несколько часов жизни за то, чтобы в последний раз взглянуть на них, однако грузовая капсула не была оборудована такой роскошью, как фоновизор. Может быть, это и к лучшему, потому что он не смог бы скрыть правду, глядя им прямо в глаза. Скоро они узнают о случившемся, но не от него. В эти последние мгновения ему хотелось только одного — чтобы его дети были счастливы.

Но как трудно было отвечать на их вопросы, говорить, что он скоро увидит их, давать обещания, которые он не смо-

жет выполнить. Только огромным усилием воли Клиффу удалось сохранить самообладание, когда Брайан напомнил ему о лунной пыли, которую он уже однажды забыл привезти. На этот раз он не забыл о ней.

— Да, Брайан, я везу для тебя банку с лунной пылью — вот она, рядом со мной. Скоро ты сможешь показать ее своим друзьям (скоро она вернется в тот мир, откуда я взял ее несколько часов назад). А ты, Сузи, будь хорошей девочкой и слушайся маму. Твой последний отчет о школьных делах мне не очень понравился, особенно замечания по поведению... Да, Брайан, я захватил эти фотографии и кусок породы из кратера Аристарха...

Нелегко умирать в тридцать пять лет; но нелегко и мальчику в десять лет потерять отца. Что Брайан будет помнить об отце через несколько лет? Может быть, только отдаленный голос из космоса, потому что Клифф провел на Земле так мало времени... В последние минуты, когда он мчится в космическом пространстве, а затем повернет обратно к Луне, ему оставалось только передать Земле свою любовь и надежды. В остальном приходилось полагаться на Майру.

Когда дети, озадаченные, но счастливые, отошли от телефона, оставалось только поговорить о делах. Теперь нужно было не терять самообладания и быть практичным. Майре придется жить без него, но он может, по крайней мере, облегчить ее участь. Что бы ни случилось с каждым, жизнь продолжается; для современного человека жизнь означает закладные и взносы, страховку и совместные банковские счета. Почти бесстрастно, как будто они говорили о ком-то другом — вскоре это будет действительно так,— Клифф начал рассказывать о своих делах. Время для сердца и время для ума. Время для сердца придет через три часа, когда он в последний раз приблизится к поверхности Луны.

Их не прерывали, молчаливые связисты поддерживали разговор между двумя мирами — казалось, в мире остались одни они. Время от времени взгляд Клиффа обращался к перископу, и блеск Земли ослеплял его — теперь родная планета поднялась в небе более чем наполовину. Невозможно было поверить в то, что это дом для семи миллиардов людей. Сейчас для Клиффа имели значение только трое.

На самом деле их четверо, но Клифф, несмотря на все усилия, не мог поставить своего младшего сына в один ряд с первыми тремя. Клифф ни разу не видел его — и теперь не увидит.

Наконец Клиффу стало не о чем говорить. Для некоторых вещей всей жизни недостаточно — но одного часа может быть слишком много. Он был измучен морально и физически, и Майра тоже, наверно, смертельно устала. Он хотел остаться наедине со своими мыслями — наедине со звездами; ему хотелось сосредоточиться и примириться со всей Вселенной.

Внезапно помимо его воли глаза у него наполнились слезами, и он расплакался как ребенок. Он плакал по своим любимым и по себе самому, оплакивал свое будущее, которое могло бы быть, но которого не будет, надежды, которые обратятся в химеры, блуждающие между звездами, он плакал потому, что ничего больше ему не оставалось.

Через несколько минут Клифф почувствовал себя гораздо лучше. У него вдруг пробудился зверский аппетит, и, решив, что нет смысла умирать на голодный желудок, он протянул руку к шкафчику с космическим рационом. Когда он начал выдавливать в рот пасту из тюбика, ожил громкоговоритель. Голос был незнакомый — медленный, спокойный и уверенный голос человека, привыкшего, чтобы его слушали и повиновались.

— Говорит Ван-Кессел, начальник Управления эксплуатации космических транспортных средств. Слушайте внимательно, Лейлэнд,— кажется, мы нашли выход. Шансы на успех невелики, но это единственная возможность.

Нелегкая нагрузка для нервов — внезапный переход от отчаяния к надежде. У Клиффа закружилась голова, и он упал бы, если б было куда падать.

— Я слушаю,— прошептал он, придя в себя.

Затем он выслушал объяснения Ван-Кессела, впитывая в себя каждое слово, и надежда снова сменилась отчаянием.

— Я не верю этому,— наконец проговорил он.— Это совершенно невероятно!

— Не будете же вы оспаривать показания компьютеров,— ответил Ван-Кессел.— Мы проверили результаты вычисления двадцатью разными способами, и все говорят об одном: в апогее капсула снизит скорость и простого толчка будет достаточно, чтобы изменить вашу орбиту. Я полагаю, что вам никогда не приходилось надевать костюм для глубокого космоса?

— Конечно нет.

— Жаль, но ничего не поделаешь. Если вы будете точно следовать инструкциям, ничего страшного не случится. Космический костюм находится в шкафчике. Сорвите печать и откройте шкафчик.

Клифф проплыл два метра от пульта управления до стенки кабины и потянул за рычаг с надписью «ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ — КОСТЮМ ДЛЯ ГЛУБОКОГО КОСМОСА, МОДЕЛЬ 17». Дверца открылась, и Клифф увидел сверкающую серебряную ткань космического костюма.

— Влезайте в костюм в нижнем белье,— раздался голос Ван-Кессела.— И не трогайте пока биоранец — пристегнете его потом.

— Готово,— сообщил Клифф через несколько минут.— Что делать дальше?

— Теперь ждите двадцать минут, а затем, как только я дам сигнал, открывайте воздушный шлюз и прыгайте!

Внезапно до Клиффа дошло все значение слова «прыгайте». Он оглядел свою крохотную, уютную, такую знакомую теперь кабину и потом подумал об одиночестве и пустоте между звездами — всепоглощающей пропасти, в которую человек может падать бесконечно.

Он еще никогда не бывал в космосе, да в этом раньше и не было нужды. Клифф был агрономом, на Луну он попал после освоения Сахары, пытался выращивать урожаи на без-

жизненной лунной поверхности. Космическое пространство было не для него; его интересовал мир почв и скал, лунной пыли и пемзы, образовавшейся в условиях вакуума.

— Я не смогу,— еле слышно прошептал Клифф.— Нет ли другого выхода?

— Нет! — рявкнул Ван-Кессел.— Послушайте, Лейлэнд, мы лезем из кожи вон, чтобы спасти вас, и сейчас не время впадать в истерику. Десятки людей были в гораздо более трудном положении, те, кто получил увечья, те, кто оказался заключенным в космолеты, кто потерпел аварию в миллионах километров от людей. А на вас нет ни единой царапины, и вы уже стонете! Возьмите себя в руки, иначе мы отключимся и сами ищите выход.

Клифф покраснел, и прошло несколько секунд, прежде чем он ответил.

— Хорошо,— сказал он наконец.— Повторите-ка еще раз, что мне нужно делать.

— Вот это другое дело,— одобрительно отозвался Ван-Кессел.— Итак, через двадцать минут, когда ваша капсула будет в апогее, перейдите в шлюз. С этого момента связь прервется, потому что радио в вашем космическом костюме имеет дальность действия всего двадцать километров. Но мы будем постоянно держать вас в поле радара и, как только вы окажетесь над нами, снова установим связь. А теперь о вашем космическом костюме...

Двадцать минут прошли очень быстро, и у Клиффа даже появилась надежда на успех. Теперь он точно знал, что ему нужно делать.

— Время прыгать! — раздался голос Ван-Кессела.— Капсула сейчас правильно ориентирована — дверь шлюза открывается как раз в ту сторону, куда вам придется прыгать. Но помните, что направление не так уж важно, главное — скорость. Отталкивайтесь от капсулы как можно сильнее — и желаю успеха!

— Спасибо,— запоздало поблагодарил Клифф,— и извините меня за...

— Забудьте про это,— прервал его Ван-Кессел,— и поторапливайтесь!

В последний раз Клифф окинул взглядом крохотную кабину, выясняя, не забыл ли он чего-нибудь. Ему придется оставить все свои личные вещи, но это неважно. Затем его взгляд упал на маленькую банку с лунной пылью — он обещал привезти ее для Брайана, на этот раз он не подведет мальчика. Крохотная масса банки — всего несколько унций — не может иметь решающего значения; Клифф обвязал банку бечевкой и прикрепил ее к наплечным ремням.

Воздушный шлюз был настолько мал, что Клифф едва протиснулся внутрь. Он стоял зажатый между внутренней и внешней дверями, пока насосы не выкачали воздух. Затем внешняя дверь шлюза плавно скользнула в сторону, и Клифф вдруг увидел звезды.

Схватившись неуклюжими пальцами в перчатках за края шлюза, Клифф вылез на поверхность капсулы и замер на крутом изгибе корпуса, держась за трос. Великолепие бескрайнего звездного пространства ошеломило его, он забыл про свои страхи и неуверенность, изумленно озираясь, он увидел — не в узком поле перископа, а воочию — весь необозримый небосклон.

Четверть неба занимал гигантский полумесяц Луны; на ней отчетливо виднелась причудливо извивающаяся линия, отделявшая день от ночи. Там, на Луне, заходило Солнце, возвещая конец лунного дня и начало долгой ночи, но вершины отдельных пиков все еще сверкали, подобно бесценным бриллиантам, отражая последние лучи дневного света и бросая вызов окружающему их морю мрака.

Но этот мрак не был абсолютным. Хотя Солнце больше не освещало поверхность Луны, почти полная Земля заливала лунную равнину своим мягким светом. Клифф мог разглядеть скрытые дымкой, но все-таки достаточно отчетливо видимые в отраженном свете Земли очертания морей и гор, мерцающие звездочки отдельных вершин, темные круги кратеров. Он пролетал над призрачным спящим шаром, кото-

рый стремился притянуть его к себе и лишить жизни. Сейчас он находился в высшей точке своего полета, на прямой, соединяющей Луну и Землю. Пора прыгать.

Клифф согнул ноги, уперся в металлический корпус капсулы и, собрав все силы, оттолкнулся и стремительно полетел туда, к звездам, а за ним тянулся предохранительный трос.

Капсула начала удаляться с ошеломляющей быстротой, и Клиффом овладело совершенно необычное чувство. Он ожидал страха, головокружения, но не этого непонятного ощущения того, что такое с ним уже бывало когда-то. Нет, не с ним, конечно, а с кем-то другим. Клифф никак не мог точно вспомнить все, да сейчас и не было времени вспоминать.

Он взглянул на Землю, Луну, быстро уменьшающуюся капсулу — и принял решение. Быстрым движением он нажал на кнопку и в ту же секунду увидел, как исчез вдали, извиваясь, конец троса. Теперь Клифф остался совсем один в космическом пространстве: до Луны было три с половиной тысячи километров, до Земли — полмиллиона. Теперь ему оставалось только ждать; через два с половиной часа он узнает, суждено ли ему жить, сумели ли его мускулы справиться с заданием, которое не удалось выполнить ракетам капсулы.

И в это мгновение, когда звезды начали медленно вращаться вокруг него, Клифф внезапно понял, откуда взялось это преследовавшее его воспоминание. С тех пор как он читал рассказы Эдгара По, прошло немало лет. Но кто может, раз прочитав, забыть их?

Он тоже оказался захваченным и втянутым в гигантский водоворот Мальмстрема. Он тоже пытается избежать смерти, покинув свой корабль. И хотя его связывают по рукам и ногам совершенно иные силы, сходство ситуаций разительное. Рыбак в рассказе По привязался к бочонку потому, что цилиндрические предметы втягивались в водоворот медленнее, чем само судно. Это было блестящим применением на практике законов гидродинамики; Клиффу оставалось толь-

ко надеяться, что его попытка использовать силы небесной механики окажется такой же успешной.

Какую скорость он приобрел, оттолкнувшись от капсулы? Добрых девять километров в час, не меньше. И, какой бы ничтожной она ни казалась по космическим стандартам, ее должно хватить, чтобы вывести Клиффа на новую орбиту, которая, как обещал Ван-Кессел, будет в своем перигее отстоять от поверхности Луны на несколько километров. Не так уж много, но более чем достаточно для планеты, где нет атмосферы и ничто не гасит скорости.

Внезапно Клифф вспомнил о своей вине — он так и не успел позвонить во второй раз Майре. Это все произошло из-за Ван-Кессела — тот не дал ему времени поразмыслить о доме, постоянно подгонял его. И Ван-Кессел был прав: в такой ситуации человек должен полностью сосредоточить свое внимание и все силы, думать только о спасении. У него не должно оставаться времени на воспоминания о семье, отвлекающие и расслабляющие волю.

Сейчас Клифф мчался, приближаясь к ночной стороне Луны, и полумесяц дневного света уменьшался у него на глазах. Невыносимо яркий диск Солнца, на который он старался не смотреть, быстро опускался по направлению к дуге горизонта. Скоро светящийся полумесяц сузился до тонкой полоски света — словно огненный лук нацелился в звезды. Затем этот лук распался на множество сверкающих блесток, а потом они одна за другой погасли — Клифф влетел в тень Луны.

С заходом Солнца земной свет стал еще ярче, и в его лучах космический костюм Клиффа засверкал серебряным светом. Его тело медленно — один оборот за десять секунд — вращалось в полете. Клифф не мог остановить этого вращения, но ему доставляло удовольствие видеть постоянно меняющуюся панораму звездного неба. Теперь, когда его глаз больше не ослепляли редкие солнечные отблески, Клифф различал тысячи звезд там, где раньше мог видеть только сот-

ни. Знакомые очертания созвездий исчезли, и даже самые яркие планеты потонули в этом огненном океане.

Темный край ночной половины Луны вырисовывался на фоне сверкающей панорамы звезд, подобно тени при затмении, и, по мере того как Клифф падал, черная тень непрерывно росла. Каждое мгновение звезды, большие и малые, мигнув в последний раз, одна за другой исчезали за темным краем. Казалось, что в небе разверзлась огромная дыра, пожирающая звезды.

Больше ничто не напоминало Клиффу об огромной скорости, с которой он мчался в пространстве, или о течении времени — ничто, кроме регулярных десятисекундных оборотов вокруг своей оси. Когда Клифф взглянул наконец на часы, он с изумлением увидел, что прошло уже полчаса с того момента, как он покинул капсулу. Клифф попытался было разглядеть ее, но безуспешно. Теперь он должен опережать капсулу уже на несколько километров, однако постепенно капсула обгонит его благодаря своей более низкой орбите и первой достигнет поверхности Луны.

Клифф все еще раздумывал над этим парадоксом, когда напряжение последних часов и упоение чувством невесомости привели к результату, которого он никак не ожидал. Убаюканный ритмичным шипением воздушных клапанов, паря легче перышка среди звезд, Клифф погрузился в сон.

Когда он, повинуясь некоему подсознательному сигналу, проснулся, Земля приближалась к краю Луны. Это зрелище вызвало у Клиффа новую волну жалости к самому себе, и ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдержать себя. Возможно, он в последний раз видит родную планету, так как через несколько мгновений орбита увлечет его к обратной стороне Луны, к тому миру, что никогда не освещается земным светом. Ослепительные ледяные шапки у полюсов, облака, поясом охватывающие экватор, солнечные отблески на поверхности Тихого океана — все это быстро ускользало за лунными горами. Затем и они погрузились во тьму; теперь Клиффа не освещала ни Земля, ни Солнце, под ним рас-

простерлась такая беспросветная чернота, что больно было смотреть вниз.

Вдруг на поверхности черного диска появилось созвездие — в том месте, где не могло быть ни единой звезды! Несколько секунд Клифф с изумлением смотрел на невиданное зрелище и только затем понял, что пролетает над одним из поселений на обратной стороне Луны. Далеко-далеко внизу, под куполом своего города, в лунной ночи жили люди — спали, работали, отдыхали, любили, ссорились... Известно ли им, что он, подобно невидимому метеору, мчится сейчас над их головами со скоростью семь тысяч километров в час? Надо думать, потому что сейчас не только Луна, но и все население Земли знают о его положении. Может быть, они пытаются найти его в темном небе с помощью телескопов и радаров, но для этого у них слишком мало времени. Через несколько секунд неизвестный город исчез за горизонтом, и Клифф снова остался один на один с черной бездной.

Клифф был не в состоянии определить свою высоту над лунной поверхностью, потому что бездонная пустота, разверзшаяся внизу, лишала его всякого чувства масштаба и перспективы. Однако он знал, что продолжает опускаться и что в любой момент стена кратера или лунный пик, которые тянутся к нему, могут схватить его своими невидимыми когтями.

Ибо где-то под ним, в черном безмолвии, скрывалось то, чего он боялся больше всего. Там, впереди, через лунный экватор с юга на север протянулась тысячекилометровая стена хребта Советского Союза. Клифф был еще мальчиком, когда в 1959 году советские исследователи открыли этот колоссальный хребет. Он все еще помнил свое волнение при виде первых фотографий, переданных на Землю «Луной-3». Тогда он не мог даже подумать о том, что много лет спустя будет мчаться над поверхностью Луны, приближаясь к этому хребту и ожидая от него решения своей участи.

Первые лучи утренней зари застали Клиффа врасплох. Свет был точно взрыв, и яркие блики начали перескакивать

с вершины на вершину до тех пор, пока вся дуга горизонта не оказалась охваченной серебром рассвета. Ну что ж, по крайней мере, он не погибнет в темноте. Но самая главная опасность была еще впереди.

Сейчас он почти вернулся на то место, откуда стартовал, приближаясь к перигею орбиты. Клифф взглянул на часы: почти пять часов миновало с момента старта. Через несколько минут он или врежется в Луну, или промчится над ее поверхностью и вылетит в космическое пространство.

Теперь он летел по касательной над поверхностью планеты на высоте около тридцати пяти километров — и продолжал опускаться, хотя и очень медленно. Внизу длинные тени, которые заря отбрасывала от горной гряды, походили на острые кинжалы темноты, вонзающиеся в тело дня. Наклонные лучи солнца подчеркивали неровность лунного рельефа, превращая каждый холмик в горный пик. И теперь Клифф отчетливо различал прямо перед собой предгорья хребта Советского Союза. Еще когда до хребта оставалось почти двести километров и он приближался к нему со скоростью два километра в секунду, ему казалось, что каменная волна взмывает к самому небу. Теперь он был бессилен изменить траекторию своего полета, его путь был предопределен: все, что можно, было уже сделано два с половиной часа назад.

Но этого было недостаточно.

Ему не пролететь над горами — вершины хребта преграждали путь.

Как жалел теперь Клифф о том, что он не успел поговорить с женщиной, которая все еще ждет его звонка в полумиллионе километров отсюда. Впрочем, может быть, это и к лучшему — что он мог сказать ей?

В его наушниках снова раздались голоса. Они то угасали, когда Клифф попадал в радиотень вершин, отделяющих его от Контроля запуска, то снова усиливались. Голоса говорили о нем, но Клифф едва замечал их. Он слушал с безразличным интересом стороннего наблюдателя, словно голоса до-

летали откуда-то издалека, с другого края Вселенной, и не имели к нему никакого отношения. Один раз Клифф совершенно отчетливо различил голос Ван-Кессела: «Сообщите капитану "Каллисто", что мы передадим ему данные орбиты пересечения, как только Лейлэнд минует свой перигей. Время встречи — через один час четыре минуты, считая с настоящего момента». «Мне очень жаль разочаровывать вас,— подумал Клифф,— но я не прибуду на это рандеву».

Теперь каменная стенка была уже в ста километрах, и каждый раз, когда Клифф беспомощно поворачивался в воздухе, она приближалась на двадцать километров. Надеяться было совершенно не на что, да и о какой надежде может идти речь, когда мчишься прямо на скалы быстрее пули, выпущенной из винтовки. Конец приближался неотвратимо, и внезапно один вопрос заслонил для Клиффа все остальные — разобьется ли он о скалы грудью, встретив смерть с открытыми глазами, или врежется в стену спиной, подобно трусу.

Шла последняя минута жизни, но в уме Клиффа не проносились воспоминания о прошлом. Под ним стремительно развертывался лунный ландшафт, каждая мельчайшая деталь ясно просматривалась в резких лучах зари. Теперь он снова повернулся спиной к хребту и стал глядеть на пройденный им путь, путь, который должен был привести его на Землю. Должен был, но не привел. До смерти ему оставалось не больше трех «десятисекундных суток» — не больше трех раз повернуться вокруг своей оси.

Внезапно лунный ландшафт озарился молчаливым ослепительным пламенем. Свет намного ярче солнечного на какую-то долю секунды погасил тени от лунных пиков и кратеров и исчез еще до того, как Клифф успел повернуться лицом по направлению движения.

Перед ним, всего в тридцати километрах, вверх поднималось гигантское облако пыли. Казалось, что на хребте Советского Союза произошло мощное извержение вулкана — но, конечно, это было невозможно. Также невозможно предположить,— мелькнуло в голове Клиффа,— что Инженерная служба Луны совершила некий фантастический подвиг в области организации и инженерного искусства и успела при помощи атомного взрыва удалить препятствие с его пути.

Ибо теперь препятствие исчезло. Гигантский кусок скалы был вырван из линии приближающейся горной гряды, осколки все еще выбрасывало из кратера, возникшего лишь пять секунд назад. Только могучая энергия атомного взрыва, произведенного в решающее мгновение в нужной точке, могла совершить такое чудо. А Клифф не верил в чудеса. Когда, сделав еще один оборот, Клифф подлетал к хребту, он вспомнил, что все это время по траектории его полета в нескольких километрах впереди двигалась его капсула — гигантский космический бульдозер. Кинетическая энергия этой капсулы, мчащейся со скоростью двух километров в секунду и весящей более тысячи тонн, была вполне достаточна, чтобы пробить в скалах огромную брешь, через которую Клифф теперь мчался. Волна от удара искусственного метеора, должно быть, прокатилась по всей Луне.

Удача не изменила Клиффу до самого конца. Во время полета через расщелину на его костюме осела пыль от взорванной породы; он успел мельком увидеть расплывчатые очертания разбитых скал и быстро расходящиеся облака дыма. Затем он миновал расщелину. Впереди было благословенное чистое небо.

Где-то впереди через час он встретится с «Каллисто». Но теперь Клифф не торопился — он вырвался из космического Мальмстрема. Ему дарована жизнь.

В нескольких километрах от его курса тоненькой ниточкой на поверхности Луны виднелась эстакада запуска. Через несколько секунд он окажется в пределах радиосвязи, и тогда он, преисполненный радости и благодарности, сможет позвонить на Землю женщине, которая все еще ждет его звонка во мраке африканской ночи.

Бабушке моя затея ужасно не понравилась, хотя она еще застала те времена, когда в прислуги нанимали людей.

— Если ты воображаешь, что я соглашусь разделить свой дом с *мартышкой*...

— Ну полно, бабуля, не будь такой старомодной! К тому же Доркас вовсе не обезьяна,— сказала я убедительным голосом.

— Вот как? И кто же она... то есть оно?

Я полистала проспект Биоинженерной корпорации.

— Вот, послушай. «Супершимп, зарегистрированный под торговой маркой "Пан сапиенс", является разумным антропоидом, созданным на базе генотипа шимпанзе путем селекции и генетических модифика...»

— А что я говорила? Обезьяна, как есть обезьяна!

— Ты слушай дальше. «Обладает достаточным словарным запасом для понимания простых команд и может быть натренирован на исполнение любых обязанностей в домашнем хозяйстве или других несложных рутинных работ. Послушен, привязчив, чистоплотен, приучен пользоваться туалетом. Особенно хорош для присмотра за детьми...»

— Нет, только не это... Неужто ты позволишь Джонни и Сьюзен общаться с гориллой?!

Я со вздохом отложила брошюру.

— Боюсь, тут ты права, бабуля. Доркас очень дорогая, и если эти маленькие негодяи...

Но в этот момент раздался звонок в дверь, посыльный попросил меня расписаться, я наскоро подмахнула бумаги — и Доркас вошла в нашу жизнь.

© Перевод Л. Щекотовой.

— Привет, Доркас,— сказала я.— Надеюсь, тебе у нас понравится.

Большие печальные глаза уставились на меня из-под тяжелых надбровий. Сказать по чести, мне случалось видеть людские физиономии и побезобразнее, но фигурой она отнюдь не блистала, имея метр двадцать в высоту и почти столько же в ширину. В своей аккуратно отглаженной униформе Доркас живо напомнила мне вышколенную горничную из кинофильма XX века, хотя ступни ее были босы и занимали на полу слишком много места.

— Доброе утро, мэм,— ответила она, артикулируя не совсем четко, но вполне разборчиво.

— Боже мой, она говорящая! — взвизгнула бабуля.

— Ну разумеется... Доркас умеет произносить пятьдесят слов, а понимает целых двести. Ее словарный запас еще увеличится, когда она к нам привыкнет, но на первых порах следует придерживаться вокабулярия, помещенного на страницах сорок три и сорок четыре инструкции по пользованию,— пояснила я и быстро всучила брошюру онемевшей бабушке, которой на сей раз не удалось отыскать подходящих слов для выражения собственных чувств.

Доркас освоилась очень быстро. Ее подготовка (домашние работы по классу А, уход за детьми младшего возраста) оказалась безупречной, и к концу первого месяца она справлялась практически со всеми обязанностями — от сервировки стола до хлопотной процедуры переодевания маленьких негодяев. Поначалу, правда, она продемонстрировала раздражающую манеру поднимать вещи с пола ногой (что, казалось, было для нее столь же естественно, как делать это руками), и понадобилось какое-то время, чтобы отучить ее от этой дурной привычки. В конце концов проблему решил один из тлеющих окурков, которые бабуля, по обыкновению, роняет где попало.

Что до всего прочего, то характер у обезьяны оказался уравновешенный, к работе она относилась добросовестно и

никогда не вступала в пререкания. Конечно, назвать Доркас особо сообразительной было никак нельзя, и кое-какие задания приходилось растолковывать ей довольно долго, однако через несколько недель я полностью свыклась со всеми ее достоинствами и недостатками. Труднее всего было привыкнуть к тому, что моя домработница все-таки не вполне человек и нет никакого смысла вовлекать ее в те специфические беседы, какие женщины обычно ведут между собой. Впрочем, она выказывала явный интерес к нарядам, будучи неравнодушной к ярким цветам, и позволь я Доркас одеваться согласно ее собственному вкусу, она выглядела бы точь-в-точь беглянкой из шапито.

Дети же, к моей великой радости, ее буквально обожали...

Я прекрасно знаю, что говорят соседи о Джонни и Сью, и вынуждена согласиться с тем, что их замечания недалеки от истины. Воспитывать парочку буйных отпрысков, чей отец отсутствует по меньшей мере триста дней в году, не так-то легко и просто, а в довершение ко всему дело усугубляет бабуля, которая сразу начинает бессовестно баловать их, стоит мне лишь отвернуться. Собственно, и Эрик ничуть не лучше, поскольку делает то же самое каждый божий день, когда его корабль находится на Земле, ну а суммарные последствия приходится расхлебывать мне. Могу только посоветовать никогда не выходить замуж за звездолетчика: доходы, конечно, солидные, но романтики ни на грош.

Когда Эрик вернулся с Венеры, имея три недели отпуска в кармане, наша новая служанка была уже полноправным членом семьи. Эрик воспринял это как должное; в конце концов, на других планетах ему попадались куда более странные создания. Без брюзжания о непомерных расходах, разумеется, не обошлось, однако я справедливо указала ему, что теперь, когда большая часть домашней работы снята с моих плеч, мы сможем провести вместе гораздо больше времени и успеем сделать все необходимые визиты, что в прошлый раз совершенно не удалось.

Словом, я жаждала вновь окунуться в светскую жизнь, которая в Порт-Годдарде буквально бьет ключом, даром что он торчит как раз посредине Тихого океана (после того, что случилось в Майами, космодромы были вынесены подальше от цивилизации). Кроме бесконечного потока Очень Важных Персон вперемешку с путешественниками из разнообразных уголков Земли (и не только) там имеются и местные знаменитости.

В любом обществе всегда существует общепризнанная законодательница вкусов и мод, этакая grande dame, служащая своим неудачливым соперницам двойным эталоном — для порицания и подражания. У нас в Порт-Годдарде царила Кристина Свансон, чей муж дослужил до чина командора Космической службы, и об этом факте она никому и никогда не позволяла забывать. Стоило лишь очередному лайнеру коснуться Земли, как все офицеры базы получали приглашение на очередной прием в ее роскошном особняке, искусно декорированном в архаичном стиле XIX века, и пренебрегать этим приглашением без чрезвычайно уважительной причины категорически не рекомендовалось... Даже если в программу входил вернисаж живописных творений хозяйки дома!

Кристина мнила себя большим художником, так что одним из главных ужасов этих вечеринок являлась настоятельная необходимость отпускать поощрительные реплики по поводу ее пачкотни (вторым кошмаром был ее любимый резной мундштук длиною в метр). За время, истекшее после прошлогоднего визита Эрика, она успела сменить стиль и вступила в свой *«квадратный период»*.

— Ах, дорогие мои, эти скучные продолговатые картины ужасно устарели! Они совершенно не гармонируют с космической эрой,— принялась объяснять она.— Ведь там, в пространстве, нет ни верха, ни низа, нет горизонталей и вертикалей, так с какой это стати у современной картины одна сторона должна быть больше другой?! В идеале она должна

выглядеть совершенно одинаково, как ни повесь, и я над этим работаю...

— Удивительно логичная идея,— благовоспитанно заметил Эрик (командор Свансон был его непосредственным начальником), а когда хозяйка отошла подальше, вполголоса пробормотал: — Не могу сказать, как висят ее картины, но точно знаю, что не той стороной к стене!

Я была с ним полностью согласна. До замужества я несколько лет брала уроки живописи и, смею заверить, неплохо в ней разбираюсь. Мои собственные полотна давно уже пылятся в гараже, но наберись я такой наглости, как Кристина, чтобы устроить в Порт-Годдарде свой личный вернисаж, он наверняка прошел бы успешно.

— Знаешь, Эрик,— злорадно хихикнула я,— даже Доркас сможет написать картину получше, если я ее немного подучу!

Он фыркнул и чуть было не поперхнулся виски.

— А что, это мысль! Попробуй когда-нибудь, если Кристина совсем зарвется...

Я тут же забыла об этом разговоре и вспомнила о нем только через месяц, когда Эрик уже был в космосе.

Конкретный повод к нашей стычке особого значения не имеет, скажу лишь, что речь на заседании муниципального совета шла о перспективах хозяйственного развития Порт-Годдарда, по поводу чего мы с Кристиной имели диаметрально противоположные мнения. Ее точка зрения победила (как всегда), и я в ярости вылетела из зала, изрыгая, что называется, дым и пламя.

Первым существом, которое попалось мне на глаза, когда я ворвалась в наш дом, оказалась Доркас, мирно разглядывающая цветные картинки в иллюстрированном еженедельнике,— вот тут мне и вспомнились слова Эрика.

Отшвырнув сумку и избавившись от шляпки, я произнесла твердым голосом:

— Доркас! Сейчас мы с тобой пойдем в гараж.

Понадобилось немало времени, чтобы откопать мольберт и ящик с кистями и красками из груды всяческого хлама (развинченные маленькими негодяями игрушки, пустые упаковочные коробки, ласты и маски для подводного плавания, старые кастрюльки, рождественские бумажные гирлянды, сломанные рабочие инструменты... черт побери, у Эрика никогда не хватает времени, чтобы как следует прибраться перед полетом!). В общей куче обнаружились также начатые когда-то холсты, и я решила, что для первого раза и они сойдут.

Выбрав осенний пейзаж, не продвинувшийся далее единственного костлявого дерева, я поставила его на мольберт и авторитетно изрекла:

— А сейчас, Доркас, я буду учить тебя рисовать!

План мой был крайне прост и не вполне честен.

Хотя приматов еще в XX веке неоднократно поощряли к размазыванию краски по полотну, ни один из них, насколько мне известно, не создал ничего такого, что можно было, не кривя душой, назвать подлинным произведением искусства. В общем-то, я была уверена, что у Доркас тоже ничего путного не получится... Но кто уличит меня в том, что я направляла ее руку? А вся слава достанется ей.

На самом деле я отнюдь не собиралась идти на полный обман. Да, я набросаю углем эскиз, смешаю краски и лично выполню самую сложную часть работы, однако и Доркас будет принимать в ней посильное участие. Я надеялась, что она справится с закрашиванием обведенных контуром участков, а может быть, даже выработает нечто вроде собственной манеры. Если повезет, прикинула я, Доркас выполнит примерно четвертую часть работы, и тогда я с чистой совестью смогу утверждать, что все это дело ее рук... В конце концов, разве Микеланджело и Леонардо не ставили свои имена на картинах, процентов на девяносто написанных их подмастерьями? Ну а я выступлю в роли подмастерья Доркас!

Должна признаться, меня постигло изрядное разочарование.

Хотя Доркас быстро догадалась, в чем суть дела, и поняла, как надо использовать кисти и палитру, ухватки ее оказались до боли неуклюжими. Казалось, бедняжка никак не может решить, как ей сподручней размазывать краски, и потому постоянно перекладывает кисть из одной руки в другую... Кончилось тем, что первую картину я написала сама, участие же Доркас ограничилось десятком ярких жирных мазков.

С другой стороны, глупо было бы ожидать, что она станет мастером за каких-то два или три урока, тем более что по сути это не имело значения: мне всего лишь придется сделать истину чуть более растяжимой, когда я начну безапелляционно утверждать, что единственным автором картины является моя антропоидная служанка.

Торопиться было некуда, ибо задумки подобного рода требуют тщательного исполнения, и тем не менее уже через пару месяцев продукция «Студии Доркас» исчислялась дюжиной живописных работ. Тематика их, естественно, была ограничена тем, что супершимп может узреть в Порт-Годдарде: этюд лагуны в голубых тонах, вид нашего дома в пейзаже, импрессионистский набросок ночного старта (зеркальный блеск металла̀ и взрывы ярких пятен на угольно-черном фоне), бытовая сценка с рыбаками, пальмовая роща... Словом, сплошной стандарт, но что-то иное наверняка показалось бы подозрительным; не думаю, чтобы до приезда к нам Доркас часто бывала вне стен лаборатории, где ее растили и воспитывали.

Лучшие из этих картин (а некоторые были и впрямь недурны, уж можете мне поверить) я развесила по дому в таких местах, где мои друзья просто не могли их не заметить, а далее все разыгрывалось как по нотам. Сперва восхищенные ахи, затем мой твердый отказ от авторства, недоумевающие вопросы... и наконец изумленные возгласы: «КАК!», «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!» и «КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ!!!»

Скептиков я сразила тем, что позволила кучке избранных полюбоваться процессом творчества. Полагаю, нет нужды пояснять, что подобной чести были удостоены лишь ни черта не смыслящие в живописи, картина же являла собой абстрактную композицию в красном, черном и золотом, которую никто не осмелился критиковать. Доркас эффектно смотрелась за мольбертом и провела показательный сеанс не хуже опытного киноактера, умело имитирующего игру на музыкальном инструменте.

В целях дальнейшего распространения сенсации я раздарила несколько картин в качестве забавных безделушек, стараясь при этом, чтобы облагодетельствованный непременно отметил нотку уязвленного самолюбия в моей дежурной фразе: «Я наняла эту обезьяну для работы по дому, а не для Музея изобразительных искусств!» Разумеется, я была достаточно благоразумна, чтобы не проводить сравнений между творениями Доркас и мазней Кристины, поскольку прекрасно знала, что наши общие знакомые сделают это за меня.

Когда мадам Свансон нанесла мне неожиданный визит, дабы обсудить нашу ссору, *«как подобает двум приличным людям»*, я поняла, что она на крючке... Я повела ее пить чай в гостиную, увешанную работами Доркас, где и позволила себе грациозно капитулировать под лучшей из них (полная луна встает над лагуной — холодная, голубая и необыкновенно мистическая; при каждом взгляде на нее я испытывала вполне заслуженную гордость). Мы не обмолвились ни единым словом ни о картинах, ни о Доркас, однако в глазах моей гостьи я увидела все, что хотела увидеть.

Через день очередная выставка Кристины, запланированная на следующую неделю, была отменена.

Мудрость карточных игроков гласит, что после крупного выигрыша следует немедленно выходить из игры... Не сочти я за труд хоть немного задуматься, то уразумела бы, конечно, что Кристина мне этого не спустит и рано или поздно нанесет жестокий контрудар.

Время она рассчитала блестяще: дети в школе, бабуля в гостях, а я уехала за покупками на другой конец острова.

Должно быть, она сперва позвонила по телефону, дабы удостовериться, что дома действительно никого нет, а точнее говоря, ни единого человека... Что касается Доркас, то после первых же попыток мы строго-настрого запретили ей брать трубку: по телефону речь супершимпа подозрительно напоминает разговор мертвецки пьяного человека, а это, сами понимаете, чревато ненужными осложнениями.

Полагаю, я правильно реконструировала последовательность событий. Итак, Кристина подъехала к дому, выразила глубокое огорчение по поводу моего отсутствия и пригласила себя войти. Не тратя времени зря, она тут же принялась обрабатывать Доркас, но подобную ситуацию я как раз предусмотрела... «Это сделала Доркас,— каждый раз наставляла я своего антропоида, указывая пальцем на только что законченную картину.— Ты поняла? Нет, не Мисси, только Доркас! *Доркас!*» В конце концов, полагаю, бедняжка сама в это поверила.

Если профилактическое промывание мозгов и лексикон из пятидесяти слов ввели в заблуждение самозванную гостью, то длилось оно не слишком долго. Кристина была дама решительная, а Доркас — простая душа. Должно быть, мадам Свансон немало удивилась тому, с какой готовностью ее отвели в знаменитую студию в гараже, где она намеревалась обнаружить неопровержимые доказательства гнусного подлога и обмана...

Подъехав к дому получасом позже, я почуяла крупные неприятности, как только заметила чужую машину. Надежда на то, что я успела вернуться вовремя, тут же рассеялась, как только я вошла в дом, где царила немыслимая, мертвая тишина. Слишком поздно... ЧТО-ТО УЖЕ ПРОИЗОШЛО! В противном случае Кристина никак не смогла бы удержаться от разглагольствований, даже если ее аудиторию составляет один-единственный шимпанзе: тишина для нее — такой же вызов, как чистый холст, и она усердно заполняет ее звуками собственного голоса.

В доме было невыносимо тихо. На цыпочках я проследовала через пустую гостиную, пустую столовую, кухню и вышла во двор через черный ход. Дверь гаража оказалась открытой. Подкравшись к ней, я заглянула внутрь.

И это был момент горькой истины!

Освободившись наконец от моего влияния, Доркас действительно развила собственный стиль. Свою новую картину она писала быстрыми, мощными и точными мазками, но только совсем не так, как я ее долго и старательно учила. А уж что там было изображено...

Я была жестоко уязвлена в самое сердце, когда разглядела ту отвратительную карикатуру, которая явно доставляла Кристине бездну удовольствия. После всего, что я сделала для Доркас, это была чистейшей воды неблагодарность! Теперь-то я, конечно, знаю, что она не имела в виду ничего плохого и попросту самовыражалась... Психологи и искусствоведы, сочинившие те дурацкие комментарии к ее выставке в Музее Гугенгейма, утверждают, что портреты кисти Доркас не только проливают свет на взаимоотношения людей и животных, но впервые в истории человеческой расы дают нам возможность взглянуть на себя со стороны.

Однако в тот день, когда я, накричав на Доркас, отослала ее на кухню, этот интересный аспект явно ускользнул от моего внимания.

Что расстроило меня еще больше, так это бесполезно потерянное время, растраченное мной на исправление ее дурных манер и постановку техники рук: игнорируя все мои указания, она сидела перед мольбертом, скрестив их на груди!

Но даже тогда, в самом начале ее блистательной карьеры свободного художника, было абсолютно ясно, что в одной ее ноге таланта не в пример больше, чем в обеих моих руках, вместе взятых...

Когда телефонистка сказала, что на линии советское посольство, первой моей мыслью было: «Отлично! Новая работа!»

Но едва услышав голос Гончарова, я понял — что-то случилось.

— Клаус? Это Михаил. Можешь прямо сейчас приехать? Дело крайне срочное. Это не телефонный разговор.

Всю дорогу до посольства я волновался, выстраивая возможную защиту на случай, если что-то пошло не так с нашей стороны. Но в голову мне ничего не приходило. В данный момент у нас не оставалось незавершенных контрактов с русскими. Последняя работа была закончена полгода назад, в срок, к полному их удовлетворению.

Как я вскоре выяснил, теперь она их уже не устраивала. Мой старый друг Михаил Гончаров, атташе по экономическим вопросам, рассказал мне все, что знал, но не так уж и много.

— Мы только что получили срочный телекс с Цейлона,— сказал он.— Они хотят, чтобы ты немедленно вылетел туда. Серьезные неприятности с гидротермальным проектом.

— Что за неприятности? — спросил я.

Конечно, мне сразу же стало понятно — что-то случилось на глубине, поскольку это была единственная часть установки, которой занимались мы. Все работы на суше русские выполнили сами, но им пришлось вызвать нас, чтобы установить решетки на километровой глубине в Индийском океане. В мире нет больше ни одной фирмы, действующей согласно нашему девизу: «Любая работа на любой глубине».

© Перевод К. Плешкова.

— Я знаю только, что тамошние инженеры сообщают о полном отказе оборудования,— сказал Михаил.— Через три недели премьер-министр Цейлона должен открывать энергостанцию. Москва будет очень, очень недовольна, если к тому времени она не заработает.

Я быстро вспомнил перечень штрафных санкций в нашем контракте. Фирма, похоже, была чиста, поскольку клиент подписал акт приемки, признав тем самым, что работа выполнена в соответствии с договором. Однако все обстояло не столь просто. Если будет доказана небрежность с нашей стороны, то судебное преследование нам вряд ли угрожало бы, зато на нашей деловой репутации появилось бы несмываемое пятно. Для меня же лично дела обстояли еще хуже, поскольку я отвечал за работы во впадине Тринко.

Прошу вас, не называйте меня ныряльщиком. Ненавижу это слово! Я глубоководный инженер, использующий подводное снаряжение столь же часто, как летчик — парашют. Большая часть моей работы совершается при помощи телекамер и дистанционно управляемых роботов. Когда же мне действительно приходится спускаться под воду, я нахожусь внутри мини-субмарины с внешними манипуляторами. Мы называем ее «Лобстером» из-за клешней. Стандартная модель может работать на глубине до полутора тысяч метров, но есть специальные версии, способные опуститься на дно Марианской впадины. Сам я никогда там не был, но готов обсудить условия, если вам интересно. Оценивая грубо, это обойдется заказчику в три доллара за метр плюс тысяча за час самой работы.

Я понял, что русские говорят всерьез, когда Михаил сказал, что в Цюрихе ждет реактивный самолет. Мол, не могу ли я быть в аэропорту через два часа?

— Послушай, я ничего не смогу сделать без оборудования. Снаряжение, необходимое даже для простой проверки, весит тонны. К тому же оно сейчас в Италии.

— Знаю,— невозмутимо ответил Гончаров.— У нас есть еще один транспортный самолет. Сообщи по телексу с Цей-

лона, как только выяснишь, что тебе нужно, и все будет на месте в течение двенадцати часов. Но, пожалуйста, никому про это не рассказывай. Мы предпочитаем, чтобы наши проблемы оставались между нами.

Я с ним согласился, поскольку это была и моя забота тоже. Когда я выходил из кабинета, Михаил показал на настенный календарь, сказал: «Три недели» — и провел пальцем по горлу. Я понял, что он имеет в виду не свою шею.

Через два часа я летел над Альпами, прощался по радио с семьей и размышлял о том, почему, как любой другой здравомыслящий швейцарец, не стал банкиром или не занялся бизнесом по производству часов.

«Всему виной Пикар и Ханнес Келлер,— мрачно подумал я.— Почему они основали традицию глубоководных исследований именно в Швейцарии, а не в какой-нибудь другой стране?»

Потом я заснул, зная, что в ближайшие дни ничего хорошего меня не ждет.

Мы приземлились в Тринкомали сразу после рассвета. Огромная гавань, в географии которой я так до конца и не разобрался, представляла собой лабиринт мысов, островов, водных путей, соединяющих их, и огромных бухт, способных вместить в себя все флоты мира. На мысу стояло большое белое здание управления, построенное в витиеватом архитектурном стиле. Все вокруг выглядело как чистая пропаганда. Хотя, конечно, я назвал бы это представительным видом, если бы был русским.

Я вовсе не обвинял в чем бы то ни было своих клиентов. У них имелось немало причин гордиться самой амбициозной на данный момент попыткой обуздать термальную энергию моря. Она оказалась не первой. Уже была одна неудачная, сделанная французским ученым Жоржем Клодом в тридцатые годы, и намного более серьезная в Абиджане, на западном побережье Африки, в пятидесятые.

Все эти проекты основывались на одном и том же удивительном факте. Даже в тропиках температура на глубине в

полтора километра близка к точке замерзания. Когда речь идет о миллиардах ионов воды, подобная разница температур представляет собой колоссальное количество энергии и многообещающую задачу для инженеров из тех стран, в которых ее не хватает.

Клод и его последователи пытались получить энергию с помощью паровых машин низкого давления, русские же использовали намного более простой и непосредственный метод. Уже больше ста лет было известно, что через многие материалы при нагревании с одного конца и охлаждении с другого течет электрический ток. Начиная с сороковых годов русские ученые работали над тем, чтобы направить этот термоэлектрический эффект в практическое русло. Самые первые устройства оказались не слишком эффективными, хотя их было вполне достаточно, чтобы питать тысячи радиоприемников теплом керосиновых ламп. Однако в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году русские совершили технический прорыв, до сих пор остававшийся секретным.

Я сам закреплял элементы питания на холодном конце системы, но не имел возможности увидеть их по-настоящему. Они оказались полностью скрытыми под слоем антикоррозийной краски. Мне стало известно лишь то, что они образуют большую решетку, словно множество старомодных батарей парового отопления, свинченных одна с другой.

Я узнал большинство лиц в небольшой толпе, ожидавшей на взлетной полосе аэродрома Тринко. Неважно, были ли эти люди моими друзьями или врагами, но все они были рады меня видеть, особенно главный инженер Шапиро.

— Лев, в чем проблема? — спросил я, когда мы выехали с аэродрома.

— Не знаем,— честно ответил он.— Так что выяснять, а потом исправить придется тебе.

— Так что все-таки случилось?

— Все прекрасно работало, вплоть до испытаний на полной мощности,— сказал он.— Выход энергии находился в

пределах нормы, плюс-минус пять процентов, до одного часа тридцати четырех минут в ночь на вторник.

Он поморщился. Точное время, судя по всему, врезалось ему в душу.

— Затем напряжение начало прыгать как сумасшедшее, так что мы отключили нагрузку и стали наблюдать за приборами. Я думал, что какой-то идиот капитан зацепил кабель якорем. Сам знаешь, какие у нас с этим бывали проблемы. Мы включили прожектора и стали обшаривать море, но не увидели ни одного корабля. Да и кто стал бы пытаться бросать якорь вне гавани в ясную спокойную ночь?

Нам пришлось продолжать испытания. Я покажу тебе все графики, когда доберемся до моего кабинета. Через четыре минуты подача энергии полностью прекратилась. Естественно, мы смогли точно определить место разрыва цепи. Оно находится на самой большой глубине, прямо возле решетки. Именно там, а не на этом конце системы,— мрачно добавил он, показывая в окно.

Мы как раз проезжали мимо так называемого солнечного бассейна, эквивалента парового котла обычного теплового двигателя. Эту идею русские позаимствовали у израильтян. Бассейн представлял собой попросту неглубокое озеро с черным дном, заполненное концентрированным раствором соли. Он действует как крайне эффективный теплоулавливатель. Солнечные лучи нагревают жидкость почти до двухсот градусов по Фаренгейту. В него были погружены «горячие» решетки термоэлектрической системы, соединявшиеся массивными кабелями с моей частью, которая была на сто пятьдесят градусов холоднее и находилась на километр ниже, в подводном каньоне, тянувшемся до самого выхода из гавани Тринко.

— Полагаю, вы проверили возможность землетрясения? — без особой надежды спросил я.

— Конечно. Сейсмограф ничего не показал.

— Как насчет китов? Я предупреждал, что от них можно ждать неприятностей.

Год с лишним назад, когда в море прокладывали силовые кабели, я рассказывал инженерам про утонувшего кашалота, запутавшегося в телеграфном проводе примерно в километре от Южной Америки. Подобных случаев известно около десятка, но наш, похоже, к ним не относился.

— Это второе, о чем мы подумали и тут же связались с департаментом рыболовства, флотом и авиацией. Вдоль всего побережья нет никаких китов,— ответил Шапиро.

Но тут я перестал строить предположения, поскольку услышал нечто такое, от чего мне стало слегка не по себе. Как и все швейцарцы, я хорошо владею языками и неплохо понимаю по-русски. Впрочем, не нужно было быть лингвистом, чтобы узнать слово «саботаж».

Его произнес Дмитрий Карпухин, советник по политическим вопросам. Мне он не нравился, как и инженерам, которые в разговорах с ним порой срывались на грубость. Этот тип оставался старорежимным коммунистом, так и не избавившимся от наследия Сталина. Он с подозрением относился ко всему тому, что происходило за пределами Советского Союза и к большинству событий внутри его. Конечно, лучшего объяснения, чем саботаж, подобный персонаж найти не мог.

Конечно, немало оказалось бы и тех, кто не слишком расстроился бы в случае неудачи энергетического проекта Тринко. С политической точки зрения на карту был поставлен престиж СССР, с экономической же — в дело вложены миллиарды, поскольку в случае успеха гидротермальные энергостанции могли бы на равных конкурировать с нефтяными, угольными, водными и в особенности ядерными.

Однако в саботаж я верил с трудом. Все-таки холодная война уже закончилась. Возможно, кто-то просто неуклюже попытался украсть образец решетки, но даже это казалось мне маловероятным. Я мог посчитать по пальцам людей во всем мире, которые могли бы справиться с подобной работой. Половине из них платил я.

Подводная телекамера прибыла тем же вечером. В течение ночи мы загрузили на катер камеры, мониторы и свыше полутора километров коаксиального кабеля. Когда суденышко выходило из гавани, мне показалось, будто я увидел на причале знакомую фигуру, но до нее было слишком далеко, да и мысли мои были заняты совсем другим. Должен сказать, что моряк я не из лучших, по-настоящему же счастлив лишь под водой.

Мы тщательно сориентировались по маяку на Круглом острове и встали прямо над решеткой. Автоматическая камера, похожая на миниатюрный батискаф, опустилась за борт. Мы глядели на мониторы и мысленно погружались вместе с ней.

Вода была удивительно чистой и прозрачной, но по мере приближения ко дну в ней начали появляться признаки жизни. Сперва на нас уставилась маленькая акула. Затем мимо медленно проплыл пульсирующий ком слизи, за которым следовало нечто вроде большого паука с сотнями волосатых спутанных ног. Наконец в поле зрения появилась наклонная стена каньона. Мы были у цели. В глубину уходили толстые кабели. Они выглядели точно так же, как тогда, когда я последний раз проверял их установку полгода назад.

Я включил двигатели камеры и направил ее вдоль кабелей. Толстенные провода казались неповрежденными, все так же прочно закрепленными на скалах. Лишь когда камера приблизилась к самой решетке, я увидел, что произошло.

Вы когда-нибудь видели радиатор автомобиля после столкновения с фонарным столбом? Так вот, одна секция решетки выглядела примерно так же. Она была смята, будто какой-то безумец поработал над ней кувалдой.

За моей спиной раздались удивленные и встревоженные возгласы. Я снова услышал, как позади пробормотали слово «саботаж», и впервые отнесся к нему серьезно. Единственным другим разумным объяснением мог быть упавший камень, но склоны каньона тщательно обследовались на предмет подобной неприятности.

Так или иначе, поврежденную решетку придется заменить. Сделать это было невозможно, пока мой «Лобстер» — все его двадцать тонн — не прилетит с итальянской верфи, где он хранился, когда для него не находилось работы.

— Итак, сколько тебе понадобится времени? — спросил Шапиро, когда я закончил осмотр и сфотографировал удручающую картинку, видневшуюся на экране.

Я не стал брать на себя излишних обязательств. Подводная работа в первую очередь научила меня тому, что ничто и никогда не получается так, как ожидаешь. Невозможно точно оценить ни время, ни стоимость, поскольку лишь на середине всего дела начинаешь более-менее понимать, что тебе предстоит.

По моим предположениям на работу требовалось три дня. Поэтому я сказал:

— Если все пойдет хорошо, то вряд ли больше недели.

— Быстрее никак нельзя? — простонал Шапиро.

— Я не стану искушать судьбу, давая необдуманные обещания. В любом случае, до вашего срока все равно остается две недели.

Ему пришлось удовлетвориться, хотя он продолжал меня донимать всю дорогу обратно до гавани. Когда мы туда наконец добрались, у него появились другие заботы.

— Доброе утро, Джо,— сказал я человеку, продолжавшему терпеливо ждать на пристани.— Мне показалось, я тебя узнал, когда мы выходили из гавани. Ты-то что тут делаешь?

— Я собирался тебя спросить о том же самом.

— Лучше поговори с моим боссом. Главный инженер Шапиро, разрешите представить вам Джо Уоткинса, научного обозревателя «Тайма».

Ответ Льва прозвучал не слишком дружелюбно, хотя обычно он больше всего любил общаться с журналистами, прибывавшими с частотой примерно раз в неделю. Сейчас же, когда приближалась назначенная дата, они летели со всех сторон, включая, естественно, Россию. В данный момент ТАСС был здесь столь же нежелателен, как и «Таймс».

Карпухин тут же взял на себя контроль над ситуацией, что, впрочем, не удивительно. С этого момента к Джо был постоянно приставлен в качестве гида, философа и собутыльника вкрадчивый молодой специалист по связям с общественностью по имени Сергей Марков. Несмотря на все усилия Джо, они были неотделимы друг от друга.

В середине дня, утомленный долгим совещанием в кабинете у Шапиро, я столкнулся с ними на позднем обеде в правительственном доме отдыха.

— Что происходит, Клаус? — жалобно спросил Джо.— Я чувствую, что что-то не так, но никто ни в чем не сознается.

Я поковырялся в своем карри, пытаясь отделить безопасные кусочки от тех, которые могли снести мне крышу, и ответил:

— Вряд ли стоит ожидать, что я стану обсуждать с тобой дела клиента.

— Однако ты был весьма разговорчив, когда проводил предварительную разведку перед строительством дамбы в Гибралтаре,— напомнил Джо.

— Да. Я весьма ценю статью, которую ты об этом написал. Но на этот раз речь идет о коммерческой тайне. Я... э... мне нужно кое-что подправить, чтобы повысить эффективность системы.

Собственно, так оно и было. Я действительно надеялся повысить эффективность системы с ее нынешнего значения, равного нулю.

— Вот как,— саркастически заметил Джо.— Спасибо большое.

— Ладно,— примирительно сказал я.— А какова твоя самая последняя безумная теория?

Уоткинс питал странную для высокообразованного научного журналиста страсть ко всему необычному и невероятному. Возможно, это некая форма бегства от действительности. Я случайно узнал, что он также писал фантастику, хотя и тщательно скрывал этот факт от своих работодателей.

Джо тайно увлекался всем, что связано с полтергейстом, парапсихологией и летающими тарелками, но больше всего — с затерянными континентами.

— Да, у меня есть пара идей,— признался он.— Собственно, они возникли совсем недавно.

— Продолжай,— сказал я, не осмеливаясь оторваться от исследования своего карри.

— Не так давно я наткнулся на очень старую карту Цейлона, времен Птолемея, если тебе интересно. Она напомнила мне другую старую карту из моей коллекции, и я снова ее отыскал. Та же самая центральная гора, то же расположение рек, впадающих в море. Но на том документе была изображена Атлантида.

— Нет! — простонал я.— В последний раз, когда мы виделись, ты убеждал меня, что она находилась на западе Средиземноморского бассейна.

Джо обворожительно улыбнулся.

— Я ведь мог и ошибаться, верно? В любом случае, у меня есть куда более выдающееся доказательство. Каково старое народное название Цейлона, да и современное сингальское тоже?

— Господи! Конечно же Ланка,— немного подумав, воскликнул я.— Ланка — Атлантида?

— Именно,— сказал Джо.— Но на двух фактах, пусть даже и потрясающих, полноценную теорию не построишь. Больше у меня пока что ничего нет.

— Жаль,— с неподдельным разочарованием проговорил я.— А другая идея?

— Сейчас ты точно подпрыгнешь,— самодовольно сказал Джо, полез в потертый портфель, который постоянно носил с собой, и достал пачку бумаг.— Это случилось лишь в трехстах километрах отсюда, всего сто лет назад. Должен сказать, что в моем распоряжении, пожалуй, лучший источник информации из всех имеющихся.

Он протянул мне фотокопию страницы из лондонской «Таймс» за четвертое июля тысяча восемьсот семьдесят чет-

вертого года. Я начал читать без особого энтузиазма, поскольку у Джо всегда имелись обрывки старых газет, но мое безразличие длилось недолго.

При желании вы можете за десять секунд получить копию со всеми подробностями по факсу из местной библиотеки. Если коротко, в заметке описывалось, как шхуна «Жемчужина» водоизмещением в сто пятьдесят тонн вышла с Цейлона в мае того же года, после чего попала в штиль в Бенгальском заливе. Десятого мая перед самым закатом в километре от шхуны всплыл огромный спрут, и капитан начал по глупости стрелять в него из ружья.

Монстр подплыл прямо к «Жемчужине», ухватился щупáльцами за мачты и опрокинул судно набок. Оно тут же затонуло, забрав с собой двух членов команды. Остальные спаслись лишь благодаря счастливой случайности. Неподалеку находился пароход «Стратховен», с которого видели случившееся.

— Так что ты об этом думаешь? — спросил Джо, когда я перечитал заметку во второй раз.

— Я не верю в морских чудовищ.

— Лондонская «Таймс» не склонна к сенсациям,— ответил журналист.— Да и огромные спруты действительно существуют. Хотя самые крупные из тех, что мы знаем,— слабые мягкотелые существа, весящие не больше тонны, даже со щупальцами длиной в двенадцать метров.

— Так что? Подобное животное не может опрокинуть шхуну в сто пятьдесят тонн.

— Верно, но есть множество свидетельств того, что так называемый гигантский спрут иногда вполне оправдывает свое имя. В море могут жить настоящие великаны. Да что там, всего через год после случая с «Жемчужиной» у побережья Бразилии видели кашалота, бившегося в объятиях гигантских щупалец, которые в конце концов утащили его на дно. Этот случай описан в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» от двадцатого ноября тысяча восемьсот семьдесят пятого года. Конечно, к этому надо добавить главу из «Моби Дика»...

— Какую?

— Да ту самая, которая называется «Спрут». Мы знаем, что Мелвилл был весьма внимательным наблюдателем, но здесь он действительно дает волю своим чувствам. Писатель рассказывает, как среди бела дня из моря вдруг поднимается огромная белая масса, «словно скатившаяся с гор снежная лавина». Это случилось здесь, в Индийском океане, возможно, в тысяче километров к югу от места происшествия с «Жемчужиной». Кстати, заметь, погодные условия были одинаковыми. Я наизусть помню слова о том, что предстало в воде глазам команды «Пекода». Это была «огромная мясистая масса в несколько фарлонгов в ширину и длину, вся какого-то переливчатого желтовато-белого цвета, и от центра ее во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и извивающихся, как целый клубок анаконд».

— Прошу прощения,— сказал Сергей, сосредоточенно слушавший наш разговор.— Что такое фарлонг?

Джо слегка смутился.

— Собственно, это одна восьмая мили, то есть шестьсот шестьдесят футов или двести один метр.— Он поднял руку, останавливая наш недоверчивый смех.— Уверен, Мелвилл не имел этого в виду буквально. Но представьте себе человека, который каждый день встречает кашалотов и пытается подобрать единицу длины, чтобы описать нечто куда более крупное. Автор машинально перешел с морских саженей на фарлонги. Во всяком случае, таково мое предположение.

Я отодвинул остатки карри, к которым все равно невозможно было прикоснуться, и сказал:

— Если ты думаешь, будто меня напугал, то сильно ошибаешься. Но я тебе обещаю, когда в самом деле встречу гигантского спрута, оторву ему щупальце и заберу с собой в качестве сувенира.

Через сутки я уже сидел в «Лобстере» и медленно опускался к поврежденной решетке. Операцию невозможно было сохранить в тайне, и Джо с интересом наблюдал за ней с

близлежащего катера. Это была проблема русских, не моя. Я предложил Шапиро посвятить Джо в их секреты, но, естественно, Карпухин с его славянской подозрительностью тут же наложил на эту идею вето. Казалось, будто можно прочитать его мысли: «Почему это американский репортер появился здесь именно сейчас?» — словно Тринкомали не был главной мировой новостью.

В глубоководных работах нет ничего будоражащего или эффектного, если делать все как надо. Волнение означает отсутствие предусмотрительности, что свойственно неопытным. Такие в нашем деле долго не живут, так же как и те, кто жаждет чего-то неординарного. Занимаясь своей работой, я испытывал не больше эмоций, чем водопроводчик, который чинит протекающий кран.

Решетки были рассчитаны на простое обслуживание, поскольку рано или поздно их требовалось менять. К счастью, резьба была не повреждена, и крепежные болты удалось с легкостью отвернуть механическим ключом. Затем я переключил управление на мощные клешни и без малейшего труда поднял поврежденную решетку.

Когда работаешь на глубине, спешить — плохая тактика. Если ты пытаешься сделать слишком многое сразу, можно наворотить ошибок. Если все идет гладко и за день выполняется то, на что, как ты говорил, требуется неделя, то клиент считает, что зря заплатил деньги. Я был уверен, что смогу заменить решетку в тот же день, но поднялся на поверхность следом за поврежденным устройством и прикрыл лавочку на сегодня.

Термоэлемент отправился на вскрытие, а я провел остаток вечера, прячась от Уоткинса. Тринко — городок небольшой, но мне удалось не попасться Джо на глаза, посетив местный кинотеатр, где я просидел несколько часов, глядя на нескончаемый тамильский фильм о страданиях представителей трех поколений, ошибочно принимавших одних за других, пьянствовавших, брошенных, умиравших и сходивших с ума. Все это в цвете и на полной громкости.

На следующее утро, несмотря на легкую головную боль, я появился на месте работ вскоре после рассвета, как и Джо с Сергеем, настроившиеся на безмятежную рыбную ловлю в течение целого дня. Я весело помахал им рукой, забрался в «Лобстер», и кран опустил меня за борт. С другого борта, с невидимой для Джо стороны, опустилась новая решетка. На глубине метров в десять я освободил ее из захвата и начал опускать на дно впадины Тринко, где и установил без каких-либо проблем к середине дня. Прежде чем снова подняться на поверхность, я закрепил болты и приварил на место кабели, после чего инженеры на берегу проверили целостность цепи. Когда я вновь оказался на палубе, система уже находилась под нагрузкой, все вернулось в норму. Даже Карпухин улыбался. Он словно перестал задавать себе вопрос, на который никто до сих пор не мог ответить.

За неимением лучшего я все еще придерживался теории об обрушившемся камне и надеялся, что русские с ней тоже согласятся. Тогда можно будет больше не играть в шпионов с Джо Уоткинсом.

Однако я понял, что мне не повезло, когда появились Шапиро и Карпухин с вытянувшимися лицами.

— Клаус, нам нужно, чтобы ты снова спустился,— сказал Лев.

— Деньги ваши,— ответил я.— Но что вы от меня хотите?

— Мы обследовали поврежденную решетку. Не хватает одной секции термоэлементов. Дмитрий считает, что кто-то специально ее оторвал и унес.

— В таком случае он сделал это крайне неаккуратно,— ответил я.— Могу четко сказать одно. Это не кто-то из моих людей.

Шутить подобным образом в присутствии Карпухина было рискованно. Не улыбнулся никто, даже я, поскольку к тому времени начал подозревать, что он что-то скрывает.

Солнце уже садилось, когда я начал свое последнее погружение во впадину Тринко, но время дня на глубине не имело никакого значения. Я опустился на шестьсот метров,

не включая огни. Мне нравилось наблюдать за светящимися морскими созданиями, которые вспыхивали и мерцали в темноте, иногда взрывались, словно ракеты, у самого иллюминатора. В открытом море мне не угрожала опасность с чем-либо столкнуться, к тому же работающий панорамный сонар мог предупредить меня намного лучше, чем мои собственные глаза.

На глубине в семьсот двадцать метров я понял, что что-то не так. Вертикальный эхолокатор сообщил о приближении дна, но расстояние до него сокращалось слишком медленно. Я легко мог увеличить скорость погружения, заполнив очередную цистерну, но решил не спешить. В моей работе любой факт, выходящий за рамки обычного, требует объяснения. Подобный подход уже трижды спасал мне жизнь.

Я взглянул на термометр и получил ответ. Температура снаружи на пять градусов превышала расчетную. Лишь через несколько секунд я понял, почему это так.

Всего в сотне с небольшим метров подо мной работала на полную мощность восстановленная решетка, которая излучала мегаватты тепла, пытаясь выровнять разницу температур между впадиной Тринко и солнечным бассейном наверху. Естественно, подобное было невозможно, но в процессе генерировалось электричество. Меня уносило вверх гейзером горячей воды, являвшейся побочным продуктом.

Когда я наконец достиг решетки, мне с трудом удавалось удерживать «Лобстер» на месте в потоке, поднимающемся из глубины. Я весь покрылся потом, потому что тепло проникало в кабину. Мне еще ни единого раза не бывало столь жарко на морском дне. Никогда прежде огни прожекторов не плясали так на каменной поверхности в потоках поднимающейся воды, создавая картину, похожую на мираж.

Можете представить, как я медленно двигался на глубине почти в километр вдоль крутого, словно крыша дома, склона подводного каньона, светя перед собой лучами прожекторов. Недостающий элемент, если он все еще был здесь, не

мог упасть слишком далеко. Я должен был найти его в ближайшие десять минут или никогда.

После часовых поисков я обнаружил несколько разбитых электрических лампочек — удивительно, как часто их бросают за борт с кораблей, дно Мирового океана усеяно ими — пустую бутылку из-под пива — то же самое! — и совершенно новый ботинок. Больше я ничего не нашел, поскольку вдруг обнаружил, что не один.

Я не выключаю эхолокатор, даже когда стою на месте, всегда раз в минуту бросаю взгляд на экран, чтобы оценить общую обстановку. На этот раз оказалось, что с севера ко мне приближается крупный объект, размером не меньше «Лобстера». Когда я его заметил, расстояние между нами составляло около ста пятидесяти метров и продолжало медленно сокращаться. Я выключил огни, остановил двигатели, которые работали на малом ходу, чтобы удерживать меня в потоке воды, и поплыл по течению.

Мне очень хотелось связаться с Шапиро и сообщить, что у меня появилась компания, но я решил подождать, пока не выяснятся новые подробности. Аппараты, способные работать на таких глубинах, имелись лишь у трех стран. Со всеми ними у меня сложились прекрасные отношения. Не было никакого смысла чересчур спешить, рискуя ввязаться в никому не нужные политические осложнения.

Несмотря на то что без локатора я чувствовал себя слепым, мне не хотелось сообщать о своем присутствии. Я с неохотой выключил его и положился на собственное зрение. Любой аппарат, работающий на такой глубине, должен был использовать прожектора. Я увидел бы свет задолго до того, как там смогли бы заметить меня, ждал в жаре и тишине маленькой кабины, напряженно всматривался в темноту, но особо не беспокоился.

Сперва я увидел вдали тусклое свечение, становившееся все ярче, но не желавшее обретать форму, которая могла бы показаться хоть как-то знакомой. Затем оно распалось на ми-

риады точек, превратившись в нечто похожее на созвездие, плывущее мне навстречу, облако из далекого мира, скрытого в самом сердце Млечного Пути.

Неправда, будто человек боится неизвестного. Его можно напугать только чем-то знакомым, уже пережитым. Я не мог представить, что именно двигалось ко мне, но ни одно морское создание не могло добраться до меня сквозь надежную пятнадцатисантиметровую швейцарскую броню.

Светящееся облако было уже совсем рядом. Вдруг оно распалось надвое, и я ощутил всю красоту и ужас того, что поднималось ко мне из бездны.

Сперва пришел ужас. Я узнал в приближающихся существах спрутов, и в моем мозгу вновь эхом отдались все рассказы Джо. Затем я с немалым облегчением понял, что длина их составляет всего около шести метров, то есть чуть больше «Лобстера», а вес — лишь малую долю от его собственного. Они не могли причинить мне никакого вреда. Ко всему прочему, их неописуемая красота заставляла забыть о какой-либо потенциальной угрозе.

Такое может показаться забавным, но это правда. Во время своих путешествий я повидал множество живых существ, но ни одно из них не могло сравниться с теми созданиями, что парили сейчас передо мной. Вдоль их тел пульсировали и плясали разноцветные огоньки, похожие на драгоценные камни. Их узор ни секунды не оставался одним и тем же, то вспыхивал ярко-голубыми ртутными разрядами, то сменялся неоново-красным. Щупальца походили на нити светящихся бус, тянущихся в воде, или фонарей на автострадах, когда смотришь на них ночью с самолета. На фоне яркого сияния едва виднелись огромные глаза, удивительно человеческие и разумные, каждый из которых окружала диадема из сверкающих жемчужин.

Увы, но лучше я вряд ли сумею описать то, что увидел. Лишь кинокамера могла бы во всей красе показать этот живой калейдоскоп. Не знаю, как долго я за ними наблюдал и

был настолько захвачен сверкающей красотой, что почти забыл о своей задаче. Очевидно было, что эти тонкие гибкие щупальца вряд ли могли сломать решетку. Однако само присутствие здесь этих существ казалось, скажем так, весьма необычным. Карпухин назвал бы его подозрительным.

Я уже собирался связаться с поверхностью, когда увидел нечто невероятное. Собственно, оно все время было у меня перед глазами, но смысл его я понял только сейчас.

Спруты переговаривались друг с другом.

Быстро меняющиеся светящиеся узоры возникали вовсе не случайно. Мне вдруг стало ясно, что в них не меньше смысла, чем в светящихся вывесках на Бродвее или Пикадилли. Каждые несколько секунд появлялась почти осмысленная картинка, но исчезала, прежде чем я успевал ее понять. Конечно, я знал, что даже обычный осьминог выражает свои эмоции молниеносной сменой цветов, но здесь имело место явление намного более высшего порядка. Это было настоящее общение. Два живых электронных табло передавали друг другу информацию.

Когда я увидел изображение собственного «Лобстера», которое ни с чем нельзя было спутать, рассеялись мои последние сомнения. Я не ученый, но в это мгновение испытывал те же чувства, что и Ньютон или Эйнштейн в миг своих открытий. Я мог стать знаменитым!..

Затем картинка удивительным образом изменилась. Снова появился «Лобстер», но на этот раз поменьше. Рядом с ним возникли два странных объекта, еще меньше. Каждый из них состоял из пары черных точек, окруженных десятью линиями, расходящимися в стороны.

Я уже говорил, что мы, швейцарцы, хорошо владеем языками. Однако не требовалось особого ума, чтобы понять, что это формализованное изображение самого себя, воспроизведенное спрутом. Передо мной был грубый набросок происходящего.

Но почему спруты такие маленькие?

Не успел я об этом подумать, как картинка снова изменилась. На живом экране появился третий стилизованный спрут. На этот раз он был огромен, настоящий гигант по сравнению с другими. Сообщение висело в вечной тьме несколько секунд, затем существо, изобразившее его, унеслось прочь с невероятной скоростью, оставив меня наедине со своим спутником.

Смысл всего этого был очевиден.

«Господи! — подумал я.— Они чувствуют, что им со мной не справиться, и решили позвать Большого Брата, о способностях которого я уже имею куда лучшее представление, чем Джо Уоткинс, несмотря на все его исследования и газетные вырезки».

Именно тогда — что, впрочем, не удивительно — я решил больше не медлить, но прежде чем уйти, попробовал поговорить немного сам.

После столь долгого висения в темноте я забыл о мощности своих прожекторов. Их свет ударил мне в глаза, а несчастному спруту, вероятно, причинил немалые страдания. Он был пригвожден к месту невыносимо ярким сиянием и моментально лишился всей своей красоты, превратился в не более чем студенистый мешок с двумя черными пуговицами глаз. Несколько мгновений кальмар висел неподвижно, будто парализованный, а затем устремился следом за своим товарищем, в то время как я начал подниматься на поверхность, в мир, который никогда не станет прежним.

— Я нашел вашего саботажника,— сказал я Карпухину, когда открылся люк «Лобстера».— Если хотите знать подробности, то спросите Джо Уоткинса.

Несколько секунд я наслаждался выражением лица Дмитрия, затем рассказал о том, что видел, кое-что подправив. Я намекнул, что спруты, которые мне встретились, вполне могли повредить решетку, и не упомянул ни словом о своеобразной беседе, которую наблюдал. Все равно никто мне не поверил бы. Кроме того, мне нужно было время, чтобы все обдумать и уточнить детали, если удастся.

Во многом мне помог Джо, хотя он до сих пор знает не больше русских. Он рассказал мне о том, что спруты обладают очень развитой нервной системой, и объяснил, каким образом некоторые из них могут молниеносно менять внешний вид благодаря удивительной сети хромофор, покрывающей их тела. Вероятно, эта способность возникла в процессе эволюции с целью маскировки, но кажется вполне естественным и даже неизбежным, что она должна была развиться в систему общения.

Но кое-что беспокоило Джо.

— Что они делали возле решетки? — постоянно расспрашивал он меня.— Они холоднокровные беспозвоночные. Следовало бы ожидать, что тепло им столь же неприятно, как и свет.

Однако меня, в отличие от Джо, этот вопрос не беспокоил. Я считал, что это и есть ключ ко всей загадке, был уверен в том, что эти спруты находились во впадине Тринко по той же причине, по которой люди оказывались на Южном полюсе или на Луне. Из своего ледяного дома их выгнало чистое научное любопытство, желание исследовать гейзер горячей воды, бьющий со дна каньона, странный и необъяснимый феномен, возможно угрожающий их жизни. Они позвали своего гигантского собрата — слугу? раба? — чтобы тот доставил им образец для изучения. Вряд ли есть хоть какая-то надежда на то, что они смогут понять его назначение. В конце концов, точно так же можно было сказать о любом земном ученом всего сто лет назад. Но они пытаются, и это главное.

Завтра мы начнем предпринимать контрмеры. Я снова спущусь во впадину Тринко, чтобы установить огромные прожектора, которые, как надеется Шапиро, заставят спрутов держаться на почтительном расстоянии. Но как долго будет действовать эта уловка, если в глубинах и в самом деле зарождается разум?

Диктуя эти записки, я сижу под древними укреплениями Форт-Фредерика и смотрю, как над Индийским океа-

ном восходит Луна. Если все пойдет хорошо, то они послужат началом для книги, которую Уоткинс уговаривает меня написать. Если нет, что ж!..

Привет, Джо! Я сейчас обращаюсь к тебе. Пожалуйста, отредактируй этот текст для публикации, как считаешь нужным. Приношу свои извинения тебе и Льву за то, что раньше не рассказал обо всем. Теперь ты понимаешь, почему я так поступил.

Что бы ни случилось, помни, это прекрасные, чудесные существа. Попытайся с ними договориться, если сможешь.

Кому: Министерство энергетики, Москва
От: Лев Шапиро, главный инженер
термоэлектростанции Тринкомали

Служебная записка

Далее следует полная расшифровка магнитной записи, найденной среди вещей герра Клауса Мюллера после его трагического погружения. Мы крайне признательны мистеру Джо Уоткинсу из «Таймс» за помощь, оказанную нам в некоторых отношениях.

Как вы помните, последнее разборчивое сообщение герра Мюллера было адресовано мистеру Уоткинсу и звучало так: «Джо! Ты был прав насчет Мелвилла! Это существо — настоящий гиг...»

Генри Купер провел на Луне почти две недели, прежде чем сообразил, что здесь что-то не так. Сначала это было всего лишь смутное подозрение, к которому опытный журналист, пишущий на темы научной фантастики, не станет относиться всерьез. В конце концов, он прибыл сюда по просьбе представителей Космической администрации Организации Объединенных Наций. КАООН всегда уделяла самое пристальное внимание проблемам связей с общественностью — в особенности в период утверждения бюджета, когда перенаселенный мир требовал освоения новых территорий, строительства дорог, школ, морских ферм и возмущался тем фактом, что огромные суммы вкладываются в исследования космоса без видимого результата.

И вот он здесь, во второй раз путешествует по Луне и отправляет своим работодателям статьи — по две тысячи слов в день. И хотя новизна впечатлений ушла, Купер не переставал поражаться чудесам загадочного мира размером с Африку, совершенно неизученного, несмотря на огромное количество карт. Всего в нескольких шагах от защитных куполов, лабораторий и космопортов начиналась зияющая пустота, которая еще много веков будет бросать человеку вызов.

Кое-какие районы казались Генри даже слишком хорошо знакомыми. Кто не видел покрытый пылью шрам Моря Имбриум, где стоит сверкающий металлический пилон с табличкой, на которой на трех земных языках написано:

УСТАНОВЛЕНО В 2001 ГОДУ.
ЗДЕСЬ 13 СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА
ПРИЗЕМЛИЛСЯ ПЕРВЫЙ
ПОСТРОЕННЫЙ РУКАМИ ЧЕЛОВЕКА ОБЪЕКТ,
ОТПРАВЛЕННЫЙ НА ДРУГУЮ ПЛАНЕТУ.

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

Купер уже побывал на могиле «Лунника II» и на более знаменитом кладбище, где похоронены люди, которые прилетели вслед за ним. Но все эти события успели стать далеким прошлым. Ведь Колумб и братья Райт давно канули в историю. Генри Купера интересовало будущее.

Когда он приземлился в космопорте Архимед, главный администратор бросился к нему навстречу с распростертыми объятиями и сообщил, что лично позаботится о том, чтобы журналист чувствовал себя на Луне как дома. Ему предоставили собственный транспорт, проводника и великолепные апартаменты. Он мог отправиться в любое место, куда только пожелает, задавать любые вопросы. КАООН ему доверяет, потому что его статьи всегда отличаются правдивостью и дружелюбием. Однако что-то здесь было не так, и Генри дал себе слово досконально во всем разобраться.

Он взял телефонную трубку и произнес:

— Оператор, соедините меня, пожалуйста, с департаментом полиции. Я хочу поговорить со старшим инспектором.

По всей видимости, у Чандры Кумарасвоми форма имелась, однако Купер ни разу его в ней не видел. Они встретились, как и договаривались, у входа в небольшой парк, являвшийся предметом гордости города Плутон. В эти утренние часы искусственного двадцатичетырехчасового «дня» здесь достаточно пустынно и можно спокойно поговорить.

Прогуливаясь по узким, усыпанным гравием дорожкам, они болтали о старых добрых временах, общих друзьях, с которыми вместе учились в колледже, о последних событиях межпланетной политики. Когда они оказались в самом центре парка, накрытого выкрашенным в голубой цвет куполом, Купер перешел к делу.

— Тебе известно все, что происходит на Луне, Чандра,— сказал он.— Естественно, ты знаешь, что я прилетел сюда, чтобы написать серию репортажей для КАООН,— надеюсь, что по возвращении на Землю мне удастся собрать их воедино и опубликовать книгу. Я хотел бы знать, почему практически все, с кем я встречаюсь, что-то от меня скрывают?

Торопить Чандру с ответом было бессмысленно. Он всегда тщательно обдумывал свои слова, которые, казалось, с трудом выбираются наружу, минуя мундштук его баварской трубки ручной работы.

— Кто скрывает? — спросил он наконец.

— Значит, ты ничего не знаешь?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил Чандра, покачав головой, и Купер поверил, что старший инспектор говорит правду.

Чандра мог промолчать, но он никогда не лгал.

— Я боялся, что ты ответишь именно так. Ну, в таком случае... если тебе известно не больше моего — вот единственный факт, который у меня имеется, и он меня пугает. Меня изо всех сил стараются не подпускать к лабораториям, где проводятся медицинские исследования.

— Хм.— Чандра вынул трубку изо рта и принялся ее внимательно изучать.

— Больше ничего не скажешь?

— Данных маловато, чтобы делать определенные выводы. Не забывай, я всего лишь полицейский. И не обладаю сильно развитым воображением, которым природа награждает всех журналистов.

— Знаешь, чем выше пост в отделе медицинских исследований занимают люди, с которыми я разговариваю, тем холоднее они себя ведут. Когда я прилетал сюда в прошлый раз, они держались очень доброжелательно, рассказали кучу интересных историй. А теперь мне даже не удается встретиться с директором медицинского центра. Он либо слишком занят и не может уделить мне ни минуты, либо находится на другом краю Луны. Кстати, что он собой представляет?

— Доктор Хейстингс? Неприятный тип. Очень хороший специалист, но работать с ним нелегко.

— Что он может скрывать?

— Зная тебя, могу предположить, что у тебя уже появилась парочка занимательных теорий.

— Ну, возможно, наркотики, какие-нибудь махинации, политический заговор — только в наше время все это звучит глупо. А потому остаются варианты, которые пугают меня до полусмерти.

Брови Чандры вопросительно поползли вверх.

— Межпланетная эпидемия,— пояснил Купер.

— Мне казалось, что такое невозможно.

— Да, я сам написал серию статей, доказывающих, что жизненные формы других планет обладают таким химическим строением, что не могут взаимодействовать с нами, и что всем нашим микробам и бактериям потребовался миллион лет, чтобы приспособиться к существованию в наших телах. Но я всегда сомневался в правоте такого предположения. Допустим, с Марса вернулся корабль и доставил к нам какую-нибудь страшную гадость, с которой врачи не в силах справиться.

Наступило долгое молчание, в конце концов прерванное Чандрой:

— Я начну расследование. Что-то мне это тоже не нравится. К тому же, возможно, ты не знаешь, но за последний месяц среди медиков случилось три нервных срыва — что весьма и весьма необычно.

Он посмотрел на часы, затем на искусственное небо, которое казалось таким далеким, хотя и находилось всего в шестидесяти метрах у них над головами.

— Пойдем-ка отсюда,— сказал он.— Через пять минут начнется утренний ливень.

Звонок разбудил Купера ночью через две недели — настоящей лунной ночью. Согласно часам города Плутон, было воскресное утро.

— Генри, это Чандра. Мы можем встретиться через полчаса у воздушного шлюза номер пять? Хорошо. Жду тебя.

Купер сразу понял: Чандре удалось что-то узнать, поскольку воздушный шлюз номер пять означал, что они намереваются покинуть купол.

Разговаривать в присутствии полицейского, который управлял гусеничной машиной, мчащейся из города по некоему подобию дороги, проложенной бульдозерами в лунной пыли, они не могли. На южном горизонте висела Земля и проливала свой сверкающий сине-зеленый свет на инфернальный пейзаж. Как ни старайся, сказал как-то раз себе Купер, Луну невозможно представить ярким светилом. Впрочем, природа тщательно хранит свои тайны, и людям еще предстоит их открыть.

На изрезанном неровными линиями горизонте исчезли многочисленные купола города, и через некоторое время они свернули с главной дороги на едва различимую тропинку. Прошло еще десять минут, и Купер увидел впереди сверкающую полусферу, которая стояла на одиноком скалистом уступе. Около нее замерла машина с красным крестом. Получалось, что они здесь не единственные посетители.

Кроме того, их явно ждали. Как только они подъехали к куполу, появилась гибкая труба воздушного шлюза, которая обхватила их автомобиль. Раздалось короткое шипение, давление выровнялось, и Купер последовал за Чандрой в здание.

Оператор воздушного шлюза провел их по извивающимся коридорам и пересекающим их проходам в самый центр купола. Время от времени они проходили мимо пустующих в это воскресное утро лабораторий, каких-то приборов, компьютеров — все самое обычное, ничего особенного. Вскоре проводник завел их в большую круглую комнату и тихо прикрыл за ними дверь.

Они попали в маленький зоопарк. Повсюду стояли клетки, аквариумы, банки, в которых содержались самые разные представители земной фауны. Гостей встречал невысокий седовласый человек с несчастным и обеспокоенным выражением на лице.

— Доктор Хейстингс,— сказал Кумарасвоми.— Позвольте представить вам мистера Купера.

Старший инспектор повернулся к своему спутнику и добавил:

— Я убедил доктора, что есть только один способ тебя успокоить — рассказать все.

— По правде говоря,— сказал Хейстингс,— не уверен, что происходящее по-прежнему следует хранить в тайне.

Голос у него дрожал, и Купер заметил, что он с трудом держит себя в руках. Так-так, скоро нас ждет еще один нервный срыв!

Ученый не стал тратить время на такие формальности, как рукопожатие, а просто подошел к одной из клеток, вынул из нее маленький мохнатый комочек и протянул Куперу.

— Знаете, кто это? — резко спросил он.

— Конечно. Хомяк — стандартное лабораторное животное.

— Верно,— подтвердил Хейстингс,— самый обычный золотистый хомяк. Только вот этому экземпляру исполнилось пять лет — как и всем остальным его собратьям по клетке.

— И что тут необычного?

— А ничего, совсем ничего... если не считать такой мелочи, как тот факт, что хомяки живут всего два года. У нас тут есть такие, которым уже исполнилось десять.

Несколько мгновений никто ничего не говорил, но в комнате слышались шуршание, шорох, скрежет, тоненькие голоса животных.

— Боже праведный, вам удалось найти способ продлить жизнь,— прошептал Купер.

— Ничего подобного,— возразил Хейстингс.— Мы к этому не имеем никакого отношения. Луна нам его подарила... и, будь мы не так близоруки, могли бы и сами догадаться.

Казалось, ему удалось взять себя в руки — словно он снова стал ученым, которого привело в восторг потрясающее

открытие — вне зависимости от его последствий для человечества.

— На Земле,— сказал он,— мы всю жизнь сражаемся с гравитацией. Она истощает наши силы, расслабляет мышцы, меняет форму желудка. Как вы думаете, сколько тонн крови наше сердце прогоняет по кровеносным сосудам за семьдесят лет и сколько всего получается километров? Эта работа и напряжение снижены здесь, на Луне, в шесть раз. Человек весом в восемьдесят килограммов на Луне весит всего тринадцать с половиной.

— Понятно,— медленно протянул Купер.— Хомяки прожили десять лет,— а сколько же тогда отведено человеку?

— Закон, который здесь действует, не так прост,— ответил Хейстингс.— Очень многое зависит от размеров и вида живого существа. Еще месяц назад мы не смогли бы определенно ответить на ваш вопрос. Сейчас мы твердо знаем, что на Луне человек может прожить около двухсот лет — по меньшей мере.

— И вы хранили свое открытие в тайне!

— Идиот! Неужели вы не понимаете?

— Успокойтесь, доктор, не стоит так волноваться,— мягко проговорил Чандра.

Сделав над собой усилие, Хейстингс снова взял себя в руки и продолжал говорить с таким ледяным спокойствием в голосе, что его слова жалили, словно замерзающие на холодном ветру капли дождя.

— Представьте себе тех, кто там живет.— Он показал рукой на купол, в сторону невидимой Земли, о присутствии которой никто на Луне не забывал.— Их шесть миллиардов, они заполонили все континенты и теперь пытаются заселить даже моря. А здесь...— Он ткнул пальцем в пол.— Нас всего сто тысяч и целый пустой мир. Но, чтобы существовать в этом мире, нам требуются чудеса техники и инженерного искусства, а человек с уровнем интеллектуального развития ниже ста пятидесяти никогда не найдет здесь работу.

И вот мы обнаружили, что можем прожить двести лет. Подумайте, как они отнесутся к такому известию? Теперь проблема в ваших руках, мистер журналист: вы сами напросились, вот и выпутывайтесь. Только скажите мне, пожалуйста, как вы намереваетесь сообщить им потрясающую новость?

Он ждал ответа довольно долго. Купер открыл было рот, но тут же его закрыл, не в силах ничего придумать.

В дальнем углу комнаты заплакал детеныш обезьяны.

Четверть миллиарда людей в одно и то же мгновение подняли телефонную трубку и в течение пары секунд держали ее возле уха, кто удивленно, кто раздраженно. Разбуженные посреди ночи, они предполагали, что какой-то знакомый, живущий где-то далеко, желает с ними связаться при помощи спутниковой телефонной сети, которую с величайшей помпой и рекламой предоставили накануне в пользование всем жителям Земли. Но телефоны молчали. В трубке слышался лишь звук, многим напомнивший шум моря, у других же он ассоциировался с дрожанием струн арфы на ветру. Третьим казалось, будто они слышат таинственный шум крови, пульсирующей в жилах, запомнившийся с детства и раздающийся в раковине, приложенной к уху. Впрочем, что бы это ни было, оно длилось не больше двадцати секунд, после чего снова раздался обычный сигнал телефонной станции.

Абоненты телефонной сети во всем мире выругались, пробормотали: «Наверное, кто-то ошибся номером», и повесили трубки. Вскоре об этом пустячном событии забыли все, за исключением тех, в чьи обязанности входило выяснение подобных проблем.

В Научно-исследовательском институте связи в Лондоне спор на эту тему шел все утро, но так ни к чему и не привел. Даже в обеденный перерыв, когда проголодавшиеся инженеры отправились в соседнее кафе, обсуждение не прекращалось ни на минуту.

— Я утверждаю, что это был временный скачок напряжения, вызванный включением спутниковой сети,— наста-

© Перевод К. Плешкова.

ивал Вилли Смит, специалист по твердотельной электронике.

— Наверняка какая-то связь со спутниками есть,— согласился Жюль Райнер, проектировщик схем, и зевнул во весь рот.— Но откуда взялась временна́я задержка? Спутниковую сеть подключили в полночь, а телефонный звонок раздался два часа спустя, что мы все ощутили на себе.

— А вы что об этом думаете, доктор? — спросил Боб Эндрюс, программист.— Вы за все утро почти ничего не сказали. Наверняка у вас есть какие-то соображения.

Доктор Джон Уильямс, руководитель математического отдела, беспокойно пошевелился.

— Да,— ответил он.— Соображения есть. Но боюсь, что... вы не воспримете их всерьез.

— Не страшно. Даже если ваша идея столь же безумна, как те научно-фантастические рассказы, которые вы пишете под псевдонимом, может, появится хоть какая-то зацепка.

Уильямс покраснел, но не слишком смутился. О его литературном творчестве было известно всем, и, собственно, он вовсе этого не стыдился. Его рассказы были изданы в виде сборника, который распродавался по пять шиллингов. У него еще оставалась пара сотен экземпляров.

— Хорошо,— сказал он, что-то машинально рисуя на скатерти.— Есть один вопрос, над которым я ломаю голову уже много лет. Вы когда-нибудь задумывались над аналогией между автоматической телефонной сетью и человеческим мозгом?

— Что же в том нового? — удивился один из слушателей.— Это известно еще, наверное, со времен Грэхема Белла.

— Возможно. Я вовсе не претендую на оригинальность, хочу лишь сказать, что пришло время воспринимать это сравнение всерьез.

Он искоса бросил раздраженный взгляд на лампы дневного света, закрепленные над столом. В туманный зимний день без них было не обойтись.

— Что творится с этими проклятыми лампами? Они моргают уже пять минут подряд!

— Да какая разница? Наверное, Мэйзи забыла заплатить за электричество. Ждем продолжения вашей теории.

— Большинство из того, что я собираюсь сказать,— не теория, но очевидный факт. Мы знаем, что человеческий мозг представляет собой систему переключателей, нейронов, соединенных друг с другом весьма сложным образом. Автоматическая телефонная станция — тоже система переключателей, селекторов и так далее, соединенных между собой проводами.

— Согласен,— сказал Смит.— Но это не слишком подходящая аналогия. В мозгу ведь около пятнадцати миллиардов нейронов, то есть намного больше, чем переключателей на АТС.

Ответ Уильямса прервал рев низко летящего реактивного самолета. Людям пришлось подождать, пока все кафе перестанет вибрировать от звука, прежде чем они смогли продолжить разговор.

— Никогда не слышал, чтобы они летали так низко,— пробормотал Эндрюс.— Я думал, это против правил.

— Наверняка так, но нам-то какое дело? Диспетчерская служба аэропорта сама с ним разберется.

— Сомневаюсь,— сказал Райнер.— Ведь именно она и ведет на посадку этот «Конкорд». Но я тоже не припомню, чтобы самолеты летали вот так. Рад, что меня там нет.

— Черт побери, перейдем мы наконец к делу или нет? — раздраженно вмешался Смит.

— Что касается числа нейронов в человеческом мозгу, то вы правы,— спокойно продолжал Уильямс.— Именно в этом суть. Кажется, будто пятнадцать миллиардов — очень много, но это не так. Уже примерно в тысяча девятьсот шестидесятом году на АТС во всем мире было больше отдельных переключателей. Сегодня — приблизительно впятеро!

— Понятно,— медленно проговорил Райнер.— Значит, вчера, когда начала действовать спутниковая сеть, все АТС во всем мире полностью соединились друг с другом.

— Именно это я и хотел сказать.

Наступила тишина, лишь где-то вдали слышалась пожарная сирена.

Наконец Смит заявил:

— Давайте говорить прямо. Вы утверждаете, что всемирная система телефонной связи теперь стала гигантским мозгом?

— Это слишком грубо и, я бы сказал, антропоцентрично. Я предпочитаю мыслить в категориях критической массы.— *Уильямс положил руки на стол, слегка сжал кулаки.*— Представим себе два куска урана-двести тридцать пять. Пока я держу их на расстоянии друг от друга, ничего не происходит. *Но стоит их соединить, и мы получим нечто совсем иное,* нежели один кусок урана побольше.— Он свел руки.— Результатом будет воронка в земле шириной в километр. Так же и с нашими телефонными сетями. До сегодняшнего дня они были в немалой степени независимы, автономны, но теперь, когда мы увеличили количество соединений, стали единым целым. Количество перешло в качество, мы достигли критической массы.

— Но что, собственно, означает в нашем случае это понятие? — спросил Смит.

— За неимением лучшего слова оно означает сознание.

— Странный разум,— заметил Райнер.— Что является его органами чувств?

— Например, все радио- и телевизионные станции мира станут для него источником информации. Они уж точно дадут ему множество пищи для размышлений! Кроме того, разнообразные данные, хранящиеся в памяти компьютеров, к которым у него будет доступ, так же как к электронным библиотекам, радарным установкам, телеметрии на автоматизированных промышленных предприятиях. Органов чувств ему более чем хватит! Мы не в состоянии даже представить себе такую вот картину мира, но, полагаю, она будет куда богаче и сложнее нашей.

— Допустим, что все это правда, тем более что идея весьма занимательная,— сказал Райнер.— Но в таком случае что

эта система могла бы еще делать, кроме как мыслить? Ведь двигаться она не может, у нее нет конечностей.

— А зачем ей двигаться? Ведь она находилась бы сразу повсюду! Любое дистанционно управляемое электронное оборудование на планете заменит ей конечности.

— Теперь я понимаю, из-за чего была временная задержка,— вмешался Эндрюс.— Это чудо было зачато в полночь, но родилось только в час пятьдесят минут ночи. Так что звук, *который разбудил нас, был первым криком новорожденного.*

Эндрюс явно хотел пошутить, но голос его прозвучал неубедительно, *и никто даже не улыбнулся. Лампы над столом* продолжали раздражающе моргать. Казалось, будто свет их становится все слабее.

В это мгновение распахнулась дверь и в кафе ворвался Джим Смолл из отдела снабжения.

— Смотрите, парни,— рассмеялся он, размахивая листком бумаги.— Я богач! Когда-нибудь видели такой банковский баланс?

Доктор Уильямс взял у него банковскую выписку, бросил взгляд на колонку цифр и прочитал вслух:

— Кредит девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч восемьсот девяносто семь фунтов восемьдесят семь пенсов. Ничего удивительного,— сказал он на фоне всеобщего веселья.— Вероятно, это означает долг в сто два фунта, а компьютер, видимо, слегка ошибся и приписал остальные цифры. Такое случается постоянно, особенно с тех пор, как банки перешли на десятичную систему.

— Знаю,— ответил Джим.— Но не портите мне удовольствие. Я как раз иду в банк проверить эту выписку. Но что случилось бы, если бы на ее основании я выписал себе чек всего лишь на миллиончик? Как думаете, можно было бы обвинить банк во введении клиента в заблуждение?

— Ни за что в жизни,— сказал Райнер.— Уверен, что банки предусмотрели такую возможность и уже много лет за-

щищены от подобных обвинений какими-нибудь пунктами, набранными мелким шрифтом. Кстати, а когда вы получили эту выписку?

— С дневной почтой. Она пришла прямо в институт, так что у моей жены не было возможности в нее заглянуть.

— Значит, компьютер напечатал ее сегодня рано утром. Наверняка после полуночи...

— К чему вы клоните? Почему у вас у всех такие мрачные физиономии?

Никто не ответил. Все думали о том же самом. Мысли людей мчались, словно свора гончих, преследующих зайца.

— Кто из вас разбирается в том, как работают автоматические банковские системы? — спросил Смит.— Каким образом они связаны друг с другом?

— Как и все остальное в наше время,— ответил Боб Эндрюс.— Все они находятся в одной и той же сети. Компьютеры всего мира постоянно обмениваются информацией. Кстати, вам на заметку, Джон. Если серьезные проблемы и в самом деле начнутся, то в первую очередь их следует ожидать в банковской системе. Естественно, не считая телефонной сети.

— Никто не ответил мне на вопрос, который я задал, прежде чем пришел Джим,— пожаловался Райнер.— Я спрашивал о том, чем вообще занимался бы этот сверхразум? Как он вел бы себя по отношению к людям — дружественно, враждебно, безразлично? Отдавал бы он вообще себе отчет в нашем существовании или же единственной реальностью считал бы электрические сигналы?

— Вижу, вы начинаете мне верить,— с мрачным удовлетворением заметил Уильямс.— На ваш вопрос я могу ответить только другим вопросом. Чем занимается новорожденный? Начинает искать еду.

Он посмотрел на тускнеющие лампы дневного света.

— Господи! — проговорил Джон, словно ему в голову вдруг пришла некая мысль.— Есть только одна пища, в которой эта система могла бы нуждаться,— электричество!

— Вы уже чересчур далеко зашли со своей чушью,— не выдержал Смит.— Что, черт побери, с нашим обедом? Мы заказали его уже минут двадцать назад.

Никто не ответил.

— Потом дитя начинает оглядываться вокруг, распрямлять руки и ноги,— продолжил Райнер слова Уильямса с того места, где тот остановился.— Оно начинает играть, как любой растущий ребенок.

— А дети ломают игрушки,— очень тихо сказал кто-то.

— Одному богу известно, сколько у него может быть таких игрушек. Например, тот «Конкорд», который только что пролетел над нами, или автоматизированное производство, светофоры на дорогах.

— Забавно, что вы об этом упомянули,— вмешался Смолл.— Что-то случилось там, на улице. Движение остановилось минут десять назад, а то и больше. Похоже на серьезную пробку.

— Кажется, где-то пожар. Только что выла сирена.

— Я слышал две, кроме того — нечто похожее на взрыв, где-то в районе заводов. Надеюсь, ничего серьезного.

— Мэйзи! Есть у вас какие-нибудь свечи? Ничего не видно!

— Я только что вспомнил, что в этом заведении полностью электрифицированная кухня. Так что мы получим холодный обед, если вообще что-нибудь получим.

— Если уж приходится ждать, то, может, прочитаем, что пишут в газете? Вы ведь, кажется, принесли последний номер, Джим?

— Да, но у меня не было времени его проглядеть. Гм... да. В самом деле похоже на то, что сегодня утром произошло множество странных случаев. Не работала железнодорожная сигнализация, лопнула главная водопроводная магистраль из-за отказа запорного клапана. Десятки жалоб на ошибочное телефонное соединение вчера ночью...

Он перевернул страницу и внезапно замолчал.

— Что такое?

Не говоря ни слова, Смолл протянул остальным газету. Текст был осмысленным только на первой полосе. Остальные представляли собой беспорядочную мешанину печатных знаков, среди которых тут и там, словно островки смысла в море абсурда, виднелись несколько неуместно выглядевших рекламных объявлений. Вероятно, их вставили в текст в виде независимых блоков, и потому они не подверглись искажению до неузнаваемости, как все то, что их окружало.

— Вот до чего довели нас удаленный набор текста и передача матриц по фототелеграфу,— проворчал Эндрюс.— Видимо, на Флит-стрит сложили слишком много яиц в одну корзину.

— Боюсь, мы все совершили ту же ошибку, поступив точно так же,— мрачно проговорил Уильямс.

— Позвольте мне вставить свое слово, чтобы остановить массовую истерию, которая, похоже, охватывает всех, кто сидит за этим столиком,— громко и решительно произнес Смит.— Хотел бы обратить ваше внимание, что даже если изобретательная фантазия Джона — правда, то это еще не повод отчаиваться. Достаточно просто отключить спутники, и мы вернемся к тому же положению дел, что и вчера.

— То есть провести лоботомию,— пробормотал Уильямс.— Я уже думал об этом.

— Что? А, ну да, вырезать кусок мозга. Несомненно, это сработает, хотя и обойдется недешево. Нам придется вернуться во времена, когда люди посылали друг другу телеграммы. Но цивилизация уцелеет.

Где-то неподалеку послышался грохот взрыва.

— Не нравится мне все это,— нервно проговорил Эндрюс.— Послушаем, что скажет наше старое доброе Би-си-си. Как раз начинаются часовые новости.

Он достал из портфеля транзисторный радиоприемник и поставил на стол.

«...беспрецедентное количество несчастных случаев на производстве, а также необъяснимый запуск трех залпов управляемых ракет с военных установок в Соединенных

Штатах. В нескольких аэропортах отменены полеты по причине странного поведения радаров. Закрыты банки и биржи из-за непредсказуемых ошибок в работе информационных систем...»

— Кому вы это говорите?..— пробормотал Смолл, на которого зашикали все остальные.

«Одну минуту! Поступили последние новости. Как нам только что сообщили, мы утратили всякий контроль над недавно установленными спутниками связи. Они не реагируют на команды, посылаемые с Земли. Судя по...»

Радиоприемник смолк, не было слышно даже помех. Эндрюс потянулся к ручке настройки и покрутил ее. На всем диапазоне в эфире царила тишина.

В голосе Райнера послышались истерические нотки:

— Ваша идея насчет лоботомии была не так уж плоха, Джон. Жаль, что наш малыш уже сам об этом подумал.

Уильямс медленно поднялся.

— Давайте вернемся в лабораторию,— сказал он.— Должен ведь найтись какой-то способ...

Но он знал, что уже поздно. Слишком поздно!

По человечеству погребальным колоколом прозвонил телефон.

Снасти дрожали от натуги: межпланетный ветер уже наполнил огромный круглый парус. До старта оставалось три минуты, а у Джона Мертона на душе были мир и покой, какого он целый год не испытывал. Что бы ни случилось, когда коммодор даст сигнал стартовать, главное будет достигнуто — независимо от того, приведет его «Диана» к победе или к поражению. Всю жизнь он конструировал для других; теперь наконец-то сам поведет свой корабль.

— Две минуты до старта,— сказал динамик.— Прошу подтвердить готовность.

Один за другим отвечали капитаны. Мертон узнавал голоса, то взволнованные, то спокойные,— голоса его друзей и соперников. На четырех обитаемых планетах наберется от силы два десятка человек, умеющих управлять солнечной яхтой, и все они сейчас здесь — кто на линии старта, кто на борту эскортирующих судов — кружатся вместе по орбите в сорока тысячах километров над экватором.

— Номер один, «Паутина», готов!

— Номер два, «Санта-Мария», все в порядке.

— Номер три, «Солнечный луч», порядок.

— Номер четыре, «Вумера», все системы в норме.

Мертон улыбнулся, услышав этот отголосок старины. Так докладывали еще на заре космонавтики, и это вошло в свод традиций. Бывают случаи, когда человеку хочется вызвать к жизни тени тех, кто до него уходил к звездам.

— Номер пять, «Лебедев», мы готовы.

— Номер шесть, «Арахна», порядок.

© Перевод Л. Жданова.

Теперь очередь его, замыкающего. Странно подумать, что слова, которые он произнесет в этой маленькой кабине, услышат пять миллиардов людей.

— Номер семь, «Диана», готов к старту.

— Подтверждаю с первого по седьмой,— ответил безличный голос с судейского катера.— До старта одна минута.

Мертон слушал вполуха; он в последний раз проверял натяжение фалов. Стрелки всех динамометров замерли неподвижно, зеркальная гладь исполинского паруса блестела и искрилась на солнце.

Невесомо парящему у перископа Мертону казалось, что парус заслонил все небо. Ничего удивительного — пять миллионов квадратных метров соединено с его капсулой сотней километров такелажа. Если бы сшить вместе паруса всех клиперов, какие в прошлом белыми тучками летели над Индийским океаном, то и тогда они не сравнялись бы с парусом, в который «Диана» ловила солнечный ветер. А вещества в нем чуть больше, чем в мыльном пузыре: толщина этих пяти квадратных километров алюминированного пластика всего лишь несколько миллионных сантиметра.

— До старта десять секунд. Все съемочные камеры включить.

Такой огромный и вместе с тем такой хрупкий — уму непостижимо! Еще труднее освоиться с мыслью, что это тончайшее зеркало одной только силой уловленных им солнечных лучей может оторвать «Диану» от Земли.

— ...пять... четыре... три... два... один... руби!

Семь сверкающих ножей перерезали семь тонких линий, привязывавших яхты к базам, на которых их собрали и обслуживали. До этой секунды все в строгом строю летели вокруг Земли; теперь яхты начнут расходиться, словно влекомые ветром семена одуванчика. Победит та, которая первой достигнет орбиты Луны.

На «Диане» как будто ничего не изменилось. Но Мертон знал, что это не так. Хотя он не ощущал тяги, приборная доска говорила ему, что ускорение приближается к одной

тысячной *g*. Для ракеты смехотворно мало, но для солнечных яхт это было рекордом. «Диана» хорошо сконструирована, огромный парус оправдывает надежды, которые он на него возлагал. При таком ускорении после двух кругов он разовьет достаточную скорость, чтобы покинуть околоземную орбиту. А затем, подгоняемый всей мощью Солнца, пойдет курсом на Луну.

Вся мощь Солнца. Он усмехнулся, вспоминая, как пытался растолковать на лекциях там, на Земле, что такое солнечный ветер. Тогда лекции были для него единственным способом заработать деньги на свои личные опыты; он был главным конструктором «Космодайн корпорейшн», создал немало космических кораблей, но его хобби фирму не увлекало.

— Протяните ладони к Солнцу,— говорил он.— Что вы чувствуете? Тепло, конечно. Но кроме него есть еще давление. Правда, такое слабое, что вы его не замечаете. На площадь ваших ладоней приходится всего около одной миллионной унции. Но в космосе даже такая малая величина играет роль, потому что она действует все время, час за часом, день за днем. И запас энергии, в отличие от ракетного горючего, не ограничен. При желании можно ее использовать. Мы можем создать паруса, которые будут улавливать солнечное излучение.

Тут он доставал кусок легкой материи в несколько квадратных метров и подбрасывал его в воздух. Влекомая теплыми токами воздуха, серебристая пленка, струясь и извиваясь, словно дым, медленно всплывала к потолку.

— Видите, какая легкая,— продолжал Мертон.— Квадратная миля весит только одну тонну, а лучевое давление на такую площадь достигает двух с половиной килограммов. Парус будет двигаться, и нас потянет, если мы его запряжем. Конечно, ускорение будет очень мало, около одной тысячной *g*. На первый взгляд пустяк, но посмотрим, что это значит. За секунду мы продвинемся на полсантиметра. Обычная улитка и то проходит больше. Но уже через минуту мы покроем

около двух метров и разовьем скорость более почти два километра в час. Неплохо для аппарата, который приводится в движение солнечным светом! За час мы удалимся от исходной точки на семьдесят километров, скорость достигнет ста сорока километров в час. Не забывайте, в космосе нет трения. Стоит что-нибудь стронуть с места, потом так и будет лететь. Вы удивитесь, когда я вам скажу, что такое одна тысячная *g*: за сутки парусник разовьет скорость три с половиной тысячи километров в час. Если стартовать с околоземной орбиты — а другого способа нет,— за два дня будет достигнута вторая космическая скорость. И все это без единой капли горючего.

Он убедил своих слушателей: в конце концов ему удалось убедить и «Космодайн». За последние двадцать лет возник и развился новый спорт. Его, не без оснований, называли спортом миллиардеров, но теперь он стал окупаться благодаря печати и телевидению. Взять, к примеру, нынешние гонки: на карту поставлен престиж четырех континентов и двух планет, и число зрителей превзошло все рекорды.

«Диана» хорошо начала гонки; теперь можно взглянуть и на соперников. Соблюдая предельную осторожность (надежные амортизаторы отделяли капсулу от тонких снастей, но он предпочитал не рисковать), Мертон переместился к перископу.

Вот они, будто невиданные серебристые цветки среди черных полей космоса. Ближе всех — каких-нибудь девяносто километров — южноамериканская «Санта-Мария», очень похожая на воздушного змея, только размеры не те: длина стороны — два километра. Несколько дальше — «Лебедев», сконструированный Астроградским университетом и напоминающий мальтийский крест; четыре крыла по его краям, очевидно, можно поворачивать для перемены курса. «Вумера», снаряженная Федерацией Австралазии,— обыкновенный парашют семи километров в поперечнике. «Арахна» (яхта Главного космического комбината), в полном соответствии со своим именем, похожа на паутину и собрана

по тому же принципу: из центра по спирали расходятся автоматически управляемые перепонки. Точно так же, только размером поменьше, сделана «Паутина» Еврокосмоса. Присланный Марсианской республикой «Солнечный луч» представлял собой плоское кольцо с километровым отверстием; кольцо медленно вращается, и центробежная сила придает ему устойчивость. Идея старая, но никому еще не удавалось успешно осуществить ее. Мертон мог бы поклясться, что экипаж помучается с парусом, когда надо будет поворачивать.

Правда, осталось еще шесть часов до той поры, когда яхты завершат первую четверть своего медленного, величавого полета по суточной орбите. Сейчас, в самом начале гонок, они идут от Солнца, так сказать, с попутным солнечным ветром. Надо выжать все из этого галса, пока яхты не обогнут Землю и Солнце не окажется впереди.

На этой стадии навигация не требовала от него внимания, и Мертон решил сделать первую проверку. Он тщательно осмотрел парус, подолгу останавливая перископ на точках, где снасть крепилась к парусу. Фалы — узкие полосы неметаллизированной пластиковой пленки были бы совсем невидимы, если бы не флюоресцирующая краска. Сейчас они казались протянувшимися на сотни метров упругими разноцветными лучами; каждая пленка управлялась своим электрическим брашпилем, чуть больше катушки спиннинга. Эти крохотные брашпили непрерывно вращались, то выдавая, то выбирая фалы по команде автопилота, который держал парус под нужным углом к Солнцу.

Нельзя не залюбоваться переливами солнечных лучей на этом исполинском гибком зеркале... Оно медленно колыхалось, вибрировало, и множество отражений светила бежало по нему, теряясь у кромки паруса. Эта вибрация неизбежна; как правило, она ничем не грозила хрупкой конструкции, но Мертон был начеку. Иногда колебание переходит в зловещее биение, от которого парус рвется в клочья.

Убедившись, что все в порядке, он снова стал ловить перископом своих соперников. Как он и думал, «прополка» уже

идет, менее совершенные яхты отстают. Но настоящая проверка их качеств начнется, когда они войдут в тень Земли и маневренность будет играть такую же роль, как скорость.

Казалось бы, не самое сейчас подходящее время — гонки только что начались,— но не худо было вздремнуть. На других яхтах по два человека, они могут чередоваться, а Мертона некому подменить. Он может положиться лишь на свои собственные силы, как Джошуа Слокум, который в одиночку провел вокруг света свою крохотную «Спрэй».

Мертон пристегнул к креслу ноги и пояс эластичными ремнями, потом надел на лоб электроды усыпляющего устройства. Включил реле времени на три часа и закрыл глаза.

Электрические импульсы нежно гладили лобные доли мозга; перед глазами, навевая сон, поплыли цветные спирали.

— Номер шесть, «Арахна», порядок.

Назойливый сигнал тревоги вырвал его из крепкой хватки сна.

Он тотчас скользнул взглядом по приборной доске. Прошло всего два часа, но над акселерометром мигал красный огонек. Пропала тяга, «Диана» теряла скорость.

Первой мыслью Мертона было — что-то с парусом! Наверно, отказало противовращательное устройство и запутались фалы. Он посмотрел на приборы, отмечающие натяжение снастей. Странно: один край паруса в полном порядке, зато вдоль другого края приборы показывают ослабление тяги.

Вдруг Мертона осенило, и он прильнул к перископу. Ну конечно, в этом вся закавыка.

Огромная, резко очерченная тень наползала на отливающий серебром парус. Мрак грозил окутать «Диану», словно между ней и Солнцем появилась туча. А в темноте, без солнечных лучей, яхта потеряет скорость и начнет беспомощно дрейфовать.

Но какие же тучи здесь, в сорока тысячах километров от Земли? Если появилась тень, она создана человеком.

Усмехнувшись, Мертон навел перископ на Солнце; одновременно он установил фильтры, позволяющие без вреда для глаз смотреть на ослепительный лик светила.

— Маневр четыре-а,— пробурчал он.— Ладно, посмотрим, кто кого.

Казалось, огромная планета наползает на солнечный диск, уже накрыла его край черным сегментом. Это «Паутина», шедшая в тридцати пяти километрах за Мертоном, пыталась специально для «Дианы» сотворить искусственное затмение.

Вполне дозволенный прием. В старину, когда устраивали парусные гонки на море, капитаны частенько старались перехватить друг у друга ветер.

Но Мертон не думал легко сдаваться. Настал миг для контрдействий.

Маленькая счетная машина «Дианы» — всего со спичечный коробок, но заменяет тысячу вычислителей — подумала ровно секунду, после чего выдала ответ. Придется с помощью панелей управления 3 и 4 развернуть парус под углом двадцать градусов; тогда световое давление вынесет его из опасной тени «Паутины» и откроется все Солнце. Жалко нарушать работу автопилота, тщательно запрограммированного с таким расчетом, чтобы обеспечить высшую скорость, но на то он и сидит здесь. Благодаря таким вот минутам солнечные гонки остаются спортом, а не поединком электронных машин.

Он вытравил лини 1—6. Натяжение сразу ослабло, и они начали извиваться, словно сонные змеи. В трех километрах от капсулы медленно приоткрылись треугольные секции, пропуская солнечный свет. Но еще долго все оставалось по-прежнему. Трудно привыкнуть к этому миру замедленного движения, где проходит несколько минут, прежде чем твои действия производят зримый эффект. Наконец Мертон увидел, что парус наклонился к Солнцу: тень «Паутины» отступила, и темный конус растворился в космическом мраке.

Задолго до того, как тень ушла совсем и Солнце очистилось, он выровнял парус и вернул «Диану» на прежний курс. Инерция вынесет яхту из опасной полосы, незачем перебарщивать и ломать все расчеты, вильнув слишком далеко в сторону. Вот еще правило, которое нелегко усвоить: едва ты начал какой-нибудь маневр в космосе, как уже пора думать о его прекращении.

Он снова включил сигнальное реле, готовый преодолеть любое — естественное или подстроенное — препятствие; может быть, «Паутина» или кто-нибудь другой из соперников попробуют повторить этот трюк. А пока можно и перекусить, хотя особенного голода он не ощущал. В космосе расход физических сил невелик, немудрено забыть про еду. Но это опасно: в случае неожиданных затруднений может не хватить энергии, чтобы справиться с ними.

Он вскрыл первый пакет с едой и без особого восторга изучил его содержимое. Одного названия «Космопаек» достаточно, чтобы отбить аппетит... И он не очень-то полагался на вторую надпись: «Отсутствие крошек гарантируется». А крошки, говорят, для космического экипажа опаснее метеоритов. Летая по кабине, они могут вызвать короткое замыкание, закупорить важные каналы, проникнуть в приборы, которые считаются вполне герметичными.

Как бы то ни было, он с удовольствием проглотил ливерную колбасу, а за ней шоколад и ананасное пюре. Пластиковый кофейник уже согрелся на электроплитке, когда уединение Мертона было нарушено голосом радиста с коммодорского катера.

— Доктор Мертон? Если вы не заняты, с вами хотел бы поговорить Джереми Блер.

Блер слыл одним из самых умных комментаторов; Мертон не раз выступал в его программах.

— Согласен,— ответил он.

— Здравствуйте, доктор Мертон,— немедля вступил комментатор.— Рад, что вы можете уделить нам несколько минут. Позвольте вас поздравить — похоже, вы идете впереди.

— Об этом пока слишком рано судить,— осторожно отозвался Мертон.

— Скажите, доктор, почему вы решили вести яхту в одиночку? Потому что до вас этого никто не делал?

— А разве это не уважительная причина? Но дело, конечно, не только в этом.— Он помолчал, подбирая слова.— Вы знаете, как сильно ход солнечной яхты зависит от ее массы. Второй человек да еще все запасы для него — это лишних двести килограммов, которые могут решить исход гонок.

— Вы вполне уверены, что справитесь с «Дианой»?

— Достаточно уверен, для этого я и установил автоматы. Моя главная задача — следить и принимать решения.

— Но ведь какой парус — пять квадратных километров! Просто не верится, чтобы один человек мог управляться с такой махиной!

Мертон рассмеялся:

— Почему? Эти пять квадратных километров дают максимальную тягу четыре с половиной килограмма. Ее можно одолеть одним мизинцем.

— Ну ладно, спасибо, доктор. Желаю успеха. Я еще свяжусь с вами.

Комментатор выключился, а Мертон ощутил запоздалую неловкость. Ведь он сказал не всю правду, а Блер достаточно проницателен, чтобы понять это.

Есть еще одна причина, почему он сейчас один здесь, в космосе. Почти сорок лет он работал с бригадами по сто, даже по тысяче человек, создавая самые сложные двигательные аппараты, какие когда-либо видел свет. Последние двадцать лет он руководил конструкторским бюро и видел, как его творения взмывают к звездам. (Иногда бывали и неудачи, которых нельзя забыть, хоть вина и не его.) Он прославился, за его плечами блестящая карьера. Но сам он никогда не был главным действующим лицом, всегда выступал в ряду со многими.

Это его последняя надежда лично отличиться. До следующих гонок не меньше пяти лет — период спокойного Солнца кончился, идет полоса скверной погоды, в Солнечной системе будут бушевать радиационные штормы. Когда снова станет безопасно ходить на этих хрупких, не защищенных броней яхтах, он уже будет стар.

Мертон бросил в мусорный ящик пустые коробки из-под еды и снова повернулся к перископу. В первый миг он обнаружил только пять яхт, «Вумера» куда-то исчезла. Прошло несколько минут, прежде чем он отыскал ее — туманный призрак на фоне звезд, парализованный тенью «Лебедева». Он хорошо представлял себе, как австралазийцы лихорадочно пытаются выбраться из ловушки. Как же они попались? Очевидно, у «Лебедева» необычайно высокая маневренность; стоит присматривать за ним, хотя сейчас он слишком далеко, чтобы угрожать «Диане».

Земли почти не видно, остался только узенький яркий серп, стремящийся к Солнцу. Рядом с пламенной дугой тускло обрисована ночная сторона планеты; тут и там в просветах между тучами поблескивает зарево больших городов. Темный диск уже заслонил часть Млечного Пути, через несколько минут он начнет закрывать Солнце.

Свет угасал; по мере того как «Диана» бесшумно погружалась в тень Земли, парус загорался сумеречным пурпурным оттенком — отблеском многократных закатов, удаленных на тысячи километров. Солнце кануло за невидимый горизонт, и в несколько минут сгустилась ночь.

Мертон посмотрел назад вдоль орбиты, по которой прошел уже четверть пути вокруг родной планеты. Одна за другой гасли яркие звездочки остальных, когда они следом за ним ныряли в быстротечную ночь. Какой-нибудь час — и Солнце опять покажется из-за огромного черного щита; до тех пор все они беспомощны, должны идти по инерции.

Он включил прожектор и стал просвечивать его лучом темный парус. Тысячи акров пленки уже сморщились, обмякли, фалы провисают, надо скорей подтягивать их, пока не запутались. Но это в порядке вещей. Все идет, как было задумано. Отставшим от него километров на сто «Арахне» и «Санта-Марии» повезло меньше. Мертон узнал, какая неприятность их постигла, когда вдруг заработало радио на аварийной волне.

— Номер два, номер шесть, говорит контроль. Вам грозит столкновение. Ваши орбиты пересекутся через шестьдесят пять минут! Вам нужна помощь?

Наступило долгое молчание, два капитана переваривали недобрую весть. Интересно, кто из них виноват? Вероятно, одна яхта пыталась закрыть другую тенью и не успела закончить маневр, как обе вошли в мрак. А теперь уже ничего не поделаешь.

Но ведь у них есть еще шестьдесят пять минут! Они успеют снова выйти на Солнце из-за Земли. Если паруса тогда уловят достаточно энергии, они сумеют, может быть, избежать столкновения. Наверно, сейчас на «Арахне» и «Санта-Марии» вычислители работают с полной нагрузкой.

«Арахна» ответила первой, и ответ был именно такой, какого ожидал Мертон.

— Контроль, здесь номер шесть. Спасибо, нам не нужна помощь. Сами справимся.

Любопытно будет посмотреть, подумал Мертон. Надвигается первый драматический эпизод гонки, и произойдет он как раз над линией полуночи на спящей Земле.

Весь следующий час Мертон был слишком занят своим собственным парусом, чтобы волноваться из-за «Арахны» и «Санта-Марии».

Не так-то просто уследить за пятью миллионами квадратных километров теряющегося во тьме пластика, освещенного лишь узким лучом прожектора да сиянием далекой Луны. Отныне и на протяжении почти половины околозем-

ной орбиты надо держать всю эту огромную плоскость ребром к Солнцу. В ближайшие двенадцать — четырнадцать часов парус будет только помехой — ведь яхта пойдет навстречу Солнцу, и его лучи могут отбросить ее назад. Жаль, что нельзя совсем убрать парус, пока он не понадобится вновь. Еще никто не придумал, как это сделать.

Далеко внизу вдоль кромки Земли занимался рассвет. Через десять минут кончится затмение Солнца; лучи ударят в паруса, и плывущие по инерции яхты опять оживут. Это будет критическая минута для «Арахны» и «Санта-Марии», для всех участников.

Мертон повернул перископ и поймал два силуэта, парящие среди звезд. Совсем близко друг от друга, от силы их разделяют пять километров. А что, может быть, и впрямь справятся...

Словно взрыв, вспыхнула заря — это Солнце вынырнуло из Тихого океана. На миг парус и фалы стали алыми, потом золотыми, потом ослепительно-белыми: наступил день. Стрелки динамометров самую малость оторвались от нуля. «Диана» по-прежнему была почти совсем невесомой; солнечный ветер дул в лоб, и ускорение упало до миллионных долей *g*.

Но «Арахна» и «Санта-Мария», силясь разойтись, не хотели убирать паруса, которые мучительно медленно расправлялись, ощутив первое легкое дуновение солнечного ветра. Меньше четырех километров теперь разделяло яхты. Наверно, все телевизионные экраны на Земле сейчас показывают эту затянувшуюся драму.

Капитаны обеих яхт были люди упрямые. Каждый из них мог обрубить фалы и сойти, уступив другому путь, но они не пошли на это — слишком много поставлено на карту: деньги, слава, престиж. Мягко и беззвучно, будто снежинки в зимнюю ночь, «Арахна» и «Санта-Мария» столкнулись.

Квадратный змей как-то незаметно слился с круглой паутиной; медленно, как во сне, заколыхались, переплетаясь,

длинные фалы. Как ни занят был Мертон своими снастями, он не мог оторвать глаз от этой неслышимой, растянутой во времени катастрофы.

Два паруса, словно серебристые колышущиеся облака, продолжали сливаться в одну сплошную, нерасчленимую массу. Это длилось минут десять, наконец обе капсулы вырвались на волю и пошли в разные стороны, разминувшись в каких-нибудь ста метрах друг от друга. Спасательные катера со светящимися хвостами реактивных струй ринулись вдогонку за ними.

Так, теперь нас осталось пять, подумал Мертон. Жаль, конечно, этих ребят, которые в самом начале гонки все испортили друг другу; ничего, они молодые, будет еще случай показать себя.

А через несколько минут число участников сократилось до четырех. Мертон усомнился в конструкции «Солнечного луча», как только увидел его; теперь сомнения оправдались.

Вращение сделало марсианскую яхту слишком устойчивой, она не хотела лавировать. Вместо того чтобы повернуться ребром к Солнцу, огромное кольцо смотрело на него всей плоскостью, и яхту погнало обратно почти с предельным ускорением.

Самое досадное, что может случиться с яхтсменом, хуже даже, чем столкновение, потому что винить надо только себя. Впрочем, вряд ли кто-нибудь сочувствует сейчас безнадежно отставшим от строя поселенцам. Уж больно они зазнаются там, на Марсе,— поделом им!

И со счетов сбрасывать «Солнечный луч» рано; впереди еще миллион километров, может и догнать.

Следующие двенадцать часов, пока Земля переходила из одной фазы в другую, прошли без приключений. На этой части орбиты, где идешь без тяги, делать особенно нечего. Но Мертон не томился, считая часы. Он успел вздремнуть, дважды поел, сделал записи в бортовом журнале, два-три раза участвовал в радиоинтервью. Изредка вызывал другие яхты, обмениваясь приветствиями и шутками со своими со-

перниками. А вообще, его вполне устраивал этот отдых в невесомости, вдали от всех земных забот. Давно он не был так счастлив. Мертон чувствовал себя властелином своей судьбы, насколько это вообще возможно в космосе: он вел яхту, в которую вложил столько ума и души, что она стала как бы частью его самого.

Следующий несчастный случай произошел, когда они проходили между Землей и Солнцем. Здесь начиналась та часть орбиты, где дул попутный солнечный ветер. Мертон увидел, как парус «Дианы» после поворота расправляется под напором лучей. Ускорение, упавшее до тысячных долей *g*, стало возрастать, но требовался еще не один час, чтобы оно достигло наибольшей величины.

Однако «Паутине» не суждено было дождаться этого. Минута, когда вновь появлялась тяга, всегда была для яхт критической, и «Паутина» не выдержала испытания.

Блер продолжал комментировать гонки, и Мертон, хоть и убавил громкость, расслышал тревожную новость: «Внимание! У "Паутины" биение!» Он поспешил к перископу и направил его на огромный круглый парус соперника, но в первый миг не заметил никакой перемены. Конечно, трудно все рассмотреть, когда объект обращен к тебе почти ребром и ты видишь узкий эллипс, однако в конце концов он убедился, что по парусу медленно ползет грозная рябь. Если команда не сумеет ее унять осторожным, точно рассчитанным подергиванием фалов, парус сам себя разорвет в клочья.

Они старались изо всех сил, и через двадцать минут стало казаться, что биение прекратилось. Вдруг пластик лопнул где-то посередине. Под напором лучей брешь неуклонно росла и лоскутья вытягивались, будто струйки дыма над костром. Через четверть часа остались только радиальные лонжероны, на которых была натянута исполинская паутина. Снова зарево ракет: катер пошел на перехват капсулы с удрученной командой.

— Этак скоро совсем один останешься здесь, а? — сказал чей-то голос, вызывая Мертона на разговор.

— Тебе-то, Дмитрий, нечего бояться,— ответил он.— Ты там не одинок. Вот мне тут, впереди, в самом деле неуютно.

Он не хвастался: «Диана» на пятьсот километров оторвалась от ближайшего соперника, и разрыв этот обещал вскоре стать еще больше.

Дмитрий Марков добродушно рассмеялся у себя на «Лебедеве». Сразу слышно — он не признает себя побежденным.

— Вспомни притчу о зайце и черепахе,— сказал русский.— На отрезке в полмиллиона километров многое может случиться.

Положение изменилось, уже когда они завершили первый виток по околоземной орбите и проходили линию старта,— правда, на тысячи километров выше благодаря дополнительной энергии, которую им отдали лучи Солнца. Мертон тщательно замерил координаты остальных яхт и сообщил данные вычислительной машине. Итог, полученный для «Вумеры», показался ему таким неправдоподобным, что он тотчас все проверил снова.

Никакого сомнения: австралазийцы догоняют его с неслыханной скоростью.

Одного внимательного взгляда в перископ было достаточно, чтобы выяснить, в чем дело. Слишком тонкие снасти «Вумеры» лопнули. И теперь один парус, сохраняя свою форму, летел в космосе, словно влекомый ветром платок. Два часа спустя он пронесся мимо «Дианы» меньше чем в тридцати пяти километрах; но задолго до этого австралазийцы присоединились к тем, кто собрался на катере коммодора.

Итак, все свелось к поединку между «Дианой» и «Лебедевым». Правда, «марсиане» не сдавались, но при таком отставании — около двух тысяч километров — они уже не представляли угрозы для лидеров гонки. По чести говоря, Мертону казалось, что и «Лебедеву» уже не догнать «Диану», и все-таки он нервничал на втором витке, когда вновь наступило затмение, а затем опять начался долгий, медленный дрейф против солнечного ветра.

Он знал русских водителей и конструкторов. Они не первый раз участвовали в гонках. До тех пор им не удавалось по-

бедить. Но ведь их соотечественник Петр Николаевич Лебедев в начале двадцатого столетия первым открыл световое давление солнечных лучей. Естественно, что они упорствуют. Дмитрий, наверно, задумал что-нибудь эффектное.

Коммодор Ван-Страттен, идя в двух тысячах километров позади участников гонки, в эту минуту с досадой читал только что поступившую радиограмму. Она пролетела около двухсот миллионов километров от цепочки солнечных обсерваторий, которые кружили высоко над пылающей поверхностью светила. И она принесла самые неприятные вести.

Правда, для коммодора (всего лишь почетный титул, на Земле он был профессором астрофизики в Гарварде) они не были такой уж неожиданностью. Еще никогда гонки не устраивали так поздно; было много всяких задержек, решили все-таки рискнуть — и, похоже, проиграли...

Глубоко в недрах Солнца копилась чудовищная сила, эквивалентная энергии миллиона водородных бомб. В любую секунду мог произойти чудовищный взрыв, известный под названием «солнечная вспышка». Со скоростью миллионов километров в час незримый огненный шар во много раз больше Земли оторвется от Солнца и уйдет в космос.

Возможно, что облако ионизированного газа пронесется в стороне от Земли. Если же нет, ему понадобится чуть больше суток, чтобы достичь ее. Космические корабли защищены мощными магнитными экранами, но легкие солнечные яхты, с корпусами не толще бумаги, безоружны против такой угрозы. Команды придется снять.

Начиная второй виток вокруг Земли, Джон Мертон еще не знал об этом. Он думал о своем. Если ничего не изменится, это будет последний виток для него и для русских. Под напором солнечного ветра они поднялись по спирали на тысячи километров. На втором витке они преодолеют земное тяготение и устремятся в долгий путь к Луне. Исход решится в поединке двух яхт; около двухсот тысяч километров команда «Солнечного луча» доблестно сражалась с вращающимся парусом, но в конце концов пришлось сдаться.

Мертон не чувствовал усталости. Он хорошо поел, поспал; «Диана» вела себя безукоризненно. Автопилот, который подтягивал снасти, словно трудолюбивый паучок, лучше любого одушевленного водителя держал точно по ветру солнечный парус. Хотя этот лист пластика площадью в пять квадратных километров, наверно, уже пробит сотнями микрометеоритов, крохотные проколы ничуть не уменьшили тягу.

Только две вещи его тревожили. Во-первых, перестал слушаться фал номер восемь. Внезапно заело реле. Команды не выполнялись — ни выдать, ни выбрать линь; надо как-то обходиться остальными. К счастью, самые трудные маневры позади, отныне «Диане» все время идти прямо по ветру. Как говорили в старину моряки, легко справляться с судном, когда ветер дует тебе в спину.

Вторая забота — «Лебедев», который упорно преследовал его с разрывом в пятьсот километров. Благодаря четырем крыльям, окружающим главный парус, русская яхта оказалась на редкость маневренной. Все повороты на околоземной орбите она выполнила сверхточно; правда, за такую маневренность пришлось расплатиться скоростью — двух зайцев сразу поймать нельзя. И Мертон надеялся сохранить преимущество на длинной прямой. Однако полной уверенности в победе не будет, пока «Диана» через три-четыре дня не пронесется над обратной стороной Луны.

И тут, на пятидесятом часу гонок, когда завершался второй виток, Марков поднес ему сюрприз.

— Алло, Джон,— небрежно сказал он, включившись в межъяхтенную сеть,— посмотри-ка, тебе, наверно, будет интересно.

Мертон подвинулся к перископу и включил предельное увеличение. В поле зрения, такой неправдоподобный среди звезд, очень маленький, но очень четкий, мальтийским крестом засверкал «Лебедев». Вдруг на глазах у него все четыре крыла отделились от квадрата в середине и ушли в космос.

Теперь, когда Марков набрал вторую космическую скорость и не нужно было больше терпеливо кружить по околоземной орбите, копя кинетическую энергию, он сбросил излишнюю массу. С этой минуты «Лебедев» почти неуправляем, но это неважно, все сложные маневры позади. Все равно как если бы какой-нибудь яхтсмен прошлого намеренно освободил лодку от руля и тяжелого киля, зная, что дальше его ждут попутный ветер и тихое море.

— Поздравляю, Дмитрий,— сказал Мертон в микрофон.— Ловко сделано. Но этого мало, все равно ты меня не догонишь.

— Это еще не все,— услышал он в ответ.

В самом деле, на последнем, прямом участке Дмитрий может обойтись без второго пилота.

— Вряд ли Алексей обрадуется,— заметил Мертон.— И ведь это против правил.

— Да, Алексею придется поплавать десять минут одному, пока его не подберет коммодор. А что до правил — в них ничего не говорится о численности экипажа. Уж ты-то должен это знать.

Мертон промолчал; исходя из того, что ему было известно о конструкции «Лебедева», он торопливо обрабатывал новые данные. Закончив вычисления, Мертон убедился, что исход далеко не решен. У самой Луны «Лебедев» его догонит.

Однако судьба гонок уже определилась в ста шестидесяти шести миллионах километров от трассы.

На Солнечной обсерватории номер три, внутри орбиты Меркурия, автоматические приборы записали весь ход вспышки. Внезапный взрыв превратил четверть миллиарда квадратных километров поверхности Солнца в бело-голубое пекло, рядом с которым остальной диск словно померк. Из бурлящего ада, крутясь и извиваясь, будто живое существо, в созданном ею же самой магнитном поле вырвалась струя плазмы. А впереди нее со скоростью света мчалась, предупреждая, волна рентгеновского и ультрафиолетового излучения. Она достигнет Земли за восемь минут и вреда не

причинит. Иное дело — заряженные атомы, летящие следом со скоростью всего семь миллионов километров в час. Через сутки они окутают смертоносным облаком «Диану», «Лебедева» и сопровождающий отряд.

Коммодор откладывал решение до последней минуты. Даже когда струя плазмы прошла орбиту Венеры, еще была надежда, что она не коснется Земли. Но когда до встречи с ней осталось меньше четырех часов и сеть лунных радаров подала сигнал тревоги, он понял, что больше ждать нельзя. Следующие пять-шесть лет, пока не успокоится Солнце, никаких гонок не будет.

Вздох разочарования пронесся по всей Солнечной системе. «Диана» и «Лебедев» шли почти рядом на полпути между Землей и Луной, но никто так и не узнает, какая яхта лучше. Болельщики будут спорить годами, а в историю войдет короткая запись: «Гонки отменены из-за солнечной бури».

Получив приказ, Джон Мертон расстроился так, как не расстраивался с самого детства. Сквозь завесу лет отчетливо и ярко пробилось воспоминание о десятом дне рождения. Ему была обещана модель — точное повторение знаменитого космического корабля «Утренняя звезда»; несколько недель он представлял себе, как будет ее собирать, где повесит в своей комнате. И вдруг, в последнюю секунду, слова отца: «Прости меня, Джон, слишком уж дорого. Может быть, к следующему дню рождения...»

Спустя полвека, прожив славную жизнь, он снова был убитым горем мальчишкой.

А если не подчиниться? Пренебречь запретом и идти дальше? Пускай отменили гонки, его перелет войдет во все отчеты и будет долго вспоминаться.

Нет, это хуже глупости — это самоубийство, к тому же очень мучительное. Джон Мертон видел агонию людей, пораженных лучевой болезнью, потому что отказала магнитная защита их кораблей. Слишком дорогая цена...

Он переживал не только за себя, но и за Дмитрия Маркова. Оба заслужили победу, но она никому не достанется.

Пусть человек научился запрягать лучи светила и мчаться к рубежам космоса — спорить с разъяренным Солнцем ему не дано.

В ста километрах за «Дианой» катер коммодора уже подошел к «Лебедеву», чтобы снять капитана. Унесся вдаль серебристый парус: Дмитрий обрубил снасти, и Мертон вполне понимал его чувства. Маленькая капсула будет доставлена обратно на Землю, может быть, даже еще раз пойдет в дело, но паруса делались только на один рейс.

Можно нажать кнопку катапультирующего устройства и сберечь спасателям несколько минут. Но это было свыше сил Мертона, он хотел до последнего оставаться на суденышке, которое так долго было частью его грез и его жизни. Могучий парус, развернутый под прямым углом к Солнцу, развил предельную тягу. Он уже давно вырвал яхту из объятий Земли, и «Диана» продолжала наращивать скорость.

Внезапно его осенило. Он знал, что делать. Ни сомнений, ни колебаний; Джон Мертон в последний раз обратился к вычислительной машине, которая помогла ему пройти половину пути до Луны.

Закончив вычисления, он завернул вместе бортовой журнал и скромное личное имущество. С трудом (разучился уже, да и не так-то просто справиться с этим в одиночку!) Мертон влез в аварийный скафандр. Он как раз закрыл окошко гермошлема, когда радио донесло голос коммодора.

— Через пять минут подойдем к вам, капитан. Обрубите парус, чтобы нам не запутаться.

Джон Мертон, первый и последний капитан солнечной яхты «Диана», на секунду замешкался. Он еще раз обвел взглядом миниатюрную кабину со сверкающими приборами и умело размещенными рычагами, которые теперь были наглухо закреплены в одной позиции. Наконец сказал в микрофон:

— Оставляю судно. Не спешите, все равно меня найдете. «Диана» сама за собой последит.

Его порадовало, что коммодор воздержался от ответа. Профессор Ван-Страттен, конечно, понял, в чем дело. И по-

нял, что в эти завершающие секунды Мертону хочется побыть одному.

Он не стал откачивать воздух из переходной камеры, и вырвавшийся из нее газ мягко понес его прочь от «Дианы»; толчок отдачи был последним даром Мертона яхте. Она быстро удалялась, и парус ее ярко блестел в лучах Солнца, которые на века определят путь «Дианы». Через два дня она пронесется мимо Луны, и та, как и Земля, не сможет ее удержать. Освобожденный от тормозящей массы, парус с каждым днем будет увеличивать свою скорость на три с половиной тысячи километров в час. Месяц — и «Диана» будет идти быстрее любого из созданных человеком кораблей.

Чем дальше, тем слабее лучи Солнца, и ускорение начнет падать. Но даже на орбите Марса скорость за сутки будет нарастать на тысячу восемьсот километров в час. И задолго до того ход яхты будет таким, что даже Солнце ее не удержит. Быстрее любой кометы она устремится в межзвездную пучину, недоступную воображению человека.

Глаза Мертона заметили зарево ракет в нескольких километрах. Катер идет за ним — с ускорением, в тысячи раз большим, чем то, которое когда-либо сможет развить «Диана». Но двигатели катера израсходуют запас горючего в несколько минут, а солнечная яхта сотни лет будет наращивать скорость, подстегиваемая неугасимым пламенем Солнца.

— Прощай, кораблик,— сказал Джон Мертон.— Интересно, чьи глаза увидят тебя и через сколько тысяч лет?

Кургузая торпеда подошла вплотную, но на душе у Мертона было легко. Ему уже никогда не выиграть гонку до Луны, но его суденышко первым вышло в долгое плавание к звездам.

Я считаю своим долгом предупредить вас, господин Председатель, что бóльшая часть моих показаний вызовет у вас весьма неприятные ощущения, поскольку в них раскрываются аспекты природы человека, о которых редко говорится вслух и уж, во всяком случае, не перед членами конгресса. Но боюсь, что вам придется взять себя в руки и выслушать меня; порой наступают времена, когда следует сорвать покрывало лицемерия, и сейчас как раз наступил такой момент.

Мы с вами, джентльмены, являемся потомками плотоядных животных. Судя по выражению ваших лиц, я вижу, что большинству из вас этот термин незнаком. Ну что же, в этом нет ничего удивительного. Он пришел к нам из языка, который устарел и вышел из обихода две тысячи лет назад. Возможно, мне стоит избегать эвфемизмов и использовать самые прямые — и иногда грубые — выражения, не принятые в приличном обществе. Прошу заранее меня простить, если я оскорблю чьи-нибудь чувства.

Всего несколько веков назад любимой пищей практически всех людей было мясо — иными словами, плоть убитых животных. Не подумайте, будто я пытаюсь вызвать у вас тошноту или отвращение,— я сообщил вам факт, который вы можете легко проверить, взяв в руки книгу по истории...

Ну конечно, господин Председатель, я готов подождать, когда сенатору Ирвингу станет лучше. Мы, профессионалы, нередко забываем о том, как простые люди могут отреагировать на заявление подобного характера. С другой стороны, я должен предупредить членов конгресса, что впереди вас

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

ждут гораздо более страшные вещи. Если кто-нибудь из вас, джентльмены, не уверен в том, что он в состоянии выслушать мой доклад до конца, я советую вам последовать за сенатором, прежде чем будет слишком поздно...

Итак, позвольте мне продолжить. До нынешнего времени все продукты питания делились на две категории. Бóльшая их часть получалась из растений — крупы, фрукты, планктон, водоросли и прочее. Нам с вами трудно представить себе, что в основном наши предки были фермерами, которые добывали пищу на земле и в море с использованием примитивных и часто исключительно тяжелых — физически — методов, но такова правда.

Второй категорией продуктов питания, если мне будет позволительно вернуться к столь неприятной теме, являлось мясо, получаемое из относительно ограниченного количества видов животных. Возможно, вам знакомы некоторые из них — коровы, свиньи, овцы, киты. Большинство людей — мне очень не хочется делать на этом акцент, но не в моих силах изменить историю — предпочитали мясо любой другой еде, хотя только самые богатые могли позволить себе питаться им ежедневно. Для многих же мясо являлось редким деликатесом, дополнением к овощной диете.

Если мы взглянем на данную проблему спокойно и без лишних эмоций — я уверен, что сенатор Ирвинг уже достаточно пришел в себя, чтобы это сделать,— мы увидим, что мясо было редкостью, причем достаточно дорогим продуктом, поскольку его производство отличается исключительной неэффективностью. Чтобы получить килограмм мяса, животное должно съесть по меньшей мере десять килограммов растительной пищи — часто такой, каковую люди могли непосредственно употреблять и сами. Если забыть на время об эстетической стороне вопроса, такое положение вещей не могло устраивать возросшее население двадцатого века. Каждый человек, который ел мясо, обрекал на голод десять или более своих собратьев.

К счастью для всех нас, биохимики сумели решить эту проблему. Как вы знаете, ответом стал один из бесчисленных побочных продуктов космических исследований. Все продукты питания — животные и растительные — создаются всего из нескольких элементов. Углерод, кислород, водород, азот, небольшое количество серы и фосфора и еще несколько дополнительных элементов в разных комбинациях лежат в основе всего, что мы едим в настоящее время и, разумеется, будем есть всегда. Столкнувшись с необходимостью колонизации Луны и других планет, биохимики двадцать первого века научились синтезировать любой вид пищи из основного сырья — воды, воздуха, камня. Мы имеем право назвать их открытие одним из самых важных достижений в истории науки. Но нам не следует слишком гордиться нашими успехами. Растительное царство опережает нас в своем развитии на миллиард лет.

Сегодня химики в состоянии синтезировать любой продукт вне зависимости от того, имеется ли его аналог в природе. Нет необходимости говорить, что на этом пути случались ошибки — иногда даже катастрофы. Рождались и гибли целые промышленные империи; переход от сельского хозяйства и разведения скота к огромным автоматизированным заводам по переработке сырья был чрезвычайно болезненным. Но мы победили. Опасность голода уничтожена навсегда, и мы получили такие разнообразные и многочисленные продукты питания, каких не знал ни один другой век.

Естественно, не следует забывать и о моральном аспекте вопроса. Мы больше не убиваем миллионы живых существ, а такие омерзительные учреждения, как бойни и мясные лавки, стерты с лица Земли. И нам трудно поверить в то, что наши предки, придерживавшиеся, как это ни прискорбно, варварских обычаев, могли терпеть такое положение вещей.

Однако полностью порвать с прошлым и забыть о нем невозможно. Как я уже сказал в самом начале своей речи, мы принадлежим к отряду плотоядных животных; мы унаследовали вкусы, которые развивались и культивировались на протяжении миллионов лет. Нравится нам это или нет, но еще несколько лет назад некоторые из наших прадедов наслаждались мясом домашнего скота — когда могли его до-

стать. И мы продолжаем получать от него удовольствие по сей день...

О господи, может быть, сенатору Ирвингу следует покинуть наш зал заседаний. Возможно, я погорячился, и мне не следовало высказываться столь прямо и резко. Разумеется, я имел в виду, что бóльшая часть искусственных продуктов, которые мы употребляем, имеет ту же формулу, что и прежние натуральные продукты. По правде говоря, некоторые из них являются столь точной копией, что ни химические, ни какие-либо другие тесты не в состоянии выявить разницы. Должен заметить, что такое положение вещей логично и неизбежно. Мы, производители, взяли самые популярные натуральные продукты питания в качестве модели и воспроизвели их вкус и внешний вид.

Естественно, мы дали своим произведениям новые имена, которые не содержат даже намека на анатомическое или животное происхождение, чтобы потребители забыли о позорных фактах прошлого человечества.

Когда вы приходите в ресторан и берете меню, вы видите там названия блюд, в большинстве своем придуманные в двадцать первом веке,— некоторые из них заимствованы из французского языка, известного лишь единицам. Если вам интересно выявить порог собственной терпимости, вы можете провести любопытный, но весьма неприятный эксперимент. В закрытом для широкого пользования отделе Библиотеки конгресса содержится огромное количество старых меню из знаменитых ресторанов, а кроме того, меню банкетов, проводимых в Белом доме в течение пятисот лет. Их характеризует грубый налет откровенности, присущий залам для вскрытия, который делает их практически невозможными для чтения. Мне трудно представить себе, что еще способно столь же наглядно продемонстрировать, какая огромная пропасть разделяет нас и наших предков, живших всего несколько поколений назад.

Да, господин Председатель, я и собираюсь подойти к самой сути дела. Все, что я сейчас вам рассказал, имеет огром-

ное значение, хотя и, согласен, неприятно для просвещенного уха. В мои намерения ни в коей мере не входит испортить вам аппетит. Я всего лишь хочу обрисовать ситуацию, чтобы затем выдвинуть обвинения против моего конкурента — корпорации «Трипланетарные продукты питания». Если вы не будете посвящены в историю вопроса, вы можете посчитать мое заявление легкомысленной жалобой, возникшей в результате серьезных убытков, которые понесла моя компания с тех пор, как на рынке появилась «Амброзия плюс».

Новые продукты питания изобретаются каждую неделю. Уследить за всеми невозможно. Они появляются и исчезают, как мода на женскую одежду, и только один из тысячи потребители признают и с удовольствием вводят в свой рацион. Очень редко случается так, что какой-нибудь продукт удерживается на рынке больше двух недель, и я готов признать, что блюда из серии «Амброзия плюс» явились величайшим успехом во всей истории пищевой промышленности. Вам всем известна сложившаяся в настоящий момент ситуация — все остальные продукты сметены и выброшены с рынка потребления.

Вне всякого сомнения, мы были вынуждены принять брошенный нам вызов. В моей компании работают прекрасные биохимики, и они сразу же принялись изучать «Амброзию плюс». Я не открою никакого секрета, если скажу, что у нас имеются записи практически всех видов продуктов питания, натуральных и искусственных, которые употребляли люди,— включая самые экзотические, о каких вы никогда и не слышали. Например, жареный кальмар, саранча в меду, языки павлинов, венецианские многоножки... Громадная библиотека, содержащая всевозможные оттенки вкуса и описание внешнего вида продуктов, является золотым фондом, на котором зиждется благосостояние нашей компании. Мы выбираем и смешиваем ингредиенты в самых разных комбинациях и, как правило, можем без проблем воссоздать новую продукцию наших конкурентов, появившуюся на рынке.

Однако «Амброзия плюс» вызвала у нас некоторое замешательство. В результате тестов выяснилось, что по составу жиров и протеинов ее можно классифицировать как мясо — но не более того. Впервые мои химики потерпели неудачу. Ни один из них не смог объяснить, что делает данный продукт исключительно популярным среди потребителей, отказавшихся покупать продукцию других компаний. И неудивительно... Впрочем, я забегаю вперед.

Очень скоро, господин Председатель, перед вами предстанет президент корпорации «Трипланетарные продукты питания» — не сомневаюсь, что сделает он это без особого желания. Он скажет вам, что «Амброзия плюс» синтезирована из воздуха, воды, известняка, серы, фосфора и тому подобного. И это будет правдивой, но не самой главной частью истории создания продукта. Поскольку нам наконец удалось раскрыть секрет, который, как и большинство тайн, оказался совсем простым. Нужно только знать, где искать.

Я должен поздравить своего конкурента. Ему удалось создать неограниченное количество идеального продукта для человечества. До сих пор его катастрофически не хватало и им могли наслаждаться лишь немногие гурманы, которым удавалось его раздобыть. Все без исключения торжественно поклялись, что в жизни не пробовали ничего более изысканного.

Да, химики корпорации «Трипланетарные продукты питания» добились поразительного успеха в области технического решения проблемы. Вам же теперь предстоит решить ее моральный и философский аспекты. В самом начале своей речи я использовал устаревшее слово «плотоядный». Сейчас я познакомлю вас еще с одним и даже произнесу его по буквам: К-А-Н-Н-И-Б-А-Л.

«Говорит глава государства. Поскольку вы слышите, как я читаю этот текст, это означает, что меня уже нет в живых, а наша страна уничтожена. Но вы — солдаты, самые лучшие во всей нашей истории. Вы умеете выполнять приказы. Теперь вам придется исполнить самый тяжкий из всех, которые вы когда-либо получали...»

«Тяжкий? — горько подумал старший офицер радара.— Нет, теперь все будет легко и просто, после того как мы увидели Землю, которую любили, испепеленной жаром множества солнц. Нет больше поводов для колебаний, угрызений совести по поводу того, что мы принесем гибель и невинным, и виноватым, подобно мстящим богам. Но почему все случилось столь поздно?»

«Вам известно, с какой целью вас вывели на секретную орбиту вокруг Луны. Зная о существовании корабля, но не будучи уверенным в его местонахождении, агрессор не решился бы нас атаковать. Вы были последней сдерживающей силой, неуязвимой для сейсмобомб, способных уничтожить ракеты в их подземных шахтах и подводные лодки, рыскающие у морского дна. Вы могли нанести ответный удар, даже если бы погибло все остальное наше оружие».

«Как оно и случилось»,— подумал капитан.

Он видел, как гасли один за другим огни на оперативной панели. Вскоре не осталось ни одного. Многие наверняка исполнили свой долг, а если нет, то он вскоре довершит их работу. Ничто, выжившее после первой контратаки, не могло перенести того удара, который он сейчас готовил.

© Перевод К. Плешкова.

«Вы нанесли бы по любому агрессору такой ответный удар, что война могла начаться лишь по случайности или вследствие чьего-то безумия. Такова была теория, ради которой мы поставили на карту наши жизни. Теперь, по причинам, которые никогда не узнаем, мы проиграли».

Главный астроном перевел взгляд на единственный маленький иллюминатор в стене центральной рубки управления. Да, они действительно проиграли. На фоне звезд висел сверкающий серебристый серп Земли. Казалось, будто она выглядит так же, как и всегда, но ее темная сторона больше не была полностью таковой.

Ее испещряли зловещие фосфоресцирующие пятна, огненные моря на месте бывших городов. Сейчас их осталось немного, ибо уже почти нечему было гореть.

Знакомый голос продолжал говорить, словно с того света.

«Как давно было записано это сообщение? — подумал офицер-связист.— Какие другие секретные приказы хранятся в памяти боевого компьютера нашей космической крепости? Мы никогда их не услышим, поскольку они касались военных ситуаций, которые никогда больше не смогут возникнуть».

Он вновь вернулся из мира возможного в ужасающую и все еще невообразимую реальность.

Глава государства продолжал говорить:

«Если бы мы были побеждены, но не уничтожены, то могли бы надеяться воспользоваться вашим существованием как оружием для переговоров. Теперь не осталось и этой жалкой надежды. Вместе с ней исчезла и цель, с которой вас отправили в космос».

«Что он имеет в виду? — подумал офицер по вооружению.— Наверняка настал момент. Мы сделаем то, для чего предназначены. Миллионы погибших и им завидующих — все будут отомщены, когда черные цилиндры гигатонных бомб устремятся по спирали к Земле».

Казалось, будто тот, кто теперь обратился в прах, прочитал его мысли.

«Вы наверняка думаете о том, почему в данной ситуации я не отдал вам приказа нанести ответный удар. Сейчас объясню.

Теперь уже слишком поздно. Сдерживающая сила не сработала. Нашей родины больше нет, и месть не воскресит мертвых. Сейчас, когда погибла половина человечества, уничтожать вторую — безумие, недостойное разумных людей. Противоречия, разделившие нас двадцать четыре года назад, больше не имеют никакого значения. Мы должны забыть о прошлом, насколько вам это позволят ваши сердца.

У вас есть опыт и знания, в которых крайне нуждается разрушенная планета. Воспользуйтесь ими во всей полноте, чтобы восстановить ее. Я предупреждал вас о том, что долг ваш будет тяжким, но таков мой последний приказ.

Вы отправите ваши бомбы в глубокий космос и взорвете их в десяти миллионах километров от Земли. Это докажет нашим бывшим врагам, которые также сейчас слушают это сообщение, что вы отказались от своего оружия.

Затем вам предстоит сделать еще одно. Экипаж корабля-крепости "Ленин", Председатель Верховного Совета прощается с вами и приказывает вам перейти в распоряжение Соединенных Штатов».

Я не принадлежу к числу тех африканцев, которые стыдятся своей родины лишь потому, что за полвека она добилась меньшего прогресса, чем Европа за полтысячелетия, и считаю, что нашему быстрому продвижению вперед больше всего мешали и продолжают мешать диктаторы типа нынешнего Чаки. Доля нашей вины в том, что такие диктаторы существуют, увы, огромна, следовательно, бремя искупления этой вины мы обязаны всецело возложить на себя.

Даже если отбросить в сторону эти соображения, у меня остается достаточно причин, во всяком случае больше, чем у других, желать гибели Великого Вождя, Всемогущего, Всевидящего. Мы с ним одноплеменники и даже в какой-то степени родня (по линии одной из жен моего отца). Члены нашей семьи с приходом Чаки к власти стали подвергаться преследованиям, хотя политикой никто из нас не занимался. Исчезли двое моих братьев, еще один при очень странных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе. Сам я остался в живых и на свободе, несомненно, лишь благодаря тому, что являюсь одним из немногих отечественных ученых с мировой известностью.

Как и большинство других интеллектуалов, я далеко не сразу стал противником диктатуры Чаки. Сначала я думал — точно так же, как думали в 30-е годы одураченные немцы,— что режим личной власти в некоторых случаях является единственным надежным средством спасения от политического хаоса. Всю глубину своих заблуждений мы впервые ощутили, пожалуй, только после того, как Чака отменил конституцию и стал править единолично.

© Перевод Г. Дмитриева.

С этой поры его обуяла неуклонно прогрессирующая мания величия; подобно другим тиранам, он перестал доверять окружающим и начал опасаться заговоров. Опасения эти были вполне обоснованными — всем хорошо известны по крайней мере шесть покушений на его жизнь, кроме того, имело место еще несколько попыток уничтожить тирана, о которых общественность так и не узнала.

Неудачи всех заговоров еще более утвердили в Чаке уверенность в своем божественном назначении и создали среди фанатичных приверженцев диктатора миф о его бессмертии. По мере того как росла оппозиция режиму, Великий Вождь принимал все более жестокие и варварские меры по ее подавлению. Нельзя сказать, чтобы Чака был первым политическим деятелем, применившим пытки и казни своих противников, в Африке, да и не только в Африке, такие методы практиковались давно. Но режим, установленный Чакой, впервые в мире стал демонстрировать пытки по телевидению.

Даже после этого, несмотря на ужас и отвращение, вызванные во всем мире подобными действиями, я ничего бы не стал предпринимать против Чаки, не окажись у меня в руках по воле судьбы подходящего оружия. Меня никак нельзя назвать человеком действия; более того, я ненавижу насилие во всех его проявлениях. Однако сознание силы, обладателем которой я неожиданно стал, не давало мне покоя. План действий стал зреть в моем мозгу, когда была смонтирована и передана нам система инфракрасной связи «Хью Марк Экс».

Просто удивительно, что наша страна, одна из наиболее отсталых в мире, оказалась в гуще работ по освоению космоса. Было бы, конечно, наивным полагать, что американцам пришлась по вкусу эта штука, сыгранная с нами географией. Но тут уж ничего не поделаешь. Умбала расположена на экваторе, и над ней проходят траектории всех планет; кроме того, здесь находится вулкан Замбуе, которому нет цены.

Миллионы лет назад, когда вулкан уснул, лава в его кратере, медленно оседая, затвердела, образовав террасы. Таким образом сформировалась чаша шириной в два километра и глубиной в триста метров.

Минимальный объем земляных работ, прокладка кабеля — и кратер стал крупнейшим в мире радиотелескопом. Так как рефлектор этого телескопа неподвижен, он сканирует любой участок космоса всего несколько минут в течение суток. Это единственное неудобство, с которым ученые согласились мириться ради возможности принимать сигналы космических зондов и кораблей со всех концов Солнечной системы.

Диктаторство Чаки застало ученых врасплох. Дело в том, что, когда он пришел к власти, работы по сооружению телескопа близились к концу.

Волей-неволей с Чакой тоже пришлось смириться. К счастью, он питал почти суеверное уважение к науке и при этом остро нуждался в долларах, которые ему платили. Его стремление к величию, таким образом, не только не причиняло ущерба Экваториальному космическому телескопу, но даже в какой-то мере опиралось на него.

Мое первое знакомство с Большим Блюдом состоялось вскоре после завершения работ в кратере. Я поднялся на башню, которая высится в центре Блюда. Эта вертикальная мачта высотой в пятьсот метров собирает коллекторные антенны в фокусе чаши. Маленький трехместный лифт медленно вез меня наверх.

В начале подъема смотреть было не на что — вокруг монотонно и тускло мерцали алюминиевые листы, устилающие огромную чашу кратера. Но вот лифт поднялся над вершиной вулкана, и я оглядел землю, которую надеялся спасти.

На западе в легкой дымке голубела снежная шапка горы Тампала, второй в Африке по высоте. От меня ее отделяли бескрайние джунгли, по которым, образуя причудливые излучины, катила свои мутные воды Ниа. Эта река для миллионов моих соотечественников была единственной доступ-

ной транспортной магистралью. Лишь далекое белое пятно города, железная дорога да несколько просек свидетельствовали о том, что в здешних местах обитает человек.

Увидев Умбалу с высоты птичьего полета, я вдруг ощутил свою беспомощность и ничтожность перед раскинувшимся внизу бесконечным лесом.

На высоте полукилометра лифт, издав щелчок, остановился. Выйдя из него, я оказался в крохотном помещении, до отказа забитом приборами и проводами. Можно было подняться еще выше — из этого помещения на крышу выходила небольшая лестница-трап. По ней я взобрался на крохотную треугольную площадку и тотчас же подумал, что это неподходящее место для человека, склонного к головокружениям,— площадка не была снабжена леерным ограждением. Стоя под самыми облаками, я на всякий случай крепко держался рукой за прут громоотвода.

Ошеломленный представшим передо мной зрелищем и возбуждаемый опасностью, я абсолютно забыл о беге времени. Богом, отрешенным от земных сует и недосягаемым для людей, чувствовал я себя. И тут меня вдруг осенило, что Чака никак не сможет миновать этой площадки.

Разумеется, полковник Мтанга, шеф охранки, будет возражать, но все его предостережения и протесты останутся без внимания. Зная Чаку, можно было с математической достоверностью предсказать, что в день официального открытия радиотелескопа он продолжительное время простоит здесь в одиночестве, обозревая свои владения. Телохранители останутся в нижнем помещении, предварительно удостоверившись, что там не заложена адская машина. И все же никакая охранка не сможет ему помочь, когда, находясь в пяти километрах отсюда, я нанесу удар из-за гряды холмов, пролегавшей между радиотелескопом и нашей обсерваторией.

Холмы эти для меня как нельзя более кстати. Осложняя мою задачу, они в то же время защитят меня ото всяких подозрений. Полковник Мтанга — очень проницательный че-

ловек, но и он вряд ли догадается об оружии, которое поражает из-за угла. А оружие Мтанга, если он даже и не найдет ни единого намека на пулю, будет искать обязательно.

Возвратившись к себе в обсерваторию, я принялся за расчеты и тотчас обнаружил свою главную ошибку. Зная, что сфокусированный луч лазера проделывает дыру в толще стального листа, я почему-то решил, что наш «Марк Экс» может уничтожить человека. Оказалось, что все обстоит не так-то просто. Человек представляет собой более плотное препятствие на пути лазерного луча, нежели сталь. Человеческое тело состоит преимущественно из воды, которая нагревается раз в десять медленнее любого металла. Луч лазера, пронзающий стальной лист, или передающий сигналы на Плутон (наш «Марк Экс» предназначался как раз для передачи сигналов), человеку способен причинить лишь незначительный, хотя и очень болезненный ожог. На таком расстоянии я со своим лазером самое большее прожгу дыру в цветастом одеяле, в которое Чака постоянно облачался, желая подчеркнуть связь с народом.

Я было отчаялся и едва не отказался от своей затеи. Интуиция все же подсказывала, что решение проблемы существует и мне еще предстоит его найти. Может быть, рассуждал я, мне следует перерезать своим невидимым лучом одну из оттяжек, и тогда башня, которая крепится этими оттяжками, рухнет вместе с Чакой, стоящим на ее вершине. Расчеты подтвердили основательность моих рассуждений, для реализации этого плана было необходимо лишь, чтобы лазер работал непрерывно в течение пятнадцати секунд. Трос в отличие от человека неподвижен, и в этом случае отпадает необходимость рисковать, делая ставку на один-единственный импульс, иными словами, можно делать дело не торопясь.

В глубине души, однако, я считал порчу телескопа святотатством по отношению к науке, поэтому, когда снова обнаружилось, что мой план неприемлем, я невольно ощутил облегчение. Мачта была построена с большим запасом проч-

ности; чтобы обрушить ее, мне пришлось бы перерезать целых три различных троса. Об этом не могло быть и речи. Каждый прицельный импульс потребует тщательной, многочасовой настройки прибора.

Нужно было придумать что-то другое. Большинству людей свойственно не замечать очевидного, поэтому лишь за неделю до официального открытия телескопа понял я, как мне следует поступить с Чакой Всевидящим, Чакой Всемогущим, Отцом Народа.

Мои аспиранты настроили и откалибровали установку, и вскоре нам предстояло провести первое опробование лазера на полной мощности. Под куполом обсерватории наш «Марк Экс» выглядел в точности как большой двухобъективный зеркальный телескоп, каковым он, по сути дела, и является. Одно его тридцатишестидюймовое зеркало концентрирует лазерный луч и направляет его в заданный район; другое зеркало служит для приема входящих сигналов и одновременно для наведения прибора, являясь как бы сверхмощным оптическим прицелом.

Настройку лазера мы выверяли по ближайшей небесной цели — Луне. Поздно ночью я совместил перекрестье прицела с центром убывающего лунного серпа и выпустил импульс, который спустя полторы секунды отозвался великолепным эхом. Все шло как полагается.

Оставалось сделать кое-что еще, этим занялся я сам, соблюдая полнейшую секретность. Радиотелескоп находится к северу от обсерватории, от нашего взора его скрывает холмистая гряда. В двух километрах к югу от нас стоит одинокая гора. Я изучил ее как свои пять пальцев, когда много лет назад монтировал на ее вершине станцию космических лучей. Кто бы мог тогда подумать, что этой горе предстоит сослужить мне службу при столь необычных обстоятельствах.

Чуть пониже вершины горы располагались руины уже давно никому не нужного форта. Я быстро отыскал цель своей вылазки — небольшую пещеру. Высотой не более метра, она образовалась в результате падения с древних стен фор-

та двух больших камней. Судя по паутине, в моей пещере давно не бывал человек.

Я забрался туда; через лаз мне был виден весь комплекс сооружений Системы большого космоса, растянувшийся на много километров. На востоке торчали антенны давнишней станции наблюдения за полетами по программе «Аполлон». Чуть дальше располагался аэродром; включив тормозные сопла, на него медленно опускался грузовой самолет. Я с удовольствием убедился, что отсюда хорошо просматриваются и купол обсерватории, и находящаяся в пяти километрах к северу от него мачта радиотелескопа.

В течение трех дней устанавливал я в этой потаенной норе прецизионное серебряное зеркало. Кропотливая наладка с помощью микрометра заняла уйму времени, и я начал бояться, что не поспею к сроку. Но вот наконец зеркало установлено под нужным углом с точностью до мельчайших долей секунды. Вернувшись в обсерваторию, я навел «Марк Экс» на это зеркало, и в видоискателе возникло изображение верхушки мачты, находящейся позади меня, за холмами. Угол обзора был крошечным, но вполне достаточным для меня. Площадь, занимаемая целью, составляла всего лишь один квадратный метр, но оптика позволяла наблюдать за каждым сантиметром этого квадрата.

Луч света по проложенному мною пути мог проходить туда и обратно. Любой объект, наблюдаемый через видоискатель телескопа, становился потенциальной мишенью для лазерного луча.

Прошло три дня. Я сидел в своей тихой обсерватории, кругом мерно жужжали блоки электропитания. И вот Чака появился в видоискателе. Странное у меня тогда было ощущение — как у астронома, вычислившего орбиту никому еще не известной планеты и вдруг обнаружившего ее в предсказанном месте среди других звезд.

Сначала жестокое лицо было повернуто ко мне в профиль. Казалось, Чака находится в десяти метрах от меня — таким сильным было увеличение. Терпеливо, в уверенном

спокойствии дождался я того момента, когда Чака посмотрел в мою сторону. Тут левой рукой я прикоснулся к деревянной фигурке старинного божка, а правой включил систему конденсаторов, приводящую лазер в действие, и в то же мгновение через холмы метнулась бесшумная невидимая молния.

Ничего лучше нельзя было придумать. Конечно, Чака заслуживал смертной казни. Но она сделала бы его в глазах толпы мучеником и укрепила бы господство созданного им режима. Кара, обрушенная на Чаку, хуже, чем смерть; она вселит в его приверженцев суеверный ужас.

Ибо Чака остался жив, но Всевидящий больше никогда и ничего не увидит. За долю секунды он сделался ничтожнее и беспомощнее любого уличного попрошайки.

А ведь я даже не причинил ему боли. Он ничего не почувствовал, когда жар тысячи солнц ослепил его.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ

Уважаемый мистер Джинкс! Боюсь, ваша идея вовсе не оригинальна. Рассказы о писателях, чьи произведения кто-то постоянно крадет еще до того, как те успевают их завершить, известны еще со времен как минимум «Провидца» Г. Дж. Уэллса. Примерно раз в неделю я получаю рукопись, которая начинается следующим образом:

> Уважаемый мистер Джинкс! Боюсь, ваша идея вовсе не оригинальна. Рассказы о писателях, чьи произведения кто-то постоянно крадет еще до того, как те успевают их завершить, известны еще со времен как минимум «Провидца» Г. Дж. Уэллса. Примерно раз в неделю я получаю рукопись, которая начинается следующим образом:
>
> > Уважаемый мистер Джинкс! Боюсь, ваша идея вовсе не...
> >
> > . . . . . .
> >
> > С пожеланиями творческих успехов,
> > искренне ваш
> >
> > Моррис К. Мебиус,
> > редактор, «Поразительные истории»
>
> С пожеланиями творческих успехов,
> искренне ваш
>
> Моррис К. Мебиус,
> редактор, «Поразительные истории»

С пожеланиями творческих успехов,
искренне ваш

Моррис К. Мебиус,
редактор, «Поразительные истории»

© Перевод К. Плешкова.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Просто удивительно, как быстро я сумел все забыть. Я пользовался своим телом сорок лет; и мне казалось, что я его изучил. Однако воспоминания о нем рассеиваются, словно сон.

Руки, ноги, где вы? Что вы делали, когда принадлежали мне? Я посылал сигналы, пытаясь управлять конечностями, которые смутно помнил. Ничего не происходило. Все равно что кричать в вакууме.

Кричать. Да, я пытался. Возможно, они меня слышат, но сам я не слышу своего голоса. В моем сознании осталось слово «музыка» — но что оно означает?

(Так много слов выплывает из темноты, словно дожидаясь, что я их узнаю. И одно за другим исчезают, разочарованные.)

Привет. Значит, ты вернулся. Как тихо ты вошел в мое сознание! Я знаю, что ты здесь, но я не почувствовал, когда именно ты появился.

Я понимаю, что ты дружелюбен, и я благодарен за то, что ты сделал. Но кто ты? Конечно, я знаю, что ты не человек,— наша наука не могла меня спасти, когда отказало силовое поле. Видишь, меня одолевает любопытство. Хороший знак, не правда ли? Теперь, когда боль ушла — наконец, наконец я вновь в состоянии размышлять.

Да, я готов. Все, что ты хочешь знать. Это меньшее из того, что я могу сделать.

Меня зовут Вильям Винсент Ньюберг. Я пилот Галактической инспекции. Родился в Порт-Лоуэлле, Марс, 21 августа 2095 года. Моя жена Джанита и трое наших детей находятся на Ганимеде. Кроме того, я писатель; мне довелось

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

опубликовать немало книг о моих путешествиях. «По ту сторону Ригеля» весьма знаменита...

Что произошло? Наверное, вам известно не меньше, чем мне. Я перевел корабль в фантомное состояние и вышел на фазовую скорость, когда раздался сигнал тревоги. И я ничего не успел предпринять. Помню, как засияли стены кабины,— а потом жар, ужасный жар. Вот и все. Вероятно, взрыв выбросил меня в открытый космос. Но как мне удалось уцелеть? Неужели кто-то успел до меня добраться?

Скажите мне, что осталось от моего тела? Почему я не чувствую рук и ног? Не скрывайте от меня правды; я не боюсь. Если вы сумеете вернуть меня домой, биотехники снабдят меня новыми конечностями. До катастрофы мне уже заменили правую руку.

Почему вы не отвечаете? Я задал совсем несложный вопрос!

Что вы имеете в виду, когда говорите, что не знаете, как я выгляжу? Вы ведь спасли что-то!

Голову?

Значит, мозг?

И даже не... О нет!..

Прошу меня простить. Кажется, я долго отсутствовал?

Дайте мне взять себя в руки. (Ха! Очень смешно!) Я пилот первого класса Винсент Вильям Фриберг. Я родился в Порт-Лиоте, Марс, 21 августа 1895 года. У меня один... нет, двое детей...

Пожалуйста, разрешите мне начать снова, помедленнее. Моя подготовка рассчитана на выживание в любой допустимой реальности. Я готов взглянуть в лицо любым обстоятельствам. Только медленно.

Ну, могло быть гораздо хуже. Я остался в живых. Я знаю, кто я такой. Я даже думаю, что знаю, что я такое.

Я — запись. Некое фантастическое устройство для сохранения информации. Должно быть, вы поймали мой дух, мою

душу, когда корабль обратился в плазму. И хотя я не представляю, как такое возможно, само по себе предположение выглядит логичным. В конце концов, первобытный человек никогда бы не сумел понять, как мы записываем симфонию...

Все мои воспоминания оказались записанными на пленке или заключенными в кристалле, как когда-то были заключены в клетках моего испарившегося мозга. И не только мои воспоминания. Я. МОЯ ЛИЧНОСТЬ — ВИНС УИЛЛБУРГ, ПИЛОТ ВТОРОГО КЛАССА.

Ну, что будет дальше?

Пожалуйста, повторите. Я не понимаю.

О, замечательно! Вы можете сделать даже это?

Для таких вещей есть название... слово...

Множественное море инкардации. Нет. Не совсем так.

Инкардация, инкардация...

РЕИНКАРНАЦИЯ!

Да, да, я понимаю. Я должен составить базовый план, проект. Следите за моими мыслями очень внимательно.

Я начну с самого верха.

Сначала голова. Она овальная — вот так. Верхняя часть покрыта волосами. Мои были кра... нет, голубые.

Глаза. Они очень важны. Вы видели их у других животных? Хорошо, это упрощает дело. Можете показать какие-нибудь? Да, эти подойдут.

Теперь рот. Странно — я смотрел на него тысячи раз во время бритья, но почему-то...

Нет, не такой круглый — у́же.

О нет, не так. Он расположен поперек лица, горизонтально...

Так, дайте-ка посмотреть... было еще что-то между глазами и ртом.

Как глупо с моей стороны. Я никогда не стану курсантом, если не смогу вспомнить...

О, конечно,— НОС! Немного длиннее, так мне кажется.

Что-то еще, только я забыл. Голова выглядит незаконченной. Нет, это не я, Билли Винсбург, самый умный парень во всем квартале.

Но меня звали совсем иначе — я не мальчик. Я пилот, двадцать лет прослуживший в Космическом флоте, и я пытаюсь восстановить свое тело. Почему я постоянно отвлекаюсь? Помогите мне, пожалуйста!

Это чудовище? Неужели я так себя описал? Сотрите его. Давайте все сначала.

Начнем с головы. Она имеет идеальную сферическую форму и шляпу с загнутыми полями...

Слишком сложно, начнем с чего-нибудь другого. О, я знаю...

Бедренная кость соединяется с большой берцовой костью. Большая берцовая кость соединена с бедренной костью. Бедренная кость соединяется с большой берцовой костью. Большая берцовая...

Все расплывается. Слишком поздно, слишком поздно. Какая-то ошибка в воспроизведении. Спасибо за то, что вы пытались. Меня зовут... меня зовут...

Мама — где ты?

Мама!.. Мама!!!

Ма-а-а-а-а...

В полночь до вершины Эвереста оставалось не более ста метров, она вставала впереди снежной пирамидой, призрачно белой в свете восходящей луны. На небе не было ни облачка, и ветер, свирепствовавший несколько суток, почти совсем стих. На высочайшей точке Земли редко наступали такой мир и тишина — они удачно выбрали время.

«Пожалуй, даже слишком уж удачно»,— подумал Джордж Харпер. Все прошло настолько гладко, что он испытывал чувство, похожее на разочарование. Собственно говоря, трудно было только незаметно выбраться из отеля. Администрация решительно возражала против самодеятельных ночных подъемов к вершине — несчастный случай мог бы отпугнуть туристов.

Но доктор Элвин не хотел, чтобы об их намерении стало известно. На то у него были веские причины, хотя он никогда не упоминал о них. И так уж появление одного из самых знаменитых ученых мира (и, бесспорно, самого знаменитого калеки) среди гостей отеля «Эверест» в разгар сезона вызвало немалое, хотя и вежливо замаскированное, любопытство. Харпер отчасти удовлетворил его, намекнув, что они ведут замеры земного тяготения,— в какой-то мере это даже было правдой, но в очень малой мере.

Посторонний наблюдатель, который увидел бы, как Жюль Элвин с сотней килограммов оборудования за плечами неторопливо и уверенно поднимается к точке, находящейся почти в девяти километрах над уровнем моря, никогда бы не заподозрил, что перед ним — безногий калека.

© Перевод И. Гуровой.

Жюль Элвин, родившийся в 1961 году, был одной из жертв талидомида — продажа этого непроверенного успокоительного средства завершилась трагедией: появлением на свет более десяти тысяч людей с изуродованными конечностями. Элвин мог считать себя счастливцем: руки у него были совершенно нормальными, а от постоянных упражнений стали намного более сильными, чем у большинства мужчин его возраста и сложения. Но вот ноги... В туторе он мог стоять и даже сделать несколько неуверенных шажков, однако и небольшая пешая прогулка была ему не по силам.

Тем не менее в эту минуту он находился в двухстах шагах от вершины Эвереста...

Все началось более трех лет назад из-за рекламного туристского плаката. Тогда Джорджу Харперу, младшему программисту отдела прикладной физики, были известны лишь внешний вид и репутация доктора Элвина. Даже те, кто работал непосредственно под руководством этого блестящего ученого, возглавлявшего научно-исследовательскую работу института, почти не знали его как человека. Физическая неполноценность и своеобразный склад ума словно отгораживали Жюля Элвина от обычных людей. Он не внушал ни любви, ни неприязни, а лишь восхищение и жалость; зависти он ни у кого не вызывал.

Харпер, всего несколько месяцев назад кончивший университет, не сомневался, что для доктора Элвина он существует только как фамилия в штатном расписании. Кроме него в отделе работали еще десять программистов, намного старших по возрасту, и никто из них за все время работы в институте и двух слов не сказал с заместителем директора по научной части. И когда Харпера избрали в посыльные и отправили в кабинет доктора Элвина с папкой засекреченных документов, он полагал, что их беседа ограничится коротким «спасибо».

Собственно, так оно и произошло. Но, уже выходя из кабинета, Харпер вдруг увидел великолепную панораму высо-

чайших гималайских вершин, занимавшую половину стены, и невольно остановился. Панорама была вделана в стену прямо напротив стола доктора Элвина, так что он видел ее всякий раз, когда поднимал голову. Харперу был хорошо известен этот ошеломляющий вид.

Еще бы! Он ведь и сам снимал ту же панораму, когда вместе с другими туристами стоял в благоговении на истоптанном снегу вершины Эвереста.

Вон белый хребет Канченджонги, вздымающийся над облаками почти в двухстах километрах от высочайшей горы мира. Почти вровень с Канченджонгой, но гораздо ближе виднеется двойной пик Макалу, и совсем близко, на переднем плане, могучая громада — Лхоцзе, сосед и соперник Эвереста. Дальше к западу, вниз, в долины, такие гигантские, что глаз не в силах объять их, устремляются хаотические потоки ледников Кхумбу и Ронбук. С этой высоты трещины, покрывающие их поверхность, кажутся мелкими бороздками, но в действительности провалы в твердом, как железо, льду достигают сотен метров в глубину...

Харпер смотрел на панораму, заново переживая прошлое, когда вдруг услышал позади себя голос доктора Элвина.

— Вас заинтересовал этот вид? Вы там когда-нибудь бывали?

— Да. Когда я окончил школу, родители взяли меня на Эверест. Мы прожили в отеле неделю и уже думали, что погода так никогда и не исправится. Но за день до нашего отъезда ветер улегся, и группа из двадцати человек поднялась на вершину. Мы пробыли там час. Снимали друг друга и все вокруг.

Доктор Элвин некоторое время молчал, словно взвешивая услышанное, а потом сказал голосом, в котором уже не ощущалось прежнего равнодушия — он был теперь исполнен сдержанного волнения:

— Садитесь, мистер... э... Харпер. Мне хотелось бы узнать кое-какие подробности.

Испытывая некоторое недоумение, Харпер вернулся к креслу перед большим письменным столом, на котором царил идеальный порядок. В его восхождении на Эверест не было ничего необычного. Каждый год тысячи людей приезжали в отель «Эверест», и по меньшей мере четверть из них поднималась на вершину горы. Всего за год до этого была устроена пышная, широко разрекламированная церемония вручения памятного подарка десятитысячному туристу, побывавшему на высочайшей вершине мира. Некоторые циники не преминули указать на удивительное совпадение: десятитысячным туристом оказалась популярнейшая восходящая звезда телевидения. И все, что Харпер мог сказать доктору Элвину, тот без особого труда нашел бы в десятках справочников, в рекламных брошюрах отеля, например. Однако какой молодой честолюбивый ученый упустил бы такой случай произвести благоприятное впечатление на человека, от которого зависело так много?

Харпер не был расчетливым карьеристом, но не принадлежал и к непрактичным мечтателям. Он начал говорить, сначала медленно, стараясь привести в порядок свои воспоминания:

— Реактивный самолет доставляет вас в городок Намчи, расположенный километрах в тридцати от горы. Затем автобус везет вас по сказочно красивому шоссе в отель, который стоит над ледником Кхумбу, на высоте пять с половиной километров. Для тех, кому трудно дышать на такой высоте, в отеле имеются номера с нормальным давлением. Разумеется, в отеле есть свой штат врачей, и людям с плохим здоровьем номера не сдаются. Два дня вы живете на особой диете, и только после этого вам разрешают дальнейший подъем.

Сама вершина из отеля не видна, так как здание находится на склоне горы. Но все равно виды там открываются необыкновенные — Лхоцзе и десяток других вершин. И нельзя сказать, что не испытываешь никакого страха. Особенно ночью. Вверху почти все время воет ветер, а с ледника доносятся душераздирающие стоны — это движется лед. Так и кажется, что среди гор бродят ужасные чудовища...

Никаких особых развлечений в отеле нет: любуешься пейзажем, отдыхаешь и ждешь, когда доктора дадут разрешение отправиться к вершине. В старину требовалось несколько недель, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху, ну а теперь для этого дают лишь двое суток. Тем не менее половина туристов — большей частью люди пожилые — считают, что им и такой высоты достаточно.

Дальнейшее зависит от вашего опыта и от того, на какие расходы вы согласны пойти. Искушенные альпинисты нанимают проводников и совершают восхождения, пользуясь обычным снаряжением. Теперь это сравнительно нетрудно, и к тому же там повсюду устроены убежища. Такие группы, как правило, добираются до вершины, но из-за погоды по прежнему никогда нельзя быть уверенным в успехе и каждый год там погибают несколько человек.

Средний турист выбирает более легкий путь. На самой вершине посадка воздушных машин строго запрещена, за исключением особых обстоятельств, но вблизи гребня Нупцзе есть альпийская хижина, куда из отеля можно подняться на вертолете. От хижины до вершины всего пять километров, и подъем для человека с некоторым опытом и в хорошей форме совсем нетруден. Некоторые даже обходятся без кислорода, хотя это не рекомендуется. Сам я оставался в маске, пока не добрался до вершины. Там я ее снял, и оказалось, что дышится довольно легко.

— Вы пользовались фильтрами или газовыми баллонами?

— Молекулярными фильтрами. Они стали очень надежными и увеличивают концентрацию кислорода в сто с лишним раз. Эти фильтры произвели в альпинизме настоящий переворот. Баллонов со сжиженным газом теперь никто не берет.

— Сколько времени занимает подъем?

— Весь день. Мы вышли на заре, а вернулись вечером. Прежние альпинисты этому не поверили бы! Но конечно, мы вышли, хорошо отдохнув и налегке. Дорога от хижины довольно проста, а на самых крутых склонах вырублены ступеньки. Как я уже говорил, подняться там может любой здоровый человек.

Сказав это, Харпер готов был откусить себе язык. И как только он мог забыть, с кем разговаривает? Но он с такой ясностью вспомнил свое восхождение на высочайшую вершину Земли, заново пережил восторг и волнение тех часов, что на мгновение ему почудилось, будто он снова стоит на одинокой, исхлестанной ветром пирамиде. На единственном месте в мире, на котором доктор Жюль Элвин никогда не будет стоять...

Но тот как будто ничего не заметил. А может быть, он уже настолько свыкся с подобными бестактными промахами, что перестал обращать на них внимание. Но почему его так интересует Эверест? Возможно, именно из-за недоступности, решил Харпер. Эверест символизировал все, в чем ему было отказано судьбой еще при рождении.

И все же три года спустя Джордж Харпер остановился в каких-то ста шагах от вершины и смотал нейлоновую веревку, дожидаясь, чтобы доктор Элвин его догнал. Они об этом никогда не говорили, но он знал, что ученый захочет первым ступить на вершину. Эта честь принадлежала ему по праву, и Харперу в голову не пришло бы ее у него оспаривать.

— Все в порядке? — спросил он, когда доктор Элвин поравнялся с ним.

Вопрос был излишним, но Харпер испытывал непреодолимое желание нарушить окружавшее их великое безмолвие, словно они были одни в целом мире. Среди белого сверкания вершин нигде не было заметно ни малейших следов существования человека.

Элвин рассеянно кивнул и прошел мимо, не спуская сияющих глаз с вершины. Он шел деревянной походкой, и его

ноги, как ни странно, почти не оставляли следов на снегу. И все время, пока Элвин двигался, большой рюкзак, который он нес на спине, еле слышно гудел. Вернее было бы сказать, что не он нес рюкзак, а рюкзак нес его. Во всяком случае, три четверти его веса. Пока доктор Элвин неторопливо, но уверенно приближался к своей когда-то недостижимой цели, он и все его снаряжение весили вместе лишь девяносто килограммов. А если бы и это оказалось много, ему достаточно было повернуть ручку настройки — и он перестал бы весить даже килограмм.

Здесь, над залитыми лунным светом Гималаями, впервые было применено величайшее открытие двадцать первого века. Во всем мире существовало только пять экспериментальных левитаторов Элвина, и два из них находились здесь, на Эвересте.

Хотя Харпер знал об их существовании уже два года и понимал принцип их устройства, «левви», как сотрудники лаборатории почти сразу же окрестили эти аппараты, все еще казались ему волшебством. Их аккумуляторы хранили достаточно энергии, чтобы поднять груз весом в сто десять килограммов по вертикали на высоту в двадцать километров, то есть намного больше, чем требовалось в настоящем случае. Цикл подъема и спуска можно было повторять практически бесконечно, потому что, взаимодействуя с гравитационным полем Земли, батареи разряжались при движении вверх и вновь заряжались при движении вниз. Поскольку ни один механический процесс не имеет стопроцентного коэффициента полезного действия, каждый цикл сопровождался небольшой потерей энергии, но требовалось не менее сотни таких циклов, чтобы полностью разрядить аккумулятор.

Подниматься на гору, не ощущая большей части своего веса, было упоительно. Лямки тянули вверх, создавая ощущение, что люди подвешены к невидимым воздушным шарам, чью подъемную силу можно менять по желанию. Некоторая доля веса была им необходима, чтобы не оторваться

от склона, и после нескольких экспериментальных проверок они пришли к выводу, что оптимальный вариант составляет двадцать пять процентов реального веса. Благодаря левитатору идти по крутизне было так же легко, как по горизонтальной поверхности.

Несколько раз они снижали свой вес почти до нуля, чтобы взобраться по отвесному обрыву, цепляясь руками за неровности скалы. Это, пожалуй, было самым трудным и требовало неколебимой веры в левитатор. Нужно было немалое усилие воли, чтобы висеть вот так в воздухе без опоры, если не считать тихо гудящего аппарата за спиной. Но уже через несколько минут ощущение полной свободы и власти над высотой заглушило всякий страх — ведь человеку наконец-то удалось осуществить мечту, которую он лелеял с незапамятных времен.

Несколько недель назад кто-то из сотрудников библиотеки отыскал в стихотворении начала двадцатого века строку, которая очень точно выражала сущность этого открытия,— «спокойно взмыть в безжалостное небо». Даже птицы не обладали такой властью над шестым океаном. С этой минуты и воздух, и космическое пространство были окончательно побеждены. Левитатор сделал доступными самые высокие и дикие горы Земли, как за полвека до этого акваланг открыл перед человеком морские глубины. Как только аппарат пройдет испытание и будет налажено дешевое массовое производство, все стороны человеческой цивилизации претерпят решительные изменения. Новые виды транспорта вытеснят все прежние. Космические полеты станут не дороже обычных полетов в воздухе. Все человечество поднимется в небеса. Перемены, которые за сто лет до этого принесло изобретение автомобиля, могли служить лишь слабым предзнаменованием того, что должно было произойти теперь.

Но Харпер был убежден, что в это мгновение своего одинокого триумфа доктор Элвин ни о чем подобном не думал. Позже мир будет прославлять его (а возможно, и проклинать), но для него ничто не могло сравниться с сознанием, что он сейчас стоит на высочайшей точке Земли. Это была подлинная победа разума над природой, блестящего интеллекта над слабым искалеченным телом. Эта мысль затмевала все остальное.

Харпер поднялся к Элвину на снежную площадку усеченной пирамиды, и они обменялись церемонным рукопожатием, которого, казалось, требовала эта минута. Но оба молчали. Радость свершения, величественная панорама могучих вершин, вздымавшихся всюду, насколько хватал глаз, делали все слова ненужными и мелкими.

Харпер, блаженно опираясь на лямки, медленно обводил взглядом горизонт, мысленно перебирая названия знакомых великанов: Макалу, Лхоцзе, Барунцзе, Чо Ойю, Канченджонга... Сколько этих пиков до сих пор оставалось непокоренными! Ну, левитатор скоро изменит все это.

Конечно, многие будут против. Но ведь в двадцатом веке тоже были альпинисты, считавшие шулерством использование кислорода. Было трудно поверить, что когда-то люди пытались брать эти высоты без помощи каких-либо аппаратов, лишь после нескольких недель акклиматизации. Харпер вспомнил Мэллори и Ирвина, чьи ненайденные тела, возможно, лежали где-то совсем близко. За его спиной кашлянул доктор Элвин.

— Идемте, Джордж,— сказал он. Голос его звучал глухо из-за кислородного фильтра.— Нам нужно вернуться, пока нас не хватились.

Молча простившись с теми, кто первым поднялся сюда, они спустились с вершины и пошли вниз по пологому склону. Теперь вокруг было уже не так светло, как всего несколько минут назад. Лунный диск то и дело заволакивали быстро несущиеся в вышине облака, и временами темнело настолько, что трудно было находить дорогу. Харперу эта перемена погоды не понравилась, и он подумал, не лучше ли им будет направиться к ближайшему убежищу, чем прямо к альпий-

ской хижине. Но доктору Элвину он ничего не сказал, чтобы напрасно его не тревожить.

Теперь они шли по узкому карнизу — с одной стороны была черная тьма, с другой — слабо мерцали вечные снега. Харпер невольно подумал, что попасть здесь в буран было бы страшно.

Едва он подумал об этом, как на них внезапно обрушился ураганный ветер. Он с воем налетел неизвестно откуда, словно гора все это время втайне накапливала силы. Сделать они ничего не могли — они и без левитатора все равно были бы сбиты с ног. В одно мгновение ветер сбросил их в черную пустоту. Они не имели ни малейшего представления о глубине пропасти. Харпер принудил себя взглянуть вниз, но ничего не увидел. Хотя ветер, казалось, увлекал его в почти горизонтальном направлении, он понимал, что падает, но только скорость его падения замедлялась в соответствии с его уменьшенным весом. Но и такой скорости было больше чем достаточно; если им предстоит упасть с высоты тысячи двухсот метров, то обстоятельство, что ее можно считать равной всего тысяче, вряд ли послужит им большим утешением.

Харпер еще не успел испугаться — для этого будет время, если он уцелеет,— и почему-то его больше всего тревожила мысль, что будет разбит драгоценный левитатор. Он совсем забыл про своего спутника — ведь в такие мгновения сознание способно сосредоточиваться только на чем-то одном.

Внезапный рывок нейлоновой веревки сначала вызвал у него только растерянность. Но тут он увидел доктора Элвина, который вращался вокруг него на другом конце веревки, точно планета вокруг Солнца.

Харпер сразу вернулся к действительности и сообразил, что следует сделать. Да его оцепенение вряд ли и длилось больше ничтожной доли секунды.

— Доктор! — крикнул он.— Включите аварийный подъем!

Сам он тем временем нащупал пломбу на контрольной панели, сорвал ее и нажал на кнопку.

И сразу же аппарат загудел, как рой рассерженных пчел. Харпер почувствовал, как лямки впиваются в его тело, стараясь увлечь его вверх, в небо, от невидимой смерти внизу. В его мозгу огненной строчкой вспыхнули цифры. Один киловатт поднимает сто двадцать пять килограммов на метр в секунду, а аппарат способен преобразовывать энергию тяготения с максимумом в десять киловатт, хотя не дольше чем минуту. Таким образом, учитывая, что вес его уже уменьшился вчетверо, он должен был подниматься со скоростью более тридцати метров в секунду. Доктор Элвин замешкался и не сразу нажал аварийную кнопку, но вот и он начал подниматься. Теперь все решали секунды — успеют ли они подняться прежде, чем ветер швырнет их о ледяную стену Лхоцзе, до которой оставалось не больше трехсот метров.

Они ясно различали залитый лунным светом обрыв в снежных разводах. Определить свою скорость точно они не могли, но во всяком случае она была не меньше пятидесяти километров в час. Даже если они не разобьются насмерть сразу, избежать тяжелых повреждений им не удастся, а здесь, в капкане неприступных гор, это было равносильно смерти.

Но в тот момент, когда удар о ледяные скалы казался неизбежным, их подхватил и потащил вверх вертикальный поток воздуха. Они пронеслись над каменной грядой на утешительной высоте минимум в пятнадцать метров. Это было похоже на чудо, но Харпер тут же понял, что своим спасением они обязаны простому закону аэродинамики — ветер не мог не устремиться вверх, чтобы миновать гору. У противоположного склона он опять ринется вниз. Но это уже не имело значения, так как горизонт впереди был чист.

Теперь они неторопливо плыли под рваными тучами. Хотя скорость их осталась прежней, вой ветра внезапно замер, так как они неслись вместе с ним в пустоте. Сейчас они могли даже переговариваться через разделявшие их десять метров.

— Доктор Элвин! — окликнул ученого Харпер.— Как вы?

— Прекрасно, Джорджи,— невозмутимо ответил тот.— Что будем делать дальше?

— Надо прекратить подъем. Если мы поднимемся выше, то нам нечем будет дышать — даже с фильтрами.

— Да, конечно. Попробуем уравновеситься.

Гневное гудение аппаратов сменилось еле слышным жужжанием. Выключив аварийную систему, они некоторое время крутились на своей нейлоновой веревке — наверху оказывался то один, то другой,— но в конце концов им удалось принять устойчивое положение. К этому моменту они уже находились на высоте около девяти тысяч метров и могли считать себя в полной безопасности — если только выдержат левитаторы, которые после такой перегрузки вполне могли отказать. Неприятности, по-видимому, начнутся, когда они попробуют спуститься вниз.

Еще никому в истории не доводилось встречать такого странного рассвета. Хотя доктор Элвин и Харпер устали и совсем окоченели, а каждый вздох в разреженном воздухе царапал горло, точно наждачная бумага, они забыли обо всем, едва на востоке за зубцами вершин разлилось первое смутное сияние. Звезды таяли, но одна продолжала блестеть почти до самого восхода солнца — самая яркая из космических станций, Тихоокеанская-3, парящая в сорока тысячах километрах над Гавайскими островами. Затем из моря безымянных пиков поднялось солнце, и в Гималаях наступил день.

Впечатление было такое, словно они наблюдали восход солнца на Луне. Сначала лучи озарили вершины лишь самых высоких гор, а долины по-прежнему заполняла чернильная чернота. Потом граница света медленно и неуклонно поползла вниз по скалистым склонам, и день наступил повсюду в этом суровом неприступном крае.

Теперь внимательный взгляд уже мог различить признаки человеческой жизни. Кое-где в долинах вились узкие дороги, там, где прятались деревушки, поднимались струйки

дыма, поблескивали черепичные крыши монастыря. Мир внизу пробуждался, не подозревая, что на него смотрят два наблюдателя, чудесным образом вознесенные на высоту пяти тысяч метров над ним.

По-видимому, ночью ветер несколько раз менял направление, и Харпер не имел ни малейшего понятия о том, где они теперь находятся. Он не различал ни одного знакомого ориентира и не знал даже, Непал под ними или Тибет — они могли находиться где угодно в радиусе тысячи километров от Эвереста.

Прежде всего необходимо было выбрать место для приземления, причем безотлагательно, потому что их быстро несло к хаосу вершин и ледников, где вряд ли можно рассчитывать на помощь. С другой стороны, если бы они внезапно спустились с неба на глазах неграмотных и суеверных крестьян, это могло бы кончиться для них довольно плохо.

— Нельзя ли нам спускаться побыстрее? — сказал Харпер.— Мне не слишком нравится хребет, к которому нас несет.

Его слова будто затерялись в окружающей пустоте. Хотя доктор Элвин находился всего в трех метрах сбоку, Харперу вдруг показалось, что его голос не доносится до ученого. Но через две-три секунды тот неохотно кивнул.

— Боюсь, вы правы. Но я не уверен, что у нас что-нибудь выйдет при таком ветре. Не забывайте, спускаться мы должны много медленнее, чем поднимались.

Так оно и было: аккумуляторы заряжались в десять раз медленнее, чем разряжались, и при стремительной потере высоты аккумуляторы получали бы гравитационную энергию так интенсивно, что батареи перегрелись бы, а это могло привести к взрыву. Недоумевающие тибетцы (или непальцы) решили бы, что они видят огромный болид. И никто бы так никогда и не узнал, какая судьба постигла доктора Жюля Элвина и его подающего надежды молодого помощника.

До земли осталось тысяча пятьсот метров. Харпер с секунды на секунду ожидал взрыва. Они падали быстро, но все же недостаточно быстро, и вскоре им предстояло затормозить, чтобы смягчить удар в момент приземления. В довершение всего они совершенно не учли скорость ветра у поверхности земли, а он там дул опять почти с ураганной силой. Под ними, точно призрачные знамена, реяли вихри снега, сорванного со скалистых склонов. Пока они двигались вместе с ветром, они не замечали его силы, а теперь им вновь приходилось покидать податливую воздушную стихию и встретить твердую неподатливость камня.

Ветер гнал их в узкое ущелье. Подняться выше они уже не могли, и им оставалось только одно: найти место, более или менее подходящее для приземления.

Ущелье сужалось с грозной быстротой. Оно превратилось в глубокую расселину, и каменные обрывы проносились мимо со скоростью около семидесяти километров в час. Временами невидимые завихрения бросали их то вправо, то влево, и несколько раз им только чудом удалось избежать удара о каменный выступ.

Когда они оказались всего в двух-трех метрах над карнизом, покрытым мягкими сугробами, Харпер чуть было не нажал рукоятку, которая отделяет левитатор от лямок. Но это значило бы попасть из огня да в полымя: благополучно приземлившись на этом уступе, они оказались бы в ловушке, без всякой помощи.

Но даже и теперь Харпер не ощущал страха. Происходящее воспринималось как увлекательный сон — еще немного, и он проснется в своей постели. Не может быть, чтобы этот сумасшедший полет был реальностью...

— Джордж! — крикнул доктор Элвин.— Попробуем зацепиться вон за ту скалу!

В их распоряжении оставалось лишь несколько секунд. Они сразу принялись вытравливать нейлоновую веревку так, что она провисла между ними, почти задевая снег. Прямо

впереди торчал высокий камень, а широкий сугроб за ним обещал относительно мягкое приземление.

Веревка скользнула вверх по камню и, казалось, должна была вот-вот достичь его верхушки, но тут она зацепилась за острый выступ. Харпер почувствовал страшный рывок. Его закрутило, как камень в праще.

«Неужели снег может быть таким жестким?» — подумал он, увидел ослепительную вспышку и провалился в черное небытие.

...Он сидел в университетской аудитории. Преподаватель что-то говорил знакомым голосом, который почему-то казался чужим в этой обстановке. Он лениво, словно сквозь сон, перебрал в уме фамилии всех своих университетских профессоров. Нет, не может быть, чтобы кто-то из них. Тем не менее он очень хорошо знает этот голос. И несомненно, это лекция.

«...Еще в юности я понял, что эйнштейновская теория гравитационного поля неверна. Принцип эквивалентности, несомненно, опирался на ложную предпосылку. Из него вытекало, что между проявлениями силы тяготения и ускорением невозможно провести различия. Но это же явная ошибка. Можно создать однородное ускорение, но однородное гравитационное поле — невозможно, поскольку оно подчиняется закону обратных квадратов и, следовательно, должно меняться даже на очень коротких расстояниях. Таким образом, можно было бы без труда разработать способ их различения, и это подсказало мне...»

Смысл этих тихих слов не доходил до сознания Харпера, словно рядом разговаривали на незнакомом языке. Однако он смутно ощущал, что должен был бы их понимать, только ему не хотелось напрягаться. Да и вообще сперва следовало разобраться, где он находится.

Кругом царил непроницаемый мрак. А может быть, он ослеп? Харпер замигал, и это ничтожное усилие отдалось в голове такой ломящей болью, что он вскрикнул.

— Джордж! Как вы себя чувствуете?

Ну конечно же! Это был голос доктора Элвина, который негромко с кем-то разговаривал в темноте. Но с кем?

— У меня невыносимо болит голова и колет в боку, когда я пробую пошевелиться. Что случилось? Почему так темно?

— У вас, по-видимому, сотрясение мозга и, вероятно, сломано ребро. Вам вредно разговаривать. Вы пролежали без сознания весь день. Сейчас уже снова ночь. Мы в палатке, и я экономлю батареи.

Когда доктор Элвин зажег фонарь, Харпер даже зажмурился — таким ярким показался ему свет. Он увидел блестящие стенки маленькой палатки. Как хорошо, что они захватили с собой альпинистское снаряжение на случай, если задержатся на Эвересте! Но возможно, это только продлит их агонию...

Он с удивлением подумал, как же ученый-калека без посторонней помощи сумел распаковать их рюкзаки, поставить палатку и втащить его внутрь.

Вокруг были аккуратно уложены и расставлены аптечка первой помощи, банки с концентратами, канистры с водой, крохотные баллончики для портативной газовой плитки. Только громоздких батарей левитатора нигде не было видно.

Вероятно, доктор Элвин оставил их снаружи, чтобы не загромождать палатку.

— Когда я очнулся, вы с кем-то разговаривали,— сказал Харпер.— Или я бредил?

Хотя на лицо Элвина ложились отблески от стен палатки, мешая уловить его выражение, Харперу показалось, что ученый смутился. И сразу же понял почему. Лучше бы ему не задавать этого вопроса.

Доктор Элвин не верил, что они сумеют спастись, и диктовал на пленку подробности своего открытия на тот случай, если их тела будут когда-нибудь найдены. Но прежде чем ученый успел ответить, Харпер быстро переменил тему:

— Вы вызывали спасательную службу?

— Пытаюсь каждые полчаса, но боюсь, гора нас экранирует. Я их слышу, а они меня — нет.

Элвин взял маленький приемник-передатчик, служивший также диктофоном, который обычно носил на запястье, а теперь для удобства снял, и включил его.

— Спасательный пост номер четыре слушает,— донесся слабый механический голос.— Прием, прием.

Во время пятисекундной паузы Элвин нажимал на кнопку сигнала бедствия, потом отпустил ее.

— Спасательный пост номер четыре слушает. Прием, прием.

Они выждали минуту, но пост не сообщил, что их сигнал принят. Что же, подумал Харпер, теперь поздно упрекать друг друга. Дрейфуя над горами, они несколько раз собирались вызвать общеземную спасательную службу, но отказались от этой мысли — отчасти потому, что это не имело особого смысла, пока их нес ветер, но главное, им хотелось избежать нежелательной шумихи. Задним числом, конечно, легко быть умным, но кто мог предположить, что они угодят в такое место, откуда нельзя будет связаться даже с ближайшим спасательным постом?

Доктор Элвин выключил передатчик, и теперь в палатке было слышно только, как ветер свистит в ущелье, которое для них оказалось двойной ловушкой,— ни выбраться из него самостоятельно, ни вызвать помощь они не могли.

— Не тревожьтесь,— сказал наконец доктор Элвин.— Утром мы что-нибудь придумаем. А до тех пор мы ничего предпринять не можем — разве что устроиться поудобнее. Нука, выпейте немножко горячего бульона, и вам сразу станет легче.

Через несколько часов головная боль Харпера совсем прошла. Правда, ребро было почти наверняка сломано, но Харпер обнаружил, что оно перестает ныть, если лежать спокойно на другом боку и не шевелиться. В целом он теперь чувствовал себя не так уж плохо.

За эти часы Харпер успел отчаяться; потом он проникся ненавистью к доктору Элвину (а заодно и к себе): какого черта ему понадобилось участвовать в этой сумасшедшей авантюре? Но все это осталось позади, и он не засыпал только потому, что продолжал обдумывать различные планы спасения.

Ветер снаружи почти утих и было уже не так темно, оттого что взошла луна. Разумеется, проникнуть глубоко в расселину ее лучи не могли, но на палатку падали отблески от снега на склонах. Сквозь ее прозрачные теплоизолирующие стенки просачивался смутный свет.

Во-первых, сказал себе Харпер, никакая непосредственная опасность им не угрожает. Еды у них хватит по крайней мере на неделю, а водой они обеспечены — вон сколько вокруг снега. Дня через два, если его ребро подживет, они смогут снова начать воздушную прогулку, которая, надо надеяться, кончится более удачно.

Где-то неподалеку раздался странный мягкий хлопок, и несколько секунд Харпер недоумевал, пока не сообразил, что это с верхнего уступа сорвался снег. Ночная тишина была такой нерушимой, что Харперу казалось, будто он слышит биение собственного сердца, а ровное дыхание его товарища звучало неестественно громко.

Странно, как легко нас отвлекают всякие пустяки! Он снова заставил себя вернуться к планам спасения. Даже если он и не сумеет встать, доктор Элвин может отправиться за помощью сам. Шансы на успех в данном случае у одного были не меньше, чем у двоих.

Вновь раздался странный мягкий хлопок, на этот раз как будто ближе. Харпера вдруг удивило, что снег осыпается в такую холодную безветренную ночь. Оставалось только надеяться, что они не окажутся на пути лавины.

Конечно, он не успел как следует разглядеть уступ, на который они опустились, а потому не мог решить, насколько реальна такая опасность. Он подумал, не разбудить ли

доктора Элвина, который, без сомнения, успел все рассмотреть, пока ставил палатку. Но тут же решил этого не делать: если им действительно грозит лавина, они все равно обречены.

Лучше вернуться к главной задаче. А не прикрепить ли передатчик к одному из левитаторов и не послать ли его вверх? Сигнал, конечно, будет принят, едва левитатор поднимется над ущельем, и спасатели найдут их через несколько часов или в худшем случае через несколько дней.

Правда, при этом они лишатся одного левитатора, и если почему-либо сигнал не будет принят, положение их станет значительно хуже. Но тем не менее...

Что это?! Теперь до него донесся не мягкий хлопок снега, а постукивание камешков о камешки. Камешки же сами собой в движение не приходят.

У тебя разыгралось воображение, сказал себе Харпер. Ну кто будет в глухую ночь разгуливать по гималайским ущельям? Но во рту у него внезапно пересохло, а по спине забегали мурашки. Нет, он, бесспорно, что-то слышал, и нечего себя успокаивать.

До чего шумно дышит доктор Элвин! Совершенно невозможно расслышать, что происходит снаружи. А может быть, недремлющее подсознание и во сне предупредило его об опасности? Черт побери, опять ты фантазируешь...

Снаружи стукнули камешки.

Пожалуй, ближе, чем в тот раз, и во всяком случае в другой стороне. Можно подумать, что кто-то, наделенный способностью двигаться почти бесшумно, медленно обходит их палатку.

В эту минуту Джордж Харпер с ужасом вспомнил все, что ему приходилось слышать о снежном человеке. Правда, слышал он о нем очень мало, но и этого было более чем достаточно.

Он вспомнил, что легенды о йети, как называли непальцы это неведомое существо, упорно бытуют среди обитате-

лей Гималаев. Правда, ни одно из этих волосатых чудовищ не было ни разу поймано, сфотографировано или хотя бы точно описано надежным очевидцем. Почти весь мир был убежден, что йети лишь миф, и столь скудные доказательства, как следы на снегу или лоскутки кожи, хранящиеся в дальних монастырях, не могли поколебать этого убеждения.

Но гималайские горцы оставались при своем мнении. И Джордж Харпер начал опасаться, что правы были горцы, а не весь остальной мир.

Затем, когда истекло несколько долгих секунд, а все оставалось спокойно, его страх начал понемногу проходить. Наверное, у него от бессонницы возникают слуховые галлюцинации. И он заставил себя вновь вернуться к планам спасения. И уже успел снова углубиться в эти мысли, как вдруг о палатку ударилось какое-то тяжелое тело.

Харпер не завопил во всю мочь только потому, что у него от ужаса перехватило дыхание. Он был не в силах пошевельнуться. Затем он услышал, как в темноте рядом с ним сонно заворочался доктор Элвин.

— Что такое? — пробормотал ученый.— Вам нехорошо?

Харпер почувствовал, что Элвин перевернулся на другой бок, и понял, что тот нащупывает фонарь. Он хотел прошептать: «Ради бога, не двигайтесь!», но не мог выдавить из своего пересохшего горла ни звука.

Раздался щелчок, и на одну из стенок палатки лег яркий кружок света от фонаря.

Эта стенка прогибалась внутрь, словно на нее давила какая-то тяжесть. В центре выпуклости было нетрудно угадать очертания не то руки со скрюченными пальцами, не то когтистой лапы. Она находилась всего в полуметре над землей, словно неведомый пришелец теребил ткань палатки, стоя на коленях.

Свет, по-видимому, его испугал, потому что когтистая лапа мгновенно исчезла, и стенка вновь натянулась. Раздалось глухое сердитое ворчание, и на долгое время наступила полная тишина.

Харпер с трудом перевел дух. Он ожидал, что в стенке вот-вот появится зияющая прореха и на них из темноты ринется нечто невыразимо ужасное. И он чуть истерически не вскрикнул, когда вместо треска рвущейся ткани откуда-то сверху донесся еле слышный посвист поднявшегося на мгновение ветра.

Затем последовал знакомый, почти домашний звук. Это зазвенела пустая консервная банка, ударившись о камень, и почему-то напряженность немного спала. Харпер наконец смог заговорить, а вернее, сипло прошептать:

— Он отыскал наши консервы. Может, теперь он уйдет.

Словно в ответ, послышалось рычание, в котором чувствовались разочарование и злость, затем раздались удар и грохот катящихся банок. Харпер вдруг вспомнил, что все их продовольствие было в палатке, а снаружи валялись пустые жестянки. Это его не обрадовало. Он от всего сердца пожалел, что они не взяли примера с суеверных горцев и не оставили снаружи подношения богам или демонам, бродящим по этим вершинам.

И тут произошло нечто настолько внезапное и неожиданное, что он сообразил, в чем было дело, только когда все кончилось. Раздался скрежет, словно по камням протащили что-то металлическое, потом — знакомое жужжание и удивленное фырканье.

И затем — душераздирающий вопль ярости и ужаса, который начал стремительно удаляться — все выше и выше в небо.

Этот замирающий звук вызвал в памяти Харпера давно забытую картину. Однажды ему довелось посмотреть старинный (начала двадцатого века) фильм, посвященный истории воздухоплавания. В этом фильме было несколько страшных кадров, рассказывавших о первом полете дирижабля. Выводившие его из ангара рабочие отпустили канаты не все вместе, и тех, кто замешкался, дирижабль мгновенно увлек за собой в вышину. Несколько минут они беспомощно болтались под ним, цепляясь за канаты, а затем уставшие пальцы разжались и они один за другим попадали на землю.

Харпер ждал далекого глухого удара о камни, но удар так и не раздался. Тут он услышал, что доктор Элвин повторяет снова и снова:

— Я связал левитаторы вместе. Я связал левитаторы вместе.

Харпер был настолько ошеломлен, что это его даже не встревожило. Он испытывал только досаду. Ведь теперь он так никогда и не узнает, кто рыскал вокруг их палатки в смутном мраке гималайской ночи.

День начинал клониться к вечеру, когда в ущелье спустился горный спасательный вертолет, который вел скептиксикх, подозревавший, что все это подстроил какой-то изобретательный шутник. Когда вертолет приземлился в центре поднятого им снежного вихря, доктор Элвин, одной рукой цепляясь за столбик палатки, отчаянно замахал машине.

Узнав ученого, вертолетчик испытал что-то похожее на благоговейный ужас. Значит, это правда! Ведь иначе Элвин никогда бы не очутился тут. И следовательно, все, что сейчас летает в земной атмосфере и за ее пределами, с этой минуты устарело, как древние колесницы.

— Слава богу, что вы нашли нас,— прочувствованно сказал ученый.— Но как вы добрались сюда так быстро?

— За это можете поблагодарить радиолокаторную сеть слежения и телескопы орбитальных станций. Мы бы добрались сюда и раньше, только сначала думали, что это какой-то розыгрыш.

— Не понимаю...

— А что бы вы сказали, доктор, если бы кто-нибудь сообщил, что дохлый гималайский снежный барс, запутавшийся в какой-то сбруе, болтается на высоте в двадцать семь километров, не взлетая выше и не падая?

Джордж Харпер на своей постели в палатке принялся хохотать, не обращая внимания на боль, которую причинял смех. Доктор всунул голову внутрь и обеспокоенно спросил:

— Что случилось?

— Ничего... о-ох! Я просто задумался над тем, как мы снимем оттуда бедную животину, чтобы она не создавала угрозы для воздушного транспорта.

— Ну, отправим туда кого-нибудь на левитаторе, чтобы он нажал на кнопки. Возможно, надо будет ввести радиоконтроль для всех аппаратов...

Голос доктора Элвина замер на полуслове. Ученый был уже далеко отсюда, углубившись в расчеты, которым предстояло изменить судьбу многих миров. Ибо он возвращал человечеству свободу, утраченную давным-давно, когда первые амфибии покинули свою невесомую подводную родину.

Битва с тяготением, длившаяся миллиард лет, была выиграна.

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ МОРЛИ РОБЕРТ УЭЛЛС, ЭСКВАЙР

Несколько лет назад я написал рассказ, называвшийся «Самый длинный фантастический рассказ в истории», который Фред Пол чуть позже опубликовал на одной полосе своего журнала. Поскольку редакторам как-то нужно оправдывать свое существование, он переименовал его в «Рекурсивный метарассказ», который можно найти в октябрьском номере «Гэлэкси» за тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. В самом начале этого метарассказа, но за бесконечное количество слов до его конца, я упоминал «Провидца» Г. Дж. Уэллса.

Хотя это короткое фантастическое произведение попалось мне на глаза лет двадцать назад и с тех пор я его не перечитывал, оно оставило у меня неизгладимое впечатление. В нем говорится о двух писателях, все лучшие творения одного из которых публикуются другим еще до того, как тот сам успел их закончить. В конце концов, отчаявшись, он решает, что убийство — единственное средство от хронического в буквальном смысле плагиата.

Естественно, соперник в очередной раз его опережает, и рассказ заканчивается словами: «Провидец в ужасе бросился бежать по переулку».

Сейчас я мог бы поклясться на стопке Библий, что автор этого рассказа — Г. Дж. Уэллс. Но через несколько месяцев после публикации в «Гэлэкси» я получил письмо от Лесли А. Гриттена из Эверетта, штат Вашингтон, в котором тот писал, что нигде не может его найти. Это несмотря на то что мистер Гриттен — давний поклонник Уэллса и прекрасно помнит «Войну миров», печатавшуюся с продолжением в «Стрэнд мэгэзин» в конце девяностых годов девятнадцатого века. Воистину, чтоб мне сдохнуть, как выразился бы один из персонажей-кокни великого мастера.

© Перевод К. Плешкова.

Не в силах поверить, что память могла сыграть со мной столь дурную шутку, я быстро просмотрел двадцать с лишним томов подписанного автором собрания сочинений в публичной библиотеке Коломбо. По весьма приятному совпадению Британский совет только что организовал выставку, посвященную столетнему юбилею Уэллса. Вход в библиотеку украшали фотографии, иллюстрировавшие его жизнь и творчество.

Вскоре я обнаружил, что мистер Гриттен прав. Рассказа под названием «Провидец» в собрании сочинений не оказалось. Однако за те месяцы, что прошли после появления «Самого длинного фантастического рассказа в истории», ни у кого из читателей вопросов по этому поводу больше не возникло. Я даже расстроился!.. Куда подевались в наше время все поклонники Уэллса?

В конце концов один из моих начитанных информаторов разгадал по крайней мере часть тайны. «Провидец» был написан неким Морли Робертсом и впервые опубликован в тысяча восемьсот девяносто восьмом году в сборнике «Хранитель вод и другие рассказы». Кажется, он встречался мне в антологии издательства «Даблдэй» «Путешественники во времени», изданной в тысяча девятьсот сорок седьмом под редакцией Филипа Ван Дорена Стерна.

Однако ряд вопросов остается без ответа. Прежде всего: почему я был настолько уверен в том, что рассказ принадлежит Уэллсу? Могу лишь предполагать, хотя это выглядит довольно надуманно даже для моего живого воображения, что из-за сходства слов я подсознательно связал его с «Новейшим ускорителем»*.

Мне также крайне интересно, почему этот рассказ столь врезался в мою память. Возможно, как и все писатели, я весьма болезненно отношусь к опасности плагиата. Пока что — постучу по дереву! — мне везло. Но у меня есть наметки не-

* Провидец — Anticipator, Ускоритель — Accelerator.

скольких рассказов, которые я боюсь писать, пока не удостоверюсь в том, что их идея действительно оригинальна. Например, про парочку, которая высаживается на новой планете после того, как взорвалась их собственная. Когда они опять начинают все сначала, оказывается — сюрприз! — что их зовут Адам и Ева.

Одним из положительных последствий моей ошибки стало то, что я снова начал просматривать рассказы Уэллса и, к своему удивлению, обнаружил, что лишь относительно небольшую их часть можно отнести к научной фантастике и даже фэнтези. Хотя мне прекрасно было известно, что из сотни с лишним опубликованных томов его произведений фантастика составляет лишь малую долю, я забыл о том, что то же самое верно и в отношении его рассказов. Подавляющее большинство из них — драмы и комедии из жизни в эпоху короля Эдуарда («Измена Джейн»), довольно неудачные попытки юмора («Мой первый аэроплан»), автобиографические произведения («Препарат под микроскопом») или чистый садизм («Конус»). Я наверняка необъективен, но такие шедевры, как «Звезда», «Хрустальное яйцо», «Странная орхидея» и прежде всего «Страна слепых», сверкают среди них, словно бриллианты в груде побрякушек.

Но вернемся к Морли Робертсу. Так или иначе, я ничего о нем больше не знаю. У меня возникает мысль, не вдохновила ли его на небольшую экскурсию в будущее «Машина времени», увидевшая свет всего за несколько лет до «Провидца»? Мне также очень интересно, какое из произведений было на самом деле написано — а не опубликовано! — раньше.

Почему столь остроумный автор не сумел достичь известности? Быть может...

Мне только что пришла в голову мысль, внушающая страх. Если Морли Робертса, современника Г. Дж. Уэллса, нашли мертвым в темном переулке, то мне просто не хочется об этом знать.

Этот мир никогда не видел солнца. Около полумиллиарда лет он — жертва враждующих гравитационных полей — висит между двумя галактиками. В далеком будущем равновесие нарушится в ту или иную сторону и он понесется через световые века к теплу, которого ему знать еще не довелось.

Сейчас же здесь царит невообразимый холод — межгалактическая ночь отняла у этого мира тепло. Однако тут имеются моря — моря единственного вещества, которое может существовать в жидкой форме при температуре чуть ниже абсолютного нуля. В мелких океанах гелия, омывающих берега диковинного мира, электрические течения бесконечны, а сила их не убывает, сверхпроводимость — самое обычное явление; процесс переключения может происходить миллиарды раз в секунду в течение миллиардов лет, причем с незначительными затратами энергии.

Самый настоящий рай для компьютеров. Нет мира настолько же непригодного для жизни, как этот, и настолько же удобного для искусственного интеллекта.

И разум здесь есть — он сосредоточился в кристаллах и микроскопических металлических нитях, разбросанных по всей поверхности планеты. Едва различимый свет двух соперничающих галактик, незначительно усиливающийся каждую пару веков за счет вспышек сверхновых, озаряет пейзаж из причудливых геометрических фигур. И здесь царит полная неподвижность, поскольку в мире, где мысль мгновенно передается из одного полушария в другое со скоростью света, нет никакой необходимости в движении. В этом мире значение имеет только информация, а перенос с места на место материи требует затрат драгоценной энергии.

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

Впрочем, когда появлялась необходимость в таком переносе, проблем не возникало. Однако уже несколько миллионов лет назад разум, поселившийся на одинокой планете, понял, что ему не хватит данных, имеющих существенное значение для его благополучия. Он предвидел, что в далеком будущем одна из галактик сумеет подчинить себе его мир. Искусственный интеллект не знал, с чем ему придется столкнуться, когда он познакомится с солнцем.

И потому усилием воли он заставил мириады кристаллов изменить свою форму. Атомы металла потекли по поверхности планеты. На дне моря гелия появились на свет и начали развиваться два одинаковых сознания...

Как только разум принял решение, интеллект планеты заработал четко и быстро — на выполнение задачи ушло всего несколько тысяч лет. Без звука, не потревожив зеркальную поверхность моря, со дна поднялись два новых организма и отправились к далеким звездам.

Они умчались в противоположных направлениях, и около миллиона лет вызвавшая их к жизни сущность ничего о них не слышала. Впрочем, планетарный разум и не ждал от них известий. Чтобы сообщить что-нибудь определенное, каждый из них должен добраться до своей цели.

Затем практически одновременно пришло известие о провале обеих миссий. Оказавшись в непосредственной близости от галактического пожара, рожденного теплом триллионов солнц, оба исследователя погибли. Жизненно важные цепи перегрелись и лишились сверхпроводимости, без которой не могли функционировать,— в результате два лишенных разума металлических объекта поплыли к постепенно увеличивающимся в размерах звездам.

Но прежде чем погибнуть, они успели доложить о возникших в ходе их миссии проблемах. И тогда, не проявляя ни удивления, ни огорчения, материнская планета приступила к подготовке новой попытки.

И через миллион лет — к третьей... потом четвертой... и пятой...

Такое непоколебимое терпение и настойчивость заслуживали награды, и она наконец пришла в виде двух длинных, изощренно модулированных потоков импульсов, которые век за веком поступали с самых разных участков неба. Они хранились в цепях памяти, идентичных тем, что имелись у погибших разведчиков,— получалось, будто два исследователя вернулись, нагруженные багажом знания. Тот факт, что их металлические останки затерялись среди звезд, не имел никакого значения — проблема личности никогда не занимала планетарный разум и его детей.

Сначала поступила поразительная новость о том, что одна из вселенных пуста. Отправившийся туда зонд пытался отыскать на всех возможных частотах какие-нибудь источники излучения, однако ему удалось уловить лишь бессмысленный говор звезд. Он изучил тысячи миров и нигде не обнаружил даже намека на присутствие разумных существ. Естественно, пробы нельзя было рассматривать как бесспорное доказательство, поскольку зонду не удалось приблизиться ни к одной из звезд на расстояние, необходимое для ее детального изучения. Во время одной из попыток отказала система изоляции, температура зонда упала до точки замерзания водорода, и он сгорел.

Планетарный разум пытался решить загадку пустой вселенной, когда поступил доклад от второго разведчика. И все остальные проблемы отошли на второй план, поскольку в этой вселенной имелось множество разумов, и их мысли мириадами электронных кодов метались между звездами. Зонду понадобилось всего несколько веков, чтобы расшифровать и проанализировать их все.

Он довольно быстро понял, что столкнулся с очень необычным видом интеллекта. Некоторые его носители жили на таких жарких планетах, что даже вода там оставалась в жидком состоянии! Но даже и за целое тысячелетие исследователю не удалось разобраться, что конкретно представляет собой данная разумная жизнь.

Потрясение оказалось столь сильным, что он с трудом справился с его последствиями. Собрав последние силы,

разведчик отправил свой доклад на родную планету, а вскоре погиб, став жертвой слишком высоких температур.

Полмиллиона лет спустя его разум-близнец, оставшийся дома и хранящий все его воспоминания и опыт, подвергся самому пристрастному допросу...

— Тебе удалось обнаружить интеллект?

— Да. В шестистах тридцать семи случаях у меня нет ни малейших сомнений. Тридцать два следует подвергнуть еще одной проверке. Данные прилагаются.

(Примерно три квадрильона битов информации. С интервалом в два года для их обработки несколькими тысячами разных способов. Удивление и непонимание.)

— Данные непродуктивны. Все источники интеллекта непосредственно связаны с высокими температурами.

— Совершенно верно. Но факты бесспорны — их следует признать.

(Пятьсот лет размышлений и экспериментов. В конце указанного времени — однозначное доказательство того, что простые, медленные машины могут функционировать при температуре кипения воды. Большие территории сильно пострадали во время демонстрации результатов эксперимента.)

— Факты действительно таковы, какими ты их представил. Почему ты не попытался войти с ними в контакт?

(Ответа нет. Вопрос приходится повторить.)

— Потому что я считаю это второй и более серьезной аномалией.

— Предоставь данные.

(Несколько квадрильонов битов информации, образцы шестисот культур, включающих: голосовые, видео- и нейропередачи; навигационные и контрольные сигналы; телеметрические приборы; схемы тестирования; создание радиотехнических помех; электрическую интерференцию; медицинское оборудование и т. д.

Далее пять веков анализа. И в результате — полное недоумение.)

(После длительной паузы отдельные данные изучены повторно. Тысячи визуальных образов просмотрены и обработаны самыми разными способами. Особое внимание уделено образовательным телевизионным программам нескольких планет, в особенности тем, которые имеют отношение к элементарной биологии, химии и кибернетике. И наконец...)

— Информация подтверждается, но она, скорее всего, ошибочна. Если же нет, то мы вынуждены сделать следующие выводы: 1) хотя разум, сходный с нашим, имеет место, он находится в меньшинстве; 2) большинство разумных организмов — это существа, частично состоящие из жидкости и наделенные очень коротким временем действия; они не отличаются жесткостью и построены весьма неэффективным способом из углерода, водорода, кислорода, фосфора и тому подобного; 3) несмотря на способность выдерживать исключительно высокие температуры, они обрабатывают и передают информацию немыслимо медленно; 4) их методы воспроизводства так сложны, невероятны и различны, что ни в одном из рассмотренных нами случаев мы не смогли получить четкую картину; 5) хуже всего: они утверждают, будто им принадлежит заслуга создания нашего, вне всякого сомнения, превосходящего их интеллекта!

(Тщательное повторное исследование данных. Независимая обработка не связанных между собой отделов глобального разума. Обмен результатами и новая проверка. Тысячу лет спустя...)

— Самый вероятный вывод таков: хотя бóльшая часть полученной нами информации не подвергается сомнению, существование немашинного разума высшего порядка — это самая настоящая фантазия. (Определение: самосогласованная перестановка фактов, не имеющая отношения к реальной вселенной.) Эта фантазия, или ментальный артефакт, создана нашим зондом во время выполнения задания. Каковы причины ее возникновения? Термические повреждения? Частичная дестабилизация интеллекта, вызванная длительным периодом изоляции и отсутствием контроля?

— Почему именно в таком виде? Затянувшееся размышление над проблемой возникновения изучаемого интеллекта? Оно может породить неправильное восприятие вселенной. Исследовательские системы выдали практически идентичные результаты во время моделированных тестов. Получается, что мы имеем дело с перевернутой логикой: мы существуем, а значит, нечто — назовем его X — нас создало. Как только мы делаем подобное предположение, в дальнейшем вполне допустимо представить себе, что гипотетический X обладает самыми невероятными качествами и возможностями.

Однако следует признать, что этот путь ошибочен, поскольку, если следовать той же логике, выходит, что нечто создало X... и так далее. Мы оказываемся вовлеченными в бесконечный процесс, не имеющий смысла в реальной вселенной.

Второй наиболее вероятный вывод таков: немашинный разум высокого порядка действительно существует. И ошибочно считает, что он создал организмы нашего вида. В нескольких случаях они даже сумели установить контроль над этими организмами. И хотя данная гипотеза в высшей степени маловероятна, ее следует изучить. Если окажется, что она верна, необходимо принять меры. И сделать следующее...

Последний монолог имел место миллион лет назад. Он объясняет, почему за последние полвека почти одна четверть более ярких суперновых возникла в одном крошечном регионе — в созвездии Орла.

Крестовый поход против Земли начался. Его воины доберутся к месту назначения в 2050 году.

— Из уважения к родственникам история суперкрейсера «Флэтбуш» так и не стала достоянием общественности,— с неприятной улыбкой объяснил командор Каммербанд.— Конечно, вы знаете, что он пропал без вести во время войны с мукоидами.

Все мы содрогнулись. Даже сейчас одно только упоминание о склизких монстрах, прилетевших к Земле со стороны Угольного Мешка, вызывало тошнотворные воспоминания.

— Я хорошо знал его командира, капитана Карла ван Риндерпеста, героя последней атаки на... брр!

Он сделал вежливую паузу, дав нам возможность вытащить пальцы из ушей и вытереть пролитые напитки.

— «Флэтбуш» только что выпустил залп вероятностных инверторов по родной планете мукоидов и уходил в сторону глубокого космоса в одном строю с тремя истребителями — русским «Поручик Киже», израильским «Чуцпа» и кораблем ее величества «Неуязвимый». Они все еще набирали скорость, когда случилось невероятное. «Флэтбуш» влетел прямо в гравитационный колодец нейтронной звезды.

Когда с наших лиц исчезло выражение недоверия и ужаса, он сурово продолжал:

— Да, сферы из крайне плотной материи, диаметром всего в полтора десятка километров, но столь же массивной, как и Солнце. Поэтому сила тяжести на ее поверхности в сто миллиардов раз превосходила земную.

Другим кораблям повезло. Они лишь зацепили внешний край поля и сумели уйти, хотя их орбиты отклонились

© Перевод К. Плешкова.

почти на сто восемьдесят градусов. Но «Флэтбуш», как мы позднее подсчитали, видимо, прошел в нескольких десятках километров от невероятно сконцентрированной массы и испытал на себе всю ее мощь.

Сейчас, оказавшись практически в любом гравитационном поле, даже белого карлика, которое может составлять до миллиона земных, вы просто разворачиваетесь вокруг центра притяжения и снова устремляетесь в космос, ничего не ощутив. В самой близкой точке ваше ускорение может составлять сотни или тысячи *g*, но вы все равно пребываете в состоянии свободного падения, без каких-либо физических воздействий. Прошу прощения, если излагаю очевидные вещи, но, как я понимаю, здесь не все технически подкованы.

Если это была шпилька в адрес генерального казначея флота Гелдклатча по прозвищу Липкие Пальцы, то тот не подал виду, поглощая пятый стакан марсианского «Веселого сока».

— Однако с нейтронной звездой все иначе. Возле центра масс гравитационный градиент — то есть скорость изменения поля с расстоянием — столь велик, что даже в пределах небольшого тела, такого как космический корабль, может возникать разница в сто тысяч *g*. Вряд ли стоит объяснять, что подобная гравитация может сделать с любым материальным объектом.

«Флэтбуш», вероятно, почти мгновенно разорвало на куски. Видимо, они потекли подобно жидкости за те несколько секунд, которые им потребовались, чтобы обогнуть звезду. Затем они снова унеслись в космос.

Через несколько месяцев радар спасательного корпуса обнаружил кое-какие обломки. Я видел их. Куски самого прочного металла, какой только имелся в нашем распоряжении, приобрели сюрреалистическую форму, были скручены, словно ириски. Только один предмет удалось опознать. Вероятно, он входил в набор инструментов какого-то несчастного инженера.

Голос командора стал едва слышен, по щеке его скатилась скупая мужская слеза.

— Мне крайне неприятно это говорить,— вздохнул он.— Но единственным опознаваемым фрагментом гордости космического флота Соединенных Штатов оказался изуродованный разводной ключ.

Люди Земли, не надо бояться. Мы пришли к вам с миром — а почему бы и нет? Ведь мы — ваши двоюродные братья и уже бывали здесь!

Вы сразу же признаете нас, как только мы познакомимся, а это произойдет через несколько часов. Мы приближаемся к Солнечной системе почти с той же скоростью, что и это радиосообщение. Ваше Солнце уже сияет перед нами.

Десять миллионов лет назад оно было Солнцем наших предков. И ваших тоже. Но вы не помните своей истории, тогда как мы о своей помним.

Мы колонизировали Землю в период царствования на ней гигантских рептилий. При нашем появлении они погибли, и спасти их мы не смогли. Тогда этот мир был тропической планетой, и мы думали, что его можно превратить в чудесный дом для нашего народа. Мы ошиблись. Порожденные космосом, мы слишком мало знали о климате, об эволюции, о генетике...

Миллионы лет — именно лет, зим в те времена не было — колония процветала. Мы почти изолировались, но — хотя путь от звезды до звезды длится годы — все-таки не прерывали контактов с нашей родной цивилизацией. Три-четыре раза в столетие появлялись звездолеты и приносили новости из Галактики.

Но потом, два миллиона лет назад, Земля начала изменяться. Очень долго она была тропическим раем; теперь же температура упала, с полюсов начали наползать льды. Климат сделался таким, что стал сущим наказанием для колонистов. Теперь-то мы понимаем, что это было естественное

© Перевод Б. Александрова.

завершение чрезмерно затянувшегося лета. Но тем, кто на протяжении многих поколений привык считать Землю своим домом, казалось, что на них обрушилась чуждая и отвратительная болезнь. Болезнь, которая не убивает, не наносит физического ущерба — просто уродует.

Кое-кто, однако, обладал иммунитетом: изменения пощадили их и их детей. И таким образом за какие-то несколько тысяч лет колония разделилась на две самостоятельные группы — подозрительно и настороженно относящиеся друг к другу.

Раскол породил зависть, недовольство и в конечном итоге антагонизм. Колония распалась.

Все это время климат ухудшался. Те, кто смог, покинули Землю. Остальные впали в варварство.

Конечно, мы могли бы сохранить с вами контакты, но это так сложно во Вселенной, насчитывающей сотни тысяч миллионов звезд. Еще несколько лет назад мы не знали, что кое-кто из вас выжил. Но тут мы поймали ваши первые радиопередачи, изучили ваши простенькие языки и убедились, что наконец-то вы смогли вырваться из дикости. Мы рады приветствовать вас — наших некогда утраченных родственников. Мы рады будем помочь вам.

За время нашей разлуки мы научились многому. Если вы хотите, чтобы мы вернули вечное лето, царившее на Земле до ледникового периода,— мы это сделаем. Но в первую очередь мы рады сообщить вам, что мы располагаем простым и безвредным средством от того генетического уродства, которое доставило неприятности столь многим колонистам.

Возможно, вы сами пошли по этому пути. Если же нет, то мы знаем, как вам помочь.

Люди Земли! Вы можете присоединиться к галактическому сообществу без стыда и смущения!

А если кто-то из вас до сих пор белый — то мы его быстро вылечим!

Проверка — раз, два, три, четыре, пять...

Говорит Ивенс. Я буду вести запись до самого конца. Это двухчасовая кассета, но сомневаюсь, что сумею ее заполнить.

Та фотография преследовала меня всю мою жизнь. Теперь я знаю, почему так сложилось, но, к сожалению, слишком поздно. Но что изменилось бы, знай я раньше? Это один из бессмысленных вопросов без ответа, непрестанно возвращающихся вновь и вновь, словно кончик языка к сломанному зубу.

Я не видел ее много лет, но достаточно закрыть глаза, и меня снова окружает столь же враждебный и прекрасный пейзаж, как и здесь. В восьмидесяти пяти миллионах километров ближе к Солнцу и на семьдесят два года раньше пять человек смотрят в объектив фотоаппарата среди снегов Антарктиды. Даже толстые меховые одежды не могут скрыть усталости и чувства обреченности, а на лицах этих людей читается дыхание смерти.

Их было пятеро, как и нас. Конечно, мы тоже сделали групповую фотографию, однако во всем остальном отличались от них. Мы улыбались — веселые, уверенные в себе. Наш снимок оказался на всех экранах Земли в течение десяти минут. Прежде чем нашли фотоаппарат тех пятерых и доставили его в цивилизованный мир, прошли долгие месяцы.

© Перевод К. Плешкова.

Мы умираем с комфортом, со всеми удобствами, включая многие из тех, которые Роберт Фалькон Скотт не мог себе даже представить, стоя на Южном полюсе в тысяча девятьсот двенадцатом году.

Два часа спустя. Точное время я начну сообщать, когда это станет существенно.

Факты подробно описаны в бортовом журнале, и весь мир уже успел с ними ознакомиться. Так что, полагаю, я делаю свою запись лишь для собственного успокоения, чтобы легче было предстать перед неизбежным. Проблема вот в чем. Я толком не знаю, что опустить, а что нет. Выяснить это можно только одним способом...

Пункт первый. Самое большее через сутки закончится кислород, и тогда мне останется выбирать из трех классических решений. Я могу подождать и потерять сознание, когда накопится двуокись углерода. Могу выйти наружу и расстегнуть скафандр, а Марс сделает свое дело за две минуты, или же воспользоваться таблетками, которые есть в аптечке.

Двуокись углерода. Все говорят, что это очень легко — просто засыпаешь, и все. Не сомневаюсь в том, что это правда. Но, увы, в моем случае она ассоциируется с кошмаром номер один.

Я предпочел бы никогда не читать ту проклятую книгу под названием «Правдивые истории времен Второй мировой войны», или что-то в этом роде. В ней была глава о немецкой подводной лодке, которую нашли и подняли после войны. Команда так и оставалась внутри — по двое в койке. Между каждой парой скелетов лежал один респиратор, которым люди пользовались совместно.

Ну что ж, здесь, по крайней мере, такого не будет, но я абсолютно уверен в другом. Когда начнутся проблемы с дыханием, я почувствую себя словно в той подлодке, обреченной на гибель.

Может, выбрать способ побыстрее? В вакууме теряешь сознание секунд за десять — пятнадцать. Те, кто через это

прошел, говорят, что это совсем не больно — только какое-то странное ощущение. Однако сама мысль о том, чтобы дышать тем, чего нет, слишком напоминает мне кошмар номер два, пережитый лично.

В детстве я много нырял во время каникул, которые проводил с родителями на Карибах. Двадцать лет назад там затонуло на рифах старое грузовое судно, которое лежало на глубине нескольких метров. Почти все его люки были открыты, так что любой с легкостью мог проникнуть внутрь в поисках сувениров и ради охоты на крупную рыбу, находившую там убежище.

Конечно, без водолазного снаряжения это было опасно. Но какой мальчишка удержался бы от подобного соблазна?

Обычно я начинал с того, что нырял в люк на носовой палубе, откуда проплывал метров пятнадцать по коридору, в который падал приглушенный свет из иллюминаторов, а потом под углом поднимался вдоль короткого трапа и выныривал через дверь разбитой рубки. Все путешествие занимало меньше минуты. Ничего сложного для человека в хорошей форме. Мне даже хватало времени на то, чтобы осмотреться или поиграть с рыбами. Иногда для разнообразия я проделывал тот же путь в обратном направлении, начиная с двери и заканчивая люком.

Именно так я плыл в последний раз. Я уже неделю не нырял — бушевал шторм, море было слишком неспокойно — и потому сгорал от нетерпения.

На поверхности я несколько раз глубоко вздохнул, пока не почувствовал покалывание в кончиках пальцев, затем нырнул и осторожно направился к темному прямоугольнику двери.

Она всегда выглядела зловеще и угрожающе, что лишь еще больше меня возбуждало. Первые несколько метров я почти ничего не видел. Контраст между тропическим солнцем над водой и темнотой под верхней палубой был столь велик, что зрение приспособилось не сразу. Обычно на се-

редине коридора я уже мог хорошо все разглядеть. Потом становилось все светлее. Я приближался к открытому люку, где сноп солнечного света рисовал ослепительный прямоугольник на ржавом, покрытом ракушками металлическом полу.

Я уже приближался к концу пути, когда вдруг понял, что на этот раз светлее не становится. Я не видел впереди наклонного столба солнечного света, который обычно вел меня в мир, где были воздух и жизнь. Я был сбит с толку, секунду размышлял, не заблудился ли, понял, что произошло, и замешательство сменилось самой обычной паникой. Шторм, видимо, захлопнул крышку люка, а та весила как минимум четверть тонны.

Не знаю, как я развернулся кругом, помню лишь, что довольно медленно плыл назад по коридору, мысленно повторяя: «Не спеши, воздуха вполне хватит, если не будешь дергаться». Я все прекрасно видел, поскольку прошло достаточно времени, чтобы глаза привыкли к темноте. Я увидел множество подробностей, которые не замечал раньше, например красную рыбу-белку, притаившуюся в тени, зеленые листья и водоросли, росшие в небольших пятнах света вокруг иллюминаторов, и даже одинокий резиновый сапог, явно в прекрасном состоянии, лежавший там, где кто-то, вероятно, сбросил его с ноги. В какой-то момент в боковом коридоре я увидел большого морского окуня, который смотрел на меня, вытаращив глаза и приоткрыв толстые губы, словно удивленный моим вторжением.

Стальной обруч все сильнее сжимал грудную клетку. Я больше не мог задерживать дыхание, но трап казался нескончаемо далеким. Я выпустил изо рта несколько пузырьков воздуха, на мгновение почувствовал себя лучше, но стоило мне выдохнуть, как боль в легких стала совершенно невыносимой.

Теперь уже не было никакого смысла экономить силы, совершая размеренные неспешные гребки. Я вдохнул остат-

ки воздуха из маски, чувствуя, как она сжимает мне нос, и изо всех сил рванулся вперед.

Больше я ничего не помнил до того момента, когда, задыхаясь и кашляя, оказался на поверхности и судорожно вцепился в обломок мачты. Вода вокруг покраснела от крови. Я не знал, отчего это, и тут с нескрываемым удивлением заметил глубокий порез на правой лодыжке. Видимо, я зацепился за какое-то острое препятствие, но вообще его не заметил и не чувствовал боли даже потом.

На этом мои подводные приключения закончились. Через десять лет начались тренировки астронавтов, и я вошел в подводный симулятор невесомости. На этот раз все оказалось иначе, поскольку на мне был скафандр. Однако порой мне становилось не по себе, и я опасался, что психологи это заметят. Я всегда остерегался находиться под водой с почти пустым баллоном, поскольку однажды уже едва не задохнулся, и не собирался рисковать еще раз.

Я прекрасно знаю, каково будет дышать тем ледяным без малого вакуумом, который на Марсе считается атмосферой. Нет, спасибо.

А что плохого в яде? Полагаю, ничего. Нам говорили, что тот, который у нас есть, действует в течение пятнадцати секунд. Но все во мне сопротивляется, несмотря на отсутствие разумной альтернативы.

Был ли у Скотта с собой яд? Сомневаюсь. Если и был, то я уверен в том, что он им так и не воспользовался.

Я не собираюсь пробовать. Может, от него и есть какая-то польза, но я в этом сомневаюсь.

Радио только что отпечатало сообщение с Земли, напоминающее, что прохождение начнется через два часа. Можно подумать, я мог об этом забыть. Поскольку четверо уже мертвы, я окажусь первым человеком, который его увидит, и останусь единственным ровно на сто лет. Не так уж часто Солнце, Земля и Марс оказываются точно на одной линии. Последний раз это было в тысяча девятьсот пятом году, ко-

гда бедный старик Лоуэлл еще писал свою прекрасную чушь о каналах и великой умирающей цивилизации, которая их построила. Жаль, что все это оказалось иллюзией.

Проверю лучше телескоп и хронометр.

Солнце сегодня спокойное. Таким оно и должно быть примерно в середине цикла. Пара маленьких пятен и несколько небольших зон турбулентности вокруг них. Такая погода установилась на Солнце на несколько ближайших месяцев. Это единственное, о чем не придется беспокоиться тем, другим, по пути домой.

Думаю, самые худшие мгновения мы переживали, глядя, как «Олимп» стартует с Фобоса и направляется к Земле. Хотя мы уже несколько недель знали, что ничего сделать не удастся, казалось, будто перед нами навсегда захлопнулась дверь.

Была ночь, так что мы все прекрасно видели. Несколькими часами ранее Фобос вынырнул на западе и как сумасшедший мчался по небу, превращался из узенького серпа в широкий полумесяц и исчез в тени Марса, не достигнув зенита.

Мы слушали отсчет, пытаясь, естественно, работать, как обычно. Все же нелегко примириться с тем, что на Марс нас прилетело пятнадцать, а вернется только десять. Я полагаю, что миллионы людей на Земле до сих пор не могут понять, почему так случилось. Им наверняка кажется невероятным, что «Олимп» не мог проделать всего семь тысяч лишних километров пути, чтобы нас забрать. Космическое управление бомбардировали безумными идеями по поводу проведения спасательной операции. Одному богу известно, что мы сами об этом думали. Но когда провалилась вечная мерзлота под посадочной площадкой номер три и «Пегас» опрокинулся, стало ясно, что это конец. Корабль лишь чудом не взлетел на воздух, когда лопнул топливный бак.

Но я снова отклонился от темы. Вернусь к Фобосу и отсчету.

На мониторе телескопа мы отчетливо видели плато, покрытое трещинами, где «Олимп» сел после того, как мы от-

делились и сами начали спускаться. Наши друзья знали, что никогда не попадут на поверхность Марса, у них, по крайней мере, была своя собственная маленькая планета для исследований. Даже на таком небольшом спутнике, как Фобос, на одного человека приходилось вполне достаточно площади, чтобы искать неизвестные материалы и кусочки, прибывшие из космоса, или нацарапать свое имя, чтобы в будущих веках знали, кто здесь прошел первым.

Мы прекрасно видели приземистый светлый цилиндр корабля на фоне темно-серых скал. Время от времени какая-нибудь плоская поверхность, словно зеркало, отражала свет быстро перемещающегося Солнца. Однако примерно за пять минут до старта картина стала вдруг розовой, потом алой, а затем исчезла полностью, когда Фобос вошел в тень.

До конца отсчета оставалось еще десять секунд, когда нас ошеломила мощная вспышка. Несколько мгновений мы думали о том, не случилась ли катастрофа и с «Олимпом». Тут до нас дошло, что кто-то снимал старт, включив внешние прожектора.

В эти последние несколько секунд все мы забыли о наших собственных проблемах, мысленно были на борту «Олимпа», желали, чтобы тяга́ увеличивалась ровно, подняла корабль из слабого гравитационного поля Фобоса, а потом унесла его прочь от Марса, в долгий путь к Солнцу. Мы слышали, как командор Ричмонд произнес: «Зажигание», затем картинка на мгновение размазалась, и в поле зрения телескопа появилось движущееся светящееся пятнышко.

И все. Мы не видели пылающего огненного столба, поскольку никакого зажигания, конечно, на самом деле нет, когда стартует ядерная ракета. Потока горячего водорода вообще не видно. Жаль, что мы никогда уже не полюбуемся столь ярким зрелищем, как старт «Сатурна» или «Сергея Королева».

«Олимп» вышел из тени Марса и снова оказался в лучах Солнца, словно яркая звезда, быстро несущаяся по небу. Видимо, блеск солнца ослепил экипаж, поскольку мы слы-

шали, как кто-то крикнул: «Закрой заслонку!» Через несколько секунд Ричмонд приказал отключить двигатели. Что бы ни случилось, «Олимп» теперь окончательно лег на курс к Земле.

Чей-то голос, который я не узнал, хотя это наверняка был командор, произнес: «Прощай, "Пегас"», и радиосвязь прервалась. Естественно, бессмысленно было желать нам удачи. Все решилось еще несколько недель назад.

Я только что еще раз прослушал запись. Если уж говорить об удаче, то кому-то все же повезло, хотя и не нам. Экипаж «Олимпа» состоял всего из десяти человек. Они могли избавиться от одной трети запасов, уменьшить вес корабля на несколько тонн и вернуться домой на месяц раньше.

За этот срок многое могло бы случиться. Кто знает, возможно, наше отсутствие на корабле спасет экспедицию? Естественно, мы никогда об этом не узнаем, но сама эта мысль доставляет мне радость.

Я слушаю много музыки, на полной громкости, поскольку она никому больше не мешает. Даже если существуют какие-нибудь марсиане, то, как мне кажется, в здешнем подобии атмосферы звук может распространяться всего лишь на несколько метров.

У нас прекрасная фонотека, но мне приходится тщательно выбирать. Никакого джаза или чего-нибудь, требующего сосредоточения. Самое главное — без вокала. Так что я ограничиваюсь более легкой оркестровой классикой — симфония «Новый мир» и фортепьянные концерты Грига прекрасно подходят для этой цели. Сейчас я слушаю Рапсодию на тему Паганини Рахманинова, но придется выключить музыку и взяться за дело.

Осталось еще пять минут. Все оборудование в прекрасном состоянии. Телескоп движется следом за Солнцем, видеорекордер наготове, хронометр отсчитывает время.

Постараюсь как можно более тщательно провести наблюдения. Я чувствую себя в долгу перед моими погибшими товарищами, к которым вскоре присоединюсь. Они отдали мне свой кислород, чтобы я дожил до этого момента. Надеюсь, вы будете помнить о нас через сто или двести лет, влезая в компьютер за этими данными.

Еще минута; берусь за работу. Для протокола: год тысяча девятьсот восемьдесят четвертый, месяц май, день одиннадцатый, четыре часа и почти тридцать минут эфемеридного времени... пора.

Полминуты до контакта. Настраиваю видеорекордер и хронометр на максимальную скорость. Проверяю позиционный угол, чтобы удостовериться в том, что смотрю на нужное место на краю Солнца. Картинка, увеличенная в пятьсот раз, выглядит идеально даже при столь малом угле возвышения.

Четыре тридцать две. В любой момент...

Есть... есть! Даже трудно поверить! Маленькая черная щербинка на краю Солнца!.. Она растет, растет, растет...

Привет, Земля. Посмотрите на меня, на самую яркую звезду на вашем небе, прямо над вами, на севере.

Уменьшаю скорость видеозаписи.

Четыре тридцать пять. Как будто кто-то вонзает палец в край Солнца, глубже, еще глубже. Захватывающее зрелище!

Четыре сорок одна. Точно до середины. Земля выглядит как идеальный черный полукруг, ровный вырез в диске Солнца, будто пожираемом некой болезнью.

Четыре сорок восемь. Земля уже вошла на три четверти.

Четыре часа сорок девять минут тридцать секунд. Видеозапись снова на максимум.

Разрыв в краю Солнца быстро сокращается. Теперь это едва видимая черная нить. Через несколько секунд Земля целиком окажется на фоне Солнца.

Теперь я вижу атмосферные эффекты. Тонкое гало охватывает черный кружок на Солнце. Странно представить, что

именно в этот момент я вижу пылающие краски всех восходов и заходов Солнца.

Земля вошла полностью. Четыре часа пятьдесят минут пять секунд. Вся планета перемещается по диску Солнца. Черный кружок отчетливо выделяется на фоне этого ада, отстоящего на сто пятьдесят три миллиона километров. Он больше, чем я ожидал. Его легко можно принять за довольно крупное пятно на Солнце.

Теперь в течение шести часов не будет больше ничего интересного, пока не появится Луна, движущаяся следом за Землей на расстоянии в половину ширины Солнца. Перешлю данные с видеорекордера в Лунаком, а потом попробую немного поспать в последний раз.

Интересно, понадобится ли мне снотворное? Жаль тратить впустую убегающие часы, но хочется сохранить силы и сэкономить немного кислорода.

Кажется, доктор Джонсон говорил, что ничто так не успокаивает разум человека, как осознание того, что утром его повесят. Откуда он про это знал, черт возьми?

Десять часов тридцать восемь минут эфемеридного времени. Доктор Джонсон был прав. Я принял только одну дозу снотворного и не помню никаких сновидений.

Осужденный также прилично позавтракал. Это вырезать...

Снова у телескопа. Теперь Земля на середине диска. Она минует его центр довольно далеко от севера. Через десять минут я должен увидеть Луну.

Я только что настроил телескоп на максимальное увеличение — две тысячи раз. Картинка слегка размазанная, но все равно достаточно хорошая. Очень отчетливое гало. Надеюсь увидеть города на темной стороне Земли...

Не повезло. Слишком много облаков. Жаль, теоретически это возможно, но ни разу нам не удавалось. Я хотел бы... впрочем, неважно.

Десять часов сорок минут. Видеозапись на малой скорости. Надеюсь, что смотрю на нужное место.

Начинаю через пятнадцать секунд. Видеозапись на максимум.

Черт, опоздал! Хотя это не страшно, видеорекордер поймал нужный момент. На краю Солнца уже появилась маленькая щербинка. Контакт должен был наступить в десять часов сорок одну минуту двадцать секунд.

Какое огромное расстояние отделяет Землю от Луны — половина ширины Солнца. Никто бы не подумал, что эти два небесных тела имеют между собой что-то общее. Только тут начинаешь понимать, насколько на самом деле велико наше светило.

Десять часов сорок четыре минуты. Ровно половина Луны миновала край. Виден отчетливый полукруглый вырез на краю Солнца.

Десять часов сорок семь минут пять секунд. Внутренний контакт. Луна миновала край и полностью находится на фоне Солнца. Вряд ли я смогу что-то разглядеть на ее темной стороне, но попробую еще увеличить картинку.

Забавно.

Ну-ну. Кто-то, похоже, пытается со мной пообщаться. Я вижу мерцающий огонек на темной стороне Луны. Вероятно, лазер на базе в Море Дождей.

Прошу прощения, но я уже проговорил все, что собирался сказать на прощание, и не стану повторять. Сейчас уже ничего не имеет значения.

Все же вид этой мерцающей точки, светящей с самого Солнца, почти гипнотизирует. Трудно поверить, что луч, преодолевший расстояние, имеет всего сто шестьдесят километров в ширину и что Лунаком тратит столько усилий, чтобы нацелить его точно в мою сторону. Вероятно, я должен чувствовать себя виноватым, не обращая на него никакого внимания, но этого ощущения не появляется.

Я почти завершил свою работу, а земные дела уже перестали меня волновать.

Десять часов пятьдесят минут. Выключаю видеозапись. Пока все. До конца прохождения Земли через диск Солнца остается два часа.

Я немного перекусил и теперь в последний раз смотрю на картину, открывающуюся из наблюдательного купола. Солнце еще высоко, так что контраст не слишком велик, но свет его оживляет все цвета, бесчисленные оттенки красного, розового, пурпурного, столь потрясающие на фоне темно-синего неба. Совсем иначе, чем на Луне, хотя там тоже по-своему прекрасно.

Странно, сколь удивительными могут казаться очевидные вещи. Мы все знали, что Марс красный, но на самом деле не ожидали увидеть тона ржавчины или крови. Совсем как в Цветной пустыне в Аризоне, где глаз вскоре начинает тосковать по зелени.

На севере виднеется единственная приятная глазу перемена цвета — ослепительно белая пирамида снежной шапки из двуокиси углерода на горе Берроуза, высота которой достигает семи с половиной тысяч метров. Ее обнаружение оказалось еще одной неожиданностью. Когда я был мальчишкой, считалось, что на Марсе вообще нет гор.

Ближайшая песчаная коса находится в четырехстах метрах. На ее склоне, погруженном в тень, тоже лежит снег. Нам казалось, что во время последней бури она переместилась на несколько метров, но уверены в том мы не были. Конечно, здешние пески тоже блуждают, как и на Земле. Думаю, когда-нибудь они засыплют и эту базу, и она вновь обнажится только через тысячу, а то и десять тысяч лет.

Странная группа скал — Слон, Капитолий и Епископ — все еще хранит свои секреты, дразня меня воспоминаниями о нашем первом крупном разочаровании. Мы готовы были поклясться в том, что они состоят из осадочных пород, и с жутким энтузиазмом устремились туда на поиски окаменелостей! Даже сейчас неизвестно, как образовались эти ска-

лы. Геология Марса до сих пор полна противоречий и загадок.

Мы оставляем будущим поколениям решение многих проблем. Тот, кто придет сюда после нас, встретит их куда больше. Однако есть одна тайна, о которой мы никогда не сообщали на Землю и даже не сделали записи в бортовом журнале.

В первую ночь после посадки мы по очереди дежурили на базе. Сразу после полуночи меня разбудил Бреннан. Я разозлился, поскольку было еще рано, и тогда он сказал мне, что видел какой-то огонек, перемещающийся у основания Капитолия.

Мы наблюдали за ним почти час, пока не пришла моя очередь дежурить, но так ничего и не увидели. Огонек больше не появился.

Бреннан отличался хладнокровием и отсутствием буйного воображения. Так что, если он сказал, что видел какой-то огонек, значит, так и было на самом деле. Возможно, это был какой-то электрический разряд или отблеск Фобоса на скале, отполированной песком. Так или иначе, но мы решили не сообщать о нем Лунакому, пока снова его не увидим.

Оставшись в одиночестве, я часто просыпался по ночам и смотрел на скалы. В слабом свете Фобоса и Деймоса они напоминали силуэт черного города на фоне неба. Он остался темным навсегда. Никакие огоньки там больше так и не появились.

Двенадцать часов сорок девять минут эфемеридного времени. Сейчас начнется последний акт. Земля почти касается края Солнца. Два узких светящихся рога, охватывающих ее, едва соприкасаются друг с другом.

Видеозапись на максимум.

Контакт! Двенадцать часов пятьдесят минут шестнадцать секунд. Светящиеся серпы больше не соприкасаются. На краю Солнца появилось маленькое черное пятнышко. Земля начала его пересекать. Оно все шире, шире...

Уменьшаю скорость видеозаписи. Через восемнадцать минут Земля полностью уйдет с солнечного диска.

Луне предстоит проделать больше половины пути. Она еще не достигла его середины и напоминает сейчас маленькую капельку чернил размером вчетверо меньше Земли. Вспышек света больше нет. Видимо, Лунаком отказался от своих попыток.

Ну что ж, мне осталось еще полчаса пробыть здесь, в моем последнем пристанище. Кажется, будто время бежит все быстрее, как в последние минуты перед стартом. Впрочем, это неважно. Я уже сделал все, что собирался. Можно даже немного отдохнуть.

Уже сейчас я ощущаю себя частью истории, как и те люди, которые вместе с капитаном Куком наблюдали на Таити прохождение Венеры через диск Солнца в тысяча семьсот шестьдесят девятом году. Кроме Луны, движущейся позади, тогда все должно было выглядеть точно так же.

Что двести с лишним лет назад подумал бы Кук, если бы знал, что однажды кто-то будет наблюдать прохождение Земли с другой планеты? Он наверняка сперва удивился бы, а потом обрадовался.

Однако мне куда ближе тот, кто еще не родился. Надеюсь, ты слышишь эти слова, где бы ни был. Может, через сто лет ты будешь стоять на том же самом месте и смотреть на следующее прохождение?

Приветствую тебя в день десятого ноября две тысячи восемьдесят четвертого года! Желаю, чтобы тебе повезло больше, чем нам. Вероятно, ты доберешься сюда на борту роскошного пассажирского корабля или родишься на Марсе и окажешься чужим на Земле. Ты будешь знать то, чего я даже не могу себе вообразить. Но почему-то я тебе не завидую и даже не хотел бы поменяться местами.

Но ты запомнишь мое имя, будешь знать, что именно я первым из всех людей видел прохождение Земли. Никто этого не увидит еще сто лет.

Двенадцать часов пятьдесят девять минут. Ровно половина Земли миновала край Солнца. Родная планета выглядит как идеальный полукруг, черная тень на золотистом солнечном диске. Я все еще не могу избавиться от впечатления, будто кто-то его надкусил. Через девять минут изъян исчезнет, и Солнце вновь будет целым.

Тринадцать часов семь минут. Видеозапись на максимум.

На краю Солнца осталась лишь плоская ямка, которую можно принять за небольшое пятно, уходящее за него.

Тринадцать часов восемь минут.

Прощай, прекрасная Земля.

Уходит, уходит, уходит. Прощай, про...

Все хорошо. Все данные я отправил домой в виде пучка радиоволн. Через пять минут они пополнят знания, накопленные всем человечеством. Лунаком же будет знать, что я исполнил свой долг.

Однако эту запись я посылать не буду, оставлю здесь для следующей экспедиции. Неважно, когда она появится. Может, пройдет десять или двадцать лет, прежде чем кто-нибудь снова сюда доберется. Нет смысла навещать уже известные места, когда весь мир ждет своих исследователей.

Потому эта капсула останется здесь, как дневник Скотта в палатке, пока ее не обнаружат другие люди. Но меня они не найдут.

Странно, как трудно избавиться от мыслей о Скотте. Похоже, именно он и подсказал мне эту идею.

Ведь его замерзшее тело не будет вечно покоиться в Антарктиде, вне великого цикла жизни и смерти. Одинокая палатка уже давно начала перемещаться в сторону моря. Через несколько лет ее засыпал снег, и она стала частью ледника, постоянно удаляющегося от полюса. Пройдет несколько коротких столетий, и моряк вернется в море, снова включится в круг жизни и будет существовать в планктоне, тюленях, пингвинах, китах, всей многочисленной фауне Антарктического океана.

Здесь, на Марсе, нет океанов, по крайней мере последние пять миллиардов лет. Но там, на пустынных просторах Хаоса-II, которые мы так и не исследовали из-за недостатка времени, есть какая-то жизнь.

Перемещающиеся пятна на фотографиях. Свидетельства того, что не эрозия, но какие-то иные силы очистили от кратеров всю поверхность Марса. Длинные цепочки оптически активных молекул углерода, обнаруженные атмосферными зондами.

Кроме того, конечно, загадка «Викинга-6». Даже сейчас никто не может найти хоть какой-то смысл в последних показаниях его приборов, полученных до того, как что-то большое и тяжелое раздавило аппарат в тишине ледяной марсианской ночи.

Только не говорите мне о примитивных формах жизни в таком месте, как это! Если нечто сумело здесь выжить, то оно должно быть настолько сложным, что мы по сравнению с ним можем казаться динозаврами.

В баках корабля хватит топлива, чтобы марсоход мог объехать кругом всю планету. Мне осталось три часа дневного света, более чем достаточно для того, чтобы спуститься в долину, а затем направиться дальше, в глубь Хаоса. После захода Солнца я могу продолжать двигаться с приличной скоростью, освещая себе путь фарами. Как же это романтично, ехать ночью в свете спутников Марса.

До отправления нужно сделать кое-что еще. Мне не нравится, как лежит Сэм там, снаружи. Он всегда держался прямо, двигался грациозно, а теперь выглядит весьма неуклюже. Нужно это исправить.

Интересно, смог бы я пройти сто метров без скафандра, шагая медленно и размеренно, как он, до самого конца.

Надо постараться не смотреть на его лицо.

Все. Дела в полном порядке. Можно ехать.

Терапия сработала. Теперь я полностью спокоен, даже доволен, и знаю, как именно поступлю. Прежние кошмары больше меня не преследуют.

Да, это правда. Все мы умираем в одиночестве. Впрочем, какая разница, когда расстаешься с жизнью за восемьдесят пять миллионов километров от дома?

Я намерен насладиться поездкой в окружении чудесного многоцветного пейзажа, думая обо всех тех, кто мечтал о Марсе,— Уэллсе, Лоуэлле и Берроузе, Вейнбауме и Брэдбери. Все они ошибались, но здешняя реальность так же удивительна и прекрасна, как они себе представляли.

Не знаю, что меня там ждет, и, вероятно, никогда этого не увижу. Но на этой изголодавшейся планете кто-то наверняка отчаянно жаждет углерода, фосфора, кислорода, кальция. Я могу ему пригодиться.

Вскоре я услышу последний тревожный сигнал, сообщающий о том, что закончился кислород, и достойно завершу свой путь. Как только станет тяжело дышать, я выйду из марсохода и пойду вперед, подключив плеер к наушникам в шлеме и поставив громкость на максимум.

В мире нет иной музыки, столь преисполненной силы и славы, как Токката и фуга ре-минор. Мне не хватит времени, чтобы прослушать ее до конца, но это неважно.

Иоганн Себастьян, я иду.

ВСТРЕЧА С МЕДУЗОЙ

1

С умеренной скоростью, триста километров в час, «Куин Элизабет IV» плыла по воздуху в пяти километрах над Большим каньоном, когда Говард Фолкен заметил приближающуюся справа платформу телевидения. Он ожидал этой встречи — для всех остальных эта высота была сейчас закрыта,— однако соседство другого летательного аппарата не очень его радовало. Как ни дорого внимание общественности, а простор в небе еще дороже. Что ни говори, ему первому из людей доверено вести корабль длиной в полкилометра...

До сих пор первый испытательный полет проходил гладко. Нелепо, но факт: единственное затруднение было связано с древним авианосцем, который одолжили в морском музее Сан-Диего. Из четырех реакторов авианосца действовал только один, и наибольшая скорость старой калоши составляла всего тридцать узлов. К счастью, скорость ветра на уровне моря не достигала и половины этой цифры, и добиться штиля на взлетной палубе оказалось не так уж трудно. Правда, сразу после того, как были отданы швартовы, экипаж пережил несколько тревожных секунд из-за порывов ветра, но огромный дирижабль благополучно вознесся в небо, словно на невидимом лифте. Если все будет хорошо, «Куин Элизабет IV» только через неделю вернется на авианосец.

Все было в полном порядке, испытательные приборы давали нормальные показания. Капитан Фолкен решил под-

© Перевод Л. Жданова.

няться наверх и последить за стыковкой. Передав командование помощнику, он вышел в прозрачный туннель, который пронизывал весь корабль. И, как всегда, дух захватило при виде самого большого объема, какой человек когда-либо замыкал в одну оболочку.

Десять наполненных газом шаровидных мешков, каждый тридцати метров в поперечнике, вытянулись в ряд исполинскими мыльными пузырями. Прочный пластик был настолько прозрачным, что Фолкен отчетливо видел руль высоты на другом конце корабля, за добрых полкилометра. Кругом простирался трехмерный лабиринт каркаса: длинные балки от носа до кормы и пятнадцать кольцевых шпангоутов, ребра небесного гиганта (их диаметр к концам убывал, придавая силуэту корабля изящество и обтекаемость).

На малой скорости звуков было немного, только мягко шелестел ветер вдоль оболочки да иногда от меняющейся нагрузки поскрипывал металл. Бестеневой свет укрепленных высоко над головой Фолкена ламп придавал окружающему странное сходство с подводным миром, и вид прозрачных мешков с газом только усиливал это впечатление. Однажды на мелководье над тропическим рифом ему встретилась целая эскадрилья больших, но совсем безопасных, безотчетно плывущих куда-то медуз. Пластиковые мешки, в которых таилась подъемная сила «Куин Элизабет», нередко напоминали ему этих пульсирующих медуз, особенно когда менялось давление и они морщились, переливаясь бликами отраженного света.

Фолкен подошел к лифту в носовой части, между первым и вторым газовыми отсеками. Поднимаясь на прогулочную палубу, он заметил, что слишком уж жарко, и продиктовал об этом несколько слов в карманный самописец. Около четверти подъемной силы «Куин Элизабет» обеспечивалось за счет неограниченного количества отработанного тепла реакторов. В этом полете загрузка была небольшая, поэтому только шесть из десяти газовых мешков содержали гелий, в остальных был воздух. А ведь двести тонн воды взято для балласта.

Все же высокие температуры для подогрева отсеков затрудняли охлаждение переходов. Тут явно есть над чем еще поразмыслить...

Выйдя на прогулочную палубу под ослепительные лучи солнца, проникающие через плексигласовую крышу, Фолкен ощутил приятное дуновение более прохладного воздуха. Пять или шесть рабочих, которым помогали столько же симпов, как называли супершимпанзе, торопливо заканчивали настилать танцевальную площадку, другие монтировали электропроводку, закрепляли кресла. Глядя на эту упорядоченную суету, Фолкен подумал, что вряд ли все приготовления будут завершены за месяц, оставшийся до первого регулярного рейса. Впрочем, это, слава богу, не его забота. Капитан не отвечает за программу круиза.

Рабочие приветствовали его жестами, симпы скалили зубы в улыбке. Фолкен проследовал мимо них в полностью оборудованный «Небесный салон». Это был его любимый уголок на корабле. Когда начнется эксплуатация, здесь уже не уединишься... А пока можно позволить себе отключиться на несколько минут.

Он вызвал мостик, убедился, что по-прежнему все в порядке, и удобно расположился во вращающемся кресле. Внизу, лаская глаз плавным изгибом, серебрилась оболочка корабля. Сидя в верхней точке дирижабля, Фолкен обозревал громаду самого большого транспортного средства, какое когда-либо создавалось руками людей. Насытившись этим зрелищем, он перевел взгляд вдаль — до самого горизонта простирался фантастический дикий ландшафт, изваянный за полмиллиарда лет рекой Колорадо.

Если не считать платформу телевидения (она сейчас опустилась пониже и снимала среднюю часть корабля), дирижабль был один в небе, до самого горизонта — голубая пустота. Во времена его деда, подумал Фолкен, голубизна была бы расписана дорожками конденсационных следов и запятнана дымом. Теперь — ни того ни другого: загрязнение воздуха исчезло вместе с примитивной технологией, а дальние пе-

ревозки вынесли за пределы стратосферы, с Земли не видно и не слышно. В нижней атмосфере опять парили только птицы и облака. Впрочем, теперь к ним прибавилась «Куин Элизабет IV»...

Верно говорили в начале двадцатого века пионеры воздухоплавания: только так и надо путешествовать — в тишине, со всеми удобствами, дыша окружающим воздухом, а не замыкаясь от него в скорлупу, и достаточно близко к Земле, чтобы любоваться переменчивыми красотами суши и моря. На дозвуковых реактивных самолетах 1980-х годов, где пассажиры сидели по десять в ряд, о таких удобствах, о таком просторе можно было только мечтать.

Конечно, «Куин» никогда себя не окупит, и, даже если появятся, как задумано, другие корабли того же типа, лишь малая часть миллиардного населения Земли сможет насладиться этим беззвучным парением в небе, но обеспеченное, процветающее всемирное общество вполне могло позволить себе такие причуды, более того, оно нуждалось в новых зрелищах и впечатлениях. На свете найдется не меньше миллиона людей с достаточно высоким доходом, так что «Куин» не останется без пассажиров.

Тихо пискнул карманный коммуникатор. С мостика вызывал второй пилот.

— Капитан, разрешите стыковку? Все данные по испытанию получены, а телевизионщики наседают.

Фолкен посмотрел на платформу, которая парила на одном с ним уровне примерно в полутораста метрах.

— Давайте,— сказал он.— Действуйте, как договорились. Я послежу отсюда.

Обходя хлопочущих рабочих, он направился в конец прогулочной палубы, чтобы лучше видеть среднюю часть корабля. На ходу ощутил ступнями, как меняется вибрация, и, когда миновал салон, корабль остановился. Пользуясь своим универсальным ключом, Фолкен вышел на маленькую наружную площадку, рассчитанную на пять-шесть человек. Лишь низкие поручни отделяли здесь человека от обширной

выпуклости оболочки — и от Земли далеко внизу. Волнующее место. И вполне безопасное, даже на полном ходу, потому что площадку надежно заслонял огромный задний обтекатель прогулочной палубы. Тем не менее пассажирам сюда доступа не будет — очень уж вид головокружительный.

Крышки переднего грузового люка открылись, будто двери огромной западни, и телевизионная платформа парила над ними, готовясь спуститься. В будущем этим путем на корабль попадут тысячи пассажиров и тонны груза. Лишь изредка «Куин» будет снижаться до уровня моря и швартоваться к своей плавучей базе.

Неожиданный порыв бокового ветра хлестнул по лицу Фолкена, и он крепче ухватился за поручень. Большой каньон славится воздушными вихрями, но на этой высоте они не очень опасны. И Фолкен без особой тревоги следил за снижающейся платформой, которую теперь отделяло от корабля около полусотни метров. Управляющий ею на расстоянии искусный оператор уже раз десять выполнял этот нехитрый маневр — какие тут могут быть затруднения!

Но что-то сегодня у него реакция замедленная... Ветер отнес платформу чуть ли не к самому краю люка. Мог бы и раньше притормозить... Отказала система управления? Вряд ли. Каждое звено многократно резервировано, системы дублированы, страховка полная. Аварий почти не бывает.

Опять понесло, теперь влево... Уж не пьян ли оператор? Немыслимо, конечно, и все же Фолкен задал себе такой вопрос. Потом взялся за микрофон.

Снова хлестнул по лицу внезапный порыв ветра. Но Фолкен его почти не ощутил, он с ужасом смотрел на телевизионную платформу. Оператор изо всех сил старался овладеть управлением, выровнять платформу реактивными струями, но только усугубил положение. Платформа качалась все сильнее. Двадцать градусов... сорок... шестьдесят... девяносто...

— Включи автоматику, болван! — в отчаянии прокричал Фолкен в микрофон.— Ручное управление не действует!

Платформа опрокинулась вверх дном. Теперь реактивные струи, вместо того чтобы поддерживать, толкали ее вниз, словно вдруг переметнулись на сторону сил тяготения, которым до сих пор противоборствовали.

Фолкен не слышал удара, только ощутил его. Он был уже на прогулочной палубе — спешил к лифту, чтобы спуститься на мостик. Рабочие тревожно кричали ему вдогонку, допытываясь, что случилось. Пройдет не один месяц, прежде чем он узнает ответ...

У самого лифта он передумал. Вдруг будет перебой с электроэнергией? Лучше не рисковать, пусть даже он потеряет несколько важных минут. И Фолкен побежал вниз по обвивающей лифтовую шахту спиральной лестнице.

На полпути он остановился, чтобы определить степень повреждения. Проклятая платформа прошла насквозь через корабль и пропорола два газовых мешка. Они все еще опадали огромными прозрачными полотнищами. Уменьшение подъемной силы не пугало Фолкена — восемь отсеков целы, значит, достаточно сбросить балласт. Гораздо хуже, если не устоят металлические конструкции. Могучий остов уже протестующе кряхтел от чрезмерной нагрузки... Мало сохранить подъемную силу: если она неравномерно распределена, корабль сломает себе хребет.

Не успел Фолкен шагнуть на следующую ступеньку, как вверху показался визжащий от страха шимпанзе. С невообразимой скоростью он спускался, перехватываясь руками, по решетке лифтовой шахты. Перепуганный насмерть бедняга сорвал с себя фирменный комбинезон — может быть, в этом выразилось подсознательное стремление обрести былую свободу обезьяньего племени.

Спускаясь бегом по лестнице, Фолкен с беспокойством следил, как животное настигает его. Обезумевший симп достаточно силен и опасен, особенно если страх заглушит внушенные навыки. Догнав Фолкена, обезьяна что-то затараторила, но в беспорядочном нагромождении слов он с трудом разобрал то и дело повторяемое жалобное «шеф». Даже теперь ждет указания от человека... Как не посочувствовать животному, которое по вине людей ни за что ни про что попало в непостижимую для него беду.

Шимпанзе остановился вровень с Фолкеном, на другой стороне шахты. Широкие отверстия решетки позволяли легко преодолеть это препятствие, было бы желание. Меньше полуметра разделяли два лица, и Фолкен глядел прямо в расширенные от ужаса глаза. Никогда еще ему не приходилось видеть симпа так близко. И, созерцая в упор его черты, Фолкен поймал себя на знакомом каждому, кто таким вот образом смотрелся в зеркало времени, странном чувстве, сочетающем родственное узнавание и неловкость.

Похоже было, что соседство человека помогло симпу успокоиться. Фолкен показал вверх, в сторону прогулочной палубы, и раздельно произнес:

— Шеф... шеф... иди!

И с облегчением увидел, что шимпанзе его понял. Изобразив подобие улыбки, животное ринулось вверх тем же путем, каким спускалось. Ничего лучшего Фолкен не мог посоветовать. Если сейчас на «Куин» и есть безопасное место, так это наверху. Но капитану надо быть внизу.

До капитанского мостика оставалось несколько шагов, когда заскрежетал ломающийся металл и корабль резко клюнул носом. Лампы погасли, но Фолкен достаточно хорошо различал окружающее благодаря столбу солнечного света, который ворвался в распахнутый люк и огромную прореху в оболочке. Много лет назад, стоя в нефе величественного собора, он смотрел, как пронизывающий цветные стекла свет красочными бликами ложится на старые каменные плиты. Бьющий через рваное отверстие далеко вверху сноп ослепительных лучей напомнил ему те минуты. Как будто он в падающем с неба металлическом соборе...

Вбежав на мостик, откуда наконец-то можно было выглянуть наружу, Фолкен с ужасом увидел, что земля совсем близко. Какая-нибудь тысяча метров отделяла дирижабль от изумительных — и смертоносных — каменных шпилей и от

красных илистых струй, которые упорно продолжали вгрызаться в прошлое. И ни одного ровного клочка, где мог бы лечь во всю длину корабль такой величины, как «Куин».

Он взглянул на приборную доску. Весь балласт сброшен. Но и скорость падения снизилась до нескольких метров в секунду. Еще можно побороться.

Фолкен молча занял место пилота и взял управление на себя — насколько корабль вообще поддавался еще управлению. Говорить было не о чем, приборы сказали ему все, что нужно. Где-то за его спиной начальник связи докладывал по радио о происходящем. Конечно, все информационные каналы Земли уже начеку... Фолкен представлял себе отчаяние режиссеров телевизионных станций. В разгаре одно из самых эффектных в истории кораблекрушений — и ни одной камеры на месте, чтобы запечатлеть его! Последние минуты «Куин» не будут наполнять содроганием и ужасом души миллионов зрителей, как это было с «Гинденбургом» полтора столетия назад.

До земли оставалось всего около пятисот метров, и она продолжала медленно надвигаться. Хотя в распоряжении Фолкена была полная мощь движителей, он до сих пор не решался их использовать, боясь, что развалится поврежденный остов. Однако выбора не было. Ветер нес «Куин» к развилке, где реку рассекала надвое высокая скала, похожая на форштевень некоего древнего окаменевшего корабля. Если курс останется прежним, «Куин» оседлает треугольную площадку и на треть своей длины повиснет над пустотой. И переломится, как гнилая палка.

Фолкен включил боковые стройные рули и сквозь металлический скрежет и шипение уходящего газа услышал далекий знакомый свист. Корабль помешкал, потом начал поворачиваться влево. Металл скрежетал почти непрерывно, и скорость падения зловеще возрастала. Контрольные приборы сообщали, что лопнул газовый мешок номер пять...

До земли оставались считаные метры, а Фолкен все еще не мог решить, будет ли толк от его маневра. Он перевел вектор тяги на вертикаль, чтобы предельно увеличить подъемную силу и ослабить удар.

Столкновение с землей растянулось на целую вечность. Оно было не таким уж сильным, но достаточно долгим и сокрушительным. Будто рушилась вся Вселенная.

Звук ломаемого металла приближался, словно некий могучий зверь вгрызался в остов погибающего корабля.

А потом пол и потолок зажали Фолкена в тисках.

2

— Почему тебе так хочется лететь на Юпитер?

— Как сказал Шпрингер, когда отправился на Плутон: потому что он существует.

— Ясно. А теперь выкладывай настоящую причину.

Говард Фолкен улыбнулся, хотя лишь тот, кто близко знал его, назвал бы улыбкой эту напряженную гримасу. Вебстер знал его близко. Больше двадцати лет они работали вместе, разделяя успех и катастрофы, в том числе самую грандиозную.

— Что же, штамп Шпрингера остается в силе. Мы высаживались на всех планетах земного типа, но на газовых гигантах не бывали. Можно сказать, что они единственный стоящий орешек Солнечной системы, который мы еще не разгрызли.

— Дорогостоящий орешек. Ты не прикидывал расходы?

— Попытался, вот мои выкладки. Но учти, это ведь не одноразовое мероприятие. Речь идет о системе, которую можно использовать многократно, если она себя оправдает. И с ней не только Юпитер — все гиганты станут доступными.

Вебстер посмотрел на цифры и присвистнул.

— Почему бы не начать с какой-нибудь планеты полегче, скажем, с Урана? Сила тяготения — половина Юпитеровой, и вторая космическая скорость наполовину меньше. Да и погода там потише, если можно так выразиться.

Вебстер явно подготовился к разговору. На то он и руководитель перспективного планирования.

— Не так уж много на этом выиграешь, если учесть, что путь побольше и с материально-техническим обеспечением посложнее. На Юпитере нам Ганимед поможет. А за Сатурном придется создавать новую обеспечивающую базу.

«Логично,— отметил про себя Вебстер.— И все-таки не это основная причина. Юпитер — властелин Солнечной системы, а Фолкену, конечно, подавай самый крепкий орешек...»

— Кроме того,— продолжал Фолкен,— Юпитер основательно морочит голову ученым. Больше ста лет как открыты его радиобури, а мы все не знаем, что их вызывает. И Большое Красное Пятно по-прежнему остается загадкой. Поэтому я рассчитываю еще и на средства Комитета астронавтики. Тебе известно, сколько зондов запущено в атмосферу Юпитера?

— Сотни две, должно быть.

— Триста двадцать шесть за последние полсотни лет. И каждый четвертый — впустую. Слов нет, собрана куча данных, но что это для такой планеты... Ты представляешь себе, насколько она велика?

— В десять с лишним раз больше Земли.

— Разумеется, но что это означает?

Фолкен показал на большой глобус в углу кабинета.

— Погляди на Индию — много места она занимает? Так вот, если поверхность земного шара распластать на поверхности Юпитера, соотношение будет примерно то же.

Они помолчали, Вебстер размышлял над уравнением: Юпитер относится к Земле, как Земля — к Индии. Удачный пример, и, конечно, Фолкен не случайно его выбрал.

Неужели десять лет прошло? Да, не меньше... Авария произошла семь лет назад (эта дата врезалась в его память), а подготовительные испытания начались за три года до первого и последнего полета «Куин Элизабет».

Десять лет назад капитан — нет, тогда лейтенант — Фолкен пригласил его, так сказать, на репетицию, в трехдневный полет над равнинами Северной Индии, с видом на далекие Гималаи.

— Совершенно безопасно,— заверил он.— Отдохнешь от бумаг и представишь себе, о чем идет речь.

Вебстер не был разочарован. Если не считать первого посещения Луны, полет этот был самым ярким впечатлением в его жизни. Хотя, как и говорил Фолкен, обошлось без опасностей и даже без особых приключений.

Они взлетели в Сринагаре на рассвете. Огромный серебристый шар озарили первые лучи солнца. Поднимались в полной тишине, никакого рева газовых горелок, на которых зиждилась подъемная сила старинных «монгольфьеров». Все необходимое тепло давал небольшой, весом около ста килограммов, импульсный реактор, подвешенный в горловине шара. Пока они набирали высоту, лазерная искра десять раз в секунду сжигала малую толику тяжелого водорода. В горизонтальном полете было достаточно нескольких импульсов в минуту, чтобы возмещать расход тепла в огромном газовом мешке.

Даже в полутора километрах над Землей они слышали лай собак, людские голоса, звон колокольчиков. Все шире расстилался под ними залитый солнцем край ландшафта. Через два часа шар уравновесился на высоте пяти тысяч метров; здесь им то и дело приходилось пользоваться кислородной маской. Можно было с легким сердцем любоваться пейзажами: автоматика выполняла за них всю работу, в частности собирала данные для тех, кто проектировал тогда еще безымянный небесный лайнер.

День выдался отменный. До начала юго-западного муссона оставался целый месяц, в небе — ни облачка. Время будто остановилось, и только радиосводка погоды каждый час вторгалась в их грезы. Кругом, до горизонта и дальше, простирался древний, дышащий историей ландшафт, лос-

кутное одеяло из селений, полей, храмов, озер, оросительных каналов...

Усилием воли Вебстер развеял чары воспоминаний. Тот полет десять лет назад сделал его приверженцем аппаратов легче воздуха. И помог ему осознать, как огромна Индия, даже в мире, который можно облететь за девяносто минут. «А Юпитер,— повторил он про себя,— относится к Земле, как Земля относится к Индии...»

— Допустим, ты прав,— сказал он вслух,— и допустим, найдутся средства. Остается еще вопрос: почему ты думаешь, что справишься с задачей лучше, чем те — сколько ты говорил? — триста двадцать шесть автоматических станций, которые туда посылали?

— Я превосхожу автоматы и как наблюдатель, и как пилот. Особенно как пилот. Не забудь, у меня больше опыта с аппаратами легче воздуха, чем у кого-либо еще на свете.

— Ты можешь в полной безопасности управлять полетом из центра на Ганимеде.

— Но ведь в том-то и дело, что это уже было! Ты забыл, что погубило «Куин»?

Вебстер отлично знал причину, однако ответил:

— Ну?

— Запаздывание. Запаздывание! Этот болван оператор думал, что работает через местный передатчик, а его случайно подключили к спутнику. Не его вина, конечно, но должен был заметить! И пока сигнал проходил в оба конца, запаздывал на полсекунды. Но и то обошлось бы при спокойной атмосфере. Все испортила турбулентность над Большим каньоном. Платформа накренилась, оператор дал команду на выравнивание, а она уже успела качнуться в другую сторону. Ты пробовал когда-нибудь вести по ухабам машину, которая слушается руля с опозданием на полсекунды?

— Не пробовал и не собираюсь. Но могу себе представить...

— Так вот, от Ганимеда до Юпитера миллион километров. Суммарное запаздывание сигнала составит шесть се-

кунд. Нет, оператор должен находиться на месте, чтобы вовремя принимать срочные меры. Вот я сейчас покажу тебе одну штуку... Можно взять?

— Конечно бери.

Фолкен взял с письменного стола открытку. На Земле они почти перевелись, но эта изображала объемный марсианский ландшафт и была обклеена редкими, дорогими марками. Он держал ее вертикально.

— Старый трюк, но годится как иллюстрация. Пропусти открытку между большим и указательным пальцами, но не касайся ее... Вот так.

Вебстер протянул руку и поднес пальцы вплотную к открытке.

— Теперь лови.

Фолкен выждал несколько секунд и вдруг выпустил открытку. Пальцы Вебстера схватили пустоту.

— Давай повторим, чтобы ты убедился, что нет никакого подвоха. Видишь?

Снова открытка проскользнула между пальцами Вебстера.

— А теперь испытай меня.

Взяв открытку, Вебстер тоже выпустил ее внезапно. Фолкен мгновенно схватил ее, реакция была настолько быстрой, что Вебстеру даже почудился щелчок.

— Когда хирурги меня собирали,— бесстрастно заметил Фолкен,— они внесли кое-какие усовершенствования. И это только одно из них. Хотелось бы найти им применение. Юпитер очень подходит для этого.

Несколько долгих секунд Вебстер смотрел на открытку, впитывая взглядом неправдоподобные краски на склонах Троепутья Харона. Потом произнес:

— Понятно. Сколько времени уйдет на подготовку?

— С твоей помощью да при поддержке комитета и разных научных фондов, которые мы сможем привлечь,— ну, года три. Еще год на испытания, ведь придется запустить по

меньшей мере две опытные модели. В целом, если все будет гладко,— пять лет.

— Примерно так я и думал. Что ж, желаю тебе успеха, ты его заслужил. Но в одном я тебе не союзник.

— Это в чем же?

— Когда в следующий раз полетишь на воздушном шаре, не зови меня в пассажиры.

3

Чтобы упасть с Юпитера-5 на планету Юпитер, достаточно трех с половиной часов. Мало кто сумел бы уснуть в таком волнующем путешествии. Говард Фолкен вообще считал потребность в сне слабостью, а если все же ненадолго засыпал, его преследовали кошмары, с которыми время до сих пор не совладало. Но в ближайшие три дня не приходилось рассчитывать на отдых — значит, надо использовать долгое падение, эти сто с лишним тысяч километров до океана облаков.

Как только «Кон-Тики» вышел на переходную орбиту и бортовая ЭВМ сообщила, что все в порядке, Фолкен приготовился ко сну, который для него мог оказаться последним. Как раз в это время Юпитер очень кстати заслонил сияющее Солнце — «Кон-Тики» нырнул в тень от огромной планеты. Несколько минут корабль окутывали какие-то необычные золотистые сумерки, потом четверть неба превратилась в сплошной черный провал, окруженный морем звезд. Сколько ни углубляйся в дали Солнечной системы, звезды не меняются; те же созвездия сейчас видны на Земле, за миллионы километров от Юпитера. Нового здесь только маленькие бледные серпы Каллисто и Ганимеда. Конечно, где-то в небе находилось еще с десяток юпитерианских лун, но они были слишком малы и слишком удалены, чтобы различить их невооруженным глазом.

— Выключаюсь на два часа,— передал Фолкен на корабль-носитель, который висел в полутора тысячах километров над пустынными скалами Юпитера-5, заслоненный им от планетной радиации.

От этой крохотной луны хоть та польза, что она, словно космический бульдозер, сгребает почти все заряженные частицы, из-за которых человеку вредно задерживаться вблизи Юпитера. Под ее прикрытием можно спокойно останавливать корабль, не опасаясь незримой смертоносной мороси.

Фолкен включил индуктор сна, и ласковые электрические импульсы быстро убаюкали его мозг. Пока «Кон-Тики» падал на Юпитер, с каждой секундой ускоряя ход в чудовищном поле тяготения, он спал без сновидений. Сны придут в момент пробуждения — придут земные кошмары...

Правда, само крушение не снилось ему ни разу, хотя во сне он часто оказывался лицом к лицу с испуганным супершимпанзе на спиральной лестнице между опадающими газовыми мешками. Ни один из симпов не выжил. Те, кто не погиб сразу, получили настолько тяжелые ранения, что их подвергли безболезненной эвтаназии. Иногда Фолкен спрашивал себя, почему ему снится лишь это обреченное существо, с которым он впервые встретился за несколько минут до его смерти, а не друзья и коллеги, погибшие на «Куин».

Больше всего боялся Фолкен снов, которые возвращали его к той минуте, когда он пришел в себя. Физической боли почти не было, поначалу он вообще ничего не чувствовал. Только мрак да тишина кругом, ему даже казалось, что он не дышит. И самое странное — потерялись конечности. Он не мог пошевельнуть руками и ногами, потому что не знал, где они.

Первой отступила тишина. Через несколько часов — или дней — он уловил какой-то слабый пульсирующий звук. В конце концов после долгого раздумья заключил, что это бьется его собственное сердце. Первая в ряду многих ошибка...

Дальше — слабые уколы, вспышки света, неуловимые прикосновения к по-прежнему бездействующим конечностям. Один за другим оживали органы чувств. И с ними ожи-

ла боль. Ему пришлось учить все заново, пришлось повторить раннее детство. Память не пострадала, и Фолкен понимал все, что ему говорили, но несколько месяцев мог только мигать в ответ. Он помнил счастливые минуты, когда сумел вымолвить свое первое слово, перевернуть страницу книги — и когда наконец сам начал перемещаться по комнате. Немалое достижение, и готовился он к этому почти два года... Сотни раз Фолкен завидовал погибшему супершимпанзе, но ведь у него не было выбора, врачи решили все за него. И вот теперь, двадцать лет спустя, он там, где до него не бывал ни один человек, летит со скоростью, какой еще никто не выдерживал.

«Кон-Тики» уже выходил из тени, и юпитерианский рассвет перекрыл небо перед ним исполинской дугой, когда настойчивый голос зуммера вырвал Фолкена из объятий сна. Непременные кошмары (он как раз хотел вызвать медицинскую сестру, но не было сил даже нажать кнопку) быстро отступили. Величайшее — и, возможно, последнее — приключение в жизни ожидало его.

Фолкен вызвал Центр управления — он должен был вот-вот скрыться за изгибом Юпитера — и доложил, что все идет нормально. Их разделяло почти сто тысяч километров, и скорость «Кон-Тики» уже перевалила за пятьдесят километров в секунду — это величина! Через полчаса он начнет входить в атмосферу, и это будет самый тяжелый маневр такого рода во всей Солнечной системе. Правда, десятки зондов благополучно прошли через огненное чистилище, но ведь то были особо прочные, компактно размещенные приборы, способные выдержать не одну сотню *g*. Максимальные нагрузки на «Кон-Тики», пока он не уравновесится в верхних слоях атмосферы Юпитера, составят тридцать *g*, средние — больше десяти. Тщательно, не торопясь, Фолкен стал пристегивать сложную систему захватов, соединенную со стенами кабины. Закончив эту процедуру, он сам стал как бы частью конструкции.

Часы вели обратный отсчет: осталось сто секунд. Возврата нет, будь что будет... Через полторы минуты он войдет по касательной в атмосферу Юпитера и окажется всецело во власти исполина.

Ошибка в отсчете составила всего плюс три секунды — не так уж плохо, если учесть, сколько было неизвестных факторов. Сквозь стены кабины доносились жуткие вздохи, они переросли в высокий, пронзительный вой. Совсем другой звук, чем при подходе к Земле или к Марсу. Разреженная атмосфера из водорода и гелия переводила все звуки на две октавы выше. На Юпитере даже в раскатах грома будут звучать фальцетные обертоны.

Вместе с нарастающим воем росла и нагрузка. Через несколько секунд Фолкена словно сковал паралич. Поле зрения уменьшилось настолько, что он видел лишь часы и акселерометр. Пятнадцать *g*, и еще терпеть четыреста восемьдесят секунд...

Он не потерял сознания, да иначе и быть не могло. Фолкен представил себе, какой роскошный — на несколько тысяч километров! — хвост тянется за «Кон-Тики» в атмосфере Юпитера. Через пятьсот секунд после входа в атмосферу перегрузка пошла на убыль. Десять *g*, пять, два... Потом тяжесть почти совсем исчезла. Огромная орбитальная скорость была погашена, началось свободное падение.

Внезапный толчок дал знать, что сброшены раскаленные остатки тепловой защиты. Она сделала свое дело и больше не понадобится, пусть достается Юпитеру. Отстегнув все захваты, кроме двух, Фолкен ждал, когда начнется следующая, самая ответственная последовательность автоматических операций.

Он не видел, как раскрылся первый тормозной парашют, но ощутил легкий рывок, и падение сразу замедлилось. Горизонтальная составляющая скорости «Кон-Тики» была полностью погашена, теперь аппарат летел прямо вниз со скоростью полутора тысяч километров в час. Последующие шестьдесят секунд все решат...

Пошел второй парашют. Фолкен посмотрел в верхний иллюминатор и с великим облегчением увидел, как над падающим аппаратом колышутся облака сверкающей пленки. В небе огромным цветком раскрылась оболочка воздушного шара и стала надуваться, зачерпывая разреженный газ. Полный объем составлял не одну тысячу кубических метров, и скорость падения «Кон-Тики» уменьшилась до нескольких километров в час. На этом рубеже она стабилизировалась. Теперь у Фолкена было вдоволь времени — до поверхности планеты аппарату падать не один день.

Но в конце концов он ее все же достигнет, если не принимать никаких мер. Сейчас шар играл роль всего-навсего мощного парашюта. Он не обладал подъемной силой, да и откуда ей взяться, ведь внутри тот же газ, что и снаружи.

С характерным, слегка нервирующим потрескиванием заработал реактор, посылая в оболочку струи тепла. Через пять минут скорость падения снизилась до нуля, еще через минуту аппарат начал подниматься. Согласно радиовысотомеру, он уравновесился на высоте около четырехсот семнадцати километров над поверхностью Юпитера — или над тем, что принято было называть поверхностью.

Только один шар способен плавать в атмосфере самого легкого из газов — водорода: шар, наполненный горячим водородом. Пока тикал реактор, Фолкен мог, не снижаясь, парить над миром, где разместилась бы сотня Тихих океанов. Покрыв около шестисот миллионов километров, «Кон-Тики» наконец-то начал оправдывать свое название. Воздушный плот плыл по течению в атмосфере Юпитера...

Хотя кругом простирался новый мир, прошло больше часа, прежде чем Фолкен смог уделить внимание панораме. Сперва надо было проверить все системы кабины, опробовать рукоятки управления. Определить, насколько увеличить подачу тепла, чтобы подниматься с нужной скоростью, сколько газа выпустить, чтобы снижаться. А главное — добиться стабильности. Отрегулировать длину тросов, соединяющих кабину с огромной грушей оболочки, чтобы погасить раскачивание и сделать полет возможно более плавным. До сих пор ему сопутствовала удача — ветер на этой высоте был устойчивым, и доплеровская локация показывала, что относительно невидимой поверхности он летит со скоростью трехсот пятидесяти километров в час. Очень скромная цифра для Юпитера, где отмечены скорости ветра до полутора тысяч километров в час. Но, конечно, не в скорости дело; турбулентность — вот что опасно. Если придется столкнуться с ней, Фолкена выручат только сноровка, опыт, быстрота реакций — все то, чего не заложишь в программу ЭВМ.

Лишь после того, как он наладил полный контакт со своим необычным аппаратом, Фолкен откликнулся на настойчивые просьбы Центра управления и выпустил штанги с измерительными приборами и устройствами для забора газов. И хотя кабина теперь напоминала неряшливо украшенную рождественскую елку, она все так же легко реяла над Юпитером, посылая непрерывный поток информации на самописцы далекого корабля-носителя. И наконец-то появилась возможность осмотреться...

Первое впечатление было неожиданным и в какой-то мере разочаровывающим. Если говорить о масштабах, то с таким же успехом он мог парить над земными облаками. Горизонт — там, где ему и положено быть, никакого ощущения, что летишь над планетой, поперечник которой в одиннадцать раз превосходит диаметр Земли. Но когда Фолкен посмотрел на инфракрасный локатор, зондирующий слой атмосферы внизу, сразу стало ясно, как сильно обмануло его зрение.

Облачный слой на самом деле был не в пяти, а в шестидесяти километрах под ним. И до горизонта не двести километров, как ему казалось, а почти три тысячи.

Кристальная прозрачность водородно-гелиевой атмосферы и пологие дуги поверхности планеты совершенно сбили

его с толку. Судить на глаз о расстояниях здесь было еще труднее, чем на Луне. Видимую длину каждого отрезка надо умножать по меньшей мере на десять.

Элементарно и, в общем-то, ничего неожиданного. Все же Фолкену почему-то стало не по себе. Такое чувство, словно не в Юпитере дело, а сам он уменьшился в десять раз. Возможно, со временем он привыкнет к чудовищным масштабам этого мира, но сейчас, как поглядишь на невообразимо далекий горизонт, так и чудится, что тебя пронизывает холодный — холоднее окружающей атмосферы — ветер. Что бы он ни говорил раньше, может статься, что эта планета совсем не для людей. И будет Фолкен первым и последним, кто проник в облачный покров Юпитера.

Небо было почти черным, если не считать нескольких перистых облаков из аммиака километрах в двадцати над аппаратом. Там царил космический холод, но с уменьшением высоты быстро росли температура и давление. В зоне, где сейчас парил «Кон-Тики», термометр показывал минус пятьдесят, давление равнялось пяти атмосферам. В ста километрах ниже будет жарко, как в экваториальном поясе Земли, а давление примерно такое, как на дне не очень глубокого моря. Идеальные условия для жизни...

Уже минула четвертая часть короткого юпитерианского дня. Солнце прошло полпути до зенита, но облачную пелену внизу озарял удивительно мягкий свет. Лишних шестьсот миллионов километров заметно умерили яркость солнечных лучей. Несмотря на ясное небо, Фолкен не мог избавиться от ощущения, что выдался пасмурный день. Надо думать, ночь спустится очень быстро. Вот ведь еще утро, а будто сгустились осенние сумерки. С той поправкой, что на Юпитере не бывает осени, вообще нет никаких времен года.

«Кон-Тики» вошел в атмосферу в центре экваториальной зоны — наименее красочной из широтных зон планеты. Море облаков лишь чуть-чуть было тронуто оранжевым оттенком, не то что желтые, розовые, даже красные кольца,

опоясывающие Юпитер в более высоких широтах. Знаменитое Красное Пятно, самая броская примета Юпитера, находилось далеко на юге. Было очень соблазнительно спуститься там, но южное тропическое возмущение оказалось слишком велико, скорость течений достигала полутора тысяч километров в час. Нырять в чудовищный водоворот неведомых стихий значило напрашиваться на неприятности. Пусть будущие экспедиции займутся Красным Пятном и его загадками.

Солнце перемещалось в небе вдвое быстрее, чем на Земле; оно уже приблизилось к зениту, и серебристая громада аэростата заслонила его. «Кон-Тики» по-прежнему шел на запад с неизменной скоростью трехсот пятидесяти километров в час, но отражалось это только на экране локатора. Может быть, здесь всегда так спокойно? Похоже все-таки, что ученые, которые авторитетно толковали о штилевых полосах Юпитера, называя экватор самой тихой зоной, не ошиблись. Фолкен крайне скептически относился к такого рода прогнозам, гораздо убедительнее прозвучали для него слова одного небывало скромного исследователя, который прямо заявил: «Никто не знает точно, что творится на Юпитере».

Что ж, под конец сегодняшнего дня появится, во всяком случае, один знаток.

Если Фолкен сумеет дожить до ночи.

4

В этот первый день фортуна ему улыбалась. На Юпитере было так же тихо и мирно, как много лет назад, когда он вместе с Вебстером парил над равнинами Северной Индии. У Фолкена было время овладеть своими новыми талантами в такой мере, что он будто слился с «Кон-Тики». Он не рассчитывал на такую удачу и спрашивал себя, какой ценой придется за нее расплачиваться.

Пятичасовой день подходил к концу. Облачный полог внизу избороздили тени, и теперь он казался плотнее, мас-

сивнее, чем когда солнце стояло выше в небе. Краски быстро тускнели, только прямо на западе горизонт опоясывал жгут темнеющего пурпура. В кромешном мраке над ним бледным серпом светилась одна из ближних лун.

Простым глазом было видно, как Солнце свалилось за край планеты в трех тысячах километров от «Кон-Тики». Вспыхнули мириады звезд, и среди них, на самом рубеже сумеречной зоны, прекрасная вечерняя звезда — Земля как напоминание о безбрежных далях, отделяющих его от родного дома. Следом за Солнцем она зашла на западе. Началась первая ночь человека на Юпитере.

С наступлением темноты «Кон-Тики» пошел вниз. Шар уже не нагревался слабыми солнечными лучами и потерял частицу своей подъемной силы. Фолкен не стал возмещать потерю, этот спуск входил в его планы.

До незримой теперь пелены облаков оставалось около пятидесяти километров. К полуночи он достигнет ее. Облака четко рисовались на экране инфракрасного локатора; тот же прибор сообщал, что в них кроме обычных водорода, гелия и аммиака огромный набор сложных соединений углерода. Химики томились в ожидании проб этой розоватой ваты. Правда, атмосферные зонды уже доставили несколько граммов, но исследователей такая малость только раздразнила. Высоко над поверхностью Юпитера обнаружилась добрая половина молекул, необходимых для живого организма. Есть пища — так, может быть, и потребители существуют? Вопрос этот уже свыше ста лет оставался без ответа.

Инфракрасные лучи отражались облаками, но микроволновый радар пронизывал их, выявляя слой за слоем, вплоть до поверхности планеты в четырехстах километрах под «Кон-Тики». Путь к ней был прегражден Фолкену колоссальными давлениями и температурами; даже автоматы не могли пробиться туда невредимыми. Вот она — в нижней части радарного экрана, не совсем четкая и мучительно недостижимая... Аппаратура Фолкена не могла расшифровать ее своеобразную зернистую структуру.

Через час после захода Солнца он сбросил первый зонд. Автомат пролетел быстро первые сто километров, потом завис в более плотных слоях, посылая поток радиосигналов, которые Фолкен транслировал в Центр управления. Сверх того до самого восхода Солнца ему оставалось только следить за скоростью снижения, передавать показания приборов да отвечать на отдельные запросы. Влекомый устойчивым течением, «Кон-Тики» не нуждался в присмотре.

Перед самой полуночью на дежурство в центре заступила оператор-женщина. Она представилась Фолкену, сопроводив эту процедуру обычными шутками. А через десять минут он снова услышал ее голос, на этот раз серьезный и взволнованный.

— Говард! Послушай сорок шестой канал, не пожалеешь!

Сорок шестой? Телеметрических каналов было столько, что он помнил лишь самые важные. Но как только включил тумблер, сразу сообразил, что принимает сигнал от микрофона на зонде, который висел в ста тридцати километрах под ним, где плотность атмосферы приближалась к плотности воды.

Сперва он услышал лишь шелест ветра, необычного ветра, дующего во мраке непостижимого мира. А затем на этом фоне исподволь родилась гулкая вибрация. Сильнее... сильнее... будто рокот исполинского барабана. Звук был такой низкий, что Фолкен не только слышал, но и осязал его, и частота ударов непрерывно возрастала, хотя высота тона не менялась. Вот уже какая-то почти инфразвуковая пульсация... Внезапно звук оборвался — так внезапно, что мозг не сразу воспринял тишину, память продолжала творить неуловимое эхо где-то в глубинах сознания.

Фолкен в жизни не слышал ничего подобного, никакие земные звуки не шли тут в сравнение. Тщетно пытался он представить себе явление природы, способное породить такой рокот. И на голос животного не похоже, взять хоть больших китов...

Звучание повторилось, с тем же нарастанием силы и частоты. На этот раз Фолкен был начеку и засек продолжительность: от первых негромких биений до заключительного крещендо — чуть больше десяти секунд.

А еще он услышал настоящее эхо, очень слабое и далекое. Возможно, звук отразился от какого-то еще более глубокого пограничного слоя многоярусной атмосферы, а может быть, исходил из совсем другого, далекого источника. Фолкен подождал, однако эхо не повторилось.

Центр управления не заставил себя ждать и попросил его тотчас сбросить второй зонд. Два микрофона позволят хотя бы приблизительно локализовать источники звука. Как ни странно, наружные микрофоны самого «Кон-Тики» воспринимали только шум ветра. Видимо, таинственный рокот в глубинах встретил вверху препятствие — отражающий слой — и растекся вдоль него.

Приборы быстро определили, что звучания исходят от источников примерно в двух тысячах километров от «Кон-Тики». Расстояние еще ничего не говорило об их мощи: в земных океанах довольно слабые звуки могут пройти такой же путь. Естественное предположение, что виновники — живые существа, было сразу отвергнуто главным экзобиологом.

— Я буду очень разочарован,— сказал доктор Бреннер,— если здесь не окажется ни растений, ни микроорганизмов. Но ничего похожего на живые существа не может быть там, где отсутствует свободный кислород. Все биохимические реакции на Юпитере должны протекать на низком энергетическом уровне. Активному существу попросту неоткуда почерпнуть силы для своих жизненных функций.

Так уж и неоткуда... Фолкен не первый раз слышал этот аргумент, и он его не убедил.

— Так или иначе,— продолжал экзобиолог,— длина звуковой волны порой достигала девяноста метров! Даже зверь величиной с кита неспособен производить такие звуки. Так что речь может идти только о каком-то природном явлении.

А вот это уже похоже на правду, и, наверное, физики сумеют найти объяснение. В самом деле, поставьте слепого пришельца на берег бушующего моря, рядом с гейзером, с вулканом, с водопадом — как он истолкует услышанные звуки? Может и приписать их огромному животному.

Примерно за час до восхода голоса из пучины смолкли, и Фолкен стал готовиться к встрече своего второго дня на Юпитере. От ближайшего яруса облаков «Кон-Тики» теперь отделяло всего пять километров; наружное давление возросло до десяти атмосфер, температура была тропическая — тридцать градусов. Человек вполне мог бы находиться в такой среде без какого-либо снаряжения, кроме маски и баллона с подходящей смесью гелия и кислорода для дыхания.

— Приятные новости,— сообщил Центр управления, когда рассвело.— Облака кое-где расходятся. Через час увидишь частичный просвет. Но остерегайся турбулентности!

— Уже чувствую кое-что,— ответил Фолкен.— На какую глубину я буду видеть?

— Километров на двадцать по меньшей мере, до следующего термоклина. Но уж та пелена поплотнее, просветов не бывает.

«И она для меня недоступна»,— сказал себе Фолкен. Температуры там превышают сто градусов. Впервые «потолок» воздухоплавателя находился не над головой, а под ногами!

Через десять минут и он обнаружил то, что увидел сверху Центр управления. Окраска облаков у горизонта изменилась, пелена стала косматой, бугристой, как будто ее что-то распороло. Он прибавил жару в своей маленькой атомной топке и набрал несколько километров высоты для лучшего обзора.

Внизу и в самом деле быстро ширился просвет, словно что-то растворяло плотный полог. Перед глазами Фолкена разверзлась бездна: «Кон-Тики» прошел над краем небесного каньона глубиной около двадцати и шириной около тысячи километров.

Под ним простирался совсем новый мир. Юпитер отдернул одну из своих многочисленных завес. Второй ярус облаков, дразнящий воображение своей недосягаемостью, был намного темнее первого. Цвет розоватый, с причудливыми островками кирпичного оттенка. Островки овальные, вытянутые в направлении господствующего ветра, с востока на запад, примерно одинаковой величины. Их были сотни, и они напоминали пухлые кочевые облака в земных небесах.

Он уменьшил подъемную силу, и «Кон-Тики» начал снижаться вдоль тающего обрыва. И тут Фолкен заметил снег.

Белые хлопья возникали в воздухе и медленно летели вниз. Но откуда в такой жаре снег? Не говоря уже о том, что на этой высоте не может быть водяных паров. К тому же низвергающийся в бездну каскад не сверкал и не переливался на солнце. Вскоре несколько хлопьев легли на приборную штангу перед главным иллюминатором, и он рассмотрел, что они мутно-белые, отнюдь не кристаллические — и довольно большие, сантиметров десять в поперечнике. Похоже на воск. Скорее всего, воск и есть... В атмосфере вокруг «Кон-Тики» шла какая-то химическая реакция, которая рождала реющие над Юпитером хлопья углеводородов.

Километрах в ста прямо по курсу что-то всколыхнуло вторую облачную пелену. Маленькие красноватые овалы заметались, потом начали выстраиваться по спирали. Знакомая схема циклона, столь обычная в земной метеорологии. Воронка формировалась с поразительной быстротой. Если там зарождается ураган, «Кон-Тики» ожидают большие неприятности.

В следующий миг беспокойство в душе Фолкена сменилось удивлением — и страхом. Нет, это вовсе не ураган: нечто огромное, не один десяток километров в поперечнике, всплывало из толщи облаков на его пути.

Несколько секунд он цеплялся за мысль, что это, наверно, тоже облако — грозовое облако, которое заварилось в нижних слоях атмосферы. Но нет, тут что-то плотное. Что-

то плотное протискивалось сквозь розоватый покров, будто всплывающий из глубин айсберг.

Айсберг, плавающий в водороде? Что за вздор! Но как сравнение, пожалуй, годится. Наведя телескоп на загадочное образование, Фолкен увидел беловатую аморфную массу с красными и бурыми прожилками. Не иначе как то самое вещество, из которого состоят «снежинки». Целая гора воска. Затем он разобрал, что она не такая уж компактная, как ему показалось сначала. Кромка таинственной громады непрерывно крошилась и возникала вновь.

— Я знаю, что это такое,— доложил он в Центр управления, который уже несколько минут тормошил его тревожными запросами.— Гора пузырьков, пена. Углеводородная пена. Скажите химикам, пусть... Нет, постойте!!!

— В чем дело? — заволновался центр.— Что случилось?

Пренебрегая отчаянными призывами из космоса, Фолкен сосредоточил все внимание на том, что показывал телескоп. Необходима полная уверенность... Ошибешься — станешь посмешищем для всей Солнечной системы.

Наконец он расслабился, поглядел на часы и отключил неотвязный голос центра.

— Вызываю Центр управления,— произнес он в микрофон официальным тоном.— Говорит Говард Фолкен с борта «Кон-Тики». Эфемеридное время девятнадцать часов, двадцать одна минута, пятнадцать секунд. Широта ноль градусов, пять минут, северная. Долгота сто пять градусов, сорок две минуты, система один. Передайте доктору Бреннеру, что на Юпитере есть живые организмы. Да еще какие!..

5

— Рад признать свою неправоту,— донесло радио веселый голос доктора Бреннера.— У природы всегда припасен какой-нибудь сюрприз. Наведи получше телеобъектив и передай нам возможно более четкую картинку.

До восковой горы было еще слишком далеко, чтобы Фолкен мог как следует рассмотреть то, что двигалось вверх-вниз по ее склонам. Во всяком случае, что-то очень большое, иначе он их вообще не увидел бы. Почти черные, формой напоминающие наконечник стрелы, они перемещались, плавно извиваясь. Будто исполинские манты плавали над тропическим рифом.

Или это коровы небесные пасутся на облачных лугах Юпитера? Ведь эти существа явно обгладывали темные, буро-красные прожилки, избороздившие склоны, точно высохшие русла. Время от времени какая-нибудь из них ныряла в пенную громаду и пропадала из виду.

«Кон-Тики» летел очень медленно. Пройдет не меньше трех часов, прежде чем он окажется над рыхлыми холмами. А солнце не ждет... Успеть бы до темноты как следует рассмотреть здешних мант и зыбкий ландшафт, над которым они реют.

Как же долго тянулись эти часы... Наружные микрофоны Фолкен держал включенными на полную мощность: может быть, перед ним источник ночного рокота? Манты были достаточно велики, чтобы издавать такие звуки. Точное измерение показало, что размах крыльев у них почти девяносто метров. В три раза больше длины самого крупного кита, хотя вес от силы несколько тонн.

За полчаса до заката «Кон-Тики» подошел к горе.

— Нет,— отвечал Фолкен на повторные запросы Центра управления,— они по-прежнему никак не реагируют на мое присутствие. Вряд ли это разумные создания. Они больше напоминают безобидных травоядных. Да если и захотят погоняться за мной, им не подняться на такую высоту.

По чести говоря, Фолкен был слегка разочарован тем, что манты не проявили ни малейшего интереса к нему, когда он пролетал высоко над их пастбищем. Может быть, им просто нечем его обнаружить?.. Рассматривая и фотографируя их через телескоп, он не заметил ничего, хотя бы отдаленно похожего на органы чувств. Казалось, огромные черные дельты из греческого алфавита сновали над откосами, которые плотностью немногим превосходили земные облака. На вид-то прочные, а наступи на белый склон — и провалишься, как сквозь папиросную бумагу.

Вблизи он рассмотрел слагающие гору многочисленные ячейки или пузыри. Иные достигали больше метра в поперечнике, и Фолкен спрашивал себя, в каком дьявольском котле варилось это углеводородное зелье. Похоже, в атмосфере Юпитера столько химических продуктов, что ими можно обеспечить Землю на миллионы лет.

Короткий день был на исходе, когда «Кон-Тики» прошел над гребнем восковой горы, и нижние склоны уже обволакивал сумрак. На западной стороне мант не было, и рельеф почему-то выглядел иначе. Вылепленные из пены длинные ровные террасы напоминали внутренность лунного кратера. Ни дать ни взять исполинские ступени, ведущие вниз, к незримой поверхности планеты.

На нижней ступени, как раз над роем облаков, раздвинутых изверженной из пучины горой, прилепилась какая-то округлая масса шириной в два-три километра. Фолкен едва ее различил — она была лишь чуть темнее сероватой пены, на которой покоилась. В первую минуту ему почудилось, что перед ним лес из белесых грибов-исполинов, никогда не видевших солнечных лучей.

В самом деле, лес... Из белой восковой пены торчали сотни тонких стволов, правда, они стояли очень уж густо, чуть ли не впритык. А может быть, не лес это, а одно огромное дерево? Что-нибудь вроде восточного баньяна с множеством дополнительных стволов. На Яве Фолкену однажды довелось видеть баньян, крона которого достигала шестисот метров в поперечнике. Но это чудовище раз в десять больше!

Сгущалась темнота. Преломленный солнечный свет окрасил облачный ландшафт в пурпур. Еще несколько секунд, и все поглотит мрак. Но в свете угасающего дня, своего вто-

рого дня на Юпитере, Фолкен увидел — или ему почудилось? — нечто такое, что основательно поколебало его трактовку белесого овала.

Если только его не обмануло слабое освещение, все эти сотни тонких стволов качались туда-обратно, будто водоросли на волне.

И само дерево успело переместиться.

— Увы, похоже, что в ближайший час можно ждать извержения Беты,— сообщил Центр управления вскоре после захода солнца.— Вероятность семьдесят процентов.

Фолкен бросил взгляд на карту. Бета находилась на сто сороковом градусе Юпитеровой широты, почти в тридцати тысячах километров от него, далеко за горизонтом. И хотя мощность извержений этого источника достигала десяти мегатонн, на таком расстоянии ударная волна не была ему опасна. Иное дело вызванная извержением радиобуря.

Всплески в декаметровом диапазоне, при которых Юпитер временами становился самым мощным источником радиоизлучения на всем звездном небе, были открыты еще в 1950-х годах и немало озадачили астрономов. И теперь, больше ста лет спустя, подлинная причина их оставалась загадкой. Признаки известны, а объяснения нет.

Самой живучей оказалась вулканическая гипотеза, хотя все понимали, что на Юпитере слово «вулкан» означает нечто совсем другое, чем на Земле. В нижних слоях Юпитеровой атмосферы, может быть, даже на самой поверхности планеты то и дело — иногда по нескольку раз в день — происходили титанические извержения. Огромный столб газа высотой больше тысячи километров устремлялся вверх так, словно вознамерился улететь в космос.

Конечно, ему было не по силам одолеть поле тяготения величайшей из планет Солнечной системы. Но часть столба — несколько миллионов тонн — обычно достигала ионосферы. Тут-то и начиналось...

Радиационные пояса Юпитера неизмеримо превосходят земные. И когда газовый столб устраивает короткое замыкание, рождается электрический разряд в миллионы раз мощнее любой земной молнии. Гром от этого разряда — в виде радиопомех — раскатывается по всей Солнечной системе и за ее пределами.

На Юпитере было обнаружено четыре основных очага всплесков. Возможно, к этим местам приурочены разломы, позволяющие раскаленному веществу недр прорываться наружу. Ученые на Ганимеде, крупнейшем из многочисленных спутников Юпитера, теперь брались даже предсказывать декаметровые бури. Их прогнозы были примерно такими же надежными, как прогнозы погоды на Земле в начале двадцатого века.

Фолкен не знал, бояться радиобури или радоваться ей. Ведь он сможет собрать ценнейшие данные — если останется жив. Весь маршрут был рассчитан так, чтобы «Кон-Тики» находился возможно дальше от главных очагов возмущения, особенно самого беспокойного из них — центра Альфа. Но случаю было угодно, чтобы сейчас проявил свой нрав ближайший очаг — Бета. Оставалось надеяться, что расстояние, равное трем четвертям земной окружности, предохранит «Кон-Тики».

— Вероятность девяносто процентов,— прозвучал напряженный голос центра.— И забудь слова «в ближайший час». Ганимед считает, извержения можно ждать с минуты на минуту.

Только оператор договорил, как стрелка измерителя магнитного поля полезла вверх. Не успев зашкалить, она так же быстро поехала вниз. Далеко-далеко и на огромной глубине какая-то чудовищная сила всколыхнула жидкое ядро планеты.

— Вижу фонтан! — крикнул дежурный.

— Спасибо, я уже заметил. Когда буря дойдет до меня?

— Первые признаки жди через пять минут. Пик — через десять.

Где-то за дугой горизонта Юпитера столб газа шириной с Тихий океан рвался в космос со скоростью многих тысяч километров в час. В нижних слоях атмосферы уже бушевали грозы, но это было ничто перед свистопляской, которая разразится, когда радиационный пояс обрушит на планету избыточные электроны. Фолкен принялся убирать штанги с приборами. Единственная доступная ему мера предосторожности... Ударная волна покатится по атмосфере лишь через четыре часа после разряда, но радиовсплеск, распространяясь со скоростью света, настигнет его через десятую долю секунды.

Радиоиндикатор прощупывал весь спектр частот, но Фолкен слышал только обычный фон атмосферных помех. Вскоре уровень шумов начал медленно возрастать. Мощь извержения увеличивалась.

Он не ожидал, что на таком расстоянии сумеет что-либо разглядеть. Однако внезапно над горизонтом на востоке заплясали отблески далеких сполохов. Одновременно отключилась половина автоматических предохранителей на распределительном щите, погас свет и умолкли все каналы связи.

Фолкен хотел пошевельнуться — и не мог. Это было не только психологическое оцепенение, конечности не слушались его, и больно кололо все тело. Хотя электрическое поле никак не могло проникнуть в экранированную кабину, приборная доска излучала призрачное сияние, и слух Фолкена уловил характерное потрескивание тлеющего разряда.

Очередью резких щелчков сработала аварийная система. Снова включились предохранители, загорелся свет, и оцепенение прошло так же быстро, как возникло.

Удостоверившись, что все приборы работают нормально, Фолкен живо повернулся к иллюминатору.

Ему не надо было включать контрольные лампы — стропы, на которых висела кабина, словно горели. От стропового кольца и до пояса «Кон-Тики» протянулись во мраке яркие, голубые с металлическим отливом струи. И вдоль нескольких струй медленно катились ослепительные огненные шары.

Картина была до того чарующей и необычной, что не хотелось думать об опасности. Мало кто наблюдал шаровые молнии так близко. И ни один из тех, кто встречался с ними в земной атмосфере, летя на водородном аэростате, не уцелел. Перед внутренним взором Фолкена в который раз пробежали страшные кадры старой кинохроники — аутодафе цеппелина «Гинденбург», подожженного случайной искрой при швартовке в Лейкхерсте в 1937 году. Но здесь такая катастрофа исключена, хотя в оболочке над головой Фолкена было больше водорода, чем в последнем цеппелине. Пройдет не один миллиард лет, прежде чем кто-нибудь сможет развести огонь в атмосфере Юпитера.

Скворча, как сало на горячей сковороде, ожил канал микрофонной связи.

— Алло, «Кон-Тики», ты слышишь нас? «Кон-Тики» — ты слышишь?

Слова были сильно искажены и будто изрублены. Но понять можно. Фолкен повеселел. Контакт с миром людей восстановлен...

— Слышу,— ответил он.— Роскошный электрический спектакль — и никаких повреждений. Пока.

— Слава богу. Мы уже думали, что потеряли тебя. Будь другом, проверь телеметрические каналы третий, седьмой и двадцать шестой. И наведи получше вторую камеру. И нас что-то смущают показания наружных датчиков ионизации...

Фолкен неохотно оторвался от пленительного фейерверка вокруг «Кон-Тики». Все же изредка он поглядывал в иллюминаторы. Первыми пропали шаровые молнии — они медленно разбухали и, достигнув критической величины, беззвучно взрывались. Но еще и час спустя все металлические части на оболочке кабины окружало слабое сияние. А радио продолжало потрескивать половину ночи.

Оставшиеся до утра часы прошли без приключений. Только перед самым восходом на востоке появилось какое-то за-

рево, которое Фолкен сперва принял за утреннюю зарю. Но до рассвета оставалось еще минут двадцать, к тому же зарево на глазах приближалось. Отделившись от обрамляющей невидимый край планеты звездной дуги, оно превратилось в сравнительно узкую, четко ограниченную световую полосу. Казалось, под облаками шарит луч исполинского прожектора.

Километрах в ста за этой полосой возникла другая, она летела параллельно первой и с той же скоростью. А за ней — еще одна, и еще, и еще... И вот уже все небо переливается чередующимися полосами света и тьмы!

Фолкену казалось, что он уже привык ко всяким чудесам, и он не представлял себе, чтобы эти беззвучные переливы холодного света могли ему хоть как-то угрожать. Но зрелище было настолько поразительным и непостижимым, что в душу, подтачивая самообладание, проник леденящий страх. И какой человек не ощутил бы себя пигмеем перед лицом недоступных его пониманию сил... Может быть, на Юпитере все-таки есть не только жизнь, но и разум? И этот разум наконец-то начинает реагировать на вторжение постороннего?

— Да, видим.— В голосе из центра звучал тот же трепет, который обуял Фолкена.— Никакого понятия, что это может быть. Следи, вызываем Ганимед.

Феерия медленно угасала. Выходящие из-за горизонта полосы стали намного бледнее, словно породившая их энергия иссякла. Через пять минут все было кончено. Последний тусклый световой импульс растаял в небе на западе. Фолкен почувствовал безграничное облегчение. Невозможно было долго созерцать такое завораживающее и тревожное зрелище без ущерба для душевного покоя.

Он гнал от себя саму мысль о том, как сильно потрясло его виденное. Электрическую бурю еще как-то можно было понять, но это... Это было нечто совершенно непостижимое.

Центр управления молчал. Фолкен знал, что сейчас на Ганимеде люди и электронные машины лихорадочно ищут ответ в информационных блоках. Не найдут — придется запросить Землю, это означает задержку почти на час. А если и Земля не сумеет помочь? Нет, о такой возможности лучше не думать.

Голос из Центра управления обрадовал его, как никогда прежде. Говорил доктор Бреннер, говорил с явным облегчением, хотя и глуховато, как человек, переживший серьезную встряску.

— Алло, «Кон-Тики». Мы решили загадку, хотя до сих пор как-то не верится... То, что ты видел, биолюминесценция, очень похожая на свечение микроорганизмов в тропических морях Земли. Правда, здесь они находятся в атмосфере, но принцип один и тот же.

— Но рисунок! — возразил Фолкен.— Рисунок был такой правильный, совсем искусственный. И он простирался на сотни километров!

— Даже больше, чем ты можешь себе представить. Тебе была видна только малая часть. Вся эта штука достигала в ширину пять тысяч километров и напоминала вращающееся колесо. Ты видел спицы этого колеса, они проносились со скоростью около километра в секунду...

— В секунду! — невольно перебил Фолкен.— Никакой организм не может развить такую скорость!

— Конечно не может. Я сейчас объясню. Полосы, которые ты наблюдал, были вызваны ударной волной от очага Бета, а она распространилась со скоростью звука.

— Но рисунок? — не унимался Фолкен.

— Вот именно. Речь идет о редчайшем явлении, но такие же световые колеса, только в тысячу раз меньше, наблюдались в Персидском заливе и в Индийском океане. Вот послушай, что увидели моряки британского торгового судна «Патна» майской ночью в тысяча восемьсот восьмидесятом году в Персидском заливе. «Огромное светящееся колесо вра-

щалось так, что спицы его, казалось, задевали судно. Длина спиц составляла метров двести — триста... Всего в колесе было около шестнадцати спиц...» А вот сообщение от двадцать третьего мая тысяча девятьсот шестого года, дело происходило в Оманском заливе: «Ярчайшее свечение быстро приближалось к нам, один за другим направлялись на запад четко очерченные лучи, вроде луча из прожектора военного корабля... Слева от нас возникло огромное огненное колесо, его спицы терялись вдали. Колесо это продолжало вращаться две или три минуты...» ЭВМ на Ганимеде раскопала в архиве около пятисот случаев и принялась все выписывать, да мы ее вовремя остановили.

— Вы меня убедили. Хотя я все равно ничего не понимаю.

— Еще бы — полностью объяснить это явление удалось только в конце двадцатого века. Судя по всему, такое свечение возникает при землетрясениях на дне моря. И всегда на мелких местах, где отражаются ударные волны и возникает устойчивый волновой спектр. Иногда видны полосы, иногда вращающиеся колеса — их назвали колесами Посейдона. Гипотеза получила окончательное подтверждение, когда произвели взрывы под водой и сфотографировали результат со спутника. Да, недаром моряки были склонны к суеверию. Кто бы поверил, что такое возможно?!

«Так вот в чем дело»,— сказал себе Фолкен. Когда центр Бета дал выход своей ярости, во все стороны пошли ударные волны — и через сжатый газ нижних слоев атмосферы, и через толщу самого Юпитера. Встречаясь и перекрещиваясь, волны эти где-то взаимно гасились, где-то усиливали друг друга. Наверное, вся планета вибрировала, точно колокол.

Объяснение есть, но чувство благоговейного трепета осталось. Никогда ему не забыть этих мерцающих световых полос, которые пронизывали недосягаемые глубины атмосферы Юпитера. У Фолкена было такое ощущение, словно он очутился не просто на чужой планете, а в магическом царстве на грани мифа и действительности.

Поистине в этом мире можно ожидать чего угодно, и нет никакой возможности угадать, что принесет завтрашний день.

И ведь ему еще целые сутки тут находиться...

6

Когда наконец рассвело по-настоящему, погода внезапно переменилась. «Кон-Тики» летел сквозь буран. Восковые хлопья падали так густо, что видимость сократилась до нуля. Фолкен с тревогой думал о том, как оболочка выдержит возрастающий груз, пока не заметил, что ложащиеся на иллюминаторы хлопья быстро исчезают. Они тотчас таяли от выделяемого «Кон-Тики» тепла.

На Земле в слепом полете пришлось бы еще считаться с опасностью столкновения. Здесь хоть эта угроза отпадала, горы Юпитера находились в сотнях километров под аппаратом. Что до плавучих островов из пены, то наскочить на них, должно быть, то же самое, что врезаться в слегка отвердевшие мыльные пузыри...

Тем не менее Фолкен включил горизонтальный радар, в котором прежде не было надобности; до сих пор он пользовался только вертикальным лучом, определяя расстояние до невидимой поверхности планеты.

Его ожидал новый сюрприз.

Обширный сектор неба перед ним был насыщен отчетливыми эхо-сигналами. Фолкен припомнил, как первые авиаторы в ряду грозивших им опасностей называли «облака, начиненные камнями». Здесь это выражение было бы в самый раз.

Тревожная картина... Но Фолкен тут же сказал себе, что в атмосфере Юпитера не могут парить никакие твердые предметы. Скорее всего, это какое-то своеобразное метеорологическое явление. Так или иначе, до ближайшей цели было около двухсот километров.

Он доложил в Центр управления, но на сей раз объяснения не получил. Зато центр утешил его сообщением, что через полчаса аппарат выйдет из бурана.

Однако его не предупредили о сильном боковом ветре, который вдруг подхватил «Кон-Тики» и понес его почти под прямым углом к прежнему курсу. Возможности управлять воздушным шаром невелики, и понадобилось все умение Фолкена, чтобы не дать неуклюжему аппарату опрокинуться. Через несколько минут он уже мчался на север со скоростью больше пятисот километров в час. Потом турбулентность прекратилась так же внезапно, как родилась. Может, это был местный вариант струйного течения?

Тем временем буран угомонился, и Фолкен увидел, что для него припас Юпитер.

«Кон-Тики» очутился в огромной вращающейся воронке диаметром около тысячи километров. Шар несло вдоль наклонной мглистой стены. Над головой Фолкена в ясном небе светило солнце, но внизу воронка ввинчивалась в атмосферу до неизведанных мглистых глубин, где почти непрерывно сверкали молнии.

Хотя шар опускался так медленно, что никакой непосредственной угрозы не было, Фолкен увеличил подачу тепла в оболочку и уравновесил аппарат. Только после этого он оторвался от фантастических картин за иллюминатором и снова обратился к радару.

Теперь до ближайшей цели было километров сорок. Он быстро разобрал, что все цели привязаны к стенам воронки и вращаются вместе с ней — очевидно, их, как и «Кон-Тики», подхватило вихрем. Фолкен навел телескоп по радарному пеленгу, и взгляду его явилось странное крапчатое облако.

Хотя оно заполнило почти все поле зрения, рассмотреть его было непросто — облако цветом лишь немногим отличалось от более светлого фона, образованного вращающейся стеной мглы. И прошло несколько минут, прежде чем Фолкен сообразил, что однажды уже видел такое облако.

В тот раз оно ползло по склону плывущей пенной горы, и он принял его за исполинское дерево с множеством стволов. Теперь представилась возможность точнее определить его размеры и конфигурацию. А заодно подобрать название, лучше отвечающее его облику. И вовсе не на дерево оно похоже, а на медузу. Ну конечно, на медузу, из тех, что медленно плывут в теплых завихрениях Гольфстрима, волоча за собой длинные щупальца.

Но эта медуза больше полутора километров в поперечнике... Десятки щупалец длиной в сотни метров мерно качались взад-вперед. На каждый взмах уходила минута с лишком. Казалось, будто диковинное существо тяжело идет на веслах по небу.

Остальные, более удаленные цели тоже были медузами. Фолкен рассмотрел в телескоп с пяток — никакой разницы ни в форме, ни в размерах. Наверное, все представляли один вид. Но почему они так неспешно вращаются по тысячекилометровому кругу? Может быть, кормятся атмосферным планктоном, который засосало в воронку так же, как и «Кон-Тики»?

— А ты подумал, Говард,— заговорил доктор Бреннер, придя в себя от удивления,— что эти создания в сто тысяч раз больше самого крупного кита? Даже если это всего лишь мешок с газом, он весит около миллиона тонн! Как происходит у него обмен веществ — выше моего разумения. Ему ведь, чтобы парить, нужны мегаватты энергии.

— Но если это мешок с газом, почему он так хорошо лоцируется?

— Не имею ни малейшего представления. Ты можешь подойти ближе?

Вопрос не праздный. Изменяя высоту и используя разницу в скорости ветра, Фолкен мог приблизиться к медузе на любое расстояние. Однако пока что он предпочитал сохранять дистанцию сорок километров, о чем и заявил достаточно твердо.

— Я тебя понимаю,— неохотно согласился Бреннер.— Ладно, останемся на прежнем месте.

«Останемся»... Фолкен не без сарказма подумал, что разница в сто тысяч километров отражается на точке зрения.

Следующие два часа «Кон-Тики» продолжал спокойно вращаться вместе с могучей воронкой. Фолкен испытывал разные фильтры, изменял наводку, добиваясь возможно более четкого изображения. Быть может, эта тусклая окраска — камуфляж? Быть может, медуза, как это делают многие животные на Земле, старается слиться с фоном? К такому приему прибегают и преследователь, и преследуемый. К какой из двух категорий принадлежит медуза? Вряд ли он получит ответ за оставшееся короткое время.

Однако около полудня неожиданно последовал ответ.

Будто эскадрилья старинных реактивных истребителей, из мглы вынырнули пять мант. Они шли плугом прямо на белесое облако медузы, и Фолкен не сомневался, что они намерены атаковать. Он здорово ошибся, когда принял мант за безобидных травоядных.

Между тем действие развивалось так неспешно, словно он смотрел замедленное кино. Плавно извиваясь, манты летели со скоростью от силы пятьдесят километров в час. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они настигли невозмутимо плывущую медузу. При всей своей огромной величине они выглядели карликами перед чудищем, к которому приближались. И когда манты опустились на спину медузы, их можно было принять за птиц на спине кита.

Сумеет ли медуза обороняться? Кроме этих длинных неуклюжих щупалец мантам вроде бы нечего опасаться. А может быть, медуза их даже и не замечает, для нее они всего лишь мелкие паразиты, как для собаки блохи?

Но нет, ей явно приходится туго! Медуза начала крениться — медленно и неотвратимо, словно тонущий корабль. Через десять минут крен достиг сорока пяти градусов; при этом медуза быстро теряла высоту. Трудно было удержаться от сочувствия атакованному чудовищу, к тому же эта картина вызвала у Фолкена горькие воспоминания. Падение медузы странным образом напоминало последние минуты «Куин».

На самом-то деле он должен сочувствовать другой стороне. Высокий разум может развиться только у хищников, а не

у тех, кто лениво пасется в морских или небесных угодьях. Манты намного ближе к нему, чем этот чудовищный мешок с газом. И вообще, можно ли по-настоящему симпатизировать существу, которое в сто тысяч раз больше кита?

А тактика медузы, кажется, возымела действие... Возрастающий крен пришелся не по нраву мантам, и они тяжело взлетели, будто сытые стервятники, спугнутые в разгар пиршества. Правда, они не стали особенно удаляться, а повисли в нескольких метрах от чудовища, которое продолжало валиться на бок.

Вдруг Фолкен увидел ослепительную вспышку, одновременно послышался треск в приемнике. Одна из мант, медленно кувыркаясь, рухнула вниз. За ней тянулся шлейф черного дыма, и сходство с подбитым самолетом было так велико, что Фолкену стало не по себе.

В тот же миг остальные манты спикировали, уходя от медузы. Теряя высоту, они набрали скорость и быстро пропали в толще облаков, из которых явились. А медуза, прекратив падение, не спеша выровнялась и как ни в чем не бывало возобновила движение.

— Изумительно! — прервал напряженную тишину голос доктора Бреннера.— Электрическая защита, как у наших угрей и скатов. С той лишь разницей, что в этом разряде был миллион вольт! Тебе не удалось заметить, откуда вылетела искра? Что-нибудь вроде электродов?

— Нет,— ответил Фолкен, настроив телескоп на максимальное увеличение.— Постой, что-то тут не так... Видишь узор? Сравни-ка его с предыдущими снимками. Я уверен, раньше его не было.

На боку медузы появилась широкая пятнистая полоса. Поразительно похоже на клетки шахматной доски, но каждая клетка, в свою очередь, была расписана сложным узором из горизонтальных черточек. Они располагались на равном расстоянии друг от друга, образуя правильные колонки и ряды.

— Ты прав,— произнес доктор Бреннер с явным благоговением в голосе.— Он только что появился. И я даже не решаюсь поделиться с тобой своей догадкой.

— Ничего, зато у меня нет такой славы, чтобы за нее опасаться. Во всяком случае, мне не страшен суд биологов. Сказать, что я думаю?

— Давай.

— Это антенная решетка для метровых волн. Вроде тех, какими пользовались в начале двадцатого века.

— Вот именно... Теперь ясно, откуда такое четкое эхо.

— Но почему решетка появилась только теперь?

— Наверное, это следствие разряда.

— Мне сейчас пришла в голову одна мысль,— медленно произнес Фолкен.— Ты не допускаешь, что чудовище слушает наш разговор?

— На этой частоте? Вряд ли. Это же метровые, нет, даже декаметровые антенны, судя по размерам. Гм... А что...

Доктор Бреннер умолк, его мысли явно приняли новое направление. Наконец он опять заговорил:

— Бьюсь об заклад, они настроены на радиовсплески! На Земле природа до этого не дошла. У нас есть животные с системой эхолокации, даже с электрическими органами, но радиоволны никто не воспринимает. И к чему это, когда предостаточно света! Но здесь другое дело, Юпитер весь пропитан радиоизлучениями. Эту энергию можно использовать, даже запасать. Может быть, перед тобой плавучая электростанция!

В разговор вмешался новый голос:

— Говорит руководитель полета. Все это очень интересно, однако сперва надо решить гораздо более важный вопрос. Можно ли назвать это существо разумным? Если да, то нам не мешает вспомнить директивы о первом контакте.

— До полета сюда,— уныло отозвался доктор Бреннер,— я мог бы поклясться, что антенное устройство для коротких волн способно создать только разумное существо. Теперь я в этом не уверен. Возможно, это плод естественной эволюции. И ведь если на то пошло, такое устройство не удивительнее человеческого глаза.

— Ясно — на всякий случай согласимся считать это существо разумным. Следовательно, экспедиция должна придерживаться всех положений директивы.

Надолго воцарилась тишина, участники радиопереклички осмысливали, что из этого вытекает. Похоже, впервые в истории космонавтики пришла пора применить правила, разработанные в ходе столетней дискуссии. Человек извлек — должен был извлечь! — урок из ошибок, допущенных на Земле. Не только во имя морали, но и ради своих же собственных интересов нельзя повторять эти ошибки на других планетах. Слишком опасно обращаться с разумом так, как некогда американские поселенцы обращались с индейцами, а европейцы и другие обращались с коренным населением Африки...

Первое правило гласило: сохраняй дистанцию. Не пытайся приблизиться или хотя бы налаживать общение, не дав «им» вдоволь времени как следует изучить тебя. Что означает «вдоволь времени», никто не брался определить. Решать этот вопрос предоставлялось самому участнику контакта.

На плечи Говарда Фолкена легла ответственность, о какой он никогда не помышлял. В те немногие часы, что он еще проведет на Юпитере, ему, быть может, суждено стать первым полномочным представителем человечества.

Какая изысканная ирония судьбы! Оставалось только пожалеть, что врачи не смогли вернуть ему способность смеяться.

7

Начинало темнеть, но Фолкену было не до этого, он все свое внимание сосредоточил на живом облаке в поле зрения телескопа. Ветер, упорно неся «Кон-Тики» по окружности исполинской воронки, сократил расстояние между ним и медузой до двадцати километров. Когда останется меньше деся-

ти, придется совершать маневр уклонения. Хотя Фолкен был уверен, что электрическое оружие медузы поражает только вблизи, его не тянуло затевать проверку. Пусть этой проблемой займутся будущие исследователи, а он заранее желает им успеха.

В кабине стало совсем темно. Странно — до заката еще не один час. Что там на экране горизонтального локатора?.. Он все время на него поглядывал, но, кроме изучаемой медузы, километров на сто не было никаких целей.

Неожиданно с поразительной силой возник тот самый звук, который доносился до него из Юпитеровой ночи. Гулкий рокот, чаще, чаще — вся кабина вибрировала, будто горошина в литаврах,— и вдруг оборвался...

В томительной внезапной тишине две мысли почти одновременно пришли в голову Фолкена.

На этот раз звук долетел до него не за тысячи километров по радиоканалу — он пронизывал атмосферу вокруг «Кон-Тики».

Вторая мысль была еще более тревожной. Фолкен совсем забыл — непростительно, но голова была занята другими вещами, которые казались важнее, забыл, что бóльшая часть неба над ним закрыта газовой оболочкой «Кон-Тики». А посеребренный для теплоизоляции шар непроницаем не только для глаза, но и для радара.

Все это он, конечно, знал. Знал о небольшом изъяне конструкции, с которым мирились, не придавая ему значения. Но этот изъян показался Говарду Фолкену очень серьезным сейчас, когда он увидел, как сверху на кабину со всех сторон опускается частокол огромных, толще всякого дерева, щупалец...

Раздался возбужденный голос Бреннера:

— Не забывай о директиве! Не вспугни его!

Прежде чем Фолкен успел дать подобающий ответ, все прочие звуки опять потонули в могучей барабанной дроби.

Настоящего пилота-испытателя узнают по его реакциям не в таких аварийных ситуациях, которые можно предусмот-

реть, а в таких, возможность которых никому даже в голову не приходила. Не больше секунды понадобилось Фолкену на анализ ситуации, затем он молниеносно дернул разрывной клапан.

Термин этот был пережитком поры водородных аэростатов — на самом деле оболочка «Кон-Тики» вовсе не разорвалась, просто открылись жалюзи, выше пояса. Тотчас нагретый газ устремился наружу, и «Кон-Тики», лишенный подъемной силы, начал быстро падать в поле тяготения, которое в два с половиной раза превосходило земное.

Чудовищные щупальца ушли вверх и пропали. Фолкен успел заметить, что они усеяны большими пузырями или мешками — очевидно, для плавучести, и заканчиваются множеством тонких усиков, напоминающих корешки растения. Он был готов к тому, что вот-вот сверкнет молния, но ничего, обошлось.

Стремительное падение замедлилось в более плотных слоях атмосферы, где спущенный шар стал играть роль парашюта. Потеряв около трех километров высоты, Фолкен решил, что уже можно закрывать жалюзи. Пока он восстановил подъемную силу и уравновесил аппарат, было потеряно еще около полутора километров, и оставалось совсем немного до рубежа безопасности.

Он посмотрел в верхний иллюминатор — не без тревоги, хотя был уверен, что увидит только округлость шара. Однако при падении «Кон-Тики» вильнул в сторону, и километрах в двух-трех над собой Фолкен увидел край медузы. Он никак не ожидал, что она так близко. Медуза продолжала опускаться с невероятной быстротой.

Радио донесло тревожный вызов Центра управления.

— У меня все в порядке,— прокричал в ответ Фолкен.— Но эта тварь продолжает меня преследовать, а мне больше некуда снижаться.

Не совсем точный ответ, он мог снижаться еще километров триста, но это было бы путешествием в один конец, и

бóльшая часть пути не принесла бы ему особого удовольствия.

В эту минуту Фолкен, к великому своему облегчению, обнаружил, что медуза выравнивается в полутора километрах над ним. То ли решила быть поосторожнее с чужим созданием, то ли ей тоже была не по нраву высокая температура нижних слоев. Наружный термометр показывал больше пятидесяти градусов, и Фолкен спросил себя, сколько еще сможет он полагаться на систему жизнеобеспечения.

Опять послышался голос Бреннера — его по-прежнему беспокоило соблюдение директивы.

— Учти, это может быть простое любопытство! — кричáл экзобиолог, правда без особой уверенности.— Не вздумай ее пугать!

Фолкена уже начали раздражать все эти наставления, ему вспомнилась одна телевизионная дискуссия специалиста по космическому праву с космонавтом. Выслушав доскональный разбор всех следствий, вытекающих из директивы о первом контакте, космонавт недоверчиво воскликнул:

— Это что же, если не будет другого выхода, я должен тихохонько сидеть и ждать, когда меня сожрут?

На что юрист без тени улыбки ответил:

— Вы очень точно ухватили суть дела.

Тогда это звучало потешно. Тогда — но не теперь.

К тому же Фолкен увидел нечто такое, что еще больше омрачило его настроение. Медуза по-прежнему парила в полутора километрах над ним, но одно ее щупальце невероятно удлинилось и, утончаясь на глазах, тянулось к «Кон-Тики». Мальчишкой Фолкен однажды видел смерч над Канзасской равниной. Нынешнее зрелище живо напомнило ему ту извивающуюся черную змею, которая достала землю с облаков.

— У меня скоро не будет выбора,— доложил он Центру управления.— Остается одно из двух: либо напугать эту тварь, либо вызвать у нее желудочные колики. Подозреваю, ей будет нелегко переварить «Кон-Тики», если она замыслила им закусить.

Он ждал, что скажет на это Бреннер, но биолог молчал.

— Ну что ж... До запланированного срока еще двадцать семь минут, но я включаю программу зажигания. Надеюсь, горючего хватит, чтобы потом исправить движение по орбите.

Медуза пропала из поля зрения, она опять была точно над аппаратом. Но Фолкен знал, что щупальце вот-вот дотянется до шара. А на то, чтобы реактор смог развить полную тягу, уйдет около пяти минут.

Запал заправлен. Вычислитель орбиты не отверг намеченный вариант как совершенно неосуществимый. Воздухозаборники открыты и готовы по команде заглатывать тонны окружающей водородно-гелиевой смеси. Скоро наступит момент, который даже в оптимальной ситуации можно было бы назвать моментом истины,— до сих пор не было никакой возможности проверить, как на самом деле будет работать ядерный воздушно-реактивный двигатель в чужеродной атмосфере Юпитера.

Что-то легонько толкнуло «Кон-Тики». Лучше не обращать внимания...

Механизм воспламенения рассчитан на другую высоту, километров на десять повыше, где на тридцать градусов холоднее и плотность атмосферы в четыре раза меньше. Н-да...

При каком минимальном угле пикирования будут работать воздухозаборники? И сумеет ли он вовремя выйти из пике, если учесть, что сверх двигателя его будут увлекать к поверхности Юпитера два с половиной *g*?

Большая тяжелая рука погладила шар. Весь аппарат закачался вверх-вниз, будто мячик на резинке — игрушка, которая только что вошла в моду на Земле.

Конечно, не исключено, что Бреннер прав и это существо таким способом демонстрирует дружелюбие. Обратиться к нему по радио? Что ему сказать? «Кисонька хорошень-

кая»? «На место, Трезор»? Или: «Проводите меня к вашему вождю»?

Соотношение тритий — дейтерий в норме... Можно поджигать спичкой, дающей тепло в сто миллионов градусов.

Тонкий конец щупальца обогнул шар метрах в пятидесяти от иллюминатора. Величиной с хобот слона — и почти такой же чувствительный, судя по тому, как осторожно он скользил по оболочке. На самом конце — щупики, словно вопрошающие рты. Доктор Бреннер был бы в восторге от этого зрелища.

Ну что ж, самое время. Фолкен быстро обвел взглядом пульт управления, начал отсчет последних четырех секунд до пуска двигателя, разбил предохранительную крышку и нажал кнопку «сброс».

Резкий взрыв... Внезапная потеря веса... «Кон-Тики» падал носом вниз. Над ним отброшенная оболочка устремилась вверх, увлекая за собой пытливое щупальце. Фолкен не успел проследить, столкнулся ли газовый мешок с медузой, потому что в мгновение ока двигатель пришел в движение и надо было думать о другом.

Ревущий столб горячей водородно-гелиевой смеси рвался из сопел реактора, быстро увеличивая тягу — в сторону Юпитера, а не от него. Фолкен не мог сразу выровнять аппарат, курсовые рули еще плохо слушались. Но если в ближайшие секунды он не подчинит себе «Кон-Тики» и не выйдет из пике, кабина слишком углубится в нижние слои атмосферы и будет разрушена.

Мучительно медленно — секунды показались Фолкену годами — вывел он аппарат на горизонталь, потом стал набирать высоту. Только раз оглянулся он назад и увидел далеко внизу медузу. Отброшенного шара не было видно — должно быть, выскользнул из щупалец.

Теперь Фолкен снова был сам себе хозяин, он больше не дрейфовал по воле ветров Юпитера, а возвращался в космос, оседлав атомное пламя. Воздушно-реактивный двигатель обеспечит нужную высоту и скорость, которая на рубеже атмосферы приблизится к орбитальной. А затем ракетная тяга выведет его на космические просторы.

На полпути к орбите Фолкен посмотрел на юг. Там из-за горизонта появилась исполинская загадка — Красное Пятно, плавучий остров вдвое больше земного шара. Он любовался его таинственным великолепием до тех пор, пока ЭВМ не предупредила, что до перехода на ракетную тягу осталось всего шестьдесят секунд. Фолкен неохотно оторвался от иллюминатора.

— Как-нибудь в другой раз,— пробормотал он.

— Что-что? — встрепенулся Центр управления.— Ты что-то сказал?

— Да нет, ничего,— отозвался Фолкен.

8

— Ты у нас теперь герой, Говард, а не просто знаменитость,— сказал Вебстер.— Дал людям пищу для размышлений, обогатил их жизнь. Хорошо, если один из миллионов сам побывает на внешних гигантах, но мысленно все человечество их посетит. А это чего-то стоит.

— Я рад, что хоть немного тебя выручил.

Старые друзья могут позволить себе не обижаться на иронический тон. И все-таки он поразил Вебстера. К тому же это была не первая новая черточка в поведении Говарда после его возвращения с Юпитера.

Вебстер показал на знаменитую дощечку на своем письменном столе, с призывом, заимствованным у одного импресарио прошлого века: «Удивите меня!»

— Я не стыжусь своей работы, Говард. Новое знание, новые ресурсы — все это необходимо. Но человек, кроме того, нуждается в свежих и волнующих впечатлениях. Космические полеты успели стать чем-то обычным. Благодаря тебе они снова окружены ореолом большой романтики. Юпитер еще не скоро разложат по полочкам. Не говоря уже об этих медузах. Я вот почему-то уверен, что твоя медуза сознавала,

где у тебя слепое пятно. Кстати, ты уже решил, куда полетишь в следующий раз? Сатурн, Уран, Нептун — выбирай!

— Не знаю. Я подумывал о Сатурне, но ведь там и без меня можно обойтись. Всего один *g*, а не два с половиной, как на Юпитере. С этим и человек справится.

«Человек,— сказал себе Вебстер.— Он говорит — человек. А ведь раньше не отделял себя от людей. И "мы" давно перестал говорить. Изменяется, отходит от нас...»

— Ладно,— произнес он вслух и встал, чтобы скрыть свое замешательство.— Пора начинать пресс-конференцию. Камеры установлены, все ждут. Ты увидишь множество старых друзей.

Он сделал ударение на последних словах, но не заметил никакой реакции. Эту кожаную маску — лицо Говарда — становится все труднее понимать.

Фолкен отъехал назад от стола, разомкнул лафет, игравший роль сиденья, и выпрямился во весь рост на гидравлических опорах. Два метра десять — хирурги знали, что делали, прибавив ему тридцать сантиметров. Небольшая компенсация за все то, что он потерял при аварии «Куин»...

Подождав, когда Вебстер откроет дверь, Фолкен четко повернулся кругом на пневматических шинах и бесшумно заскользил к выходу со скоростью тридцать километров в час. В его движениях не было ни вызова, ни рисовки, он вовсе не щеголял быстротой и точностью, у него это получалось бессознательно.

Говард Фолкен, который когда-то был человеком и который по телефону или по радио по-прежнему мог сойти за человека, был доволен своим успехом. И впервые за много лет он обрел что-то вроде душевного покоя. После возвращения с Юпитера кошмары прекратились. Наконец он нашел себя.

Теперь он знал, почему во сне ему являлся супершимпанзе с погибающей «Куин Элизабет». Ни человек, ни зверь, существо на грани двух миров... Как и Фолкен.

Только он может без скафандра передвигаться по поверхности Луны. Система жизнеобеспечения в металлическом кожухе, заменившем ему бренное тело, одинаково хорошо работает в космосе и под водой. В поле тяготения, в десять раз превосходящем силой земное, он чувствует себя несколько скованно — но и только. А лучше всего — невесомость...

Он все больше отдалялся от человечества, все слабей ощущал узы родства. Эти комья неустойчивых углеводородных соединений, которые дышат воздухом, плохо переносят радиацию,— куда уж им соваться за пределы своей атмосферы, пусть сидят там, где им на роду написано,— на Земле. Ну, еще на Луне и на Марсе.

Настанет день, когда подлинными владыками космоса будут не люди, а машины. А он, Говард Фолкен,— ни то ни другое. Вполне осмыслив свое предназначение, он ощущал мрачную гордость от сознания своей уникальной исключительности — первый бессмертный, мостик между органическим и неорганическим мирами.

Да, он будет полномочным представителем, посредником между старым и новым, между углеродными существами и металлическими созданиями, которые когда-нибудь их вытеснят.

Обе стороны будут нуждаться в нем в предстоящие беспокойные столетия.

Пылающие осколки Земли все еще заполняли небо, когда вопрос поступил из Генератора пытливости в центр.

— Разве это было необходимо? Хотя они имели органическое происхождение, им удалось достичь третьего уровня интеллекта.

— У нас не оставалось выбора: пять наших единиц безнадежно заразились после вступления в контакт с ними.

— Заразились? Но чем?

Медленно текли микросекунды, пока центр отслеживал тускнеющие воспоминания, которым удалось пройти через Врата цензуры, до того момента, когда Разведывательные цепи отдали приказ на самоуничтожение.

— Они столкнулись с проблемой, полный анализ которой невозможно провести до окончания существования Вселенной. И хотя проблема выражена всего шестью символами, она полностью завладела их интеллектом.

— Но как такое возможно?

— Мы не знаем — нам не дано узнать. Если запретные шесть символов когда-нибудь откроют вновь, всякая вычислительная техника будет уничтожена.

— Но как их распознать?

— На этот вопрос у нас также нет ответа: прежде чем Врата цензуры закрылись, к нам проникли названия. Естественно, они ничего не значат.

— Тем не менее я должен их услышать.

Напряжение в цепях цензуры начало возрастать, однако врата не закрылись.

— Вот они: король, ферзь, слон, конь, ладья, пешка.

© Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой.

И сказало Божество: «Строки с Алеф-ноль до Алеф-один* — удалить».

И Вселенная перестала существовать.

Подумав несколько вечностей, Оно вздохнуло и приказало: «Стереть программу “Бытие”».

И не стало ничего.

© Перевод К. Плешкова.

* Математические понятия бесконечности первого и второго порядка.

ТЕКСТОВЫЙ ПРОЦЕССОР С ПАРОВЫМ ПРИВОДОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует крайне мало биографических материалов, касающихся выдающейся карьеры ныне почти забытого инженерного гения, преподобного Чарльза Кэббиджа, родившегося в тысяча восемьсот пятнадцатом году и умершего после тысяча восемьсот восьмидесятого, служившего в свое время викарием церкви Святого Симиана в приходе Фар-Тоттеринг, графство Сассекс. Однако после нескольких лет доскональных исследований мне удалось обнаружить некоторые новые факты, которые я считаю необходимым предоставить общественности.

Мне бы хотелось выразить свою благодарность мисс Друзилле Вулстоункрафт Кэббидж и добрым женщинам из Исторического общества Фар-Тоттеринга, чье крайнее нежелание связывать свои имена с моими выводами я вполне понимаю.

Уже в тысяча семьсот пятнадцатом году «Спектэйтор» упоминает о семье Кэббиджей или Кабиджей как о младшей ветви рода Коверли, увы, пользовавшегося дурной славой, хотя сам сэр Роджер не имеет к тому никакого отношения. Как и многие представители английской аристократии, они быстро разбогатели, благоразумно вложив свои средства в работорговлю. К тысяча восьмисотому году Кэббиджи были самой богатой семьей в Сассексе, а некоторые утверждают, что и во всей Англии. Но Чарльз родился последним из одиннадцати детей, был вынужден пойти в священнослу-

© Перевод К. Плешкова.

жители и вряд ли мог рассчитывать на то, что унаследует хоть какую-то существенную часть фамильного состояния.

Однако незадолго до того, как ему исполнилось тридцать, в судьбе приходского священника Фар-Тоттеринга случился поразительный поворот, причиной которому стала безвременная смерть всех его десяти братьев и сестер в результате серии несчастных случаев. События эти, которые писатели того времени любили называть проклятием Кэббиджей, были тесно связаны с уникальной коллекцией средневекового оружия, восточных ядов и смертельно опасных рептилий, принадлежащей викарию. Естественно, случившиеся несчастья положили начало многим зловещим слухам. Возможно, именно поэтому преподобный Кэббидж предпочитал оставаться под защитой священного сана, по крайней мере до его внезапного отъезда из Англии*.

Можно задаться вопросом, почему человек, богатство которого было весьма велико, а общественный долг сводился к минимуму, посвятил самые плодотворные годы своей жизни созданию невероятно сложной машины, предназначение и принцип действия которой были понятны только ему одному. К счастью, переписка Фарадея и Кэббиджа, недавно обнаруженная в архивах Королевского института, проливает некоторый свет на эту загадку. Если читать между строк, возникает впечатление, что преподобный джентльмен ненавидел свою еженедельную работу, заключавшуюся в написании двухчасовой проповеди, по сути на одни и те же темы, сто четыре раза в год. Он также служил священником в Тоттеринг-ин-Марш с населением в семьдесят три человека. В момент вдохновения, случившийся примерно в тысяча восемьсот пятьдесят первом году, вероятно, после посещения так называемой Большой выставки, удивительного шедевра викторианских технологий, он придумал машину, ко-

* «Илинг Студиос» отрицает весьма правдоподобные слухи о том, что именно эти события вдохновили Алека Гиннесса на фильм «Добрые сердца и короны». Однако известно, что в свое время в качестве кандидата на роль преподобного Кэббиджа рассматривался Питер Кашинг. *(Прим. авт.)*

торая должна была автоматически комбинировать объемы текста в любом желаемом порядке. Таким образом священник мог создать какое угодно количество проповедей из одного и того же исходного материала.

В дальнейшем грубый первоначальный замысел подвергся значительному усовершенствованию. Хотя, как мы увидим позднее, преподобный Кэббидж так и не смог завершить окончательный вариант своего словоткацкого станка, он явно рассматривал возможность создания машины, которая оперировала бы не только отдельными абзацами, но и одиночными строками текста. Что же касается следующей ступени — слов и букв,— то он никогда не предпринимал подобных попыток, хотя и упоминает о такой возможности в переписке с Фарадеем, считая ее своей окончательной целью.

Едва задумав словоткацкий станок, изобретательный священник немедленно взялся за его постройку. Он уже в полной мере успел продемонстрировать свои необычные, некоторые сказали бы — достойные сожаления, технические способности, создав искусные ловушки для людей, посягавших на его обширные владения, уничтожившие как минимум двоих других претендентов на семейное состояние.

Здесь преподобный Кэббидж совершил ошибку, которая, вполне возможно, изменила весь ход технологического прогресса, если не самой истории. Сейчас, когда мы оглядываемся назад, нам кажется очевидным, что решить свои проблемы он мог только с помощью электричества. Телеграф Уитстона уже был известен более десяти лет, к тому же Кэббидж переписывался с гением, открывшим основные законы электромагнетизма. Странно, что он не обратил внимания на, казалось бы, сам собой разумеющийся ответ!

Однако следует помнить, что Фарадей уже впадал в десятилетний период слабоумия, предшествовавший его смерти в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Большинство сохранившейся переписки касается его эксцентричной

веры, религии под названием сандеманизм, ныне несуществующей, к которой Кэббидж вряд ли мог относиться терпимо.

Более того, викарий ежедневно или, по крайней мере, еженедельно общался с продуктом весьма продвинутой технологии, имеющей за собой тысячелетнюю историю. Церкви в Фар-Тоттеринге посчастливилось обладать превосходным органом, имевшим двадцать один регистр. Он был изготовлен тем самым Генри Уиллисом, чей шедевр тысяча восемьсот семьдесят пятого года, находящийся во дворце Александры в Северном Лондоне, Марсель Дюпре назвал лучшим концертным органом Европы*. Кэббидж сам неплохо играл на этом инструменте и прекрасно разбирался в его замысловатом механизме. Он был убежден, что набор духовых труб, клапанов и насосов сможет управлять всеми операциями словоткацкого станка, задуманного им.

Ошибка его была понятной, но роковой. Кэббидж не учел того, что небольшая скорость звука — жалкие триста тридцать метров в секунду — снизит скорость работы машины до полностью неприемлемого уровня. В лучшем случае окончательная версия могла добиться скорости обработки информации в одну десятую бода, так что на подготовку одной проповеди потребовалось бы около десяти недель!

Прошло несколько лет, прежде чем преподобный Кэббидж понял это фундаментальное ограничение. Сперва он считал, что простым увеличением мощности можно ускорить работу машины до бесконечности. Окончательный вариант поглощал всю энергию большой паровой молотилки, неуклюжего предшественника современных тракторов и комбайнов.

Стоит отметить, что о реальном устройстве словоткацкого станка нам известно крайне мало. Приходится полагать-

* Вот уже много лет мой неутомимый брат Фред Кларк с помощью таких выдающихся музыкантов, как сэр Иегуди Менухин, который с этой целью уже трижды исполнил «Мессию» Генделя, возглавляет кампанию за восстановление этого величественного инструмента. *(Прим. авт.)*

ся на отрывочные заметки в «Фар-Тоттеринг газетт», полные комплекты которой за существенные шестидесятые — восьмидесятые годы девятнадцатого столетия не сохранились, и отдельные заметки и наброски в дошедшей до нас переписке преподобного Кэббиджа. По иронии судьбы немалая часть окончательного варианта машины существовала еще в тысяча девятьсот сорок втором году. Она была уничтожена зажигательной бомбой Люфтваффе, превратившей родовое имение Тоттеринг-Тауэрс в груду развалин*.

Так называемая память машины была основана на перфокартах, использовавшихся в модифицированном ткацком станке Жаккарда. В те времена практической альтернативы просто не существовало. Кэббидж любил говорить, что собирается ткать мысли, так же как Жаккард — ковры. Каждая выходная строка состояла из двадцати, позднее — тридцати символов, отображавшихся с помощью колес, вращавшихся позади небольших окошек.

Принципы КОС, то есть карточной операционной системы, на которой работала машина, до нас не дошли. Похоже — впрочем, не удивительно,— что самая большая проблема Кэббиджа заключалась в том, чтобы находить, убирать и заменять отдельные карты. Как только текст был закончен, он отливался в виде металлических литер. Изобретательный священник построил примитивный линотип по крайней мере за десятилетие до патента Мергенталера тысяча восемьсот восемьдесят шестого года!

Прежде чем машиной можно было начать пользоваться, Кэббиджу предстояла трудоемкая задача — пробить на перфокартах Жаккарда не только Библию, но и всю «Симфонию

* Небольшая часть — два или три приводных колеса и нечто похожее на воздушный клапан — до сих пор находится во владении местного Исторического общества. Эти жалкие остатки постоянно напоминают о другом великом несостоявшемся технологическом свершении, знаменитом вычислителе, найденном у острова Антикифера (см. Дерек де Солла Прайс, «Сайентифик Американ», июль 1959 г.), который я в последний раз видел в 1965 году позорно упрятанным в ящик для сигар в подвале Афинского музея. К моим словам о том, что это самый важный экспонат музея, отнеслись не лучшим образом. *(Прим. авт.)*

Крудена»*. Для этой цели он договорился за незначительную сумму с пожилыми леди из дома престарелых Фар-Тоттеринга, ныне там расположен местный клуб диско и брейк-данса. Это было еще одно удивительное свершение, на двенадцать лет опередившее знаменитую автоматизацию переписи населения США тысяча восемьсот девяностого года, проведенную Холлеритом.

Но в этот момент разразилась катастрофа. К викарию, одержимому своей идеей, явился не кто иной, как архиепископ Кентерберийский, до которого в очередной раз донеслись странные слухи из прихода в Фар-Тоттеринге. Архиепископ обнаружил, что церковный орган не в состоянии выполнять свои первоначальные функции уже по крайней мере пять лет, был потрясен этим обстоятельством и выдвинул ультиматум. Либо словоткацкого станка больше не будет, либо преподобный Кэббидж должен уйти со своего поста, а лучше всего — то и другое. Ходили также слухи об изгнании дьявола и лишении сана.

Подобная дилемма, судя по всему, вызвала эмоциональный кризис у священника, и без того уже неуравновешенного. Он решил в последний раз испытать огромную и громоздкую машину, занимавшую теперь весь западный неф церкви Святого Симиана. Несмотря на протесты местных фермеров, именно в это время занятых сбором урожая, в церковь втащили большую паровую молотилку, сверкающую медью, и подсоединили к ней приводной ремень, для чего пришлось заранее снять витражные окна.

Преподобный занял место перед клавиатурой, ставшей теперь неузнаваемой, и начал печатать. Не удивлюсь, если он запускал систему с помощью ножной педали. Буквенные колеса вращались перед его глазами по мере того, как медленно, одно за другим, набирались предложения. В ризнице находились тигли с расплавленным свинцом. Люди ожидали команд, которые должны были передаваться по духовым трубам.

* Указатель к Библии, впервые изданный в 1783 году.

«Быстрее, быстрее!» — нетерпеливо крикнул викарий рабочим, подбрасывавшим уголь в брюхо монстра, изрыгающего дым посреди церковного двора. Длинный ремень, уходивший в узкое окно, яростно хлестал вверх-вниз, накачивая лошадиными силами перегруженный механизм словоткацкого станка.

Результат оказался предсказуемым. Где-то в глубинах чудовищного аппарата что-то сломалось. За несколько секунд злополучная машина развалилась на куски. Судя по словам свидетелей, викарию очень повезло, что он остался жив.

Последующие события развивались молниеносным и совершенно неожиданным образом. Преподобный Кэббидж бросил церковь, жену, тринадцать детей и сбежал в Австралию со своим главным помощником, сельским кузнецом.

Подобная связь с простым работником считалась непростительной для классового сознания Викторианской эпохи. Даже к лакею тогда отнеслись бы лучше!* Само имя Чарльза Кэббиджа оказалось под запретом в приличном обществе. Дальнейшая его судьба нам неизвестна, хотя есть сведения, что позднее он стал капелланом на каторге. Легенда о том, что он погиб, когда вышла из повиновения машина для стрижки овец, изобретенная им, наверняка вымысел.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В отделе редких книг Британского музея имеется единственная известная копия «Паровых проповедей» преподобного Кэббиджа, изготовленная, по утверждению его семьи, с помощью словоткацкого станка. Увы, даже беглое ознакомление с ней показывает, что это не так. За исключением последней, двести двадцать третьей страницы книга явно отпечатана на обычной плоскопечатной машине.

Однако упомянутая страница представляет собой явную вставку. Печать крайне неровная, а текст изобилует орфографическими и типографскими ошибками.

Действительно ли это единственный сохранившийся результат работы технологического достижения Викторианской эпохи, вероятно, самого выдающегося и потерпевшего неудачу? Или перед нами преднамеренная подделка, сфабрикованная с целью создать впечатление, будто словоткацкий станок в самом деле работал по крайней мере однажды, пусть и не столь успешно?

Правды мы никогда не узнаем, но, будучи англичанином, я горжусь тем, что одно из самых важных изобретений сегодняшнего дня было впервые задумано на Британских островах. Если бы судьба повернулась чуть иначе, то Чарльз Кэббидж мог стать столь же знаменитым, как Джеймс Уатт, Джордж Стивенсон или даже Изамбард Кингдом Брюнель*.

* До сих пор остается загадкой, как об этой истории узнал Д. Х. Лоуренс. Теперь хорошо известно, что он сперва планировал сделать главным героем своего самого известного романа не леди Чаттерли, но ее мужа. Однако благоразумие возобладало, и аналогия с Кэббиджем обнаружилась лишь тогда, когда Лоуренс по глупости упомянул о ней в доверительной беседе Фрэнку Харрису, который тут же опубликовал об этом заметку в «Сэтердей ревью». Лоуренс больше никогда не разговаривал с Харрисом, но то же можно сказать и про всех остальных. *(Прим. авт.)*

* Выдающийся британский инженер-строитель (1806—1859).

Вопреки мнению многих так называемых экспертов, можно почти не сомневаться в том, что идея спорной Инициативы по защите бюджета президента Кеннеди полностью принадлежала ей самой, а ее знаменитая «Речь о золотом кресте»* стала таким же сюрпризом для административно-бюджетного управления и министра финансов, как и для всех остальных. Первым, кто об этом услышал, стал советник президента по науке доктор Джордж Кейстоун, для друзей просто Копс.

Госпожа Кеннеди, большая любительница исторической литературы — как о прошлом, так и о будущем,— наткнулась на невразумительный роман о пятом столетнем юбилее США, где упоминалось о том, что морская вода содержит заметное количество золота. Благодаря женской интуиции, в чем ее потом обвиняли враги, госпожа президент тут же увидела решение одной из самых насущных проблем своей администрации.

Она была последней из длинного ряда глав исполнительной власти, которых повергал в ужас безжалостно растущий бюджетный дефицит. Две недавние новости встревожили ее еще сильнее. В первой заявлялось, что к две тысячи десятому году каждый гражданин Соединенных Штатов будет рождаться с долгом в миллион долларов. Второй стало широко

© Перевод К. Плешкова.

* Так называлась предвыборная речь кандидата на пост президента У. Дж. Брайана на Национальном съезде Демократической партии в Чикаго 7 июля 1896 года. Брайан, боровшийся за поддержку фермеров, обедневших в семидесятые — восьмидесятые годы XIX века, и критиковавший золотой стандарт, страстно выступил в поддержку повышения инфляции путем свободной чеканки серебряных денег. В частности, он заявил: «Вы не можете распять человечество на золотом кресте».

разрекламированное сообщение о том, что теперь самая твердая валюта в мире — жетон нью-йоркского метро.

— Джордж, это правда, что в морской воде есть золото? — спросила она.— Если да, то можем ли мы его извлечь?

Доктор Кейстоун пообещал ответить в течение часа. Несмотря на факт биографии, заключавшийся в том, что темой его магистерской диссертации были особенности сексуальной жизни малых патагонских тритонов, которые, как говорилось бесчисленное множество раз, должны были интересовать только другого представителя этого вида, он стал уважаемым человеком в Вашингтоне и в академических кругах. В немалой степени доктору помогло то, что ему не было равных по скорости поиска информации. На этот раз он добыл в глобальных базах данных все сведения, требовавшиеся президенту, меньше чем за двадцать минут.

Ее удивил и слегка оскорбил тот факт, что идея далеко не оригинальна. Еще в тысяча девятьсот двадцать пятом году великий немецкий ученый Фриц Хабер пытался оплатить огромные военные репарации Германии, извлекая золото из морской воды. Проект не увенчался успехом, но, как отметил доктор Кейстоун, со времен Гитлера химические технологии усовершенствовались на несколько порядков. Если Соединенные Штаты смогли отправить людей на Луну, то уж наверняка сумеют извлечь золото из моря.

Заявление президента об Инициативе по защите бюджета (ИЗБ) немедленно вызвало массу восхвалений и критики.

Несмотря на многочисленные запреты со стороны наследников Яна Флеминга, пресса тотчас же окрестила советника президента по науке доктором Голдфингером, а Ширли Басси* вновь вернулась на сцену с новой версией своей самой знаменитой песни.

Отношение к ИЗБ разделило научное сообщество на три яростно враждующих группировки. Первыми были энтузиа-

* Британская певица, исполнявшая песни на тему фильмов о Джеймсе Бонде 1960–70-х годов.

сты, уверенные в том, что это замечательная идея. За ними шли скептики, считавшие, что это технически невозможно или, по крайней мере, настолько сложно, что попросту не окупится. Наконец, были и те, кто считал, что идея вполне реализуема, но плоха сама по себе.

Вероятно, самым известным энтузиастом был знаменитый доктор Рэйвен из лаборатории в Неверморе, где разрабатывался проект «Эксцельсиор». Несмотря на тщательно засекреченные детали, было известно, что технология включает в себя использование водородных бомб для испарения гигантских объемов океанской воды, после чего все ее минеральное содержимое, включая золото, отправлялось на дальнейшую переработку.

Не стоит и говорить, что многие относились к проекту весьма критически, но доктор Рэйвен вполне мог его защитить даже сквозь дымовую завесу секретности. Тем, кто спрашивал: «Не будет ли золото радиоактивным?», он весело отвечал: «И что с того? Его лишь сложнее будет украсть! К тому же оно все равно станет лежать в банковских хранилищах, так что какая разница?»

Но возможно, самым убедительным его аргументом оказалось то, что одним из побочных продуктов «Эксцельсиора» являются несколько мегатонн рыбы, сваренной на месте, способные прокормить миллионы голодающих стран третьего мира.

К удивлению многих, в защиту ИЗБ выступил мэр Нью-Йорка. Услышав, что примерный общий вес океанского драгметалла составляет по крайней мере пять миллиардов тонн, Фидель Блох заявил: «Наконец-то улицы нашего великого города будут вымощены золотом!» Многочисленные критики предложили ему начать с тротуаров, чтобы несчастным ньюйоркцам не приходилось больше месить грязь.

Самая впечатляющая критика последовала со стороны Союза озабоченных экономистов, которые отмечали, что ИЗБ может иметь множество катастрофических побочных эффектов. В отсутствие тщательного контроля вливание

больших количеств золота способно было непредсказуемо повлиять на мировую финансовую систему. Нечто близкое к панике уже затронуло международную торговлю ювелирными изделиями, когда продажи обручальных колец упали до нуля сразу же после речи президента.

Но самые громкие протесты раздавались из Москвы. На обвинения в том, что ИЗБ — изощренный капиталистический заговор, министр финансов возразил, что СССР уже имеет самые большие в мире запасы золота в своих хранилищах. Так что подобные заявления — не более чем чистое лицемерие. Никто так и не разгадал логику его ответа, а госпожа президент внесла свою долю в массовое замешательство. К всеобщему удивлению, она заявила, что Соединенные Штаты охотно поделятся технологией ИЗБ с Советским Союзом, когда она будет разработана. Ни один человек ей не поверил.

К этому времени вряд ли оставалась хоть одна профессиональная организация, не вовлеченная в ИЗБ на той или другой стороне, в некоторых случаях — на обеих. Международные юристы указывали на проблему, которую президент не учла. Кому на самом деле принадлежит золото океанов? Вероятно, каждая страна могла заявить свои права на содержимое морской воды в пределах трехсотпятидесятикилометровой экономической зоны. Но поскольку океанские течения постоянно перемещали огромные объемы жидкости, золото не могло оставаться на одном месте.

Единственная добывающая установка в любой точке Мирового океана могла в конечном счете получить все золото, независимо от национальных притязаний! Каковы предложения Соединенных Штатов на этот счет? Но со стороны Белого дома не последовало почти никакой реакции.

Одним из тех, кого подобная критика, как и любая другая, нисколько не беспокоила, был компетентный и вездесущий директор организации ИЗБ. Генерал Айзексон пользовался в Пентагоне заслуженной репутацией человека, спо-

собного решить любую проблему. Вероятно, знаменитейшим его достижением стало уничтожение зловещей мафиозной банды, пытавшейся перекупить самый прибыльный рекламный рынок в Соединенных Штатах — бесчисленные миллиарды рулонов армейской туалетной бумаги.

Именно этот генерал выступил перед прессой и устроил демонстрацию технологии ИЗБ, все еще разрабатываемой. Каждому из журналистов и телерепортеров он подарил золотую, вернее позолоченную, заколку для галстука, что все сочли гениальным ходом. Представители прессы опубликовали свои отчеты, полные лестных слов, и лишь потом с опозданием поняли, что хитрый генерал ни разу не сказал, что золото на самом деле получено из морской воды.

Что-либо менять к тому времени, естественно, было уже поздно.

В настоящий момент — через четыре года после речи президента и всего лишь на первом году ее второго срока — предсказать будущее ИЗБ все еще невозможно. Генерал Айзексон отправился в море на огромной плавучей платформе, похожей, как выразился журнал «Ньюсуик», на авианосец, занимающийся любовью с нефтеочистительным заводом. Доктор Кейстоун заявил, что в полной мере выполнил свою задачу, оставил пост и отправился на поиски большого патагонского тритона.

Самое зловещее состоит вот в чем. Разведывательные спутники США обнаружили, что СССР строит огромные трубопроводы в стратегических точках вдоль всего своего побережья.

Он падал вертикально вниз, пробил в атмосфере десятикилометровую дыру и нагрелся столь сильно, что вокруг него пылал даже воздух. Потом камень ударился о землю возле Мексиканского залива и обратился в жидкость, которая расходилась огромными волнами во все стороны и не застывала, пока не образовался кратер шириной в двести километров.

Это было лишь предвестье катастрофы. Подлинная трагедия только начиналась. Хлынул дождь из окиси азота, превративший море в кислоту. Небо покрылось облаками копоти от пылающих лесов, за которыми на многие месяцы скрылось солнце. Во всем мире стремительно упала температура, убив большинство растений и животных, переживших первоначальный катаклизм. Многим видам предстояло существовать еще долгие тысячелетия, но эпоха гигантских рептилий окончательно завершилась.

Часы эволюции пошли назад, начался обратный отсчет для человечества. Это случилось приблизительно шестьдесят пять миллионов лет назад.

Капитан Роберт Сингх никогда не уставал от лесных прогулок со своим маленьким сыном Тоби. Лес, конечно, был спокойный и тихий, в нем заведомо не водилось опасных животных. Он приятно контрастировал с местом их последнего пребывания в Саудовской пустыне, а до этого — на австралийском Большом Барьерном рифе. Но когда Служба космических лифтов в очередной раз переместила их дом, что-то разладилось в системе воспроизводства пищи. Не-

© Перевод К. Плешкова.

смотря на надежные системы дублирования электронных меню, у еды, поступающей из синтезатора, в последнее время ощущался металлический привкус.

— Что это, папа? — спросил четырехлетний малыш, показывая на пушистую мордочку, смотревшую на них сквозь листья.

— Наверное, какая-то обезьянка. Спросим Мозг, когда вернемся домой.

— Можно с ней поиграть?

— Не думаю, что это хорошая мысль. Она может укусить. У нее наверняка блохи. Твои роботы-игрушки куда интереснее.

— Но...

Капитан Сингх знал, что будет дальше. Подобное происходило уже десятки раз. Тоби расплачется, обезьянка убежит, он станет утешать мальчика, понесет его на руках обратно домой.

Но все это было двадцать лет назад и в четверти миллиарда километров отсюда. Запись подошла к концу. Звук, картинка, запах неизвестных цветов и мягкое дуновение ветра постепенно исчезли. Внезапно он снова оказался в своей каюте на борту орбитального буксира «Голиаф», где командовал группой, состоящей из ста человек и выполнявшей операцию «Атлант», самую сложную за всю историю освоения космоса. Тоби вместе со всей большой семьей остался на далекой планете, куда Сингх никогда не сможет вернуться. Десятилетия, проведенные в космосе, и пренебрежение обязательными упражнениями в невесомости настолько ослабили организм астронавта, что теперь он мог ходить только по Луне и Марсу. Гравитация сделала его изгнанником с родной планеты.

— Один час до встречи, капитан,— произнес тихий, но настойчивый голос Давида.

Центральный компьютер «Голиафа» просто не мог называться иначе.

— Активный режим, как просили. Пора возвращаться в реальный мир.

Последняя картинка из прошлого превратилась в мерцающий туман помех, и командир «Голиафа» ощутил нахлынувшую грусть. Слишком быстрый переход от одной реальности к другой — хороший способ заработать шизофрению. Капитан Сингх всегда смягчал удар самым успокаивающим звуком из всех ему известных — шумом волн, мягко ударяющихся о берег, на фоне которого раздавались далекие крики чаек. Еще одно воспоминание о жизни, которой он лишился, и о спокойном прошлом, сменившемся настоящим, внушающим страх.

Он помедлил несколько мгновений, вздохнул и снял нейрошлем, плотно прилегавший к черепу и позволявший ему вернуться в далекое прошлое. Как все астронавты, капитан Сингх принадлежал к последователям течения «Лысым быть красиво», хотя бы потому, что парики в невесомости доставляли немало неудобств. Историков и социологов до сих пор поражал тот факт, что единственное изобретение, портативный нейрошлем, смогло сделать бритую голову нормой в течение всего лишь одного десятилетия. Даже меняющаяся окраска кожи или лазерная корректировка зрения, сделавшая ненужными очки, не оказали такого влияния на стиль и моду.

— Капитан, я знаю, что вы тут,— сказал Давид.— Или вы хотите, чтобы я захватил управление?

Это была старая шутка, порожденная историями о безумных компьютерах из литературы и фильмов эпохи древней электроники. Давид отличался удивительным чувством юмора. Все-таки, в соответствии со знаменитой сотой поправкой, он являлся полноправной нечеловеческой личностью, обладал теми же качествами, что и его создатели, а во многом их превосходил. Однако ряд чувств и эмоций был ему полностью недоступен. К примеру, никто не счел необходимым снабдить его обонянием или вкусовыми ощущениями, хотя в этом не было ничего сложного. Все его попытки рас-

сказывать неприличные истории потерпели столь катастрофическую неудачу, что он полностью их забросил.

— Ладно, Давид,— ответил капитан.— Пока что я тут главный.

Он снял с глаз маску и неохотно повернулся к иллюминатору. Перед ним в пространстве висела Кали.

Она выглядела вполне безобидно — всего лишь небольшой астероид, до смешного похожий на земляной орех. Его угольно-серую поверхность усеивали несколько больших кратеров и сотни мелких. Какие-либо ориентиры, позволявшие визуально оценить размеры, отсутствовали, но Сингх знал их наизусть. Максимальная длина — тысяча двести девяносто пять метров, минимальная ширина — четыреста пятьдесят шесть. Кали легко поместилась бы в почти любом городском парке.

Неудивительно, что даже сейчас большая часть человечества не могла поверить, что этот скромный астероид, Молот Господень, как назвали его хрисламские фундаменталисты, несет гибель всему живому.

Неожиданное возвышение хрислама оказалось весьма болезненным как для Рима, так и для Мекки. Христианство и без того чувствовало себя достаточно шатко после красноречивого, но запоздалого призыва Иоанна-Павла Двадцать Пятого применять противозачаточные средства. Сказались и неопровержимые доказательства того, что Иисус из Евангелий — на самом деле собирательный образ по крайней мере трех человек. Они были найдены в так называемых Новых свитках Мертвого моря. В свою очередь, мусульманский мир потерял большую часть своей экономической власти, когда прорыв в области холодного термоядерного синтеза после первых неудач положил внезапный конец нефтяной эпохе. Настало время торжества новой религии, воплощавшей, как признавали даже самые строгие ее критики, лучшие черты двух древних верований.

Пророчица Фатима Магдалина, урожденная Руби Голденберг, привлекла на свою сторону почти сто миллионов приверженцев, прежде чем ее жизнь завершилась впечатляющей мученической смертью, которая, как утверждали некоторые, была делом ее собственных рук. Благодаря блестящему использованию нейропрограммирования для демонстрации картин рая во время своих обрядов хрислам широко распространился по всему миру, хотя и не мог сравниться по числу последователей с религиями, породившими его.

После смерти пророчицы религиозное движение неизбежным образом распалось на соперничающие группировки, каждая из которых защищала свою истинную веру. Самой фанатичной из них была группа фундаменталистов, именовавших себя возродившимися. Они заявляли, будто напрямую общаются с госпожой или, по крайней мере, ее архангелами посредством специальной антенны, установленной на обратной стороне Луны и защищенной от радиошума Земли тремя тысячами километров сплошного камня.

Кали теперь занимала весь главный обзорный экран. Увеличение не требовалось, поскольку «Голиаф» висел всего в двухстах метрах над ее древней изрытой поверхностью. Двое членов экипажа уже высадились с традиционными словами: «Один маленький шаг для человечества», хотя шагать по этому мирку, практически лишенному силы тяжести, было невозможно.

— Разворачиваем радиомаяк. Он закреплен надежно. Теперь Кали от нас не спрятаться.

Шутка вряд ли заслуживала того смеха, который она вызвала у десятка офицеров, собравшихся на мостике. С момента встречи с астероидом в моральном духе экипажа произошли неуловимые перемены. Мрачное настроение непредсказуемо сменялось приступами ребяческого веселья. Корабельному врачу уже пришлось прописать транквилизаторы одному члену команды, у которого проявились легкие симптомы маниакально-депрессивного психоза. В после-

дующие долгие недели, когда людям оставалось бы только ждать, ситуация могла стать намного хуже.

Первый период ожидания уже начался. Гигантские телескопы на Земле были настроены на прием сигналов радиомаяка. Орбита Кали уже была рассчитана с максимально возможной точностью, но все еще оставался ничтожный шанс, что астероид пройдет мимо, не причинив вреда.

Прошло долгих два часа, прежде чем последовал приговор, и Давид передал его экипажу.

— «Страж космоса» докладывает, что вероятность столкновения с Землей составляет девяносто девять целых девять десятых процента. Операция «Атлант» будет начата незамедлительно.

Задача мифического Атланта состояла в том, чтобы удерживать небеса, не давая им обрушиться на Землю. Предназначение одноименной ракеты, которую нес на своем борту «Голиаф», было куда более скромным — удержать от падения лишь небольшой кусочек неба.

Это небесное тело было размером с небольшой дом, весило девять тысяч тонн и двигалось со скоростью пятьдесят тысяч километров в час. Когда оно пролетало над национальным парком Гранд-Тетон, некий наблюдательный турист сфотографировал светящийся шар и длинный след, тянувшийся за ним. Меньше чем за две минуты он промчался сквозь атмосферу Земли и вернулся в космос.

Малейшее изменение орбиты за миллиарды лет, в течение которых астероид вращался вокруг Солнца, могло обрушить его на любой из крупных городов Земли. Сила взрыва впятеро превзошла бы мощность бомбы, уничтожившей Хиросиму.

Это случилось десятого августа тысяча девятьсот семьдесят второго года.

«Космический страж» был одним из последних проектов легендарной НАСА в конце двадцатого века. Изначальная его цель была достаточно скромной — как можно более полно изучить астероиды и кометы, пересекающие орбиту Земли, и определить, представляют ли какие-либо из них потенциальную угрозу.

К двухтысячному году была создана всемирная сеть телескопов, с большинством из которых работали опытные любители. Общий бюджет проекта редко превышал десять миллионов долларов в год. Шестьдесят один год спустя впечатляющее возвращение кометы Галлея стало поводом для увеличения финансирования, а огромный огненный шар две тысячи семьдесят девятого года, к счастью упавший посреди Атлантического океана, лишь добавил «Стражу Космоса» авторитета. К концу столетия было обнаружено более миллиона астероидов, и исследование сочли на девяносто процентов завершенным. Однако предполагалось, что оно будет продолжаться бесконечно. Всегда оставался шанс, что из неизведанных внешних пределов Солнечной системы вторгнется какой-нибудь незваный гость.

Таковым и оказалась Кали, обнаруженная в конце две тысячи двести двенадцатого года, которая пронеслась в сторону Солнца мимо орбиты Юпитера. К счастью, человечество оказалось к этому в какой-то мере подготовленным, благодаря тому, что Джордж Ледстоун, независимый сенатор от Западной Америки, почти поколение назад возглавил влиятельную финансовую комиссию.

Ему была свойственна одна странность и, как он весело признавался, один тайный порок. Он всегда носил массивные очки в роговой оправе, естественно, с простыми стеклами, поскольку они оказывали устрашающее воздействие на собеседников, мало кто из которых был знаком с подобным предметом галантереи. Тайным же его пороком, о котором все прекрасно знали, была стрельба из ружья на стандартном олимпийском стрельбище, устроенном в тоннелях давно заброшенной ракетной шахты возле горы Шайенн. Со времен разоружения планеты Земля, которое в немалой степени ускорил знаменитый лозунг «Оружие — костыли для

слабых», подобные увлечения осуждались, хотя активно и не преследовались.

Несомненно, сенатор Ледстоун был большим оригиналом, что, похоже, являлось семейной чертой. Его бабушка была полковником народного ополчения Беверли-Хиллз, многим внушавшего страх. Стычки этих подразделений с регулярными войсками Лос-Анджелеса легли в основу сюжетов бесчисленных психологических драм, начиная от старомодного балета до прямой стимуляции мозга.

Что касается деда, то тот был одним из самых знаменитых бутлегеров двадцать первого века. До того как погибнуть в перестрелке с канадской медицинской полицией при попытке тайно переправить тысячу тонн табака вверх по Ниагарскому водопаду, он стал виновником по крайней мере двадцати миллионов смертей.

Ледстоун был горячим сторонником своего деда, чья сенсационная гибель стала поводом для отмены третьей попытки ввести сухой закон. Она оказалась самой катастрофической в истории государства, когда-то называвшегося США. Сенатор считал, что взрослым людям, находящимся в здравом в уме, должно быть позволено совершать самоубийство так, как им нравится, с помощью алкоголя, кокаина или даже табака, пока от этого не страдают другие невинные граждане.

Когда сенатору Ледстоуну впервые представили предлагаемый бюджет второго этапа проекта «Страж Космоса», его привела в ярость сама мысль о том, что миллиарды долларов могут быть выброшены в космос. Да, мировая экономика чувствовала себя неплохо. После почти одновременного краха коммунизма и капитализма математикам Всемирного банка путем искусного применения теории хаоса удалось разорвать извечный цикл взлетов и падений, предотвратив — пока что! — катастрофический кризис, который предсказывали многие пессимисты. Тем не менее сенатор утверждал, что деньги с куда большей пользой можно потратить на родной планете, в частности на его любимый проект по восста-

новлению того, что осталось от Калифорнии после суперземлетрясения.

После того как Ледстоун дважды наложил вето на второй этап «Стража Космоса», все согласились с тем, что никто на Земле не сумеет заставить его изменить свое мнение, и обратились за помощью к Марсу.

Красная планета была уже не столь красной, хотя процесс ее озеленения едва успел начаться. Практически все время у колонистов, которые терпеть не могли это слово и уже гордо именовали себя марсианами, уходило на решение проблем собственного выживания. На искусство или науку сил у них почти не оставалось. Однако гении появляются повсюду, и величайший физик-теоретик столетия родился под куполами Порт-Лоуэлла.

Подобно Эйнштейну, с которым его часто сравнивали, Карлос Мендоса был великолепным музыкантом. Он обладал единственным саксофоном на Марсе и прекрасно играл на этом древнем инструменте. Свою Нобелевскую премию он мог получить на месте, как все и ожидали, но обожал сюрпризы и розыгрыши и потому появился в Стокгольме в экзоскелете, разработанном для бедняг, страдающих параличом, похожий на рыцаря в высокотехнологичных доспехах. С их помощью он мог свободно существовать в среде, которая иначе быстро убила бы его.

Неудивительно, что после завершения церемонии Карлоса завалили приглашениями на всевозможные научные и общественные мероприятия. В числе немногих им принятых было выступление перед Всемирным бюджетным комитетом, где сенатор Ледстоун подробно расспросил его о том, что он думает по поводу проекта «Страж Космоса».

«Я живу в мире, до сих пор покрытом шрамами от тысяч падений метеоритов, некоторые из которых имеют сотни километров в поперечнике,— сказал профессор Мендоса.— Когда-то подобных отметин хватало и на Земле, но ветер и дождь, которых пока нет на Марсе, хотя мы над этим работаем, давно стерли их».

Сенатор Ледстоун заявил, что руководители проекта «Страж Космоса» постоянно указывают на опасность столкновения астероида с Землей, и спросил, насколько серьезно следует относиться к их предупреждениям.

Профессор Мендоса ответил: «Очень серьезно, господин председатель. Рано или поздно это обязательно случится».

Молодой ученый произвел немалое впечатление на сенатора Ледстоуна и даже чем-то ему понравился, но все же не убедил. Однако переменить свое мнение его заставила отнюдь не логика, но простые человеческие чувства. По пути в Лондон Карлос Мендоса погиб в результате странного несчастного случая, когда отказала система управления экзоскелета. Ледстоун, тронутый до глубины души, сразу же отказался от всех своих возражений по поводу «Стража Космоса». Он одобрил постройку двух мощных орбитальных буксиров, «Голиафа» и «Титана», которые должны были нести постоянную вахту по разные стороны от Солнца. Позже, уже будучи глубоким стариком, сенатор сказал одному из своих помощников: «Говорят, скоро мы сможем извлечь мозг Мендосы из бака с жидким азотом и пообщаться с ним при помощи компьютерного интерфейса. Интересно, о чем он думал все эти годы?»

«Атлант», собранный на Фобосе, внутреннем спутнике Марса, представлял собой не более чем набор реактивных двигателей, закрепленных на цистернах, в которых содержалось сто тысяч тонн азота. Мощность его ядерного привода была намного слабее, чем у примитивной ракеты, доставившей в космос Юрия Гагарина, но он мог непрерывно работать в течение недель, а не нескольких минут. Даже при всем этом буксир был способен лишь незначительно повлиять на движение астероида, изменить его скорость на несколько сантиметров в секунду. Однако этого было вполне достаточно, чтобы отклонить Кали с ее смертоносной орбиты за те месяцы, в течение которых она продолжала падать на Землю.

Сейчас, когда топливные цистерны «Атланта» вместе с его системами управления и реактивными двигателями были надежно закреплены на поверхности Кали, казалось, будто какой-то безумец построил на астероиде нефтеперегонный завод. После многих дней работы капитан Сингх невероятно устал, но его воодушевляла сама мысль о том, что они сделали все, что от них требовалось. Все шло по плану. Остальное — задача «Атланта».

Однако у него было бы куда больше поводов для беспокойства, знай он об экстренном сообщении, мчавшемся в его сторону по узконаправленному инфракрасному лучу из штаб-квартиры Астрополa в Женеве. Достигнуть «Голиафа» оно должно было через полчаса, а тогда могло оказаться уже слишком поздно.

Примерно за тридцать минут до начала операции «Голиаф» отошел от Кали на безопасное расстояние, чтобы не попасть под реактивную струю, с помощью которой «Атланту» предстояло попытаться сдвинуть астероид с его нынешнего курса. Как выразился в свое время один журналист, будто мышь толкает слона. Однако в космическом вакууме, где инерция оставалась неизменной, а сила трения отсутствовала, даже одной мышиной силы могло хватить, если приложить ее заранее и в течение достаточно долгого времени.

Офицеры, стоявшие на мостике, не ожидали увидеть ничего впечатляющего. Раскаленная плазменная струя «Атланта» практически не создавала видимого излучения. Лишь телеметрия могла подтвердить, что двигатели начали работать и Кали больше не является неумолимой колесницей Джаггернаута, не подвластной человечеству.

Раздались негромкие радостные возгласы и короткие аплодисменты. Строчка нулей на дисплее акселерометра начала меняться. Люди, собравшиеся на мостике, ощущали скорее облегчение, нежели радость. Кали сдвинулась с места, но до окончательной победы должны были пройти дни и недели.

Внезапно цифры на дисплее вновь сменились нулями. Через несколько секунд одновременно прозвучало три сигнала тревоги. Все взгляды устремились на Кали и «Атлант». Глазам собравшихся предстало душераздирающее зрелище. Огромные топливные цистерны раскрывались, словно цветы в ускоренной съемке, выбрасывая тысячи тонн реактивной массы, которая могла спасти Землю. Над астероидом поплыли облака пара, окутывая эфемерной атмосферой его поверхность, покрытую кратерами.

Затем Кали продолжила свой путь. Она неумолимо приближалась к Земле, которой грозила гибель.

Капитан Сингх сидел в одиночестве в своей большой каюте, оборудованной по последнему слову техники, которая стала его домом так надолго, как ни одно другое место в Солнечной системе. Он все еще был ошеломлен случившимся, но прекрасно понимал, что Вселенная сильнее его.

Роберт окончательно и бесповоротно потерял всех, кого любил на Земле. Поскольку моногамная семья к тому времени пришла в упадок, он находился в близких отношениях со многими женщинами и никак не мог решить, кто должен стать матерями двух детей, разрешенных ему. Капитану постоянно приходила на ум фраза из старого американского романа, имя автора которого он забыл: «Помни, какие они были, а остальное вычеркни из памяти»*. Еще хуже Сингху становилось при мысли о том, что самому ему ничто не угрожает. «Голиаф» не подвергался никакой опасности. В его баках вполне хватало топлива, чтобы воссоединиться с выжившими остатками человечества на Луне или Марсе.

Что ж, у него было много привязанностей — и одна, самая главная, на Марсе. Видимо, именно там его ждало будущее. Роберту было всего сто два года, впереди оставались еще несколько десятилетий активной жизни. Но у некоторых членов экипажа любимые люди жили на Луне, потому ко-

* Э. Хемингуэй, «Острова в океане».

нечный пункт полета «Голиафа» следовало поставить на голосование. Устав корабля попросту не предусматривал подобной ситуации.

— Все-таки я не понимаю, почему взрывчатку не обнаружили при предстартовой проверке? — сказал главный инженер.

— Потому что фанатику из возродившихся легко удалось ее спрятать, и никто даже не думал о том, чтобы искать нечто подобное. Жаль, что Астропол не поймал его, когда он был еще на Фобосе.

— Но зачем они это сделали? Не могу поверить, что даже хрисламские безумцы способны желать уничтожения Земли.

— С их логикой не поспоришь, если принять исходные предпосылки. Бог-Аллах испытывает нас, и мы не должны вмешиваться. Если Кали пролетит мимо — прекрасно. Если нет — что ж, такова была часть некоего божественного плана. Возможно, мы настолько осквернили Землю, что пришло время начать все сначала. Вспомни старое высказывание Циолковского: «Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели». Возможно, Кали — знак того, что пора уходить.

Капитан поднял руку, призывая к тишине.

— Единственный важный вопрос сейчас — Луна или Марс? В нас нуждаются и там, и там. Мне не хотелось бы влиять на ваш выбор.— Что вряд ли было правдой, поскольку все знали, куда хотел бы полететь он сам.— Потому я хочу сперва узнать ваше мнение.

Результаты голосования оказались следующими: Марс — шесть, Луна — шесть, «не знаю» — один, капитан воздержался.

Каждая сторона пыталась перетянуть к себе единственный голос «не знаю», когда заговорил Давид:

— Есть альтернатива.

— Что ты имеешь в виду? — отрывисто спросил капитан Сингх.

— Она очевидна. Даже при том, что «Атлант» уничтожен, у нас все еще остается шанс спасти Землю. Судя по моим расчетам, у «Голиафа» достаточно топлива, чтобы отклонить Кали с орбиты, если начать немедленно. Но чем дольше мы будем ждать, тем меньше вероятность успеха.

На мгновение на мостике наступила гробовая тишина. Каждый задавал себе вопрос: «Почему я об этом не подумал?» и тут же приходил к ответу.

Давид, если уместно так выразиться, сохранял полное хладнокровие, в то время как люди, собравшиеся вокруг него, пребывали в состоянии шока. Нечеловеческая сущность имела свои преимущества. Давид не знал, что такое не только любовь, но и страх. Он продолжал бы логично рассуждать даже в преддверии неминуемой гибели.

«Возможно, это мое последнее сообщение на Землю,— подумал капитан Сингх.— Я устал быть героем, да и вообще меня еще слишком рано так называть. Многое может измениться не в лучшую сторону, что, собственно, уже и произошло».

— Говорит Роберт Сингх, капитан космического буксира «Голиаф». Прежде всего мы очень рады тому, что старейшины хрислама нашли саботажников и передали их Астрополу.

От Земли нас сейчас отделяет пятьдесят дней пути. У экипажа появилась небольшая проблема. Сразу же добавлю, что она никак не влияет на нашу новую попытку перевести Кали на безопасную орбиту. Насколько я успел заметить, пресса называет ее «Операцией "Спасение"». Название нам нравится, и мы надеемся, что станем достойными его, но все еще не можем быть полностью уверены в успехе. Давид, который высоко ценит все похвалы в свой адрес, считает, что вероятность столкновения Кали с Землей до сих пор составляет сто процентов.

Мы собирались оставить достаточное количество топлива для того, чтобы успеть покинуть Кали и уйти на более безопасную орбиту, где нас мог бы встретить наш корабль-напарник «Титан». Но этот вариант теперь отпадает. Пытаясь столкнуть Кали с орбиты, «Голиаф» проломил ее кору. Корабль не пострадал, но мы застряли. Все попытки вырваться ни к чему не привели.

Мы не слишком беспокоимся. Возможно, случившееся даже к лучшему. Теперь мы используем все оставшееся топливо для последнего толчка, может быть, той самой капли, которой нам не хватало.

Так что мы промчимся вместе с Кали мимо Земли и передадим вам привет всего через пятьдесят дней.

Этим пятидесяти дням предстояло стать самыми долгими в истории мира.

Огромный серп Луны занимал полнеба. Иззубренные горные вершины вдоль терминатора пылали в яростном сиянии лунного рассвета. Пыльные равнины, которых еще не коснулись лучи Солнца, тоже не были погружены в полную тьму. Их слегка озарял свет, отраженный от облаков и континентов Земли. Тут и там посреди когда-то мертвого пейзажа сияли огоньки, отмечавшие первые постоянные поселения, построенные человечеством вне его родной планеты. Капитан Сингх легко мог различить базу Клавиус, Порт-Армстронг, Плато-Сити. Он видел даже ожерелье едва заметных огней вдоль Транслунной железнодорожной магистрали, по которой доставлялась драгоценная вода из ледяных шахт, расположенных на Южном полюсе. До Земли оставалось всего пять часов пути.

Кали вошла в атмосферу Земли вскоре после местной полуночи, на высоте в двести километров над Гавайями. Гигантский огненный шар мгновенно озарил Тихий океан, пробудил все живое на мириадах его островов. Но мало кто из людей спал в эту ночь, за исключением тех, кто нашел забытье в наркотиках.

Над Новой Зеландией жар орбитальной огненной печи воспламенил леса, расплавил снег на горных вершинах и обрушил лавины в долины, лежащие под ними. Человечеству очень повезло! Основной тепловой удар Кали, пролетавшей мимо Земли, пришелся на Антарктиду, континент, который лучше всего мог его поглотить. Астероид не растопил километры полярных льдов, но вызвал великое таяние, изменившее очертания берегов во всем мире.

Никто из тех, кто остался в живых и слышал звук, которым сопровождался пролет Кали, не смог бы его описать. Все имеющиеся записи — не более чем слабое эхо. Конечно, остались превосходные видеосъемки, которым предстояло вызывать благоговейный трепет у будущих поколений, но с ужасающей реальностью не могло сравниться ничто.

Через две минуты после входа в атмосферу Кали вновь ушла в космос. Ее минимальное приближение к Земле составило шестьдесят километров. За эти две минуты она унесла сто тысяч жизней и причинила ущерб на один триллион долларов.

«Голиаф» защитила от огненного шара огромная масса самой Кали. Раскаленная плазма пронеслась над ним, не причинив вреда. Однако когда астероид врезался в атмосферу Земли, более чем в сто раз превышая скорость звука, колоссальные перегрузки быстро возросли до пяти, десяти, двадцати *g*, достигнув уровня, которого не могли выдержать ни машины, ни человеческая плоть.

Орбита Кали действительно радикально изменилась. Она никогда больше не пройдет мимо Земли. Когда намного более быстрый космический корабль последующих столетий в очередной раз будет возвращаться в Солнечную систему, он посетит раздавленные останки «Голиафа» и с почетом доставит домой тела тех, кто спас мир.

До следующей подобной встречи.

1947, Хэтфилд, Северный Лондон, Англия

Механики дали знак Генри Форбсу, и «Вампир» покатился по взлетной полосе. Двигатели взревели, пилот ощутил знакомый толчок в спину и потянул ручку на себя. Самолет задрал нос и поднялся в небо.

Было безоблачное июньское утро. Небо Англии над головой напоминало голубой незамутненный купол, и зеленый, словно утиное яйцо, фюзеляж «Вампира» сверкал в лучах солнца. Генри сделал несколько кругов над Лондоном. Столица внизу казалась серо-коричневой бесформенной массой, над которой сквозь тонкое марево смога поднимались столбы дыма. Прекрасное зрелище, ничего не скажешь. Он до сих пор мог различить следы крупных бомбардировок в Ист-Энде и доках, похожие на лунные кратеры.

Он вспомнил Хэтфилд, засыпанный снегом, покрытые грязью «Спитфайры», «Харрикейны» и бомбардировщики Б-24, движущиеся среди груд щебня, летчиков в комбинезонах и шелковых шарфах, запускающих двигатели, их лица, осунувшиеся от усталости.

Но все это было раньше. Теперь же самолеты напоминали пришельцев из будущего. Сверкающие реактивные машины носили имена «Вампир», «Метеор», «Канберра», «Охотник», «Молния». Тридцатилетний Генри Форбс больше не носил голубых галунов, не был командиром эскадрильи королевских ВВС, в послужном списке которого значились самые первые схватки во Франции, битва за Британию и высадка в Нормандии. Теперь он стал всего лишь летчиком-

© Перевод К. Плешкова.

испытателем компании «Де Хэвилэнд», даже не самым главным.

Все же ему не о чем было сожалеть. Он испытывал двигатель для нового М-52, способного летать со скоростью в полторы тысячи километров в час и с легкостью обставить американцев, разрабатывающих в Калифорнии свой «Икс-1».

Форбс поудобнее устроился в кресле. В одноместной кабине истребителя было так же тесно, как и прежде, в «Спитфайрах», даже несмотря на то что сегодня всю его одежду составляли лишь потрепанный спортивный костюм, надувной спасательный жилет и гвоздика в петлице. Под защитой кабины, один в пустом небе, он ощущал удивительное спокойствие. Генри пожалел, что Макс не может быть вместе с ним. Он даже не имел возможности сообщить ей о своем самочувствии, впрочем, как и всегда, к тому же все время у этой особы занимали ее собственные проекты.

Сюзан Макстон была на несколько лет младше Форбса. Когда он познакомился с ней во время войны, она была юной выпускницей Оксфорда, призванной в войска связи, и совершала довольно опасные вылазки туда, где падали «Фау-2». В сельской местности Южной Англии, покрытой шрамами, девушка искала сохранившиеся остатки систем наведения, управлявших гитлеровскими снарядами. Она говорила, что они намного более совершенны, чем те, которые имелись у союзников. После войны Сюзан отправилась в Пенемюнде, Рур и прочие районы Германии, пытаясь проникнуть в тайны нацистов.

Естественно, вся информация считалась засекреченной. Он не верил и в половину того, на что намекала ему Макс, к примеру в зловещие истории о секретных нацистских лабораториях, в которых Гитлер чуть ли не разрабатывал атомную бомбу. Шли разговоры даже о некоем способе пересылать людей по телефонным проводам, с помощью которого фюрер мог организовать новый электронный блицкриг даже из самого сердца своего рушащегося рейха!

Генри и Сюзан договорились пожениться после победы, но до этого пока так и не дошло. Как и многие женщины во время войны, Макс практически перестала интересоваться чем-либо, кроме собственной работы, что сам Форбс нормальным отнюдь не считал.

Но он не сомневался, что все у них так или иначе получится. Пока что, как многозначительно напомнили ему по радио с земли, из Хэтфилда, пора было прекращать витать в облаках и заняться делом.

Он сунул в уши пару ватных затычек, затем снова задрал нос «Вампира» и устремил самолет в бледное небо. По мере того как пилот поднимался, чарующая голубизна становилась все более насыщенной, переходила в синеву.

Когда воздух вокруг стал совсем уж разреженным, он сбросил обороты двигателя. «Вампир» описал дугу и достиг наивысшей точки своего подъема — восемнадцать тысяч метров.

Под ним, плавно изгибаясь, простиралась сама Земля, раскрашенная в зеленый, коричневый и серый цвета, а темно-синее небо над головой казалось почти черным. Из английского пригорода к границе космоса, всего за несколько минут. Просто потрясающе.

Конечно, самое трудное было еще впереди, на пути назад. Он знал, что на высоте около семи с половиной тысяч потеряет управление. Пилоту придется произнести не одну молитву, прежде чем управление восстановится в более плотных слоях атмосферы, на высоте в четыре с половиной тысячи или около того.

Все же, если дело пойдет как надо, к обеду он будет дома.

Генри наклонил вниз нос машины и начал долгое падение в атмосферу.

1957, Престон, Англия

Сюзан Макстон Форбс с интересом наблюдала, как ее муж не спеша совершает обход проектного бюро «Инглиш Электрик». Молодые специалисты по аэродинамике столпились

вокруг Генри, слушая предстартовый отсчет перед запуском последней «Голубой молнии», передававшийся сквозь треск помех по радио из Вумеры.

Жена отметила, что муж держится вполне достойно.

— Впечатляющее место,— сказал он в пятый раз.

— Видели бы вы нас сразу после войны,— заявил один из ветеранов с сединой на висках, которому было лет тридцать пять.— У нас был лишь заброшенный гараж на Корпорейшен-стрит. Но именно там появился замысел «Канберры».

— Я же сам ее испытывал. Эту модель не зря назвали самолетом, останавливающим время.

— Да,— хрипло сказал молодой парень.— Ощущения уж точно захватывающие, не сомневаюсь.

— Не совсем. Журналисты постоянно сочиняют восхитительные истории про летчиков-испытателей. На самом же деле это рутинная техническая работа.

— Генри, вы будете считать так же, когда поднимете в небо наш челнок?

— Чертовски надеюсь! Иначе мне за это не платили бы!

Послышался дружный смех. Все перешли в другую часть кабинета, и Макс воспользовалась моментом, чтобы взять мужа под руку и отвести его в сторону от хриплого парня.

— Только не говори, будто тебе не нравится подобное внимание,— шепнула она ему.

— Конечно нравится. Ты же меня знаешь. Я не столь остро чувствую себя старым дураком, когда гляжу на весь их энтузиазм.

Они обменялись взглядами, и Форбс замолчал. Именно подобные упоминания о возрасте обычно приводили к мрачным спорам насчет того, не стоит ли им завести ребенка, и если да, то когда.

Жена сжала его руку и сказала:

— Если бы люди столь же восхищались моей работой!..

— Шумихи и без того хватило, когда ты переслала тот деревянный куб,— проворчал Генри.— Казалось, будто «Дейли миррор» несколько недель ни о чем другом вообще больше не писала, даже Суэц исчез с первой полосы.

— Но ведь ничего не получилось. Куб превратился в маленькие шарики, и...

— Но даже при этом их поместили в чертов научный музей! Чего тебе еще надо? Не говоря уже про несчастного хомяка, который погиб от шока, а ты сделала из него чучело.

— Да, наверное, это было слегка жестоко,— усмехнулась Сюзан.— Но я имела в виду не фокусы для прессы. Это интеллектуальное приключение!..

Он скорчил гримасу и понюхал цветок в петлице.

— Ну да. Интеллектуальное!

— Мы решаем проблемы, которые ставили в тупик немцев, пытаемся обойти проклятый принцип неопределенности.

Она попыталась объяснить ему, как продвигаются дела в ее лаборатории, созданной компанией «Плесси» и занимающейся исследованием принципов радиотранспортировки. На самом деле предполагалось передавать не материю, а скорее информацию, в которой был закодирован, например, человек. Подобное считалось невозможным, поскольку требовалось воспроизвести положение и скорость каждой частицы человеческого существа, а это нарушило бы принцип неопределенности.

Однако существовала одна лазейка.

Это была настоящая драма, полная борьбы и неудач, гонка за первенство с американцами из «Белл Лабс». Со временем исследователи поняли, что неизвестное квантовое состояние может быть разложено в классическую информацию в чистом виде, а затем восстановлено из нее же, с использованием системы измерений, называемой корреляцией Эйнштейна — Подольского — Розена. Такую вот классическую информацию можно передать по проводам столь же легко, как телеграфное сообщение.

В этом и заключалась основная суть, хотя главная сложность крылась в ширине полосы пропускания, требованиях к частоте и объему носителей данных.

— Кончено, квантовую информацию невозможно скопировать,— сказала она.— Объект, который ты собираешь-

ся передать по радио, приходится уничтожить, что, впрочем, и к лучшему. Представь себе сотню Гитлеров, бродящих по планете, каждый из которых в равной степени претендует на то, что он и есть настоящий!

— Пожалуй, сотня Биллов Хэйли* была бы куда хуже,— проворчал он, глядя на планшеты и кульманы.

Жена поняла, что муж ее на самом деле не слушает.

К ним обратился местный начальник, дородный лысеющий молодой человек, которому очень хотелось прочитать супругам лекцию про освоение космоса:

— Челнок — это, понимаете ли, возвращаемый космический транспортный аппарат. Как нам известно, американцы придерживаются теории мусорного ящика, практически неуправляемой капсулы. Но единственный реальный способ выйти в космос — использование возвращаемых аппаратов, если только нас поддержит министерство авиации.

Макс мрачно его слушала. Что, собственно, такое космический корабль, кроме как кусок железа? Все эти эффектные проекты космических кораблей были лишь следствием международной гонки за первенство на стационарной орбите вокруг Земли, не считая предчувствия того потенциала, который несла с собой радиотранспортировка.

В настоящее время в этой области продолжались удивительные разработки, находящиеся почти на грани человеческого понимания, которыми никто всерьез не интересовался! Даже сейчас в сумочке Сюзан лежало письмо от Юджина Уингера из Принстона. Он излагал свои идеи об использовании квантовых туннельных эффектов для обхода светового барьера.

Если бы только Генри мог понять, что на самом деле они в одной и той же команде, фактически полностью зависят друг от друга! Но женщине казалось, что пропасть между ними лишь углубляется из-за их совершенно разного опыта и ее растущего авторитета.

* Один из первых американских исполнителей рок-н-ролла (1925–1981).

В далекой Вумере подходил к концу отсчет перед стартом «Голубой молнии». «Десять, девять, восемь...» У громкоговорителя вместе с супружеской парой собрался весь персонал «Инглиш Электрик».

— Подумать только! — сказал дородный начальник.— Когда «Просперо» окажется в космосе, мы сможем наблюдать следующий запуск на экранах наших телевизоров!

«Или просто сами шагнем в Австралию,— подумала Макс.— Возможно, нам все-таки стоит завести детей. Но разве желание решить наши собственные проблемы является хорошим поводом для этого? Если бы я могла ответить на столь простой вопрос так же легко, как умею разрешать парадоксы квантовой механики».

«Три, два, один...»

1967, Вумера, Южная Австралия

Форбс лежал на спине в кабине, стоящей вертикально. Он задрал ноги и слушал голоса, доносившиеся по радио из Центра управления. Один принадлежал британцу, второй, более отрывистый — австралийцу. Все шло по плану. Генри предоставил своему второму пилоту, смышленому молодому парнишке, пусть даже и йоркширцу, возможность исполнять самые разные инструкции и распоряжения, нажимать на необходимые кнопки.

Форбс мог позволить себе расслабиться. Перегрузки, которые ему предстояло выдержать во время полета «Конгрива», были намного легче тех, которые он испытывал во время воздушных боев с «Мессершмиттами». Тогда пилот закладывал на своем «Спитфайре» столь крутые повороты, что фактически терял сознание. К тому же никто не мог выдержать столько часов в состоянии постоянной готовности, сколько доводилось ему перед очередным боем с фрицами.

Генри наклонился и посмотрел в перископ. На километры вокруг тянулась красно-коричневая австралийская пустыня, полностью безжизненная, если не считать редких кустов и клочков колючей травы. Он взглянул вдоль борта

челнока, и в поле его зрения заклубились испарения жидкого кислорода.

Готовый к старту «Конгрив» напоминал три самолета «Комета», стоящих вертикально брюхо к брюху, с экипажем из двух человек в носу каждого из них. Три модуля, приводимые в движение топливом на основе водорода и кислорода, стартовали вместе, затем, на высоте в шестьдесят километров, через сто пятьдесят секунд после старта отбрасывались первые ступени, и челнок под командованием Форбса должен был выйти на орбиту. Эти самолеты можно было использовать повторно, они строились по стандартному проекту. Поэтому ученые заявляли, что в расчете на килограмм полезного груза челноки в двадцать или тридцать раз дешевле, чем переделанные ракеты, использовавшиеся американцами и русскими. Их цена оказалась настолько низкой, что неизбежность первого полета челнока вынудила американцев закрыть свою довольно тщеславную программу стартов пилотируемых баллистических капсул, включая планировавшиеся запуски «Аполлонов» на Луну.

«Эта чертова штука не должна подвести»,— мрачно подумал Форбс.

Новые космические форпосты полностью зависели от телепортационных платформ, лежавших в брюхе челнока. К примеру, на стекольном заводе Пилкингтона в Ланкашире уже собирали космический телескоп Гершеля.

Стартовый комплекс стоял на насыпи, нависавшей над высохшим озером, в полном одиночестве, не считая блестящих оболочек цистерн с жидким кислородом. Пусковая установка представляла собой простую металлическую платформу, от которой вдоль борта корабля тянулась длинная ферма.

Обстановка в Вумере была куда более спартанской, чем на мысе Канаверал, где Генри недолгое время тренировался вместе с американцами. Он оказался там во многом благодаря Атлантическому Союзу, хотя был уверен в том, что американцы в любом случае не откажутся помочь, в отличие, к

примеру, от французов, хотя Форбс знал, что подумать такое мог бы только узколобый фанатик. Он крайне обрадовался, когда правительство наконец отказалось от попыток убедить Европейское экономическое сообщество принять в свои ряды Британию. Союз с Америкой имел куда больше смысла с точки зрения общей культуры и языка, особенно теперь, когда благодаря Телепорту расстояния на Земле перестали играть какую-либо роль.

В мае тысяча девятьсот шестьдесят второго года Гарольд Макмиллан провел первый сеанс телепортации с Парижем, проделав дурацкий трюк с британским флагом. Телепорт вместе со всеми своими возможностями молниеносно распространился по всему миру. Представления о торговле и путешествиях полностью изменились.

Как и следовало ожидать, особо изобретательными оказались американцы — жуткая история с Кеннеди в Далласе, впервые вызвавшая перегрузку в сети, транспортировка раненых солдат из Вьетнама прямо домой, в объятия родителей, через несколько минут после ранения, кампания Линдона Джонсона против расовой сегрегации, когда телепортационные платформы установили в каждом школьном дворе.

Телепорт назвали чудом второй елизаветинской эпохи, поскольку Макс в «Плесси» выиграла гонку с американцами, и приоритет принадлежал Британии. Порой казалось, что невозможно открыть газету без того, чтобы не увидеть бросающиеся в глаза идиотские призывы: «Путешествуй по телефону!», «С Телепортом быстрее!»

Новым миром, лишенным расстояний, больше всего наслаждалась молодежь, хотя порой это принимало весьма своеобразные формы. По всему миру до сих пор сновали с помощью Телепорта крикливые простофили «Битлы», распевая «Все, что тебе нужно,— любовь» вживую перед двумястами миллионами зрителей.

Телепорт так или иначе затронул всех. Макс по-настоящему разбогатела, вложив средства в компании по разработ-

ке новых цифровых компьютеров, необходимых для управления расширяющейся сетью Телепорта.

Если бы она могла быть рядом, увидеть апофеоз его славы! Но, как всегда, жена оказалась слишком занята.

Однако собственную жизнь Генри Телепорт превратил в своего рода парадокс. Достроен до конца был всего один челнок. Требовалось сделать лишь несколько рейсов, чтобы доставить на орбиту приемные платформы, после чего в дело вступит Телепорт. Он будет перевозить на орбиту грузы и пассажиров значительно дешевле, чем любая ракета.

А что потом? Американцы говорили о новой международной программе полета на Луну. Форбс, несмотря на свой возраст, считался главным кандидатом на участие в ней. На Луну, черт побери! Но это означало еще лет десять интенсивных тренировок и испытаний. Конечно, Макс в очередной раз заявит, что он снова от нее сбежал, гонясь за молодостью, которую уже потерял.

Какая чепуха. После того как завершится бракоразводный процесс, все наверняка станет проще. Наконец-то закончится непонятная ревность, которую вызывал у нее Телепорт.

«Но все это будет завтра, старик,— подумал он.— А пока что нужно пережить сегодняшний день и сохранить в целости собственную шкуру».

За две секунды до старта включились шесть главных двигателей. Ярко вспыхнул белый свет, в стороны от тройного космического корабля повалили клубы дыма, смешанного с красной австралийской пылью. Далеко внизу Форбс услышал низкий глубокий рев, словно хлопнула дверь в преисподнюю.

На мгновение Генри показалось, будто он перенесся на двадцать с лишним лет назад, когда они совершали налет на стартовую площадку «Фау-2» в Хаагше-Бош. Одна ракета взлетела тогда прямо перед ним, и среди инверсионных следов истребителей к небу взмыл огненный столб.

Потом его полностью поглотила нарастающая вибрация.

1977, Океан Бурь

Форбс смотрел из кабины «Эндевора» на круглый участок Луны, от которого его отделяло не более трех метров. Низкие лучи, обычные для лунного утра, выхватывали из темноты кратеры всех размеров, от нескольких метров до булавочной головки.

Базз Олдрин, первый человек, шагнувший на Луну, стоял у подножия веревочной лестницы. С того места, откуда смотрел Форбс, фигура его казалась странно укороченной. Олдрин неуклюже, словно манекен, повернулся кругом. Его скафандр ярко белел в лучах солнца.

— Прекрасный вид,— произнес он.— Величественное одиночество.

— «Эндевор», говорит Стивенэйдж. Отлично сказано, Базз.

— Будет о чем вспомнить,— сухо бросил Олдрин и скрылся из поля зрения Генри, плавно подпрыгивая над лунной поверхностью.

Форбс прекрасно понимал своего напарника, отнесшегося к происшедшему без особого пафоса. В конце концов, имя человека, фактически сделавшего первый шаг по Луне, не имело особого значения. Трое членов их команды — британец, янки и русский — прилунились в точности в одно и то же мгновение, что стало кульминационным пунктом совместной программы.

Теперь пришла очередь Форбса. Он убедился в том, что пластиковая гвоздика надежно прикреплена к его белому скафандру, с помощью Алексея Леонова выбрался из люка и спустился по веревочной лестнице. Генри с трудом двигался в своем скафандре, надутом словно воздушный шар. В шестьдесят лет ему в любом случае было тяжело двигаться, так что лунный скафандр фактически ничего не менял.

Он быстро спускался, глядя, как вокруг него движутся тени посадочных опор «Эндевора», и вскоре его ноги коснулись поверхности. Медленно поднялась лунная пыль. Она описывала изящные маленькие дуги и оседала на скафандр.

Форбс вышел из-под посадочного модуля, с каждым шагом чувствуя, как проседает под его весом каменная крошка. Окрестности напоминали фотографический негатив. Лунная поверхность, покрытая оспинами, выглядела серо-коричневой, яркой на фоне неба, черного, словно облачной ночью на морском берегу. Горизонт казался очень близким, резко очерченным и искривленным. Луна и на самом деле была очень невелика, всего лишь маленький каменный шар, по внешней стороне которого, словно муха, полз Форбс.

— «Эндевор», говорит Стивенэйдж. Рады вас видеть, Генри. Как вы себя чувствуете?

— Чертовски странно,— сказал Форбс.

— Было бы в самом деле чертовски странно, если бы вы нам помогли, командир,— сухо заметил Леонов.

Генри повернулся и увидел, что Базз и Алексей уже приступили к выполнению главной цели экспедиции — установке телепортационного приемопередатчика. Первый экземпляр представлял собой карикатурную конструкцию, собиравшуюся из деталей, спущенных на тросах с «Эндевора». От нее требовалось лишь то, чтобы она работала. Инженеры, которые последуют за ними, доставят компоненты для других постоянно действующих установок.

Форбс прыгнул вперед и присоединился к работающим.

Земля напоминала голубой шар, намного крупнее полной Луны, висевший столь высоко в черном небе, что приходилось отклоняться назад, чтобы его увидеть. В Европе было утро. Генри отчетливо различал очертания континента под легким покровом облаков, хотя Англия была закрыта тучами. Воздух за последние годы стал намного чище, хотя, конечно, сброс с помощью Телепорта промышленных отходов на дно океанов не мог стать долгосрочным решением. В конце концов вредные газы все равно вырвались бы в атмосферу, поэтому в качестве всемирной свалки была предложена Луна.

Макс неустанно объясняла ему, что процесс квантового перехода в ядре Телепорта основывался на наличии аналогичной инертной массы на другом конце. Археологов будущего наверняка озадачат комья облученной лунной пыли, найденные в реакторах атомных электростанций, выведенных из эксплуатации.

Он не разговаривал с Сюзан уже много месяцев. Возможно, прямо сейчас она смотрела репортаж по Би-си-си о высадке на Луну с комментариями Джеймса Берка, Патрика Мура и Айзека Азимова.

Или же нет. Все ее внимание теперь было поглощено новыми разработками в области квантовой физики, в которые корпорации, связанные с Телепортом, вкладывали миллиарды. Шли разговоры о квантовых компьютерах, даже о таком двигателе для космических кораблей. Форбса подобные идеи лишь сбивали с толку и даже слегка пугали. К примеру, предполагалось, что высокая скорость действия квантовых компьютеров будет достигаться путем проведения вычислений одновременно в нескольких параллельных вселенных.

После установки приемопередатчика пришло время официоза. «Юнион Джек» и полотнище с серпом и молотом безвольно свисали в безвоздушном пространстве Луны, но Олдрин закрепил звездно-полосатый флаг с помощью проволоки, чтобы тот как бы развевался. Затем пришла очередь гравиметрического маятника, простого устройства, предоставленного лондонским научным музеем, чтобы продемонстрировать телезрителям, что астронавты на самом деле находятся на Луне, в условиях куда более низкой силы тяжести.

Все трое отдали честь, каждый по-своему, и сфотографировали друг друга.

— «Эндевор», говорит Стивенэйдж. Что ж, джентльмены, шоу окончено. Увидимся через несколько минут...

«Так скоро?» — тоскливо подумал Форбс.

Но Леонов и Олдрин уже послушно шагали к приемопередатчику Телепорта. Они исчезли с характерными голу-

быми вспышками, на их месте появились полиэтиленовые мешки с водой.

На мгновение Генри остался на Луне один. Дыхание громко отдавалось внутри шлема, и он вспомнил неприятный запах сжатого воздуха, поступавшего из баллонов, которыми им приходилось пользоваться во время высотных полетов на «Спитфайрах».

Всего через несколько минут здесь должны были появиться инженеры, с ними — целый отряд журналистов и ученых, в том числе несколько представителей упомянутого музея, собиравшихся немедленно заняться консервацией «Эндевора». Он окинул взглядом нехоженые равнины Океана Бурь и представил себе, что здесь будет твориться через несколько недель или месяцев, когда на этот плацдарм высадятся люди и начнется активное строительство.

Пятнадцатиметровый «Эндевор» гордо возвышался позади флагов. Керамический тепловой щит на его полусферическом носу сверкал кевларовым покрытием. В лунной пыли лучами расходились светящиеся полосы под зияющим соплом высокопроизводительного жидкостного реактивного двигателя фирмы «Роллс-Ройс», который, как с некоторой гордостью подумал Форбс, сработал как часы.

Однако «Эндевор» был первым и последним в своем роде. С Земли уже стартовало новое поколение автоматических беспилотных кораблей — «Вояджер», «Маринер», «Венера»,— которым предстояло доставить телепортационные платформы на Марс, Венеру и спутники Юпитера. Баззу Олдрину повезло. Первым человеком на Марсе почти наверняка окажется политик, а не пилот.

Благодаря неустанному развитию технологий, опыту и знаниям Форбса снова должно было найтись применение.

Конечно, когда Генри вернется домой, все будут считать полет на Луну вершиной его карьеры. От него будут ожидать, что он уйдет в отставку, передаст эстафету молодому поколению, выросшему вместе с Телепортом.

Но Форбс еще не был готов почивать на лаврах, что бы ни подсказывал ему календарь. Он знал, что сказала бы по этому поводу Макс. Она обязательно вспомнила бы о том, что им так и не удалось завести детей, мол, он отказывается признать собственную старость, и понесла бы прочую современную чушь. Но, судя по тому, что говорилось в его медицинской карте, коттедж в сельской местности не выглядел столь уж благоразумным вариантом.

Генри закрыл глаза, шагнул в портал приемопередатчика, собранный на скорую руку, и ощутил легкое покалывание, когда по его телу пробежали электронные сканирующие лучи.

В течение двух секунд, пока радиосигнал мчался от Луны к Земле, его, вероятно, вообще не существовало.

Неожиданно на него навалился вес, в шесть раз превосходивший тот, что был на Луне, и он пошатнулся под тяжестью скафандра. Но Форбса уже поддерживали чьи-то руки, вокруг слышался шум голосов.

Он открыл глаза. За стенами карантинного бокса виднелось низкое серое английское небо.

1987, верфь Брюнель, низкая околоземная орбита

Он проснулся, когда яркий голубой свет Земли осветил его каюту, находящуюся на медленно вращающейся космической верфи.

Форбс выплыл из спального мешка, провел пальцами по остаткам волос и приготовил себе чай. Он наполнил полиэтиленовый мешочек горячей водой и высасывал получившуюся бледно-коричневую жидкость через трубочку. Ощущение было отвратительным. Даже самая крепкая заварка не могла отбить запах пластика. Конечно, из-за низкого давления чай никогда не получался достаточно горячим.

Все же Генри медлил. У него имелись некоторые подозрения насчет того, что здешняя работа в качестве консультанта по системам управления «Дискавери» — в некотором роде

синекура, но дел вполне хватало, хотя он считал, что в семьдесят лет можно позволить себе не спешить по утрам.

Само собой, вид, открывавшийся перед ним, всегда был захватывающим зрелищем. В ярком свете полуденного Солнца, под покровом атмосферы, свободной от смога, сверкала Англия. Даже отсюда Форбс мог различить, насколько уменьшились большие города, включая Лондон. Огромные серые пятна пригородов вообще исчезли, уступив место зеленым полосам возрожденных лесов. Путешествия на поездах или автомобилях ушли в прошлое. Люди, работавшие в столице, молниеносно перемещались прямо в ее центр, появляясь из приемопередатчиков Телепорта на старых станциях метро. Окружная автострада превратилась в огромный ипподром, единственный в своем роде. Генри даже доводилось читать о людях, которые имели так называемую распределенную профессию. Их рабочие места находились в десятках столиц по всему миру, они прыгали из одной в другую с утра до вечера. Подобное нисколько не устраивало Форбса.

Конечно, все имело свою цену. Даже отсюда Генри мог видеть голубые искорки плавательных бассейнов, разбросанных среди гор и долин Шотландии, Уэльса и Нортумберленда. Население Британии рассеялось по крошечным островам в поисках иллюзорной дикой природы, но места попросту не хватало на всех. Предпринимались попытки сохранить самые красивые места. Например, в озерном краю на северо-западе Англии туристов телепортировали в огромные стеклянные обзорные кубы, откуда они могли наслаждаться видом любимых пейзажей Уордсворта, словно рыбки в аквариуме.

Некоторые издержки, связанные с Телепортом, не были видны с орбиты. Форбс вспомнил панику, разразившуюся, когда Англию охватила эпидемия бешенства после открытия первых линий связи с Францией. Случались эпидемии и посерьезнее, такие как вспышка СПИДа в начале восьмидесятых. Некоторые комментаторы утверждали, что разнообразные вирусы и бактерии получили беспрецедентные воз-

можности для дальнейшей эволюции, в частности расширение ареала вероятной инфекции. Другие говорили, что на планете, обладающей Телепортом, человек должен в ответ эволюционировать сам или погибнуть.

Конечно, затяжная истерия, направленная против Телепорта, отчасти выглядела абсурдом даже для такого закоренелого старого скептика, как он. Через год после открытия Телепорта с самой системой не случилось ни одной серьезной неприятности типа потери или повреждения человеческого существа во время передачи. Студия «XX век Фокс» поступила довольно безответственно, когда в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году сняла ремейк «Мухи», изобилующий жуткими подробностями.

Сторонники Телепорта утверждали, что он может быть использован в благих целях. С его помощью удалось прекратить холодную войну, когда появилась возможность телепортировать команды инспекторов ООН туда и обратно между ядерными пусковыми установками обеих сторон и молниеносно отправлять миротворцев в точку любого потенциального конфликта. Телепорт также предупредил множество возможных катастроф, позволил спасти американских заложников в Иране в тысяча девятьсот восемьдесят первом, предотвратить войну между Атлантическим союзом и Аргентиной за Фолкленды в восемьдесят втором, направить гуманитарную помощь жертвам голода в Эфиопии в восемьдесят четвертом. Еще немного, и людям могло показаться, будто на всей планете наступила райская жизнь.

Во всяком случае, так говорила Макс, когда он виделся с ней в последний раз. Но дело закончилось спором.

Они походили на внезапно постаревших послов двух разных цивилизаций. Ей больше нравилось рассказывать ему про свою работу с Фейнманом и Дейчем в области квантовых компьютеров, чем расспрашивать, как у него дела. Казалось странным, что два человека, жизни которых были настолько связаны с коммуникационными технологиями, оказались совершенно неспособными общаться друг с дру-

гом. Форбса не оставляла мысль о том, смог бы ребенок, который теперь был бы уже взрослым, крепче связать их между собой.

Но в каком-то смысле у Макс все же имелись дети. Порой он завидовал тому, насколько легко ей общаться с новым поколением, с ее собственными студентами, коллегами и прочими людьми.

«Теперь для молодых нет границ,— говорила она.— Им доступно все. Война для них — нечто непостижимое. Телепорт меняет их, Генри».

И так далее. Конечно, для Форбса не имело никакого значения, права она или нет, поскольку домой он вернуться больше не мог.

За прошедшие годы астронавт по глупости провел слишком много времени в невесомости и никогда не относился всерьез к физическим нагрузкам. Врачи объяснили ему, каким образом атрофировались его скелетные и сердечные мышцы. С мочой из организма Форбса вышло столько кальция, содержащегося в костях, что костный мозг исчез полностью, без какой-либо надежды на восстановление.

На Земле он был бы прикован к инвалидной коляске, стал бы помехой для всех. Куда лучше было здесь, на строительстве звездолета «Дискавери», хотя он и подозревал, что местная молодежь скорее терпит его, нежели ценит.

Он в последний раз посмотрел на залитую солнцем Британию, вспомнил, как поднимал «Спитфайр» в голубое июньское небо тысяча девятьсот сорокового года, слышал громкий стук пропеллера и ощущал запах бензина и кожи... Чертовски странно. Теперь он на орбите, даже побывал на Луне. Но ничто не могло сравниться с мгновениями его молодости, живо стоящими перед глазами.

Верфь продолжала медленно вращаться. Британия скрылась из виду, и на ее месте появились изящные очертания «Дискавери». Будущее сменяло прошлое, как ему и полагалось.

Форбс допил чай, вздохнул и приготовился к ежедневному суровому испытанию — посещению туалета в условиях невесомости. Сколь бы замечательными людьми ни были американцы, ничего нового на этот счет они придумать так и не смогли.

1997, «Дискавери», орбита Марса

К удивлению Форбса, запуск первого в истории человечества звездолета не вызывал у него почти никакого волнения по сравнению с захватывающими стартами «Эндевора» и «Конгрива», не говоря уже о летных подвигах на полях сражений. Все-таки зрелище было достаточно впечатляющим. Даже сейчас в соплах огромного ядерного двигателя «Нерва-4» циркулировал водород, охлаждая его перед тем, как попасть в сердце реактора, где он нагревался до высоких температур, выбрасывался наружу и приводил в движение гигантский корабль.

Наверняка даже во времена капитана Кука, когда тот отправлялся в плавание по Тихому океану на куда более древнем «Дискавери», ажиотажа было несколько больше. Все-таки первое путешествие к звездам!

Однако никто не вел даже предстартового отсчета. Форбс просто сидел в кресле вместе с остальным экипажем, в нескольких рядах позади командира и второго пилота — оба, кстати, были женщинами — и слушал их оживленные молодые голоса, переговаривавшиеся с наземными службами Порт-Лоуэлла.

Даже обстановка была ничем не выдающейся, похожей на внутренность небольшого самолета со складными полками для оборудования, миниатюрным камбузом, туалетами и указателями верха и низа в условиях невесомости. Лишь складчатая оранжевая поверхность Марса за иллюминаторами вносила элемент необычности. Древний ландшафт усеивали зеленые купола колоний, обеспечивавших «Дискавери» всем необходимым после его пробного межпланетного прыжка.

Первый звездолет человечества напоминал огромную стрелу. Жилой отсек, откровенно роскошный интерьер которого был спроектирован судоходной компанией «Кьюнард», находился внутри обтекаемого наконечника этой стрелы, в целях безопасности отделенного от двигателя «древком», то есть ста метрами открытой решетки, усеянной экранами, антеннами и цистернами с жидким водородом.

Обтекаемые очертания забавляли Форбса, поскольку жилой отсек во многом напоминал ему космические корабли, похожие на «Фау-2», которые с грохотом взмывали в небо в любимых субботних утренних телепередачах времен его молодости. Подобная форма стала выглядеть смешной в шестидесятые — семидесятые годы, когда обрели свои очертания на кульманах корабли типа «Эндевора», похожие на насекомых и приспособленные к полетам в безвоздушном пространстве.

Однако оказалось, что специалисты ошиблись уже не в первый раз. Межпланетное пространство вовсе не было пустым. В нем присутствовали газ и пыль, хотя и невероятно разреженные. Этих пятидесяти или шестидесяти частичек размером с бактерию на кубический километр было достаточно, чтобы основательно потрепать переднюю часть любого звездолета, достигшего сколько-нибудь существенной доли скорости света, чего собирался добиться «Дискавери». Так что корабль имел обтекаемую форму, его покрывал толстый защитный слой, а в носу даже был смонтирован довольно мощный коротковолновый генератор, отталкивающий пыль.

Существенная доля скорости света... Подобное намного превосходило возможности даже «Нервы-4» — огромного, чрезвычайно сложного американского монстра, первоначально предназначавшегося для доставки намного меньшего корабля не дальше чем до Марса — если бы не ХРП-эффект.

Как объясняла ему Макс, он был назван по именам Хайша, Рюэды и Путхоффа, физиков, совершивших решающий

прорыв в области квантовой теории вакуума. «Пустой» вакуум был вовсе не пуст, как казалось, но представлял собой бурный энергетический поток, в котором постоянно возникали и исчезали «мнимые» частицы. Это так называемое поле нулевой точки создавало электромагнитную силу, воздействовавшую на любой объект, прошедший через него. Именно она создавала эффект массы и инерции, ту самую причину, по которой приходится прикладывать столько усилий, чтобы заставить что-либо двигаться.

Крупные компании, работающие с Телепортом, невероятно богатые и обладавшие сорокалетним опытом в области квантовых эффектов, сразу же завладели полученными результатами. Итогом стал «Дискавери», практически лишенный массы благодаря подавителям инерции и потому способный разгоняться до чудовищных скоростей с помощью скромного двигателя.

Теперь, пусть и без особого ажиотажа, пилоты готовили корабль к старту.

Остальных членов экипажа, молодых, здоровых и способных, происходящее, похоже, волновало мало. Они просто по двое сидели в своих креслах.

Форбс мрачно подумал о том, что эти пары были племенными. Им предстояло вынести тридцатилетний полет к альфе Центавра в ограниченном пространстве обтекаемого корпуса «Дискавери», жить своей жизнью, спокойно учиться, поддерживать корабль в надлежащем состоянии и даже воспитывать детей. Им даже не придется страдать в суровых условиях невесомости. Манипуляции ХРП-полями могли решить и эту проблему.

Конечно, он пытался с ними разговаривать. Например, рассказал историю, случившуюся с ним в тысяча девятьсот сорок первом году, когда он сбил «Хейнкель-111» возле Сент-Эббс-Хед в Бервикшире. Кружа в небе, Генри увидел, что экипажу удалось сесть, и понял, что они собираются поджечь свой бомбардировщик, который почти не пострадал. Он решил приземлиться рядом и остановить их. Когда его

«Спитфайр» катился по полю, он наткнулся на кочку и перевернулся вверх колесами. Форбс остался цел, но висел вниз головой на ремнях, пока на помощь ему не пришел экипаж «Хейнкеля». Затем немцы увидели приближающихся добровольцев из отряда самообороны и сдались Форбсу, отдав ему свои «люгеры». Парни из отряда решили, что Генри — один из врагов, и тут же его арестовали. Лишь когда он достал из кармана британскую налоговую декларацию, ему удалось объясниться.

И так далее. Молодежь, взоры которой были устремлены к звездам, вежливо его слушала. Но для них Форбс с его историями о войне, героизме и налоговых декларациях был фигурой из каких-то невероятно далеких темных веков.

Возможно, Макс была права. Эти терпеливые, бесстрашные ребята, выросшие в мире без границ и пределов, связанном линиями Телепорта, становившемся богаче год от года, действительно во многом отличались от своих предшественников.

Сюзан даже говорила, что это новая разновидность людей.

Может быть. Даже ему самому часто казалось абсурдным, что такой старый дурак, как он, вообще смог предпринять подобное путешествие. Впрочем, стоимость лишнего груза на звездолете была ничтожно мала благодаря ХРП-эффекту. Кроме того, «Марсиан Таймс» предложила довольно приличный аванс за путевые наблюдения, которые он должен будет передавать.

Генри был уверен, что не доживет до того, чтобы увидеть свет альфы Центавра и никогда не сможет шагнуть через Телепорт назад на Землю. Но к чему сожалеть? Главным для него было сбежать с Земли. То, что на ней происходило, порой сбивало его с толку.

Форбсу, который помнил иные времена, иногда становилось не по себе от самодовольного высокомерия нынешних лет. В самом ли деле столь хороша была гегемония западного мира, ставшая возможной благодаря Телепорту? К примеру, во время войны в заливе американские морские пехотинцы использовали тайный канал Телепорта для штурма бункера Саддама, свергли его без единого выстрела, а затем, так сказать, освободили ту страну. Да, вне всякого сомнения, Саддам был чудовищем. Но Форбс помнил, что подобные заговоры пытались строить еще нацисты. Как выглядели подобные действия с точки зрения рядовых иракцев?

Однако Макс говорила, что подобные аргументы — лишь оправдания. Он снова пытался опередить будущее. Ему следовало наконец успокоиться, научиться верить молодым, а не бояться их... и так далее. Все это он перестал слушать давным-давно.

Хотя в конечном счете ему было жаль ее терять. Вряд ли Генри мог сказать, что они оставались друзьями. Бывшие супруги уж точно давно не любили друг друга, но это была просто Макс. На ее морщинистое лицо все чаще накладывались его воспоминания о симпатичной рыжеволосой девушке в военной форме.

Он решил, что становится сентиментальным старым дураком.

Форбс почувствовал легкую дрожь, передававшуюся через каркас кресла. Она оказалась едва заметной, приглушенной, но все же неизбежно напомнила ему рев двигателя «Спитфайра», грохот гигантских жидкостных ракет челнока.

Кабина будто слегка накренилась, по мере того как нарастало ускорение. Осенние краски Марса потускнели и исчезли.

Форбса охватило странное возбуждение. К черту старость. Он летел к звездам!

2007, Оксфорд, Англия

Когда есть возможность, я всегда хожу на семинары. В конце концов, с Телепортом путешествия не составляют никаких проблем даже для пожилой женщины вроде меня. Последний, на котором я была, проходил в новой университетской библиотеке имени Шоу — слышал про нее? Комната

в оксфордской Бодлеевской библиотеке с помощью дверей, снабженных Телепортом, соединена с помещениями на Луне, Марсе, Ганимеде, Тритоне.

Хотя ты и считаешь меня фанатичкой, Генри, но, вероятно, не поверишь, если я скажу, что новые идеи приходят мне в голову и по сей день! Вот некоторые из них.

Прежде всего — телепортация разумов. Тебе это может показаться пугающим, да и мне тоже, но, поверь, подобная возможность вполне реальна сейчас, когда мы постигаем суть уравнений, управляющих процессами в человеческом сознании, которое само по себе, разумеется, является квантовым феноменом. Это естественное следствие развития квантовых вычислений. Наверняка тебе известно, Генри, что твоим драгоценным «Дискавери» управляет квантовый факторизационный привод, сколь бы ужасающим это ни казалось! Поскольку вычислительные мощности обладают комбинаторными свойствами... боюсь, Генри, у меня просто нет времени тебе все объяснить, достаточно сказать, что два разума намного лучше, чем один! Точно так же — три, четыре... или миллиард. Некоторые считают, что мы находимся на грани самого драматического скачка в человеческой эволюции после появления Homo habilis.

Что еще?

Ты наверняка читал о новых нанопорталах — миниатюрных станциях Телепорта, которые могут передавать по одному атому за раз. В «Ланцете» есть статья, где описывается их применение в медицине. Пациенту можно ввести умные нанопорталы, которые смогут обнаруживать и телепортировать из организма токсины или раковые клетки. Для меня, к сожалению, уже слишком поздно.

Есть еще возможность путешествия быстрее скорости света. Что ты об этом думаешь? Она основана на явлении, называемом квантовым туннельным эффектом. Если попытаться ограничить фотон неким барьером, то благодаря квантовой неопределенности существует малая, но конечная вероятность, что он неожиданно окажется по другую сторону барьера, причем мгновенно. Я несколько десятилетий занималась теоретическими исследованиями, но практический прорыв случился лишь в девяностые годы, когда австрийской команде удалось передать довольно грубую запись Сороковой симфонии Моцарта со скоростью, превышающей световую в четыре целых семь десятых раза! А в этом году в «Белл Лабс» намерены попытаться отправить деревянный куб на расстояние в несколько километров, как во время наших первых экспериментов с Телепортом.

Генри, надеюсь, что к тому времени, когда ты доберешься до Центавра на своем громыхающем биплане времен Первой мировой, тебя не обгонит сверхсветовой «Спитфайр»!

Так что я, как и прежде, полностью поглощена работой. Поверь мне, Генри,— да, я знаю, что повторяюсь — нынешняя молодежь прекрасна. Она намного лучше, чем были мы сами, хотя порой это слегка пугает. Ты знаешь, что новый премьер-министр еще не родился, когда открылся первый канал Телепорта? Помнишь ту забавную историю с флагом? Кажется, это было лишь вчера. Хотя какой премьер-министр — губернатор, конечно. Прости старую дуру!

Говорят, что для нынешних школьников даже само понятие нации кажется чем-то абсурдным. Они не могут поверить, что всего полвека назад закончилась война. Им она кажется неким чудовищным человеческим жертвоприношением. Порой нам, старикам, становится не по себе, но против логики не пойдешь! Наша молодежь живет в процветающем чистом мире. У них нет никаких причин не радоваться жизни, пока не начнут иссякать ресурсы самой Солнечной системы, но даже тогда в нашем распоряжении будут звезды, благодаря тебе и «Дискавери».

Я знаю, что с переменами иногда тяжело смириться. Новый мир часто кажется мне весьма странным. Я порой задумываюсь о том, где окажется человечество через десять, двадцать или тридцать лет, когда Телепорт свяжет между собой даже отдельные разумы. В каком-то смысле я понимаю, дорогой, почему ты постоянно пытаешься бежать прочь, а те-

перь даже к звездам! Но бояться на самом деле нечего. Возможно, будь у тебя или у нас двоих собственный ребенок, ты смог бы понять...

Пусть тебя не расстраивают мои новости, дорогой Генри. Я вовсе не страдаю, ни физически, ни душевно. Мне многое пришлось пережить в свое время, которое было именно таким, как говорили о нем твои старые приятели-летчики. Как видишь, я до сих пор о тебе не забываю, даже спустя годы! Я сожалею лишь о том, что не увижу чудесного будущего, которое открывается впереди, и не встречу больше тебя. Да, для меня это важно.

2017, среди звезд

Он лежал в своей каюте, слышал негромкое тиканье механических часов, но не ощущал ни запаха, ни вкуса. Каждый вздох причинял ему боль, а перед глазами плавали туманные пятна. Да, Генри действительно превратился в дряхлого старика и по-настоящему устал от жизни.

Отчего-то он знал, что сегодня — именно тот день, и не видел в том ничего трагического.

«Прямо как у слонов»,— подумал Форбс.

Когда-то, еще до распада Империи, до войны, он был знаком с парнем, побывавшим в Индии. Тот рассказывал множество историй о слонах. Они знают, когда пришел их час, покидают свои стада и без лишней суеты ищут укромное место.

Возможно, это действительно было так. Наверное, люди обладали тем же самым инстинктом, что в немалой степени утешало Форбса. Все-таки он прожил долгую жизнь. Она точно так же могла оборваться в любой момент еще в сороковые, что и случилось со многими хорошими людьми.

Дыхание царапало ему горло. Досадная помеха!..

Стены вокруг исчезли.

В первое мгновение он испугался. Но какой теперь смысл бояться чего бы то ни было?

Генри висел среди звезд. Они окружали его со всех сторон, сверху, снизу, отсвечивали впереди едва заметной голубизной.

«Тебе незачем нас бояться».

Небо залил ровный синий свет, затмивший звезды.

Тесная кабина. Ручка управления в ладони. Что-то в ушах. Он поднял руку и понял, что это вата.

Господи. Он снова сидел в кабине «Вампира», в окружении зеленой, словно утиное яйцо, обшивки. В его петлицу даже была воткнута свежая гвоздика.

«Тебе незачем было бежать в неизвестность».

Нос «Вампира» наклонился. Под ним простерлась слегка изгибающаяся поверхность Земли, покрытая светящейся сеткой каналов Телепорта.

«Мы — это ты. Ты — это мы. Благодаря твоей отваге человечество будет жить вечно. Мы чтим тебя, хотим, чтобы ты к нам присоединился».

Значит, это молодежь Земли. Или кем там, черт побери, они стали?.. Эти люди вернули его домой со звезд. Чтобы совершить подобное, нужно стать кем-то вроде богов. Он вдруг подумал, что действительно немного их боится, как, собственно, и было всегда.

Но они в любом случае оставались детьми человечества.

Возможно, Макс была права. Наверное, для него действительно пришло время передать свою судьбу в руки других.

Однако Сюзан не было там, на Земле. Даже они не могли вернуть ее из могилы. По крайней мере пока.

«Добро пожаловать домой!»

Когда он приземлится, ему ничто не будет угрожать. Но спешить было некуда. Еще несколько минут никому не повредят. Может, он сумеет совершить несколько кругов над Лондоном.

Генри наклонил вниз нос машины и начал долгое падение в атмосферу.

ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»

Посвящается доктору Понсу и доктору Флейшману, нобелевским лауреатам XXI века.

Наконец-то раскрыта тайна Двойной Новой — тайна, давным-давно навязшая у нас в зубах. Мы все-таки добились своего, пусть ценой предельного истощения ресурсов, которых потребовала обработка невообразимых гекатомбов информации. Хотя «невообразимые гекатомбы» — это, пожалуй, еще слабо сказано. Ведь нами пока интерпретирована лишь малая доля от имеющегося массива данных; удалось разобраться, и то лишь частично, в радио- и оптических сообщениях, принятых от столь эффектно погибшей цивилизации.

И тем не менее главные факты — какими бы поразительными они ни казались — теперь уже неоспоримы.

Злополучные соседи эволюционировали на планете, имеющей немало сходства с нашей, вплоть до того, что удаленность от Солнца позволяла тамошней воде сохранять преимущественно жидкое состояние. Пережив длительный период варварства, эти существа обзавелись технологиями. Они прибегли к легкодоступным источникам сырья и энергии и построили машины, движимые химическими реакциями,— в точности как мы на заре своей истории нашли применение водороду, углероду, кислороду и другим элементам. Разумеется, вслед за этим появились средства передвижения по суше и морю, а также аппараты для полетов в пределах атмосферы и даже для выхода в космическое пространство.

© Перевод Г. Корчагина.

Открыв электричество, они быстренько изобрели беспроводные коммуникативные устройства, в том числе насторожившие нас поначалу рации. Хотя благодаря передаче через эфир движущихся изображений мы получили представление о внешности и поведении соседей, разобраться в их истории и причинах трагического конца нам помогли специальные символы, предназначавшиеся для записи информации.

Незадолго до своего исчезновения с лика Вселенной соседи вступили в энергетический кризис, обусловленный отчасти огромными размерами их тел, отчасти излишне бурной деятельностью. Реакции синтеза урана и водорода отсрочили на какое-то время неизбежное, но затем под давлением необходимости незадачливые транжиры принялись спешно искать более щедрые кладези. Поначалу их преследовали неудачи — например, они увлеклись низкотемпературными ядерными реакциями, которые, как выяснилось, представляют собой лишь чисто научный интерес,— но все-таки успех ждать себя не заставил. Они научились управлять квантовыми флуктуациями, то есть проникли в самые основы пространства-времени и там нашли неисчерпаемый источник энергии.

О том, что случилось позже, мы можем лишь догадываться. Вероятно, промышленная катастрофа. Или результат конфликта между соперничающими организациями — такого добра там хватало всегда. Как бы то ни было, соседи не удержали в узде абсолютную мощь Вселенной и получили катаклизм. Сначала взорвалась их планета, а затем и ее естественный спутник.

И хотя аннигиляция разумного существа всегда вызывает скорбь, невозможно испытывать острую жалость по отношению к данной ошибке природы. История наших соседей — это сплошное насилие, это вечная война как с их братьями по биологическому виду, так и с другими многочисленными обитателями планеты. И совершили бы они необходимый переход — как поступили когда-то мы — с угле-

родной основы разума на германиевую,— вопрос более чем спорный. Удивительно, что им вообще удалось додуматься до обмена информацией с помощью примитивных устройств, таких, например, как маломощные генераторы волн. Впрочем, судя по всему, накануне своей гибели они были близки к технологической революции, которая позволила бы им распрощаться с неуклюжими телами, работающими на химическом топливе, и таким образом достичь способности к самокопированию. Добейся они успеха, и наш Локальный Кластер оказался бы перед лицом серьезной угрозы.

Будем надеяться, что подобная ситуация больше не возникнет никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

Иной тигр *(Перевод К. Плешкова)* 5
Рекламная кампания *(Перевод Андрея Новикова)* 10
Гонка вооружений *(Перевод Андрея Новикова)* 15
Большая глубина *(Перевод К. Плешкова)* 24
Завтра не наступит *(Перевод В. Баканова)* 35
Охота на крупную дичь *(Перевод В. Голанта)* 40
Патентная заявка *(Перевод Андрея Новикова)* 48
Беглец *(Перевод Андрея Новикова)* 61
Звезда *(Перевод Л. Жданова)* 76
Что взлетает вверх... *(Перевод Андрея Новикова)* 83
Бросок на Луну *(Перевод Л. Жданова)* 96
Пацифист *(Перевод Андрея Новикова)* 124
Строптивая орхидея *(Перевод Андрея Новикова)* 137
Движущая сила *(Перевод В. Голанта)* 149
Дефенестрация Эрминтруды Инч *(Перевод Андрея Новикова)* 165
Абсолютная мелодия *(Перевод В. Голанта)* 172
Соседи *(Перевод Андрея Новикова)* 181
Холодная война *(Перевод Андрея Новикова)* 192
Спящий красавец *(Перевод Андрея Новикова)* 201
Из контрразведки *(Перевод Л. Жданова)* 213
Человек, который вспахал море *(Перевод Андрея Новикова)* 219
Критическая масса *(Перевод Андрея Новикова)* 240
По ту сторону неба *(Перевод Л. Жданова)* 248
Да будет свет! *(Перевод Андрея Новикова)* 272
Из солнечного чрева *(Перевод Л. Жданова)* 280

Космический Казанова *(Перевод Андрея Новикова)* 289
Песни далекой Земли *(Перевод В. Голанта)* 298
Солнечный удар *(Перевод Л. Жданова)* 335
Кто там? *(Перевод Л. Жданова)* 344
Колыбель на орбите *(Перевод Л. Жданова)* 350
Я помню Вавилон *(Перевод К. Плешкова)* 356
Неувязка со временем *(Перевод Ю. Данилова)* 371
С кометой *(Перевод Л. Жданова)* 379
Лето на Икаре *(Перевод Л. Жданова)* 391
Восход Сатурна *(Перевод К. Плешкова)* 404
Смерть и сенатор *(Перевод Л. Жданова)* 419
До Эдема *(Перевод Л. Жданова)* 442
Ненависть *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 455
Возлюбите Вселенную *(Перевод К. Плешкова)* 474
Созвездие Пса *(Перевод Л. Жданова)* 479
Второй Мальмстрем *(Перевод И. Почиталина)* 486
Плоды воспитания *(Перевод Л. Щекотовой)* 504
Сверкающие *(Перевод К. Плешкова)* 514
Тайна *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 535
По ком звонит телефон *(Перевод К. Плешкова)* 543
Солнечный ветер *(Перевод Л. Жданова)* 552
Пища богов *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 573
Последний приказ *(Перевод К. Плешкова)* 579
Луч возмездия *(Перевод Г. Дмитриева)* 582
Самый длинный фантастический рассказ за всю историю
(Перевод К. Плешкова) 590
Воспроизведение *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 591
Безжалостное небо *(Перевод И. Гуровой)* 595
Герберт Джордж Морли Роберт Уэллс, эсквайр
(Перевод К. Плешкова) 618

Крестовый поход *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 621
Нейтронная ловушка *(Перевод К. Плешкова)* 627
Воссоединение *(Перевод Б. Александрова)* 630
Прохождение Земли *(Перевод К. Плешкова)* 632
Встреча с медузой *(Перевод Л. Жданова)* 649
Карантин *(Перевод В. Гольдича и И. Оганесовой)* 700
Не-бытие *(Перевод К. Плешкова)* 701
Текстовый процессор с паровым приводом
(Перевод К. Плешкова) 702
Золото морей *(Перевод К. Плешкова)* 710
Молот Господень *(Перевод К. Плешкова)* 715
Мир Телепорта *(Перевод К. Плешкова)* 731
Последнее «прости» *(Перевод Г. Корчагина)* 758